

Jean Jaures
HISTOIRE SOCIALISTE DE LA REVOLUTION FRANCAISE
EDITIONS SOCIALES, PARIS 1972

Жан Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.: Прогресс. 1977

ТОМ I
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (1789-1791)
книга вторая

Перевод с французского под редакцией А.В.Адо
Перевод тома I, книги второй выполнен А.О.Зелениной, Д.Л.Каравкиной и Е.В.Рубининым
Редактор Н.В.Рудницкая
Постраничные ссылки и комментарии, а также дополнительные замечания написаны Альбером Собулем.
Комментарии, помеченные *, принадлежат А.В.Адо

Веб-публикация: тов. *Критик* (<http://lost-kritik.livejournal.com>) и *Vive Liberta*, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Бордо
Марсель
Нант
Лион
Городок Луаи
Париж

Глава VI. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Конфискация церковных имуществ
Аргументация Туре
Демагогия аббата Мори
Речь Мирабо
Ассигнаты
Кому это оказалось выгодным — буржуазии или крестьянству?
Законодательство о продаже
Успех продажи
Покупатели
Пример округа Луана

Пример департамента Гар
Социальные последствия
Дополнительные замечания

Глава VII. ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО ДУХОВЕНСТВА

Монашеские ордена
Белое духовенство
Епископы
Приходские священники
Результаты церковной реформы
Было ли возможно отделение церкви от государства?
Народ и религия
Разум и вера, путь к новому равновесию?

Дополнительные замечания

Глава VIII. ФЕДЕРАЦИЯ

Год 1790
Национальная федерация
Дополнительные замечания

Глава IX. ПАРТИИ И КЛАССЫ в 1791 г.

Волнения в войсках
Колониальный вопрос
Барнав и декрет от 8 марта 1790 г.
Волнения на островах 178
Декрет от 15 мая 1791 г.
Сопrotивление колонистов
Рабочий вопрос
Марат и рабочие
Марат и корпорации
Марат против благотворительных мастерских
Марат: проект рабочего кооператива
Марат и его план аграрной реформы
Проблема избирательного права
Упразднение городских ввозных пошлин
Экономическое положение в 1791 г.
Закон Ле Шапелье
Марат и закон Ле Шапелье
Конфликт между подрядчиками-плотниками и рабочими
Дополнительные замечания

Глава X. БЕГСТВО В ВАРЕНН

Религиозная агитация
Присяга
Священники-патриоты
Оппозиция неприсягнувших
Папское осуждение и его последствия

Религиозная борьба в Вандее
Волнения в Париже
Король и Революция
Планы короля
Марат и тайна короля
Мемуар Ферзена
Смерть Мирабо
Отъезд в Сен-Клу
Тайные переговоры короля
Оглавление
Финансовые проекты
Политика Национального собрания
Бегство короля
Предостережения М арата
Позиция Учредительного собрания
Арест короля
Затруднения левой
Кондорсе и республиканская идея
Республиканская агитация
Избиение на Марсовом поле
Пересмотр конституции
Пильницкая декларация
Дополнительные замечания

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Замечания

Указатель имен

Глава пятая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Я подчеркнул статьи, передававшие муниципалитетам долю непосредственного осуществления национального суверенитета, выражавшуюся во взимании государственного налога и ведении общественных работ в пределах коммуны. Эти полномочия столь обширны, что предполагают почти полную гармонию между местными органами власти и центральной властью.

Враждебные ей муниципалитеты могут, например, препятствовать взиманию налога или хотя бы задерживать его. И Революции не раз придется испытать на себе злую волю местных властей. Но в целом она сильно выиграла от того, что так смело оказала доверие и пробудила повсюду инициативу.

Коммуны, которым таким образом была предоставлена широкая свобода действий, будут помогать Революции — особенно при продаже национальных имуществ — с достойным удивлением, которое спасет революционную Францию.

Я не упомянул о том, что муниципальные органы избирались на два года и обновлялись каждый год в половинном составе, следовательно, вмешательство активных граждан в дела коммуны было весьма частым.

Между муниципалитетами и департаментскими директориями не раз возникали конфликты. Во-первых, трения неизбежны между контролерами и контролируемыми. Но — и это главное — муниципалитеты часто носили более революционный и более народный характер, чем директория. Членам административного собрания департамента не полагалось никакого вознаграждения; получали его только члены департаментской директории, функции которых были постоянными.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Я подчеркнул статьи, передававшие муниципалитетам долю непосредственного осуществления национального суверенитета, выражавшуюся во взимании государственного налога и ведении общественных работ в пределах коммуны. Эти полномочия столь обширны, что предполагают почти полную гармонию между местными органами власти и центральной властью.

Враждебные ей муниципалитеты могут, например, препятствовать взиманию налога или хотя бы задерживать его. И Революции не раз придется испытать на себе злую волю местных властей. Но в целом она сильно выиграла от того, что так смело оказала доверие и пробудила повсюду инициативу.

Коммуны, которым таким образом была предоставлена широкая свобода действий, будут помогать Революции — особенно при продаже национальных имуществ — с достойным удивлением, которое спасет революционную Францию.

Я не упомянул о том, что муниципальные органы избирались на два года и обновлялись каждый год в половинном составе, следовательно, вмешательство активных граждан в дела коммуны было весьма частым.

Между муниципалитетами и департаментскими директориями не раз возникали конфликты. Во-первых, трения неизбежны между контролерами и контролируемыми. Но — и это главное — муниципалитеты часто носили более революционный и более народный характер, чем директория. Членам административного собрания департамента не полагалось никакого вознаграждения; получали его только члены департаментской директории, функции которых были постоянными.

Между тем члены административного собрания должны были ежедневно в течение месяца находиться в главном городе департамента и жить там на свой счет; следовательно, их можно было набирать только среди богатых или по меньшей мере довольно зажиточных людей.

Наоборот, исполнение обязанностей члена муниципалитета не требовало никаких расходов, и к этому можно было привлекать людей со скромным достатком. Кроме того, голосование на муниципальных выборах было прямым, а голосование при выборах в административные собрания департамента и дистрикта — двухстепенным; следовательно, народ оказывал более непосредственное влияние на депутатов муниципалитета.

Притом эти последние оставались в зависимости от избирательных собраний, которые их избирали. Статья 24 муниципального закона гласит: „После выборов активные граждане коммуны не вправе ни оставаться организованными в собрания, ни собираться в органах коммуны, если они не будут специально созданы по распоряжению генерального совета коммуны; совет не вправе отказать в их созыве, если того потребует одна шестая часть активных граждан в коммунах с населением свыше 4 тыс. жителей либо 150 активных граждан во всех прочих коммунах“.

Итак, муниципалитет был огражден от беспорядочного и нескромного вмешательства избирателей в его деятельность, но у последних имелось законное средство обязать муниципалитет их созвать. И в важных случаях они могли осуществлять непосредственное управление делами муниципалитета. Таким образом постоянный приток сил народа обновлял дух и волю его избранных.

Из каких социальных элементов формировались административные органы департаментов, дистриктов и муниципалитетов? Точно установить это представляло бы значительный исторический интерес; да будет мне позволено обратить внимание на необходимость этих исследований¹.

В тот день, когда мы с точностью будем знать социальный состав избранных многих тысяч революционных муниципалитетов в различных городах, как в больших, так и в средних и малых, в деревнях, в торговых, промышленных и других городах, профессию этих избранных, степень их зажиточности и богатства, когда мы сможем проследить от выборов к выборам, от событий к событиям изменения в личном составе избранных, через посредство которых революционная Франция выражала свою мысль, — мы проникнем, так сказать, в самую суть истории.

Например, из бумаг Ленде² я узнал, что в Нормандии после подавления жирондистского восстания и обновления монтаньярами всех органов муниципалитеты были сформированы из „мелких буржуа“.

Следовало бы проследить в мельчайших и бесконечно сложных деталях связь между революционными событиями и социальными изменениями.

БОРДО

Мне представляется трудным дать в виде единой формулы исчерпывающую характеристику первых муниципалитетов Революции, избранных на основании закона от 14 декабря 1789 г. в первые месяцы 1790 г. Все же, в общем, можно сказать, что в них преобладала крупная буржуазия. В Бордо это были богатые негоцианты и арматоры, которые вместе с небольшим числом либеральных представителей дворянства будут управлять городом и в целом сохраняют в своих руках власть до мая 1793 г.

Жюллиан в своей пространной „Истории Бордо“³ пишет следующее: „Посмотрите на первый муниципалитет, свободно избранный в Бордо. Мэр де Фюмель — бывший главнокомандующий в Нижней Гиени... Прокурором-синдиком был адвокат Баренн, которого впоследствии заменил адвокат Жансонне⁴. Из 20 муниципальных должностных лиц и 42 генеральных советников одна треть состояла из прокуроров, правоведов, адвокатов; другие две трети — из негоциантов... Генералом национальной гвардии был избран Дюрфор де Дюра, представитель старинной бордоской знати, наследник сеньоров Бланкфора и потомок Бернара Анжуйского. Первым в муниципальную администрацию был избран Ферьер-Кольк, славившийся в Бордо своей безукорызированной честностью. Генерал-майором муниципальной армии, который должен был сместить Дюрфора на посту командующего, был Курпон, один из самых доблестных боевых офицеров Людовика XV и Людовика XVI“.

1. Плодотворная мысль, по приходится констатировать, что такое направление исследований не вызвало большого интереса. Замечание Жореса и по сей день сохраняет свою силу. Однако в качестве примера работы последнего времени укажем: R. Marx. Recherches sur la vie politique de l'Alsace pré-révolutionnaire et révolutionnaire. Strashbourg, 1966, 2-me partie, chap. IV: "Le personnel politique".

2. Речь идет о Робере Ленде (1746—1825), королевском прокуроре в финансово-податном округе Берне, депутате от департамента Эр

в Законодательном собрании, а затем в Конвенте, находившемся в миссии в Эр и в Кальвадосе во время федералистского мятежа (июль — октябрь 1793 г.).

3. Camille Julian (1859—1933). Histoire de Bordeaux, 1895.

4. Баренн (1739—1800) — адвокат, был представителем Жиронды в Законодательном собрании; после 10 августа переехал в Бордо; при Директории член Совета старейшин; Жансонне (1758—1793) — адвокат, был представителем Жиронды в Законодательном собрании и в Конвенте.

Но управлять Бордо будут главным образом негоцианты и богатые люди. Год спустя де Фюмель будет заменен десятикратным миллионером Сэжем. Главой департамента стал богатый судовладелец Луи Жомм Монтаньи.

Власть берут в свои руки Шартроны и Шапо-Руж. Как ни многочисленны адвокаты в выборных органах власти, они, по-видимому, не играют в управлении делами значительной роли, как этого можно было бы ожидать. Большая часть будущих жирондистов входит в состав местной администрации, но, быть может, за исключением Жансонне, они там не столько действуют, сколько говорят.

Многие из этих адвокатов, совершивших Революцию, пренебрегают своими обязанностями в муниципалитетах. Их честолюбие метит выше. Заботу об управлении они оставляют негоциантам „Не сменит ли в Бордо аристократия богатых аристократию дворян?“ — говорилось в одном из памфлетов.

Но между этой администрацией крупной буржуазии и общественным мнением города, по-видимому, существовало согласие. Редкие возмущения, возбуждаемые в народе мелкой буржуазией из бордоского „Национального клуба“, легко удавалось успокоить. И если бы не вмешательство посланцев Конвента в 1793 г.¹, то в администрации Бордо, вероятно, до конца осталась бы богатая и средняя буржуазия, впрочем настроенная искренне революционно.

МАРСЕЛЬ

Во второй половине 1789 г. и первой половине 1790 г. в Марселе происходила неслыханная по своей ожесточенности борьба между буржуазной олигархией старого порядка и новой революционной буржуазией, поддерживаемой народом².

Эшевены Марселя отдали город во власть эксплуататоров и монополистов. В марте цена на мясо повысилась вследствие того, что преступные махинации обеспечили своего рода монополию крупному мясоторговцу г-ну Ребюфелю. И эшевены вместе с буржуа, извлекавшими выгоды из безобразного управления делами муниципалитета, создали для защиты от народного движения буржуазную гвардию.

Народ преследовал ее своей ненавистью и встречал криками: „Долой синие мундиры!“ И сопротивлением народа руководили крупные и богатые буржуа, негоцианты, жаждавшие свободы и возмущенные грабительским режимом, тяготевшим над городом. Прево распорядился заключить смелых вожakov — Ребекки, Паскаля, Гране³ — в подземную тюрьму на острове Иф. Процесс против них велся гнусно и пристрастно, и они погибли бы, если бы не бурный протест Мирабо в Национальном собрании.

Он выступал трижды — 5 ноября, 25 ноября и 8 декабря и очень верно охарактеризовал движение в Марселе как борьбу против алчной и хищной буржуазной олигархии, борьбу, которую вели, однако, зажиточные, богатые элементы населения.

Когда Мирабо говорит: „Обманутый прево действовал лишь под давлением партии, которая считает, что народ — ничто, а богатство — все“, то можно подумывать, что в Марселе борьба происходила между богатыми и бедными.

Это было бы странным заблуждением. Мирабо просто хотел сказать, что общественные интересы приносились в жертву махинациям монополистов. И он действительно уточняет: „Скоро придет время, когда я разоблачу виновников бед, терзающих Прованс, и этот парламент, который всем известная поговорка считает одним из зол этого края, и эти алчные муниципалитеты, висколько не радеющие о счастье народа и веками занятые только тем, что множат его оковы и расточают плоды его труда“.

И он старается ясно показать, что это движение не является движением неимущих. Он говорит:

„В самом деле, не думайте, что этот процесс направлен против той части народа, которую враги свободы, презирая род человеческий, называют чернью и о которой достаточно было бы сказать, что она, быть может, нуждается в поддержке больше, чем те, у кого есть что терять. Но, господа, юстиция ополчилась против наиболее почитаемых и обремененных общественным доверием граждан Марселя“.

И действительно, на муниципальных выборах, начавшихся 28 января 1790 г., в соответствии с новым муниципальным законом, активные граждане избрали тех буржуа, которые наиболее решительно протестовали против старого муниципалитета, а именно Омера Гране, Ребекки и Паскаля, находившихся еще в заключении.

При ознакомлении со списками избранных в муниципалитет Марселя не кажется, что они являются, как это было в Бордо, представителями крупной торговой буржуазии, оптовой торговли. Это буржуа, но буржуа, проявившие себя своими энергичными действиями во время недавних волнений.

Мирабо, по-видимому, не старается поставить все эти элементы на службу Революции. Он очень скоро стал опасаться,

1. Город Бордо участвовал в федералистском мятеже летом 1793 г. 19 октября город был взят. Чистой руководили представители в миссии Тальен и Изабо.
2. Здесь опять-таки трудно установить источник, которым пользовался Жорес. Укажем: C. L o u g e. Histoire de la Révolution à

Marseille et en Provence. Marseille, 1838, 3 vol.

3. Ребекки (1744—1793) — негоциант, депутат Конвента от Буш-дю-Рон. Гране (1758—1821) — бочар, член администрации Буш-дю-Рон в 1790 г., депутат Законодательного собрания и Конвента.

что движение в Марселе зайдет чересчур далеко, и, желая помешать марсельской демократии вступить в конфликт с королевской властью, которую он хотел спасти, он избрал своим другом и орудием Лье́то¹. Храбрый, шумливый и тщеславный, терзаемый разными пороками, и особенно страстью к игре, последний растрачивал силы народа Марселя в чисто внешних волнениях.

Барбару², Ребекки, будущие республиканцы и жирондисты не замедлили отмежеваться от него, и именно они с 1791 и до 1793 г. руководили движением в Марселе. Благодаря им Марсель стал пламенным очагом республиканской и революционной буржуазии. В прославленный батальон, штурмовавший Тюильри 10 августа, большей частью вступили именно сыновья из хороших семейств. Что же касается Лье́то, то он, будучи слабым и неумным пародией на Мирабо, стал служить двору и контрреволюции.

Итак, по мере развития муниципальной жизни Марсель сначала боролся против могущественных институтов, одновременно феодальных и буржуазных, которые его угнетали и эксплуатировали, затем какое-то время растрачивал силы в подозрительных волнениях, в которые Лье́то вовлек близоруких людей, и, наконец, возвысился до славного буржуазного республиканизма, несколько театрального и суежного, но искреннего и пламенного, привлекавшего симпатии народа своим пылом и смелостью.

НАНТ

Также и в Нанте городом управляет крупная буржуазия и отважно ведет его по революционному пути³.

В ожесточенной борьбе против бретонского дворянства нантская буржуазия поднялась до такой революционности, какой весь этот край достиг лишь позднее. Подобно многим коммуна, Нант сразу, в августе 1789 г., избавился от трусливого и внушавшего подозрения муниципалитета и, не ожидая принятия закона о муниципальной организации, создал для надзора за врагами Революции постоянный комитет общественного спасения. Одно это слово звучит как волнующее предвосхищение великих революционных событий.

Доктор Гепэн, близко и хорошо знавший революционных деятелей Нанта, перечисляет членов этого комитета: „Мы там видим Белье-младшего, Бутейе-отца, самого богатого негодяя Нанта, золотых дел мастера Бридона, Кайо, Кантэна, Шансольма, Широ, Клавье, который станет участником жирондистского движения, Кутара де ла Вилль, де ла Э, Дюкло, Ле Пеллемладшего, К. Друэна, Друэна де Паркэ, Дюпуарье, Дюваля, королевского адвоката Феллоно, частного поверенного Феллоно, Форестье, Фулуа, Фурми-отца, Фрюшара, Галлона-отца, Гарро, Гедонэна, Женеуа, Жербе, Жаеннека, Ламбера, Ле Ба, Ле Кад-

ра, Ле Лассёра, де Рамсэ, Ле По, Ле Рэ, Ж. Леру, Лье́то, де Труавилля, Луврие, Моссьона, Меле, Пино, Маршана, Пассэна, Гийе, Рембо, Сабрева, Сотэна де ла Куэндьера, ставшего впоследствии министром полиции⁴, Тоше, Тюркети, Воде“.

К сожалению, доктор Гепэн не указывает общественного положения каждого из этих людей, но в заключение говорит:

„Простое знакомство с этим списком показывает нам, что движением руководила нантская буржуазная аристократия и несколько лиц, недавно возведенных в дворянское достоинство“.

И не следует думать, что эта буржуазная аристократия, по выражению доктора Гепэна, испугается вихря событий или остановится на полдороге. Никакая опасность, никакой кризис, никакое дерзание Революции не застигнут ее врасплох. Может быть, некое мистическое рвение всех этих людей, стражей рождающейся Революции, объяснялось свойствами их пылкой и замкнутой бретонской души, но главным образом оно было следствием ожесточенной борьбы между силами старого порядка и буржуазными элементами. Большинство из них — члены масонских лож, где революционная идея озаряется каким-то светом религии и где свобода и разум — предмет подлинного культа.

Стремительная и нетерпеливая мысль этих революционных крупных буржуа Бретани опережает саму Революцию. По свидетельству Гепэна, большинство этих людей и многие из тех, кто вскоре будет избран в муниципальную администрацию, были республиканцами с первых дней 1789 г.

Не знаю, какая высшая прозорливость, порожденная страстной искренностью, позволила им понять раньше, чем это поняла остальная Франция, что между Революцией и королевской властью существует непримиримое противоречие; в июне 1791 г., когда пришла неожиданная весть об отъезде короля, о его бегстве к границе, муниципальные власти Нанта тотчас же выпустили прокламацию, которая начиналась так: „Граждане! Король ушел, но истинный суверен — Нация — остается“. Замечательные слова, которые родились не по внезапному вдохновению свыше, но явились законченным выражением мысли, над которой люди размышляли в течение трех лет неопределенности и скрытых конф-

1. О Лье́то см. книгу 1, стр. 97.

2. Барбару (1767—1793) — адвокат, чрезвычайный представитель Марселя в Законодательном собрании, депутат Конвента от Буш-дю-Рон, гильотирован вместе с жирондистами.

3. Жорес опирается главным образом на труд: A. Guérin. Essais historiques sur les progrès de

la ville de Nantes. Nantes, 1832.

См. кн. 1, стр. 98.

4. Сотэн де ла Куэндьер (1764—1810) — адвокат в Нанте, играл значительную роль в 1788—1789 гг., особенно в организации похода группы молодежи из Нанта в Ренн (см. кн. 1, стр. 101). При Директории был министром полиции (с 8 термидора V г. до 25 пловиоза VI г.).

ликтов. Как будто вдруг рассеялось тягостное чувство, порождавшееся ложью и с трудом выносимое.

Революционные буржуа, управлявшие Нантом, становятся центром целой боевой организации. Вокруг них с первых же часов сформировались батальоны волонтеров, разделенные на 12 рот; среди них были рота *Свободы*, рота *Равенства*, рота *Братства*, рота *Патриотизма*, рота *Постоянства*. Мне представляется, что к новым революционным формированиям был применен масонский способ наименований.

Пышный и, несомненно, дорогой мундир, введенный в национальной гвардии Нанта, указывает на то, что батальоны были сформированы большей частью из очень состоятельных буржуа. Они носили синий мундир на красной подкладке, с алым воротником и алыми обшлагами, с белыми отворотами, с красным и белым кантом и желтыми пуговицами с изображением лилии, горнистая и номером дивизии; на шляпе белый султан с горностаем; золотые эполеты с бахромой и без бахромы.

В Нанте между этой буржуазной национальной гвардией и рабочим людом не было расхождений, как в Париже. Революционные буржуа Нанта, в своей борьбе против дворянства нуждавшиеся в помощи народа, продолжали поддерживать с ним связь. Бюджет Нанта на 1790 г. предусматривал покупку 1172 мундиров национальной гвардии за счет города, который перепродал их по низкой цене, по-видимому желая открыть неимущим доступ в национальную гвардию. Одновременно за один только 1790 г. город израсходовал 150 тыс. ливров на муниципальные мастерские и строительные работы, чтобы ни один рабочий не страдал от безработицы.

На кораблях богатых судовладельцев не раз устраивались патриотические и революционные празднества, и крупная буржуазия Нанта так сильно втянулась в движение, настолько прочно связала свою жизнь с жизнью Революции, что следовала за ней вплоть до пароксизма разнузданности и жестокости Каррье¹.

Странная вещь, свидетельствующая уж не знаю о какой необычайной экзальтации, то возвышенной, то извращенной: именно в то время, когда Каррье истреблял, топил, обливал грязью не только нантскую аристократию, но и подозреваемую им в жирондизме часть буржуазии, женщины из высшего круга, из самых богатых буржуазных семей участвовали в его сладострастных и кровавых оргиях. У доктора Гепэна был список этих женщин, который он потом уничтожил, но Гепэн утверждает, что в нем значились самые известные буржуазные фамилии.

Так революционный пыл, после того как он зажег в сердцах бретонских крупных буржуа высокий энтузиазм, в минуту решающего кризиса вылился в какое-то исступление жестокости и чудовищный садизм; и смертоносное и чувственное неистовство пришло на смену мистическому пылу первых дней.

ЛИОН

В Лионе муниципальная жизнь носила более ярко выраженный народный характер, чем это можно было бы предполагать на основании выбора депутатов в Генеральные штаты. Почти все они отличались крайней умеренностью, а один из наиболее влиятельных — Бергас² — выступал в защиту той же политики, что и Мунье. Как я уже отмечал, указы Генеральным штатам не содержали и следа требований рабочих. Но мало-помалу в пределах Лионской коммуны между умеренной буржуазией и демократической буржуазией, поддержанной народными массами, началась ожесточенная борьба.

Вначале, в июне и июле 1789 г., народ настойчиво требует отмены городских ввозных пошлин (октруа); и, поскольку консулат [муниципальный совет] противится этому, народ устремляется к заставам и разрушает их в Перраше, в предместье Вез. Из Вьенна вызывают отряды драгун, но на них нападает вооруженный народ. Весть об отмене ввозных пошлин привлекает множество крестьян, которые ввозят в город через разрушенные заставы все продукты, облагавшиеся еще накануне большими пошлинами; зерно, скот, вино, шелк ввозятся в город в огромном количестве, и все торговцы и владельцы товарных складов торопятся запастись ими.

В Гийотьере жены рабочих убеждают крестьян въезжать в город, не платя пошлины. Возникает как бы народный союз крестьян и рабочих, направленный против ввозных пошлин, одинаково ненавистных и тягостных и для тех и для других. Ролан де ла Платьер в своих многочисленных записках, в которых он в течение ряда лет возражал против взимания ввозных пошлин — „причины позорной нищеты народа“ и помехи для мануфактур, — дал этому движению своего рода лозунг. Был момент, когда казалось, что это движение победит. Но вновь вызывают войска, и консулат создает гвардию из 600 молодых буржуа из богатых семейств, которые стремятся подавить и действительно подавляют народное возмущение.

Начиная с этого момента чувствуется, что в Лионе существуют энергичные и решительные силы „консерватизма“, которые, если понадобится, дойдут до контрреволюции. Но контрудар, нанесенный 14 июля, ободрил народную партию. Была образована

1. Каррье (1756—1795) — прокурор в балляже Ориак, депутат Конвента от Кантала, находившийся в миссии в департаментах прежней Бретани, в частности в Нанте (с октября 1793 до февраля 1794 г.). См. более спокойное суждение у: Gaston Martin. Carrier

et sa mission à Nantes. Paris, 1924.

2. Бергас (1750—1832) — адвокат, депутат от третьего сословия Лионского сенешальства. См. L. De Gaillard. Nicolas Bergasse, député de Lyon à l'Assemblée constituante. Paris, 1893.

новая национальная гвардия из более революционно настроенных элементов. Она тоже на свой манер была защитницей собственности, выступая против крестьянских толп, захватывавших замки, но намерена была решительно бороться против консулата и продолжать Революцию.

Под давлением буржуа-демократов и народа минимум почасовой заработной платы, на основе которой исчислялся избирательный ценз, был установлен в размере 10 су; такой низкий ценз позволял многим рабочим и ремесленникам участвовать в выборах. Окончательно осужденный консулат исчезает, и его энергичный глава Эмбер-Коломес, пытавшийся спасти старую буржуазную олигархию от первого революционного натиска, бежит в Париж, где он будет с упорством выжидать случая отыграться¹. К концу февраля избирается новый муниципалитет. В голосовании участвовало 6 тыс. избирателей.

Хотя после выборов контрреволюционные элементы были отстранены, из этого не следовало, что их результаты были вполне ясными. В муниципалитет вошли умеренные революционеры, такие, как бывший помощник прокурора при Монетном дворе Палерн де Сави, избранный мэром, и Дююи, избранный прокурором-синдиком. Наряду с ними словно в доказательство силы традиции в Лионе были избраны бывшие эшевены Нолак, Вобере, Жакэн; были избраны также представители семейств, принадлежавших к крупной буржуазии, таких, как Дююны, Лажы, Фюльпироны, Фелиссаны, много негоциантов и оптовых торговцев, небольшое число хозяев-рабочих. Это было, так сказать, ядро нового муниципалитета, которому был так же чужд олигархический и контрреволюционный дух, как и пламенный демократизм и „патриотизм“.

Вожаки демократической и патриотической партии, хирурги Прессавэн и Карре, адвокат Франсуа Бре, врач Луи Вите, инспектор мануфактур Ролан, золотых дел мастер Перре, меховщик Вентринье, негоцианты Шалье и Арпо-Тизон были избраны только в качестве потаблей, и притом меньшим числом голосов (см. Морис Валь, вышеупомянутый труд²).

Итак, мы с самого начала наблюдаем в Лионе не только дерзость и сильную организацию консервативных элементов, которые вскоре станут контрреволюционными, но и какую-то хаотичность и несогласованность в партии Революции, которые приведут к пустой трате революционной силы в нескончаемых раздорах.

Кроме того, в действиях нового муниципалитета есть что-то искусственное и вынужденное. Под прямым давлением народных сил, находящихся в непрерывном движении, он постоянно идет дальше, чем это входит в его собственные намерения.

«Так, — пишет Морис Валь, — шелкоткачи прежде всего требовали от избираемых в муниципалитет устранения старых несправедливостей. Вспомним, что регламент 1786 г. предусматривал

оплату работы по взаимному соглашению по вольной цене и что этот порядок привел к сильному снижению заработной платы. Мемуары, представленные рабочими в январе 1789 г., имели своим результатом постановление совета от 8 августа, предписывавшее смешанной комиссии из купцов и рабочих выработать новый тариф.

Этот тариф был составлен и утвержден постановлением от 10 ноября, но еще не вступил в силу. Рабочие хотели, чтобы его наконец стали применять. Они жаловались на то, что все еще пользовались статьей регламента от 1744 г., предоставлявшей им всего лишь месячный срок для заявления своих жалоб на купцов; они требовали, наконец, чтобы мастера-хранители (*maîtres-gardes*), представлявшие их в бюро корпорации, были выборными, а не назначались путем кооптации. Все их требования были удовлетворены.

На собрании, состоявшемся в Сен-Жане, они решили, что находящиеся при исполнении своих обязанностей мастера-хранители подадут в отставку и будут заменены выборными. Муниципалитет утвердил это изменение, но поставил условием, что хозяева-купцы будут пользоваться правом на такое же представительство в общем бюро корпорации. Постановлением муниципалитета было предписано применять новый тариф, который вошел в силу с 21 января 1790 г., то есть с момента регистрации постановления об его утверждении.

Генеральный совет коммуны, заслушав доклад прокурора коммуны Дююи, подтвердил это решение и объявил, что все решения, находящиеся в противоречии с тарифом, будут рассматриваться как противозаконные и утратившие силу; он установил шестимесячный срок подачи жалоб, но последний не должен был распространяться на то время, когда рабочий работал по заказам одного и того же купца, ибо, говорил Дююи, „рабочий действительно находится в зависимости от купца и имеет основания бояться лишиться работы и, следовательно, средств к существованию, если он потребует оплаты по тарифу“.

1. Эмбер-Коломес (1729—1809) с самого начала был вождем контрреволюции в Лионе. Глава Лионской торговой палаты, первый эшевен в 1788 г., он очень быстро стал объектом ненависти народа. Эмигрировал в 1790 г.

2. Из этой группы революционеров наиболее прославился Шалье (1747—1793). Коммивояжер лионской фирмы, должностное лицо лионского муниципалитета в 1791 г., он был деятельным и преданным администратором.

В 1792 г. он был председателем лионского коммерческого суда, затем председателем трибунала Лионского дистрикта. В 1793 г. возглавлял якобинскую партию. После победы роялистского секционного движения был арестован (29 мая 1793 г.). Приговоренный к смерти и казненный 16 июля 1793 г., Шалье, после Лепелеттье и Марата, стал третьим „мучеником за дело свободы“; парижские савкулоты создали подлинный культ Шалье.

Депутация хозяев-рабочих принесла муниципалитету благодарность от имени рабочих и вручила ему сумму в 150 ливров, которую она просила его передать от их имени Национальному собранию как патриотический дар. Ей ответил мэр, выразив полное удовлетворение муниципалитета разумным поведением хозяев-рабочих, занятых производством шелка».

Газета „Курье де Лион“¹ одобрила вмешательство муниципалитета: „При заключении обычных торговых сделок следует допускать самую большую свободу, но тут, где нищета почти всегда борется с богатством, должен решать закон“.

Это событие в области экономики, несомненно, представляет большой интерес. Оно показывает, что, хотя буржуазия одна была готова пожать плоды революционного движения, установление свободы и умеренной демократии уже само по себе служило делу трудящихся; решая дела коммуны, лионская буржуазия не могла не считаться с интересами этих хозяев-рабочих, которые могли участвовать в выборах и устраивать опасные сборища. Но если вспомнить, с какой силой и с каким ожесточением вся крупная буржуазия, вся лионская „grande fabrique“ в течение столетия сопротивлялась требованиям хозяев-рабочих, если вспомнить, что еще недавно при выборах в Генеральные штаты крупные кушцы протестовали против слишком большого представительства этих хозяев-рабочих в избирательных собраниях, то становится ясно, что богатые негодяи, составлявшие значительную часть нового муниципалитета Лиона, лишь скрепя сердце уступили требованиям трудового народа.

Очевидно, у них уже зарождалось тайное недовольство Революцией. И я полагаю, что этот затянувшийся глухой конфликт между лионской крупной буржуазией и хозяевами-рабочими был одной из причин, предрасположивших Лион к контрреволюции. Крупная буржуазия испугалась и ожесточилась, а трудовой народ не был достаточно силен, чтобы взять дело Революции в свои руки.

Но лионскому муниципалитету пришлось испытать сильный нажим народа главным образом в июле 1790 г. Движение, подавленное летом 1789 г., возобновляется летом 1790 г., и на этот раз лионские демократы и рабочие требуют от избранных города отмены городских ввозных пошлин. 5 июля муниципальным органам подается совместная петиция, подписанная жителями предместья Порт-Фрок и общим собранием всех кантонов, состоявшимся в церкви Сен-Лоран. Петиция требовала немедленной отмены ввозных пошлин и их замены местным сбором; предлагалось созвать секции на общее собрание, чтобы более подробно обсудить и определить введение этого сбора, который должен был заменить ввозные пошлины.

Если бы лионская умеренная буржуазия обладала в этот момент некоторой силой сопротивления, если бы она не находилась под надзором и давлением народа, то она ответила бы, что

Национальное собрание еще не довело до конца работы, связанной с налоговой реформой, и распорядилось до введения новой системы налогообложения взимать прежние налоги. Но со времени отстранения консулата и отъезда Эмбера-Коломеса прошло всего несколько месяцев, и революционная крупная буржуазия Лиона не могла вступить на путь сопротивления, не вызвав подозрения в своей контрреволюционности.

Возобновит ли она из-за этих ввозных пошлин борьбу с народом, которую годом ранее вела муниципальная олигархия? Должностные лица муниципалитета на это не осмелились; они согласились открыть дебаты и созвали нотаблей, чтобы образовать генеральный совет коммуны и обсудить петиции. Это значило призвать наиболее демократические и революционные элементы муниципалитета, что обеспечивало победу народа. И муниципалитет оказал ему ровно такое сопротивление, чтобы он почувствовал его силу.

8 июля в четыре часа дня в генеральном совете коммуны открылись дебаты. Зал заседаний был переполнен, более чем двадцатитысячная толпа мужчин и женщин наводнила двор ратуши и площадь Терро. Прения, которые велись под столь грозным нажимом, превратились в пустую формальность. И народ даже не позволил муниципалитету замаскировать свое поражение посредством законных форм.

Едва прокурор коммуны Дюпюи попытался напомнить о законе, принятом Учредительным собранием, и указать на трудности замены городских ввозных пошлин сбором, как его речь прервали крики: „Долой Дюпюи! Долой изменника! Аристократ! Мы заплатим то, что следует для замены! Деньги внесены! Никаких ввозных пошлин! Никаких застав! Долой гагианов (врачей)! Мы больше не станем платить! Долой заставы, не то мы сожжем их! Хватит политики! Долой! Пусть ввозные пошлины отменят немедленно!“

Следует ли полагать, как это тогда говорили и письменно утверждали многие лионские революционеры, что контрреволюция подстрекала к этому возмущению, чтобы скомпрометировать новые власти, вызвать разлад между Лионом и Национальным собранием и испугать собственников? Несомненно, контрреволюционеры испытывали удовольствие, наблюдая эти волнения и затруднения, в которых оказался муниципалитет, но в Лионе к ввозным пошлинам издавна питали ненависть, и вполне естественно, что народ, видя среди нотаблей таких людей, как Ролан, давно добивавшихся отмены ввозных пошлин, решительно этого потребовал; все эти пошлины на зерно, на вино, на мясо приводили к сильному снижению заработной платы огромного числа

1. „Courrier de Lyon, ou Résumé général des Révolutions de France“, издававшаяся Ж. А. Шампанье,

выходила в Лионе, шесть раз в неделю, с 1 ноября 1789 до 19 ноября 1790 г.

рабочих, и нет ничего удивительного, что они возмутились.

Муниципалитет решил созвать секции. Последние единодушно проголосовали за отмену ввозных пошлин, и муниципалитет лишь зарегистрировал их решение.

„Было признано, — говорится в мотивировочной части постановления, — что в городе мануфактур пошлина на предметы первой необходимости — самый опасный из налогов, что лишать рабочего посредством такого налога средств к жизни — значит посягать на самую основу его существования, что урезать таким образом его питание — значит отнимать у него не только съестные продукты, но и силы; кроме того, взимание этих пагубных пошлин фактически прекращено, поскольку заставы у ворот открыты, и стараться их восстановить было бы одинаково вредно и опасно“.

Но эта победа народа была лишь временной. Национальное собрание, уведомленное о событиях в Лионе, категорическим декретом от 17 июля 1790 г. восстановило городские ввозные пошлины в Лионе.

Шелкоткачи, относившиеся к Революции с каким-то религиозным энтузиазмом, склонились перед решением „высочайшего Национального собрания“; всякое возмущение против него они сочли бы преступлением против отечества; но восстали корпорации каменщиков, шляпников, сапожников, и на улицах Лиона между пролетариями и солдатами произошли кровавые стычки. Вся буржуазия не замедлила объединиться против рабочих, над которыми она легко восторжествовала.

Заставы были восстановлены; взимание ввозных пошлин возобновилось и продолжалось до принятия Национальным собранием закона об их отмене по всей Франции¹. Но какой ценой было достигнуто это изъявление покорности, это поражение лионского пролетариата? Буржуазия, если можно так выразиться, усвоила привычку сеять панику; распространился слух, будто „мятежники“ пометили мелом двери самых богатых домов, чтобы разграбить их; революционные буржуа временно объединились с другими сословиями для организации репрессий. Что касается рабочих, то испытанное ими глухое разочарование подготовило их к восприятию контрреволюционного софизма: „Что вам дала Революция?“ Так незаметно возникают невидимые на первых порах трещины, подготовляющие великие моральные и социальные кризисы.

В этой обстановке начинающегося разброда часть революционной буржуазии отходит от движения и перестает понимать потребности борьбы. Когда в августе 1790 г. Революция была вынуждена приступить к широкой эмиссии ассигнатов, когда она взялась за создание системы, которая одна могла спасти Революцию, то почти вся лионская буржуазия протестовала. Национальному собранию было передано „Обращение города Лиона“, подписанное мэром, многими муниципальными должностными лицами, синди-

ками и руководителями торговой палаты. К нему было приложено „Мнение торговой палаты о предложении, внесенном 27 августа Рикети-старшим (бывшим графом де Мирабо)“. Торговая палата возражала против него, так как новые ассигнаты будут обеспечены не звонкой монетой, а „массой недвижимого имущества, отдаленными и разбросанными земельными участками, принудительное отчуждение которых приведет к их обесценению и нескоро осуществится“. Она утверждала, что массовый выпуск ассигнатов может лишь вызвать общее повышение цен, гибель мануфактур, эмиграцию коммерсантов, исчезновение звонкой монеты и ее замену „фиктивными деньгами, которые, распространившись среди всех классов общества, всюду породят нищету и отчаяние“.

Согласно мемуару, рабочим на фабриках Лиона, Сент-Этьенна, Сен-Шамона необходимо платить звонкой монетой. „Если хозяева пяти или шести крупных мануфактур все вместе не смогут этого выполнить, возникнет угроза опасного возмущения“. К тому же деревенские жители отказываются продавать свои продукты, если им платят ассигнатами; как же лионская „fabrique“ сможет запастись сырьем, особенно пьемонтским шелком?

Так рассуждали очень многие лионские негоцианты, большинство биржевых маклеров, наиболее известные дельцы „grande fabrique“ — Фенгерлен и Шерер, братья Фюльширон, Куражо, Жордан, отец и сын Кудерк и Пассаван, братья Бергас, Поль Сен и сын, Сен-Котар. Опыт показал, что они ошибались: их ослепляло неверие в Революцию. В действительности спрос на приобретение национального имущества был чрезвычайно велик и никакого падения ценностей не было. Таким образом, ассигнаты имели вполне прочное обеспечение. Что же касается лионских мануфактур, то система ассигнатов, когда их курс начал падать, оказалась весьма прибыльной для экспорта. Да, виною было неверие в Революцию, а также и в этот трудившийся на мануфактурах народ, который, если бы к нему проявили доверие, не создал бы трудностей для Революции. Предоставленный слабому руководству этих трусливых людей город Лион сошел бы с революционного пути еще в 1790 г. Но демократы решительно воспротивились этому, и в общем стремительном ходе Революции именно они постепенно одержали верх в Лионе; в начале 1791 г., когда муниципалитет был наполовину обновлен, мэром был избран Луи Вите, один из друзей Ролана². Бегство в Варенн, а затем события 10 августа укрепили главенство Ролана и его группы. Но, несмотря на все, Революция в Лионе, словно дупли-

1. Коммунальные ввозные пошлины были отменены законом от 19 февраля 1791 г. См. далее, стр. 212.

2. Вите (1736—1809) — врач, возглавлял центральную администра-

цию департамента Рона и Луара в 1792 г., затем был депутатом Конвента от этого департамента, ушел в отставку 15 июля 1793 г., был возвращен в вантозе III г.

стое дерево, была подточена изнутри и не могла выдержать потрясений 1793 г. Начнется война, которая положит конец работе мануфактур, начнется борьба между Горой и Жирондой, в которой последняя будет раздавлена, и растерявшаяся и покинутая революционная партия не сможет остановить в Лионе грозного движения контрреволюции. Итак, муниципальная жизнь Лиона характеризуется мнимым преобладанием революционной буржуазии, сначала умеренной, а затем демократической, но вместе с тем глубоким процессом разъединения, вызываемым глухим конфликтом между классами, нуждой рабочих и страхами правящей буржуазии.

ГОРОДОК ЛУАН

Если в больших городах, торговых или промышленных, таких, как Нант, Марсель, Бордо, Лион, управляла главным образом крупная буржуазия, то в городах поменьше в административные органы департаментов, дистриктов и в муниципалитеты входила средняя буржуазия — торговцы, юристы, дельцы.

Возьмем, например, городок Луан в крае Брес (Шалоннэ); его историю изложил Гийемо в своих трудах, основанных на документах¹. В голосовании там приняли участие 113 избирателей. Они избрали своим мэром адвоката Антуана Витта, а членами муниципалитета — нотариуса Андре Виоле, купца Луи Шоме, судебного пристава Клода Жоля, купца Андре Филиппа и буржуа Элизе Легра. Было избрано двенадцать нотаблей: землемер Жозеф Форэ, Жувансо-старший, судебный пристав Бернар, Грюар-младший, купец Франсуа Руа, аббат Удо, землемер Антуан Жобер, мастер-столяр Венсан Лашиз, буржуа Клод Жозеф Арну, торговец железным товаром Клод Мобэ, дворянин Клод Витт, Жан Батист Одэн.

К сожалению, Гийемо не привел списка лиц, избранных в муниципалитеты деревенских коммун в округе Луана. Он ограничился заявлением, что избиратели, как правило, выбирали людей, преданных конституции, и отметил, что во многих местах мэрами были избраны приходские священники, выступавшие вместе с третьим сословием: кюре Габе в Доммартэн-ле-Кюизо, кюре Эми в Бриенне, кюре Делор в Бантанже, кюре Мишель в Савиньи-сюр-Сей, кюре Куйеро в Буансе и кюре Уле в Брюайе. Но Гийемо дает нам список выборщиков, которые должны были избрать должностных лиц в административные органы дистрикта и департамента, и по этому списку мы легко можем представить себе социальное положение людей, руководивших политическим движением в деревне в этот первый период Революции. Луанский кантон избирает: Ларманьяка, адвоката из Луана; Жоли, прокурора из Луана; Кулона, буржуа из Луана, и Герре де Гранно.

Кантон Пьер избирает: Корделье, врача из Фретранса; Гота и Люйе, буржуа из Сан-Бонне-ан-Бреса; Сасье, фермера из Террана; Лоримэ, фермера из Лэ-сюр-ле-Ду; Лоллио, фермера из Варенн-ле-Дюка; прокурора Арвана и землемера Шанита из Пьера; хирурга Франу и буржуа Гиено из Фронтенара.

Бельвеврский кантон избирает: землемера Массэпа и пахаря (то есть владельца земель, занятых под зерновые) Брюне из Шапель-Сен-Совёра; пахаря Борнеля из Тарпа; Шаффэна, пахаря из Шапель-Сен-Совёра, пахаря Мартэна и кюре Жирарде из Мутье-ан-Бреса.

Мерванский кантон избирает: фермера Буассона из Дампьера-ан-Бреса; Дебуа, буржуа из Мервана; Клера, буржуа из Серле; Нуарто, нотариуса из Мервана; Трюшо, мэра Мервана.

Санский кантон избирает: Мёнара, мэра Франжи-ан-Бреса; Гийемира, буржуа из Коммерана; Шевро, мэра Тартра; Боннэна, нотариуса из Сен-Жермен-дю-Буа; Шанюссо, мэра Божана; Брюшона, нотариуса и мэра Санс-сюр-Сей; Роблена, архитектора из Санса; Гра, торговца из Сен-Жермен-дю-Буа; Коллеро, мэра Монтаньи близ Луана; Гийемо, мэра Венселя; Петие, мельника из Ромена; торговцев Югонне и Мартена из Сент-Юзюжа.

Борперский кантон избирает: Даливуа, адвоката из Борпер-ан-Бреса; Туйе, торговца из Сайнара; Гийемена-младшего, прокурора коммуны Савиньи-ан-Ревермон; Гийемена-старшего, судебного пристава из того же местечка; Куйеро, торговца из Ратта; Никола, торговца из Фэ; Ганя, торговца из Сайнара; Вивана, торговца из Фэ.

Симарский кантон избирает: Ребийара, буржуа из Симара; Петю, буржуа из того же Симара; Бидо, мэра Монре; Бера, буржуа из Жюйфа.

Кантон Сажы избирает: Дюпюже из Шардену; Пажана, мэра Сажи; Гито, врача и мэра Сент-Круа; Журдана, торговца из Фласе-ан-Бреса; Прюдана, торговца из Сажи; Уля, кюре и мэра Брюая; Моро, мэра Сен-Мартен-дю-Мона.

Бранжский кантон избирает: Лассю, приходского священника из Сорне; Блонда, мэра Шаторено; Байи, торговца из Сорне; Барбеле, торговца из Бранжа; Руа, пахаря из Шаторено; Нэма, дворянина, мэра Кюизо; Пюви де Шаванна, адвоката из Кюизо; Муана, каноника-кантора из Кюизо; Громье, адвоката из Кюизо; Коста, священника-каноника из Кюизо; де ла Майандери, бывшего пехотного офицера из Кюизо; Габе, кюре и мэра Доммартена-ле-Кюизо; Треффора, пахаря из Жуда; Гуа, пахаря из того же места; Боржа-старшего, пахаря из Шампанья; Ломба, пахаря из Варенн-Сен-Совёра; Гийе, кюре из Миуара.

1. L. Guillemaut. Histoire de la Révolution dans le Louhannais... Louhans, 1899—1903, 2 vol.

Монпонский кантон избирает: Руже, мэра Монтон-ан-Бреса; Клерка, мэра Ла-Шапель-Текля; Мати, мэра Менетрея; Делора, кюре и мэра Бантанжа; Пайара, кюре из Ла Женета; Мёнье-младшего, мэра Жувансона; Муассонье, писца из Монпона.

И наконец, кантон Савиньи-сюр-Сей избирает: Антуане, мэра Сен-Венса-ан-Бреса; Бурижуа, мэра Юйи; Канà, адвоката из Сен-Венса; Петижана, мэра Луази; Пернэна, пахаря из Ла Фрета; Берже, муниципального чиновника из Савиньи-сюр-Сей.

Образованное таким образом собрание выборщиков дистрикта избрало в мае 1790 г. следующих лиц в администрацию дистрикта: Франсуа Массэна, землемера из Ла-Шапель-Сен-Совёра; Пьера Маргерит Герре, бывшего субделегата Бургундского интендантства; Гиго, доктора медицины из Сент-Круа; Клода Антуане, буржуа из Сен-Венса; Пьера Руже, королевского нотариуса из Монпона; Жана Нуарто, королевского нотариуса из Мервана; де ла Майандери, бывшего пехотного офицера из Кюизо; Антуана Боннэна, королевского нотариуса из Сен-Жермен-дю-Буа; Дени Роблена, архитектора из Сенса; Себастьяна Гийемена, буржуа из Гоммеранса; Жозефа Буассона, буржуа из Дампьера.

Да простят мне читатели это длинное перечисление! Нужно попытаться уяснить себе на нескольких конкретных примерах, каков был личный состав административных органов Революции; после крупных промышленных городов, таких, как Лион, Нант, Марсель, Бордо, превосходным примером небольшого городка в сельскохозяйственном районе является Луан.

Отметим, что в числе 96 выборщиков Луанского дистрикта, где имелось много деревенских общин, было только 16 пахарей (то есть владельцев земель, отводимых под зерновую запашку) или фермеров. Остальные были различными представителями сельской буржуазии, юристами, дельцами, адвокатами, судебными приставами, разными специалистами, землемерами, нотариусами, торговцами, врачами, „буржуа“, то есть рантье в небольшом городке, отставными офицерами. Когда же дело касается не выборщиков, а самих администраторов дистрикта, то среди них уже не было ни одного крестьянина-собственника, ни одного земледельца, а лишь представители верхушки сельской буржуазии.

Я хорошо знаю, что уже в администрации дистриктов, а также и среди выборщиков преобладали представители высших слоев; чисто крестьянский элемент занимал, разумеется, большее место в муниципальных советах, но все же административные и политические кадры Революции в деревне формировались из представителей буржуазии. Именно представители этих социальных категорий, достигших таким образом административной власти, и станут главным образом покупателями национальных имуществ.

Видя богатую крупную буржуазию во главе Революции в больших городах и среднюю и мелкую буржуазию в деревне, отнюдь

не следует думать, что революционный административный персонал будет вдохновляться духом олигархии или золотой середины. Нельзя забывать, что речь идет о революционном периоде и что крупная городская буржуазия и средняя сельская буржуазия должны опираться в своей борьбе со старым порядком на рабочих и крестьян.

И действительно, административный персонал первых дней Революции находится на высоте всех событий, всех дерзаний вплоть до 31 мая 1793 г., до бурного разрыва между Жирондой и Горой. Ни бегство в Варенн, ни 10 августа, ни даже казнь Людовика XVI не вызвали кризиса в администрации; за исключением нескольких департаментских директорий, где утвердился дух модерантизма, все законно установленные власти идут в ногу с Революцией. Сравнивая личный состав муниципалитетов разных городов в 1790, 1791 и 1792 гг. и в первые месяцы 1793 г., я обнаруживаю лишь неизбежные перемены, вызванные течением жизни; нигде не вижу я внезапной замены всего состава административного органа; почти везде наблюдается явная тенденция к стабильности.

Во „Всеобщей истории“ Лависса и Рамбо ошибочно сказано: „Мэр избирался на два года, но по их истечении не мог быть сразу переизбран на новый срок“. Напротив, в статье 43 муниципального закона от 14 декабря 1789 г. сказано: „Мэр будет исполнять свои обязанности в течение двух лет и может быть переизбран еще на два года, но затем вновь избрать его разрешается только после двухлетнего перерыва“. И действительно, во многих коммунах мэры оставались на своих местах с 1790 и до 1793 г.

Этого не случилось в Лионе, где демократическая партия одержала верх над умеренной партией. Но в Нанте избиратели отказались от переизбрания мэра Кервегана только ввиду его формального отказа¹. Дорво был избран прокурором коммуны в 1791 г. и переизбран в 1792 г. Бако², мэр Нанта в 1792 г. и в 1793 г. до 31 мая, был политическим единомышленником Кервегана, а в списке муниципальных советников и нотаблей 1791 и 1792 гг. значились многие имена, фигурировавшие в нем с первых дней, — Клавье, Шансолм, Кантэн и др.

Мэр Марселя Этьенн Мартэн, прозванный Справедливым, избранный в 1790 г., несомненно, был бы переизбран в конце

1. Кервеган (1735—1817) — неогциант, мэр и полковник буржуазной гвардии; сложил с себя обязанности мэра в ноябре 1791 г.; во времена террора находился в заключении как подозрительный; снова возглавил руководство муниципальными делами в 1797 г.

2. Бако де ла Шанпель (1751—1800) — королевский прокурор при гражданском и уголовном суде (présidial), депутат третьего сословия от Нантского сенешальства, мэр Нанта по окончании заседаний Учредительного собрания, был смещен после 31 мая 1793 г.

1791 г., если бы именно благодаря своей популярности он не был избран в Законодательное собрание. В Бордо влиятельный судовладелец миллионер Сэж оставался мэром с 1790 г. и по 31 мая 1793 г. В Луане первый мэр Антуан Витт был отстранен в результате чисто личного соперничества, но сменивший его Лоран Арну, кавалер ордена святого Людовика и в прошлом капитан артиллерии, избирался на два срока подряд.

Первые административные деятели Революции не были, следовательно, робкими и серенькими людьми, которых вскоре понадобилось заменить; революционная сила, вынесшая их на поверхность в 1789 и 1790 гг., сможет удерживать их до 31 мая 1793 г.; только тогда были сокрушены и заменены первые административные кадры Революции.

Повторяю это для тех, кто действительно хочет постичь сущность исторической правды. Чрезвычайно интересно было бы подробно проследить в каждой коммуне за изменениями, происходившими в составе руководства, и надо надеяться, что исследователи возьмут на себя этот труд.

ПАРИЖ

В Париже муниципальный порядок был окончательно определен лишь 21 мая 1790 г.¹ Закон подтвердил для Парижа общие принципы, примененные ко всей Франции. Он заменил 60 округов (дистриктов) 48 секциями, и в каждой из этих секций состоялись выборы. Можно было полагать, что после октябрьских дней, когда народ сыграл столь решающую роль, а муниципальная администрация оказалась столь неуверенной и вялой, более сильное демократическое течение наложит свою печать на новые муниципальные выборы. Можно было также ожидать, что закон о марке серебра и высокомерие национальных гвардейцев вызовут среди активных граждан движение, направленное против парижской буржуазной олигархии. Ничего подобного не произошло.

Кондорсе представил собранию, заседавшему в Ратуше, мемуар, в котором он решительно возражал против избирательного ценза для депутатов или по крайней мере против его чрезмерного повышения. Он говорил, что закон о марке серебра особенно тяжел для Парижа, где доля прямых налогов незначительна по сравнению с косвенными и где, следовательно, труднее попасть в число лиц, уплачивающих марку серебра прямых налогов. Но собрание оставило без внимания этот протест².

Марат дважды или трижды призывал бедняков заявить свои требования; потребовать предоставления им избирательного права и явиться вопреки закону на избирательные собрания, чтобы принять участие в голосовании³. Но его еще не слушали, и его призывы не находили отклика. С известным отчаянием ему при-

лось убедиться в том, что большинство членов старого муниципалитета оказались переизбранными, в частности мэр Байи, на которого он так ожесточенно нападал, и Вовилье де ла Мориньер, которого он ненавидел.

Вообще число голосовавших было очень незначительным: в выборах участвовала едва четвертая или пятая часть активных граждан. Через столько лет нам трудно объяснить, почему в Париже такое огромное число избирателей уклонилось от голосования; это удивляло современников, и они не смогли объяснить нам причину такого явления. Может быть, добрых парижских буржуа и лавочников, занятых к тому же своими делами, заставляла уклоняться от участия в выборах длительная процедура голосования, утомительные и многочисленные обязанности, какие Революция налагала на буржуазию.

После муниципальных выборов, когда в октябре 1790 г. первичные собрания были созваны для избрания выборщиков, собрание которых должно было избрать департаментскую администрацию, судей, приходских священников, число голосовавших было ничтожным. Из 78 тыс. активных граждан, числившихся

1. Королевским регламентом от 13 апреля 1789 г. город Париж был разделен для выборов в Генеральные штаты на 60 округов (дистриктов). Закон от 21 мая 1790 г. применил к Парижу порядок, установленный законом от 14 декабря 1789 г. о муниципалитетах; Париж был разделен на 48 секций. См.: G. Garrigues. Les Districts parisiens pendant la Révolution française. Paris, 1932; E. Mellié. Les Sections de Paris pendant la Révolution française (21 mai 1790 — 19 vendémiaire an IV). Organisation. Fonctionnement. Paris, 1898. О составе муниципалитета см.: P. Robiquet. Le Personnel municipal de Paris pendant la Révolution. Période constitutionnelle. Paris, 1890.

2. Кондорсе, представлявший в Коммуне округ аббатства Сен-Жермен-де-Пре, был председателем планового комитета муниципалитета. Его мемуар об избирательном цензе, представленный 12 декабря 1789 г., был 19 декабря одобрен комитетом. 29 декабря Кондорсе было поручено составить проект обращения к Национальному собранию по вопросу

об избирательном цензе в размере марки серебра. Одобрено Собранием представителей Коммун, это обращение 28 января 1790 г. было отложено. См.: S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris..., III, p. 592—594, 603. См. также письмо Кондорсе Национальному собранию от февраля 1790 г. об отмене декрета о марке серебра (Ibid., t. VII, p. 584). В конце концов "Adresse sur les conditions d'éligibilité et contre le décret du marc d'argent" было представлено Национальному собранию 19 апреля 1790 г. (Ibid., t. V, p. 64).

3. "Представительство, ставшее пропорциональным уплате прямых налогов, отдает государство в руки богатых; и участь бедняков, как и прежде угнетенных, как и прежде поработенных и как и прежде подавляемых, никогда нельзя будет улучшить мирными средствами" ("L'Ami du peuple", 18 novembre 1789). "Где отечество тех, у кого нет никакой собственности, кто не может притязать ни на какое занятие, кто не извлекает никакой выгоды из общественного договора?" (Ibid., 24 novembre 1789).

в 48 секциях Парижа, по данным М. Шаравэ¹, в голосовании участвовало в среднем едва 2 тыс. избирателей (одна тридцатая часть); процент лиц, принявших участие в выборах, был выше в кантонах (Нантер, Пасси, Коломб, Сен-Дени и др.): число голосовавших превысило 2 тыс. при 15 тыс. числившихся избирателей, но и здесь в голосовании участвовала незначительная часть избирателей (немногим больше одной шестой).

Из этого отнюдь не следует делать вывод, что в Париже общественное мнение проявляло равнодушие. Выборщики 1789 г., те, кого первичные собрания избрали для выборов депутатов в Генеральные штаты, утомили общественное мнение своими шумными требованиями и столкновениями с Байи. Кроме того, за год могло выдвинуться немало новых людей.

Итак, состав выборщиков 1789 г. был почти полностью обновлен, и в октябре 1790 г. первичные собрания остановили свой выбор на членах Генерального совета Коммуны (муниципальные должностные лица и нотабли), на мировых судьях, командирах и офицерах национальной гвардии, членах Общества друзей Конституции (якобинцах). Это собрание выборщиков в числе 781 человека было в тот момент в Париже истинным выразителем политической силы.

В нем была представлена вся парижская революционная буржуазия с ее учеными, легистами, промышленниками, лавочниками, с ее известными агитаторами вроде Дантона. Это широкое классовое движение, а не узкое движение лавочников, это мощный сплав интересов, страстей и идей. Около половины выборщиков (353 из 781) составляли торговцы и негоцианты.

Любопытно распределение их по профессиям; это как бы перечень отраслей парижской торговли, который порадовал бы Бальзака.

Шаравэ указывает, что среди торговцев и негоциантов имелись: 2 биржевых маклера, 13 аптекарей, 2 трактирщика, 3 банкира, 6 подрядчиков строительного дела, один золотобит, 3 белильщика, 3 лесоторговца, 4 трикотажника, 5 торговцев мясом, 2 булочника, 3 пивовара, один мостильщик, один свечной мастер, 3 шляпных мастера, один колбасник, 2 плотника, 2 медника, 2 парикмахера, один сапожник, 3 кожевника, один торговец одеялами, один кровельщик, один декоратор, 2 позолотчика, 13 суконщиков, один краснодеревец, 38 бакалейщиков, 2 фабриканта тканей, один фабрикант вееров, 2 владельца фаянсовых мануфактур, один торговец мукой, 3 торговца железным товаром, 6 фермеров, один торговец футлярами, один басонщик, один торговец семенами, 4 часовщика, 7 типографов, один садовник, 13 ювелиров, один сундучный мастер, 11 книготорговцев, 4 торговца лимонадом, один торговец бельем, 6 каменщиков, 5 столяров, 25 галантерейщиков, один торговец мебелью, один мельник, 3 зеркальных мастера, 1 торговец модным товаром, 66 негоциан-

тов, один владелец писчебумажного магазина, 2 парфюмера, один кондитер, 6 подрядчиков малярных работ, один меховщик, один торговец пером, 5 торговцев скобяным товаром, один подрядчик по перевозкам, один торговец селитрой, 2 седельных мастера, 2 слесаря, 7 торговцев шелком, 3 портных, 6 обойщиков, один волочищник золотой нити, 11 вино торговцев.

Здесь представлена вся парижская промышленная и торговая буржуазия, производители и лавочники, во всем необычайном разнообразии составляющих ее элементов.

Паряду с этими представителями производства и торговли среди выборщиков было много юристов и дельцов: 145 адвокатов, 29 нотариусов, 15 служащих судебного ведомства, 12 комиссаров при суде в Шатле, 14 прокуроров при суде в Шатле, 11 судебных приставов-оценщиков и 15 прокуроров парламента. Кроме того, среди них насчитывалось 27 врачей и хирургов, 21 духовное лицо, 10 архитекторов, 14 ученых и профессоров, 13 аптекарей, 4 публициста, 2 актера, 4 учителя.

Среди этих ученых и профессоров были такие знаменитости, как де Жюссё и де Ласепед*.

Когда читаешь этот длинный список торговцев, промышленников, нотариусов, украшенный несколькими блестящими именами людей науки, то уже как будто предвидишь правление Луи Филиппа, когда обладавшая избирательным цензом буржуазия прикрывалась престижем нескольких громких имен. Но между буржуазией 1790 г. и буржуазией 1840 г. расстояние огромное. Первой предстоит еще совершить и отстоять свою Революцию, и в движении, возвышавшем ее, она охотно отождествляет свое дело с делом всего человечества; она требует от своих философов и легистов благородных формул и не пугается громовых речей Дантона.

В 1789 и 1790 гг. муниципальная жизнь Парижа характеризуется постоянным вмешательством городских округов, вскоре преобразованных в секции. Сами колебания и проволочки Учредительного собрания, установившего муниципальную организацию Парижа только в мае 1790 г., придали избранным собраниям чисто временный характер, что соответственно усилило непосредственное участие народа: округа казались единственной действительно законной и прочной властью. Таким образом, решительное

1. "Assemblée électorale de Paris, 18 novembre 1790 — 15 juin 1791. Procès-verbaux de l'élection des Juges, des administrateurs, du procureur-syndic, de l'évêque, des curés, du président du tribunal criminel et de l'accusateur public", publiés ... E. Charavay. Paris. 1890.

* Жюссё, Антуан Лоран (1748—1836) — известный французский ботаник, член Парижской Академии наук.
Ласепед, Бернар Жермен Этьен (1756—1825) — известный французский зоолог, член Парижской Академии наук. — Прим. ред.

и властное взаимодействие секций и законно избранной Коммуны 10 августа и 31 мая готовилось еще в спокойные дни 1790 г.

Любопытно, что мэр Парижа, Байи, постоянно споривший с собраниями, заседавшими в Ратуше, часто апеллировал к округам и опирался на них. Впрочем, они оказывали ему сильную поддержку, и это ясно показывает, что в 1790 г. даже в округах или секциях преобладали умеренные революционеры. Но именно там уже начала проявляться активность народа, и с 1790 г. Учредительному собранию стала внушать тревогу столь обширная и деятельная Коммуна, охватывавшая своими разветвлениями весь Париж.

В мае, когда Собрание обсуждало положение о муниципальном устройстве Парижа, эту тревогу выразил докладчик Демёнье: „Поддерживать активность секций означало бы свести на нет ответственность муниципальных должностных лиц. Чересчур широкое обсуждение вопросов народом всегда дает и будет давать врагам общественного блага возможность сеять раздоры“. Но это уже вошло в обыкновение, и законодательные тексты не могли его уничтожить.

Мне кажется, что теперь можно составить себе довольно точное представление обо всех в целом административных и муниципальных силах Революции в 1790 г. Руководит крупная и средняя буржуазия, но она везде или почти везде выступает слитно с народной силой. Во всяком случае, между банкиром и богатым судовладельцем из Нанта или Бордо, с одной стороны, и парижским лавочником и крестьянином-собственником — с другой стороны, существует величайшая революционная солидарность. Эта солидарность проявится еще сильнее и свяжет их еще теснее в ходе великой операции по продаже национальных имуществ.

Глава шестая

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Продажа церковных имуществ фактически оказалась выгодной одновременно финансистам, поскольку она давала им возможность пуститься в смелые спекуляции, рантье, которым она обеспечивала возвращение государственного долга, дельцам и архитекторам, которые смогли извлекать барыш из самых разнообразных обменов и строительной горячки, негодьям, промышленникам, купцам, которым она предоставила более широкие возможности для приобретения земельной собственности, а также мелким торговцам и ремесленникам в деревнях, которым она позволила приобрести столь желанные ими участки земли в окрестностях городка или местечка, деревенским нотариусам, которые нашли выгодное помещение для своих накоплений в ловких приобретениях, и, наконец, крестьянам-собственникам, которые округлили свои небольшие владения, приобретая клочки земли, отчужденные у приорства или аббатства.

Я не могу вдаваться здесь в подробности провалившихся финансовых операций, которые не оставили Революции другого выхода, кроме национализации церковных имуществ. Первый заем, объявленный в самые первые месяцы, не имел успеха, потому что Собрание снизило процентную ставку по сравнению с цифрой, установленной Неккером и какой желали капиталисты, поскольку последние боялись, согласившись на умеренный процент, создать прецедент, который повлечет за собой в скором времени общую конверсию и сокращение всего государственного долга¹. А главное — держатели государственных процентных

1. По требованию Неккера Национальное собрание, „информированное о нуждах государства“, приняло 9 августа декрет о выпуске 4,5-процентного займа на сумму

30 млн., а 27 августа — еще одного, 5-процентного, на сумму 80 млн. Ни тот, ни другой заем не были выпущены.

бумаг, которые совершили Революцию, чтобы избежать банкротства, не решались увеличить новым займом бремя долга и, не желая делать новых усилий, думали заставить нацию принять решительные меры для укрепления своей кредитоспособности.

Итак, путь к займу, по которому Неккер столь самонадеянно устремился, оказался закрытым. Можно ли было рассчитывать на дары добровольных подписчиков? Было бы наивным надеяться, что благородных побуждений будет достаточно для поддержания бюджета крупной монархии. Впрочем, дать деньги значило бросить их в бездонную пропасть.

У Неккера оставалось два выхода: повысить доходы, введя непомерный подоходный налог, или вступить в переговоры с „Кэсс д'эсcont“ (Учетной кассой). Учредительное собрание, проявив мужество, которое доказывало, какое колоссальное значение придавала буржуазия спасению Революции и избежанию банкротства, приняло закон о патриотическом взносе в размере четверти дохода; то был огромный взнос; во многих городах его уплатили с благородной поспешностью¹.

Марат боролся против него почти в полном одиночестве. Он писал, что этот взнос должен быть не пропорциональным, а прогрессивным. А главное, произведя фантастические расчеты, согласно которым годовой доход Франции достигал 15 млрд., он разоблачал замысел министра, который якобы собирался присвоить таким образом около 3 млрд.². И для чего, по мнению Марата, предназначались эти громадные суммы? Чтобы содержать на них в течение нескольких лет огромную армию с целью раздавить Революцию. На самом же деле это колоссальное усилие едва позволило Франции, не потерпев банкротства, дожидаться первых результатов отчуждения имущества духовенства, ибо поступление всех других налогов во многих провинциях фактически прекратилось.

Неккер надеялся получить кредит у „Кэсс д'эсcont“. Ей разрешили бы выпустить банковые билеты, но эти билеты, если они не будут обеспечены, вскоре потеряют всякую ценность, а если поддерживать их курс, то с помощью какого обеспечения? Мирабо, который с большой горячностью обличал финансовые планы Неккера, вполне справедливо указывал: „Если нация может дать обеспечение банковым билетам, выпущенным „Кэсс д'эсcont“, то почему бы ей не обеспечить билеты, выпущенные ею самой?“ Таким образом, комбинация Неккера, состоявшая фактически в том, чтобы выпустить *косвенным путем ассигнаты особого рода*, оказалась противоречивой: она могла привести только к прямому созданию государственных билетов, национальных ассигнатов, обеспеченных национальным богатством. И этим богатством могла послужить только собственность церкви.

КОНФИСКАЦИЯ ЦЕРКОВНЫХ ИМУЩЕСТВ

Учредительное собрание, как мы видели, отменив десятины без возмещения, уже посягнуло на собственность церкви. Но было куда более дерзко наложить руку на ее земельные владения; и, если церковь не слишком решительно возражала против уничтожения десятин, она собиралась ожесточенно бороться против национализации своей недвижимой собственности.

Как же оправдывало Учредительное собрание этот захват церковных имущества?

Оно доказывало, что собственность церкви не носит того характера, какой присущ другим видам собственности, что церковь получила земли, недвижимость только для того, чтобы выполнять определенные функции, а именно функции благотворительности и помощи нуждающимся; что вследствие этого в тот день, когда нация пожелает взять в свои руки выполнение данной функции, она имеет право завладеть этими ресурсами для обеспечения взятой на себя задачи.

И наконец, чтобы дополнить свои юридические обоснования, Учредительное собрание заявило, что, поскольку духовенство перестало быть сословием, оно уже не может в качестве такового оставаться собственником и что нация всегда вправе отнять имущество у корпорации, существующей лишь по воле самой

1. Декрет о патриотическом взносе в размере одной четвертой части дохода был принят 6 октября 1789 г. Устанавливаемый, фактически, на основании деклараций, которые долго оставались произвольными и бесконтрольными, этот

взнос мог дать денежные поступления лишь спустя некоторое время. (Duvergier. Collection complète des lois..., t. I, p. 53.)

2. См.: „L'Ami du peuple“ du 5 et 6 octobre 1789.

нации. После маркиза де Лакоста, после Бюзо, после Дюпона де Немура выступил епископ Отёнский, Талейран-Перигор, поставив вопрос со всем авторитетом, который придавал ему его епископский сан, и с изумительной точностью.

10 октября 1789 г. он выступил с трибуны со своим великим и знаменитым предложением:

„Господа, государство уже давно борется с огромными трудностями, нет среди вас человека, кто бы этого не знал; стало быть, необходимы решительные средства для их преодоления.

Все обычные средства уже исчерпаны: народ утеснен до крайности, самое малое дополнительное бремя было бы для него поистине невыносимым; об этом нечего и думать.

Были испробованы чрезвычайные меры (налог в размере четверти дохода), но эти средства в основном предназначались для чрезвычайных нужд этого года, а нам нужны средства для будущего, для восстановления порядка в целом.

Есть только одна грандиозная и решающая мера, которая, по моему мнению (иначе я бы отверг ее), совместима с глубоким уважением к праву собственности. Эта мера, на мой взгляд, целиком и полностью заключается в церковных имуществах.

Тут речь идет не об обложении государственным налогом, соответствующим обложению других имуществ: последний никогда нельзя было бы рассматривать как жертву. Вопрос стоит об операции, имеющей совсем другое значение для нации...

Мне кажется совершенно бесспорным, что духовенство не является собственником наподобие других собственников, поскольку имущества, которыми оно пользуется, но которыми не может распоряжаться, были предоставлены ему не ради выгоды отдельных личностей, но для выполнения определенных функций.

Абсолютно бесспорно и то, что нация, обладая весьма широкой властью над всеми корпорациями, существующими в ее лоне, если и не вправе упразднить корпорацию духовенства в целом, ибо эта корпорация существенно необходима для отправления религиозного культа, то зато наверняка может упразднить отдельные части этой корпорации, если она сочтет их вредными или просто ненужными; и что это право распоряжаться их существованием неизбежно влечет за собой самое широкое право распоряжаться и их имуществом.

Но менее бесспорно и то, что нация хотя бы уже потому, что она является защитницей воли основателей бенефициев, может и даже должна изымать те из них, которые перестали использоваться должным образом; что сообразно этим принципам она вправе предоставить полезным служителям культа и использовать к выгоде и в интересах общества доходы от имуществ подобного рода, ныне не имеющих полезного применения, и предназначить для той же цели все те имущества, которые в дальнейшем окажутся не использованными по назначению.

До сих пор я не вижу никаких затруднений и даже ничего, что могло бы показаться чем-то слишком экстраординарным, ибо во все времена мы видели, как упразднялись религиозные общины и бенефиции, как церковные имущества возвращались к их исконному назначению и использовались для нужд общественных учреждений; Национальное собрание, без сомнения, обладает необходимой властью, дабы декретировать подобные операции, поскольку того требует благо государства.

Но может ли оно также сократить доходы живых обладателей бенефициев и распорядиться частью этих доходов?..

Прежде всего следует в данный момент исходить из фактического положения вещей: *этот вопрос уже разрешен декретом об уничтожении десятин.*

Как бы ни было неприкосновенно владение имуществом, гарантированное вам законом, ясно, что закон этот не может изменить природу имущества, хотя он его и гарантирует; что, когда речь идет об имуществе церкви, он может обеспечить каждому обладателю бенефиция только пользование тем, что ему фактически было предоставлено актом об основании этого бенефиция.

Ни для кого не тайна, что все документы, обосновывающие владение церковным имуществом, как и различные церковные законы, объясняющие смысл и дух этих документов, гласят, *что только та часть этих имуществ, которая необходима для приличного существования обладателя бенефиция, принадлежит ему; что он лишь управляет остальной частью и что это остальное фактически предназначено для помощи несчастным и на содержание храмов. Стало быть, если нация скрупулезно обеспечивает каждому обладателю бенефиция, какова бы ни была природа его бенефиция, это приличное существование, она никоим образом не посягает на его индивидуальную собственность; и если она одновременно берет на себя, на что она, конечно, имеет право, управление остальным, если она берет на себя все прочие обязательства, связанные с этими имуществами, как содержание больниц, благотворительных мастерских, ремонт церквей, расходы на народное просвещение и т. д.; если она, а это главное, будет черпать средства из этих имуществ только в моменты всеобщего бедствия, то мне кажется, что все намерения основателей бенефициев будут выполнены и полная справедливость строго соблюдена.*

Мы видим, к каким диалектическим ухищрениям прибегнул Талейран, пытаясь доказать, что эта великая революционная экспроприация не нарушает права собственности. По сути дела, этот решающий шаг можно было оправдать очень просто, а именно что именно нация в первую очередь имеет право на жизнь и что, когда колоссальные богатства используются в традиционных целях, противоречащих новым интересам и самой жизни нации, последняя может и должна изменить их использование.

Но революции лишь очень редко способны столь ясно опреде-

лять свои принципы, и они стараются согласовать с действующей юридической системой акт, ниспровергающий старое право.

В аргументации Талейрана были, без сомнения, убедительные положения; но сколько в ней было и шатких рассуждений!

Да, нация, единственная существующая вечно, вправе и должна надзирать за выполнением воли основателей бенефициев, но совершенно ясно, что, когда, в века мрака и веры, тысячи людей жертвовали церкви средства для облегчения участи бедных, они хотели не только одарить бедняков, они хотели одарить их через руки церкви и тем самым обеспечить и себе воздаяние в загробном мире, которое, как они верили, зависело от церкви.

Следовательно, когда нация, завладев церковными имуществами, предназначала их для облегчения участи бедняков, на дела благотворительности и просвещения, она выполняла лишь часть воли дарителей; и как, в самом деле, великий народ, вкусивший от просвещения XVIII в., мог оставаться неукоснительно верным средневековой мысли?

Национализировать церковные имущества, сделать их мирскими значило не только вырвать их из рук церкви, это значило вырвать их также из рук самих дарителей, то есть у прошлого; это значило, следовательно, совершить акт революционной экспроприации, идущий гораздо дальше, чем Талейран в том признавался себе и хотел внушить другим.

Однако эта первая речь оставляла неразрешенной другую трудность, куда более серьезную.

Из рассуждений Талейрана вытекало, что вся совокупность отчужденных церковных имуществ будет использована на дела благотворительности, аналогичные если не по своим мотивам, то, во всяком случае, в их материальной реальности, целям, которые намечались дарителями. На самом же деле Революция была вынуждена секуляризовать церковные имущества главным образом для того, чтобы обеспечить погашение долгов государства, чтобы избежать банкротства.

Стало быть, доходы от реализации церковных имуществ доставались в первую очередь легиону рантье, буржуа-заимодавцев, капиталистов, а не тем, кому они первоначально предназначались. Имущество церкви, ее недвижимая собственность и церковная утварь, шло на обеспечение движимого имущества, а это уже была экспроприация средних веков в пользу современного общества.

Талейран понял, что в своей первой речи он чересчур отклонился от этой проблемы, и не вызывает сомнения, что рантье, кредиторы государства, обеспокоенные его первой аргументацией, которая оставляла их обойденными при распределении доходов церкви, требовали от него новых усилий диалектики.

Через несколько дней он дополнил свою речь от 10 октября следующим мемуаром:

„Кому же принадлежит подлинное право собственности на эти имущества? Ответ может быть только один: нации.

Но здесь необходимо внести ясность:

Принадлежит ли нации право собственности на эти имущества в том смысле, что, не считаясь с их первоначальным назначением, нация, как ни невероятно подобное предположение, может распоряжаться ими, как ей заблагорассудится, и по примеру индивидуальных собственников пользоваться и злоупотреблять ими по своему усмотрению?

Нет, конечно, ибо даритель обусловил владение этими имуществами выполнением определенных обязательств и необходимо, чтобы эти обязательства, поскольку они будут признаны справедливыми и законными, были выполнены при помощи этих имуществ или какого-либо их эквивалента.

Но принадлежит ли нации право собственности на эти имущества в том смысле, что нация, обязавшись обеспечить нужды учреждений, необходимых или полезных, доставлять деньги, потребности для совершения богослужений, в соответствии с подлинными пожеланиями дарителей, снабжать средствами даже их частные фонды, если они не представляют никаких неудобств, — может употребить оставшиеся за вычетом этих расходов излишки средств на общепользные дела? На вопрос, поставленный таким образом, уже нетрудно ответить. Да, разумеется, это право принадлежит нации и для доказательства этого положения найдется множество доводов.

Наиболее значительная часть этих имуществ была отдана в дар, совершенно очевидно, для облегчения положения нации, то есть для выполнения тех функций, которые нации положено выполнять; стало быть, то, что было подарено ради нации, то, безусловно, и подарено самой нации.

Почти все эти имущества были предназначены для содействия обществу; это было сделано не для блага отдельных индивидуумов, но для блага общества. А то, что было отдано для общественного блага, разве может не быть отдано нации? Разве может нация хотя бы на миг перестать быть верховным судьей во всем, что составляет это благо?

Эти имущества были дарованы церкви. Однако, как уже говорилось выше, церковь — это не только духовенство, являющееся лишь частью ее, наставляющей народ. Церковь есть сообщество верующих, а сообщество верующих в католической стране разве не составляет нацию?

Эти имущества были предназначены в основном для бедных; но может ли то, что было отдано не отдельным беднякам, а на постоянное улучшение доли бедных, не быть отдано нации, которая одна только может обратить верные средства облегчения участи всех бедняков? Нация, несомненно, может поступить с церковными имуществами так же, как могли поступать с ними

при старом порядке король и высшее духовное лицо, большей частью не имевшие прав на владение этими имуществами.

Так вот, известно, что при содействии этих двух лиц можно было во все времена уменьшать, объединять, разъединять, упразднять, закладывать бенефиции и даже отчуждать их для блага государства.

Следовательно, нация тоже может пользоваться всеми этими правами, а поскольку в совокупности этих прав и состоит право собственности на церковные имущества, отчуждения которых сегодня требуют для нации, то из этого следует, что она и является их собственником в полном значении этого слова.

Было бы слишком долго изучать историческую и юридическую ценность приведенных аргументов. Но вопреки ловкости, с какой было наброшено покрывало, Талейрану не удалось скрыть революционный характер предложенной акции. Между частичными отчуждениями, произведенными когда-то государем, и полным отчуждением, которого потребовало Учредительное собрание, лежит пропасть; это разница между административным актом и экспроприацией. Было бы весьма рискованно утверждать, что дарители некогда жертвовали свои средства, чтобы облегчить положение нации, ибо в феодальные времена нации не существовало; единственной подлинно центральной властью была церковь.

И наконец, по меньшей мере смело клерикализовать таким образом всю нацию, чтобы установить абсолютную юридическую преемственность между церковью и нацией; объявлять в конце XVIII в., что нация есть совокупность верующих, то есть истинная церковь, значило недооценивать те глубокие перемены, которые произвели рационалистическая критика и наука в умах людей.

В сущности, следовало прибегнуть лишь к одному аргументу, но зато решающему: собственность церкви не может быть сохранена, ибо она представляет собой опасность для новых форм цивилизации.

Но приводить такой довод в обнаженном виде значило бы пойти на большой риск — сильно смутить совесть людей, а главное значило бы придать временный характер *всякой собственности*. И Революция предпочла облек в юридические формы широкую и необходимую экспроприацию, которую она замышляла. Так как приведенные юридические доводы были не совсем беспочвенными, а некоторые из них по меньшей мере весьма правдоподобными, то благоразумие революционеров отнюдь не было лицемерием.

Однако Талейран отважился на смелый шаг и доказал, что, обеспечив задачи благотворительности, государство могло распорядиться *излишками*; рантье были спасены, но и Революция тоже.

АРГУМЕНТАЦИЯ ТУРЕ

Выдающийся юрисконсульт Туре, очевидно, нашел, что аргументации Талейрана недостаточно; поэтому он постарался предоставить Собранию решающий юридический довод, который разрушил бы до основания право духовенства на собственность и который в то же время оградил бы от любого посягательства, от любой угрозы новую собственность, индивидуальную и буржуазную.

„Необходимо, — говорил он, — делать различие между отдельными людьми, частными лицами, или реальными индивидуумами, и корпорациями, которые по отношению друг к другу и каждая в отдельности по отношению к государству являются лицами юридическими и фиктивными.“

Индивидуумы и корпорации отличаются друг от друга главным образом характером своих прав и той степенью власти, которой закон обладает в отношении этих прав.

Индивидуумы существуют независимо от закона, и еще до того, как появились законы, они обладали правами, проистекающими из их природы и личных способностей, правами, которые не были созданы законом, а лишь признаны им, которые закон охраняет и которые он не может уничтожить, так же как он не может уничтожить самих индивидуумов. Таково право собственности, поскольку речь идет о частных лицах.

Корпорации, напротив, существуют только на основании закона; по этой причине закон имеет неограниченную власть над всем, что их касается, вплоть до самого их существования.

Корпорации не имеют никаких вещных прав, вытекающих из самой их природы. Они всего лишь фикция, абстрактное понятие, творение закона, который может создавать их, как ему заблагорассудится, и, создав, изменять их по своему усмотрению.

Следовательно, закон, создав корпорации, вправе их и уничтожить, чему можно привести сотню примеров.

Следовательно, закон мог предоставить корпорациям пользование всеми гражданскими правами, но он вправе и отменить их; в частности, учредительная власть имеет право проверять, следует ли сохранять за ними эти права и, уж во всяком случае, до какой степени можно доверять им пользование этими правами.

Следовательно, закон, который мог и не предоставлять корпорациям право владеть земельной собственностью, смог, когда он признал это необходимым, запретить им приобретать таковую: знаменитый эдикт 1749 г. служит тому доказательством.

Точно так же сегодня закон может заявить, что никакая корпорация, обладающая правом мертвой руки, будь то светская или духовная, не может более оставаться собственником земельных владений, ибо власть, которая могла запретить приобретать землю, может на таком же основании запретить и владеть ею.

Право, по которому государство может выносить решения по поводу всех корпораций, допущенных им в свое лоно, не подлежит никакому сомнению, поскольку государство во все времена и во всех отношениях обладало абсолютной властью не только над образом их жизни, но и над самим их существованием. По той же причине, по которой упразднение какой-нибудь корпорации не является *убийством*, и отмену предоставленного корпорации права владеть земельной собственностью нельзя считать *ограблением*.

Остается, стало быть, только выяснить вопрос, следует ли издать декрет о том, что все без исключения корпорации, обладающие правом мертвой руки, в дальнейшем лишаются права владеть земельной собственностью. Такой декрет весьма важен для интересов общества с двух точек зрения:

1. С точки зрения той общественной пользы, которую государство должно извлечь из земельных владений. 2. С точки зрения той общественной пользы, которую государство должно извлечь из самих корпораций“.

И Туре заканчивает свою речь изложением проекта декрета, статья 1 которого гласит:

„Духовенство и все корпорации или учреждения, обладающие правом мертвой руки, с настоящего момента и навсегда лишаются права владеть какой бы то ни было земельной или недвижимой собственностью“.

В статье 2 говорилось:

„Все имущества подобного рода, которыми в настоящее время владеют духовенство и другие корпорации, обладающие правом мертвой руки, с настоящего момента передаются в распоряжение нации, которая берет на себя обязательство обеспечивать средствами отправление религиозного культа и содержать учреждения сообразно характеру отдельных корпораций и степени их полезности для общества“.

Духовенство было взбешено жестоким ударом, который нанес ему Туре; это было самое суровое, самое дерзкое применение доктрины легистов о верховной власти государства, а также индивидуалистической философии XVIII в. к вопросу о собственности.

Существуют только две силы: индивидуум и государство; индивидуум обладает реальностью, независимой от закона, правами, предшествующими ему, государство же обладает верховной властью, дабы обеспечивать соблюдение этих прав в сложных взаимоотношениях между индивидуумами.

Помимо индивидуума и государства, всякое существование искусственно и неестественно; корпорации существуют только с согласия, или, еще вернее, по воле государства, оно вправе их распустить; с тем большим правом оно может лишить их собственности.

Тут ясно видно различие между положениями Туре и Талейрана. На взгляд Талейрана, воля учредителей еще остается силой, которая продолжает действовать и создает право; и если нация может захватить имущества духовенства, то только на том основании, что она является их фактическим собственником в силу подлинной воли учредителей. Эти последние, думая, что они приносят дар только церкви, на самом деле приносят его нации, и, вступая во владение тем, что ей было на деле предназначено, нация просто кладет конец недоразумению. Но она обязана перед учредителями использовать изъятые ею доходы на нужды, предусмотренные учредителями; и только после того, как нация выполнит эти обязательства, она может расходовать оставшиеся средства на другие цели.

Туре, наоборот, считает, что воля учредителей не могла создать корпорации, которым они принесли свой дар; эти корпорации могли существовать только по воле суверенного государства; следовательно, с первой минуты временное право, созданное учредителями, было подчинено высшей воле, высшему праву государства.

Пользуясь своим правом, государство долго допускало собственность корпораций: сегодня же оно пользуется им, чтобы эту собственность ликвидировать; в этом нет никакого нового права, никакого нового требования, это всего лишь проявление того же права, только в другой форме.

И если закон в тот момент, когда он лишает церковь собственности, возлагает на нацию определенные обязанности, выполнявшиеся донныне корпорациями, то это делается не для того, чтобы отдать долг учредителям и уважить их волю, а только исходя из интересов общества.

Впрочем, не следует опасаться того, что государство воспользуется этим упразднением собственности корпораций как прецедентом, чтобы посягнуть в один прекрасный день на собственность индивидуумов, ибо если корпорации существуют в государстве и благодаря ему, если их существование является лишь зависимым и производным, то индивидуумы существуют независимо от государства; они существуют без него, и их право может быть гарантировано государством, но, поскольку последнее не создавало их, оно не может их и уничтожить.

Итак, тезис Туре оказался вдвойне суровым для духовенства: прежде всего потому, что он упразднил всякую церковную собственность и отрицал ее права во все времена, а кроме того, потому, что, противопоставляя с такой четкостью корпоративную собственность индивидуальной, он лишил духовенство возможности сеять беспокорность среди имущей буржуазии.

Пользуясь доктриной Туре, революционная буржуазия могла захватить собственность церкви, не боясь создать прецедент против самой себя и против всякой собственности.

Но нас, столь проникнутых идеей исторической эволюции, почти приводит в ужас эта смелая юридическая абстракция, которая есть отрицание самой истории.

Как же так? Существует государство абсолютное и вечное! И наряду с этим вечным государством — вечный индивидуум! Как же так? Во все времена корпорации существовали только по воле государства! Даже эта церковь, родившаяся за много веков до того, как появилось французское государство, и столь долго властвовавшая над французским обществом, будучи корпорацией, никогда не имела иного существования, кроме того, какое ей даровало государство!

И точно так же как церковь навечно была включена в государство, так и индивидуум вечно будет находиться вне государства, которое не посмеет покуситься на индивидуальную собственность!

Да, этот способ остановить историю, сосредоточив ее как в прошлом, так и в будущем вокруг двух абстрактных идей — индивидуума и государства, — глубоко противоречит нашим основным представлениям об изменяющемся обществе и вечно движущейся Вселенной.

Однако обратите внимание: под видимостью неподвижной абстракции теория Туре на самом деле представляет собой торжество исторической эволюции. Именно потому, что в течение веков прочно утверждалось новое и светское государство, именно потому, что благодаря воздействию королевской власти, легистов, философов и буржуазии государство все более и более отрывалось от церкви, великая идея государства приобретала в глазах юриста вечный и суверенный характер; именно потому, что индивидуумы, значение которых росло пропорционально усилению нового, светского государства, освобождались вместе с ним от феодальной зависимости и от тирании церкви, именно поэтому и право индивидуумов утверждалось и возрастало по мере роста государства.

Чем, собственно говоря, была Революция, как не одновременным двойным освобождением и государства и индивидуумов? Именно этот длившийся веками рост и эта революционная экспансия государства и индивидуумов низвели наиболее могущественные корпорации, такие, как церковь, до зависимого и производного существования, условия которого государство могло по своему желанию изменять в интересах индивидуумов.

Спокойная юридическая формула Туре сконденсировала в себе века истории, и именно это придает ей наивысшую эффективность.

Однако дальнейшие шаги истории могут лишить ее этой ценности: и вполне может случиться, что под воздействием новых экономических факторов индивидуальная собственность в один прекрасный день окажется в сфере воздействия государства и поступит во владение нации, подобно тому как собственность церкви, прежде стоявшей выше государства, вынуждена была наконец подчиниться его законам.

Какой же ответ дало высшее духовенство на теории революционных юристов?

Ему было несколько затруднительно защищаться, так как уничтожение десятин уже создало угрожающий прецедент против всей церковной собственности.

К тому же декрет от 5 ноября 1789 г.¹, гласивший: „Во Франции не существует больше никаких сословных различий“, еще более пошатнул основы церковной собственности, ибо духовенство, переставшее существовать как сословие, то есть лишившееся особой политической жизни и особого политического представительства, тем самым оказалось под угрозой как корпорация.

Далее, отмена монашеских обетов, запрещение орденов и монашеских конгрегаций, где давались эти обеты, окончательно подорвали устои церковной собственности.

Правда, декрет об этом запрещении был принят только 13 февраля 1790 г., но предложен он был еще 17 декабря 1789 г.².

Вот почему церковной собственности пришлось отбивать множество направленных против нее атак. Церковь могла бы в крайнем случае защищаться, если бы она предъявила Революции величественный перечень благотворительных и воспитательных дел, но из недр отвратительных госпиталей, где больные, лежа по трое — четверо на одной койке, заражали друг друга, порой вырывался неистовый вопль возмущения, „стон больниц“, как тогда говорили, угрожающий вой безумия, горя, отчаяния, которые внезапно наводили ужас на весь город.

И все же архиепископ Эксский попытался с великой изобретательностью отвести удар³. Он, конечно, остерегался утверждать, что церковные имущества основаны исключительно на воле дарителей. Напротив, он признавал, что не обошлось и без вмешательства общественных властей: именно с согласия королей и благодаря гарантии нации, которую они представляли, церковь в течение долгих веков управляла достоянием, коим она ныне владеет, и архиепископ просил Революцию уважать собственность

1. Речь идет о декрете, касавшемся назначения заместителей депутатов. Ввиду упразднения сословий заместители депутатов должны были избираться по баллотажам всеми без исключения гражданами, имеющими право голоса, „каково бы ни было их положение и состояние“. (Duvergier. Op. cit., t. I, p. 66.)

2. 17 декабря 1789 г. Трейар от имени Церковного комитета Собрания представил доклад „о состоянии монастырей“. („Moniteur“, t. II,

p. 404.) Согласно статье 1 закона от 13 февраля 1790 г., конституционный закон королевства не признает более монашеских обетов; следовательно, упраздняются ордена и монашеские конгрегации. (Duvergier. Op. cit., t. I, p. 118.)

3. Буажелен (1732—1804) — архиепископ Эксский, выступил по вопросу о церковных имуществах 31 октября 1789 г. (Archives parlementaires, t. IX, p. 615.)

церкви из уважения к воле нации, которая ее основала и узаконила.

Этот аргумент, конечно, был несостоятелен. Ибо почему нация не могла, исходя из нужд нового социального порядка, взять обратно данное ею когда-то согласие?

Впрочем, ловкий архиепископ, видимо, и сам сомневался в том, что можно назвать общественным правом церкви. Он признавал, что нация имеет право помешать в будущем любому расширению церковной собственности, как она своим знаменитым эдиктом 1749 г. уже ограничила создание имуществ, подчиненных праву мертвой руки. Поэтому он занялся исключительно спасением существующего положения. И признавая, что отныне любое расширение церковной собственности может быть запрещено, не нарушая при этом права и не создавая опасности для общества, он был почти готов просить, как своего рода милости, только сохранения уже существующей собственности.

ДЕМАГОГИЯ АББАТА МОРИ

Аббат Мори сообразил, что подобная оборонительная, нерешительная система бессильна помочь церкви. Он понял, что любая юридическая аргументация бесплодна, и обратился внезапно к тем демагогическим средствам, к которым церковь уже прибегала во времена Лиги. Он попытался взбунтовать бедняков против революционной экспроприации. Он громил богачей, финансистов, биржевиков, евреев, готовых, по его словам, захватить имущества, которые доныне служили облегчению человеческих страданий.

Это был поистине первый манифест антисемитской демагогии; в нем содержались все концепции Дрюмона¹, все его аргументы, вся новая тактика церкви. Аббат Мори был истинным зачинателем этого жанра. Отныне всякий раз, когда господство церкви или ее богатство окажется под угрозой, она будет прибегать к диверсии против финансового мира, против "жидов", будет пытаться представить все революционные движения, как в сфере идей, так и в сфере действий, как тайные происки евреев, которые силятся все разрушить, дабы затем все пожрать. Она также будет стараться внушить правящей буржуазии страх, доказывая ей, что все удары, наносимые церкви, в будущем поразят и капитал.

Все эти хитроумные клерикальные уловки содержатся в речи аббата Мори, а потому я считаю нужным привести из нее очень длинные и ключевые выдержки, ибо необходимо, чтобы народ знал, что, если бы в 1789—1790 годах он дал себя одурачить антисемитскими маневрами церкви, старый клерикальный порядок существовал бы по сей день в полной неприкосновенности. Познакомьтесь же с демагогией церкви, подстрекающей народ против

капиталистов, против спекулянтов, против биржи с целью спасти миллиарды, которые приносили прекрасные, плодородные земли, принадлежащие нескольким тысячам бездельников-монахов. Кажется, будто слышишь голоса Мореса и аббата Гарнье.

„Пусть же нам не предлагают, господа, с такой легкостью пожертвовать процветанием деревни ради всепожирающей бездны столицы, которая уже поглотила наиболее богатую часть наших земельных доходов. В этом великолепном городе, как вы знаете, обосновались наиболее крупные собственники королевства и множество граждан-капиталистов, которые доверили государственному казначейству плоды своего честного труда и строжайшей экономии. Если бы все кредиторы королевства обладали такими же законными правами, нации не пришлось бы жаловаться на вымогательство столицы и провинция не упрекала бы парижских ростовщиков в разорении государства.

Не будем, однако, смешивать безупречных капиталистов с алчными спекулянтами биржи. Туда со всех концов королевства и со всех стран Европы стекается армия заимодавцев, спекулянтов, финансовых интриганов, выступающих в роли посредников между королевским казначейством и нацией, с целью приостановить обращение звонкой монеты путем неограниченного распространения государственных ценных бумаг. Тут коммерция, основанная на ростовщичестве, лишает мужества и разоряет подлинно национальную коммерцию, создающую промышленность королевства, и обрекает власти на бездействие, то заставляя их изнемогать под бременем обязательств, то направляя их деятельность на ложный путь.

Послушайте этих торговцев кредитом, для которых судьба государства лишь объект игры на *повышение* или на *понижение*. Они не спрашивают, был ли урожай обильным, удалось ли бедному народу повысить оплату своего труда до уровня цен на хлеб, поддерживают ли его рассеянные по провинциям собственники своими покупками или своими щедротами. Нет, их занимает совсем не это. Они интересуются исключительно состоянием дел на бирже и курсом ценных бумаг. Это для них единственный показатель общего процветания. Они не ведают, что за роскошь столицы всегда расплачивается нищая провинция и что национальное богатство не в бесплодных биржевых портфелях, что мощь государства зарождается в борозде, орошенной потом землепашца“.

Право же, у меня большой соблазн прервать отважного оратора, чтобы подивиться его цинизму. Аббат Мори забывает или делает вид, будто забыл, что, отказываясь в течение веков платить свою долю налогов, именно духовенство довело монархию

1. Дрюмон (1844—1917) — автор основал в 1892 г. антисемитский книги „La France juive. Essai d'histoire contemporaine“ (1886); орган „La libre parole“.

до необходимости прибегать к займам, которые и породили спекуляцию и биржевой ажиотаж. Аббат Мори забывает, что, когда духовенство соглашалось на „безвозмездный дар“, оно, вместо того чтобы само обложить себя налогами, вместо того чтобы продать, коль скоро в том была нужда, часть своих земельных владений, всегда делало займы и, присовокупляя свой долг к долгу государства, еще больше способствовало развитию финансовых операций.

Аббат Мори забывает, что не только биржевые спекулянты концентрировали в Париже ресурсы Франции, но что и дворяне, не желавшие жить в своих поместьях, епископы и обладатели бенефициев, вечно отсутствовавшие в своих епископствах или бенефициях, тоже в течение двух столетий проматывали в Париже плоды труда провинций. Аббат Мори забывает, что, для того чтобы землепашцы могли взрастить в борозде мощь государства, вовсе не обязательно, чтобы борозда эта оставалась собственностью священника или монаха. Он забывает, что крестьяне были способны сами сбросить свои оковы, что они могли добиться этого в надлежащий момент только при содействии революционной буржуазии; однако банкротство, которое постигло бы государство, не прибегни оно к продаже церковных имуществ, сломало бы хребет этой буржуазии, оно разорило бы не только биржевых спекулянтов, но главным образом „честных капиталистов“, всех тех „работающих и бережливых“ рантье, о которых говорит сам аббат Мори, уже различающий „хороших“ капиталистов и „дурных“; вот еще одна тема, которую будет ловко эксплуатировать антисемитская демагогия, преследующая цель разбить и разорить революционную буржуазию, убаюкивая в то же время капитал в целом.

Но послушаем дальше, и вы подумаете, что звучит голос сегодняшнего дня, бешеный вой антисемитизма и национализма. Аббат Мори противопоставляет „патриотизм“ и бескорыстие класса землевладельцев эгоизму класса капиталистов.

„Господа, в этот час испытания для подлинного патриотизма поведение землевладельцев и поведение обладателей национальной звонкой монеты являют контраст, на который Собранию представителей нации следует обратить внимание. Землевладельцы пошли на великие жертвы для удовлетворения нужд государства и заявили о готовности пойти на еще более великодушные жертвы. Они прежде всего санкционировали общественный долг, даже не зная его размеров: они прислушивались только к голосу чести, который не спрашивает, какова сумма долга, чтобы ее утвердить. Они проявили и обесмертили свой патриотизм неожиданным великодушным решением от 4 августа сего года. Они придали обратную силу отказу от своих денежных привилегий. Они не колеблясь пожертвовали свою серебряную посуду, церковную серебряную утварь, четверть своего дохода.

А что сделали для блага государства известные обладатели всей звонкой монеты королевства? Что же сделали они? Да ничего, господа, ровным счетом ничего. Дабы укрепить общественное достояние, они вначале объявили добровольную подписку среди двух сотен финансистов; но, как только они увидели, что нас защищает ход этой подписки, этот патриотический проект, предложенный герцогом д'Эгийоном (d'Aiguillon), был отложен в сторону и больше к нему не возвращались. Мы втировали заем и открыли на него подписку, содействовать успеху которой было в их интересах; вместо того чтобы поддержать наши усилия, они покрепче заперли свои сундуки. Две бесплодные попытки, несмотря на их национальный характер, заставили нас отказаться от участия в займах.

Мы видели, как после битвы при Келлодене¹ Швейцарская и Голландская республики возродили при помощи своих фондов Английский банк, дабы предотвратить банкротство, которое поглотило бы их богатства. Но ни патриотизм, ни расчеты наших наиболее богатых торговцев деньгами не смогли побудить их пойти на столь мудрые жертвы, и они прекратили, не боясь последствий, обращение звонкой монеты во всем королевстве. *Поведение биржевых спекулянтов показалось нам необъяснимым, но предложение епископа Отёнского вдруг раскрыло перед нами их замысел: разорение духовенства — вот в чем заключалась их грандиозная спекуляция, они только и ждали этой богатой добычи, которую для них втихомолку готовили.* Они уже мысленно поглощали нашу собственность, они уже делили ее между собой, в своих захватнических планах они надеялись, что продажа церковных имуществ повысит курс всех государственных ценных бумаг до их номинальной стоимости, что сразу увеличит их состояние на целую четверть, в то время как мы предлагали отдать четверть своих доходов. *Это возрождение ценных бумаг ради выгоды биржевых спекулянтов и иностранцев, этот возмутительный триумф биржевой спекуляции — вот благодеяние, которого они добивались от представителей нации.*

И тут на сцене вслед за ними появились евреи со своими огромными богатствами, чтобы обменять их на земельные владения. Они окончательно разобрали заговор, домогаясь от вас, господа, в то же время прав гражданства, чтобы сразу захватить и звание гражданина, и церковные имущества². У нас не было иной заботы, как обеспечить достояние держателей ценных бумаг, в то время как они втайне замыслили наше разорение. Великий

1. Битва при Келлодене (10 апреля 1746 г.) означала окончательное поражение Карла Эдуарда, внука Якова II, и крушение надежд на восстановление династии Стюартов.

2. Декретом от 28 января 1790 г. евреям, именным португальскими, испанскими и авиньонскими были дарованы права гражданства; декретом от 27 сентября 1791 г. — всем остальным.

заговор наконец обнаружился, а я здесь только напоминаю вам о его тайных махинациях. Помогайте же, господа, этому столь патристическому заговору. Выдайте служителей культа, ваших пастырей, ваших близких, ваших соотечественников этой орде биржевых спекулянтов и иностранцев“.

По правде говоря, в этих упреках аббата Мори по адресу капиталистов содержится столько же наивности, сколько и лукавства. Он не прощает им того, что они не подписались на новый заем, который только усугубил бы опасность банкротства; он не прощает буржуа Женевы и Амстердама того, что они не стали рисковать своими капиталами, дабы спасти духовенство от революционной экспроприации.

Заявлять всем финансистам, всем заимодавцам, всем капиталистам, всем евреям на свете: „Давайте в долг еще и еще, рискуя из-за этих новых займов сделать невозможным погашение долга, и спасите таким образом земельную собственность духовенства Франции“, а затем бичевать „эту орду биржевых спекулянтов и иностранцев“, ибо, больше заботясь о своих собственных интересах, нежели об интересах епископов, владельцев бенефициев и монахов, они отказывают в новых займах и тем самым вынуждают революционную Францию отнять у церкви ее имущества, которые послужат обеспечением для кредиторов государства и самой Революции, — значит проявлять нарочитую наивность, к которой примешивается изрядная доля цинизма.

Не подлежит сомнению, что с самого начала Революции класс финансистов и рантье заранее видел в церковных имуществах средство спасения и своими маневрами старался побудить Революцию отважиться на решительные действия, но свести это революционное требование владельцев движимой собственности до уровня иностранной интриги и заговора евреев — значит не признавать огромного экономического развития, совершившегося в Европе в течение трех столетий, которое Барнав подверг столь тщательному анализу.

К тому же, как мы это увидим, часть национальных имуществ, приобретенная евреями, настолько ничтожна, что не заслуживает внимания, и эта попытка превратить Революцию в еврейский заговор была бы забавна своим легкомыслием, если бы мы не убедились, в какой огромной степени эти жалкие фальсификации, всерьез воспроизводимые антисемитскими „социологами“ и клерикальной прессой, послужили реакционному движению в нашей стране. Да, аббат Мори был великим выдумщиком.

Далее, он пытается запугать буржуазных собственников. „Когда я говорю о собственности, господа, я беру это слово в его самом строгом смысле. Ведь в действительности собственность едина и священна как для нас, так и для вас. *Наша собственность гарантируется вашей собственностью. Сегодня нападают на нас, но не заблуждайтесь: если нас ограбят, вас постигнет та же участь; восполь-*

зуются вашей собственной безнравственностью, и первая же катастрофа в области финансов поразит и поглотит ваше наследие... Если нация имеет право восходить к истокам общества, чтобы лишить нас нашей собственности, которая признавалась и охранялась законами на протяжении четырнадцати веков, этот новый метафизический принцип приведет вас прямо к бунтам во имя аграрного закона.

Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать своей доли в разделе этих имуществ, которые не предохранило от захвата даже право владения ими с незапамятных времен. Он приобретет над вами все те права, которые вы сегодня имете над нами; *он тоже скажет, что он — нация и перед его лицом срок давности владения не имеет значения.* Я далек от мысли апеллировать к народу и подстрекать его к несправедливым и крамольным притязаниям, которые могли бы привести к гибели королевство, но да будет мне позволено противопоставить несправедливому и подстрекательскому принципу мятежные выводы, которые может извлечь из этого принципа алчность, несмотря на весь ваш патриотизм, отвергающий их“.

На самом деле церковь не замедлит обратиться к народу с этим призывом; она будет пытаться, и далеко не в одном месте, подстрекать фермеров отчужденных церковных земель, внушая им, что теперь они не обязаны вносить арендную плату своим новым хозяевам. Но в речи аббата Мори, в этой последней угрозе, брошенной буржуазной собственности оказавшейся под угрозой собственности церкви, содержится глубокий софизм. Да, революционная экспроприация церковных имуществ дает повод заключить, что имущество буржуазии тоже может в один прекрасный день подвергнуться революционной экспроприации.

Да, точно так же как буржуазные юристы объявили, что если имущества церкви были созданы для выполнения определенных социальных задач, то это было сделано только потому, что нация не осуществляла их и что, следовательно, взяв на себя выполнение этих задач, нация может захватить и эти имущества, так же и мы, коммунисты, можем сегодня сказать, что если капиталистическая собственность была создана, то только потому, что нация не выполняла своих функций и что теперь, когда нация почувствовала себя способной организовать общественное производство, она уже в силу этого приобретает право национализировать капитал.

Да, капиталистическая собственность носит условный и временный характер, она всегда потенциально подчинена праву нации, как это было и с собственностью церкви, до того дня, когда нация потребует и осуществит свое право.

Но для того чтобы буржуазная собственность действительно оказалась под угрозой, еще недостаточно, чтобы нация имела абстрактное право на экспроприацию; необходимо, чтобы вся-

новая система рабочей демократии была готова заменить капиталистическую систему, подобно тому как к концу минувшего века новая система буржуазной демократии созрела для того, чтобы заменить церковную и феодальную систему. Итак, в тот день, когда выступал аббат Мори, буржуазное общество было подготовлено к тому, чтобы заменить общество старого порядка, но никакая новая сила, пролетарская или коммунистическая, не была готова заменить буржуазное общество. Угрозы и пророчества аббата Мори были, следовательно, пустыми; он хотел как бы набросить тень угрозы экспроприации церковных имуществ на буржуазную собственность, но солнце буржуазии стояло еще слишком высоко, в зените, и тень угрозы была слишком коротка.

Революционные буржуа отнюдь не испугались, тем более что индивидуальная собственность, как они ее понимали, представлялась им как бы олицетворением самой человеческой свободы и естественного права и они наивно воображали ее вечной и неизменной.

Однако же верно и то, что неожиданное ниспровержение всей церковной собственности на какое-то время поколебало представление народа о всякой собственности: пролетариев в часы страданий и гнева не раз искушала мысль о том, что в конце концов богатые лавки и магазины, где скопилось столько одежды и съестных припасов, не более святы для изголодавшегося санкюлота, чем богатые аббатства, плодородные земли монастырей и серебряная церковная утварь для революционной буржуазии.

Но эти несмелые поползновения не были подкреплены никакой четкой социальной концепцией, никакой серьезной организацией, и Революции без труда удалось подавить путем устрашающих законов эти робкие попытки.

Мне представляется, впрочем, что Революции будет тем легче ввести смертную казнь за попытку осуществления аграрного закона, что именно церковь первая заговорила об угрозе аграрного закона¹.

Аббат Мори дал таким образом в руки революционной буржуазии благовидный аргумент для изблечения всякой идеи аграрного закона как махевра контрреволюции.

2 ноября Ле Шапелье ответил ораторам духовенства со собственным ему грубоватым и прямолинейным красноречием², и уже тогда в его словах чувствовалась его ненависть ко всякой корпоративной организации, ненависть, которая позднее, в июне 1791 г., вдохновила пресловутый „закон Ле Шапелье“ против рабочих корпораций.

„Я с удивлением слушал, как здесь, в этом Собрании, с апломбом произносились такие выражения, как *наши противники, наше имущество*. Я с удивлением обнаружил, что некоторые наши коллеги объединяются, действуют заодно, защищаются, как независимое от нас частное лицо, которое мы должны судить. И я чув-

ствую, как важно пресечь все эти идеи корпораций и сословий, возрождающиеся вновь и вновь... Духовенство предлагает свои дары, но по какому праву? На каком основании?

Оно возьмет их из достояния, предназначенного для нужд культа, из достояния, предназначенного для бедняков...

Берегитесь этой ловушки: *духовенство хочет восстать из пепла, дабы вновь конституироваться в сословие*; эти дары более опасны, чем наши бедствия.

Нам говорят о бедняках, но не хотят ли сказать, что они, подобно духовенству, представляют собой касту в государстве?

Следует ли оставлять заботу об их пропитании в руках духовенства? Кто от этого выиграет? Бесплодная и опасная благотворительность, способная лишь потворствовать праздности.

Нация же, напротив, устроит в этих домах молитвы и бездействия мастерские, полезные государству, где обездоленный обретет работу, а с ней и средства к существованию... Бедняками останутся только те, кто захочет ими быть“.

Следовательно, церковная собственность должна исчезнуть, ибо это корпоративная собственность; было бы ошибкой утверждать, как это столь часто повторяют ныне буржуазные экономисты, будто Революция носила исключительно индивидуалистический характер; она была одновременно и индивидуалистической и эгалитарной, и она тем более расширила функции государства, что воспротивилась существованию между индивидуумом и государством каких бы то ни было корпораций или сословий. Слова Ле Шапелье: „Бедняками останутся только те, кто захочет ими быть“ возлагают на Революцию огромное обязательство, но в то же время и наделяют государство самой широкой властью.

1. Декрет, предусматривавший смертную казнь для всякого, кто посмеет требовать аграрного закона, то есть равного раздела земельной собственности между всеми, был принят Конвентом

17 марта 1793 г. („Moniteur“, t. XV, p. 739.)

2. Archives parlementaires, t. IX, p. 630. Ле Шапелье (1754—1794) — адвокат при парламенте, депутат третьего сословия от Реннского сенешальства.

РЕЧЬ МИРАБО

Из речи Мирабо, который выступил последним в защиту проекта, я приведу лишь два места, и прежде всего утверждение всемогущества закона¹.

"Господа, доказав, что нация имеет право создавать или не создавать корпорации, что только ей надлежит решать, должны ли эти корпорации владеть собственностью или нет, я заявляю: повсюду, где подобные корпорации существуют, нация имеет право их уничтожить, так же как она имеет право их создать, и я требую вдобавок, чтобы этот принцип был принят или отвергнут.

Я скажу тем, кто посмел бы это оспаривать, что нет такого законодательного акта, который нация не могла бы отменить; что она может изменять, когда ей заблагорассудится; свои законы, свою конституцию, свою организацию и свой механизм; власть, которая создает, вправе и уничтожить; и все то, что является лишь результатом общей воли, должно перестать существовать, как только эта воля претерпела изменение..."

Да, но кто же не понимает, что эта теория применима и к индивидуальной собственности? Ибо и она носит социальный характер.

Возражая аббату Мори, Мирабо утверждает, что „политическое объединение образует отнюдь не материальное соединение индивидуумов; для этого необходимо, чтобы такое объединение рассматривалось как индивидуум в обществе, чтобы у него была своя индивидуальность, отличная от индивидуальности каждого из его членов, чтобы оно пользовалось гражданскими правами“.

Пусть так! Но все же для того, чтобы существовала индивидуальная собственность, недостаточно, чтобы материальные предметы присваивались индивидуумом; необходимо еще, чтобы обще-

ство признало и утвердило это присвоение, необходимо, чтобы оно определило связанные с этим гражданские права; необходимо, чтобы оно упорядочило способы приобретения, отчуждения и передачи собственности. Короче говоря, слово закон в том смысле, как его понимает Мирабо, означает закон, создающий индивидуальную собственность, так же как он создает собственность корпоративную, и он вправе уничтожить первую, как имеет право уничтожить вторую.

Возможно, во всяком случае какое-то время, что закон не заинтересован в осуществлении этого права и что индивидуальная собственность лучше соотносится с правом индивидуума. Но не менее верно и другое: чтобы узаконить революционную экспроприацию церковной собственности, Революция вынуждена была провозгласить верховенство закона, и тем самым право на экспроприацию в будущем оказалось зафиксированным в великом акте, который упрочил буржуазную Революцию, секуляризовав церковную собственность.

Мирабо заходит так далеко, что путем изумительно смелого применения „Общественного договора“ представляет акт, которым Франция возродила конституцию, как новое начало истории:

„Я скажу далее, что настоящее Собрание, не будучи законодательным, а только учредительным, именно в силу одного этого имеет все права, какими могли пользоваться первые индивидуумы, образовавшие нацию.“

Итак, предположим на минуту, что речь идет о том, чтобы определить среди нас первоначальный принцип общественного порядка, кто в этом случае мог бы оспаривать наше право создавать корпорации или препятствовать этому, разрешать корпорациям иметь особую собственность или объявить их неправомерными ее приобретать.

Мы обладаем, следовательно, сегодня тем же правом, разве что предположить, что наша учредительная власть ограничена; и, конечно, мы уже произвели достаточно изменений в старом порядке вещей, чтобы предложение, которое я имею честь представить вам, могло быть признано превышающим вашу власть“.

Итак, для того чтобы узаконить захват церковных имуществ, Революция то старается с помощью Талейрана установить своего рода абсолютную юридическую преемственность между прошлым и настоящим, между церковью и нацией, „подлинным сообществом верующих“, то, напротив, хочет перечеркнуть все прошлое и вместе с Мирабо считает, что Учредительное собрание открывает новый мир, новое общество и что оно, стало быть, обладает суверенной властью, какой располагали первые люди, создававшие общество.

1. Мирабо выступил 2 ноября 1789 г. Archives parlementaires t. IX, p. 639.

Но и в этом случае, если развить до конца гипотезу Мирабо и спросить, имеет ли это новое общество право не признать законной индивидуальную собственность, Мирабо отнюдь не станет этого оспаривать, и если в один прекрасный день пролетариат пожелает обновить социальное устройство, то он сможет ответить тем, кто будет противиться, ссылаясь на прошлое, на права буржуазных собственников, что он является учредителем, что к нему, следовательно, переходит первоначальная суверенная власть и что новый общественный договор, на основе которого будет установлен новый порядок, исключает индивидуальную и буржуазную собственность. Тем самым, действуя против буржуазии, он сошлется лишь на право суверенной власти, на которое ссылалась сама буржуазия, 120 лет назад выступая против собственности церкви.

Быстрота экономических изменений и социальных преобразований ставит, таким образом, буржуазию в странное положение. Новый класс-экспроприатор сформировался тогда, когда еще не изгладился из памяти, когда еще почти продолжал звучать в ушах людей призыв самой буржуазии к экспроприации; и полное иронии эхо, возвращавшее отзыв ее собственных слов, переполняло ее страхом.

Несмотря на колоссальные усилия своей диалектики, несмотря на безотлагательность финансовых нужд, которые и были первопричиной, Мирабо, несомненно, испугался в последнюю минуту провала своего проекта, ибо он постарался смягчить его и даже завуалировать его смысл.

Он прекрасно понимал, что могло шокировать робкие умы, а именно переход собственности церкви в руки класса рантье.

Не будучи в состоянии отрицать, что в этом, в сущности, и заключался смысл операции, он говорил:

„Речь идет *как раз* не о том, чтобы отнять у духовенства его имущество для оплаты государственного долга, как об этом непрерывно твердят. Можно провозгласить принцип собственности нации, не лишая духовенство права управлять своими имуществами; государству вовсе не нужны эти богатства, ему нужны обеспечения и залог, то есть кредит и доверие“.

Была в этом то ли минутная слабость, то ли хитрость, ибо как могло хватить простого обеспечения, когда дело шло не только о том, чтобы внушить доверие, необходимое для новых займов, а о том, чтобы погасить и без того непосильный долг государства?

И во всяком случае, как это обеспечение может показаться солидным заимодавцам, если оно фактически не будет находиться в руках нации? Эта уступка или эта уловка Мирабо свидетельствует всего лишь о смущении, охватившем даже самых смелых перед грандиозностью революционной операции, которую собирались совершить. Собрание перешло к голосованию, и, возможно,

если бы не эмигрировало около 200 дворян, еще неизвестно, каков был бы результат.

568 проголосовали «за» против 346 при 40 воздержавшихся. Собрание в тот знаменательный день 2 ноября приняло, безусловно, наиболее решительное за всю Революцию предложение Мирабо¹:

„Собрание постановляет:

1. Что все церковные имущества поступают в распоряжение нации, обязанной надлежащим образом позаботиться об обеспечении средств на нужды богослужения, о содержании священнослужителей и облегчении участи бедняков, под наблюдением и согласно инструкциям провинций.

2. Что при выработке положения, касающегося содержания священнослужителей, на содержание священнослужителей в каждом приходе должно быть обеспечено не менее 1200 ливров в год, не считая жилища и прилегающего к нему сада“.

1. Archives parlementaires, t. IX, p. 648; Buchez et Roux. Op. cit., t. III, p. 92.

АССИГНАТЫ

К чему, однако, понадобилась бы Революции эта смелая экспроприация, если бы она не могла, так сказать, немедленно реализовать стоимость церковных имуществ? Дефицит возрастал с каждым днем; даже первые революционные меры, выкуп инфеодированных десятин, упразднение путем выкупа судейских должностей еще больше увеличили подлежащий уплате долг; нужды были неотложны, и средства для их удовлетворения также следовало изыскать немедленно.

Однако, с одной стороны, продажа церковных имуществ должна была производиться медленно; ускорить ее и выбросить на рынок сразу все это огромное количество имений, построек, ферм значило бы, так сказать, превысить предложение над спросом, что повлекло бы за собой резкое снижение цен на этот товар. С другой стороны, какой монетой смогут расплачиваться покупатели? Стоимость церковных имуществ определялась в несколько миллиардов, а денежная наличность Франции в те годы не превышала, по подсчетам таких людей, как Лавуазье, 2 млрд.

Итак, быстрая распродажа церковных имуществ должна была поглотить большую часть звонкой монеты, которая и так уже стала редкой. И хотя государство почти немедленно передало бы ее своим кредиторам всякого рода, все же, по крайней мере на некоторое время, это сконцентрировало бы звонкую монету на одной единственной и колоссальной операции; это неожиданное поглощение и без того уже редкой звонкой монеты могло повлечь за собой неслыханный экономический кризис, почти полное прекращение товарооборота; кроме того, эта чрезвычайная редкость золота и серебра настолько повысила бы их стоимость, что цена

земли вследствие этого упала бы и таким образом вся операция с продажей потерпела бы крах.

Стало быть, возникла необходимость создать новые деньги, или, говоря точнее, эквивалент звонкой монеты. Нужны были революционные деньги для революционной операции. Как же поступило Учредительное собрание? ¹

Оно не сразу поставило во всей полноте эту проблему: на следующий день после принятия памятного предложения по поводу церковных имуществ, когда Собрание в декабре 1789 г. вынуждено было одновременно обеспечить неотложные нужды казначейства и искать средства для реализации огромных церковных владений, оно вначале не представило себе ясно, что оно должно создать настоящие бумажные деньги с принудительным курсом, подобно золоту и серебру, и что оно должно выпустить достаточное количество этих новых денег, чтобы, так сказать, покрыть стоимость церковных имуществ, предлагаемых публике.

Несмотря на всю свою смелость, Учредительное собрание, терзаемое воспоминаниями о катастрофе, постигшей Люю, отступило бы перед поставленной таким образом проблемой, но Собрание вначале приступило к весьма ограниченной, даже несколько двусмысленной операции, которая скрывала от него самого его поразительную смелость.

Прежде всего оно обратилось за средствами к „Кэсс д'эсконт“; и для того, чтобы обеспечить „Кэсс д'эсконт“ кредит, которым могло бы воспользоваться само государство, оно придало выпущенным „Кэсс д'эсконт“ билетам смешанный характер: они одновременно играли роль и банковых билетов и ассигнатов.

Обычно „Кэсс д'эсконт“, как и всякий эмиссионный банк, должна была обеспечивать оплату выпущенных ею билетов в ме-

1. Для разъяснения последующих страниц укажем, что необходимо было превратить в движимую недвижимую собственность духовенства, переданную в распоряжение нации. 19 декабря 1789 г. Национальное собрание приняло решение о продаже на 400 млн. церковных имуществ и о выпуске на равную сумму ассигнатов, то есть билетов, ценность которых обеспечивалась национальными имуществами. Ассигнаты пока еще представляли собой только доходные пятипроцентные бумаги, которые принимались в уплату за церковные имуществ; они являлись долговыми обязательствами государства; ассигнаты выпускались тогда только крупными купюрами по

1000 ливров. По мере их возвращения после продажи церковных имуществ ассигнаты подлежали аннулированию и уничтожению, и таким образом погашался государственный долг.

27 августа 1790 г. ассигнаты были превращены в банковые билеты, и выпуск их был доведен до 1200 млн.; были выпущены купюры среднего достоинства (по 50 ливров), пока не появились мелкие купюры по 5 ливров (6 мая 1791 г.). Таким образом, операция, первоначально задуманная в целях ликвидации государственного долга, изменила свое назначение. Последствия этого были неисчислимы как в экономическом, так и в социальном плане.

таллической монете по их предъявлению. Но ее кассовая наличность была почти полностью исчерпана, и „Кэсс д'эсконт“ удерживалась на поверхности исключительно благодаря принудительному курсу.

Собрание продлило срок принудительного курса до 1 июля 1790 г. Оно постановило, что до этого числа банковые билеты „Кэсс д'эсконт“ будут по-прежнему приниматься в уплату в государственных и частных кассах, а после этой даты банк обязан будет производить свои платежи по первому требованию *.

Но продлить декретом принудительный курс билетов было еще недостаточно, чтобы обеспечить кредитоспособность „Кэсс д'эсконт“. И государство в тот самый момент, когда оно декретировало принудительный курс, когда оно обязало „Кэсс д'эсконт“ ссудить ему до 1 июля на 80 млн. билетов, должно было дать этим последним обеспечение, которое действительно поддерживало бы их курс. Уже предоставляя предыдущую ссуду, „Кэсс д'эсконт“ получила от государства обеспечение в виде дохода от патриотического взноса; она была объявлена кредитором, имеющим преимущество перед другими право на возможные доходы казны. Однако на этот раз требовалось другое, более солидное обеспечение.

Поэтому Собрание издало декрет о том, что оно передает „Кэсс д'эсконт“ на 170 млн. ассигнатов, обеспеченных доходом от будущей продажи национальных имуществ, то есть, что, по мере того как церковные имущества будут распродаваться, доход от этой продажи будет предназначаться для уплаты долга „Кэсс д'эсконт“, пока выплаченная сумма не достигнет 170 млн., или, вернее, последняя сама могла возместить долг, ввиду того, что выпущенные таким путем ассигнаты имели преимущество при покупке национальных имуществ; вручить на 170 млн. ассигнатов означало отдать в действительности на 170 млн. церковных имуществ.

Эти ассигнаты, собственно говоря, вовсе не были деньгами: они не подлежали обращению среди частных лиц; они были просто долговым обязательством государства, платежным распоряжением, врученным кредиторам под определенное обеспечение церковных имуществ. Впредь до реализации этого обеспечения и погашения долга ассигнаты, врученные кредиторам государства, приносили доход в 5%.

Стало быть, в этой первой операции, предпринятой Собранием, ассигнат — еще не деньги: это долговое обязательство государства, обеспеченное достоянием церкви, и предназначался он главным образом для того, чтобы укрепить доверие к кредитному билету „Кэсс д'эсконт“; последний еще маскирует ассигнат, и Собрание при этом первом выпуске ассигнатов могло еще убеждать себя в том, что оно лишь продолжает, дав билетам обеспечение, уже знакомую практику, что оно лишь пользуется кредитом „Кэсс

д'эсконт“, укрепляя этот кредит передачей последней ассигнатов, обеспеченных церковными имуществами.

Однако уже с этих первых дней ассигнат начинает отделяться от билета „Кэсс д'эсконт“ и играть самостоятельную роль. Многим членам Учредительного собрания пришла в голову мысль, что государство совершило ошибку, прибегнув к кредиту „Кэсс д'эсконт“, поскольку оно само, в конце концов, создало этот кредит, вручив ей надежно обеспеченные ассигнаты; и что было бы лучше, следовательно, воспользоваться непосредственно прямым кредитом, обеспечиваемым самим ассигнатом.

На это и обратил внимание Петийон де Вильнёв в лаконичных и разумных замечаниях уже на заседании 19 декабря¹. „Столица уже наводнена билетами „Кэсс д'эсконт“, которые не имеют хождения в провинциях; стало быть, она их выпустит еще; на „Кэсс д'эсконт“ будет возложен их выпуск, за что вы ей должны платить 5%. Но разве мы не можем сами печатать эти фиктивные деньги, необходимость которых признана? Разве мы не можем сами обеспечить им то доверие, в котором они нуждаются, чтобы иметь хождение во всех частях государства? В нашем распоряжении находятся церковные и государственные земли; выпустим же облигации, будем платить по ним процент, обеспечим уплату по ним... Может ли „Кэсс д'эсконт“ предоставить подобные преимущества своим бумагам? Таким образом, мы будем платить проценты не „Кэсс д'эсконт“, а нашим подлинным кредиторам“.

Собрание не приняло во внимание предложение Петийона и утвердило заем у „Кэсс д'эсконт“; и впрямь с этим было связано преимущество, о котором Петийон забыл: дело в том, что билеты „Кэсс д'эсконт“, обладая принудительным курсом, были деньгами, поэтому государство могло их использовать не только для оплаты срочных долгов, но и для обеспечения текущих нужд казначейства. Ассигнаты же, наоборот, поскольку они являлись лишь приносящим процент переводом долга, который государство вручало своим кредиторам, могли служить только для удовлетворения кредиторов. Следовательно, в комбинации, залуманной Учредительным собранием, билет „Кэсс д'эсконт“ и ассигнат образовывали единую систему и взаимно дополняли друг друга; с одной стороны, доверие банковому билету обеспечивал ассигнат; с другой стороны, ассигнаты становились деньгами, поскольку при посредстве билета они обретали принудительный курс и повсеместное хождение.

* Подробнее см. ценное исследование: С. А. Фалькнер. Бумажные деньги Французской революции (1789—1797). М., 1919.
1. Archives parlementaires, t. X, p. 675; „Moniteur“, t. II, p. 429.

Петийон де Вильнёв (1756—1794) — адвокат, субдепутат в Шартре при иттенданте Орлеана, депутат третьего сословия от Шартрского баляжа.

Таковыми нерешительными, но, быть может, неизбежными переходными мерами Собрание готовилось к прямому и открытому превращению ассигната в деньги в подлинном смысле этого слова, не приносящие процентов и имеющие принудительный курс. 21 декабря оно еще не довело дела до конца, но оно уже начинает освобождать ассигнат от билета, ибо выпускает ассигнатов на 400 млн. ливров, а поскольку „Кэсс д'эсконт“ их передано всего на 170 млн. в обеспечение билетов, то все остальные получили существование, независимое от билетов „Кэсс д'эсконт“.

Но все эти 400 млн. еще не являются деньгами; они являются только 5-процентными доходными бумагами, обладающими привилегией при покупке национальных имуществ. Вот, впрочем, текст этого важного декрета:

„Статья 1. Будет основана Касса чрезвычайных доходов, в которую будут вноситься суммы, поступающие от патриотического взноса, от продаж, которые начнутся после издания настоящего декрета, а также все другие чрезвычайные поступления государства. Средства этой кассы предназначены на покрытие самых неотложных и просроченных долгов, а также на оплату долгов, которые Национальное собрание решит погасить.

Статья 2. Владения Короны, за исключением тех лесов и королевских дворцов, пользование которыми Его Королевское Величество пожелает за собой сохранить, будут предназначены к продаже, так же как и церковные имущества, в таком объеме, чтобы в совокупности их стоимость составила 400 млн. ливров.

Статья 3. Национальное собрание немедленно назначит вышеуказанные объекты, а также установит форму и условия их продажи по получении сведений, которые должны поступить от департаментских собраний, согласно его декрету от 2 ноября.

Статья 4. Кассой чрезвычайных доходов будут выпущены ассигнаты, приносящие 5-процентный доход, с тем чтобы сумма их не превышала стоимости вышеупомянутых предназначенных к продаже имуществ, причем ассигнатам этим будет отдаваться предпочтение при покупке вышеуказанных имуществ. Настоящие ассигнаты будут погашаться либо путем указанных выше продаж, либо за счет поступлений от патриотического взноса, а также всех прочих чрезвычайных доходов, которые будут иметь место: 120 млн. — в 1791 г., 100 млн. — в 1792, 80 млн. — в 1793, 80 млн. — в 1794 и остальные — в 1795 г.“.

Итак, если принять во внимание, что из 400 млн. ассигнатов, выпущенных таким образом, одна часть служила для поддержания кредита билетов „Кэсс д'эсконт“ и тем самым косвенно превращалась в деньги, а другая часть их, непосредственно переданная кредиторам, не служила даже косвенно деньгами, а функционировала независимо от билетов „Кэсс д'эсконт“, то достаточно было объединить эти два качества ассигнатов и сделать все ассигнаты независимыми от билетов, наделив их ролью денег, чтобы

создать окончательный тип революционного ассигната. И прототипом этого ассигната был неясный и сложный ассигнат, созданный 19 и 21 декабря 1789 г.

Правая яростно возражала против этого первого выпуска ассигнатов: она даже дошла до того, что 19 декабря в полном составе покинула зал заседаний, чтобы попытаться сорвать голосование, которое и в самом деле было проведено окончательно только 21 декабря. Она со страхом и гневом взидала на создание этого денежного инструмента, который должен был сделать возможным продажу церковных имуществ. Однако в начале духовенство не восстало против этого великого революционного мероприятия со столь необузданной яростью, какая охватила его несколько месяцев спустя.

Прежде всего выпуск ассигнатов на сумму 400 млн. показался ему достаточно умеренным: эта сумма не превышала, она даже не достигала полностью размеров той „жертвы“, которую предложило само духовенство, чтобы отвести от себя угрозу. Кроме того, духовенство могло надеяться, что продажа его имущества будет проходить столь медленно и с такими трудностями, что Революции придется отказаться от этого источника.

Действительно, ассигнаты представляли собой билеты, дающие кредиторам государства возможность приобретать национальные имущества. Но разве станут кредиторы государства, имея на руках процентные бумаги, приносящие 5% дохода, особенно торопиться обменивать эти бумаги на имущество, дающее более низкий доход?

И если кредиторы государства, которых прямо призывают к приобретению церковных имуществ, заколеблются или даже откажутся покупать, если они будут опасаться, что когда-нибудь церковь предъявит им свои претензии, то разве этот пример не обескуражит других граждан и не отпугнет их от всей операции?

Вот почему церковь, не переставая громко вопить, все еще питала надежду избежать или свести до незначительных размеров это великое революционное мероприятие.

Но когда оказалось, что первый выпуск ассигнатов на сумму 400 млн. был осуществлен всерьез, когда начались продажи, когда революционная буржуазия стала спешно приобретать собственность, когда повсюду муниципалитеты скупали оптом значительные доли церковных владений и приступили к их перепродаже, когда, особенно в Париже, началось бешеное соперничество между собранием Коммуны и секциями из-за того, кому руководить операциями по продаже, церковь почувствовала, что наступил решающий момент, и тут она уже сделала колоссальное усилие.

В апреле вопрос этот возник в еще более острой и настоятельной форме. Нужды и затруднения казны, изложенные в докладе Неккера 6 марта, еще больше возросли по сравнению с декабрем

вследствие нерегулярного поступления налогов и упразднения многих судейских должностей.

Кроме того, помощь „Кэсс д'эсконт“, в которой Революция, еще неуверенная в своих силах, надеялась найти опору, явилась, наоборот, препятствием. „Кэсс д'эсконт“ с большим трудом разместила небольшое количество ассигнатов, которые передавались ей из месяца в месяц, пока сумма их не достигла 170 млн., в качестве гарантий авансов, выданных ею казначейству.

Недоброжелательное отношение к „Кэсс д'эсконт“ распространилось даже на ассигнаты, которые она продавала, несмотря на особый характер и солидность национального обеспечения, которое они имели. Таким образом Революция, которая рассчитывала укрепить свой кредит кредитом „Кэсс д'эсконт“, лишь погубила свой собственный из-за потери доверия к этому банку с подорванной репутацией.

Кроме того, поскольку Революция не могла непосредственно выбросить на рынок на 230 млн. ассигнатов, которые она не передала „Кэсс д'эсконт“, потому что не хотела создавать конкуренции ассигнатам, находящимся в распоряжении последней, внезапная заминка со сбытом ассигнатов „Кэсс д'эсконт“ распространилась на все ассигнаты: они ожидали, так сказать, своей очереди, когда на ассигнаты „Кэсс д'эсконт“ найдутся покупатели; а так как к этим последним проявляли общее недоверие, то это затормозило сбыт всех ассигнатов. Революция поняла, что ей необходимо вырваться из этого тупика, обрести доверие к собственным силам и укрепить престиж ассигнатов во всей стране. Следовало, стало быть, превратить ассигнаты в бумажные деньги с принудительным курсом, имеющие хождение на всей территории королевства.

Это и предложил Учредительному собранию Ансон, докладчик Комитета финансов, в своем великолепном докладе 9 апреля¹; он прежде всего установил, что недостаток звонкой монеты, либо вывозимой за границу, либо припрятываемой, парализует все деловые сделки и что это необходимо исправить хотя бы с помощью новых средств.

„С политической машиной происходит то же, что с машинами, облегчающими работу в промышленности: когда природа отказывает им в помощи рек и ручейков, газ и пар приходят на помощь изобретательному человеку, подчиняющему воздух и пламя потребностям производства. Последуем же его примеру и воспользуемся новыми средствами обращения вместо этих припрятанных металлических денег, которые отказываются притекать в государственную казну, и вскоре вся огромная государственная машина, застой которой вас так пугает, заработает со всей энергией“.

Это и в самом деле была новая сила, аналогичная силе пара и огня, сила пламенного и глубокого доверия, подкрепленного уверенностью в себе Революции; эта сила и послужит двигателем

для всей машины. Нечего больше рассчитывать на кредит „Кэсс д'эсконт“: он исчерпан. Нечего делать опять займы в счет налоговых поступлений будущих лет: Революция совершена именно для того, чтобы устранить эти непорядки.

Примем же для продажи национальных имущества самоотверженную помощь муниципалитетов, но им не должно быть разрешено выпускать „муниципальные бонны“ под залог имущества, продажу которых они взяли на себя: в конечном счете эти билеты будут пользоваться кредитом только в том случае, если нация уверует в успех продажи.

Итак, и здесь основой кредита будет национальное достоинство, зачем же маскировать основной кредит государства промежуточным кредитом муниципалитетов? Государство должно прекратить эту странную игру и не заимствовать свой кредит у тех — будь то банк или муниципалитеты, кому оно само создает кредит.

„Предоставим администрации старого порядка совершать ошибки, прибегая к промежуточным кредитам; покажем наконец всей Европе, что мы сознаем всю огромность наших ресурсов, и очень скоро мы уверенно вступим на широкую дорогу нашего освобождения, вместо того чтобы плутать по узким, извилистым тропинкам раздробленных займов и кабальных договоров“.

Прекрасная речь, смелая, рассудительная. Отныне Революция обретает прямой кредит в себе самой, в изъятых ею имуществах, в доверии и любви, которые она внушает, в доверии нации к нации, Революции к Революции. Превращение ассигнатов в бумажные деньги, имеющие повсеместное хождение, — это призыв к нации. И пусть не говорят, что декретирование принудительного курса ассигната, как обязательных денег, является актом не доверия, а, наоборот, отсутствия доверия.

Пусть не говорят, что это есть признание того, будто ассигнат без поддержки основанного на законе принуждения не принимался бы к оплате. Ибо, с одной стороны, можно было сколько угодно декретировать принудительный курс, но если бы не существовало всеобщей веры в победоносный ход Революции и в удачную продажу церковных имущества, то эти ассигнаты, имеющие только фиктивную ценность, натолкнулись бы на такую злую волю, на такое явное или скрытое сопротивление, что их основанная на законе способность к обращению вскоре оказалась бы исчерпанной. С другой стороны, для этих смелых новых средств недостаточно общего доверия, для них необходимо всенародное приобщение.

Прозорливый и решительный патриот, который верит в ассигнат, ибо он верит в Революцию, и который верит в Революцию,

1. Ансон (1744—1810) — главный сборщик налогов, депутат третьего сословия от города Парижа.

Что касается его доклада, сделанного 9 апреля 1790 г., см. „Moniteur“, t. IV, p. 77.

ибо полон решимости служить ей, не должен пострадать при всех случайностях деловых сделок, когда предлагаемый им ассигнат натолкнулся бы на отказ со стороны врага Революции или же упорного и корыстолюбивого охотника за прибылями. Надо, чтобы он был уверен, что в любой час, в любом случае легко сбудет свой ассигнат, который принял с доверием, а денежное обращение требует полного единодушия и согласия волею, оно требует, стало быть, когда речь идет о новых деньгах, об орудии нового порядка, против которого еще ведется борьба, суверенного вмешательства закона.

Таким образом, принудительный курс — это не акт веры в собственные силы, а необходимая предосторожность против врага, и г-н Буажелеп, хитрый архиепископ Экса, прибегнул в своих возражениях докладчику к весьма прозрачному софизму¹: „Зачем вы декретируете принудительный курс? Если ваши новые деньги устойчивы, они будут иметь хождение сами собой, благодаря стихийному доверию граждан; если же ваши новые деньги имеют неустойчивую основу, то вы не можете быть уверены, что в один прекрасный день сможете обменять их, реализуя обеспечение, а это означает частичное банкротство, целую серию банкротств, во много крат умноженных пользованием этими неустойчивыми знаками, при каждом переходе их из рук в руки“.

Да, прекрасное рассуждение, прекрасная тактика! Церковь организовала вокруг ассигната атмосферу недоверия, стачку фанатически настроенной части народа, и, когда этот отказ, это сопротивление меньшинства нации затормозят обращение ассигнатов, подобно тому, как расставленные с промежутками камни в канале останавливают движение воды, она торжествующе воскликнет: „Теперь вы видите, что ваши новые деньги никуда не годятся, а поскольку без этих новых денег широкая операция продажи невыполнима, придется отказаться от отчуждения церковной собственности“.

Принудительный курс опрокинул этот маневр, и, когда пылкий оратор правой воскликнул: „Декретировать принудительный курс бумажных денег — значит грабить, вооружившись мечом“², он ошибся только в одном слове: ибо нация не грабила, она вырывала из праздных и недостойных рук имущество, которое должно было принести лучшие плоды в других руках, и она была права, вооружив Революцию законом, будто мечом, и придав ассигнату победоносную силу и силу проникновения, которые способны были сокрушить любое сопротивление.

Но в тот момент, когда Революция собиралась придать силу денег и принудительный курс 400 млн. ассигнатам, выпущенным в декабре 1789 г. и все еще лежавшим мертвым грузом в Кассе чрезвычайных доходов, возник вопрос: следует ли сохранять за этими ассигнатами приносимые ими проценты? На первый взгляд, исходя из отвлеченных расчетов, казалось, что ассигнат, раз он

превратился в деньги, не должен, как и всякие деньги, приносить никаких процентов. Когда в декабре Собрание решило, что ассигнаты должны приносить 5% дохода, оно не вводило принудительного курса ассигнатов. Оно предназначало их главным образом для того, чтобы побудить кредиторов государства потерпеть до тех пор, когда оно сможет расплатиться с ними путем продажи церковных имуществ. Поскольку им должны были платить какие-то проценты за кредит, было естественно, чтобы ассигнат, являющийся новой формой долгового обязательства, тоже приносил доход.

Кредитор не был уверен в том, что сможет передать другому лицу свои ассигнаты, и справедливость требовала, чтобы он, если он хранил их в ящике стола, не терял дохода от капитала, представляемого этими ассигнатами. К тому же процент с ассигната мог помочь его обладателю пустить его в оборот. Не имея принудительного курса и широкого хождения, подобно деньгам, он мог бы по крайней мере циркулировать в качестве банкового билета и быть использован в какой-то мере при сделках.

Но с того дня как обладатель ассигната имеет на руках уже не срочное долговое обязательство государства, а бумажные деньги, то есть долговое обязательство, подлежащее оплате по предъявлению, с того момента, как он благодаря принудительному курсу обретает уверенность, что ни его кредиторы, ни поставщики не посмеют не принять его ассигнат и что он, стало быть, сможет вернуть себе путем покупок, когда он реализует ценность ассигната, капитал, некогда данный в займы государству, то уже нет никаких причин выплачивать на ассигнат проценты, ибо ассигнаты-деньги уже представляют собой не обещание уплаты долга, а саму уплату.

Петион, который еще в декабре сделал попытку обособить кредит государства от кредита, или, вернее, отсутствия такового у „Кэсс д'эскант“, и у которого сложился весьма смелый и ясный взгляд на вопрос об ассигнатах, привел весьма убедительные доводы в пользу того, что преобразованные ассигнаты не должны больше приносить процентов (16 апреля 1790 г.)³.

„Легко понять, — говорил он, — почему ассигнат не должен приносить процентов. Это по той простой причине, что экую, находящиеся в обращении, их не приносят; как только вы превращаете ассигнат в монету, как только его начинают в качестве таковой принимать в уплату при сделках, он должен приобрести и все при-

1. Это выступление епископа Экса против проекта, касавшегося ассигнатов, состоялось 15 апреля 1790 г. „Moniteur“, t. IV, p. 126.
2. Эта фраза была приведена аббатом Мори 15 апреля 1790 г. во время

прений по поводу ассигнатов, но без упоминания источника. „Moniteur“, t. IV, p. 127.
3. „Moniteur“, t. IV, p. 135. См.: P e t i o n. Discours sur les assignats. BN, 8° Le²⁹ 904, imp., 21 p.

сущие деньгам черты. Если при первом выпуске ассигнатов вы согласились, чтобы они приносили проценты, то сделали это для того, чтобы как можно сильнее привлечь людей к делу, которое им было еще непривычным, от которого они могли отвернуться в силу предрассудков и незнания, но в принципе это абсурд, чтобы ассигнат-монета приносил процент.

Это было бы даже в некотором отношении истинной несправедливостью, ибо ассигнат этот имеет стоимость монеты, и если вы добавите к ней еще другую, то тем самым обесцените находящиеся в обращении деньги, вы вызовете падение их ценности по сравнению с ассигнатом.

К принципам разума и справедливости следует еще присовокупить веский довод общественной пользы. Если ассигнаты не будут приносить процентов, то тем самым будет облегчено бремя налогов, под которым изнемогает народ. Если вы погасите 2 млрд., вы освободите нацию от 100 млн. рент. Есть ли соображение более важное, более способное растрогать тех, кто озабочен облегчением бедствий нации, столь долго пребывающей в угнетении?

Если ассигнаты будут приносить проценты, их уже нельзя рассматривать как деньги, а если так, то я не вижу причин, почему бы им не присвоить обычный, текущий процент. И что же тогда произойдет? А то, что большая часть национальных имуществ останется нераспроданной. Владелец ассигната предпочтет спокойно пользоваться 5%, нежели получить землю, доход с которой не превысит 3,5%, доход, который к тому же подвержен превратностям и может обернуться убытком.

Итак, это интересное, это важнейшее мероприятие, которое Собрание собирается провести, может провалиться, если сделать ассигнаты доходными. Национальные имущества, которые так важно продать, и продать как можно быстрее, найдут гораздо меньше покупателей. Управление ими будет весьма обременительным для нации, и она будет платить 5%, в то время как, возможно, будет извлекать из своих земель меньше 2%.

И Петион, преследуя, таким образом, цель превратить ассигнат просто-напросто в деньги, весьма логично потребовал, чтобы ассигнат стоимостью 1000 ливров, выпущенный на основании декабрьского постановления, был разделен на ассигнаты меньшего достоинства, чтобы он мог использоваться и при мелких сделках.

„Если в ассигнатах, выпущенных по сей день, — сказал он, — и есть недостаток, который очень сильно дает себя чувствовать, то он заключается в том, что они представляют собой слишком крупные купюры и потому их нелегко реализовать. Они непригодны для повседневных нужд и при покупке мелких предметов; они непригодны при всех торговых операциях. Они становятся либо причиной, либо предлогом для всяких проволочек в делах. Человек, который должен небольшую сумму, будет без конца

выпроваживать своего кредитора, предлагая ему ассигнаты, далеко превосходящие по своей стоимости его долг. Такими ассигнатами очень затруднительно расплачиваться, и у нас есть достаточный опыт, чтобы уяснить себе это. Ассигнаты в 50, 36, 24 ливра легко могут быть пущены в ход при любых сделках, при любом обмене; они могли бы сильно оживить обращение“.

Система, предложенная Петионом, была цельной и исчерпывающей. И именно ее отныне решительно примет Революция: станут выпускать ассигнаты, обеспеченные национальным имуществом, имеющие характер денег с принудительным курсом, не приносящие процентов и разделенные на мелкие купюры, пригодные для всех видов обмена. И похоже, что сформулированные им возражения против процентов, выплачиваемых на ассигнаты-деньги, оказались решающими. Однако в апреле Собрание еще не согласилось с предложением Петиона.

Попытка была столь смелой, крушение ассигнатов, столкнувшихся с всеобщим сопротивлением, было бы столь жестоким, что Собрание хотело принять как можно больше мер предосторожности. Разумеется, принудительный курс ассигнатов-денег, казалось, делал бесполезным и несправедливым получение процента, но не послужит ли это поощрением для лиц, которые хотели бы пустить ассигнат в обращение? Процент будет начисляться *по дням*; например, если будет установлен доход в 3%, то ассигнат в 1000 ливров будет приносить в день 20 денье или же 1 су 8 денье.

Стало быть, если держатель ассигната продержит его у себя 20 дней и если он сбудет его другому лицу, то получит от последнего стоимость ассигната плюс 20 раз по 20 денье, и так будет происходить при всех сделках. К концу года владелец ассигната получит от казны годовой процент, который последовательно будет авансироваться теми, кто последовательно приобретал ассигнат. Поэтому каждый владелец ассигната будет стараться от него отделаться, ибо, передавая его другому лицу, он получит, помимо стоимости ассигната, нечто вроде премии, состоящей из процентов на ассигнат за все время, пока он его хранил.

Ясно, что такая комбинация не требовала сложных расчетов; но, как они ни были просты, они мешали популяризации ассигната; и, пожалуй, это практически ограничивало его применение кругом людей, привычных к делам. Следовательно, клиентура ассигната была небольшой и роль его ограничена, но со стороны масс, еще недостаточно хорошо информированных, не следовало опасаться сопротивления, и акклиматизация ассигната совершалась без риска резкого падения его стоимости.

О, какое соединение смелости и осторожности предполагают великие революции! И какую великолепную силу и гибкость ума доказали члены Учредительного собрания!

На каждом заседании, где Тэн со свойственным ему педантичным нежеланием видеть правду усматривает только бурные

инциденты или абстрактную риторику, проявлялось усилие мысли, тончайший расчет моряка, который в беспредельном разгуле грозы следит за малейшим движением стрелки компаса.

Пусть придуманные Неккером займы не имели успеха, пусть прежние налоги перестали поступать, пусть даже новый патриотический взнос не был немедленно внесен — все это неспособно поразить Революцию в самое сердце; но, если ассигнаты, если революционные деньги, это орудие экспроприации церкви и освободительной их продажи, не заслужат доверия, Революция, неожиданно парализованная, будет подорвана. С этим чувством ужасной ответственности Учредительное собрание нащупывает путь к разрешению проблемы ассигната: оно наделяет его процентом, как снабдили бы парашютом воздушный шар, который унесит в беспредельное пространство, неведомо куда, судьбы отечества.

Между тем доводы Петиона не остались без последствий, и в апреле ассигнат начал эволюционировать и в конце концов стал играть роль денег¹. Прежде всего Учредительное собрание снизило доход, приносимый ассигнатом, с 5%, установленных в декабре, до 3%; это изменение имело очень большое значение. Когда ассигнаты приносили 5%, их рассматривали как долговые обязательства, приносившие проценты, подобно любым другим доходным бумагам. Снизить процент до 3, то есть ниже обычного процента, приносимого государственными процентными бумагами, означало, что ассигнаты больше не рассматривают как долговые обязательства и что сниженный процент, который они продолжали приносить, является только премией за распространение денег, еще не заслуживших полного доверия. Это первое снижение процента подготовило полную его отмену.

Кроме того, Учредительное собрание раздробило ассигнат в 1000 ливров: 17 апреля оно издало декрет о том, что „ассигнаты будут отныне выпускаться достоинством от 1000 до 200 ливров; процент с них будет начисляться по дням: ассигнат в 1000 ливров будет приносить 1 су 8 денье в день, в 300 ливров — 7 денье, а ассигнат в 200 ливров — 4 денье в день“.

Не только ассигнат был таким образом разделен; в статье 7 говорится: „Во избежание всяких споров при платежах должник всегда должен рассчитываться точно и, следовательно, запасаться необходимой серебряной монетой, дабы заплатить сполна ту сумму, которую он должен“².

Так Учредительное собрание позаботилось о том, чтобы обеспечить обращение и применение ассигната.

А главное — оно положило конец колебаниям лиц, приобретавших национальные имущества, освободив церковные имущества, предназначенные для продажи, от всяких обязательств по закладным. Церковь делала много займов под залог своих имуществ; и потому покупатели всегда опасались, как бы кредиторы не предъявили свои права. Учредительное собрание постановило:

„Долги духовенства будут признаны национальными; на государственное казначейство возлагается обязанность выплатить как сами долги, так и проценты по ним“.

Нация заявила, что она будет рассматривать как кредиторов государства всех тех, кто удостоверит, что он состоит кредитором духовенства, и кто окажется обладателем контрактов на ренту, подписанных духовенством: следовательно, залогом для них, как и для всех других кредиторов нации, служат все имущества и все доходы, которыми нация располагает.

Таким образом, нация заменила общим обеспечением, основой которого были все национальные имущества, специальное обеспечение кредиторов духовенства: тем самым она освободила все предназначенные для продажи имущества от обязательств по закладным. Депутаты от духовенства возражали: они заявили, что кредиторы духовенства соглашались на снижение процента до 4,5 лишь благодаря особому обеспечению, которое давала им специальная закладная на имущество духовенства, и что приравнивать их к общей массе кредиторов государства — значит их обграбить. Собрание не посчиталось с этим возражением и обеспечило тем самым продажу церковных имуществ.

Операция, урегулированная Учредительным собранием на таких основаниях, удалась: ассигнаты поступили в обращение, продажа церковных имуществ начала оживляться. Но эта операция с выпуском ассигнатов на сумму 400 млн. была каплей в море по сравнению с огромными нуждами Революции.

В августе самые срочные долги, подлежащие уплате, превысили 1800 млн. И какое значение имел выпуск ассигнатов на 400 млн. по сравнению с миллиардной стоимостью национальных имуществ, для продажи которых необходимо было создать денежный эквивалент? Поэтому в августе дебаты вновь возобновились, но на этот раз вопрос был поставлен во всей его широте.

Теперь речь шла уже не об ограниченной, робкой операции. Речь шла о том, чтобы окончательно разработать систему и выпустить достаточное количество ассигнатов, чтобы покрыть все неотложные долги, чтобы обеспечить продажу всех церковных имуществ. Но в тот решающий момент грандиозность и бесповоротность акта, который предстояло совершить, смущали все умы. Однако тут вмешался Мирабо, и своей великолепной речью, своим красноречивым утверждением веры в Революцию он увлек за собой Собрание и всю страну.

1. Принудительный курс был установлен декретом от 12 сентября 1790 г. Duvergier. Op. cit., t. 1, p. 172, 416.

2. Учредительное собрание избегало выпуска мелких купюр, ибо не желало, чтобы заработную плату

платили бумажными деньгами. Для расчетов было увеличено по частной инициативе количество кредитных билетов. В конце концов в 1791 г. декретом был разрешен выпуск ассигнатов стоимостью 5 ливров.

После дискуссии в октябре — ноябре 1789 г., после того как Собрание в принципе решило, что церковные имущества передаются в распоряжение нации, великий оратор хранил по этому вопросу молчание. Как он сам поведал Собранию, он никак не мог прийти к решению, какую систему лучше принять, но теперь уже проделан опыт; теперь доказано, что первая эмиссия ассигнатов, сколь бы незначительна она ни была, оживила оборот и дела; теперь необходимо расширить эмиссию, необходимо выпустить столько ассигнатов, чтобы удовлетворить все потребности страны. Не надо бояться фиктивных денег, деятельная жизнь Франции поглотит океан ассигнатов, как иссохшая земля поглощает влагу.

Нельзя больше колебаться в выборе между двумя системами: ассигнатом — кредитным билетом государства, приносящим проценты, и ассигнатом-деньгами. При столь широкой эмиссии, которая сейчас необходима, конечно, следует отдать предпочтение ассигнатам-деньгам, не приносящим процентов. Если ассигнаты будут приносить проценты в то время, когда собираются выпустить их на миллиарды, это ляжет на народ непосильным бременем.

Это означало бы добавок превратить ассигнат в долговое обязательство, в деньги, которые найдут обращение лишь в очень небольшом кругу людей. Ассигнаты должны стать деньгами для всех, как и Революция должна быть для всех. Придать миллиардам ассигнатов принудительный курс денег, без процентов, дать в руки всего народа, путем беспрепятственного и широкого обращения, бумажные деньги, которые обретут ценность, только если осуществится продажа церковных имуществ и если Революция победит, — это значит заинтересовать весь народ, всю страну в успехе продажи и в торжестве Революции.

Собрание, только и желавшее успокоить себя и успокоить Францию, приняло решение напечатать речь Мирабо, одну из самых сильных и самых ярких, какие были произнесены за всю историю; ибо, если верно, что одна лишь необходимость заставила Революцию прибегнуть к великой мере, предложенной Мирабо, то верно и то, что у этой меры было тем более шансов на успех, что она была принята с большим доверием и энтузиазмом; и Мирабо сумел столь глубоко возбудить революционный пыл, что ассигнат с того дня стал воплощать собой ни с чем не сравнимую силу доверия, саму душу Революции.

Пробудив энтузиазм и пыл народа, Мирабо оказал колебавшейся Франции услугу, которую невозможно переоценить. О тех трудностях, которые пришлось преодолеть, о тех сомнениях и сопротивлении, которые надо было победить, можно судить по тому, что даже после речи Мирабо такие великие умы, такие видные ученые, как Кондорсе и Лавуазье, все еще продолжали бороться против ассигнатов-денег.

Кондорсе в своем замечательном мемуаре, полном грусти, сетовал, что великий оратор, столь вдохновлявшийся до сих пор

„охранительными“ („conservateurs“) принципами общества, столь ярый противник всякого банкротства, выступил с предложением меры, являющейся, по сути дела, замаскированным банкротством.

А не было ли это и в самом деле банкротством государства по отношению к его кредиторам — заменить находившиеся в их руках бумаги, приносящие доход, ассигнатами, не дающими никакого дохода? Кондорсе, однако, забывает, что принудительный курс превращает долговое обязательство в капитал и что кредитору тем самым уже уплачены занятые у него деньги. Его рассуждения предполагают, что ассигнат не будет введен в обращение, что он останется в руках кредиторов государства из-за всеобщего недоверия к нему; что он застрянет; следовательно, в основе тезиса Кондорсе лежит неверие в саму Революцию, в ее силу убеждения и потрясения; события доказали, что он заблуждался в отношении Мирабо, и это один из самых волнующих примеров того, что в дни кризиса недостаточно обладать холодным и блестящим умом ученого, как бы он ни был благороден; великий трибун, полный страсти, сама страсть которого обнаруживала скрытый пыл, тающийся в душах, обладал взглядом более зорким и более верным, нежели выдающийся философ и математик.

В своем стремлении к симметрии и математической точности, которые совершенно неприменимы к столь широким мероприятиям, Кондорсе добавлял, что невозможно точно вычислить стоимость национальных имуществ и что, следовательно, невозможно определить количество ассигнатов, необходимое, чтобы их представлять.

Если выпустить слишком мало ассигнатов, то цена продаваемых имуществ упадет ниже их подлинной стоимости и это будет уроном для нации; если, наоборот, выпустить слишком много ассигнатов, то стоимость имуществ возрастет по сравнению с их истинной стоимостью и тогда это будет убыточно для кредиторов государства. Но кто не видит, что эта абсолютная точность расчетов, невозможная даже при определении пути небесного светила, во сто крат невозможней, когда дело касается социальных явлений? Самое важное тут избежать грубых ошибок, которые могут привести к крушению всей системы.

И наконец, Кондорсе утверждал, прибегая к аргументу, одновременно и очень тонкому, и весьма софистическому: „Если ассигнаты приносят проценты, держатели их отнюдь не будут торопиться их сбывать; поэтому они вовсе не будут стремиться приобретать продающееся имущество, так что будет возможность покупать его, не опасаясь слишком сильной конкуренции со стороны всей финансовой и живущей на ренту буржуазии“.

Если же кредиторы государства будут сохранять в своих руках ассигнаты, чтобы продолжать получать с них проценты, то кто будет покупать национальные имущества и на какие деньги их будут покупать? Воздержание буржуазии не даст земледель-

дам необходимых средств; продажа не состоится, и Революция погибнет, к великому общему горю буржуазии и крестьян.

Великий химик Лавуазье предупреждал о других опасностях¹. Во Франции, говорил он, имеется всего 2 млрд. реальной звонкой монеты; выпустить на 2 млрд. фиктивных денег — это значит одним ударом удвоить количество денег и тем самым перевернуть все цены. Кроме того, ассигнат, который уже потерял по сравнению с золотом и серебром 6% своей стоимости, обесценится еще гораздо больше, когда масса ассигнатов возрастет и когда будут отменены проценты на них, поддерживавшие их курс.

Чтобы не обменивать свое серебро и свое золото на обесцененные ассигнаты, граждане будут прятать свою реальную звонкую монету; таким образом, через некоторое время и после глубокого кризиса цен Франция уже не будет обладательницей звонкой монеты на 2 млрд., как прежде, но эти 2 млрд., вместо того чтобы оставаться золотом и серебром, превратятся в бумажки.

И наконец, Лавуазье доказывал, что держатели ассигнатов, имеющие возможность заплатить ассигнатами по их номинальной стоимости при покупке национальных имуществ, окажутся тем самым в более выгодном положении, нежели земледельцы. Эти последние, которые должны платить золотом, будут платить, при одинаковой цене, на 6—7% дороже, нежели их вышеупомянутые конкуренты: стало быть, они легко будут побеждены на публичных торгах.

Конечно, Лавуазье с необыкновенной проницательностью предвидел все опасности, которые породит широкий выпуск ассигнатов. Но он глубоко ошибался, когда рисовал эти опасности как немедленные и неизбежные. На самом деле обесценение ассигната, которое он предсказывал в самом ближайшем будущем, произошло гораздо позднее или, во всяком случае, не сразу достигло катастрофических размеров. Согласно таблице, приложенной к закону от 5 мессидора V г. (23 июня 1797 г.), в которой приводится средний курс ассигната с момента его появления и до изъятия его из обращения, в 1790 г. он составлял 96% его номинальной стоимости, в 1791 г. — 91 и в 1792 — 70%.

Не ополчись против Франции коалиция всей Европы, не стань из-за этого необходимой постоянная и неумеренная эмиссия, ассигнат не обесценился бы в такой угрожающей степени; его курс поддерживался на достаточном уровне в течение четырех лет, дав тем самым Революции время распродать национальные имущества и создать вооружение, то есть укрепить корни нового порядка и защитить его.

Мирабо оказался прав в своем споре с учеными: ассигнаты-деньги спасли Революцию.

КОМУ ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ВЫГОДНЫМ — БУРЖУАЗИИ ИЛИ КРЕСТЬЯНСТВУ?

Как же производилась эта колоссальная продажа национальных имуществ стоимостью свыше 3 млрд.? К выгоде каких социальных категорий произошло это громадное перераспределение собственности? Было ли это к выгоде буржуазии или крестьянства? И в каком соотношении?

По этому вопросу имели место многие недоразумения. С одной стороны, правящие классы, особенно буржуазные слои, умно-

1. „Réflexions sur les assignats et sur la liquidation de la dette exigible ou arriérée, lues à la Société de 1789, le 29 août 1790...” (BN, 8° Lb⁴⁰ 832, imp., 35 p.) Жорес, возможно, недостаточно подчеркивает социальные последствия инфляции, об опасности которой предупреждал Лавуазье. Народные массы видели, как ухудшались условия их существования: подмастерья и рабочие, получавшие свою заработную плату в бумажных деньгах, убеждались, что их покупательная способность падает. Жизнь дорожала, рост цен повлек за собой те же явления, что и голод. Возобновились социальные волнения; дороговизна жизни восстанавливала народные массы городов против крупной буржуазии и способствовала ее падению. Инфляция оказалась не менее губительной для

некоторых категорий буржуазии: чиновники, чьи должности были упразднены, рантье старого порядка, поместившие свои сбережения в государственные ценные бумаги или в ипотечные займы, наблюдали, как их доходы сокращаются по мере обесценения этих бумаг. Инфляция ударила и по вновь приобретенным богатствам. И наоборот, она оказалась выгодной спекулянтам. Ассигнаты-деньги позволяли приобретать церковные имущества всем, и это главное, в то время как ассигнаты-бонны казначейства позволяли покупать их только кредиторам государства, финансистам, бывшим обладателям упраздненных ныне должностей. Перестав быть финансовым средством, ассигнат превратился в мощное орудие политического и социального действия.

жившие благодаря Революции свое богатство и свое могущество, пытались уверить страну, что национальные имущества в основном приобретались земледельцами. Они утверждали, что „Революция дала землю крестьянам“, и тем самым отводили или думали, что отводят от себя упрек в эгоизме и спекуляции. Они надеялись таким образом крепче привязать крестьянские демократические слои к буржуазному правительству. Фактически это, однако, неверно, что крестьяне приобрели большую часть национальных имуществ; совершенно очевидно, что в основном покупателем последних была буржуазия, особенно городская.

Такая искусно созданная и поддерживаемая буржуазией легенда с самого начала затемняла проблему. С другой стороны, многие наши друзья социалисты, увлекшись полемикой против класса буржуазии, ослепленные блестящим и легкомысленным памфлетом Авенеля, совершили двойную ошибку. В силу вполне естественной реакции на созданную буржуазией легенду они чрезмерно умалили часть приобретений, сделанных крестьянами. И далее, они слишком смело применили абсолютно отвлеченное мерило для социального явления, о котором надлежит судить на основе общего закона экономической эволюции.

Послушно повторяя слова Авенеля, который сетовал, что Революция не создала на основе национальных имуществ многочисленную мелкую крестьянскую собственность, они, сами того не ведая, применили скорее радикальную, нежели социалистическую концепцию; они недостаточно ясно отдавали себе отчет в том, какие неотложные нужды вставали в ту пору перед буржуазной Революцией. *A priori*, если поразмыслить над этим хорошенько, Революция не могла ставить своей главной или даже просто важной целью при продаже национальных имуществ увеличение мелкой крестьянской собственности.

Почему вспыхнула Революция? Потому что монархия старого порядка, попавшая в безвыходное положение вследствие растущего дефицита, оказалась на краю банкротства. Банкротство же означало как гибель буржуазии, так и нового государства; это было бы прекращением буржуазной цивилизации, промышленного труда, кредита и свободной мысли; это был бы возврат к феодальному и клерикальному господству. Первая обязанность Революции перед Францией и *перед самими пролетариями* состояла, следовательно, в том, чтобы не допустить банкротства, расплатиться с кредиторами государства, с тем чтобы новое государство не лишилось в будущем всякого кредита и чтобы капиталы, возвращенные таким путем буржуазным кредиторам, могли быть вложены ими в развитие промышленных и торговых предприятий, руководство которыми в эту эпоху могла осуществлять и осуществлять только одна буржуазия.

Поскольку долг, подлежащий немедленной уплате, достигал в августе 1790 г. более половины всей предполагаемой стоимости

национальных имуществ, поскольку общая сумма долгов государства, еще пока не уточненная, должна была, весьма возможно, превышать общую стоимость этих национальных имуществ, было бы химерой думать, что национальные имущества могли послужить какой-нибудь другой цели, кроме погашения национальных долгов.

И так как дело не терпело отлагательств, так как большая часть долга подлежала немедленной уплате, Революция не только не могла себе позволить бесплатно раздавать земли, но и продавать их она должна была только тем, кто мог заплатить быстро и в чем распоряжении были свободные средства. Такова была сила обстоятельств, такова была крайняя необходимость для Революции, и все, что было бы совершено против этого высшего закона спасения Революции, было бы, по существу, даже при всей видимости филантропии, реакционным.

Я восхищаюсь откровенностью и ясностью, с которой де Польверель поставил этот вопрос на заседании Якобинского клуба 25 июня 1790 г.¹ Его доклад с самого начала разрушает легенду, созданную заурядной буржуазией, неспособной понять и признать то, что было великого в ее революционном эгоизме; он также сводит на нет поверхностную критику ряда радикальных писателей, чью мысль некоторые наши друзья подхватили с излишней снисходительностью. Послушайте, с какой силой он опровергает точку зрения де Ларошфуко-Лианкура и де Сернона; но обратите также внимание на то, какие обязательства брала на себя тогда революционная буржуазия по отношению к рабочему классу.

„Должна ли нация предоставить часть этих имуществ бедным? Г-н де Сернон [депутат дворянства от баляжа Шалон на Марне] думает, что это должно быть именно так, и он предлагает поручить муниципалитетам распоряжаться предназначенной для этой цели частью².

Г-н де Лианкур предлагает сохранить для неимущего класса ту часть национальных имуществ, которая в данный момент не приносит никакого дохода, вроде пустошей и болот³.

Почтенный член общества предлагает вам изъять из продажи национальные имущества стоимостью 1200 млн. и разделить их на мелкие бенефиции, которые будут обрабатываться бедными семьями и доходы с которых послужат им средствами к существованию.

1. Этьенн де Польверель (1738—1794), адвокат, в 1789 г. синдик Беарских штатов, в 1791 г. — общинственный обвинитель при трибунале I округа Парижа, в 1792 г. — комиссар в Сан-Доминго.

2. Пэнтвиль де Сернон (1756—

1837) — депутат дворянства от баляжа Шалон на Марне.

3. Герцог де Ларошфуко-Лианкур представил 13 июня 1790 г. доклад от имени комитета, на который была возложена задача отчуждения церковных имуществ. „*Moniteur*“, t. IV, p. 622.

Если уж нужно сохранить для бедных некую часть, будь то пустоши и болота, будь то земли, уже дающие доход, я бы хотел, чтобы управление и пользование последними было передано самим беднякам. В таком случае дробление на мелкие бенефиции, которое вам здесь предложили, было бы единственно возможным.

Но должна ли нация прийти на помощь неимущим именно путем распределения земель? Должна ли она, может ли она их распределять? Не найдется ли у нее более действенных средств, чтобы помочь бедным?

Каждая нация обязана заботиться о средствах к существованию своих бедняков. Есть две категории бедняков: трудоспособные и инвалиды. Первые должны жить своим трудом, вторые могут существовать только за счет общественной помощи. Но нищенства нельзя разрешать ни тем, ни другим.

Нищенство не надобно работоспособным беднякам, ибо своим трудом они могут обеспечить себе средства к жизни. Оно бесплодно или недостаточно для бедняков, потому что многие из них не в состоянии просить милостыню, а также потому, что подаяния добровольны и приток их неизбежно весьма непостоянен, чего нельзя сказать о необходимости в них.

И наконец, нищенство должно быть запрещено в каждом упорядоченном обществе, ибо оно поддерживает и потворствует праздности, а праздность — мать всех пороков.

К чему же сводится обязательство нации в отношении бедных? Предоставить работу тем, кто может и хочет работать, заставить работать тех, кто может, но не хочет работать, установить и сохранить определенное соотношение между заработной платой и средствами, необходимыми для пропитания, но с таким расчетом, однако, чтобы принудительный труд оплачивался ниже, чем труд добровольный, оказывать далее помощь всем тем, кто не в состоянии работать.

Распределив между бедными все излишки, которые у вас останутся от национальных имуществ после того, как вы расплатитесь с долгами, вы не справитесь с нищетой. В королевстве насчитывается не менее 8 млн. человек, у которых ничего нет. Предположите, что у вас 400 млн. дохода, тогда абсолютно равное распределение всего этого богатства не даст более 50 ливров дохода на каждого человека, а этого явно недостаточно для пропитания, ибо у него будет только 33 денье в день на все его повседневные потребности.

Коль скоро очевидно, что у вас нет достаточно земли, чтобы, распределив ее среди всех ваших бедняков, защитить их от нужды, то уж лучше совсем ее не распределять, ибо вам неизбежно придется оказать кому-либо несправедливое предпочтение и этим вы вызовете недовольство остальных.

Если бы в вашем распоряжении оказалось достаточно земли, чтобы наделить нужным количеством ее всех бедняков, если бы

вы предоставили все земли королевства для абсолютно равного раздела, то дробление семей, нерадивость, всякие несчастья, болезни или неумелость главы семьи вскоре дали бы новые поколения бедняков, и что же вы тогда сможете им предложить?

Величайшее лекарство от нужды и нищенства состоит, следовательно, не в том, чтобы безвозмездно распределять земельную собственность, а в уверенности, что нетрудоспособные бедняки получают помощь, в уверенности, что трудоспособные получают работу, а также в соответствии заработной платы с потребностями людей в пропитании.

Пусть каждый департамент, каждый дистрикт, каждый муниципалитет откроет у себя благотворительные учреждения для инвалидов и общественные мастерские для людей любого пола и любого возраста; пусть в этих общественных мастерских будет установлен такой уровень заработной платы, чтобы ее хватило на прожитие во все времена года отцу семейства и членам его семьи. Пусть эти мастерские, всегда открытые, заставят своей конкуренцией всех землевладельцев, всех хозяев мастерских платить своим рабочим, во всяком случае, не меньшую заработную плату.

Но Польверель не ограничивается доказательством того, что бесплатное распределение части национальных имуществ среди бедняков было бы одновременно и невозможным и бесполезным. Он доказывает, что государство не сможет предоставить мелким покупателям льготных условий, а именно длительную рассрочку.

„Я знаю, — говорил он, — что многие добрые граждане будут недовольны планом, который я предлагаю. Они хотели бы (и я хотел бы этого не менее, чем они), чтобы при покупке всех без различия национальных имуществ предоставлялись те же льготы, которые я предлагаю давать только при продаже третьей очереди [то есть той, которая будет иметь место после покрытия наиболее срочных долгов]. „Иначе, — говорят они, — все национальные имущества перейдут в руки богачей, капиталистов; те же, у кого ничего нет, так и останутся ни с чем“. Эта мысль соблазнила комитет (Собрания); так как ему очень хотелось облагодетельствовать бедняков, невозможное показалось ему легко выполнимым.

Он предложил призвать всех граждан соревноваться в приобретении национальных имуществ, дать покупателям такие же льготы, как в смысле формы, так и сроков оплаты, какие Собрание предоставило при покупках, в которых муниципалитеты выступали посредниками, и таким образом раздробить продаваемые участки, чтобы даже бедный человек, пожелавший приобрести небольшой клочок земли, мог это осуществить.

Я понимаю, что ни одного гражданина нельзя исключить из соревнования, вот почему я допускаю деление объектов продажи на мелкие участки... Я понимаю также, что нация, если бы у нее совсем не было долгов, могла бы и должна была бы предоставить

беднякам всевозможные льготы при покупках; вот почему я предлагаю предоставить им все эти льготы при продаже третьей очереди, когда нация останется только выплачивать вечные ренты, причем в ее власти будет не выплачивать основного капитала или же выплатить его лишь тогда, когда она этого захочет.

Но я не понимаю, как нация, которая должна уплатить немедленно два миллиарда, у которой нет иного средства покрыть свой долг, кроме продажи этих имуществ, может дать покупателям 15 лет рассрочки для уплаты продажной цены.

Нация не может предоставить льготы беднякам для приобретения этих имуществ, пока она не рассчитается со срочными долгами, пока не погасит пожизненные пенсии и ренты или пока она по крайней мере не обеспечит их ежегодную выплату.

И только тогда, когда ей останется лишь погасить вечные ренты, когда никто не будет вправе заставить ее погасить их именно сегодня, а не через 10, 15 или 20 лет, нация сможет дать неимущим гражданам все льготы, которые она сочтет необходимыми, для приобретения национальных имуществ и их оплаты.

Было бы, разумеется, лучше, чтобы богачи, чтобы капиталисты не получали никаких преимуществ ни в одной из трех очередей продажи. Если мне укажут на какое-либо средство помешать тому, чтобы неравенство в земельной собственности не было неизбежным следствием неравенства в движимом имуществе, я приму это средство не колеблясь. Но пока мне этого средства не укажут, я вправе спросить: должны ли мы, стремясь к наилучшему, которое недостижимо, пренебречь благом, находящимся в наших руках? Я спрашиваю: неужели для общественного процветания и для земледелия ничего не значит — превратить деньги, хранящиеся в сундуках и портфелях, в земельную собственность, пустить в оборот давно припрятанные капиталы...

Да, Польверелю следует отдать должное: он с поразительной четкостью поставил вопрос. Долг, и долг неотложный, стоит превыше всего. Непосредственная, жизненно важная для Революции проблема состояла не в том, чтобы наделить собственностью неимущих, а в том, чтобы передать земли кредиторам государства, которым невозможно было заплатить иным путем. Поэтому буржуазные политики и экономисты издеваются над нами, утверждая, что главным результатом Революции было наделение крестьян землею. Она освободила от десятины и от феодальных прав уже возникшую крестьянскую собственность, но она не могла многое прибавить к этой собственности. Вот почему также несправедливо и наивно упрекать Революцию, как это делает Авенель, в том, что она не распределила среди бедных по крайней мере часть церковных земель, ибо такая операция была невозможна, она привела бы к банкротству, которое как с политической, так и с экономической точек зрения было бы тогда мерой контрреволюционной и реакционной¹.

Авенель говорит, что Революция украла миллиард у бедняков. Либо это бессмысленно, либо это означает, что Революция, завладев богатствами церкви, сделала для бедняков меньше, нежели делала для них сама церковь. Это и есть тезис реакционный, странным образом возобновленный в псевдodemократическом парадоксе, который противоречит истине.

Большинство церковных имуществ уже утратило то благотворительное назначение, которое имели в виду их дарители, доходы с них расточались, причем это сопровождалось самыми возмутительными злоупотреблениями, и когда Революция через свой достойный уважения комитет, занимавшийся вопросом нищенства, наметила светский план общественного вспомоществования, когда этот комитет в 1790 и 1791 гг. разработал первый революционный бюджет помощи — 12 млн. для больных, 27 млн. для калек, детей и стариков, 5 млн. на общественные мастерские, где бы работали трудоспособные бедняки; когда он попытался организовать помощь на дому, когда Учредительное собрание, частично осуществляя этот план, еще до того, как он был полностью разработан, ассигновало 15 декабря 1790 г. 15 млн. ливров на субсидирование общественных мастерских, когда оно ассигновало 5 млн. на детей-подкидышей, 4 млн. для приютов, — оно сделало гораздо больше, чем делала церковь. Но главное, провозгласив право на труд и на жизнь, оно бесконечно превзошло убогую благотворительность духовенства.

Мы видели, с какой силой провозгласил Польверель, встреченный рукоплесканиями якобинцев, это право на труд и на жизнь. Мы видели, с какой силой провозглашал это право с трибуны Национального собрания Ле Шапелье: „Бедняками останутся только те, кто захочет ими быть“. Комитет Учредительного собрания провозгласил это право устами герцога де Ларошфуко-Лианкура в начале его великолепного доклада:

„Каждый человек имеет право на существование. Эта основная истина любого общества, которая непременно должна быть внесена в Декларацию прав человека, по мнению комитета, должна стать основой каждого закона, каждого политического института, ставящих своей целью искоренение нищенства. Поскольку всякий человек имеет право на существование, общество обязано позаботиться о пропитании всех тех своих членов, которые в этом нуждаются, и эту почетную помощь не следует рассматривать как благодеяние; оказание ее является, без сомнения, потребностью отзывчивого и гуманного сердца, желанием всякого мыслящего

1. Мера в экономическом отношении реакционная, в понимании революционной буржуазии: доступ к земельной собственности был закрыт для безземельного кре-

стьянства во имя нужд либеральной экономики. См.: Georges Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur. Paris, 2e éd., 1954, p. 41.

человека, но она является и неперемным и прямым долгом всякого человека, который сам не живет в бедности; долгом, который не должен быть принижаем ни названием, ни характером подаяния; и наконец, она является неоспоримым и священным долгом общества“.

Конечно, Авенель вправе был бы напомнить, что буржуазия, достигнув власти и на протяжении всего XIX в., не сохранила верности этой возвышенной идее, этому высокому долгу. Да, правда, что в тот час, когда революционная буржуазия захватила, чтобы удовлетворить кредиторов, чтобы спасти рантье от банкротства, колоссальные владения церкви, она с чувством глубокого смущения думала о народе, которому она не могла ничего дать, а потому провозгласила, как священный долг нового общества, право каждого человека на жизнь.

Но во что превратилось это право на жизнь в обществе, где столько человеческих существ гибнут под тяжестью чрезмерных лишений? Во что превратилось право на труд в обществе, где безработица обрекает на нужду столько людей, жаждущих трудиться? Да, по прошествии более столетия пролетариат вправе констатировать чудовищный разрыв между тем, что сделало буржуазное общество, и торжественным обязательством, взятым на себя революционной буржуазией. Отсюда и вытекает исторически и социально обоснованное право неимущих, перечеркнуть которое мы никогда не позволим.

Но воображать, что Революция заплатила бы свой долг, передав бедным семьям на миллиард национальных имуществ, было бы ребячеством. Кому, на взгляд Авенеля, следовало отдать эти земли? Сельским труженикам, поденщикам, исполщикам? Но наделить землей можно было бы не более, чем 100 тыс. семей, которые в силу узкого эгоизма, присущего крестьянам-собственникам, оказались бы вскоре разобращенными с огромной массой бедняков. Или, возможно, многие из этих новых собственников, не имея достаточных средств для предварительных вложений, очень быстро разорились бы. Или же надо было раздать эти земли безработным городским рабочим? Авенель как будто имел это в виду, ибо считал позором, что рабочие, уволенные из монмартрских мастерских, не получили и малой толики национальных имуществ. Авенель забывает, что первые и наиболее крупные монмартрские мастерские были закрыты задолго до того, как церковные имущества были пущены в продажу. Но главное, неужели он думает, что возможно было вот так, искусственно, вернуть к земле людей, которых огромное развитие экономики конца XVIII в. и рост промышленности постепенно привлекали в города?

Сократить численность промышленного рабочего населения, приостановить тем самым или замедлить промышленный подъем, возвратив в деревню силы пролетариата — это значило идти против экономического прогресса, это значило подрывать шансы

на торжество социализма. Революция делала для рабочих, не имеющих работы, гораздо больше, когда она отчуждала загромождавшие города многочисленные церковные здания и передавала их буржуазии, которая сносила их и строила на этом месте новые. В первые же месяцы 1791 г. стук революционных заступов начинает раздаваться на расширяющихся улицах, и колоссальные предприятия поглощают всю свободную рабочую силу; рабочий класс растет в таком же темпе, в каком растет сама буржуазия. Это дало пролетариату куда больше, чем если бы создали 100 тыс. семей неможных земледельцев, ставших собственниками почти поповоле и сожалеющих о своей городской жизни.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОДАЖЕ

Итак, буржуазная Революция пошла по единственному пути, который оставался для нее открытым. И все же, добиваясь самого существенного, а именно уплаты долгов, она старалась, чтобы сельские демократические слои получили в какой-то степени доступ к национальным имуществам. Она приняла также меры предосторожности, и весьма действенные, против спекулянтов, против всех тех, кто попытался бы приобрести за бесценок национальные имущества. 9 мая 1790 г. Делэ д'Ажье, член Комитета по отчуждению доменных и церковных земель, зачитал в Собрании свой доклад, и текст декрета был принят 14 мая¹.

Он подразделил имущества на четыре разряда:

„Первый разряд. Сельские имущества, состоящие из пахотных земель, лугов, виноградников, пастбищ, солопчак, а также имущества в виде строений и прочих объектов, относящихся к фермам или хуторам и необходимых для их эксплуатации.

Второй разряд. Ренты и всякого рода повинности натурой и случайные права, распространяющиеся на имущества, обложенные этими рентами и повинностями.

Третий разряд. Денежные ренты и повинности и случайные права, распространяющиеся на имущества, обложенные этими рентами и повинностями.

Четвертый разряд будет состоять из имуществ всякого рода, за исключением лесов, не включенных в первый разряд, по поводу которых будет издан отдельный закон“.

Из вышесказанного видно, что сложность самой собственности чрезвычайно затрудняла процесс ее продажи. Церковь владела не только землями. Ее собственность (помимо упраздненных десятин) составляли также ренты, повинности, которые ей выплачи-

1. Делэ д'Ажье (1750—1827), бывший офицер кавалерии, депутат дворянства от Дофинс. Здесь речь

идет о докладе и декрете от 9 и 14 мая 1790 г. (а не марта). См.: „Moniteur“, t. IV, p. 326.

вались с того или иного недвижимого имущества, с того или иного владения, принадлежавшего частному лицу. Революция конфисковала и продала эту категорию церковных имуществ, как и другие. Замечу в этой связи, что некоторые из этих взимавшихся духовенством рент носили феодальный характер.

Нельзя, однако, забывать, что Учредительное собрание, уничтожив в ночь с 4 на 5 августа всю феодальную систему, решило, что феодальные права, не связанные с личными повинностями, подлежат выкупу. Они, стало быть, сохранили, в общем, свою ценность; и любопытно, что они нашли своих покупателей. Это доказывает, что в 1791 г. никто в стране не верил, что феодальные права будут когда-нибудь отменены без выкупа¹.

Так, например, в департаменте Гар² Плантье Франсуа, неогциант из Алеса, 1 июня 1791 г. купил земельную ренту, принадлежавшую аббатству Сен-Бернар и Сент-Клэр: это была земельная рента, дававшая 7 сетье молотого зерна и право молотить по 16 мешков зерна на повой мельнице в Алесе, не уплачивая ничего за помол; и Плантье заплатил за эту земельную ренту приличную сумму, а именно 2100 ливров.

И еще один человек — Одемар, бондарь из Нима, купил 31 января 1791 г. феодальные права на землю в квартале Фейсин; эти права принадлежали монахиням из Фонтенского монастыря, и Одемар приобрел их за 347 ливров.

Бурели-старший из Нима купил 4 мая 1791 г. феодальные права на землю в квартале Мальрульер, он же заплатил 27 ливров за права, принадлежавшие нимскому капитулу.

Я мог бы привести еще много других примеров, хотя такого рода сделки представляют собой лишь ничтожную часть всей совокупности продаж. Я их не привожу, они представляют интерес лишь постольку, поскольку показывают, что Франция в 1791 г. не верила в уничтожение феодальных прав без выкупа в ближайшее время, поэтому понятно, что Революция смогла распродать все разряды церковных имуществ, включая феодальные повинности, составлявшие часть достояния церкви.

Учредительное собрание приняло серьезные меры предосторожности, чтобы эти имущества не были проданы по цене ниже их реальной стоимости. Продажей имуществ на сумму 400 млн. (продаваемых в первую очередь), а позднее и других занялись муниципалитеты: они покупали определенную часть церковных владений и потом перепродавали их частным лицам³. Такая комбинация имела для государства большие преимущества. Прежде всего это избавляло его от необходимости управлять самому непосредственно национальными имуществами, пока они не перейдут в руки частных лиц.

Как только муниципалитеты приобретали эти имущества, они начинали ими управлять и получать доходы, но они вкладывали в Кассу чрезвычайных доходов облигации на три четверти той

суммы, в которую были оценены данные имущества. Эти облигации приносили 5% в пользу государства, и таким образом государство в силу некоего подряда получало доходы с церковных имуществ, не затрудняя себя их управлением.

Кроме того, это посредничество муниципалитетов, несомненно, приводило к увеличению числа покупателей. Человек, который, возможно, не решился бы непосредственно купить имущество церкви, не колебался, когда это имущество продавалось другим владельцем, а именно муниципалитетом: первоначальная экспроприация уже отодвигалась на второй план.

И далее, поскольку чиновники муниципалитета были либо буржуа, либо зажиточными крестьянами, которые могли приобрести национальные имущества, они имели полную возможность, пока муниципалитет управлял уже приобретенным им имуществом, сделать свой выбор и принять необходимые меры; они становились покупателями произвольно, постепенно привыкая к мысли, что они превращаются в собственников.

Покупая вначале имущество от имени муниципалитета, членами которого они состояли, они впоследствии легко становились индивидуальными покупателями. И наконец, это посредничество муниципалитетов уменьшало опасность наплыва космополитов, на которых так страстно нападал аббат Мори. Конечно, любой покупатель, будь он голландец или женевец, мог явиться на торги, когда муниципалитет приступал к перепродаже имуществ, и стать покупателем; но проводимая муниципалитетом операция носила в основном семейный и местный характер; вполне возможно, что финансиста-спекулянта, приехавшего издалека, оттерли бы если не в силу закона, то, во всяком случае, с помощью препон, какие муниципальная власть всегда может чинить покупателям-чужакам.

Купленные вначале коммуной, управляемые ею и перепродаваемые ею, национальные имущества как бы естественно предназначались если не для покупателей из той же коммуны, то по крайней мере людям из своей округи; и в самом деле, по всем документам, которые я изучал, можно судить, что на торги, устраиваемые муниципалитетами, являлись жившие в данной коммуне крестьяне или буржуа из ближайшего города.

Муниципалитеты имели право приобретать имущества и за пределами их территории, и можно было поэтому опасаться, что

1. Размер выкупа был определен 3 мая 1790 г., он в 20 раз превышал годовой доход, если выплачивался деньгами, и в 25 раз, если выплачивался натурой. Что касается „случайных“ прав, то сумма выкупа определялась пропорционально их значимости („Moniteur“, t. IV, p. 273). Феодальные права

были отменены Конвентом 17 июля 1793 г. без всякого выкупа.

2. Жорес следует здесь труду: F. R o u v i è r e. L'Aliénation des biens nationaux dans le Gard. Nîmes, 1900.

3. Декрет относительно продажи на 400 млн. национальных имуществ от 14 мая 1790 г. (D u v e r g i e r. Op. cit., t. I, p. 201.)

некоторые богатые коммуны будут проводить политику захвата и скупки земель. Закон отвел эту опасность, разрешив всем муниципалитетам, на территории которых расположены продаваемые имущества, заменять тот муниципалитет, который их купил.

Таким образом можно было избежать неожиданностей; и каждый муниципалитет, если пожелает, если он считает себя способным выплачивать государству процент с облигаций, на которые надо было подписаться, может управлять купленными владениями в пределах своей территории и перепродавать их. Таким путем по мере возможности была обеспечена децентрализация купли и продажи.

Стало быть, это посредничество муниципалитетов давало нации самые большие преимущества, но оно могло бы стать и весьма опасным, если бы муниципалитетам было дано право устанавливать цены и сроки продажи. Они могли бы заплатить государству одну цену, низкую или, во всяком случае, недостаточную, а затем заранее рассчитанной отсрочкой торгов обеспечить отдельным лавочкам определенные преимущества.

Но подобные маневры были невозможны. Прежде всего была установлена оценочная стоимость, ниже которой муниципалитеты не имели права приобретать имущества. „Доход от имуществ первых трех разрядов будет определен, — говорится в статье 4, — в соответствии с существующими арендными договорами, составленными или подтвержденными нотариусом и признанными действительными присягой фермеров перед директорией дистрикта; за отсутствием же такого арендного договора доход будет определен на основании доклада экспертов, под контролем той же директории, за вычетом всех налогов, падающих на данную собственность“.

Муниципалитеты должны будут предлагать за имущества первых трех разрядов, которые они захотят приобрести, сумму, в несколько раз превышающую сумму чистого дохода с этих имуществ, в следующей пропорции:

Для имуществ первого разряда — сумму, превышающую чистый годовой доход в 22 раза;

для имуществ второго разряда — в 20 раз;

для имуществ третьего разряда — сумму, превышающую чистый доход в 15 раз.

Цена имуществ четвертого разряда будет установлена на основании специальной оценки.

Таким образом, против заниженных или жульнических оценок представленных к продаже имуществ были приняты как будто серьезные меры предосторожности. Статьи закона, весьма точные и твердые, регулировали также перепродажу имуществ частным лицам с тем, чтобы избежать возможного произвола или тайного сговора:

„В течение 15 суток, которые последуют за приобретением имуществ, муниципалитеты обязаны расклеить на обычных местах

подведомственной им территории и той территории, где расположены имущества, а также в главных городах дистриктов своего департамента подробную опись всех приобретенных имуществ с перечислением оценочной стоимости каждого имущества и представить экземпляры этой описи ратушам вышеупомянутых мест с тем, чтобы каждый мог бесплатно получить нужные сведения или сделать себе копию.

Тотчас же, как только поступит предложение о покупке всей совокупности или же части имуществ, приобретенных муниципалитетом, по цене, по меньшей мере равной оценочной, последний должен оповестить об этом афишами, расклеенными во всех местах, куда разослали или должны были разослать экземпляры описи имуществ, причем указать время и место, где будут происходить торги.

Продажа с торгов должна происходить в главном городе и в присутствии директории того дистрикта, где находятся продаваемые имущества, по распоряжению прокурора или же уполномоченного коммуны, продающей имущество, и в присутствии двух комиссаров от того муниципалитета, на территории которого находятся упомянутые имущества; эти комиссары должны подписывать протоколы торгов и продажи вместе с чиновниками директории и заинтересованными сторонами, причем, однако, отсутствие указанных комиссаров, получивших своевременное уведомление, о чем должна быть сделана запись в протоколе, не может остановить торгов.

Торги должны быть публичными; между первым и вторым оповещениями должно истечь две недели, через месяц после второго оповещения следует приступить к окончательной распродаже, причем имущество достанется тому, кто предложит самую высокую цену“.

Но в то же время закон стремился поощрять муниципалитеты.

Чтобы дать им возможность покрыть все расходы по покупке и продаже, а также чтобы побудить их добиваться наивозможно высоких цен, закон оставлял им одну шестнадцатую часть оценочной стоимости, а затем одну четвертую того, что будет выручено сверх этой суммы.

По правде говоря, продажная цена на торгах всегда могла превысить по крайней мере на одну четверть первоначальную оценочную стоимость, ибо увеличивать сумму чистого дохода с имущества (пахотных земель, лугов, виноградников) только в 22 раза — значило предполагать, что земли эти приносили около 5% дохода; следовательно, поскольку собственники обычно довольствовались более скромным доходом, они могли предложить более высокую цену. Мало того, Учредительное собрание вычитало из арендной платы, на основе которой исчислялся чистый доход, сумму падавших на имущество налогов, что заметно снижало оценочную стоимость земли.

Таким образом, муниципалитеты были заинтересованы получить при продаже максимально высокую цену. Итак, мы видим, что Учредительное собрание совокупностью строго согласованных мер действительно обеспечило добросовестное проведение этой колоссальной операции.

УСПЕХ ПРОДАЖИ

Несмотря на все принятые в законодательном порядке меры предосторожности, было бы опрометчиво полагать, что не имели места случаи мошенничества. Оно могло осуществляться двумя способами. Прежде всего могла быть скрыта точная сумма арендной платы (хотя это и кажется довольно затруднительным); а главное — когда не было арендных договоров и приходилось прибегать к экспертизе, экспертов могли обмануть, а они слишком низко оценить продаваемое имущество.

При массовом переходе собственности из одних рук в другие, которое происходило в то время, контроль над продажей не всегда был осуществим. И во-вторых, могли заключаться соглашения, тайный сговор между несколькими покупателями, чтобы отпугнуть угрозами или избавиться при помощи подкупа от нежелательных конкурентов. Однако представляется, что в первый период продажи — в 1790, 1791 и 1792 гг. — покупатели в основном вели себя честно.

Конечно, даже в те годы совершались подозрительные махинации. Так, в замечательном сборнике документов, опубликованном Франсуа Рувьером и озаглавленном *„Продажа национальных имущества в департаменте Гар“*, я натолкнулся на один документ, составленный 30 апреля 1791 г. прокурором-синдиком Пон-Сент-Эспри: „Продажа нескольких объектов за 100 тыс. ливров, хотя стоят они, судя по представленным нам отчетам, вдвое дороже, свидетельствует о тайном сговоре, который очень важно предотвратить. Национальные имущества продаются и будут впредь продаваться очень плохо вследствие тайных сговоров, можно даже сказать, из-за угроз по адресу возможных покупателей или из-за отступных, которые последним предлагали или вручали; мы не имеем тому конкретных доказательств, но такая идет молва“ (30 апреля и 3 мая 1791 г.).

Но сама эта озабоченность прокурора-синдика позволяет полагать, что возможности сговоров и мошенничества были довольно сильно ограничены. Другие свидетельства и другие факты, которые я также заимствовал из книги Рувьера, рисуют операцию продажи в гораздо более благоприятном свете. Ибо письма из того же дистрикта Пон-Сент-Эспри, написанные в декабре 1790 г. его администрацией, подтверждают, что имущества „продаются с большой выгодой“.

„Так, собственность, которую довольно справедливо оценили в 4212 ливров, нашла себе покупателя, давшего за нее 11 тыс. ливров... Нам остается лишь сожалеть, — добавляют руководители дистрикта, — что медлительность комитета по отчуждению мешает нам использовать столь благоприятный момент“.

Так, сад, который сдавался в аренду за 400 ливров в год, был продан за 11 500 ливров. „Это — доброе предзнаменование для будущих продаж, — писала администрация дистрикта Бокер 20 декабря 1790 г. — Заседание было очень торжественным, на него явилось много лиц, принявших участие в торгах“.

И в самом деле, первые продажи, те, которые проходили при Учредительном собрании, особенно до бегства короля в Варенн, были, по-видимому, наиболее добросовестными и наиболее выгодными.

Прежде всего первые покупатели были, безусловно (по крайней мере многие из них), энтузиастами, которые решались на такую рискованную операцию, лишь воодушевляемые пламенной верой в Революцию. Это был не только коммерческий расчет, это был акт гражданской самоотверженности.

Кроме того, то был относительно спокойный период Революции: страну не потрясали ни революционные бури, ни раздоры гражданской войны; спокойствие умов благоприятствовало контролю.

Революция спешила продавать; благодаря посредничеству муниципалитетов она была почти уверена в успехе. Стало быть, процедуру продажи не нарушала и не искажала лихорадочная поспешность. И наконец, — и это, возможно, было решающей причиной — в тот первый период в покупке национальных имущества участвовали самые различные социальные категории.

Наряду с крестьянами, которые приобретали маленькие участки, наряду с богатыми буржуа, которые при покупках земли пускали в ход ассигнаты на ту сумму, которую им должно было государство, или приданое своих жен, многие священники тоже покупали землю: они уже привыкли, будучи членами духовных корпораций, владеть земельной собственностью и не возражали пользоваться ею на правах частных лиц.

И наконец, если часть придворной знати и эмигрировала за границу, то почти все провинциальное дворянство осталось еще на месте. Более того, оно с доверием смотрело в будущее; его источники доходов серьезно не пострадали, поскольку наиболее доходные феодальные права в то время отменялись лишь в известных случаях, да и то при условии выкупа.

Отмена десятин вознаградила многих из них, и даже с лихвой, за те потери, которые они могли понести; и они были отнюдь не прочь приобрести часть этих церковных имуществ, на которые они не раз взирали завистливым оком при старом порядке. Г-н Франсуа Рувьер приводит в списке покупателей „самые знатные

в департаменте фамилии". Перелистывая наудачу толстый том, я замечаю в списке покупателей в департаменте Гар имена Пюи д'Обиньяка, де Бона, Бовуар де Гримоара, дю Рура, мадам Гиньяр де Сен-Прист, маршала де Кастри, Матеи, маркиза де Фонтаний, вдовы маркиза д'Акса. Г-н де Бон, например, купил 16 мая 1791 г. имущество Рокморского капитула за 15 тыс. ливров, а 3 июня 1791 г. имение картезианского монастыря за 171 тыс. ливров. Г-н де Бовуар приобрел 20 января 1792 г. за 28 500 ливров яacobинский монастырь в Байассе при посредничестве своего доверенного Гэса. Так конкуренция всех общественных классов обеспечивала честное проведение операции продажи. И наконец, поскольку почти два года ассигнат сохранял свой паритет, игра на понижение вначале не искажала хода великой революционной операции.

Учредительное собрание заботилось не только о том, чтобы продажа происходила без мошенничества. Оно старалось также в той мере, в какой это позволяла необходимость немедленной уплаты огромного долга, привлечь сельские демократические слои населения к покупке с торгов национальных имуществ. С этой целью оно сначала установило довольно длительную рассрочку платежей. В статье 5 ясно говорится: *„Дабы сделать собственниками наибольшее число граждан, предоставив больше льгот покупателям, платежи можно будет внести по частям в несколько сроков.*

Размер первого взноса будет определяться сообразно характеру имущества, его большей или меньшей способности к порче.

В течение пятнадцати дней после продажи с торгов покупатели лесов, мельниц и заводов должны внести в Кассу чрезвычайных доходов 30 % покупной цены.

Лица, купившие дома, пруды, неиспользуемые участки и пустыри в городах, — 20 %.

Лица, покупающие пахотные земли, луга, виноградники и строения, связанные с их эксплуатацией, а также имущества второго и третьего разрядов, — 12 %.

В тех случаях, когда покупатель приобретет имущества разных категорий, будет произведена их оценка для определения суммы первого взноса.

Остальная сумма будет разделена на 12 равных ежегодных взносов, которые должны быть выплачены за 12 лет, причем в эту сумму включено 5 % с капитала без вычета.

Покупатели, однако, могут быстрее освободиться от долга путем внесения более крупных и более частых платежей или же полностью оплатить свою покупку в любые сроки.

Покупатели приобретают реальное право собственности на имущество только после уплаты первого взноса.

Торги будут вестись как в отношении имущества в целом, так и его частей, имеющих единую оценочную стоимость, и если

к моменту окончательной отдачи с торгов за продаваемые части будет предложена цена, равная цене, предлагаемой за имущество с целом, то будет отдано предпочтение продаже по частям.

Собрание могло предполагать, что рассрочка платежей в сочетании с возможностью продажи имущества по частям позволит бедным гражданам или, во всяком случае, гражданам со скромным достатком принять участие в покупке имуществ. По моим наблюдениям, рассрочка платежей была наиболее длительной в отношении пахотных земель, то есть именно тех, которые крестьянин больше всего жаждал приобрести. Строения и леса его не интересовали, в то время как засеянное хлебом поле могло его соблазнить; и, чтобы вступить во владение этим полем, ему стоит лишь заплатить одну двенадцатую часть его стоимости. То была, по-видимому, большая льгота.

Но прежде всего надо было располагать немедленно этой двенадцатой частью продажной цены; затем надо было быть уверенным, что сможешь в течение 12 лет регулярно уплачивать ежегодный взнос, который вместе с 5 % на капитал составлял одну двенадцатую часть покупной цены. Кто же мог взять на себя такое бремя, не имея уже наготове почти все деньги, необходимые для покупки земли?

Напрасно также Собрание дробило продаваемое с торгов имущество, ибо мелким покупателям с трудом удавалось найти других, таких же мелких покупателей, дабы скомбинировать покупаемые ими участки таким образом, чтобы все владение, представленное на торги, было распродано целиком. Достаточно было, чтобы какая-то часть продаваемого имущества не нашла покупателя, чтобы все другие частичные торги были аннулированы. И тем не менее Собранию хотелось верить в эффективность этих мер. 27 июня оно приняло новую статью, гласившую:

„Муниципалитеты должны позаботиться при оценке о том, чтобы дробить продаваемые объекты, насколько это позволяет их характер, дабы облегчить как только возможно мелкие приобретения и увеличить число собственников. Оно отклонило предложение Талейрана, вследствие которого все земли фактически перешли бы непосредственно в руки кредиторов государства, а мелкие покупатели из числа крестьян были бы отстранены от торгов.

Талейран предложил 13 июня, чтобы государство принимало в уплату за продаваемые владения долговые обязательства, находившиеся в руках кредиторов государства, наравне с ассигнатами. Это была колоссальная финансовая операция. Чтобы понять ее до конца, следует помнить, что Талейран внес свое предложение в июне, то есть в момент, когда Собрание приняло решение о выпуске ассигнатов на 400 млн., но еще не вотировало более смелую эмиссию, решение о которой было принято лишь в сен-

тябре. Поскольку Собрание еще не решилось увеличить количество ассигнатов, Талейран думал преодолеть трудности, принимая к уплате за национальные имущества долговые обязательства, по которым нация должна была платить.

Тогда сразу возникла бы уверенность, что все церковные владения будут распроданы. В этом и состояло решающее преимущество, которое имел в виду Талейран; и вот почему также аббат Мори столь рьяно протестовал против предложения епископа Отёнского¹. Он пагло обвинял Талейрана в соучастии в биржевых спекуляциях и в том, что он просто старается повысить курс долговых обязательств.

В сущности, операция Талейрана сделала бы ненужным выпуск новых ассигнатов, но, возможно, она подорвала бы доверие к ассигнату, лишив его таким образом того исключительного обеспечения, которое и составляло его ценность. Талейран не скрывал, что предложенная им операция преследовала цель не только ускорить продажу национальных имуществ, но и укрепить кредит государства путем предоставления государственным долговым обязательствам преимущества при уплате за продаваемые имущества. Но он не скрывал также и того, что его предложение преследовало цель передачи церковных имуществ в руки богатой буржуазии, являющейся кредитором нации.

Отнюдь не желая, подобно большинству членов Собрания, увеличения количества мелких собственников-бедняков, он хотел в интересах расцвета земледелия, чтобы национальные имущества были приобретены богатыми собственниками, способными улучшить земли путем производительных затрат. „Кто может сомневаться, — говорил он, — что для земледелия будет очень выгодно, если деревня по возможности будет заселена зажиточными собственниками? А поскольку администраторы должны избираться из среды сельского населения, то не является ли это дополнительным мотивом к тому, чтобы там было больше людей, которым их достаток и образование привили вкус к знаниям, способность к труду и к распространению просвещения?“

Стало быть, уступая земли буржуа — кредиторам государства, он был озабочен созданием в деревне солидных буржуазных кадров как для обеспечения политического руководства, так и экономического прогресса.

Собрание не приняло во внимание его соображений; оно сохранило для ассигнатов обеспечение национальными имуществами. Но оно очень быстро увидело, что все эти демократические попытки мало согласуются с необходимостью как можно скорее уплатить государственные долги. И в ноябре 1790 г. оно сократило рассрочку с 12 лет, которую предоставляло майским декретом для оплаты национальных имуществ, до 4,5 лет². Более того, ему пришлось рекомендовать муниципалитетам не дробить продаваемых ферм.

Как и предвидел Польверель в своей энергичной речи, которую я цитировал выше, именно буржуазия, именно ее движимое богатство сыграли главную роль в продаже.

ПОКУПАТЕЛИ

Как же фактически распределились национальные имущества между социальными слоями? Об этом нельзя говорить с полной уверенностью, пока реестры продаж не будут исследованы и проанализированы во всех департаментах. Я просмотрел несколько документов: краткий перечень, сделанный г-ном Гийемо в его истории Революции в Луанской округе; интересную работу Лучицкого о продаже национальных имуществ в Лаоне и Тарасконе; исследование Бориса Минцеса о продаже в департаменте Сена и Уаза; очерк Лежэ о национальных имуществ в департаменте Сарта, и особенно недавнюю публикацию г-на Франсуа Рувьера об отчуждении национальных имуществ в департаменте Гар. Это полный список покупателей национальных имуществ с указанием социальной принадлежности каждого из них, даты продажи и продажной цены. Лучицкий и Минцес сообщают нам результаты, безусловно, очень ценные, но проверить их возможно только путем непомерного труда в архивах³.

1. Аббат Мори выступил 25 июня 1790 г. против предложения Талейрана („Moniteur“, t. IV, p. 716): „Господин епископ Отёнский предложил вам проект, достойный быть увековеченным на улице Вивьен“.

2. Более внимательное изучение текстов позволило мне установить, что я вслед за г-ном Саньяком неточно изложил одно решение Учредительного собрания, касающееся национальных имуществ, или, во всяком случае, результаты этого решения... Вот как я впоследствии, в повествовании, которое составляет второй том (Законодательное собрание), исправил это неточное, или по крайней мере недостаточно полное утверждение: „Г-н Саньяк ошибся, полагая, что декрет от 4 ноября 1790 г., ограничивая рассрочку 4 годами, имел немедленные результаты. В действительности же, путем последовательных отсрочек, решение, предусматривавшее двенадцатилетнюю рассрочку, продолжало действовать и ход продажи ускорил-“

ся“. (Примечание Жореса в разделе „Список опечаток и замечания“ первого издания.) Труд Саньяка, на который ссылается Жорес, называется „La Législation civile de la Révolution française“ (Paris, 1898).

3. L. Guillemaut. Histoire de la Révolution française dans le Louhannais... Louhans, 1899—1903, 2 vol.; J. Loutchisky. La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. Paris, 1897; B. Minzès. Beitrag zur Geschichte der Nationalgüterveräußerung im Laufe der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung der Département Seine-et-Oise. Iena, 1892; F. Legeay. Documents historiques sur la vente des biens nationaux dans le département de la Sarthe. Le Mans, 1885—1886, 3 vol.; Fr. Rouvière. L'Aliénation des biens nationaux dans le Gard. Nîmes, 1900. Работы Лучицкого и Минцеса являются историческими исследованиями, а не

Публикация г-на Рувьера дает возможность каждому анализировать и делать заключения. Поэтому я буду прибегать к ней очень часто. Г-н Минцес пришел к следующим результатам в отношении департамента Сена и Уаза. В Версальском дистрикте было продано 23 036 арпанов 50 першей земли. Из этого количества земли не сельским населением, а именно парижскими и версальскими буржуа, чиновниками, нотариусами, депутатами, купцами, промышленниками, было приобретено 20 249 арпанов 14 першей, то есть *несколько больше шести седьмых*. Покупатели-земледельцы приобрели всего 2157 арпанов, несколько менее одной седьмой. В Дурданском дистрикте из 16 651 проданного арпана не сельское население, а именно городская буржуазия приобрела 13 662 арпана, то есть более шести седьмых, а на долю земледельческого населения пришлось менее одной седьмой, то есть 2253 арпана. В Мантском дистрикте из 7701 арпана 5898, около шести седьмых, было приобретено не земледельцами, на долю сельского населения падает всего одна седьмая, 1803 арпана. В общей сложности из 46 789 проданных арпанов буржуа из Парижа или городов и местечек, расположенных в дистриктах, купили 39 809 арпанов; обитателям деревень досталось всего 6314 арпанов. Особую активность проявил Париж, одни только его буржуа приобрели 45 317 арпанов.

Минцес обнаружил, что среди городских покупателей постоянно упоминаются: мировые судьи, негоцианты, виноторговцы, торговцы железом, сукном, лесом, мясники, депутаты, корзинщики, почтмейстеры, портные, лица, живущие на свои доходы, землемеры, рантье, нотариусы, адвокаты, трактирщики, конюхи, парикмахеры, серебрильщики, извозчики, торговцы режущих инструментов, дистриктные сборщики налогов, генеральные прокуроры-синдики, члены департаментской или дистриктной администрации, канатчики, каменщики, сыромятники, предприниматели-мануфактуристы, банкиры.

И не следует думать, что дробление продаваемых имуществ повлекло за собой дробление собственности; один и тот же покупатель часто приобретал большое количество мелких участков. Так, Андре Луи Жиро, буржуа из Версаля, купил 10 участков общей площадью 20 арпанов; Луи Франсуа Лепелетье, буржуа из Версаля, купил 17 участков, составивших в целом 33 арпана; Легран, буржуа из Версаля, купил 23 участка земли общей площадью 41 арпан; Филипп Фенийе, член администрации дистрикта, приобрел 175 арпанов на 63 различных торгах; Муже, нотариус из Версаля, приобрел посредством 29 покупок 713 арпанов, в том числе три фермы общей площадью 532 арпана; Оберкампф, владелец мануфактуры, приобрел на 57 торгах 625 арпанов, включая две фермы площадью 546 арпанов и 47 парцелл по одному арпану. Один негоциант из Версаля приобрел 32 участка общей площадью 252 арпана, включая одну ферму в 147 арпанов; Теодор Мопен,

архитектор, приобрел 28 участков (369 арпанов), включая одну ферму площадью 189 арпанов.

Таким образом, большей частью, во всяком случае в этом районе, крестьяне ничего не выиграли от того, что продаваемые имущества были раздроблены на мелкие участки. Покупательная способность буржуазии была так велика, что она восстанавливала крупные владения, которые продавались с торгов только в раздробленном виде. На всем протяжении департамента Сена и Уаза крестьяне были грубо оттеснены¹. Но нельзя забывать, что большая часть богатств буржуазии была сосредоточена в Париже, и совершенно очевидно, что в окрестностях Парижа буржуазия покупала больше всего.

Из исследований Лучицкого² вытекает, что в департаменте Эна, особенно в районе Лаона, буржуазия приобрела от 40 до 45 % продаваемой земли; остальное распределилось между собственно земледельцами и той мелкой буржуазией, или „ремесленным людом“ деревни, социальная деятельность которых была весьма смешанной; сапожник, портной одновременно являются собственниками куска земли, который они обрабатывают своими руками после того, как кончают кроить сукно или кожу. Лучицкий тщательно изучил объединения покупателей, создававшиеся для приобретения земельных владений, покупку которых никто из них в одиночку не мог осилить. Он упоминает довольно большое число таких объединений на севере Франции, в Па-де-Кале, в департаменте Сомма и особенно Эна. Они состояли из пахарей (laboureurs), поденщиков, ремесленников. Они насчитывали по 20, 30, 40, иногда 60—100 членов; порой жители целой деревни объединялись, чтобы не упустить плодородную землю, на которую все так долго взирали с вожделением и которая, конечно, попала бы в руки городского буржуа, не будь этого крестьянского объединения.

Но не обольщайтесь и не ищите в этом попытки осуществления коммунизма, объединения с целью совместной эксплуатации земли; покупатели дробили затем купленную землю и распреде-

публикацией документов, как у Лержэ и Рувьера. Об этих работах см. критические замечания Ж. Лефевра: G. Lefebvre. *Études sur la Révolution française*. Paris, 2 éd., 1963.

1. Работы Б. Минцеса, результаты которых здесь приводят Жорес, можно дополнить работой О. Гатцфельда, упоминаемой Ж. Лефевром в „*Études sur la Révolution française*“ (р. 336): в Версальском кантоне жители Парижа приобрели 40,1 % „национальных имуществ

первого происхождения“, жители Версаля — 28,4, фермеры — 18,9, пахари — 3,5, ремесленники — 0,55, неопределенные лица — 8,8%. См. ниже, стр. 123.

2. Отметим, что И. Лучицкий опубликовал затем свою работу „*Quelques remarques sur la vente des biens nationaux*“ (Paris, 1913). [См.: И. В. Луцицкий. Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в. — „Русское богатство“, 1912, № 2—4.]

ляли ее соответственно ресурсам каждого из них; и не раз наиболее ловкие, наиболее состоятельные прибирали мало-помалу к рукам большую часть купленного сообщества имения. И не следует преувеличивать той доли собственности, которую крестьяне могли приобрести таким образом; эти покупки путем объединений составляли лишь незначительную часть операций по продаже национальных имуществ.

И на западе Франции также, как отмечается в книге Лежэ, большая часть земель попала в руки городской буржуазии; особенно значительны были приобретения буржуазии Ле-Мана¹.

ПРИМЕР ОКРУГИ ЛУАНА

Гийемо, говоря об округе Луана, не указывает соотношения между покупками, сделанными буржуа и земледельцами; из приведенного им перечня ясно видно, что многие деревенские буржуа, а также многие „пахари“, то есть собственники хлебных полей, оказались покупателями национальных имуществ. Мне представляется вполне вероятным, что часть покупателей-земледельцев была более значительной в тех районах, где город, являющийся их центром, проявлял меньшую активность, ибо непосредственная конкуренция буржуазии сказывалась слабее. Процент приобретений, сделанных буржуазией в департаменте Сена и Уаза, по соседству с Версалем и Парижем, был настолько высок, что я не создал бы у читателя точного представления о великой революционной операции, если бы не привел наряду с этим картину, данную Гийемо, хотя она и перегружена именами:

“В Луане оказалось много покупателей имуществ, принадлежавших церкви, часовням обители. Среди них мы находим в начале 1791 г. мэра Луана, Лорана Арну д'Эпернэ, который купил с торгов несколько земельных участков и луга в Луане и его окрестностях; Антуана Майи, депутата Учредительного собрания, приобретшего несколько участков луга, принадлежавших луанской обители, в Флэре и на лугах Грюэ, поле часовни св. Анны; Ж. Б. Лорэна, жителя Луана, купившего луанские луга; Жозефа Мари Гито, купившего луга и земли в Луане, в Сент-Круа; Клода Легро, Пьера Мартэна, трактирщика; Паша Филиппа, купившего луг в Ла-Верне луанской обители; Клода и Лорана Руа, Клода Шамюссо, пахарей и многих других, ремесленников, столяров, которые приобретали земли, принадлежавшие главным образом обителям; Жана Батиста Жаннена, жителя Луана, купившего строительные материалы и земли часовни Нотр-Дам-де-Лорет.

Майи приобрел и другие луга в окрестностях города, большой луг в Шаторено, принадлежавший луанской обители, часть большого луга в Сёньи, владения прихода Шаторено (за 31 200 франков, в мае 1791 г.); многие семьи зажиточных крестьян (пахарей),

Бадан, Руа и другие, также были покупателями различных земель в Шаторено.

Многие участки лугов Бранжа, принадлежавших приходам Бранж, Савиньи-сюр-Сей и обители Луана, были приобретены с торгов Филибером Тиссо, мировым судьей Луанского кантона (4 участка за 3800 франков), Клодом Грийо, священником, викарием Бранжа; Клодом Бером из Жюифа, членом администрации дистрикта, буржуа; земледельцами и торговцами: Бувере, Рено, Мерсей, Марийа и другими.

Луи Габриель Дебранж, бывший мэр Луана, прокурор-синдик дистрикта, приобрел в Шапель-Нод имение и луга, принадлежавшие тамошнему приходу; Пьер Морэ — имение; Франсуа Бюге, поверенный в Луане, — луг в Фоше и другие земли.

Лоран Арну тоже купил земли в Шапель-Нод, а также в Брюай; ряд пахарей — Венсан, Гиньи, Плетти, Гийе, Серран, приобрели участки земли и луга в Брюайе.

Клод Катрон, купец из Луана, купил в Монтаньи земли, принадлежавшие шалонским минимам*, пруд Промби, принадлежавший приходу Монтаньи; Луи Гийемэн и другие земледельцы купили луга и земли в Брюайе.

Жозеф Карийо, купец из Ратта, купил там же луг Ла-Шентр, принадлежавший приходу.

Пьер Герре де Гранно и Ж. Б. Лорэн купили в Сорнэ земли и луга, принадлежавшие приходу; то же сделали Нат Франсуа-Филипп, купивший луг в Ла-Верне, Филибер Грийе, доктор медицины в Луане, Давид, юрист, Антуан Бутелье, Франсуа Форэ и Бенуа Марийа, купцы из Луана, Филибер Дебо, негодьянт из Луана (5 участков на улице Лу, в Сорнэ, за 2800 франков и 6 других участков, принадлежавших луанской обители, за 4100 франков); Клод Карре купил луг в Приёре; ряд земледельцев: Байи, Фише, Девезюр, Мерье, Карре — другие участки земли и луга; Лассюр, кюре из Сорнэ, купил поля, принадлежавшие этому же приходу.

В Сент-Юзюже многие земли, принадлежавшие аббатству Сент-Пьер и шалонским минимам, были куплены собственниками, купцами, земледельцами: Шарлем Гийемо, купцом, Клодом и Луи Гийемо, Лангакре, Пти и многими пахарями; Луи Пюжо из Кюньи

1. Работы Лежэ, касающиеся департамента Сарта, следует дополнить трудами аббата III. Жиро (Ch. Girault): „La vente des biens nationaux dans les districts de Fresnay-sur-Sarthe et de Sillé-le-Guillaume (Sarthe)“. — „La Révolution dans la Sarthe“, 1933; „Les biens d'Eglise dans la Sarthe à la fin du XVIIIe siècle“. — „La provin-

ce du Maine“, 1953. Согласно этой последней работе, 750 буржуа приобрели 22,82% продававшейся земли, 3722 других представителя третьего сословия — 69,64%, 56 дворян — 5,7% продававшейся земли.

* Монахи религиозного ордена, основанного Франциском из Паолы в 1435 г. — *Прим. ред.*

купил в Шаранжеро земли и луга из имущества прихода Сент-Юзюж; Шарлотта Пти, вдова Гийемо, купила дом и участок земли, принадлежавший приходу, а также совместно с Пике из Кюизери пруд в Мон-ле-Бьефе; Луи Габриель Дебранж — пруд в Ренардье.

Клод Пти приобрел в Венселле земли, принадлежавшие приходу Сент-Юзюж и луанской обители.

Дювернуа, Гише, Готье, Акри, Берто, Журансо, Моблан приобрели в Брюайе мельницы, земли, луга, пруд.

Клод Бер, негодант из Жюифа, приобрел земли и луга в Жюифе; то же самое сделали Мантере, Жозеф Шо, Клод Карре.

Франсуа Поль Беверан купил в Жюифе различные имущества, земли, луга, леса.

Бувере приобрел земли и луга в Ла-Фретте.

Нате купил имение в Вериссэ; Сарсе — земли, луга, леса, принадлежавшие приходу Сен-Венсан; Антуане, чиновник дистрикта и т. д.

Клод Ребийар, нотариус из Симара, и Балтазар Ребийар, чиновник дистрикта, приобрели в Симаре имение (за 20 100 ливров), дом (за 3500 ливров), сад, а также участки земли, луга.

Мишель, кюре из Савиньи-сюр-Сей, стал покупателем земель и лугов, принадлежавших его приходу.

Антуан Филибер Дюшено, нотариус из Луана, также приобрел в Савиньи-сюр-Сей луга, земли и поле Эзи (в селении Арсе), тоже принадлежавшие приходу Савиньи.

Делор, кюре из Бантажа, купил несколько участков земли. Итак, мы видим, что некоторые кюре покупали земли в своих церковных приходах.

Клод Венсан приобрел в Маншёе имение, принадлежавшее церковному приходу (за 17 тыс. ливров), и другое владение, принадлежавшее часовне Луази (за 6750 ливров). Некоторые земельные участки были проданы с торгов различным пахарям, например луга Арсежо в Бёди.

Огороженные виноградник и луг, прилегавшие к приходу Монпоп, были куплены Ж. А. Лорэном (буржуа из Луана, уже купившим до этого другие имущества); луг в Ла-Серве купил Т. Лорэн.

В том же приходе поле, носящее название Маладрери, в Сент-Круа, было куплено Бийаром.

Некоторые земли, бывшие бенефицием прихода Сент-Круа, были приобретены Клодом Луази и его сыном Жаном.

Жозеф Мари Гинье купил земли и луга в том же церковном приходе, что и Ж. Б. Лорэн из Луана.

Различные участки, земли, виноградники, поля, принадлежавшие капитулу Кюизо и капелланствам, были куплены К. Л. М. Пювисом, который одновременно приобрел имущество в Шампаньи, так же как и Ревелю, мэру этой коммуны.

Ж. Б. Мойн, судья в дистрикте Шалоп на Соне, Колэн, Конт, Конвер, Доммартэн, Галлиу, Мулле д'Эллеэзе; пахари, виноделы, а также бывший мэру Кюизо, бывший сеньор Этьенн Жан Нойм купили земли в Гратт-Лу.

Пювис-старший купил поместье Ла-Бруа в Кюизо, а также относящиеся к нему угодья, принадлежавшие картезианским монахам Воклюза (за 26 тыс. ливров).

Дезире де ла Майодери, священник, тоже купил земли и луга в Кюизо.

Церковные старосты Клод Руссель и другие приобрели различные земельные участки.

Земли, виноградники, луга были проданы Матиасу Шамбо, Жозефу Тамиу, доктору Брессану Жану, Луи Вере, Франсуа Мёне, Франсуа Грелону, Пювису-старшему, Дезире Терелю и другим.

Клод Жозеф Арну, житель Луана, купил 31 декабря 1791 г. за 1225 ливров строительные материалы часовни Нотр-Дам и землю, на которой она была расположена, в Кюизо.

Герре де Гранноль, а также Туази, Баволе, Пира приобрели в Кондале поля и луга, принадлежавшие этому приходу.

Жозеф Адриан Александр Дебранж, житель Луана, приобрел имения, луга и леса в Доммартене.

Пьер Ревель из Луана купил за 11 638 ливров поместье Кроз в Фронтено.

Алле, Фрико, Серро, Удо купили в Фласэ земли и луга, принадлежавшие приходу Фласэ, приходу Бомон и Менальскому приорству.

В Варенн-Сен-Лоран покупателями были: Эммануэль Деглан, который приобрел луга, принадлежавшие приходу; Пьер Жозеф де ла Майандери приобрел леса; Франсуа Жозеф Месме, кюре из Варенна, купил участок луга; другие имущества достались Франсуа Филиппу Лионнэ, столяру из Монжувана, Бенуа Витту, торговцу в местечке Варенн, и другим.

В Мируаре на имуществе аббатства нашлось много охотников. Мы видим среди них Клода Ларманьяка, королевского комиссара при луанском суде, который купил имение Гранж-де-Вильнёв (за 18 тыс. ливров), а также пруды и леса.

Клод Луи Мари Пювис из Кюизо купил небольшое поместье в Мируаре (за 9 тыс. ливров), крупное имение Мильёр в Фронтено (за 18 тыс. ливров), также принадлежавшее мируарскому аббатству, несколько прудов, луга, земли, виноградники того же аббатства.

Луи Жан Мари Лорен из Луана был покупателем черепичного завода в Мируаре и поместья Тюильри, лугов, виноградников, а также земель в Луанском и Монпонском кантонах; Франсуа Элизе Легра из Луана купил маленькое поместье Мильёр (за 16 600 ливров); Арман Илер Жанэн приобрел мельницу,

принадлежавшую аббатству (за 12 800 ливров); Бушар купил для себя и для других земли, луга и несколько прудов; Пьер Мезонийя, пахарь из Мируара, приобрел поместье Птит-Гранж-де-Виллар (за 17 тыс. ливров в апреле 1792 г.); Бенуа Мишо купил крытое гумно в Комбе; Годфруа Франсуа — крытое гумно в Буа; Арсен Годфруа — другое маленькое имение, тоже в Мируаре; Ж. Б. Мойн, судья луанского суда, купил несколько прудов, молочных ферм, принадлежавших аббатству; Жозеф Буассон, член администрации дистрикта, купил Гасийский луг в Мируаре; Думартр из Фронтепо приобрел несколько пастбищ; мэр Мируара, Берто, также был в числе покупателей; Виллоша, Тьелланы купили луга аббатства, а также земли, принадлежавшие приходам Кузанс, Куиза и Дига.

В Сажии кюре Мишель Кабюре фигурирует среди покупателей лугов, принадлежавших приходу; Клод Ларманьяк из Луана купил несколько пастбищ; то же самое сделали Ж. Б. Лорэн, Рубен, Тома, Руа, Понсо.

В Савиньи-ан-Ревермон Александр Гийемен, нотариус из Борпера, Клод Гийемен, хирург из Савиньи, Теодор Дюран, Огюстен Греа, Ш. Удо, Релье, Пажо, Фулен, Мартен, Бретэн, Птижан, Руа, Катэн... приобрели земли и луга, принадлежавшие обители и часовням.

Среди многочисленных покупателей лугов Су-Боннэ были собственники или земледельцы из Савиньи, а также из соседних коммун: Релье из Савиньи, Матьё из Борпера, Гишар из Сайенара, Куйеро из Нальта.

Земли, луга, леса, расположенные в Фэ и принадлежавшие приходу, нашли покупателей среди многих местных жителей, в большинстве пахарей: Бретон, Бюшен, Куйеро, Грее, Гийемен, Мазье, Пари, Прюдан, Руа, Трибер, Венсан... Пьер Маргерит Герре купил пруды.

Дрюшон, пахарь из Франжи, стал покупателем Терр-о-Претр; Пти, Муро, Гакон, Роблен купили различные земельные участки; Мелькиор Мартэн, мировой судья в кантоне Сент-Юзюж, приобрел луг на Шарнейских болотах.

Пьер Легра, юрист из Луана, приобрел луг в Куде, в церковном приходе Санс. Коллине купил имущество в Плануа.

В Божане покупателями были Курдые, Фако и другие.

Дени Курдые купил в Тартре землю, принадлежавшую приходу Божан.

Шарль Жозеф де Скорайе, дворянин, проживавший в Париже, приобрел имения, земли и луга в Сен-Жермен-дю-Буа; в Луане Додэ и Гайяр также купили земли в Сен-Жермен-дю-Буа.

Семейство Мерсэ приобрело имущества прихода Дисерен. Дворяне, крупные собственники этой округи, Фио де ла Марш и де Драси купили участки земли в Доранже.

В Мерване нашлось очень много покупателей: Трюшо и Буассон, члены администрации дистрикта; Кретен, Бон, Гийемен,

Мерсэ, Дурио, Роблен, Рибуте, Дебуа, Дуссо, Шалюмо и другие. Леже, кюре из Мервана, тоже купил земли, принадлежавшие его приходу.

Земельные участки и луга, принадлежавшие церковному приходу Тюре, были приобретены разными лицами — Релийаром и другими. В таких коммунах, как Тюре, которые еще не составляли части дистрикта, продажа с торгов происходила в Шалоне, главном городе дистрикта, к которому принадлежала коммуна.

В Отюме, вблизи Пьера, земли и луга, принадлежавшие приходу, были проданы многим лицам: Бержеро, Бувере, Бону, Шаррицу, Перро, Рако, Оже, Тюпиму.

В Шапель-Сен-Совёр семейства Массен и Жакоб, братья Шода и другие, Мошан, Пуже купили различные имущества, пашни, луга, пруды, принадлежавшие этому приходу или же приходу Пьер-де-Кюре; Ж. Ф. Оффан-Ньандан купил луга.

В Монжэ мэр Пьер Пикар, а также несколько пахарей: Брюне, Мессаже, Мишлен... явились покупателями земель и лугов прихода ла-Гран и прихода Монпон.

В Бельевре покупателями были: Эдм и Франсуа Лен, Гийанне, мэр в Пьере, Герре де Гранне, Корделье, Гаспар, Брюне и другие.

В Мутье пахари Ришар, Пемре, Мёне, Жандо, Розен, Ларьер, Жирардо, Шапюи, Микуне приобрели участки земли и луга, принадлежавшие фермам приорства. Среди покупателей был мэр Клод Ребуйя, а также кюре Жан Франсуа Жирарде, но большая часть земель, принадлежавших старинному аббатству Мутье, стала собственностью простых пахарей.

В Торпе земли, принадлежавшие приходу и миссионерам Боппе, были куплены пахарями Франсуа и Дени Борнель, Франсуа Леном, Франсуа Маге, Макреном, Клодом Корделье, кюре прихода Шапель-Сен-Совёр, Франсуа Оффан-Ньанданом, а также кюре из Торпа, Коммом.

В Пьере участки земли и виноградники, принадлежавшие приходам Пьер и Луи Бельеврской обители, нашли покупателей в лице мирового судьи Арвана, Гийанне Бонавантюра, Жана Корделье, Дезире Дромара, Дени Муне, Франсуа Овара, Сарсиса, Жана Кризостома.

Некоторые имущества, бывшие бенефицием прихода Франтевар, были куплены Франопом, хирургом из Фронтепара, Арсаном, мировым судьей из Пьера, Нуаро из Мервана.

Жан Корделье, из департаментской администрации Соны и Луары, купил в Фретране участки земли и луга, принадлежавшие приходам Фретран, Отюм и Нёблан.

Земли, принадлежавшие церковному приходу Шарет, были куплены Покера, а имение в Варени-сюр-ле-Ду, принадлежавшее шалонским минимам, — Андре Петито; земли, леса, пруды, луга были куплены несколькими земледельцами, Гийеменом и Жувансо.

Имущества, принадлежавшие капитулу Сен-Пьер-де-Шалон в Сен-Дуне, были куплены одним из жителей этой коммуны, Франсуа Люилье, из администрации дистрикта; земли и луга были приобретены Шво-Ити, Симере, Лимеже, Жено, Шартоном и другими.

Неподалеку от Кюизери земли раскупили разные собственники или простые земледельцы; Франсуа Иньяс Пике из Кюизери, Клод Руайе, Клод Марешаль, Бассе, Бернар, Караде, Кола, Доми, Гарнье, Перре, Птижан... купили земли, луга, леса, виноградники, принадлежавшие приходу Луази. В Юили некто Кретен приобрел имение церковного прихода. Владение прихода Молез (деревня, позднее слившаяся с Юили) продали за 8 тыс. ливров Дени Ломбару, сахарю из Молеза. Имение, принадлежавшее приходу Ранси, а также луга были приобретены Мазуайе; другой луг в Ранси приобрел Местр, кюре той же коммуны. Земли и луга приходов Жувансон, Бриени, Ла-Женет были куплены Буавье, Кадо и другими; земли и луга прихода Симандр приобрели Ниве, Галопен, Террье и другие; земли и луга прихода Альбержеман купили Жанэн, Шарло и другие. В Кюизери один дом, луга, принадлежавшие капитулу Кюизери или аббатству Ланшар, были куплены Кюриёном, Паном, Мишо и другими.

Я не извиняюсь за то, что привел такой длинный перечень, ибо мне казалось, что, перечисляя эти имена, я присутствую на этих шумных и многолюдных торгах. Необходимо, чтобы пролетариат при изучении как прошлого, так и настоящего познавал не только общие формулы, но и подлинную реальность. Нельзя на основании картины, нарисованной для округа Луана, делать заключения о всей Франции, ибо мы имеем здесь дело с районом в основном сельскохозяйственным, а город Луан играл весьма незначительную роль и не был ничем особенно примечателен. Но в отношении районов сходного типа мы можем сделать некоторые интересные заключения.

Прежде всего выясняется, что с конца 1790 г., в 1791 и 1792 гг. распродажа церковных имуществ шла весьма оживленно: вся собственность церкви была распродана почти полностью в течение нескольких месяцев; а поскольку эта собственность была разнообразной и разбросанной повсеместно, поскольку не было ни одной деревни или поселка, где бы аббатству, церковному приходу, приорству, бенефицию не принадлежал бы какой-нибудь луг, какой-нибудь лес, какой-нибудь виноградник, пашня или пруд, то во французской деревне нельзя найти уголка, который не оказался бы вовлеченным в эту гигантскую операцию.

Повсюду проявлялись алчность и гордость, страсть к наживе и стремление к свободе. Это движение, столь бурное, столь быстрое и широко распространившееся, привело в целом к необратимым последствиям. Как уничтожить Революцию, которая тесно переплелась с интересами стольких семей?

Ибо прежде всего поражает огромное число покупателей; какими же пустыми оказались риторические заявления аббата Мори, разоблачавшего предстоящую закупку всех церковных имуществ несколькими тысячами финансистов и спекулянтов: евреев, женевцев, голландцев! Революция не устояла бы и дня, если бы дело обстояло так. Слов нет, масса сельских тружеников, крестьян-пролетариев не стала собственниками. Она не могла стать имущей в результате операции, которая в основном являлась продажей; она сможет добиться этого только путем великого коммунистического преобразования собственности.

Но социальные категории людей, приобретавших имущества церкви, были весьма различны. Почти все эти покупки носили местный характер. Земли приобретались пахарями [закиточными крестьянами] данного прихода, городскими торговцами, буржуа из ближнего города. Г-н Гийемо не упоминает ни одного иностранца, который принял бы участие в торгах. Если это не местные земледельцы, то это буржуа из Луана; земли не попадали в руки спекулянтов, прибывших издалека, их покупали те, кто в течение поколений взирал на них с вожделием, ходил по ним, мечтал их приобрести. Революция в имущественных отношениях произошла путем перехода собственности из одних рук в другие на местах.

И совершенно очевидно, что при этом собственность дробилась; даже наиболее богатые буржуа не приобретали целиком какое-нибудь владение аббатства; это владение, состоявшее из разнородных частей, делилось на эти составные части, и каждая из них, во всяком случае, как правило, имела отдельного покупателя.

Читатель, безусловно, обратил внимание на то, что среди покупателей было много лиц из администрации муниципалитетов, дистриктов или департаментов; таким образом выборные чиновники Революции оказались тесно связанными с движением всеми своими интересами, самой своей личностью, и можно было предвидеть, что отныне они пойдут за Революцией до конца, будут защищать ее всеми средствами против любых попыток наступления реакции, которые будут угрожать их вновь приобретенной собственности.

Среди покупателей земли в луанской округе много было „пахарей“, то есть собственников земель, отводимых под зерновую пашню, или же арендаторов крупных ферм. Если бы в целом во всей Франции одна только буржуазия покупала национальные имущества, если бы крестьян повсюду оттесняли так же усиленно, как в окрестностях Парижа, где буржуазия была чрезвычайно могущественна, то крестьяне не стали бы поддерживать революционную буржуазию.

Однако семьи закиточных земледельцев достаточно активно участвовали в торгах, благодаря чему эта революционная солидарность между буржуазией и крестьянством была очень глубоко

связана с землей, подобно тому как сами корни переплетаются в земле. Это глубокое переплетение интересов сделало Революцию несокрушимой.

Но мне кажется, насколько можно судить по простому перечислению, где не приводится никаких цифр, что даже в этом сельском районе Луана буржуазии перепала наибольшая часть продававшихся имуществ. Вспомните всех буржуа из Луана и всех буржуа из перечислявшихся местечек: мэров, депутатов, мировых судей, нотариусов, поверенных, рантье, купцов; вспомните некоторых из них, таких, как Арну, Пювис, Лорен, которые купили земли и луга во многих церковных приходах, и вы, конечно, придете к выводу, что если и не было скупки или простого перехода собственности из рук церкви в руки буржуазии, то тем не менее буржуазия, даже в этом краю, где она была не особенно могущественна, приобрела, во всяком случае, столько же, а то, пожалуй, и больше, чем крестьяне.

ПРИМЕР ДЕПАРТАМЕНТА ГАР

В департаменте Гар, где торговая и банковская буржуазия из Алеса, Изеса и особенно Нима была богаче и могущественней, нежели буржуазия луанской округи, процент покупок, сделанных буржуа, был гораздо выше, нежели покупок крестьян. Книга г-на Франсуа Рувьера, о которой я уже говорил, содержит перечень покупателей имуществ „второго происхождения“, то есть имуществ, конфискованных у эмигрантов, и общинных земель, а также имуществ „первого происхождения“, то есть церковных имуществ и коронных земель. Но имущества эмигрантов будут пущены в продажу позднее, после издания закона от 8 апреля 1792 г. В настоящий момент я говорю только о продаже имуществ „первого происхождения“.

Прежде всего поражает здесь огромное число покупателей; в департаменте Гар при продаже имуществ „первого происхождения“ их было 2699 человек. Эта распродажа растянулась на несколько лет, но больше всего покупок и наиболее значительные из них были совершены в 1791 и 1792 гг. И здесь тоже, стало быть, этот процесс развивался очень быстро и одновременно очень широко.

Поражает затем большое число участков очень низкой или средней стоимости, доступных, таким образом, по-видимому, покупателям бедным и со скромным достатком.

Так, например, продавались: „сад, засаженный оливковыми и тутовыми деревьями,— за 545 ливров; конопляное поле — за 390 ливров; участок земли — за 535 ливров; участок земли — за 375 ливров; строение — за 93 ливра 10 су; участок земли, именованный „крупным“, — за 1225 ливров; дом — за 1600 ливров; еще дом — за 2172 ливра; участок земли — за 3100 ливров;

еще один — за 1050 ливров; виноградник и участок земли — за 3900 ливров; участок земли — за 8250 ливров; гумно — за 130 ливров; пустошь — за 1825 ливров; участок земли — за 400 ливров; еще один — за 3 тыс. ливров; дом с конюшней, сеновалом, садом — за 2335 ливров; два участка, засаженных тутовыми деревьями, — за 410 ливров; поля, засаженные тутовыми деревьями, — за 3100 ливров; дом с участками земли — за 4 тыс. ливров; участок земли — за 440 ливров; еще один — за 5200 ливров; еще один — за 2400 ливров; виноградник и участок леса — за 525 ливров; участок земли, занятый под виноградник, оливковые и фруктовые деревья, — за 1500 ливров; участок земли — за 86 ливров; 6 участков земли — за 3872 ливра; участки земли — за 3050 ливров; участок земли — за 2950 ливров; еще один — за 2590 ливров; еще один — за 1500 ливров; еще один участок — за 2550 ливров; сеньориальная хлебная печь — за 1800 ливров; сад и сарай — за 493 ливра; участок земли — за 1625 ливров; участок, занятый под виноградник и оливковые деревья, — за 665 ливров; участок земли — за 2700 ливров; участок земли — за 3800 ливров; участок земли, а также виноградник и оливковые насаждения — за 1450 ливров; участок с оливковыми деревьями — за 565 ливров“.

Заметьте, что я беру эти примеры на первых 18 страницах списка продаж, а весь список проданных имуществ „первого происхождения“ занимает 392 страницы.

Если открыть том наудачу, то на странице 245 находишь в списке продаваемых имуществ: „участок земли — за 5200 ливров; луг — за 176 ливров; участок земли — за 1200 ливров; виноградник — за 200 ливров; участок земли и луг — за 950 ливров; Участок земли — за 55 ливров; участок земли — за 450 ливров; участок земли — за 150 ливров; луг — за 1521 ливр; виноградник и тутовые насаждения — за 2250 ливров; участок земли — за 2400 ливров; участок земли, каштановая роща и виноградник — за 3100 ливров; дом с земельными участками, фермами, виноградниками, дубовым лесом и выгонами — за 8400 ливров; 6 участков земли — за 2300 ливров; сад — за 960 ливров; участок земли — за 1500 ливров; винный чан — за 642 ливра; дом — за 1100 ливров; участок земли — за 3 тыс. ливров; участок земли — за 1050 ливров; участок земли — за 4550 ливров; участок земли и виноградник — за 440 ливров 10 су; участок земли — за 675 ливров; два луга — за 2338 ливров; участок, засаженный оливковыми деревьями, — за 104 ливра; участок земли — за 2220 ливров; участок земли — за 7800 ливров; выгон — за 5300 ливров; участок земли и выгон — за 5050 ливров; выгон — за 5100 ливров; еще один — за 5 тыс. ливров; заливной луг — за 6700 ливров; луг — за 2645 ливров; участок — за 12 ливров; часть дома — за 4125 ливров; участок земли с оливковыми деревьями — за 375 ливров; участок земли — за 4650 ливров; участок земли —

за 6800 ливров; несколько земельных участков — за 11 тыс. ливров; лес и выгон — за 49 ливров“.

Я останавливаюсь на стр. 255. Как можно увидеть, преобладают мелкие участки, причем необходимо помнить, что среди них были такие, которые были проданы в II и III г., когда курс ассигната уже очень сильно упал, а цена продаваемого имущества соответственно возросла. Фактически имущество церкви не было однородным, оно состояло из случайно собранных частей; поэтому его легко было расчлениать при продаже, и по-видимому, и на этот раз даже бедные труженики и, во всяком случае, самые мелкие собственники-крестьяне могли участвовать в торгах. И в самом деле, при продаже целого ряда имуществ, о которой я говорил, среди покупателей встречаются „хозяева“ (*ménagers*), то есть мелкие крестьяне-собственники, вместе с семьей обрабатывающие свой маленький участок; деревенские собственники, бедные сельские жители, полуремесленники, полусобственники. Но не следует думать, что даже эти маленькие участки сплошь были куплены мелкими покупателями. Очень часто городские буржуа и богатые буржуа покупали совсем мелкие участки то ли потому, что они одновременно приобретали обширные имения, то ли потому, что хотели таким образом округлить уже находившееся в их владении имущество, то ли приобретали их как временное пристанище.

Так, в первой части списков, где я обнаружил так много мелких участков, буржуа Аберлан, общественный обвинитель при суде дистрикта, купил участок, засаженный оливковыми и тутовыми деревьями, за 845 ливров.

Другой буржуа, Ашарди, юрист из Бокера, купил участок земли за 374 ливра. Буржуа Апель Жереми, поверенный из Алеса, купил участок земли за 1225 ливров. Еще один буржуа, Альбер Тома, негодант из Сова, купил участок земли за 3900 ливров. Буржуа Альмера Луи, негодант из Ласаля, купил несколько участков земли за 3715 ливров. Буржуа Альтерак Доминик, негодант из Алеса, купил участок земли за 1275 ливров.

Буржуа Отуар, мировой судья из Вигана, купил ряд мелких участков за 5200 ливров, за 2400 и за 1500 ливров. Негодант из Нима, Аршинар Жак, купил 6 участков земли за 3872 ливра; еще один участок за 3050 ливров был куплен Аршинаром Жаном из Нима. Буржуа из Алеса, Арналь, приобрел сеньориальную хлебную печь за 1800 ливров. Негодант из Соммьера, Обанель, купил виноградник за 660 ливров. Негодант из Нима, Обари Лоран, купил участок земли за 3800 ливров и т. д.

Если заглянуть дальше, на стр. 245, то мы увидим, что негодант из Арамона, Жув Жозеф, купил участок земли за 5200 ливров. Нотариус из Сова, Жюльен, купил несколько участков земли за 2750, 950, 220, 55 и 450 ливров. Лабель Андре, негодант из Алеса, купил виноградник, обсаженный тутовыми деревьями,

за 2250 ливров. Богатый буржуа из Соммьера, Лабланш, купил наряду с участками земли за 225 тыс. и 62 тыс. ливров участок земли за 2400 ливров. Лабори, сборщик налогов Алесского дистрикта, купил каштановую рощу и виноградник за 3100 ливров. Нотариус из Везенобра, Лакомб, купил винный чан за 642 ливра.

Богатый буржуа из Бокера, Лафон, одновременно с солидным участком за 13 800 ливров купил еще участки за 675, 2338, 104 и 2200 ливров. Хозяин булочной, ушедший от дел, домовладелец в Алесе, приобрел целый ряд участков соответственно за 5 тыс. и 3 тыс. ливров и т. д. и т. д.

Итак, из приведенных данных совершенно ясно видно, что дробление имуществ во время торгов отнюдь не имело следствием переход их в руки мелких покупателей, трудового крестьянства. Я полагаю, что из участков стоимостью ниже 5 тыс. ливров более половины были приобретены буржуа из городов или крупных поселков.

С тем большей уверенностью можно говорить о том, что городская буржуазия приобрела все участки более высокой стоимости, все прекрасные имения, имевшие обширные центральные фермы и представлявшие собой как хозяйство единое целое, которое невозможно было дробить при торгах.

Вернемся же к списку покупателей и рассмотрим его с этой точки зрения.

Абози Фирмен, негодант из Алеса, купил участок земли за 6025 ливров; Абози Жан, негодант из Изеса, купил за 26 тыс. каретный сарай с большим огородом; Ашарди, булочник из Бокера, купил мельницу за 32 тыс. ливров; Акбек Пьер, владелец кофейни в Ниме, купил участок земли за 9042 ливра; Адам Эдуард и Шарль Мишель-сын, негоданты из Нима, вместе с Серром Жаком, контролером акцизного ведомства, приобрели епископское имение в Алесе за 87 260 ливров.

Афурти, банкир из Нима, купил пахотные земли, луга и мельницу, принадлежавшую приорству в Мило, за 136 тыс. ливров; Алазар Жан, владелец кофейни в Изесе, купил дом за 17 222 ливра и еще один дом с садом — за 40 тыс. ливров. Аллеман Антуан, буржуа из Кавильярга, приобрел имение Малак за 132 тыс. ливров. Далее, Альбер Жан-старший, муниципальный чиновник из Монпелье, и Сабатье Гийом, проживавший в Париже, объединились для покупки великолепного поместья Эсперан, принадлежавшего бенедиктинцам Сен-Жиля; земли, луга, выгоны, оросительный канал, получавший воду из Роны, виноградники, замок, жилища для мелких крестьян-собственников (*ménagers*), винные чаны, овчарни, огороды, болотистая пустошь и тамарисковая роща — за все это было уплачено 773 тыс. ливров. Буржуа из Изеса, Аморе, приобрел за 17 425 ливров два участка земли и луг. Аршинар Жан, негодант из Нима, уплатил 66 100

ливров за имение Мериньярг, принадлежавшее прежде доминиканцам. Арналь-Фурнь, домовладелец из Нима, купил за 30 тыс. ливров сад, бывший прежде собственностью Мальтийского ордена.

Негоциант из Марселя, Арнавон, купил за 192 100 ливров поместье Вернед, принадлежавшее картезианцам. Обанель Луи, негоциант из Нима, приобрел за 96 тыс. ливров имение Каплан, вблизи Кессарга. Бомель, нотариус из Баньоля, купил за 38 500 ливров имение Эмбр; он же купил за 111 тыс. ливров поместье Ла-Пайяс и вдобавок еще участки земли за 4800, 450, 3750, 8200 и 3060 ливров. Объединившись с двумя другими покупателями, Бомель приобрел еще имение Талан за 82 300 ливров; затем вместе с Жуном он приобрел мельницу за 45 тыс. ливров; объединившись с Ландроном, он купил поместье Руверан за 40 тыс. ливров.

Бозэспри, богатый буржуа, приобрел за 108 900 ливров имение Фур, а также пустоши с рощей на Фурской горе и половину стада.

Базий, юрист, действуя по поручению Бернавона Виталья, негоцианта из Бокера, приобрел участок земли с фермой за 116 400 ливров. Г-н де Бон приобрел за 171 тыс. ливров часть поместья Симонет.

Бельгарик, врач из Пон-Сент-Эспри, купил дом за 6100 ливров. Бель Картон, владелец типографии из Нима, приобрел дом за 29 500 ливров.

Заглянув на стр. 245, узнаем следующее: Жуайё Луи, негоциант из Нима, купил поместье Люк за 90 600 ливров. Жюлиан Пьер, заведующий Управления регистрационных пошлин департамента Гар, приобрел за 70 тыс. ливров поместье Мурад верт. Лабом, богатый буржуа, приобрел за 123 тыс. ливров имение, раскинувшееся по обеим берегам Роны. Луи Жозеф Лаблаш-младший, из Сомьера, совершил несколько покупок частично для себя, частично по поручению нескольких богатых коммерсантов. В январе 1791 г. он приобрел участок земли за 2400 ливров, в январе же 1791 г. — виноградник и луг за 15 тыс. ливров, в июле 1793 г. — конюшню и сеновал за 62 тыс. ливров; в июле 1793 г. — лесосеку за 12 110 ливров; 8 термидора III г. — участок земли, называвшийся Карньемьон, за 225 тыс. ливров; он же купил владение, состоявшее из дома, конюшни, мельницы, пахотных земель, виноградников, пустошей, — все вместе за 2 млн. ливров; 11 термидора III г. — строения, называвшиеся „живодернями“, — за 80 тыс. ливров.

Этот Лаблаш, очевидно, является одним из тех предприимчивых дельцов, которые покупали, перепродавали, брали на себя выполнение комиссий. Он заявил, что действовал от имени Кинара, Берлу, Палиаса, негоциантов из Монпелье, в частности при покупке имения за 225 тыс. ливров и имения за 2 млн. ливров.

Или возьмем, к примеру, Лафона, буржуа из Бокера, который купил участки за 675 ливров, за 15 800, 2338, 104 и 2209 ливров.

Дабы не быть обвиненным в том, что я скрываю приобретения, сделанные евреями, я должен отметить на стр. 163 Кремье Сайда, купца из Нима, который в прериале II г. купил за 100 тыс. ливров поместье Мурад, а также участки земли за 26 тыс. ливров, 8200, 10 500, 10 500, 8 тыс., 11 тыс и 12 тыс. ливров; возможно, что Мейер Жан, негоциант из Нима, тоже был евреем; он приобрел в V г. поместье за 113 036 ливров и дом за 46 500 ливров. Я не встречал, если не ошибаюсь, других случаев участия евреев в покупках в департаменте Гар, причем интересно отметить, что Кремье Саид покупал имущества только во II г. Вначале, до того как их гражданские права не были окончательно определены, евреи, конечно, опасались совершать покупки. Во всяком случае, их участие в этом переходе собственности из одних рук в другие было совершенно ничтожным.

Мне представляется бесполезным показывать на дальнейших примерах, что крупная буржуазия Нима, Алеса и Изеса приобрела огромную часть церковных имуществ: на каждой странице сборника г-на Франсуа Рувьера мы встречаем множество имен и фактов, служащих тому доказательством. Но покупали не только крупные буржуа; мелкие буржуа, мелкие торговцы, мелкие предприниматели, зажиточные ремесленники, предприниматели, занятые производством чулок, мольтона [шерстяной ткани], почталлоны, столяры, сапожники, кузнецы, винокуры, сыромятники, содержатели постоянных дворов, садовники, отставные офицеры, каменщики, мельники, стекольщики, слесари, москательщики, колористы, трактирщики, торговцы-кожевники, счетоводы, пресовщики, извозчики, булочники, парикмахеры, книгопродавцы, бакалейщики, кузнецы, бочары, гончары, обжигальщики извести, ткачи, отбельщики хлопка, изготовители черепицы, колбасники, санитарные врачи, виноторговцы, школьные учителя, торговцы фаянсовой посудой, аптекари, мясники, шорники, горшочники, приказчики, селитровары, шапочники, ножовщики, кабатчики, изготовители и продавцы деревянных башмаков, торговцы спичками, портные, даже один трубач из Нима, который купил виноградник с оливковыми насаждениями за 425 ливров, судебные приставы, тележки, плотники, подрядчики, шорники, красильщики; вся эта мелкая торговая или ремесленная буржуазия Нима, Алеса, Изеса, Бокера, Сен-Жили, Андюза, предприимчивая, смелая, тщеславная, покупает все чаще, порой на довольно круглую сумму, но чаще всего на несколько сот ливров. У них будет свой луг, свой виноградник с оливами, свое поле, свой небольшой дом, свой сад, свое маленькое поместье, которое в случае чего можно сдать в аренду, если не можешь сам его обрабатывать. Здесь, несомненно, сказалось необычайное пробуждение буржуазной гордости: каждому хочется ухватить кусочек старых владений церкви, доказать, что и у него есть кое-какие сбережения, что и он может кое-что купить, доказать на деле таким образом свою преданность

Революции. И из всех этих лавок, из всех этих мелких мастерских выходили разряженные торговцы и ремесленники, чтобы отправиться на торги.

Но что же осталось на долю крестьян, земледельцев, тружеников земли, после того как вся эта буржуазия городов и местечек, крупная, средняя и мелкая, сделала свои покупки? Из расчетов, которые я произвел на основании книги г-на Франсуа Рувьера, явствует, что *земледельцы приобрели в департаменте Гар самое большее одну шестую часть национальных имуществ*. Но при этом надо иметь в виду следующее: среди всех этих мелких буржуа, среди этих ремесленников и рабочих городов и местечек, которые покупают бесчисленные клочки участков, многие — недавние крестьяне, родственники крестьян, и многие из этих участков могут в порядке наследования вернуться к крестьянам; крестьяне без зависти, даже благосклонно должны были смотреть на многие из этих приобретений. К тому же, хотя к ним попала только одна шестая часть продаваемых имуществ, хотя значительные покупки, совершенные крупной буржуазией на сотни тысяч, даже на миллионы ливров, свели приобретения крестьян к этим скромным размерам, последние, хотя и касались мелких участков, были все же довольно многочисленными.

Иногда крестьяне объединялись либо между собой, либо даже с несколькими ремесленниками или скромными буржуа из местечек, чтобы купить какое-нибудь имение. Так, 16 покупателей, все из Пюжо, объединились, чтобы купить 16 мая 1791 г. за 525 ливров участок земли у картезианского монастыря в Вильнёве. Десять покупателей из Вильнёва объединились и купили 26 марта 1791 г. огороженный участок земли с виноградником и фруктовым садом. Тринадцать покупателей, крестьяне и ремесленники, все из Сен-Жиля, совместно купили за 87 тыс. ливров земли, принадлежавшие аббатству, и канатный паром. *Сто пять* покупателей, все из Пюжо, в число которых входили, очевидно, и земледельцы, и торговцы, и ремесленники, объединились, чтобы приобрести 30 марта 1791 г. поместье Сент-Антельм за 130 тыс. ливров. Тут, по-видимому, объединились весь приход, чтобы прекрасное имение не досталось „чужаку“.

Сорок покупателей, все из Арамона, среди которых мы находим и нескольких „хозяев“ (то есть мелких крестьян-собственников, живущих своим трудом), одного садовника, одного трактирщика, одного пекаря, объединились и купили 21 января 1793 г. принадлежавшие урсулинкам Арамона монастырь и сад, заплатив за них 20 100 ливров. Еще одна подобная попытка была предпринята коммунами Пюжо и Вильнёв: 106 покупателей, из них 67 из Вильнёва и 39 из Пюжо, объединившись, приобрели 12 марта 1791 г. ферму Сен-Брюно за 153 688 ливров. Среди этих покупателей ясно упоминаются мелкие крестьяне-собственники (ménagers) и буржуа.

Двадцать четыре покупателя, из коих 22 из Монфокона, негодянты и земледельцы, объединившись, купили 21 июля 1789 г. участок земли за 6300 ливров. Одиннадцать покупателей в Кайаре (Cailar), среди них несколько земледельцев, один слесарь и один кузнец, объединившись, приобрели 17 января 1791 г. разные имущества, заплатив за них 8200 ливров. Семь покупателей в Пюжо объединились, чтобы приобрести 2 мая 1791 г. 7 участков земли общей стоимостью 6875 ливров.

Еще 15 покупателей из Вильнёва, сложившись, купили 18 марта 1794 г. участок земли за 3350 ливров. Другие 19 покупателей из Пюжо купили совместно участок земли за 6525 ливров. Еще 11 покупателей из Пюжо купили сообща поместье Сен-Вердим за 45 тыс. ливров. Еще одно объединение покупателей из Пюжо, в числе 21 человека, купило 3 июля 1791 г. участок земли за 1791 ливр. Тринадцать покупателей из Тавеля 14 мая 1791 г. совместно приобрели участок земли, принадлежавший картезианцам Вильнёва, за 6625 ливров. Шестнадцать покупателей из Тавеля (в том числе и те, о которых говорилось выше) объединились и купили 15 мая 1791 г. имение, принадлежавшее вильнёвскому аббатству, заплатив за него 169 001 ливр.

Вот и все; я перечислил здесь все приобретения, сделанные крестьянами в складчину в департаменте Гар; я не упомянул лишь о двух-трех покупках, где объединившиеся лица являются богатыми деревенскими или городскими буржуа вроде тех покупателей из Бокера, которые, объединившись, купили огромную казарму. Мне было важно привести полный список объединений покупателей-крестьян, чтобы можно было установить точные размеры их покупок; ясно, что они были невелики.

Следует также отметить, что подобные объединения покупателей создавались только в одном районе департамента Гар (ибо Пюжо, Вильнёв и Тавель расположены по соседству друг с другом). По правде говоря, задаешь себе вопрос, чем они могли быть полезны? Если речь шла о мелких участках, для крестьян было проще покупать их в одиночку. Если же дело шло о большом, дорогостоящем имении, то им даже в случае объединения все равно не хватало средств; кроме того, как потом делить на части приобретенное имущество? Поэтому не удивительно, что объединения покупателей создавались редко.

Но многие крестьяне покупали в индивидуальном порядке. Сотни „хозяев“, земледельцев, деревенских собственников, даже простых сельскохозяйственных работников, поденщиков числятся в списках. Айо Антуан, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 3100 ливров и еще один за 1075 ливров. Айо Жак, работник из Бокера, купил во II г. участок земли за 1050 ливров. Альтерак Франсуа, земледелец из Алеса, купил в III г. участок с тузовыми насаждениями за 3100 ливров. Амфу Анри, бывший пастух, Биго Жан и Франсуа, земледельцы из Женерака, купили

в III г. поля за 53 тыс. ливров и за 36 500 ливров. Амфу Анри, бывший пастух, Орийон Жак и Дюран Анри, пастухи из Женерака, купили в III г. дуг за 16 тыс. ливров. Амфу Пьер, земледелец из Женерака, купил в III г. поместье за 20 тыс. ливров. Анселен Пьер, хозяин из Мена, купил в апреле 1791 г. дом и участок земли за 4 тыс. ливров. Андре Этьенн и Обер Жак, земледельцы из Женерака, купили в III г. имение за 15 тыс. ливров. Анжелье Франсуа, хозяин из Монфрена, купил в июне 1791 г. участок земли за 440 ливров. Арен Жан, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 1750 и 1500 ливров. Арнассан Антуан, хозяин из Карде, купил в декабре 1791 г. сад и сарай за 495 ливров. Арнассан Жак, собственник из Карде, купил в III г. участок земли за 10 тыс. ливров. Обаресси Этьенн, хозяин из Вовера, купил в декабре 1790 г. участок земли и заплатил за него 2700 ливров. Обер Габриель, хозяин из Вильнёва, купил в апреле 1791 г. участок земли и виноградник с оливковыми насаждениями за 1450 ливров. Шассефьер Луи и Кост Жан, земледельцы из Женерака, купили в III г. совместно с одним чулочным мастером земельный участок за 19 тыс. ливров. Орийак Жан, земледелец из Женерака, купил в III г. поместье за 17 200 ливров. Тот же Орийак Жан приобрел имение за 15 тыс. ливров.

Банье Жан и Банье Жюль из Венежо купили в мае 1791 г. участок земли за 305 ливров. Барре Мишель, хозяин из Вильнёва, приобрел в феврале 1791 г. участок земли за 875 ливров и оливковую рощу за 3 тыс. ливров в марте 1791 г. Барьер Жан, земледелец из Бельгарда, приобрел во II г. участок земли за 650 ливров, а в III г. еще один за 12 тыс. ливров. Бассаже Пьер, земледелец из Кайара, приобрел во II г. участок земли за 2675 ливров, Бассе Реймон, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 3 тыс. ливров и еще один за 2600 ливров. Бассу Пьер, хозяин из Конкуля, купил 25 июля 1791 г. участок земли за 1775 ливров.

Батайе Поль, хозяин, купил совместно с Лотье и Ру участок земли за 5 тыс. ливров. Бо Луи, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 1025 ливров. Бедо Пьер, хозяин из Сен-Мартен-де-Вальгальга, приобрел в июне 1791 г. участок с тутовыми деревьями за 775 ливров. Жак Бенуа-сын, с хутора Травес, купил в июле 1791 г. участок земли за 900 ливров. Бери Жан Жак, земледелец из Бокера, купил в III г. имение за 3625 ливров. Бергунью Александр, работник из Сен-Бонне, купил в марте 1791 г. оливковую рощу за 124 ливра. Бернар Анри, земледелец из Эмарга, купил в III г. имение за 2208 ливров и другое — за 2550 ливров. Бернавон Антуан и Юг Антуан, хозяева из Бокера, купили в III г. поместье за 26 200 ливров. Блашер Мишель из Сен-Жюльена приобрел участок земли за 500 ливров. Блан Антуан, хозяин из Арамона, купил в январе 1791 г. гумно и курятник за 726 ливров, а в мае 1791 г. — участок земли за 1500 ливров.

Блан Клод, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 2550 ливров и еще один за 1100 ливров.

Блан Жак, работник из Арамона, купил в сентябре 1791 г. оливковую рощицу за 99 ливров. Блан Жан и Понсе Гийом, земледельцы из Бокера, приобрели в III г. участок земли за 2600 ливров. Блан Тома, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 3300 ливров. Бланше Жан, земледелец из Бельгарда, купил в III г. один участок земли за 10 тыс. ливров и другой за 12 500 ливров. Буассьер Батист и Луи Шассефьер-сын, земледельцы из Женерака, купили в III г. поместье за 16 300 ливров. Бонжан Поль, земледелец из Валлабрега, приобрел в III г. участок земли за 200 ливров. Бонфуа Бартеlemi, хозяин из Монфрена, купил в мае 1791 г. участок земли за 2400 ливров, а в июле 1791 г. еще один за 1100 ливров. Бонне Клод, хозяин из Домессарга, купил в январе 1791 г. земли и виноградники за 1540 ливров. Бонне Франсуа из Кальмета приобрел в январе 1791 г. дуга за 1782 ливра. Борн Жозеф, хозяин из Сернака, купил в марте 1791 г. 5 участков земли и оливковую рощу за 505 ливров, в мае 1791 г. — 6 участков за 251 ливр, в мае 1791 г. — еще 6 участков за 275 ливров, в июне 1791 г. — оливковую рощу за 127 ливров. Буте Бартеlemi, Жув Луи, Гранье Жан и Ламурё Этьенн из Арамона купили в апреле 1791 г. участок земли и оливковую рощу за 6 тыс. ливров. Буд Луи из Брюгьера купил каштановую рощу за 132 ливра. Буду Жан, земледелец из Женерака, купил в III г. поместье за 17 тыс. ливров. Бугарель Исаак, земледелец из Валанса, купил в январе 1791 г. участок земли за 6100 ливров. Бурели Матьё, хозяин из Монфрена, купил в июле 1791 г. кусок земли за 100 ливров и еще один за 132 ливра.

Бурели Пьер, хозяин из Эмарга, купил в марте 1791 г. 4 участка земли за 1825 ливров. Бурье Антуан из Арригаса приобрел виноградник за 132 ливра в июне 1791 г. Бурье Этьенн из Арригаса купил в июне 1791 г. участок возле церкви, огороженный сад и огороженный участок земли за 825 ливров. Брише Андре, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 4 тыс. ливров. Брейс Жозеф, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 2008 ливров. Брию Жан, хозяин из Буйарга, купил в декабре 1791 г. 2 виноградника, заплатив за них 1625 ливров. Брус Андре, хозяин из Мартиньярга, приобрел в июле 1791 г. дом с конюшнями за 2100 ливров. Брюж приобрел в марте 1791 г. участок земли за 2766 ливров по поручению двух хозяев, братьев Луи и Жозефа Барлье.

Брэн Эльзеар, пчеловод из Бельгарда, купил во II г. участок земли за 1950 ливров. Брюнель Луи, хозяин из Берни, купил в январе 1791 г. поле за 400 ливров. Брюнель Пьер, хозяин из Берни, купил в январе 1791 г. участок земли за 630 ливров.

Кабанон Шарль, земледелец из Эмарга, купил во II г. участок земли за 1850 ливров. Кабиак Жозеф, владелец хутора Сабонадье,

купил в январе 1791 г. 7 участков земли за 5725 ливров. Кадене, хозяин из Сернака, купил в марте 1791 г. акр земли с небольшой постройкой за 1200 ливров. Канонж Франсуа, работник из Колле-де-Дэз, купил в апреле 1791 г. 6 участков земли за 3083 ливра. Канонж Гийом, работник из Арамона, купил в мае 1791 г. участок, засаженный оливковыми деревьями, за 13 ливров 4 су. Кэртак Арман, хозяин из Сернака, купил в январе 1791 г. участок с оливковыми насаждениями за 400 ливров, в феврале 1791 г. — гумно за 705 ливров, в марте 1791 г. — виноградник за 170 ливров. Кассан купил в марте 1791 г. виноградник и участок земли за 370 ливров. Кафель Жак, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 2450 ливров. Кафель Тома, пасечник из Бокера, купил в III г. земельные участки за 2600 ливров, 2650, 1100 и 2 тыс. ливров. Кавалье Жак, хозяин из Кабриера, купил в январе 1791 г. участок земли за 625 ливров. Пабо Жак, хозяин из Обэ, купил в апреле 1791 г. земельные участки на 1390 ливров.

Жак Шамбон-сын, Крузье Матье и Боне Симон из Сен-Бонне купили сообща в феврале 1791 г. участок земли и оливковую рощу за 195 ливров 5 су. Шамбордон Оноре, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 3100 ливров. Шампель Симон и Фонтанье из Кафельно купили в мае 1791 г. земли на 4854 ливра. Шапо Жан, хозяин из Компса, приобрел в марте 1791 г. участок земли за 732 ливра. Шаталь Пьер, хозяин из До, купил в апреле 1792 г. земли и виноградники за 2200 ливров и во II г. земли и сад за 3150 ливров. Клап Пьер, хозяин из Сен-Пон-ла-Кальма, купил в марте 1791 г. земельных участков на 2175 ливров, а в сентябре 1791 г. — целое имение Гурмье за 89 тыс. ливров.

Клавель Антуан, земледелец из Бокера, купил в III г. земельных участков на 4250 ливров. Комб Антуан, хозяин из Лезана, приобрел в апреле 1792 г. земельных участков на 9273 ливра. Конт Жак, хозяин из Мена, купил в мае 1791 г. участок земли за 125 ливров. Конт Жак, Эйзет Этьенн и Одибер Ремон из Мена купили в июле 1791 г. участок земли за 1928 ливров.

Кост Жан, хозяин из Буйарга, приобрел в декабре 1790 г. виноградник за 1950 ливров. Кукулар Поль, земледелец из Бокера, купил в III г. имение за 2585 ливров. Кудру Луи, хозяин из Кабриера, купил в январе 1791 г. участок земли и гумно за 800 ливров. Коссир Этьенн, хозяин, купил в октябре 1791 г. поместье на острове Узеле за 52 900 ливров. Кумуль Жан, земледелец из Сен-Жиля, купил в III г. имение за 121 тыс. ливров, участок земли за 8850 ливров, еще один участок за 10 100 ливров и один за 13 тыс. ливров. Кустир Луи, работник из Вильнёва, купил в июне 1791 г. три виноградника за 1525 ливров. Кутель Жан из Лапольри купил в сентябре 1791 г. 2 участка земли за 3 тыс. ливров. Крузье Симон, хозяин из Сен-Бонне, купил в январе 1791 г. землю с оливковыми насаждениями за 365 ливров 6 су и 6 денье. Даниель

Жан и Даниель Этьенн, земледельцы из Эмарга, купили во II г. имение за 5100 ливров.

Дарбу Антуан, земледелец из Вильнёва, купил во II г. имущества на 16 100 ливров. Доме Жан, хозяин из Ма-де-ла-Рока, купил в марте 1791 г. участок за 3535 ливров. Дотен Жак Луи, собственник из Сент-Сесилия, приобрел в III г. каштановую рощу и сад за 1300 ливров. Дотен Жан Франсуа, собственник из Порты, купил в III г. сад, виноградник, участок с оливковыми деревьями и участок с туловыми деревьями за 1600 ливров. Давид Клод, хозяин из Вильнёва, купил в марте 1791 г. ферму за 154 тыс. ливров, но потом перепродал ее по нотариальному акту бывшему главному казначею Франции в Монпелье. Давид Клод и Ферро Робер, хозяева из Вильнёва, купили в мае 1791 г. участок земли за 3325 ливров. Дедон Жак, хозяин из Эстезарга, купил в мае 1791 г. дом из десяти комнат за 482 ливра. Дельшюеш Жан, хозяин из Вовера, купил в марте 1791 г. ферму Канэ и выгоны за 27 400 ливров. Демезон Клод из Эстезарга купил в ноябре 1791 г. участок земли за 133 ливра. Дени Шарль, работник из Сен-Бонне, купил в феврале 1791 г. кусок земли за 60 ливров. Дедье Симон и Фабр Жозеф из Сен-Лорана купили в апреле 1792 г. участок земли за 200 ливров.

Домбр Жан Пьер из Гюлана купил в апреле 1791 г. земельный участок, участки с туловыми и оливковыми деревьями, виноградник и каштановую рощу за 3500 ливров. Дийо Пьер, хозяин из Сернака, купил в мае 1791 г. два луга за 150 ливров. Домерг, хозяин из Кадьера, купил в июне 1791 г. виноградник за 125 ливров. Домерг Пьер, хозяин из Кадьера, купил в апреле 1791 г. виноградник за 545 ливров. Дормессон Гийом, хозяин из Арамона, купил в мае 1791 г. участок с оливковыми насаждениями за 59 ливров. Дром Жан Жозеф из Ремулена, объявивший, что он объединился с Александром, мэром, Бюске Жаном, хозяином, Бёргуром Франсуа, кузнецом, Газанем Александром, хозяином, Брюсом Жаном Батистом, почтальоном, и Мюдаьем Габриелем, каменщиком, все из Ремулена, купил в декабре 1790 г. ряд земельных участков общей стоимостью 30 тыс. ливров. Дюма Матьё, работник из Сен-Мамера, приобрел в марте 1791 г. участки земли за 2342 ливра. Дюпюи Пьер, хозяин из Бельгарда, купил в январе 1791 г. несколько участков земли за 2450 ливров. Дюсюель Теодори, хозяин из Гожака, купил в марте 1791 г. земли, монастырский дом, луга, сад, заплатив за все 14 700 ливров, но заявил при этом, что он действовал от лица объединившихся покупателей, в том числе одного из Алеса.

Эсперандье Жан, хозяин из Фуасака, купил в марте 1791 г. участок земли за 2200 ливров. Этьенн Пьер, земледелец из Бокера, приобрел в III г. участок земли за 2900 ливров. Эмар из Треска приобрел в марте 1791 г. земли на 4612 ливров, а в мае 1791 г. — участок земли за 1204 ливра. Эмье Жозеф, работник из Арамона,

купил в феврале 1791 г. участок с оливковыми деревьями за 99 ливров. Эмьё Жозеф и Блан Антуан, работники из Арамона, купили в мае 1791 г. участок земли за 310 ливров. Фабр Жак, хозяин из Сен-Жан-де-Серарга, купил в апреле 1792 г. гумно на 3 буасо * за 210 ливров. Фабр Жозеф, хозяин из Валигьера, купил в марте 1792 г. участки земли за 2825 ливров. Фабр Луи, хозяин из Эмарга, купил в январе 1791 г. доля за 2 тыс. ливров. Фард Жан, работник из Арамона, купил в мае 1791 г. виноградник за 143 ливра. Фард Жозеф, хозяин из Арамона, приобрел как для себя, так и для своего сына Пьера в марте 1791 г. участок земли за 21 600 ливров.

Жан Фокон-отец, земледелец из Бокера, купил в III г. имение за 3 тыс. ливров, участок земли за 2825 ливров и еще один участок за 2200 ливров. Фелин, хозяин из Арамона, купил в июне 1791 г. участок с оливковыми насаждениями за 203 ливра. Фенуй Антуан, хозяин из Мена, купил в мае 1791 г. участок земли за 220 ливров. Пусе Фигьер-сын, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 850 ливров. Фланден Оноре, хозяин из Кольяса, купил в апреле 1791 г. земельный участок за 150 ливров. Жан Фосса-сын, хозяин из План-де-Ла, купил в мае 1791 г. ферму Биз-Басс за 2515 ливров и в августе — виноградник за 300 ливров. Фроманталь Жак, хозяин из Сент-Этьенн-де-Мольма, купил в январе 1791 г. 2 участка земли и виноградник за 14 500 ливров, а в мае 1791 г. — 9 участков: земли, дуг, лес, виноградник и т. д. за 4900 ливров. Фюма Жан, земледелец из Бокера, купил в III г. имение за 2 тыс. ливров и участок земли за 2 тыс. ливров. Гадий Этьенн, земледелец из Кабриера, купил в январе 1791 г. участок, засаженный оливами, за тысячу ливров и клочок земли за 49 франков. Гадий Жан, земледелец из Кабриера, купил в январе 1791 г. участок земли за 147 ливров. Галле Бартелеми, земледелец из Бельгарда, купил во II г. участок земли за 1450 ливров. Госсан Давид, земледелец из Мартиньярга, купил в августе 1793 г. земли, виноградники, луга, участки с оливковыми насаждениями — все за 28 200 ливров. Готьё Антуан, хозяин из Валабрега, купил в III г. участок земли за 4200 ливров. Готьё Жак, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 1225 ливров. Гейт Дени, земледелец из Бокера, купил в III г. участок земли за 2975 ливров. Жербо Антуан, хозяин из Арамона, купил в мае 1791 г. участок земли за 401 ливр.

Жербо Клод, хозяин из Арамона, купил 14 апреля 1791 г. участок земли за 1300 ливров, а 30 апреля 1791 г. — оливковую рощу за 142 ливра. Жермани Матьё, хозяин из Арамона, купил в феврале 1791 г. кусок земли за 310 ливров. Жильбер Жан, работник из Арамона, купил в июне 1791 г. виноградник за 159 ливров. Жильбер Пьер, земледелец из Алеса, купил в III г. участок земли за 1200 ливров. Жильбер Этьенн, хозяин из Домазана, купил в 1791 г. дом, двор и конюшню за 2375 ливров.

Жиль Жан, хозяин из Вильнёва, купил во II г. участок земли за 15 625 ливров, а в IV г. — еще участки за 486, 2700 и 7040 ливров. Жембу Жак, по прозвищу Балтазар, из Ривьера купил в сентябре 1791 г. каштановую рощу и участок с тузовыми деревьями за 1600 ливров. Гонар Антуан и Руссе Пьер из Домазана купили в июле 1791 г. огороженное стеной гумно за 300 ливров. Гонтье Пьер из Сен-Лоран-де-Карнуа купил в феврале 1791 г. виноградник за 350 ливров.

Губер Жозеф, Пайон Огюстен, Лоран Жан и Гонне Бартелеми из Вильнёва купили в мае 1791 г. виноградник и фруктовый сад за 1800 ливров. Гуиран Бартелеми, земледелец из Бельгарда, купил во II г. часть имения Сен-Жан за 1800 ливров. Гуре Андре из Сен-Поле купил в 1791 г. участок земли за 308 ливров. Грано Жан, земледелец из Сен-Жиля, купил в 1791 г. 2 участка пахотной земли за 825 ливров. Гранье Жан из Берни купил в январе 1791 г. 2 участка пахотной земли за 1790 ливров. Гинь Оноре, братья Крузье Клод и Крузье Луи из Компса купили в мае 1791 г. 2 участка земли за 700 ливров.

Эраль Антуан, хозяин из Мартиньярга, купил в апреле 1791 г. часть участка, засаженного оливковыми и тузовыми деревьями, за 320 ливров. Эро Пьер, земледелец из Сен-Жиля, купил в III г. восьмую часть поместья Ориасс за 7 тыс. ливров.

Юг Жан, по прозвищу Каньо, из Бланзака купил в апреле 1791 г. 4 участка земли за 990 ливров. Идало Жозеф, земледелец из Нима, купил в III г. поместье за 110 400 ливров. Журдан Луи, земледелец из Вильнёва, купил во II г. имение за 6250 ливров. Журдан Пьер купил в январе 1791 г. участок земли за 1200 ливров. Журд Этьенн, земледелец из Кабриера, купил в январе 1791 г. участок земли за 181 ливр. Жюллиан Антуан, хозяин из Наваселя, купил в марте 1792 г. дуг за 170 ливров. Ламбон Антуан, по прозвищу Ла Воле, из Кайлара, купил во II г. часть имения Мурад (одну треть) за 5100 ливров.

Ламуру Жан и Оржа Жозеф, хозяева из Тезье, купили в декабре 1790 г. усадьбу с землей за 15 тыс. ливров. Ламуру Жозеф, хозяин из Арамона, купил в апреле 1791 г. участок с оливковыми насаждениями за 375 ливров. Ламурё Пьер, земледелец из Бокера, купил во II г. участок земли за 4650 ливров и еще один — за 6800 ливров. Ложье Гаспар, хозяин из Бокера, купил в III г. участок земли за 5900 ливров и еще два — за 1050 и 3700 ливров.

Лоран Жак, хозяин из Треска, купил в мае 1791 г. 3 участка земли за 6275 ливров. Леже Жак, хозяин из Монфрена, купил в марте 1791 г. участок земли за 540 ливров и виноградник за 380 ливров. Лева Луи, хозяин из Сен-Шапта, купил в марте

* Буасо — французская старинная мера сыпучих тел, приблизительно 13 литров. — *Прим. ред.*

1791 г. 8 участков земли за 6300 ливров. Лермит Бертелеми, хозяин из Вильнёва, купил в феврале 1791 г. огороженный участок земли за 1515 ливров, а в марте — виноградник, обсаженный оливковыми деревьями, за 4050 ливров. Лиотар Жак, хозяин из Туреля, купил 26 апреля 1791 г. дом и участки земли за 425 ливров. Лонгедамьен, хозяин из Вера, купил в декабре 1791 г. 15 объектов национального имущества за 7751 ливр.

Мараваль Жак и Фоше Пьер, хозяева из Вовера, купили в апреле 1791 г. огороженный участок земли за 4800 ливров.

Я с сожалением прерываю это перечисление, ибо только оно может дать точное представление об этом великом социальном движении. Когда видишь всех этих крестьян, всех этих земледельцев, всех этих хозяев, всех этих простых тружеников земли, покупающих землю, то с удивлением задаешь себе вопрос: как получилось, что крестьяне в департаменте Гар приобрели всего шестую часть национальных имуществ. Следует, однако, заметить, что крестьяне в основном покупали лишь очень мелкие участки; и когда вдруг богатый буржуа приобретал поместье за 2 млн., то это сразу перевешивало тысячи крестьянских покупок.

И впрямь, за исключением двух-трех хозяев, либо особенно смелых, либо располагавших более крупными сбережениями, покупки земледельцев состояли только из участков земли весьма скромной стоимости. Но число этих покупателей-крестьян было очень велико.

Были такие, что приобретали всего лишь клочок земли с оливами или клочок виноградника; другие покупали мелкие имения, стоимостью примерно 5 тыс. ливров, которые могли почти прокормить крестьянина с его семьей. Все эти люди, совершая такие приобретения, удовлетворяя свою страстную тягу к земле, накрепко связывали свою судьбу с Революцией.

Изучая сборник г-на Рувьера, можно установить два интересных факта. Прежде всего приобретения крестьян были окончательными. Я с трудом обнаружил только три или четыре случая немедленной перепродажи купленного имущества; покупатели сумели выполнить условия оплаты: земли, приобретенные крестьянами, не фигурировали снова на торгах.

И кроме того, покупка земель крестьянами шла почти непрерывно. Из приведенных мною списков видно, что были два кульминационных момента покупок: 1791 и III г. Это объясняется тем, что вся совокупность церковных владений была пущена в продажу в конце 1790 г. и что крупные имущества Мальтийского ордена в департаменте Гар стали распродаваться только к концу III г. Отсюда и кризисы в продаже, но и в интервалах покупки не прекращались, они продолжались и в 1792 и в 1793 гг. и во II г. И заметьте: дабы не смешивать разные проблемы и не предвосхищать революционные решения, я говорил здесь только об имуществе церкви. Но, как мы скоро убедимся, имущества эмигрантов

тоже были пущены в продажу, и именно во II г. покупки шли наиболее интенсивно: крестьяне приобретали очень многие из этих имуществ.

Итак, совершалось непрерывное движение: почти каждый день в течение этих необыкновенных лет большая доля церковной собственности или собственности дворян переходила в руки буржуазии, почти каждый день какой-то участок из церковных владений или из дворянских имений переходил в руки крестьян; так совершался глубокий процесс Революции.

И если к этой распродаже земельной собственности добавить распродажу, правда менее важную во всех отношениях, движимой собственности церкви, то можно утверждать, что огромное число граждан было замешано, если я вправе так выразиться, в Революции.

При распродаже движимого имущества можно было наблюдать удивительную мешанину, будто в лавке старьевщика: наряду с алтарями, иконами, балюстрадами, амвонами, пюпитрами, скамеечками для молитвы продавалась кухонная утварь монахов.

Так, например, в департаменте Сарта¹, в монастыре кордельеров, при распродаже в октябре 1791 г. два крюка для котлов были проданы Портье из Сен-Жюльена за 2 ливра; противень для жаркого — Жилодону за 8 ливров; 2 вертела — Жилодону за 2 ливра 12 су; две сковороды — Поммере за 2 ливра 11 су; 2 медные кастрюли — Жанвье-сыну из Сен-Жюльена за 5 ливров 2 су; медная кастрюля для варки рыбы была продана Брюно из Сен-Жюльена за 5 ливров 11 су.

Горшок для варки кролика был продан Сиомье из Сен-Жюльена за 18 ливров; горшок для жарки зайца — Гийотену Луи за 1 ливр 4 су; жаровня, мехи и резак были проданы женщине по имени Жуи за 3 ливра 10 су.

Представляю себе, какие вольные шутки отпускал в присутствии своих посетителей и завсегдатаев жизнерадостный трактирщик, купивший монашеский противень для жаркого, а бедная женщина, к которой попали жаровня и мехи кордельеров, со своим небольшим грузом тоже приобщилась к Революции. Разве не обвинят ее по меньшей мере в равнодушии и потворстве „грабежу“, если монахи вновь войдут в силу?

Словом, бесчисленная масса народа оказалась, так сказать, вовлеченной в Революцию; мне кажется, кроме того, что это рассеивание, эта распродажа церковных имуществ отучала народ от суеверного пиетета перед духовенством. Так уже в 1791 г. появился как бы зародыш эбертизма.

Вполне возможно, что большое количество „священных“ предметов с благоговением приобретались верующими: иконы, статуи

1. F. Legeay. Documents historiques sur la vente du mobilier des églises de la Sarthe pendant la Révolution. Le Mans, 1887.

святых и т. д.; и в частности, много церковных облачений, риз были приобретены священниками. Но зато сколько подобных предметов попадало в мирские непочтительные руки! И как мало-помалу терялось в этой вольной атмосфере распродажи уважение к церковной утвари, к облачению священнослужителей!

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Каковы же были социальные последствия этой широчайшей экспроприации земельных владений церкви?

Я уже говорил об этом и напоминаю сейчас еще раз вкратце. В то время пролетариат не имел и не мог получить доступ к собственности. То будет делом другой, более широкой революции, которая еще только готовится и приход которой уже сегодня предвещает ряд примет. Решающее значение революционной продажи церковных имуществ состояло в том, что она сломила политическое могущество сил старого порядка, уничтожив их земельное могущество. Она усилила демократические слои деревни и, создав частично крестьянскую собственность за счет экспроприированных церковных владений или же владений дворян, сообщила крестьянской демократии мирской и современный характер. Правда, крестьяне-собственники могут превратиться в социальном отношении в консерваторов¹. Они могут даже сохранить приверженность к католической религии. Они могут также, коль скоро им покажется, будто их частной собственности угрожает опасность, или они устанут от рабочих волнений в городах, на какое-то время сблизиться с дворянином и священником, но никогда они полностью не доверятся дворянину или священнику. Между ними встанет не только воспоминание о долгих годах угнетения и эксплуатации старого порядка, о десятине и шампаре. К этому присоединится и воспоминание о великой революционной операции 1791 г.; крестьянин понял, что собственность его будет ненадежной, если он вернет всемогущество тем, у кого эта собственность была отобрана.

Более того, эта великая экспроприация пробудила в душе крестьянина неведомую ему доселе гордость. Он, столь долго томившийся в рабстве, столь долго подвергавшийся ограблению, он, вынужденный кланяться столь низко, встретив на дороге (содержавшейся в порядке за счет барщины) карету спесивого прелата или экипаж высокомерного сеньора, — он теперь владел частью земли прелата, частью земли сеньора; и владел он ею, что было совсем ново, *в силу закона*. В средние века происходили мрачные жакерии, восстания изголодавшихся, доведенных до отчаяния крестьян, которые жгли замки, жгли дворян. После 14 июля и в первые дни августа происходили революционные крестьянские сборища. Крестьяне взламывали ворота замков, ящики архивов,

дверцы шкафов, где хранились дворянские грамоты, удостоверившие их порабощение.

И они нисколько не сожалели об этом дерзком шаге, который решил все. У них, в конце концов, не было в тот момент никаких иных прав, кроме их нищеты, и кто знает, что бы случилось с ними, когда бы это возбуждение угасло? А теперь именно закон дал им этот кусок дворянской земли, этот кусок земли сеньора. Это Собрание, избранное нацией и созванное самим королем, постановило распродать с публичных торгов владения церкви. Это другое Собрание, также избранное нацией, решило продать с торгов имущества эмигрантов.

Итак, крестьянин проникает во дворы аббатств и замков силою закона и его именем; он действует именем закона, под его сенью и при его поддержке, когда в последний раз, накануне торгов, осматривает клочок виноградника, уголок луга, полоску пахотной земли, приобрести которые он мечтал. И документ, который он получает и который должен удостоверить его новую собственность, скреплен неопровержимой печатью закона. То была для крестьянина великая сила, и в часы опасности и реакции она избавит его от колебаний и сомнений.

Крестьянина поддержит еще и то обстоятельство, что его „сообщником“ в этом захвате земельной собственности была крупная и богатая городская буржуазия. Она покупает, как и он, больше, чем он, имуществ церкви и имуществ дворянства. Конечно, не раз сердце его уязвляла тайная боль. Как! Эти великолепные поместья, питавшие праздных дворян и монахов, перейдут теперь к какому-то неизвестному богатому буржуа, к какому-то крупному городскому купцу, к какому-то банкиру! Как! Крестьянину так и не достанется вся земля, не достанется даже лучшая земля! И буржуа займут место аббатов и сеньоров! Эта мысль омрачала радость деревенских жителей; но, как бы то ни было, пусть буржуа и купи-

1. Уничтожение феодального порядка и приобретение национальных имуществ фактически приобщили крестьян-собственников к партии порядка. Большинство крестьян не имели или имели недостаточно земли, чтобы существовать независимо, аграрный вопрос мог быть разрешен лишь путем увеличения числа крестьян-собственников посредством дробления национальных имуществ на небольшие наделы и введения льгот по их оплате. Но восторжествовали финансовые нужды, а они совпадали с интересами буржуазии. Промышленники национальных имуществ уси-

лила преобладание имущих. В департаменте Нор, судя по трудам Жюрика Лефевра, земельная собственность духовенства совершенно исчезла (в 1789 г. она достигала 20%); доля земельной собственности дворян сократилась к 1802 г. с 22 до 12%; так велики были потери аристократии. Собственность буржуазии возросла с 16 до 28% и более, крестьян — с 30 до 42%. Итоги эти становятся более понятными, если вспомнить о непреодолимом демографическом росте, характерном в то время для сельских местностей департамента Нор.

ли много, они же не купили все и их приобретения являются гарантией приобретений крестьян. Теперь уже нельзя будет отнять у крестьян купленные ими клочки земли, не лишив богатую и могущественную буржуазию великолепных владений, в которых она водворилась. Таким образом революционная буржуазия служила еще оплотом для крестьян.

Будь они одни, они бы, пожалуй, испугались. А совместно с этой новоявленной силой — буржуазией, заставившей короля считаться с ней, они бросали вызов врагу. И в этом смысле весьма широкое участие буржуазии в великой операции по распродаже национальных имуществ было, возможно, необходимым условием более скромного участия в ней крестьян.

Начиная с этого времени буржуазия, уже могущественная в сфере промышленности, становится могущественной и в сфере земельной собственности. Как мы видели, на протяжении XVII и XVIII вв. она уже приобрела много земель, но, завладев неожиданно пятью шестью великолепных владений церкви и львиной долей дворянских поместий, она в дополнение к своему промышленному и коммерческому могуществу стала еще крупным землевладельцем. Теперь она окончательно укрепилась, и никакие контрреволюционные бури не могли поколебать ее позиций.

Когда при Реставрации вернутся дворяне, когда они вновь обретут положение в обществе и видимость власти, когда они вновь вступят во владение большей частью своих поместий, которые оставила им Революция, когда они восстановят свое могущество землевладельцев, будь то при помощи миллиарда, подаренного эмигрантам, будь то путем финансовых альянсов с буржуазными выскочками, у них, возможно, появится искушение запугать и вновь подчинить себе мелких собственников-крестьян, разобщенных и недостаточно сильных. Но тут они столкнутся с сельской буржуазией, отнюдь не намеренной склонить перед ними головы; вот почему даже в эпоху Реставрации, даже при цензовом режиме и господстве земельных собственников, контрреволюция всегда одерживала только кажущиеся и непрочные успехи. Ибо Революция, черпавшая свою силу в промышленной и движимой собственности, теперь, кроме того, заняла мощные позиции в сфере земельной собственности, иначе говоря, в той сфере, которая традиционно служила источником силы ее врагов.

Поучительный урок для социализма! Коммунистическая идея имеет своей точкой опоры главным образом пролетариат, объединенный на крупных промышленных предприятиях; но она не восторжествует окончательно, не сможет придать своей формы новому порядку, пока путем разнообразнейших адаптаций и комбинаций или же путем смелых побед не найдет средства проникнуть в мир крестьянского индивидуализма; социализм должен суметь соединить эти два полюса — коммунизм рабочих и индивидуализм крестьян, точно так же как революционная буржуазия сумела,

начав с движимой собственностью, ассимилировать также и земельную собственность.

С экономической точки зрения продажа национальных имуществ дала мощный толчок сельскохозяйственному производству, привела к огромному подъему деревни. Обширные владения церкви были раздроблены; например, сартское аббатство владело 12 фермами; все эти фермы, все эти хозяйства были куплены разными лицами; владение одного аббатства распределили между собой 10 или 12 крупных буржуа из Ле-Мана. И так как каждый из этих буржуа был богат, так как каждый из них мог вложить капиталы для улучшения своей земли и почитал делом самолюбия ее улучшить, то широкий приток денег и труда в короткое время сделал более плодородными земли Франции.

К тому же с каким пылким усердием крестьянин стал трудиться на земле, наконец-то приобретенной им! Благодаря этим двойным усилиям, революционной буржуазии и крестьянства, прогресс земледелия ускорился и земельные богатства страны умножились. Свидетельства современников совершенно определенны на этот счет; приведу здесь только одно из них. Когда Паш, бывший мэром Парижа в 1793 г. и короткое время военным министром, получил отставку и вернулся в свою родную деревню Тэн-ле-Мутье в Арденнах, он всецело посвятил себя сельскому хозяйству и в речи, произнесенной им в VII г. в Свободном обществе земледелия, промышленности и торговли департамента Арденны, мог смело утверждать, что „девять десятых граждан живут теперь в лучших жилищах, лучше обставленных, и лучше питаются, чем в 1789 г.“.

Это улучшение условий жизни коснулось не только сельских тружеников; в связи со всевозможными работами по благоустройству, в связи с сооружением или ремонтом сельских жилищ для новых владельцев, со строительством новых зданий, возводимых в городах на месте старых конфискованных церковных построек, чрезвычайно повысился спрос на рабочую силу в городах. То был расцвет труда, благосостояния, надежд для всей нации; вот почему и сам промышленный пролетариат, хотя он и не извлек никаких прямых выгод, был вовлечен в радостное движение обновленного общества.

Революция получила поддержку благодаря огромному росту богатства, и если духовная деятельность, страсть к свободе и к знанию, дух дерзания и изобретательности, которые рождаются в дни великих кризисов, весьма споспешествовали этому росту национального богатства, то первой и главной его движущей пружиной была революционная экспроприация церковных имуществ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Как об этом уже напоминал Жорж Лефевр, Жорес, придававший большое значение проблеме национальных имуществ, привлек к ней внимание историков. Но в то время, когда он писал, метод исследования еще не был разработан. Работы Лежэ, касающиеся департамента Сарта (1885—1886 гг.), Рувьера, касающиеся департамента Гар (1900 г.), и работы Гийемо о луанской округе (1899 г.), представляют собой в основном сборники документов. Жорес приводит длиннейшие цитаты из этих публикаций, но пытаясь вывести на основе актов продажи, приводимых Лежэ и Рувьером, обобщающие численные данные. Минцес, изучая положение дел в департаменте Сена и Уаза (1892 г.), и Лучицкий — в округе Лаона (1895—1897 гг.), постарались, напротив, на местном материале обосновать свою концепцию и прийти к широким обобщениям: для их исследований характерна новая ориентация, которая оказалась плодотворной.

Под влиянием Жореса Комиссия по разысканию и публикации документов, касающихся экономической истории Революции, выдвинула продажу национальных имуществ на первый план своих работ. В 1905 г. она опубликовала инструкцию для местных исследователей, а в 1906 г. обеспечила публикацию исследования С. Шарлети, посвященного департаменту Рона. В 1908 г. проблема в целом была поставлена М. Марионом в его работе „La Vente des biens nationaux“. В ней освещается аспект финансовый: как эти имущества оценивались, продавались и оплачивались? И аспект социальный: кто извлек выгоду из этой распродажи? Каково было число покупателей, которые покупали для себя или для перепродажи? Не скупили ли эмигранты вновь часть своих имуществ? Автор подчеркивал сложность проблемы и необходимость локальных и региональных исследований. Какие-либо выводы общего значения делать преждевременно, пока истори-

ки не располагают большим числом монографий. Труд М. Мариона наметил общий план необходимых исследований. В этом и заключается его ценность.

Между тем необходимо заметить, что еще в течение долгого времени и несмотря на то, что вопросы были поставлены весьма четко, публикации о продаже национальных имуществ были мало удовлетворительными. Часто упор делался на финансовую сторону, наиболее легко поддающуюся изучению. Еще чаще распределение проданных имуществ между различными категориями покупателей и социальное значение операции освещались неточно или же на чересчур узкой территориальной базе. Слишком многие авторы приступают к исследованиям на основе выборочного наблюдения, не имея возможности опереться на полные статистические данные о проданных имуществах. Так поступили в 1908 г. М. Марион в своих исследованиях, касающихся департаментов Шер и Жиронда, Ж. Лекарпантие при изучении положения в департаменте Нижняя Сена, М. Виалэ при изучении положения в департаменте Кот-д'Ор. Методом выборки пользовались при изучении проблемы распределения проданных имуществ среди различных социальных категорий также Коттен для дистрикта Ис-Сюр-Тиль (1911 г.), Фр. Вермаль для дистрикта Шамбери (1912 г.), Ле Шевалье для дистрикта Сен-Ло (1920 г.).

Что касается публикаций документов, то и они столь же не безупречны. При изучении положения в департаменте Морбиан М. Муазан приводит лишь имена покупателей, не указывая ни их места жительства, ни рода занятий, ни цены купленного (1905—1906 гг.). Публикации

Комиссии по экономической истории Революции более удовлетворительны: они касаются департаментов Буш-дю-Рон (1908—1911 гг.) и Жиронда (1911 г.), дистриктов Бев (1911 г.), Ренн (1911 г.), Эпиналь (1911 г.) и Ремирмон (1913 г.). Однако если вопрос об оплате тщательно изучен, то не было сделано ни малейшей попытки составить статистику распределения имуществ между различными социальными категориями, а между тем это самый важный момент.

Лучицкий после своих первых работ 1895—1897 гг. пошел именно по этому пути: он опубликовал свои результаты в 1913 г. Финансовая сторона не интересовала его, все свое внимание он сосредоточил на социальном аспекте, стараясь уточнить свои данные путем установления процентного соотношения. Но он работал слишком поспешно, на материале дистриктов, слишком отдаленных друг от друга, чтобы можно было провести верное сравнение. Тем не менее он подчеркивал необходимость использования количественного метода. Этот метод постепенно уточнялся в ряде публикаций: Дюбрёйля для департамента Кот-дю-Нор (1912 г.), Поре для дистрикта Саис (1912 г.), Мартена для дистрикта Сен-Годенс (1924), Николя, особенно для кантонов Вир и Понфарси (1923 и 1927 гг.); эти последние исследования, поистине образцовые, позволяют проследить судьбу проданных имуществ вплоть до царствования Луи Филиппа.

Первое заключение, которое можно сделать на основании всех этих работ, таково: успех распродажи, что уже подчеркивал Жорес, был результатом не столько революционного энтузиазма покупателя-

лей, сколько того факта, что имущества продавались дешево, по умеренной цене. Уточним, что платили за купленное имущество плохо особенно начиная с III г. вследствие обесцениения бумажных денег; ко всему, что было сказано об убытке, понесенном нацией, надо добавить еще и рассрочку платежей. Впрочем, еще важнее, чем финансовый аспект операции, был аспект социальный.

Все исследования подтвердили, что в общем и целом выгоду из продажи извлекла главным образом буржуазия, которую торги ставили в более выгодное положение. Кроме того, следует, по мнению Лучичко, различать имущества городские и имущества деревенские, а также уточнять периоды продажи: условия продажи, установленные декретами от 3 июня 1793 г. и 4 нивоза II г., когда хозяйства расчленились и дробились на части, несомненно, благоприятствовали крестьянам. Более глубокие изыскания, возможно, показали бы, как то предполагал Ж. Лефевр, что до IV г. покупки крестьян в целом уравновешивали покупки буржуазии.

Другая черта, которую освещают исследования, посвященные продаже национальных имуществ, состоит в географическом разнообразии. Вокруг городов буржуа, естественно, оттесняли крестьян. Соотношение менялось от деревни к деревне. Региональные различия представляются значительными. В Жиронде, например, преобладали покупки буржуазии; в департаменте Нор доля покупателей-крестьян составила 52%. Но если преобладание крестьян было подавляющим в южных дистриктах этого департамента (Нор), особенно в дистриктах Намбрэ и

Кенуа, то в 4 дистриктах Фландрии верх взяла буржуазия.

Недостаточно учитывать первоначальных покупателей, указанных в актах продажи. Необходимо рассматривать и коллективные покупки, покупки в целях спекуляции, влекущие за собой перепродажу, а когда дело идет об имуществе второго происхождения, то и покупки эмигрантов, возвращающих себе прежние имущества. В департаменте Нор, если принять все это во внимание, действительная доля крестьян достигает тогда 55%.

И последнее методологическое замечание: точно так же, как исследования, касающиеся национальных имуществ, дают в настоящее время очень часто картину распределения земельной собственности до революционной продажи, так же представляется необходимым, чтобы они подвели итог важнейших изменений, которые, к примеру, позволили бы установить реестры так называемого наполеоновского кадастра. Ход частных продаж во время Революции и позднее, наследственное дробление имуществ, последствия закона, предоставившего эмигрантам миллиардную субсидию, могли довольно быстро изменить то распределение земельной собственности, какое сложилось после распродажи национальных имуществ.

В конечном счете представляется, что крестьяне извлекли из этой распродажи и из революционных обстоятельств, которые ей сопутствовали, более значительную выгоду, чем склонны были думать вначале. Нельзя, конечно, делать из этого вывод, что Революция положила конец аграрному кризису; она только слегка смягчила его.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Что касается продажи национальных имуществ, то мы не будем повторять основные библиографические данные, приведенные Ж. Лефевром в двух статьях: „Les recherches relatives à la répartition de la propriété et de l'exploitation foncières à la fin de l'Ancien Régime“ и „Les études relatives à la vente des biens nationaux“, опубликованных в: „Revue d'Histoire moderne“, 1928, p. 103—130 et p. 188—219. Эти статьи были перепечатаны в „Études sur la Révolution française“. Paris, 1954; 2e éd., 1963, с указанием библиографических работ до 1954 г. Из работ, опубликованных после 1954 г., см.: Y. C o u s t a u. La Vente des biens nationaux dans le Gers. Biens de première origine. Auch, 1962; J. B o s o m. La vente des biens nationaux en Conflent (1790—1831); O. H a t z f e l d. Les paysans des communes enclavées dans le parc de Versailles et la vente des biens nationaux de première origine.—„Bulletin d'histoire économique et sociale de la Révolution française“, année 1966, Paris, 1967, p. 81 et p. 48; R. C a i s s o. La Vente des biens nationaux de première origine dans le district de Tours. 1790—1822. Paris, 1967. Более общий обзор

см.: G. L e f e b v r e. La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France и „La Révolution française et les paysans“, статьи, которые уже цитировались и были перепечатаны в вышеупомянутых „Études sur la Révolution française“. Ж. Лефевр вновь вернулся к вопросу о национальных имуществ в своей работе „Questions agraires au temps de la Terreur“ (Paris, 2e éd., 1954) в связи с вантозскими декретами. С точки зрения юридической см.: P h. S a g n a c. La Législation civile de la Révolution française. La propriété et la famille. 1789—1804. Paris, 1898; M. G a r a u d. Histoire générale du droit privé français (de 1789 à 1804). T. II: „La Révolution et la propriété foncière“. Paris, 1959.

Что касается ассигната и инфляции, то, помимо трудов по истории финансов, указанных выше (т. 1, кн. 1, стр. 512), в связи с деятельностью Учредительного собрания, см. в основном: S. E. H a r r i s. The Assignats. Cambridge, Mass., 1930; J. M o r i n c o m b y. Les Assignats. Paris, 1925; G. H u b r e c h t. Les Assignats dans le Haut-Rhin. Strasbourg, 1931.

Глава седьмая

ГРАЖДАНСКОЕ
УСТРОЙСТВО
ДУХОВЕНСТВА

Национальное собрание не могло ограничиться тем, что оно захватило и распродало имущества церкви. Ему необходимо было упорядочить всю совокупность отношений между церковью и новым обществом, созданным Революцией, и мы станем свидетелями трагического столкновения между христианством и Революцией. Учредительное собрание не могло оставить без внимания организацию духовенства.

Прежде светская власть старого порядка в лице короля вмешивалась в дела духовной власти. Папа возводил в сан епископов, но именно король назначал их. Революция в значительной части заменила власть короля властью нации. Следовательно, ей предстояло решить, как она будет использовать эту часть королевской власти. Кроме того, очень большое число монахов, связанных с монастырями вечным обетом, который санкционировали гражданские законы, обращалось к Собранию, умоляя его избавить их от этих оков. И наконец, завладев имуществом церкви, Учредительное собрание, дабы дать юридическое обоснование этой грандиозной революционной экспроприации, взяло на себя обязательство позаботиться об отправлении культа и обеспечить содержание священнослужителей. Таким образом, Учредительное собрание оказалось вынужденным вплотную заняться религиозным вопросом.

У него в то время не было и мысли о том, чтобы решить проблему путем отделения церкви от государства. У него и мысли не было заявлять о том, что религия — это дело частное, что государство обязано предоставить свободу различным религиозным взглядам, но больше ничем, кроме этой свободы, не обязано. Оно

еще было слишком робким, чтобы порвать узы, связывавшие церковь с государством, но достаточно смелым, чтобы дать духовенству гражданское устройство, приспособленное к новому порядку и отмеченное революционным духом.

МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА

Что касается монашеских орденов, то Учредительное собрание не ограничилось тем, что отменило гражданские последствия, связанные по законам старого порядка с вечными обетами. Оно не ограничилось отменой „гражданской смерти“ монахов и возвращением им права владеть собственностью, завещать и наследовать ее в качестве частных лиц. Оно считало, что вечные обеты уже сами по себе и независимо от сопутствующих им и санкционированных законом последствий являлись посягательством на свободу личности, и потому оно запретило конгрегации, которые требовали либо допускали подобные обеты. То был декрет от 13 февраля 1790 г.:

„Статья 1. Конституционный закон королевства не будет отныне признавать торжественных монашеских обетов лиц как мужского, так и женского пола; в соответствии с этим мы заявляем, что религиозные ордена и конгрегации, в которых приносятся подобные обеты, упраздняются во Франции и останутся запрещенными без права создания подобных орденов и конгрегаций в будущем.“

Статья 2. Все лица обоего пола, находящиеся в стенах монастырей и обителей, могут их покинуть после того, как они сделают соответствующее заявление в местном муниципалитете, причем об их участии немедленно позаботятся, предоставив им надлежащую пенсию. Будут отведены дома, куда обязаны будут удалиться монахи, которые не захотят воспользоваться настоящими предписаниями.

Мы заявляем, далее, что в настоящий момент в отношении конгрегаций, занимающихся народным просвещением, а также домов призрения не будет никаких изменений до тех пор, пока не будет принято решение на их счет.

Статья 3. Монахини могут оставаться в домах, где они проживают в настоящее время, причем их освобождают от обязательства, требующего объединения нескольких таких домов в один“.

Историк, который во „Всеобщей истории“ Лависса и Рамбо написал главу о церкви и Революции, значительно смягчил и даже извратил смысл этого декрета.

„Этот декрет, — писал он, — не распустил монашеские ордена: монастыри остались открытыми, они не были закрыты. Закон отныне не признавал в качестве *законных* конгрегаций, где прино-

сились торжественные обеты, но он и не рассматривал их как *запрещенные законом*; он ограничивался тем, что отказывал в гражданской санкции прежнему лишению прав монахов. Так толковали этот декрет в дни его появления и такое толкование, совершенно очевидно, вытекает из целого ряда декретов, которые последовали за ним и которые определяли, как монахи, пожелавшие жить совместно, должны быть устроены и сгруппированы в монастырях. Декрет от 13 февраля, конечно, не имел целью благоприятствовать монашеским орденам, но было бы несправедливо избраться его и как меру антиклерикальную⁴.

Писатель, который на протяжении всей главы обнаруживает такое пристрастное отношение к церкви и который рассматривает секуляризацию церковных имуществ как грабеж, преследует совершенно очевидную цель. Он не хочет, чтобы роспуск религиозных конгрегаций считали делом первого периода Революции; он предпочитает иметь возможность утверждать, что монастыри были закрыты только в самый разгар революционной грозы, в преддверии эпохи террора.

Решение Учредительного собрания, принятое в спокойные дни Революции, могло бы послужить опасным прецедентом. Вот почему писатель изворачивается. Да, это верно, что Учредительное собрание действовало с большой осторожностью. У Тьера в его „Истории революции“ есть на этот счет восхитительная фраза, порыв его революционной молодости, о которой он, несомненно, пожалел впоследствии: „Поскольку имущество у монахов было отнято, Учредительное собрание возмещало это пенсиями. Проявляя еще большую дальновидность, оно проводило различие между богатыми и нищенствующими орденами и соразмеряло содержание тех и других согласно их прежнему состоянию. Точно так же поступило оно и с пенсиями, и, когда янсенист Камю, пожелавший возвратиться к евангельской простоте, предложил свести все пенсии к одному весьма скромному размеру, Собрание, по предложению Мирабо, понизило их пропорционально их тогдашнему уровню и в соответствии с прежним положением пенсионеров. *Как видите, невозможно было проявить более бережное отношение к привычкам, и именно в этом и состоит подлинное уважение к собственности*“¹.

Да, Собрание не пожелало силой выбрасывать за стены монастырей монахов и монахинь, которые решили там остаться, но оно пошло гораздо дальше, чем то утверждает историк. Если бы оно желало только лишить монашеские корпорации их *законного* характера, оно бы не запретило конгрегации, принимавшие вечный обет, оно бы не изъяло имущества монашеских общин.

Если бы ассоциации объединяли людей, которые давали обет пребывать в рабстве, Собрание не сочло бы достоянием не освящать законом этот бесчеловечный обет, оно бы распустило ассоциации, допускавшие, чтобы люди обрекали себя на рабство. Вот

так Учредительное собрание и поступило с монашескими конгрегациями. Позднее, спустя несколько дней после 10 августа, Законодательное собрание издало следующий декрет²:

„С 1 октября все дома, еще занимаемые в настоящее время монахами или монахинями, должны быть покинуты вышеупомянутыми монахами и монахинями и предоставлены в распоряжение административных органов с целью их продажи“. Тем самым был произнесен приговор монашеской жизни, но в то же время это было энергичное воплощение в жизнь принципа, провозглашенного членами Учредительного собрания.

БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО

Что касается общей организации церкви, то Учредительное собрание приняло меры, чтобы включить церковь в административные рамки, намеченные Революцией. Архиепископства и епископства при старом порядке были чрезвычайно разнообразны по своим размерам. Учредительное собрание установило в каждом департаменте по одной епархии.

„Каждый департамент, — говорится в статье 1, — будет составлять одну епархию, которая будет иметь ту же протяженность и те же границы, что и департамент“³. Так были созданы 83 епархии, центры которых определило само Учредительное собрание. Кроме того, оно разделило королевство на 10 архиепископских округов, причем несколько епархий, естественно, входило в один архиепископский округ (митрополию).

Епархиальные епископы были подчинены власти епископа, возглавляющего митрополию, и это были единственные духовные власти, признаваемые законом. Всякая зависимость от иноземных религиозных центров была формально упразднена. В статье 4 говорилось: „Всем церквам и приходам Франции, всем французским гражданам запрещается в каком бы то ни было случае, под каким бы то ни было предлогом признавать власть какого бы то ни было епископа, ординарного или возглавляющего митрополию, резиденция коего находится в иностранном государстве, а также власть их представителей, находящихся в пределах

1. Камю выступил относительно пенсий монахам 19 и 20 февраля и еще раз 19 марта 1790 г. („Moniteur“, t. III, p. 413, 421, 650). Мирабо выступил 18 и 19 февраля („Moniteur“, t. III, p. 407, 415). „При обсуждении вопроса о пенсиях монахам мы должны учитывать их прежнее состояние“ (Мирабо).

2. Законодательное собрание издало декрет о закрытии монастырей, еще существовавших на 11 августа 1792 г.

3. Декрет о гражданском устройстве духовенства от 12 июля 1790 г. Duvergier. Op. cit., t. I, p. 283.

Франции или в другом месте, причем все это не должно наносить ущерба единству веры и общению, кои будут соблюдаться в отношениях с видимым главой вселенской церкви“.

Статья 5 уточняет взаимоотношения между епархиальными епископами и епископами, возглавлявшими митрополии. „После того как епархиальный епископ выскажется в своем совете по находящимся в его ведении делам, будет иметь место обращение к архиепископу, который выскажет свое мнение в совете митрополии“.

Однако недостаточно было реорганизовать епархиальные округа; приходы тоже были странным образом разделены, размеры их были далеко не одинаковы, вследствие чего и жалование, и содержание были слишком неравномерными. Учредительное собрание, взяв на себя финансовое обеспечение отправления религиозного культа и содержание священнослужителей, должно было позаботиться о более равномерном распределении приходов, которое позволило бы применить единый тариф жалования. В этом смысле статья 6 предусматривала немедленно приступить по согласованию с *епископом и администрацией дистриктов* к реорганизации и определению границ всех приходов.

Но как будут назначаться епархиальные епископы и архиепископы, а также приходские священники? В этом отношении Учредительное собрание навязывает церкви не только свои административные рамки: оно навязывает ей самый принцип Революции, суверенитет нации, осуществляемый путем выборов. Первая статья II раздела закона о гражданском устройстве духовенства, касающегося назначения на церковные должности, гласит: „*Содня опубликования настоящего декрета будет признаваться только один способ замещения должностей епископов и приходских священников, а именно избрание*“.

„*Статья 2. Все выборы будут производиться путем голосования, абсолютным большинством голосов*“.

При выборах церковных должностных лиц Учредительное собрание использует уже созданные им административное деление и административные органы

ЕПИСКОПЫ

„Избрание епископов будет происходить в предписанной форме избирательным органом, указанным в декрете от 22 декабря 1789 г. для назначения членов департаментских собраний“.

Стало быть, выборщики, избранные в каждом кантоне на первичных собраниях активных граждан и собравшиеся затем в главном городе департамента, назначают епископа, как и прокурора-синдика, как всех членов административного департаментского собрания.

Более того, вовсе нет надобности созывать для этой цели специально первичные собрания: уже созданное собрание выборщиков, назначавшее департаментских должностных лиц, имеет право избирать епископа. „Как только генеральный прокурор-синдик департамента получит сообщение о вакансии на должность епископа из-за смерти предыдущего епископа, смещения его или по другим причинам, он должен известить об этом прокуроров-синдиков дистриктов с тем, чтобы последние созвали выборщиков, которые участвовали в последнем назначении членов департаментского собрания, и одновременно указать день, когда должны быть проведены выборы епископа, и это должно произойти не позднее третьего воскресенья после отправки им извещения“.

Но, раз ступив на этот путь, когда служители культа назначаются нацией путем выборов, невозможно было избежать известного смешения административных форм и религиозных церемоний. Так, например, было постановлено, что „выборы епископа могут происходить или быть начаты только по воскресеньям, в главной церкви главного города департамента, по окончании мессы, на которой *обязаны присутствовать все выборщики*“.

Содержит ли эта странная с нашей точки зрения статья искажение принципа суверенитета в клерикальном духе? Или же наоборот: сама месса как бы приобретает светский характер, становится, если можно так выразиться, просто административным электоральным средством? Лишь дальнейший ход событий мог бы прояснить двусмысленный характер этих сложных распоряжений, если бы гражданское устройство духовенства просуществовало долго¹. Но каким требованиям должны были отвечать лица, претендующие на должность епископа? „Чтобы иметь право быть избранным на должность епископа, необходимо не менее 15 лет исполнять обязанности священнослужителя в данной епархии в качестве кюре, священника или викария, или в качестве старшего викария или викария, возглавляющего семинарию“².

И как бы для того, чтобы придать завершающему акту выборов тот двойственный, полудуховный, полусветский характер, которым было отмечено начало процедуры, „провозглашение имени избранника, — согласно статье 14, — будет сделано председателем собрания выборщиков, в той самой церкви, где происходили выборы, в присутствии народа и духовенства, до начала торжественной

1. Статья преследовала цель устроить от баллотировки выборщиков — *некатоликов*; присутствие на мессе рассматривалось как достаточное доказательство принадлежности к католической религии. Это решение явилось ответом на протесты, высказанные еще во

время обсуждения этого порядка выборов. (Примечание А. Матьеза.)
2. Статья 7. Согласно декрету от 8 января 1791 г., достаточно было в продолжение 5 лет исполнять обязанности кюре или священника, в качестве государственного должностного лица.

мессы, которая будет отслужена по этому случаю". Право, и не сообразишь, кто находится перед алтарем, то ли новый епископ, то ли председатель собрания выборщиков.

Но утвержден ли таким образом епископ окончательно? Приобрел ли этот священник, таким образом назначенный епископом, уже в силу одного избрания подлинное епископское достоинство? По форме — нет, но по сути дела — да. Прежде всего Учредительное собрание смелой статьей отвергло любое вмешательство папской власти: *„Новый епископ не может обращаться к папе, дабы получить от него какую бы то ни было инвеституру, но он напишет ему, как видимому главе Вселенской церкви, дабы засвидетельствовать единство веры и общение, кое епископ должен поддерживать с папой“*.

Это была явно одна из самых смелых статей гражданского устройства, одна из тех, где наиболее ярко проявился галликанский и янсенистский дух. В самом деле, если поразмыслить, то становится ясной невозможность совместить каким-либо образом систему выборов с участием папской власти, ибо как разрешить конфликт между суверенитетом народа, избравшего своего епископа, и папской властью, отказывающей в его возведении в сан? Это уже борьба не между духовенством и государством, а между папством и новым государством, то есть демократией.

Совершенно ясно, что сегодня, при системе конкордата, папское утверждение необходимо для епископов, назначенных гражданской властью. Но ведь епископов не назначают теперь непосредственно путем народного голосования: это делает исполнительная власть, и, хотя она является косвенной эманацией национального суверенитета (во всяком случае, при республиканских институтах), она может вести переговоры с папой, если возникают несогласия, а конфликты вряд ли станут острыми и неразрешимыми, как при прямом и открытом противопоставлении народного голосования и папской воли.

Напротив, ввести народное голосование для избрания епископов — это значило неизбежно полностью лишить папу права инвеституры.

Но если не папа, то кто же должен дать избранному таким путем активными гражданами епископу каноническое посвящение? Это архиепископ был облечен властью освящать избрание епархиальных епископов. „Не позднее, как через месяц после избрания, лицо, избранное епископом, должно лично явиться к своему архиепископу, а если он избран на пост архиепископа, то к старейшему епископу в митрополии, представить ему протокол выборов и ходатайствовать о том, дабы тот дал ему каноническое посвящение.

Архиепископ или старейший епископ имеет право учинить избраннику в присутствии своего совета испытание относительно его вероучения и его нравственности; если он сочтет его достойным,

он даст ему каноническое посвящение; если же он сочтет необходимым отказать, то причины отказа должны быть изложены в письменном виде и скреплены подписью архиепископа и членов его совета, причем заинтересованные стороны вправе обжаловать путем апелляции этот отказ, если считают, что имется налицо злоупотребление.

Епископ, у которого избранный испрашивает посвящения, не вправе требовать от последнего никакой присяги, за исключением того, что он исповедует католическую, апостолическую и римскую веру.

Посвящение в епископы может производиться только в кафедральном соборе архиепископом, а за отсутствием последнего, старейшим епископом архиепископского округа (митрополии) в присутствии двух епископов из ближайших епархий, в воскресенье, во время мессы, в присутствии народа и духовенства.

Перед началом церемонии посвящения избранный в присутствии муниципальных должностных лиц, народа и духовенства дает торжественную клятву опекать со всем тщанием паству вверенной ему епархии, соблюдать верность нации, закону и королю и поддерживать всей данной ему властью конституцию, принятую Национальным собранием и санкционированную королем“.

Как видите, архиепископ посвящает епархиального епископа в присутствии „народа“, с соблюдением церемонии, разработанной светскими властями. Но кто должен улаживать конфликт, если архиепископ отказывается посвящать вновь избранного епископа?

Учредительное собрание сразу осознало, какую опасность может представлять для гражданского устройства верховная власть архиепископа, ибо в его власти было, отказывая избранникам в посвящении, приостановить набор духовных должностных лиц и парализовать решение, принятое народным голосованием.

Ведь прежде всего архиепископы, облеченные такой опасной властью, остались Революции в наследство от старого порядка. Собрание правильно постановило замещать вакантные должности путем выборов. Но оно сохранило на их местах уже утвержденных ранее епископов, потребовав от них только присяги на верность закону и конституции. Не могли ли эти люди, лицемерно принеся присягу, затормозить путем злокозненной оппозиции, путем систематического отказа в утверждении избранных епископов действие новой системы?

Даже тогда, когда все должности будут замещены путем народного голосования, церковный дух может возобладать в них в конечном счете над духом Революции, и нет никакой гарантии, что они не станут чинить препятствия той самой конституции, которая дала им власть. Вот почему не прошло и 5 месяцев после провозглашения декрета о гражданском устройстве духовенства, как Собрание дополнило его 14 ноября 1790 г., уточнив юридиче-

ские предписания, которые помогали сломить сопротивление и произвол со стороны архиепископов.

Оно организовало целую процедуру утверждения епископов, конечной инстанцией этой процедуры мог стать кассационный суд, благодаря которому гражданское общество, ставшее самому себе папой, приобретало фактически право канонического утверждения. „Если архиепископ или за отсутствием такового старейший епископ округа (митрополии) отказывается дать избранному епископу каноническое посвящение, последний вновь явится к нему с двумя нотариусами; он вновь будет просить у него канонического посвящения и потребует, чтобы в протокол был занесен его ответ или его отказ в ответе. — Если архиепископ или старейший епископ митрополии будет упорствовать в своем первоначальном отказе, избранный явится лично или направит свое доверенное лицо последовательно ко всем епископам округа, в порядке их старшинства и всегда в сопровождении двух нотариусов; он им предъявит протокол или протоколы отказов, которые он получил, и будет просить их дать ему каноническое утверждение. — Если во всем [архиепископском] округе не окажется ни одного епископа, который согласится дать избранному каноническое утверждение, он вправе пожаловаться на это, как на злоупотребление. — Апелляционная жалоба на злоупотребление будет подана в кассационный суд. — Избранный обязан подать свою апелляционную жалобу на злоупотребление не позднее, чем через месяц после того, как протоколом был засвидетельствован отказ епископов округа; он должен явиться к разбору дела в течение следующего месяца, иначе он лишается своего права. — Единственной стороной при разборе апелляционной жалобы, кроме истца, будет королевский комиссар при кассационном суде, и хотя архиепископ, отказ которого послужил поводом для апелляционной жалобы по поводу злоупотребления, имеет возможность в ходе дела оправдать свой отказ, однако его вмешательство никоим образом не может задержать рассмотрения апелляционной жалобы, не может он и опротестовать вынесенное решение под предлогом, что он не участвовал в разборе дела в качестве стороны. — Если кассационный суд постановит, что в данном отказе не было злоупотребления, он приговаривает истца к штрафу в 150 ливров и отдает распоряжение, чтобы его приговор по требованию королевского комиссара был направлен генеральному прокурору-синдику департамента с целью немедленного созыва собрания выборщиков на предмет выборов нового епископа. — Если же суд решит, что в отказе наличествовало злоупотребление, он разрешит избранному временно исполнять обязанности и укажет епископа, к которому он должен будет явиться, дабы испросить у него каноническое посвящение. — Когда после отказа архиепископа и других епископов округа он вынужден будет отправиться к епископу какого-либо другого округа, чтобы там получить каноническое

утверждение, посвящение может быть осуществлено тем епископом, который согласится это сделать“.

Я не подчеркиваю в настоящий момент того, какой „буржуазной“ дерзостью отличается организация этой процедуры. Уже и до этого существовала целая церковная процедура, но она проводилась в церковных формах и завершалась трибуналами церкви; здесь же участие нотариусов, обращение в тот же кассационный суд, который разрешает конфликты по гражданским делам, — все это целиком и полностью проникнуто светским духом; это было торжество легистов, сумевших наконец подчинить своей процедуре саму инвеституру епископов, то есть подбор служителей церкви.

Но что следует особо отметить в настоящий момент, так это абсолютный суверенитет гражданского общества, которое располагает в конечном счете правом инвеституры. Если архиепископ отказывается в каноническом посвящении, если все епископы округа, то есть всей области, подчиненной архиепископу, договорились отказать в этом утверждении, то за ними все же не остается последнее слово; именно кассационный суд, по существу светский и состоящий из судей, избранных каждым департаментом, решает, был ли данный отказ злоупотреблением или нет.

В случае если имело место злоупотребление, назначает и утверждает избранного не сам кассационный суд; но поскольку он может выбрать любого из 83 епископов, чтобы направить к нему избранного, поскольку он уверен, что, во всяком случае, хоть один из епископов даст каноническое посвящение, и всегда может назначить такого человека, чья благожелательность ему известна, то последнее слово всегда остается за кассационным судом, а через него за народным голосованием, решению которого он помогает одержать верх.

Таким образом, не только не приходилось опасаться оппозиции папы, поскольку с ним даже не советовались, но и оппозиция епископов была иллюзорной, так как гражданский суд всегда мог заставить их покориться. Именно выборщики департамента, кто бы они ни были, какую бы веру они ни исповедовали или вовсе никакую, были ли они католиками, протестантами, иудеями или неверующими и вольтерьянцами, своей суверенной властью назначали епископов. В некотором смысле это был по своему светскому характеру акт более смелый, нежели отделение церкви от государства, ибо отделение церкви от государства придавало светский характер только государству, а гражданское устройство духовенства, напротив, придавало в некоторых отношениях светский характер самой церкви, ведь назначение духовных должностных лиц осуществлялось чисто гражданской и светской властью граждан в силу того же права и по той же форме, что и назначение прокурора-синдика.

ПРИХОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ

Достаточно или почти достаточно перенести с департаментов на дистрикт правила, касающиеся назначения епископов, чтобы получить представление о правилах, касающихся избрания приходских священников. *„Избрание приходских священников, — говорится в статье 25, — происходит по форме, предписанной декретом от 22 декабря 1789 г. для избрания членов административного собрания дистрикта, и теми же выборщиками. — Собрание выборщиков для назначения кюре будет созываться каждый год в период созыва собраний дистрикта, если в дистрикте будет вакантной хотя одна должность приходского священника; с этой целью муниципалитеты должны известить прокурора-синдика дистрикта обо всех вакансиях в приходах, которые могут оказаться в их округе вследствие смерти, выхода в отставку кюре или других причин.*

Созывая собрание выборщиков, прокурор-синдик посылает в каждый муниципалитет список всех приходов, куда необходимо назначить священников. — Выборы приходских священников происходят путем голосования отдельно по каждому вакантному приходу.

Каждый выборщик, прежде чем опустить свой бюллетень в урну, принесет клятву в том, что он назовет только того, кого он избрал, положив руку на сердце, как наиболее достойного, не будучи связан какими-либо посулами или угрозами. Эта клятва будет приноситься как при избрании приходских священников, так и при избрании епископов.

Выборы приходских священников могут происходить или быть начаты только в воскресный день, в главной церкви центра дистрикта, по окончании мессы, на которой все выборщики обязаны присутствовать. — Имена избранных оглашаются председателем корпуса выборщиков в главной церкви, перед торжественной мессой, которая будет отслужена в честь этого события, в присутствии народа и духовенства.

Чтобы иметь право быть избранным на должность приходского священника, необходимо выполнять до этого функции vikaria в приходе, больнице или в другом благотворительном заведении епархии не менее 5 лет. — Тот, кто будет провозглашен избранным на должность приходского священника, должен лично явиться к епископу, имея при себе протокол о своем избрании и провозглашении с тем, чтобы получить от него каноническое утверждение.

Епископ имеет право в присутствии своего совета учинить избранному испытание относительно исповедуемого им вероучения и его нравственности; если он сочтет его достойным, он даст ему каноническое посвящение; если он сочтет своим долгом отказать ему, то причины отказа должны быть изложены письменно

и скреплены подписями епископа и членов его совета, причем заинтересованные стороны вправе апеллировать к гражданским властям. — Учиняя испытание избранному, который обратился к нему с просьбой о каноническом утверждении, епископ не вправе требовать от него иной присяги, за исключением того, что он исповедует католическую, апостолическую, римскую веру. — *Приходские священники после их избрания и канонического посвящения приносят ту же присягу, что и епископы, в своей церкви, в воскресный день перед мессой, в присутствии местных муниципальных служащих, народа и духовенства; до этого они не смогут выполнять никаких обязанностей приходского священника*”.

Итак, священники, как и епископы, избираются путем голосования активными гражданами. И решение епископа, который отказывается дать избранному каноническое утверждение, приходский священник может обжаловать перед гражданскими властями, так же как епархиальный епископ — решение архиепископа. Стало быть, отныне происхождение всех церковных властей будет иметь один источник — исключительно светский; одни только vikarii назначаются самими приходскими священниками с соблюдением определенных условий.

Следует, однако, отметить, что Учредительное собрание не осмелилось при избрании духовных должностных лиц пойти на прямое народное голосование, как это имело место при избрании муниципалитетов. В отношении епископов, юрисдикция которых распространялась на весь департамент, это было естественно, но зачем было применять при выборах приходских священников избирательную систему, которую использовали для выборов административных собраний дистриктов? Большинство новых приходов должно было совпадать по размерам либо со всей территорией коммуны, либо с частями ее.

Казалось бы, было логично прибегнуть к системе, принятой при муниципальных выборах, то есть к прямому голосованию с участием всех активных граждан. Учредительное собрание не решилось на это; оно, несомненно, полагало, что корпус выборщиков, избранный первичными собраниями, будет действовать более осторожно. Был даже такой момент, когда докладчик Мартино, как будто, согласился с тем, чтобы выборы епископов проводились приходскими священниками и членами административного корпуса департамента¹. Благодаря энергичному вмешательству Робеспьера были приняты первоначальные решения по докладу, то есть выборы должны были производиться народом².

1. Мартино (1733—1810) — бывший адвокат при парламенте, депутат третьего сословия от Парижа, докладчик Церковного комитета.

2. Robespierre. Discours., t. VI, p. 397. (9 июня 1790 г.)

Следует, кроме того, отметить, что, определяя право быть избранным епископом и приходским священником, Учредительное собрание с уважением отнеслось к католической традиции. Оно не предоставило народу права сразу назначить епископом того, кого он пожелает.

Чтобы быть назначенным на епископскую должность, то есть получить право возводить в сан новых священников, надо было сначала послужить приходским священником, стало быть, получить сан священника от епископов, возведенных в сан по прежнему методу. Несмотря на поразительный вымысел Талейрана, несмотря на невероятные иллюзии янсенистов, которые рассматривали французскую нацию конца XVIII в. как сообщество верующих, как церковь, хранительницу духа и воли господней, Учредительное собрание не осмелилось создавать новые кадры духовенства, черпая их из источника, непосредственно бьющего из революционной почвы, и в этом гражданское устройство духовенства существенно отличалось от Реформации XVI века.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ

Многие детали гражданского устройства духовенства представляются нам странными, и многие историки утверждали, что оно самым жалким образом провалилось. Это не совсем верно: прежде всего до 21 февраля 1795 г.¹, то есть в течение 4 лет, оно существовало в нетронутом виде и до крайней мере в продолжение 3 лет действительно применялось. Выборщики, на которых возлагалось избрание приходских священников и епископов, серьезно относились к этой обязанности, без возражений (даже наиболее ярые вольнодумцы) присутствовали на религиозных церемониях, составлявших часть избирательной процедуры, они отнюдь не считали, что тем самым вступают в компромисс с церковью, напротив, они верили, что выполняют долг добрых революционеров.

Но главное, гражданское устройство духовенства, правда в искаженном и усеченном виде, пережило себя в конкордате. Между конкордатом и гражданским устройством есть два больших различия: первое состоит в том, что конкордат восстановил вмешательство папы.

В то время как Революция совершенно не желала знать папу и спокойно утверждала суверенную власть народного голосования как в отношении назначения служителей церкви, так и при назначении других должностных лиц нации, конкордат явился результатом переговоров с папой и восстановил его верховное право канонического посвящения.

Второе различие состоит в том, что при режиме конкордата назначение священников и епископов производилось исполнительной властью, а не путем народного голосования.

Следовательно, по сравнению с гражданским устройством духовенства конкордат менее революционен. Закон о гражданском устройстве носит гораздо более светский, национальный и демократический характер, нежели конкордат. Он не признает никакой иностранной власти и, по сути дела, никакой теократической власти: это нация, осуществляя свою абсолютную суверенную власть, путем народных выборов назначает и утверждает должностных лиц церкви.

Но в конкордате сохранилось от гражданского устройства духовенства право власти революционного и светского происхождения, узаконенной не церковью, а народом, назначать епископов и священников. Эти собрания выборщиков, где все, даже протестанты, даже иудеи, даже неверующие, участвуют в назначении епископов и священников согласно закону о гражданском устройстве духовенства, кажутся нам несколько странными, но разве фактически не то же самое происходило при конкордате, когда министры культа, протестанты, деисты или атеисты назначали епископов и священников? Главное состоит в том, что власть, исходящая не от церкви и представляющая права человека, то есть концепцию, абсолютно противоположную концепции церкви, вмешивается в ее деятельность и в пополнение рядов священнослужителей — вот что осталось от гражданского устройства в конкордате; и в этом-то и заключается, несмотря на все, тяжелое поражение теократии².

Те, кто, подобно нам, желает не только придать государству абсолютно светский характер, но и исчезновения самой церкви и христианства, те, кто с нетерпением ожидают дня, когда общество будет освобождено от всякой связи с церковью, когда сознание индивидуумов освободится от всякого влияния догмата, могут подумать, что гражданское устройство духовенства дало ничтожные результаты и было двусмысленной комбинацией; и тем не менее, как я уже говорил, в свое время оно, в сущности, было актом революционной дерзости, а отнюдь не обреченной на неудачу попыткой, как это пытались утверждать. Фактически под давлением реакционных и клерикальных сил оно понесло, как и большинство революционных институтов, страшный урон, но

1. Отделение церкви от государства было фактически осуществлено декретом от 18 сентября 1794 г.; из соображений экономии Камбон потребовал в тот день отмены бюджета присягнувшей церкви; так гражданское устройство духовенства было замаскированным образом отменено, а государство стало полностью светским. 21 февраля 1795 г. по докладу Буасси д'Англа

Конвент разрешил отправление культа в помещениях, какие смогут раздобыть себе сами священники и верующие. Отделение было подтверждено, религия стала частным делом верующих.

2. На основании своего права патронажа сеньоры-протестанты до 1789 г. распоряжались церковными бенефициями. (Примечание А. Матьеза.)

в нем была незыблемая частица Революции, которая сохранилась навеки...

Но почему Учредительное собрание не провозгласило полного отделения церкви от государства? Почему оно не заявило, что религия — это сугубо личное дело каждого и что нация не должна ни преследовать, ни поддерживать, ни оплачивать, ни регламентировать никакого культа? Почему оно, следуя знаменитой формуле позитивистов, не осуществило полного разделения светской и духовной власти? Г-н Робине в своих весьма обстоятельных исследованиях религиозного движения в Париже в эпоху Революции¹ решительно упрекает в этом Учредительное собрание.

Я считаю, что в интерпретации и критике фактов позитивистами наблюдается некоторая маниакальная пристрастность, которая меня раздражает. Члены Учредительного собрания виновны в том, что не предугадали и не применили тезис Огюста Конта.

Так вот этот тезис о двух видах власти неправилен с исторической точки зрения и абсурден с социальной. Неверно и то, что начало отделения духовной власти от светской было положено в средние века феодальным и христианским обществом.

Конечно, представляется, будто существовала, с одной стороны, церковь, которая держала в руках только Священное писание, и, с другой стороны, короли и императоры, которые держали в руках скипетр и меч. Можно утверждать на основании весьма поверхностного суждения, что церковь лишь вдохновляла правительство, но не управляла сама: в этом и усмотрел Огюст Конт первое разделение светской и духовной власти.

На самом же деле церковь глубоко внедрилась в механизм общества и феодальной собственности. На самом деле именно представители церкви, будучи министрами, участвовали в управлении и руководили государями. На самом деле церковь непрерывно вмешивалась в руководство светскими делами, да и кто может разграничить светское от духовного? Кому, кстати, неясно, что светская власть, лишенная собственной идеи, собственного сознания, самостоятельной философии, неминуемо должна была подпасть под иго духовной власти и что это мнимое разделение двух видов власти должно было привести в конечном счете к чудовищному поглощению человечества теократией?

Если даже в средние века человечество не было целиком поглощено церковью, то вовсе не потому, что церковь не управляла непосредственно светскими делами, а потому, что важные светские интересы императоров, королей и народов сумели сами стать правом, противостоявшим праву церкви.

В сущности, германский император, король Филипп Красивый и зарождающиеся нации, несмотря на свое кажущееся подчинение догмату, смотрели на жизнь и на Вселенную иными глазами, нежели папа. И потому именно они выстояли. Не может светская власть существовать долго, не будучи одновременно и властью

духовной, то есть не обладая достаточной силой и достаточной жаждой жизни, чтобы самой утвердить свое право и возвыситься до идеи.

Идея Маркса, обнаруживающая в великих юридических и религиозных концепциях отдаленное отражение реального положения вещей в мире, является полной противоположностью идеи Конта, и она, конечно, гораздо более глубокая и более верная.

Во всяком случае, человечество, вместо того чтобы стремиться, как к идеалу, к разделению светской и духовной власти, должно, наоборот, желать их слияния.

Надо, чтобы вся жизнь всех людей, вплоть до мелочей их занятий, была пронизана идеалом справедливости, знания и красоты, и надо, чтобы этот идеал, вместо того чтобы являться монополией некой духовной касты и истолковываться ею, постоянно обновлялся и оживлялся опытом тех, кто живет и действует, „светской“ активностью.

Однако, как в самом деле г-н Робине, как позитивисты могут говорить по поводу церкви конца XVIII в. как о „духовной власти“? Она ничего собой не представляла в области мысли: она являла собой отрицание науки, она позорила разум, была чудовищным пережитком обветшалой догмы.

Духовная власть в XVIII в. принадлежала науке и философии: Ньютону, Бюффону и Юму. Она принадлежала самому Учредительному собранию, когда оно в Декларации прав человека сконцентрировало все усилия свободной мысли. Пусть позитивисты следом за Огюстом Контом упрекают Учредительное собрание и Революцию в том, что те впали в „метафизику“, когда провозгласили Декларацию прав, пусть упрекают Революцию в том, что она с самого начала поступилась требованиями континизма, сформулировав свои надменные тезисы, которые стали движущей пружиной воли! Бог с ними: ведь хорошо известно, какую выгоду может извлечь реакция из такой дискредитации Революции со стороны псевдосвободных умов.

Но пусть они хотя бы не хнычут по поводу гражданского устройства духовенства, по поводу нескромного вмешательства Учредительного собрания в дела „духовной власти“. На деле церковь была могущественной силой, всеми своими традициями, всеми принципами, всеми интересами враждебной новому порядку свободы и разума, который хотела основать Революция.

Учредительное собрание предприняло попытку, не задевая слишком сильно эту грозную силу и предрассудки, которые ее охраняли, кое-как подчинить ее революционной дисциплине.

1. Dr J. R o b i n e t. Le Mouvement religieux à Paris pendant la Révolution 1789—1801. Paris, 1896—1898, 2 vol. Этот труд фактически

выходит далеко за рамки своего названия и скорее является историей религии в период Революции в целом.

Вы скажете, что оно плохо рассчитало свои действия, что оно было чрезмерно робким или чрезмерно смелым, что лучше было бы порвать сразу: об этом можно спорить, но будьте добры, избавьте нас, говоря об этой церкви, лишенной идей, от разглагольствований на тему о „духовной власти“. В тот день, когда государство порвет с церковью, в тот день, когда республика осуществит отделение церкви от государства, невыполнения чего г-н Робине не может простить Учредительному собранию, это будет осуществлено не для того, чтобы, согласно обряду позитивистов, отделить светское от духовного; это будет сделано для того, чтобы отбросить далеко от новой духовной власти, я хочу сказать, далеко от общества свободного и организованного на основах разума, все то, что осталось в нем от интеллектуального рабства прошлого.

БЫЛО ЛИ ВОЗМОЖНО ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА?

Но действительно, могло ли Учредительное собрание, учитывая соотношение сил в 1790 г., сразу провести отделение церкви от государства? *Этот вопрос в тот момент не был даже поставлен*; его просто не существовало. Никто из законодателей, никто из публицистов, никто из мыслителей и философов не предлагал Учредительному собранию идеи отделения церкви от государства.

Стремясь доказать, что эта идея была не чужда XVIII в. и что, следовательно, Учредительное собрание вполне могло провести ее в жизнь, г-н Робине вынужден до такой степени искажать смысл приводимых им текстов, что это трудно даже вообразить. Все призывы к веротерпимости, которые раздавались в XVIII в., он принимает за призыв к отделению „духовного от светского“, точнее, к отделению церкви от государства. У Монтескьё в „Духе законов“ одна еврейка говорит: „Вы хотите, чтобы мы были христианами, но не хотите быть ими сами... Отличительная особенность истины заключается в ее торжестве над сердцами и умами, а не в том бессилии, в котором вы признаетесь, желая навязать нам ее казнями...“

Тюрго пишет¹:

„Король должен сказать протестантам: „Я печалюсь, я вынужден печалиться, видя вас отделенными от единой церкви; убежденность в том, что истина пребывает исключительно в католической церкви, и нежность, кою я питаю к вам, не позволяют мне без скорби взирать на вашу участь. Но, хотя вы и пребываете в заблуждении, я все же обращаюсь к вам как к разумным чадам, послушным законам; продолжайте приносить пользу государству, членами коего вы являетесь, и вы обретете во мне такого же покровителя, как и остальные мои подданные. Моя апостольская миссия — сделать всех вас счастливыми...“

Он должен сказать епископам: „Никто не вмешивается в ваш голос с большим почтением, нежели я; я подчиняюсь вашим решениям; и не будет у меня иной веры, кроме вашей! Но никогда я не стану вмешиваться в дела религии. Если бы законы церкви стали законами государства, я взял бы в руки кадило; я не имею никакого права требовать от своих подданных, чтобы они мыслили так же, как я. Старайтесь обратить их своим примером, увещивайте их; но не рассчитывайте на мою власть... Я не предоставляю оружие светской власти в распоряжение духовной власти“».

В связи с этим г-н Робине торжествуя заявляет: „Невозможно было выразить более ясно, ни лучше постигнуть, мне кажется, законность, обязанность, неотложную необходимость именно в тот момент *отделить церковь от государства*“. Он обрушивается на Учредительное собрание за то, что оно не последовало мнимому совету Тюрго, а „подчинило церковь государству“. Я думаю, что никогда еще самый тупой дух системы не приводил к более странному искажению и к более явному непониманию абсолютно ясных текстов. Все философы требовали от государства, чтобы оно никого не преследовало; все требовали, чтобы государство не навязывало силой католическую религию. Ни один из них не выразил, даже не допускал мысли, что государство должно полностью порвать с церковью. Эта мысль вскоре родится из революционного опыта, но в 1789—1790 гг. она еще не возникла. И философия XVIII в. не только не содержала, помимо принципов веротерпимости, никаких непосредственных лозунгов, никаких практических формул, которые могли бы применить члены Учредительного собрания, но она даже не начертала для них общего плана действий в отношении христианства. Она не побуждала их желать и подготавливать даже осторожно исчезновение христианской традиции. Один только Дидро, пожалуй, с его экспансивной и безыскусственной верой в науку, с его натуралистическим пантеизмом, где бог предстает одновременно как брожение сил природы и как отдаленный предел эволюции (бога создают себе, говорил Дидро, *Deus est in fieri*), один только великий энциклопедист внушал, возможно, умам желание покончить с христианской религией окончательно и для всех людей². Монтескьё был чрезвычайно осторожен как в вопросах религии, так и политики.

Вольтер мог сколько угодно развить уничтожающими и блестящими насмешками церковь, с ее таинствами, чудесами и догматами, как и все христианство в целом; он мог публиковать самые беспощадные антихристианские отрывки из завещания аббата Мелье, но он писал и хотел писать только для избранных: он

1. Тюрго написал свои знаменитые два „Письма о веротерпимости“ („Lettres sur la tolérance“) в 1753 и 1754 гг.

2. По поводу материализма Дидро см.: J. P r o u s t. Diderot et l'Encyclopédie. Paris, 1962.

надеялся заставить религию быть терпимой; но так же, как его приводила в ужас мысль о распространении просвещения в гуще народа, среди „пахарей“, точно так же его ужаснула бы, несомненно, мысль о „дехристианизации“ масс¹ *.

Эмансипировать правителей, образованные классы; да, но не доходить в этом до того, чтобы окончательно подорвать в народе основы старой веры.

Руссо обнаруживал странную двойственность. С одной стороны, в своем „Общественном договоре“ он утверждает, что христианство антисоциально, поскольку оно предлагает людям цель, чуждую общественным отношениям, а именно спасение в загробной жизни. И он заявляет, что законодатель вправе определять „и навязывать гражданскую религию“, иными словами — веру, гармонирующую с основными потребностями гражданского общества². Эта гражданская религия должна состоять, по его мнению, из таких простых догм, как бытие бога и бессмертие души, а все те, кто не захочет ее исповедовать, могут и должны подвергнуться изгнанию не как еретики и нечестивцы, но как враги общественного договора, для которого эти простые догмы должны послужить гарантией.

Практический вывод, который Учредительное собрание могло бы извлечь из этой части сочинения Руссо, состоял в двойном преследовании, направленном одновременно против христиан и против атеистов; в систематической дехристианизации Франции в пользу официального и принудительного деизма.

Но тут следует иметь в виду следующее: политики могли надеяться, что мало-помалу христианская религия, включенная в рамки Революции, утратит своеобразие своих догматов или оно будет ослаблено и что от нее останется вскоре лишь нечто вроде деизма с оттенком евангельской любви. Следовательно, само христианство, медленно очищаемое от своей догматической суровости, благодаря самому соприкосновению с Революцией сделается без потрясений „гражданской религией“, о которой грезил Руссо.

Вот почему гражданское устройство духовенства, которое сохранило католическую веру, но как бы закалило ее народным голосованием, целиком пронизанным революционным духом, воплотило, по сути дела, мысль Руссо.

С другой стороны, сам Руссо в своем „Савойском викарии“³ предлагал людям бог весть какую комбинацию из рационалистического деизма и сентиментального христианства: „Если Сократ жил и умер как мудрец, — восклицает викарий, — то Иисус жил и умер как бог“, и в этой расплывчатой экзальтации он пытается утопить свои сомнения в важнейших таинствах христианской религии.

В сущности, ему это не удалось, и он представляет собой тип священника, который, восхищаясь Евангелием, считает, что он вправе продолжать отправление культа, не будучи вполне правоверным. Савойский викарий причащается и дает причастие другим,

не веруя в пресуществление, но он полагает, что религиозная экзальтация его души избавляет его от необходимости строгой веры.

В этом мне видится некий пример сентиментального лицемерия, которое, несомненно, воздействовало на многих деятелей Революции. Они говорили себе, что сама Революция могла и должна была сыграть роль того савойского викария, что она могла и должна была, если можно так выразиться, взойти к алтарю без веры, но с намерением мало-помалу преобразовать традиционную веру народа в неопределенный деизм.

Таким образом, гражданское устройство духовенства оказалось совершенно в духе савойского викария, и, весьма далекий от того, чтобы толкать к резкому и открытому разрыву с церковью, Руссо, напротив, предлагал какую-то сентиментальную, несколько фальшивую комбинацию, которая позволяла совместить явное почтение к религии и ее национальную практику с неким рационалистическим фоном.

Стало быть, Учредительное собрание не могло позаимствовать политику отделения церкви от государства или политику систематической и прямой дехристианизации у философии XVIII в. И Собрание, где янсенистов и легистов было значительно больше, нежели философов, было более озабочено тем, чтобы вырвать французскую церковь из-под владычества Рима и применить к самой религиозной организации публичное право Революции, чем сознательным ускорением разложения христианской веры или разрывом всех законных связей между церковью и государством⁴.

НАРОД И РЕЛИГИЯ

Впрочем, огромное большинство народа в 1789—1790 гг. не потерпело бы, чтобы государство, порвав все связи с церковью, объявило, что религия всего-навсего частное дело каждого. Что-

1. См.: R. P o m e a u. La Religion de Voltaire. Paris, 1956. В 1761 г. Вольтер опубликовал „Extrait des sentiments de Jean Meslier...“, предпослав ему „Abrégé de la vie de l'auteur“. По поводу искажения Вольтером атеистической и материалистической мысли Мелье см.: M. D o m m a n g e t. Le curé Meslier, athée, communiste et révolutionnaire sous Louis XIV. Paris, 1965.

* См.: научное издание „Завещания“ Ж. Мелье, т. I—III, со вступительной статьей В. П. Волгина (М., 1954); Б. Ф. П о р ш н е в. Мелье. М., 1964; Р. С. Р у ч е р е н к о. Судьба „Завещания“

Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968.

2. См.: Ж.-Ж. Р у с с о. Об общественном договоре, глава VIII, книга IV: „О гражданской религии“. О религиозных взглядах Руссо основным трудом остается работа: P. M. M a s s o n. La Religion de J.-J. Rousseau. Paris, 1916. 3 vol.

3. См. главу „Исповедь савойского викария“ в книге Руссо „Эмиль“.

4. См.: E d. P r é c l i n. Les Jansénistes du XVIIIe siècle et la Constitution civile du clergé. Le développement du richérisme; sa propagation dans le bas clergé 1713—1791. Paris, 1929.

касается религии, то между рабочим классом сегодняшнего дня, часть которого является, безусловно, неверующей, и народом 1789 г. существует пропасть. Не признавать этого поразительного прогресса в состоянии умов и сурово осуждать деятельность Учредительного собрания в области религии — это значит намеренно не замечать огромной работы самой Революции.

Народ 1789 г. веками был приучен думать, что без монархии и без религии невозможна никакая общественная жизнь. И не в силах Учредительного собрания было в одну минуту разрушить плоды векового рабства и пассивности. Понадобилась не одна встряска, бегство короля в Варенн, неоднократные измены вождей, вторжение иностранных орд, призванных и поддерживаемых двором, чтобы заставить народ, я имею в виду народ революционный, отвернуться от монархии и от короля ¹.

Потребовались огромные испытания, коварная и жестокая борьба духовенства против Революции, его явное сообщничество с врагами свободы и нации, его преступления в Вандее, его фанатические призывы к гражданской войне, чтобы вызвать у революционного народа разочарование сначала в духовенстве, а затем и в самом христианстве. Но и тогда еще разрыв этот был только внешним. Всякий, кто не сознает этого, не способен понять историю, не способен должным образом оценить этих великих революционных буржуа, которым удалось за четыре года, пройдя промежуточную стадию гражданского устройства духовенства, положить начало дехристианизации той Франции, которая в течение долгих веков столь слепо веровала.

Необходимо себе ясно представить, что в 1789—1790 гг. почти для всего французского народа католицизм был так тесно связан с национальной и личной жизнью, что связь эта казалась нерасторжимой. Необходимо себе ясно представить, что короля, чье существование французы считали необходимым, венчала на царство церковь, что вся их личная, семейная жизнь покоилась на католической базе, что только церковь вела регистрацию рождений, браков, смертей, что, за исключением редких праздников, даруемых в честь восшествия на престол королей, не было ни иных праздников, ни церемоний, кроме тех, где церковь демонстрировала перед верующими все величие и пышность религиозного культа.

Нельзя забывать, что не только королевская власть ответственна за религиозные гонения, что повинны в этом и религиозные страсти народа, что фанатизм народа, даже во времена Лиги, увлекал за собой королевскую власть, что и после этого, когда протестанты подвергались преследованиям, это вызывало одобрение массы католиков.

Следует вспомнить также, что в самом революционном движении часть духовенства, ни на йоту не отказываясь от систематической нетерпимости церкви, встала на сторону народа против знати

и против налогов и что, следовательно, Революция еще при своем зарождении, еще при составлении наказов казалась до некоторой степени смешанной с церковью.

Следует отметить в первые годы Революции бесчисленные выступления народа, направлявшегося в церкви, дабы приобщить религию к великим национальным событиям. Необходимо знать, что, хотя наиболее популярный из проповедников, аббат Фоше ², публично провозглашал нетерпимость и требовал изгнания протестантов со всех общественных должностей и из всех законодательных собраний, этот чудовищный фанатизм ничуть не повредил его популярности среди рабочих бедных кварталов.

Не следует забывать, что в 1790 г. контрреволюция начала провоцировать в областях со смешанным католическим и протестантским населением выступления фанатиков, что как в Монтобане, так и в департаменте Гар жизнь патриотов находилась в опасности ³.

Вспомните наконец, что после бегства короля в Варенн, чтобы доказать народу, что жизнь нации нисколько не пострадала из-за отъезда или временного отстранения короля от власти, что из-за этого, так сказать, не разверзлась пропасть, которая может поглотить отечество, Национальное собрание вынуждено было в полном составе принять участие в процессии, посвященной празднику тела господня, происходившей в королевском квартале, и занять то место, которое обычно занимал король. И, только учтя все это, можно понять, что для Учредительного собрания приступить к конституционному отделению духовного от светского было несколько более затруднительно, чем это представлял себе г-н Робин, который, как позитивист, естественно, увлекался химерами.

Одно из двух: либо это отделение церкви от государства было бы осуществлено с чисто контитским почтением к духовной власти; и тогда церковь, абсолютно свободная в своих действиях, имеющая возможность приобретать сколько угодно и проповедо-

1. Вера, безусловно, оставалась весьма сильной среди большей части нации, среди городских и сельских народных масс, средних слоев, буржуазии, за исключением небольшой части аристократии и буржуазии. К концу старого порядка атеизм, как утверждал Робеспьер, был присущ в основном аристократии.

2. Клод Фоше (1744—1793) — проповедник короля, член Парижской коммуны, в 1791 г. конституционный (присягнувший) епископ в Кальвадосе, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

3. Кровавые столкновения между католическими массами, с одной стороны, и протестантской и патриотической буржуазией — с другой, имели место 10 мая 1790 г. в Монтобане и 13 июня в Ниме. О событиях в Монтобане см.: D. Ligo u. Montauban à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris, 1958. О событиях в Ниме и в департаменте Гар см. работы Фр. Рувье-ра (Fr. Rouvière), в частности: "Histoire de la Révolution française dans le Gard". Nîmes, 1887—1889. 4 vol.

вать, что ей угодно, воспользовалась бы этой огромной властью, чтобы повернуть против Революции объединенные силы прежнего рабства и новой свободы. И кто посмеет тогда утверждать, что Революция смогла бы выдержать такой натиск?

Либо народ воспринял бы этот официальный разрыв между государством и церковью как объявление войны самой религии, и при тогдашнем состоянии умов, да еще принимая во внимание традиционный образ мышления огромного большинства крестьян и рабочих той эпохи, это оказалось бы опаснейшим оружием в руках агентов контрреволюции. Они это прекрасно знали, и вот почему в апреле 1790 г. бенедиктинец дон Жерль, желая остановить Собрание, которое экспроприировало имущества церкви, разрабатывало гражданское устройство духовенства и приступило к выпуску ассигнатов, неожиданно предложил Учредительному собранию объявить католицизм „национальной религией“¹.

Если бы Собрание, опасаясь оскорбить религиозные чувства католического населения страны, уступило, то тогда оно одним ударом было бы оторвано от философской и революционной почвы и, возможно, оказалось бы вынужденным в силу принятого уже раз принципа прибегнуть к отвратительным мерам нетерпимости.

Но, откажись Собрание принять предложение дон Жерля, его тут же обвинили бы во враждебном отношении к религии. Ловушка была столь опасна, что Собрание на протяжении двух заседаний не в состоянии было найти правильное решение. Поскольку власть католической традиции над сознанием народа до такой степени была сильна, то не приходится ни удивляться, ни возмущаться тем, что Революция не вступила сразу в чреватую смертельной опасностью борьбу с чудовищными христианскими предрассудками, жившими в народе.

Напротив, нельзя не восхищаться тем, что Собранию достало смелости, и немалой, включить церковь в административную систему Революции и подчинить ее народному голосованию, что приравнивало ее ко всем другим гражданским институтам.

Как к тому же Учредительное собрание могло отделить церковь от государства и отказать в государственных субсидиях религиозному культу в тот самый момент, когда оно приступило к общей экспроприации церковных имуществ? Этим я вовсе не намерен утверждать, что обеспечение бюджета культа является долгом государства по отношению к церкви, у которой экспроприировали ее имущество.

Государство, Революция ничего не должны церкви. Но я напоминаю, что, для того чтобы заставить большинство населения страны примириться с великопленной, но дерзкой революционной экспроприацией, которая явилась спасением для свободы, Учредительное собрание сочло необходимым одновременно заявить, что оно берет на себя обязанности, которые оговорили дарители.

Г-н Робин сам прекрасно чувствовал, что Учредительное собрание не могло при тогдашнем умонастроении народа экспроприировать церковь, не взяв на себя обеспечение отправления культа и содержание бесчисленной армии священников, рассеянной по приходам, что было бы опасно обрекать их на голодное существование; он сам указывает, что из средств от продажи национальных имуществ можно выделить определенную сумму для подготовки необходимого перехода.

Но помилуйте! Разве это не означало бы восстановления общей собственности церкви в тот самый момент, когда Революция пыталась ее вообще уничтожить, и не благоразумнее ли было бы перевести духовенство на режим заработной платы?

О, я прекрасно понимаю, сколь досадными и даже оскорбительными казались первые вынужденные уступки Революции в пользу церкви и христианства. Возражения и сетования контизма по поводу того, что церковь „закабалена государством“, наивны и реакционны, в то время как нетерпение возвышенных умов вроде Кине, которые ожидали от Революции решающего слова против великого врага, вполне естественно².

Всем нам не терпится, чтобы Революция могла заявить: между вероучением и мной нет ничего общего, и единственное откровение, которое я признаю, — это свет знания и разума. Нам не терпится, чтобы человеческий разум мог без недомолвок выразить гордую веру в свои собственные силы и свое отвращение к обветшалым суевериям и к компромиссам, которые их сохраняют.

Мы страдаем оттого, что дух философии XVIII в. вынужден был скрываться в Учредительном собрании за ограниченным христианством яansenистов вроде Грегуара и Камю, дабы печатать подлинного христианства, наложенная на гражданское устройство этими бессознательными еретиками, могла скрыть от глаз народа смелость новой комбинации.

Нам нелегко слышать, как Ламет противопоставляет дону Жерлю, которого Революция должна была бы раздавить при воспоминании о преступлениях государственной религии, лишь слащавые двусмысленности или же изощренную иронию, которые народ не в состоянии постигнуть³. „Мы хотели, чтобы первые стали последними, а последние — первыми; разве мы не претворили в жизнь Евангелие?“

1. Дон Жерль (1736—1801) — настоятель монастыря в Пор-Сент-Мари, депутат духовенства от сенсальства Риом. 12 апреля 1790 г. (а не в мае, как писал Жорес) дон Жерль предложил Собранию установить декретом, что „апостольская, римско-католическая религия является и навсегда

останется национальной религией и что только отправление ее культа будет разрешено“. („Moniteur“, t. IV, p. 103.)

2. Edgar Quinet. La Révolution française. Paris, 1865. 2 vol.

3. „Moniteur“, t. IV, p. 103 et 104 (12 апреля 1790 г.).

Мы не можем не испытывать некоторое смущение, когда, после того как мы читали письма из башни Венсеннского замка, в которых Мирабо открыто высказывает свои материалистические и атеистические взгляды¹, вдруг слышим, как великий трибун оправдывает гражданское устройство духовенства в глазах перепуганного и скандализованного населения в обращении, напоминающем некое скучное назидание, в котором каждое слово звучит фальшиво.

Правда, это обращение Мирабо, предназначенное для успокоения верующих, звучало, по сути дела, полным отрицанием христианства: „Французы, со всех сторон слышишь, как осуждают гражданское устройство духовенства, декретированное вашими представителями, которое якобы извращает божественную организацию христианской церкви и несовместимо с принципами, освященными всем ее прошлым.

Неужели мы не можем разбить оковы нашего рабства, не сбросив ига веры?.. Нет, свобода отнюдь не собирается требовать от вас такой невыполнимой жертвы. Взгляните на эту французскую церковь, истоки которой тесно сплетены с истоками самой империи и теряются в них; взгляните, как свобода, снизошедшая к нам с небес, как и наша вера, словно сочетает в себе вечность и божественное происхождение.

Взгляните, как эти две дочери высшего разума объединяются, дабы развить и дополнить способность к совершенствованию нашей возвышенной природы и дабы удовлетворить нашу двойную потребность в славном и вечном существовании“.

Печальное и опрометчивое смешение! Связывать до такой степени свободу и религию означало подрывать веру в свободу, которая не погибнет от союза с христианством, в то время как последнее должно умереть. Но в то же время, какое извращение самого христианства! Выходит, что оно порождение разума, как и сама Революция; и если вера спустилась к нам с небес, то она такова же, как и свобода.

Сияние, озаряющее головы апостолов, и солнечные лучи июля — все это смешалось в каком-то двусмысленном освещении, и истинный христианин уже не различит более сверхъестественного происхождения своей исключительной и господствующей веры.

Однако Мирабо по-настоящему страдает от этого вынужденного союза и вскоре у него вырвутся слова о том, что церковь все потеряет, если попытается доказать, что религия несовместима с Революцией, ибо ни разум, ни Революция не погибнут.

Это был взрыв свободной мысли, это была вспышка молнии XVIII в., рассеявшая наконец тьму библейской лжи. Собрание сочло адрес Мирабо не столько полезным, сколько компрометирующим. Камю воскликнул: „Это нетерпимо!“ И великий оратор вынужден был спуститься с трибуны, так и не закончив чтения своего адреса, предназначенного успокоить суеверный страх

народа, но внезапно прозвучавшего угрозой для самой религии.

Но уже то обстоятельство, что Собрание вынуждено было защищаться, едва успев принять гражданское устройство, и его раздражение по поводу угрожающих слов Мирабо отчетливо показывают, как значительно было противодействие и как велика была опасность. Г-н Тьер в нескольких фразах, пронизанных насмешливым скептицизмом, приписывает свободомыслящим членам Учредительного собрания, вольнодумцам и философам беззастенчивую развязность ума и презрительное равнодушие, которые были совершенно немыслимы в тот момент².

„Этот проект, — говорит он, — получивший название *гражданского устройства духовенства* и навлекший на Собрание большие клеветы, нежели все им содеянное, был, как ни удивительно, делом рук наиболее набожных депутатов. Это были Камю и другие янсенисты, которые, желая укрепить религию в государстве, старались привести ее в гармоническое соответствие с новыми законами... *Не будь Камю и некоторых других, члены Собрания, прошедшие школу философов, отнеслись бы к христианству, как к любой другой религии, допускаемой в государстве, и не стали бы им заниматься. Они позволили завладеть собой чувствам, с которыми при наших новых нравах принято считаться, даже когда их не разделяешь*“.

Эта фраза полна тонкой и милой иронии, но с исторической точки зрения неверно, что философы, члены Учредительного собрания, с некой снисходительностью отнеслись к искренней и истовой набожности янсенистов. Они были не против, чтобы усердие янсенистов-христиан набрасывало покров набожности на предпринятое ими дело. Но больше всего их занимал вопрос о том, как без излишнего шума и избегая малейшей опасности наладить трудные взаимоотношения церкви и Революции.

Они не отрекались, ибо они не были равнодушными. Они надеялись, что постепенно католический институт, включенный в систему Революции, подчинится разлагающему влиянию революционной мысли. И когда они делали вид, будто верят, что нет никакого противоречия между принципами христианства и Революции, они *фактически* не обманывали народ, ибо нациям, как и индивидуумам, присуща счастливая способность не ощущать сразу противоречия между противоположными принципами, которые они несут порой в себе.

Сменится ряд поколений, и придется пройти через испытание множества событий, прежде чем это противоречие будет осознано

1. См.: „Lettres à Sophie écrites du donjon de Vincennes“. — Œuvres de Mirabeau. Paris, 1826—1827, 10 vol. Письмо от 5 октября 1777 г.
2. „История французской револю-

ции“ („Histoire de la Révolution française“) Тьера выходила с 1823 по 1827 г. (10 томов). О гражданском устройстве духовенства см. т. I.

как невыносимое; и благодаря этой великой иррациональности жизни человечество вступает в сферу действия нового принципа, не испытав внезапной боли от добровольного, полного и осознанного разрыва с прошлым.

РАЗУМ И ВЕРА, ПУТЬ К НОВОМУ РАВНОВЕСИЮ?

Итак, члены Учредительного собрания надеялись, что причудливая смесь христианства и революции, которая в 1789 г. составляла основу национального самосознания, мало-помалу уступит место чистому разуму. Свою главную задачу в тот час они видели в том (и были правы), чтобы на организацию церкви была наложена революционная печать, чтобы ее рассматривали уже не как нечто, стоящее особняком, а как институт, подчиненный тем же правилам функционирования, что и все остальные гражданские учреждения.

Вот почему церковь одновременно с экспроприацией ее владений была лишена ее духовного главенства. Прежде всего с нее сорвали покров таинственности, ибо долго ли мог народ благоговеть, как перед истолкователями божественной воли, перед теми людьми, которых он сам назначал, которых он сам утверждал путем голосования, совершенно так же, как любого департаментского чиновника?

Таинственные высоты небес исчезли. Между рационализмом с легким евангельским налетом многих гражданских властей и административным с известным оттенком народности христианством новых избранников устанавливалось некое равновесие... Стоит, например, прочитать речь, произнесенную в воскресенье 6 февраля 1791 г. в столичной приходской церкви председателем собрания выборщиков Пасторе, который провозгласил кюре церкви Сен-Сюльпис отца Пуаре, ораторианца, стоит прочитать после этого ответную речь нового кюре, и вы сразу заметите, что обе речи звучат как бы в унисон и проистекает это от одновременных уступок разуму и вере¹.

„Вы, люди, заполнившие этот храм, — говорил Пасторе, — вы, чье спокойное поведение и почтительное молчание являют трогательное уважение к богослужению и вере, помните, что терпимость есть первая как среди религиозных, так и гражданских добродетелей. Терпимость — это не что иное, как милосердие. Счастливый день, когда набожность и философия протягивают друг другу руки под покровительством Существа, которое одним взглядом охватывает всю Вселенную!

Возлюбите господ! Читте нацию и короля, любите братьев своих — таковы правила Евангелия. Они ждали французской конституции, и они стали ее пророческим монументом“. Странная

концепция, которая превращает Евангелие в краеугольный камень Декларации прав человека, некое первое, неполное откровение, превзойденное Революцией. В этом — само отрицание христианства, которое выдавало себя за единственный и вечный источник всякой истины.

И новый кюре приемлет такое своеобразное разделение между Евангелием и разумом. „Руководствуясь нетленным кодексом поведения, Евангелием, я намерен трудиться не покладая рук, дабы сделать счастливой паству, которую вы мне вручаете. Открывая эту изумительную книгу, я нахожу в ней светлые слова, доступные и понятные для всей вселенной: „Смертные, учитесь у Спасителя всего человечества быть кроткими и смиренными сердцем. Вы живете на земле в общении с Богом и с людьми, обожайте вашего Создателя и обращайтесь друг с другом как братья, любите друг друга — только так вы выполните заповедь Иисуса Христа. Пусть более совершенные проявляют терпение к менее совершенным. Не делайте ближнему того, чего вы не хотели бы, чтобы сделали вам“. А ведь это также основной принцип естественной справедливости, всеобщий закон, столь очевидный, что нам нет надобности собирать голоса, чтобы заставить всех принять его. Единодушный зов природы провозглашает его повсюду.

Таково, господа, наше Евангелие: мы будем внимать голосу высшего разума, как наставителю в нравах наших; если будете прислушиваться к нему внимательно, то слова будут исполнены искренности, обещания выполняться, в соглашениях будет господствовать чистосердечие, чувства будут скромны, а поступки — умеренны; воцарится сердечная и всеобъемлющая любовь ко всем людям, с коими нам надлежит жить, рассматривая нас всех как граждан одного города, как детей одного отца, как членов одного организма, чья важнейшая цель состоит в том, чтобы содействовать сообществу их взаимному сохранению. Какая мораль! Была ли когда-либо более возвышенная?“

Стало быть, гражданские узы, которые связывают жителей одного города, обладают в глазах проповедника по меньшей мере такой же моральной силой, как и узы религии, соединяющие „детей одного отца“. Следовательно, божественное и таинственное назначение — личное спасение, которое предлагало людям христианство, стирается, уступая место цели земной и социальной — „взаимного сохранения“.

В этом, по словам священника, и состоит возвышенное содержание морали. Можно подумать, что он оправдывает Евангелие

1. Пасторе (1755—1840) — адвокат при парламенте, советник Высшего податного суда в Париже; в 1791 г. — генеральный прокурор-синдик Парижского департа-

мента. Пуаре (1721 —?) — настоятель ораторианцев; в 1789 г. — глава дистрикта Оратории, в 1791 г. — кюре церкви Сен-Сюльпис.

его соответствием духу Революции. Именно эта последняя становится подлинным мерилom истины, подлинным Евангелием. В этом явно ощущается подспудная работа по искажению и разложению духа христианства: допуская столь вопиющее вмешательство гражданской и народной власти в свое собственное назначение, священник тем самым допускает и тайное вмешательство светской мысли и рационализма в само вероучение. Перед лицом этого революционного народа, наделившего его властью священника, он, разумеется, бессознательно искал мыслей, которые сближали бы его с этим народом, и поскольку, в сущности, лишь привычки народа были христианскими, в то время как мысль его была революционной и гуманной, то священник приходит к очень странному компромиссу.

Я не хочу сказать, что это интеллектуальное смешение христианства с рационализмом было особенно привлекательным, ибо это был философский сплав весьма посредственный и весьма непрочный. Но народ держали в невежестве, он был поработен христианством как вследствие пренебрежения к нему философов, так и властолюбия церкви; и, даже вступив в Революцию, он не мог сразу постигнуть чистую философию науки и разума. Вот почему этот первый период Революции неизбежно оказался периодом компромисса в религиозном вопросе. Самое главное, повторяю еще раз, заключается в том, что этот компромисс, хотя он и принуждал свободную мысль к досадным формальностям и к неприятным акциям, не наносил урона внутренней силе разума; напротив, ослабляя дух пассивности и зависимости масс народа, он подрывал внутреннюю силу церкви; 4 миллиона активных граждан, вчера еще склонявшихся перед епископом как перед двойным воплощением бога и короля, сейчас сами назначают этого епископа. Церковь теперь оказалась в положении кандидата перед народным голосованием, это народу принадлежит последнее слово, это он теперь выступает в роли папы, а в известной степени, в силу пресуществления священнической власти, и самого бога.

Это возвеличение народа означает уничтожение церкви, вероучение теряет ореол могущества, который превращал его в истину. Во всяком случае, народу будет гораздо легче, пройдя через гражданское устройство, без трепета смотреть на алтарь, куда по его воле поднялся священник. Я убежден, что это гражданское устройство, к которому столь пренебрежительно относятся некоторые надменные умы, во многом способствовало интеллектуальной свободе нынешнего народа в религиозных вопросах. Оно было первой светской адаптацией религии, которая приучила народ к полной дерзости и отваги свободе мысли.

Церковь почувствовала всю серьезность нанесенного ей удара, ибо она не замедлила под руководством папы оказать гражданскому устройству духовенства ожесточенное сопротивление. Она

заявила, что новое распределение епархий решительно противоречит каноническому праву. Она заявила, что Учредительное собрание не имело права действовать без согласия главы вселенской церкви. Такие претензии не стоит даже оспаривать.

Г-н Робине, как полагается позитивисту, признает правоту главы церкви. Но церковь за свою долгую жизнь признавала слишком много всевозможных устройств, приспособлялась к слишком различным политическим и социальным условиям, чтобы она могла противопоставить революционным новшества авторитет неизменной традиции. Проблема эту можно изложить вкратце в двух словах. Церковь жаждет господства; поэтому она объявляет противоречащим принципам все то, что противится этому господству; но, поскольку она не упорствует против того, что неизбежно, и поскольку она предпочитает эволюционировать, чем исчезнуть, она кончает тем, что покоряется тому, что она не могла разрушить, и примиряет свои принципы с существующим порядком вещей.

Если бы Революция полностью восторжествовала, если бы политическая свобода и народное голосование не рухнули под ударами императорского деспотизма, если бы выборный принцип продолжал действовать повсюду и если бы торжество Революции и демократии вдохнуло во Францию смелое национальное сознание, то духовенство и сам папа вынуждены были бы признать гражданское устройство. Он, конечно, не довел бы до отторжения революционной Франции от вселенской церкви и ограничился бы поддержанием по мере возможности „единства веры“ между избранными епископами и святым престолом. Следовательно, вопрос был поставлен не канонический. То был вопрос политический. Речь шла о том, хватит ли у Революции сил, чтобы заставить признать все ее творения и само гражданское устройство духовенства.

Я слышу порой голоса „умеренных“, которые сожалеют о том, что Французская революция сама создала себе столько опасных трудностей, дав духовенству гражданское устройство. Но они поистине рассуждают так, словно Революция могла игнорировать существование церкви, которая господствовала над Францией в течение веков. Они рассуждают так, словно Революция могла, игнорируя церковь, упразднить глубокий конфликт между католическим принципом и принципами революционными. Ведь не было вопроса, при разрешении которого Революции не приходилось бы сталкиваться с церковью.

Остановимся хотя бы на вопросе об епархиях, — следовало ли в тот момент, когда конституция упразднила старые провинции и вводила во Франции единообразное административное устройство, оставлять как память о старой Франции прежние епархии, границы которых не совпадали с границами, новой Франции и тем самым питали разнообразные надежды реакции?

В момент, когда нация овладела властью короля, ей следовало твердо решить, какое употребление она должна сделать из той доли этой власти, которая касалась церкви; неужели нация должна была позволить церкви вечно распоряжаться всем: и назначением священнослужителей, и ее проповеднической деятельностью, школами, регистрацией актов гражданского состояния?

И на этот раз невозможно было избежать драматического столкновения христианства с Революцией. Единственная задача Учредительного собрания состояла в том, чтобы смягчить это столкновение, дабы как можно меньше задевать предрассудки масс, которые могли бы обратиться против Революции, и дабы привить народу в религиозных вопросах новую привычку к свободе. В этом гражданское устройство духовенства преуспело, насколько это было возможно. Фактически Революция нашла присягнувших священников для всех приходов, присягнувших епископов — для всех епархий: тем самым ей удалось вызвать раскол в рядах самой церкви; она предотвратила всеобщую вспышку религиозного фанатизма, которая могла бы погубить ее, и выиграла время, чтобы сделать свое дело в основном неуязвимым и необратимым. Но совершенно ясно, что мы имеем дело с силой, способной оказать страшное сопротивление, с главной движущей пружиной контрреволюции, и мы уже отныне предчувствуем целый ряд столкновений, трагических и бурных, которые заставят Революцию отказаться от умеренной политики, какую она проводила в первый период.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО ДУХОВЕНСТВА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из богатой литературы, посвященной религиозному вопросу во время Революции и написанной в основном с точки зрения римско-католической церкви, следует отметить: L. Sciout. *L'Eglise et la Constitution civile du clergé*. Paris, 1873—1881, 4 vol.; P. de la Gorce. *Histoire religieuse de la Révolution*. Paris, 1909—1923; 5 vol.; dom H. Leclercq. *L'Eglise constitutionnelle*. Paris, 1934; A. Latreille. *L'Eglise catholique et la Révolution française*. T. I: „Le pontificat de Pie VII et la crise française“. Paris, 1946; chanoine J. Leflon. *La Crise révolutionnaire, 1789—1846*. Paris, 1949; t. XX de „l'Histoire de l'Eglise“, под редакцией А. Флиша и В. Мартена.

Освещение этой проблемы с точки зрения светской см.: A. Deboudour. *Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat de 1789 à 1870*. Paris, 1898; A. Mathiez. *Contribution à l'histoire religieuse de la Révolution française*. Paris, 1907;

его же: „*La Révolution et l'Eglise. Etudes critiques et documentaires*“. Paris, 1910 и „*Rome et le clergé français sous la Constituante*“. Paris, 1911; A. Aulard. *Le Christianisme et la Révolution*. Paris, 1924; E. d. Préclin. *Les Jansénistes du XVIIIe siècle et la Constitution civile du clergé. Le développement du richérisme; sa propagation dans le bas-clergé. 1713—1791*. Paris, 1929; G. Pioro. „*Institution canonique et consécration des premiers évêques constitutionnels (d'après les minutes inédites des notaires parisiens)*“. — „*Annales historiques de la Révolution française*“, 1956, p. 346—379.

Локальные монографии. J. Robinet. *Le Mouvement religieux à Paris pendant la Révolution*. Paris, 1896—1898, 2 vol.; chanoine P. Pissani. *L'Eglise de Paris pendant la Révolution*. Paris, 1908—1911, 4 vol.; abbé M. Giraud. *Essai sur l'histoire religieuse de la Sarthe de 1789 à l'an IV*. La Flèche, 1920; abbé E. Sevestre. *L'Acceptation de la*

Constitution civile du clergé en Normandie. Laval, 1922, и „Liste critique des ecclésiastiques fonctionnaires publics insermentés et assermentés en Normandie. Laval, 1922; R. R e u s s. La Constitution civile et la crise religieuse en Alsace.“ Strasbourg, 1923, 2 vol.; abbé E. S o l. Le Clergé du Lot et le serment exigé des fonctionnaires publics ecclésiastiques. Paris, 1926; abbé G. C h a r r i e r. Histoire religieuse du département de la Nièvre pendant la Révolution. Paris, 1926, 2 vol.; abbé J. P e t e r et dom Ch. P o u l e t. Histoire religieuse du département du Nord pendant la Révolution. Lille, 1930—1933, 2 vol.; chanoine P. L e s p r a n d. Le Clergé de la Moselle pendant la Révolution. Montigny-les-Metz, 1933—1935, 3 vol.; Mgr Ch. A i m o n d. Histoire religieuse de la Révolution dans le département de la Meuse et le diocèse de Verdun, 1789—1802. Paris et Barle-Duc, 1949; marquis D e R o u x. Histoire religieuse de la Révolution à Poitiers et dans la Vienne. Lyon, 1952; M. C h a r t i e r. Le clergé constitutionnel du district d'Avesnes

pendant la Révolution.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1957, p. 139—149; J. E i c h. Histoire religieuse du département de la Moselle pendant la Révolution. 1re partie: „Des débuts à l'établissement de l'Eglise constitutionnelle“. Metz, 1964. Относительно парижского черного духовенства см.: B. P l o n g e r o n. Les Réguliers de Paris devant le serment constitutionnel. Sens et conséquence d'une option. 1789—1801. Paris, 1964; J. B o u s s o u l a d e. Moniales et hospitalières dans la tourmente révolutionnaire. Les communautés de religieuses de l'ancien diocèse de Paris de 1789 à 1801. Paris, s.d.

Биографии. Chanoine P. P i s a n n i. Répertoire biographique de l'épiscopat constitutionnel. Paris, 1907; abbé E. L a v a q u e r y. Le cardinal de Boisgelin. Paris, [1920], 2 vol.; chanoine J. L e f f l o n. Monsieur Emery, T. I. „L'Eglise d'ancien régime et la Révolution. Paris, 1944; того же автора: „Nicolas Philbert, évêque constitutionnel des Ardennes“. Mézières, 1954.

Глава восьмая

ФЕДЕРАЦИЯ

ГОД 1790

12 июля 1790 г., за два дня до первой годовщины взятия Бастилии и до праздника Федерации, было окончательно принято гражданское устройство духовенства. Этот год, 1790, был, можно сказать, самым „органическим“ годом Революции. Еще до истечения этого года были созданы все основные учреждения нового общества и Революция получила решительный импульс. Был провозглашен суверенитет нации. Было объявлено, что закон есть выражение общей воли. Были провозглашены права человека. Принято было решение о непрерывности заседаний собраний. Феодалная система была уничтожена по крайней мере в самом своем принципе. Десятины были упразднены. Церковные имущества были переданы в распоряжение нации, и был создан ассигнат, необходимый инструмент продаж. Продажи церковных земель начались в конце 1790 г., и таким образом забил обильный источник, из которого Революция сможет черпать на протяжении всей своей длительной борьбы против ополчившегося на нее враждебного мира. Были установлены новые взаимоотношения между гражданским обществом и церковью, и избирательный принцип, принцип народного суверенитета проник даже в религиозную сферу.

В августе 1790 г. производится полная реорганизация дела юстиции на основе этого же принципа ¹: на первой ступени факультативный арбитраж, затем мировые судьи, избираемые активными гражданами сроком на 2 года; затем гражданские суды в составе 5 судей, избираемых на 6 лет, с правом переизбрания; дальше

1. Закон от 16 августа 1790 г.

следует иерархия тоже выборных уголовных судей, и на самом верху национальный Верховный суд, куда законодательный корпус будет направлять дела о преступлениях против государства. Только в военную организацию Собрание внесло незначительные изменения. Оно не пожелало последовать за Дюбуа-Крансе, который еще в 1789 г. предложил ему план создания национальной армии, предусматривавший всеобщую воинскую повинность¹.

Собранию была чужда идея рекрутского набора: воинская повинность была, в его глазах, нарушением прав свободного гражданина, а солдат, если он не был добровольцем, казался ему чем-то вроде государственного раба. Лишь тогда, когда непосредственно нависшая над нацией опасность заставит Революцию провозгласить всенародное ополчение, революционный дух по-настоящему организует армию.

Но в общем и целом можно сказать, что еще в конце 1790 г. принципы Революции были провозглашены и главные, основные учреждения были созданы. И доброжелательные и поверхностные наблюдатели могли в то время думать, что Революция победит, не встречая препятствий и не прибегая к насилию. Грозная религиозная оппозиция, которая воспользуется как предлогом гражданским устройством духовенства, еще ясно не обозначилась, а интриги эмигрантов за пределами Франции, казалось, не имели ни точки опоры, ни организационного центра. Но это не значит, что контрреволюция сложила оружие.

Священники принялись сеять тревогу и смущать верующих. Аристократы старались повсюду возбуждать тех, чьи интересы Революция ущемляла своими декретами.

Взбешенные упразднением дворянства, уязвлявшим их тщеславие или их надменность в гораздо большей мере, чем ущерб, нанесенный их интересам в ночь с 4 на 5 августа, в отчаянии от того, что им остались лишь мещанские имена, они делали вид, будто рассматривают дело Революции как некий шквал ветра, после которого вновь восторжествует здравый смысл. Как нам поведал Мерсье, дворяне не стирали гербов со своих карет, а лишь покрывали их легким облачком краски, которое, казалось, должно было улечься при первом дуновении².

А пока что они старались возбудить старый дух провинциальной обособленности, используя его против революционеров. Они подстрекали и разжигали сопротивление распущенных парламентов, и парламенты Бретани, Меца дошли до грани восстания³. Они старались внушить провинциям, которые и ранее были освобождены от уплаты габели, что общее упразднение этой пошлины нанесет им ущерб, ибо оно вынудит Собрание ввести новые налоги, которые равным образом отяготят все провинции.

Они пытались запугать арендаторов национализированных церковных земель, и, хотя Учредительное собрание особой статьей оговорило, что заключенные церковью арендные договоры оста-

нутся впредь в силе и арендаторы сохраняют свои права владения, последние, привыкшие к мало стеснявшему их небрежному управлению церкви, испытывали страх перед неизвестностью и довольно охотно прислушивались к дворянам, живописавшим им господство нового буржуазного собственника как особенно жестокое.

Однако в 1790 г. все эти начатки реакции, все эти контрреволюционные угрозы и интриги захлестнула огромная волна надежды и гордости, буйной радости возрождения и жизни. Франция, казалось, достигала одновременно свободы и единства. Конец феодальным или провинциальным таможенным заставам! Конец раздробленности! Конец произволу! Отныне единое сердце, великодушное и молодое, биение которого доносилось до самых отдаленных уголков страны, до самой глухой деревни, связанной теперь со всей страной общей свободой и общим суверенитетом.

Как только в последние месяцы 1789 г. свободные революционные коммуны повсюду организовались для борьбы как с аристократами, так и с „разбойниками“, они тотчас же осознали, что воодушевляет их отнюдь не локальное движение. Их движение со всей силой и непосредственностью жизни вливалось во всеобщее движение. Эти коммуны инстинктивно искали символ, который бы явился выражением этой двойной жизни, всеобщей и в то же время локальной. И какой другой мог это лучше выразить, нежели федерация?

Притом, если бы враги свободы и нации продолжали свои интриги или расширяли их, изолированная коммуна была бы бессильной. Ее бы раздавили, или она возбудила бы подозрение.

Поэтому надлежало образовать как бы цепь коммун, объединиться, образовать федерацию свободных революционных коммун одной провинции, одной области.

И таким образом, создаются федерация Севера, федерация Бретани, федерация Дофине и несколько позднее федерация Лиона; в первые месяцы 1790 г. это движение ширится⁴. Повсюду справляются празднества братства и торжественные клятвы связывают воедино федеративные коммуны. Такое движение, раз начавшись, не могло не расти и не расширяться.

1. План создания национальной армии был изложен Дюбуа-Крансе (1747—1814) 12 декабря 1789 г. Он вызвал возмущенные крики на скамьях правой и молчаливое замешательство на скамьях левой.
2. См.: Sébastien Mercier. Le Nouveau Paris... Paris, an VII, 6 vol. новое издание: „Paris pendant la Révolution (1789—1798), ou le Nouveau Paris“ (Paris, 1862, 2 vol.), t. II, p. 65.

3. См.: H. Carré. La Fin des Parlements. 1788—1790. Paris, 1912.

4. Национальные гвардейцы Дофине и Бивара федерируются 29 ноября 1789 г. в Валансе. В феврале 1790 г. в Понтиви создается федерация Бретани и Анжу. В этом же месяце создается федерация Доля, 30 мая — федерация Лиона, в июне — федерация Лилля и Страсбурга.

Все отдельные региональные водовороты, как бы соприкоснувшись краями, неизбежно должны были слиться и разрастись в огромный национальный водоворот.

У всех делегатов братских федераций стихийно и почти одновременно возникла мысль о необходимости создать в Париже, в центре возрожденной нации, очаг национальной федерации.

Это поразительное движение, и оно достигнет своего завершения лишь тогда, когда, охваченные Революцией, более глубокой и в то же время более обширной, все нации вселенной втянутся в великий круговорот единства и мира и образуют федерацию всего человечества! Счастлив пролетариат, на долю которого выпала священная миссия подготовить это великое свершение.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Вполне естественно, что днем празднования Федерации было назначено 14 июля 1790 г., ибо 14 июля родилась свобода и было положено начало движению революционных коммун. Коммуны, так сказать, обращали свои взоры назад к этому великому событию, как к своему истоку и центру.

Собрание ничего не имело против этого великого национального движения, которое в известном смысле было восхвалением и подтверждением его дела. Но и тут его политика была уравновешенной, она была в одно и то же время консервативной и революционной.

Подобно тому как, провозгласив и даже осуществив суверенитет нации, оно тем не менее сохранило короля; подобно тому как, наделив избираемые нацией собрания законодательными правами, оно предоставило, однако, королю право приостанавливающего вето; подобно тому как, исторгнув французский народ из состояния многовековой инертности и создав сразу 4 млн. избирателей, оно, однако, лишило избирательных прав самых бедных людей; подобно тому как, уничтожив феодальную систему и поразив либо путем простого упразднения, либо в порядке принудительного выкупа феодальную собственность, оно, однако, приняло множество мер предосторожности для того, чтобы самый принцип собственности не был затронут, точно так же, когда в результате чудесного порыва народа зародилась идея федерации, Собрание ее поддержало, но упорядочило ее сообразно общему духу буржуазной революции¹.

Оно не соглашалось принимать те взволнованные, стихийные делегации, которые могли бы создаваться вне законного порядка, уже установленного Собранием.

Ведь, пожалуй, в пылу братских излияний на празднествах пассивные граждане могли бы оказаться в числе делегатов? А это поколебало бы в самой основе дело Учредительного собрания.

Пожалуй, крестьяне, вот уже несколько месяцев замечавшие, что феодальный режим в действительности вовсе не был уничтожен и что сеньоры при содействии судей и самого Собрания продолжали взимать самые обременительные повинности, понесли бы в Париж, в Учредительное собрание и к королю новые указы, которые они уже составляли в некоторых областях?

Пожалуй, и рабочие, из числа наиболее сознательных и гордых, тех, которых начинала, пока еще довольно слабо, беспокоить узость законодательства, лишившего их избирательных прав, могли бы явиться на Марсово поле со скромной, но важной петицией о всеобщем избирательном праве?

Величественное и осторожное Собрание постановило, что делегации будут формироваться в рамках национальной гвардии². В каждом отряде национальной гвардии национальные гвардейцы выбирали 6 человек из 100; эти последние собирались в административном центре дистрикта и выбирали 1 человека из 200, если дистрикт находился на расстоянии менее 100 лье от Парижа, или 1 человека из 400, если дистрикт был более отдаленным.

Итак, выражение мысли Франции должна была нести в Париж вооруженная буржуазия, „элита“ активных граждан. На зов Революции спешила Революция, но Революция умеренная, буржуазная и законная. На Марсовом поле собирався „активный“ народ, законный революционный народ.

Но сколь велик был общий энтузиазм! Даже пассивные граждане всей душой, всеми чувствами участвовали в великом празднестве: несмотря на все, они ощущали себя возвышенными вместе со всей нацией, и единое чувство какой-то надежды и любви позволило на какой-то момент осуществиться, несмотря на эгоистический и олигархический дух новых учреждений, единству нации, единству классов.

Даже лишённые права голоса пролетарии с воодушевлением трудились над подготовкой Марсова поля к празднику; была там „белая сторона и черная сторона“, угольщики, черные от угольной пыли, и грузчики с Центрального рынка, белые от муки, и между „черными“ и „белыми“ развернулось веселое соревнование, кто больше перевернет земли во славу Революции.

И король пришел на минутку покопать землю, и в этой лицемерной манифестации обманчивого равенства народ в своей проницательной наивности усматривал некий глубокий смысл, некое неясное предвосхищение подлинного равенства. Выравнивая зем-

1. Относительно умонастроения членов Учредительного собрания см. доклад Ле Шанелье „касательно мер предосторожности, кои надлежит принять в связи с федерацией“ от 3 июля 1790 г. и декрет,

принятый 4 июля. „Moniteur“, t. V, p. 31, 43.

2. См. доклад Талейрана от имени Конституционного комитета от 7 июня 1790 г. и декрет от 8 июня. „Moniteur“, t. IV, p. 570, 576.

лю или насыпая ее для сооружения величественного амфитеатра, достаточно обширного, чтобы разместить всех делегатов огромной страны, рабочие пели на мотив „Ça ira“ революционные куплеты, где слова Евангелия были переиначены в духе социального равенства: „Кто возвысился, тот будет унижен; кто унижен, тот будет возвышен“. То была иллюзия революционных рабочих: выравнивание земли и социальных условий. Долго еще придется вам, жизнерадостные и грубые землекопы, переворачивать старую землю, чтобы заполнить бездны нищеты и колеи рабства, чтобы превратить суровые вершины и крутые обрывы спеси и привилегии в великолепный амфитеатр, откуда все человечество сможет созерцать покоренную природу и лучезарную вселенную!

Но в тот момент сила революционного движения была такова, что само Собрание вопреки своей осторожности и сдержанности самим этим празднеством способствовало усилению мощи Революции. Оно предложило всем полкам делегировать старейших офицеров и унтер-офицеров и по четыре старейших солдата.

Каждый порт послал делегатов, выбранных таким же порядком. Таким образом, хотя Собрание все еще не решалось произвести коренную реформу армии, хотя оно было, по-видимому, прежде всего озабочено сохранением в сухопутных и морских вооруженных силах традиций строгой дисциплины и чинопочитания, рискуя оставить армию в руках враждебных Революции начальников, оно, это Собрание, само подготовило возникновение новой армии, когда в этот великий день соединило представителей армии с революционным народом.

Начиная с этого дня армия, приобщившись к Революции, уже не находилась во власти сил контрреволюции. Под старой оболочкой зародилась новая душа, праздник Федерации совершил как бы ассимиляцию армии Революцией и дополнил, таким образом, великое дело Учредительного собрания.

Итак, этот день был прекрасным и плодотворным. Конечно, дело не обошлось без теневых сторон. Мы можем пожалеть о том, что месса, которую отслужил Талейран пред алтарем, воздвигнутым посреди Марсова поля, внесла в атмосферу революционной искренности этого праздника нотку фальши и натянутости. Да, огорчает то, что обновленная душа даже в этот час не смогла найти для того, чтобы выразить себя, ничего, кроме старой, выдохшейся символики, заимствованной у глубоко враждебной Революции силы, неудачно омоложенной посредством шаткой комбинации в виде гражданского устройства духовенства.

Правда, можно, пожалуй, усмотреть и известную победу в том, что церковь была вынуждена освятить обрядами своего культа торжественное провозглашение и прославление гуманной идеи, от которой церкви суждено погибнуть.

Талейран, описавший нам в трогательных выражениях, уже много раз цитированных, меланхолический пейзаж старого замка

в Перигоре, где протекало его детство, Талейран, который, едва вступив в семинарию и предназначив себя священству, смущенно задавался вопросом, является ли его хромота достаточным основанием для призвания, Талейран, который замкнулся тогда в себе и заперся в библиотеке на „пять лет одиночества и молчания“, пытаясь для поддержания своего мужества предугадать, какие новые формы честолюбивых устремлений откроет для поповской изворотливости предвосхищаемое наступление нового порядка, Талейран должен был испытывать, вероятно, какое-то особое наслаждение, служа мессу Революции после того, как он лишил церковь ее несметных богатств. В этих контрастах, в этом причудливом смещении старых форм и новых мыслей было что-то неожиданное, сложное и величественное, что должно было льстить его душе, исполненной противоречий, ленивой и бурной, любящей пышность и пронизательной. Нам, однако, этот диссонанс между мертвым великолепием старого культа и искренним порывом нового мира докучлив, он раздражает нас больше, чем смущал современников тех событий.

Не было недостатка в оговорках и по ряду других моментов, но выражали их сдержанно и под сурдинку. За общей гармонией кое-где проглядывали еще тревоги и расчеты партий. Мирабо испытал двойное жестокое разочарование.

Прежде всего вопреки его настойчивым советам король пренебрег этой решающей возможностью взять на себя перед лицом собравшейся Франции роль главы Революции.

Мирабо составил для короля проект речи, в которой Людовик XVI безоговорочно присоединялся к революционному движению.

Он неоднократно говорил королю, что, обновившись таким образом и став национальной, монархия могла бы отныне уверенно противостоять кликам и, став выше всех подозрений, восстановить необходимую мощь исполнительной власти. Король не осмелился или не захотел последовать совету Мирабо и ограничился тем, что прочитал формулу присяги, не добавив ни одного из тех слов, которые рассеивают и предотвращают всякие недоразумения. За два дня до этого было декретировано гражданское устройство духовенства, и король, возможно, под впечатлением этого события проявил сдержанность и, несомненно, упустил решающий шанс, не ускользнувший от гениального чутья Мирабо. Доведенный до отчаяния этой новой ошибкой, усугубившей, по его мнению, опасности, грозившие как монархии, так и Революции, Мирабо вдобавок был раздражен успехом Лафайета, которого он ненавидел.

Праздник, бывший, так сказать, парадом отрядов национальной гвардии Франции, казалось, был задуман для триумфа Лафайета, стоявшего во главе парижской национальной гвардии. А по мнению Мирабо, роль Лафайета была пагубной вдвойне.

Лафайету было крайне лестно, что он защищает короля, и поэтому он не так уже жаждал, чтобы король приобрел популярность и, таким образом, опирался бы на свою собственную силу. Кроме того, прикрывая королевскую власть своею личною популярностью, кричащей и тщеславной, он продолжал поддерживать в короле опасное чувство обманчивой безопасности. Вот почему великий политический деятель, уязвленный одновременно и в своих планах и в своем самолюбии, ронял горькие слова и мрачные предвещения по поводу великого празднества, которое у большинства людей, даже самых деятельных, как бы отодвинуло на время тревогу о завтрашнем дне.

Демократы со своей стороны выражали беспокойство. Им казалось, что этот день был слишком уж днем короля и недостаточно днем нации. Они находили, что крики „Да здравствует король!“ доминировали над криками „Да здравствует Нация!“. Им казалось, что в этом огромном стечении народа, в этом законном и живом выражении революционной Франции, они улавливают опасные пережитки монархического идолопоклонства. Кто поручится, что после всех этих приветственных кликов король, вообразив, что его любят *ради него самого*, не сочтет, что он не обязан верно служить Революции?.. Не вообразит ли монархия, что она только расширила свой двор и что главным результатом Революции было включение в этот двор самой нации? Задаешься вопросом, писал Лустало на следующий день после празднества, не принес ли этот праздник больше вреда, чем пользы делу свободы?¹

Но как бы ни были обоснованы эти тревоги, они растворялись в том огромном и искреннем ликовании, которое на миг объединило делегатов всех провинций, всех городов и слило все души в одну. Конечно, неплохо, когда острые, пронизательные умы способны сквозь блеск и сияние празднеств и ослепительное всеобщее ликование разглядеть существенные причины беспорядка, недоверия и насилия, последствия которых скажутся лишь завтра. Но хорошо также, чтобы нации в своей исполненной трудов жизни имели иногда часы непринужденной радости, когда их сила возрастает. Эти нации вовсе не так уже обманываются, как утверждают в таких случаях мрачные или скептические пронизательные умы, ибо эти, быть может, неосторожные порывы надежды и радости умножают энергию и возрождают мужество. Несмотря на молчание короля и тревогу, которую вызывала неясность его намерений, несмотря на возбуждение роялистов и несколько наивную доверчивость делегатов Франции, праздник Федерации, несомненно, внутренне укрепил Революцию в сознании людей и усилил ее влияние во внешнем мире. Но этот день знаменовал собой момент совершенно неустойчивого равновесия, которое вскоре должно было быть нарушено.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ФЕДЕРАЦИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О создании федераций и этом движении не существует исследований общего характера. Поэтому укажем региональные исследования: M. L a m b e r t. Les Fédérations en Franche-Comté et la fête de la Fédération du 14 juillet 1790. Paris, 1890; J. T r é v é d y. Les deux fédérations de Pontivy.—„Revue morbihannaise“, 1894—1895 (специальный выпуск. Ренн, 1895 г.); P.—H. T h o r é. Fédérations et projets de fédérations dans la région toulousaine.—

„Annales historiques de la Révolution française“, 1949, p. 346—368. См. также: A. M a t h i e z. Les Origines des cultes révolutionnaires. Paris, 1904; R. T o u j a s. La genèse de l'idée de fédération nationale.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1955, p. 213—216; P. A r c h e s. Le premier projet de fédération nationale.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1956, p. 255—266.

1. „Les Révolutions de Paris“, № 53, 10—17 juillet 1790: „Fédération du 14 juillet“.

Глава девятая

ПАРТИИ И КЛАССЫ

В 1791 г.

Каким образом было нарушено это равновесие? Отныне дальнейший ход Революции будет зависеть от одного обстоятельства. Захочет ли король, да или нет, честно поддерживать Революцию? Если да, если король стал искренне конституционным, если он не в сговоре ни с иностранными правительствами, ни с эмигрантами, ни с мятежной частью духовенства, Революция будет придерживаться того среднего и ровного пути, на который ее поставила конституция: суверенитет нации будет утвержден, но дело не дойдет до демократии, и Революция сможет упразднить дворянство, сделать церковь национальной, контролировать короля, не призывая на помощь силы народа. И наоборот, если король будет вести борьбу против Революции, сначала исподтишка, затем открыто, последняя будет вынуждена, защищаясь, вступить на путь демократии и обратиться с призывом к силам народа.

Итак, чего хочет король и что он собирается делать? Все остальное в данный момент имеет лишь второстепенное значение. А между тем в эту пору конца 1790 г. после лучезарного праздника Федерации перед Учредительным собранием стояло немало препятствий, немало серьезных трудностей. Прежде всего внутри Собрания сильно обостряется соперничество как между партиями, так и между отдельными личностями. Мы уже отмечали глухую борьбу за влияние, происходившую между Лафайетом и Мирабо. Ламеты, Барнав, Дюпор с удвоенной энергией ведут борьбу против Мирабо¹, и, когда в феврале 1791 г. Мирабо выступает против первых требований принятия мер против эмигрантов, когда он не соглашается с ограничением свободы эмиграции, его противники пытаются свалить его в Якобинском клубе² и наносят ему

тяжелый удар. Среди всех этих раздоров Робеспьер со своим нерушимым идеалом демократии продвигается шаг за шагом. Но вряд ли он мог бы что-нибудь сделать, вряд ли смог бы довести Революцию до полной демократии, если бы не те трагические потрясения, которые король вызвал своим сопротивлением Революции. Вот почему Робеспьер, крайне осторожный и одаренный глубоким чувством реальности, никогда не выходил за рамки конституции. Даже когда его предложения отвергались (а это случалось чаще всего), даже когда он не смог добиться признания исключительно за нацией права объявления войны, даже когда он не смог добиться распространения избирательных прав на всех граждан, даже когда он не смог добиться увольнения офицеров или установления более справедливого колониального режима, он всегда склонял голову с уважением, которое в то время, во всяком случае, не было притворным. Когда Камиль Демулен приписал ему довольно резкие слова, якобы сказанные в связи с голосованием в Собрании вопроса о праве заключения мира или объявления войны, он немедленно выступил с поправкой, подчеркивая при этом свое уважение законодателя к законным решениям даже в тех случаях, когда они противоречат его взглядам*.

Да и якобинцы, среди которых его влияние начинает возрастать, выступают как „друзья“, как защитники конституции. Если бы королевская власть последовала гениальным советам, которые ей давал Мирабо, если бы Людовик XVI рассеял недоверие нации безоговорочным присоединением к основным принципам Революции и безупречно лояльным соблюдением конституции, значение Робеспьера в Революции свелось бы к роли сильнейшего теоретика демократии. Он неустанно напоминал бы об этом принципе: быть может, он не допустил бы того, чтобы конституция слишком уклонилась в сторону буржуазной олигархии. Но он не управлял бы событиями и не осуществил бы своей программы полной демократии. Только постоянный экономический рост промышленного пролетариата, постепенное распространение просвещения в народе могли бы мало-помалу толкнуть Революцию на путь демократии.

1. Miss E. D. Bradby. The Life of Barnave. Oxford [1915]; 2 vol.; G. Michon. Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Dupont. Paris, 1924.

2. Мирабо в согласии с двором выступил 28 февраля 1791 г. в Учредительном собрании против законопроекта об эмиграции, считая, что подобный закон об эмигран-

тах несовместим с принципами конституции“. („Moniteur“, t. VII, p. 507.) В тот же вечер в Якобинском клубе Мирабо подвергся резкому осуждению. См.: „Révolutions de France et de Brabant“, par C. Desmoulin, № 67, t. VI, p. 49.

* См.: М. Робеспьер. Избранные произведения в трех томах. Т. 1, М., 1965.

ВОЛНЕНИЯ В ВОЙСКАХ

Инциденты в Меце, Нанси и Бресте вызвали глубокое волнение в Учредительном собрании. В августе 1790 г. в Меце наблюдалось сильное возбуждение среди солдат. Офицеры привыкли при старом порядке считать, что солдат не имеет никаких прав, и, руководствуясь презрением к солдату в такой же мере, как и жадностью, они буквально разворовывали средства, предназначенные для солдат. В Меце это было доказано: солдаты выбрали делегатов по ротам и потребовали произвести проверку отчетности. Пришлось признать, что отчетность не в порядке. Был установлен более строгий контроль. Но в это же время вспыхнули серьезные волнения в войсках, расположенных в Нанси¹.

С начала Революции острый и почти постоянный политический конфликт существовал между офицерами и солдатами полка Шатовье, в то время стоявшего в Нанси. Офицеры были аристократами; солдаты были революционерами. Находясь 14 июля 1789 г. в Париже, этот полк открыто заявил, что не будет стрелять в народ, и занятая им позиция способствовала крушению плана контрреволюции.

В Нанси солдаты жаловались на неоправданную суровость командиров, старавшихся отомстить солдатам за их революционный пыл всякими незаслуженными или чрезмерными наказаниями. Кончилось тем, что солдаты восстали, отказались повиноваться и захватили некоторых из своих офицеров. Командующим войсками восточного района был Буйе. То был умеренный консерватор, осторожный контрреволюционер². Глубоко преданный монархии, которой он блестяще служил на Антильских островах во время войны с англичанами, он пользовался, однако, славой либерала, которая распространялась на всех, кто участвовал в американской войне за независимость. Революция внушала ему страх, он ненавидел и презирал даже своего двоюродного брата Лафайета, виновного в том, что он вступил на новый путь.

Он сам, однако, был озабочен тем, чтобы не скомпрометировать себя. Он не питал симпатии к придворному дворянству, фривольному, расточительному и легкомысленному. Он предчувствовал, что это окружение погубит короля. Чтобы иметь возможность служить ему и быть полезным, он старался сохранять известную популярность среди революционной буржуазии востока Франции. Национальная гвардия предложила ему командование. Он отклонил предложение, но продолжал поддерживать с ней связь. Он ухитрялся постоянно находить предлоги для передвижений своих войск, и эмигранты, открыто собираясь по другую сторону границы, давали ему для этого множество предлогов. Таким образом он имел возможность помешать установлению длительных дружеских отношений между солдатами и гражданским населением, не возбуждая при этом слишком сильных подозре-

ний у революционеров. После праздника Федерации солдаты, делегированные полками на Марсово поле, вернулись оттуда в каком-то упоении патриотизма и любви к свободе, и Буйе сразу почувствовал, что дух армии, даже на востоке, меняется и что стоящая перед ним, как верным королем военачальником, задача вскоре станет более трудной.

Однако в то время он обладал еще во всем этом районе большим моральным авторитетом и сумел добиться замирения в Меце. Собрание, напуганное восстанием солдат в Нанси и плохо осведомленное о причинах волнений, приняло 6 августа декрет, объявлявший виновным в государственной измене каждого солдата, который откажется повиноваться начальнику³. Лафайет, желая доказать своему кузену Буйе, что он не был в сговоре с „людьми беспорядка“, командировал в Нанси офицера Мальсеня, человека неосторожного и вызывающего, который усугубил гнев солдат.

Все же солдаты, как бы загипнотизированные декретом Собрания, начали подчиняться. Сочувствовавшая им национальная гвардия Нанси послала делегатов в Учредительное собрание. Они были заслушаны Собранием, которому изложили причины волнений и заявили протест против реакционного поведения офицеров. Получив таким образом лучшую информацию, Собрание постановило послать двух комиссаров, на которых было возложено руководство силами общественного порядка в Нанси и опубликование там прокламации, составленной в духе примирения. Но в то самое время, когда был принят этот декрет, в Нанси произошло страшное столкновение между солдатами местного гарнизона и солдатами, которых Буйе привел из Меца. Последние, дойдя в раскаянии до жестокости, пытались выслужить забвение их собственного неповиновения подавлением своих товарищей. Кровь лилась рекою. Людовик XVI в послании к Собранию выразил свою радость по поводу „восстановления порядка“, и Собрание по предложению Мирабо приняло резолюцию с выражением благодарности Буйе⁴.

Собрание так же, как и король, выразило удовлетворение по поводу „восстановления порядка“, и швейцарцы из полка Шатовье, которых затребовала „юстиция“ их страны, были приговорены к смертной казни или отправлены на каторгу. Никогда еще Учредительное собрание не проявляло себя столь грубо „кон-

1. О волнениях в Нанси наиболее полным остается по-прежнему исследование: X. Maïre. Histoire de l'affaire de Nancy. Nancy, 1861.

2. См.: F. C. Bouillé. Mémoires. Londres, 1797, 2 vol.; последнее

издание вышло в Париже в 1859 г.

3. Декрет о восстановлении дисциплины в частях регулярных войск от 6 августа 1790 г. Duvergier. Op. cit., t. I, p. 319.

4. „Moniteur“, t. V, p. 559, заседание 3 сентября 1790 г.

сервативным⁴, как в этом случае. Как объяснить его умонастроение? Очевидно, что военный вопрос внушал ему страх. Могло быть лишь одно решение: уволить офицеров, насквозь проникнутых духом старого порядка, и создать новые офицерские кадры... Как это ни странно, на этом решении сходились Мирабо и Робеспьер. Но Робеспьер видел в устранении офицеров старого порядка главным образом средство вырвать оружие из рук контрреволюции¹.

Мирабо же был озабочен прежде всего восстановлением дисциплины в армии, что было невозможно до тех пор, пока солдаты могли во всеуслышание разоблачать контрреволюционные взгляды и происки начальников. Собрание, смелость которого как будто иссякла и которое к тому же не хотело посягать на военную систему из страха, что это приведет его к необходимости проведения рекрутского набора, не решилось прибегнуть к ставшей необходимой мере: увольнению офицеров. К тому же неповиновение солдат, даже внушенное преданностью Революции, представлялось Собранию вдвойне смертельной опасностью: смертельной для свободы, которая будет зависеть от произвола солдатских движений, и смертельной для буржуазии, которая уже не сможет располагать послушной вооруженной силой для защиты собственности и порядка, как она его понимала.

Собрание боялось создания прецедентов неповиновения новому порядку и обошлось беспощадно с теми самыми людьми, которые поддерживали Революцию, но средствами, внушавшими страх буржуазии. Однако было бы глубокой ошибкой полагать, что этой грубой буржуазной репрессии было достаточно, чтобы вызвать в стране против Собрания широкое и сильное движение. Робеспьер выступил с протестом². Лустало, молодой журналист из „Револьюсьон де Пари“, изливал больше печаль, чем гнев, в статье, которая была его последним выступлением в печати³. Он умер на следующий день, и его друзья приписывали его кончину той острой боли, которую причинило ему это кровавое жертвоприношение. Но для нации в целом тон общественному мнению в то время еще задавала буржуазия, и большинство революционеров были более склонны радоваться „восстановлению порядка“, чем огорчаться по поводу средств, коими это восстановление было достигнуто.

Лишь впоследствии, когда бегство Людовика XVI в Варенн и соучастие в этом деле Буйс заставили вспомнить о кровавых событиях в Нанси, в общественном мнении произошел заметный поворот в пользу солдат полка Шатовье, и их стали рассматривать как дальновидных защитников общественной свободы⁴.

Но в конце 1790 г. этих событий было недостаточно, чтобы поднять глубокие слои народа, чтобы дискредитировать буржуазную политику Собрания, одновременно революционную и консервативную, и укрепить идею демократии.

Точно так же восстали в Бресте матросы, возмущенные до предела контрреволюционными флотскими офицерами и доведенные до отчаяния дикими и унижительными наказаниями⁵. Собрание послало туда делегатов, и при содействии якобинцев они восстановили порядок в экипажах. Офицеры мало-помалу эмигрировали, но и в этом случае Учредительное собрание не спешило принимать решение.

1. Еще 10 июня 1791 г. Робеспьер разоблачал опасность контрреволюции („Discours“, t. VII, p. 468.).

2. Он выступил по поводу событий в Нанси 31 августа и 3 сентября 1790 г. („Discours“, t. I, p. 527, 535.)

3. „Révolutions de Paris“, № 60, 28 août—4 septembre 1790.—Новости из Нанси. Впечатление, произведенное в Париже повестями из

Нанси; № 61 от 4—11 сентября 1790 г. — События в Нанси.

4. 15 апреля 1792 г. Законодательное собрание постановило отметить праздник Свободы, призванный увековечить подвиг „славных солдат Шатовье“.

5. O. H a v a r d. La Révolution dans les ports de guerre. Paris, 1911—1913, 2 vol. in -8°.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Колонии поставили перед Национальным собранием особенно опасную проблему, и оно оказалось неспособным решить ее. В колониальном вопросе революционная буржуазия оказалась зажатой между идеализмом Декларации прав и самыми грубыми и самыми узкими классовыми интересами. В колониях, на Мартинике, Гваделупе, в Сан-Доминго, были свободные люди и рабы. Последних было в 10 раз больше, чем первых. Вся рабочая сила была рабской. Все работы на плантациях выполнялись несчастными неграми, насильно увезенными из Африки, и богатство собственников измерялось числом их рабов. Разве можно было бы уничтожить рабство, не поколебав до самых основ „общественный порядок“ колоний и „собственность“? И разве можно было сохранить рабство, не поколебав до самых основ Декларацию прав человека и саму Революцию? Но свободные люди разделились: одни, белые, гордились принадлежностью к своей расе, другие, мулаты, жаждали равенства. Белые относились к мулатам, хотя те были свободными и часто даже собственниками, с таким же презрением, как к черным рабам. Белые колонисты желали управлять одни. А когда вспыхнула Революция, они хотели воспользоваться всеми вытекавшими из этого преимуществами, лишив их цветных. Таким образом, Революция столкнулась с двойным ужасным антагонизмом: с расовым антагонизмом между белыми и цветными и с расовым и классовым антагонизмом между белыми собственниками и черными рабами. С самого начала, при первых известиях о Революции, в колониях поняли, что она неизбежно отразится на их социальном положении, и приготовились отразить удар. С одной стороны, колонии настойчиво требовали предоставления им в Собрании значительного представительства:

они надеялись таким образом более успешно воздействовать на депутатов. С другой стороны, претендуя на свою долю народного суверенитета, колонисты в то же время делали оговорки, они не хотели распространения на колонии общих правовых принципов Революции. Они заявляли, что колонии ни за что не допустят, чтобы Франция суверенно решала вопросы о положении жителей островов. Если Декларация прав человека требует, чтобы цветной человек обладал теми же политическими правами, что и белый, если эта Декларация требует, чтобы раб был освобожден, то эта Декларация не будет иметь силы для колоний. Ибо колонисты не хотят разориться, и нет такого права, которое лишало бы права на жизнь. Они не ограничились этим дерзким утверждением. Они организовывались. Мы уже говорили об обществе, обосновавшемся в отеле Массиак. Более того, всем колонистам было запрещено привозить обратно на Антильские острова тех рабов, которых они взяли с собой во Францию, ибо они могли привезти с собой на острова зловредные семена. Страшные санкции применялись против неосторожных или великодушных колонистов, нарушавших это правило. Их изгоняли из лона колониального общества. И если на кого-либо из них падало подозрение в том, что он намерен освободить своих рабов, его сельскохозяйственные строения и дом, в котором он жил, гибли от пожара. В то же время колонисты, не дожидаясь закона Собрания, сами сочинили для себя конституцию по своей мерке. Мы увидим далее, что характерной особенностью Вандеи был как раз дух невероятного эгоизма и местничества. Вандейцы хотели воспользоваться всеми благодеяниями Революции и отбросить все вытекающие из нее обязанности. Они хотели сообразовать ее с узостью местных и частных интересов.

В этом смысле можно сказать, что с 1789 г. большой остров Сан-Доминго был как бы буржуазной, капиталистической и рабовладельческой Вандеей. Раскол интересов и мнений достиг там крайней степени, о чем свидетельствует письмо одного колониста от 1 декабря 1789 г. (цитируемое Леоном Дешаном)¹:

„Мы создали комитеты в дистриктах. У нас есть выборщики в Порт-о-Пренсе, задача которых состоит в том, чтобы учредить колониальный комитет и направить все наши жалобы Колониальному собранию этого главного центра. Но у нас нет согласия. Частные интересы сталкиваются с общими интересами, Север противостоит Западу и Югу... В Пти-Гоаве бывший сенешаль этого судебного округа Ферран де Бодьер, которого обвиняли в намерении оказать помощь цветным, был убит. В Птит-Ривьере чуть не убили нотариуса за то, что он составил для цветных прошение, в котором они требовали гражданского и политического

1. L é o n D e s c h a m p s. L'Assemblée constituante et les colonies. Paris, 1898.

равенства. Мы стараемся помешать дурным маленьким белым, число которых за последние несколько лет невероятно возросло, сеять эти заблуждения, а апостолам филантропии утверждать их зловерные догмы. Но удастся ли нам это? Мы так расколоты...

Однако, несмотря на эти раздоры, естественное возмездие за эгоизм и партикуляризм, колонисты сумели договориться по ряду основных вопросов. Они выбрали Колониальные собрания, причем только белые собственники получили право выбирать и быть выбираемыми, свободные мулаты были отстранены так же, как и черные. Вместе с тем под предлогом свержения ига старого порядка, но в действительности стремясь обеспечить себе почти полную автономию, эти Собрания отказались признать власть губернатора. Затем, разрывая колониальный пакт, связывавший их с метрополией, они отменили так называемую „исключительную привилегию“ метрополии, то есть исключительное право метрополии на торговлю со своими колониями, и открыли порты для торговли со всеми странами, продолжая при этом пользоваться привилегиями при ввозе своих товаров в метрополию. Наконец, они организовали подлинную систему террора против тех, кто осмеливался говорить об отмене рабства. По их указанию был убит некий Дюбуа, вина которого состояла в том, что он требовал свободы для негров и проповедовал „новое Евангелие собственности“¹. Если бы эти уродливо эгоистические поползновения достигли своей цели, колонии оказались бы в полной власти политической и экономической олигархии белых крупных собственников.

Эта олигархия одна располагала бы избирательной и законодательной властью. Она бы придавила и отстранила „дурных маленьких белых“, то есть скромных колонистов, белых мелких собственников, ремесленников, мелких торговцев, всю эту нарождавшуюся колониальную демократию. Крупные колонисты терроризировали бы и изгнали мелких белых колонистов, обвинив их в том, что они стали сообщниками цветных. Мулаты, лишённые всех политических прав и презираемые, были бы фактически постепенно приравнены к рабам. А для последних ито рабства стало бы еще тяжелее, потому что смутные разговоры об отмене рабства сильно возбудили мнительность и гнев белых собственников.

В то же время колонисты свободно покупали бы у всех стран, приобретая все нужные им товары по дешевым ценам, и, с другой стороны, опираясь на традицию и привычки, они продолжали бы оставаться исключительными поставщиками сырья для сахарных заводов Франции. Таков был режим, с самого начала организованный колонистами Сан-Доминго, и единственный наказ депутатам колоний в Национальном собрании заключался в том, чтобы защищать от всяких нападок эту систему автономии, алчную, эгоистическую и олигархическую. В случае нужды, если колониям

захотят навязать другой режим, они угрожали разрывом. Революционная буржуазия была в великом смущении. Между принципами, которые она провозглашала во Франции, и ее классовыми интересами в колониях существовало явное противоречие. Во Франции этого противоречия не было. Революционная буржуазия могла дать избирательные права 4 млн. граждан, не подвергая опасности своих экономических интересов и своего промышленного развития. Она могла бы даже, не подвергая опасности свое экономическое господство, предоставить право голоса сразу всем гражданам, как она это сделает в 1792 г. Рабочие мануфактур, хотя и стали гражданами, продолжали отдавать свой труд и по-прежнему питали прибавочной стоимостью растущую силу капитала. Таким образом, Декларация прав человека, даже применяемая широко и в демократическом духе, не противоречила наиболее существенным классовым интересам революционной буржуазии. Наоборот, Декларация служила этим интересам, помогая буржуазии разложить старый порядок, сломать цеховые и феодальные препоны и взять под свой суверенный контроль все дела страны. Но если уничтожить рабство, этот единственный известный испокон веков в колониях способ организации труда в больших масштабах, то не приведет ли это к разорению плантаторов, крупных колониальных собственников? Не поведет ли это к разорению богатых семейств метрополии, имеющих крупные интересы в колониях? Не будет ли уничтожение рабства бедствием для купцов Бордо, Нанта, Марселя, ведущих столь широкую торговлю с колониями? Что станет с сахарозаводчиками крупных портов, если они перестанут получать сырье из Сан-Доминго? Что станет с этими славными работоторговцами, этими добрыми революционерами Нанта и Бордо, наживавшими миллионы на перевозке до 35 тыс. негров с берегов Гвинеи на Антильские острова? Революционная буржуазия отступила перед воплем возмущения обладателей этих крупных интересов и не только не декретировала отмену рабства, но и не занялась изучением тех переходных мер, которые могли бы облегчить это уничтожение в будущем.

Правда, была партия аболиционистов, было Общество друзей чернокожих, в которое входили Бриссо и Мирабо². В декабре 1789 г. Петитор произнес с трибуны замечательную речь о мучениях бедных негров, перевозимых в душливых трюмах. Я думаю, что никогда ни одному собранию не была представлена столь волнующая картина.

Но Учредительное собрание отворачивалось от этой проблемы, как от кошмара. Оно не решилось даже принять решение о поли-

1. Обо всех этих проблемах см.: J. Saintoyant. La Colonisation française pendant la Révolution (1789—1799).

2. Общество друзей чернокожих было основано в Париже в 1787 г. Наиболее видные из его членов: Бриссо, Кондорсе, Мирабо.

тических правах свободных мулатов, опасаясь, предоставив политическое равенство части цветных, пробудить в сердцах чернокожих рабов такие надежды, которые оно вовсе не хотело осуществить. Однако Собранию пришлось заняться этими вопросами во избежание торжества полной анархии в колониях.

БАРНАВ И ДЕКРЕТ ОТ 8 МАРТА 1790 г.

Вопрос этот был поставлен в Собрании Барнавом, выступившим в качестве докладчика [Комитета колоний] в марте 1790 г. Он выступил, как страстный защитник интересов крупных колонистов. И не в одной книге мне довелось прочесть: „Вот двуличный человек“. Демократ для Франции и союзник олигархии в колониях. Враги Барнава не преминули использовать его колониальную политику как оружие против него. И сам он, говоря о Бриссо, друге чернокожих, именовал его „негодяем, укравшим мою популярность“. Признаюсь, я не понимаю этого удивления. Барнав отнюдь не был идеалистом. Это был совершенно определенный реалист. Если припомнить его рассуждения о причинах Революции, которые я уже приводил ранее, то ясно, что для него она была следствием и политическим выражением роста экономического могущества буржуазии, триумфом движимого богатства.

Поэтому, с его точки зрения, все, что могло мешать могуществу буржуазии и капитализма, противоречило интересам Революции. Да, как демократ, он выступал против сил старого порядка, против феодального землевладения, против королевского и бюрократического произвола, против всего, что могло задерживать рост производства, но прежде всего он был буржуа, очень решительный и вполне сознательный. Чему же тут удивляться, что он был единомышлен с колониальным капитализмом? Что его дружба с Ламетом, приведшая его в отель Массиак, непосредственно способствовала занятию им в этом вопросе определенной позиции, это очевидно. Что ему было лестно играть активную роль в этом опасном споре и что его личное тщеславие находило удовлетворение в видимости „государственного человека“, это возможно. Но его общественно-политическая концепция исключала для него возможность занятия иной позиции в колониальном вопросе.

Более чем кто-либо иной он был рожден стать адвокатом буржуазии во время Революции. Впрочем, проект декрета, предложенный им от имени комитета, был составлен довольно ловко: он представлялся как бы компромиссом между основными интересами колонистов и принципами Революции. Декрет давал колонистам широкую автономию, защищая их от всяких нововведений в правовом статусе колоний, в то же время он устанавливал или создавал видимость равенства с точки зрения избирательных прав всех свободных людей, будь-то белые или мулаты.

Декрет от 8 марта 1790 г.

„Статья 1. Каждая колония имеет право объявить свои пожелания относительно Конституции, законодательства и управления при условии соблюдения ею общих принципов, связывающих колонии с метрополией и обеспечивающих сохранение их обоюдных интересов.

Статья 2. В колониях, где существуют Колониальные собрания, свободно избранные гражданами и признанные ими, этим Собраниям будет разрешено выражать пожелания колоний, в других колониях такие Собрания будут образованы немедленно.

Статья 3. По распоряжению короля каждой колонии будет направлена инструкция Национального собрания, содержащая: 1) порядок образования Колониальных собраний; 2) общие основы, коих эти Собрания должны будут придерживаться.

Статья 4. Проекты, подготовленные Колониальными собраниями, будут переданы Национальному собранию для рассмотрения и оформления в качестве декрета, после чего они будут представлены на утверждение королю.

Статья 5. Декреты Национального собрания об организации муниципалитетов и административных собраний будут направлены Колониальным собраниям с правом немедленного их проведения в жизнь или внесения поправок, но окончательное решение остается за Национальным собранием и королем, а для исполнения постановлений, принятых административными собраниями, необходима санкция губернатора.

Колониальные собрания выскажут свои пожелания относительно изменений, кои следует внести в запретительную систему, дабы по заслушании представителей национальной торговли Национальное собрание приняло свое решение.

В дополнение к изложенному выше Национальное собрание заявляет, что оно не намерено вносить нововведений в какую-либо область торговли, прямой или непрямой, между Францией и ее колониями; что оно ставит колонистов и их собственность под особую защиту нации; что оно объявляет преступником перед нацией всякого, кто занимается разжиганием восстаний против нее, и, положительно оценивая мотивы, вдохновляющие граждан упомянутых колоний, оно объявляет, что в отношении их нет оснований для какого-либо обвинения; оно ожидает от их патриотизма сохранения спокойствия и нерушимой верности нации, закону и королю.

Как мы видим, здесь налицо своеобразное равновесие между колониальной автономией и верховной властью метрополии. Кроме того, Собрание в стыдливой форме и избегая слова „раб“ утверждает рабство, поскольку оно гарантирует колонистам их собственность.

Зато инструкция от 23 марта предоставляла избирательные права мулатам, свободным цветным людям, равно как и черным, и на тех же условиях. Барнав надеялся посредством этого компромисса обеспечить основные интересы колонистов. Но они были неумолимы в своей надменности. Они не хотели примириться с политическим равенством цветных. Их депутаты выразили Собранию *глубочайшее недовольство, а в самих колониях олигархия белых собственников организовала сопротивление*. Она воспользовалась тем, что Декрет обходил молчанием вопрос об избирательных правах, инструкцию же, прибывшую с опозданием, она оставила без внимания и, в общем, попыталась создать почти автономное управление, самое эгоистическое, какое только можно вообразить.

ВОЛНЕНИЯ НА ОСТРОВАХ

Особенно ретроградным было движение на Мартинике. Значительная часть землевладельцев принадлежала к аристократии, и, подобно запутавшимся в долгах немцам аграриям, разоблачавшим буржуазию, то есть своего кредитора, они были должниками богатых буржуа и капиталистов города Сен-Пьер. В порыве бешеного эгоизма они не только возмутились против решения Собрания, но и выступили против Сен-Пьера; и — неслыханное дело! — эти люди, отвергавшие декрет Собрания, поскольку он предоставлял право голоса мулатам, не побоялись вооружить своих черных рабов против капиталистической буржуазии Сен-Пьера.

И черные рабы, которым их хозяева обещали часть богатой буржуазной добычи, пошли под знамена этих озверевших аграриев. Лишь с трудом удалось восстановить спокойствие. Сила собственнического эгоизма и расовой спеси увлекла колонистов срединных областей острова до такой степени, что они вступили в борьбу как против Национального собрания, так и против буржуазии порта. Так, слабость Национального собрания, медлительность и неопределенность его декретов способствовали в самих колониях реакционному движению аграриев, очень близкому к контрреволюции.

В Сан-Доминго колониальное Собрание в Сен-Марке тоже провозгласило почти автономию колоний. „Право принимать решения, касающиеся внутреннего устройства колонии, — заявило оно в проекте конституции, — принадлежит по существу и безоговорочно Сан-Доминго, и даже само Национальное собрание не может нарушить этого права, не подрывая принципов Декларации прав человека. Следовательно, законодательные постановления Колониального собрания, принятые большинством в две трети голосов, могут быть представлены только на утверждение короля. Что до решений Национального собрания, касающихся отношений

между метрополией и колонией, то колония должна обладать правом вето“.

Посредством такой автономии Сен-Маркское собрание надеялось обеспечить эффективную защиту интересов белых колонистов, но оно старалось придать этому чудовищному эгоизму революционную окраску. Именно под предлогом свержения ига старого порядка оно оспаривало власть губернатора и самой Франции. Если на Мартинике Колониальное собрание состояло главным образом из собственников-аристократов, выступавших одновременно и против Национального собрания, и против капиталистической буржуазии, то на Сан-Доминго Сен-Маркское собрание представляло совокупность буржуазных собственников острова, как землевладельцев, так и капиталистов.

И тогда против этого Собрания поднялись землевладельцы-аристократы и контрреволюционеры северной части острова. Поразительная анархия, ясно доказывающая, что если классовые интересы и являются главной движущей пружиной событий, то действие их отличается не той механической простотой, к которой ее слишком часто хотели свести. По существу, землевладельцы-аристократы Сан-Доминго были, так же как и буржуазные землевладельцы и капиталисты этого острова, заинтересованы в том, чтобы лишить мулатов политических прав и воспрепятствовать освобождению рабов. На этот счет существовала полная гармония между белыми революционными колонистами Сен-Маркского собрания и белыми землевладельцами-аристократами северной части острова.

Но последние не хотели предоставить революционной буржуазии руководство движением, и вспыхнувшая во Франции борьба между революционерами и аристократами получила свой отголосок на острове, несмотря на особые узы, которые объединили всех белых колонистов вследствие их единодушной оппозиции возвышению цветных. Итак, землевладельцы-аристократы восстали против Сен-Маркского собрания и подобно аристократам Мартиники привели в движение мулатов и чернокожих рабов. Их презрение к своим рабам было таково, что они сочли возможным вооружить их. В этой смуте и анархии гибли колонии.

В марте Собранию казалось, что лояло скомбинированный декрет Барнава позволит уладить конфликт. Оно надеялось, что, получив гарантию сохранения рабства и широкую автономию, колонисты в свою очередь согласятся на предоставление политического равенства свободным цветным. Оно устроило великолепную овацию молодому оратору, оно не захотело слушать возражений Петiona и Мирабо. Затем, точно радуясь избавлению от мучительного кошмара, оно совершенно не контролировало, насколько лояльно проводилась в жизнь его политика. Циркуляр, изданный Собранием в порядке истолкования декрета, хотя и предоставлял право избирать и быть избранным „всем свободным

лицам" на определенных условиях, однако не уточнял, что это распространяется и на мулатов, с той категоричностью и ясностью, которые исключают возможность недобросовестных истолкований.

Далее, Собрание не установило должного наблюдения за мятежными происксами депутатов-колонистов, побуждавших колонии к сопротивлению. Что касается Барнава, он оказался в очень трудном положении. Он не мог отречься от Декларации прав человека до такой степени, чтобы отрицать права свободных цветных. И он предоставил право избирать и быть избранным мулатам, но его друзья из отеля Массиак не содействовали честно принятию этого компромисса.

Они взяли из декрета относительную автономию и еще расширили ее, они взяли гарантию сохранения рабства, но отвергли и рассматривали как не имеющее никакой законной силы все, касающееся прав мулатов.

В колониях вспыхнули раздоры. Для Барнава настал решительный момент. Будь он подлинно государственным человеком, он заставил бы своих друзей из отеля Массиак принять необходимый компромисс или же резко выступил против них. Он потребовал бы неукоснительного исполнения мартовского декрета во всех его частях и пригрозил бы в случае их отказа признать избирательные права для мулатов выступить за освобождение рабов. Вместо этого он, вероятно, лишь наедине оплакивал их упрямство и тупоумие, но не сумел освободиться от них и, после того как он сыграл в колониальном вопросе роль защитника интересов революционной буржуазии, опустился до положения прислужника клики, оголтелой и неумной.

В октябре 1790 г. Барнав, очевидно, уже думал только о восстановлении некоего колониального status quo ante: сломить всемогущество Колониальных собраний, не довольствующихся относительной автономией и мнящих себя правительством, но зато отказаться от предоставления избирательных прав цветным.

Национальное собрание, напуганное событиями на Сан-Доминго, тоже, по-видимому, растерялось. 12 октября оно приняло декрет, которым мятежное собрание Сан-Доминго объявлялось распущенным, но при этом оно не заявило о своей решимости сохранить политические права цветных¹. Это было торжество отвратительно эгоистической олигархии белых. Преступная победа! Но и непрочная победа!

Итак, покинутые и даже преданные Учредительным собранием, мулаты стали подумывать о вооруженной борьбе. Разве сами белые не подали им пример своими распрями между аристократами и революционерами? Больше того, разве не они их вооружили? Умный и мужественный мулат Оже, бывший в Париже свидетелем всех прений, всех интриг, в которых дело его братьев в конечном счете потерпело поражение, сел на корабль, несмотря

на все меры, принятые клубом „Массиак“, несмотря на данные судовладельцам категорические приказания, и, прибыв на Сан-Доминго, немедленно принялся за объединение и организацию тысяч мулатов, которых он повел в бой. Когда он потерпел поражение, он был приговорен к смертной казни и подвергнут колесованию².

Но этот героический эпизод взволновал сердца и смутил сознание людей. К тому же волнения в колониях продолжались, и Колониальные собрания восставали не только против декрета от 12 октября, разбившего их всевластие, но и против мартовских декретов, приобщавших цветных к политической власти. Таким образом, мягкотелость и тактика уступок не пошли на пользу Учредительному собранию. Оно не смогло добиться мира, даже принеся в жертву законность, даже отрекшись от своих мартовских декретов, хотя и очень робких, и этот свирепствовавший вдали беспорядок беспокоил, неотступно преследовал Собрание. Оно испытывало также какие-то неясные угрызения совести. Друзья черных использовали это смятение, чтобы возвысить голос, они стали более твердо и решительно ссылаться на Декларацию прав человека, и Учредительное собрание не знало, что им ответить. Конечно, совершавшаяся революция имела своим пределом основные интересы буржуазии. Но она была совершенна во имя человечества. Буржуазия не была неким захватническим племенем, расположившимся на завоеванной земле и ничего не признающим, кроме своей силы. Она развилась еще в лоне старого общества, она смогла вырасти и достигнуть самосознания только благодаря мысли, и эта мысль в великолепном взлете овладела всем миром. Можно ли было после этого принести цветного в жертву ненавистническим принципам и узким интересам группы собственников?

Друзья чернокожих почувствовали нерешительность Учредительного собрания и внесли петицию, в которой потребовали не только политического равенства для свободных цветных, но и проведения совокупности мер, направленных на отмену рабства. Учредительное собрание, которое безрассудный деспотизм клуба „Массиак“ заставил уклониться от первого обязательства, принятого им на себя по отношению к мулатам, не только поставило тем самым под угрозу мир, но и вновь оказалось перед лицом грозной проблемы рабства, которую оно от себя отстраняло. Черный призрак рабства и позора вырастал на горизонте как будто для того, чтобы пристыдить легкомысленный и жестокий народ, который, сохраняя рабство, притязает на свободу. Поэтому в мае 1791 г. этот вопрос вновь встал перед Собранием, и на сей раз, несмотря на уловки Барнава, изменившего своему собствен-

1. „Moniteur“, t. VI, p. 107.

2. Оже (1750—1790) — мулат, был послан в 1789 г. во Францию, что-

бы потребовать предоставления политических прав цветным.

ному декрету от марта 1790 г.¹, оно, казалось, склонялось ясно признать права свободных цветных. Но сколько при этом принималось предосторожностей, дабы отделить их дело от дела рабов!

ДЕКРЕТ ОТ 15 МАЯ 1791 г.

Реймон, делегат мулатов, которому разрешили выступить перед Учредительным собранием для защиты интересов своих братьев, старался успокоить Собрание и дошел до того, что предложил ему содействие мулатов в борьбе с черными рабами. „Не они ли, свободные черные, образуют ныне во всех приходах те отряды милиции, которые держат рабов в повиновении и преследуют беглецов? — восклицал он. — Как можно думать, что их возведение в достоинство граждан вызовет восстание рабов? Что это явится следствием соглашения или жажды подражания? *Возможно ли, с одной стороны, считать мулатов, владеющих четвертой частью всех рабов и третьей частью земель, столь безумными, чтобы подвергнуть риску, в некоем чудовищном союзе, свое богатство, свою жизнь и недавно приобретенное звание гражданина?* С другой стороны, кому не известно, что идея активного гражданина непонятна рабам и что, если бы они собирались восстать, они сделали бы это сразу же после первого освобождения одного из них? Наконец, разве не очевидно, что единственное средство против возможной угрозы со стороны англичан заключается в объединении обоих классов путем их уравниения?“

Когда он говорит „оба класса“, он имеет в виду две части одного и того же класса, класса собственников и рабовладельцев, независимо от светлого или темного цвета кожи. Реймон решительно ставит классовое родство или антагонизм выше расового родства или антагонизма.

Он говорил, обращаясь к белым собственникам: „Что из того, что вы белые? Что из того, что мы мулаты? Мы и вы — собственники. И мы и вы владеем землями, владеем рабами, стало быть, мы естественные союзники“. Увы, как грустно видеть мулатов, отрекающихся от негров и выражающих готовность, если понадобится, истреблять их! Но когда созерцаешь мир в движении, надлежит смирять порывы чувствительности и укору совести. Путь прогресса, сурового прогресса, складывается из чистых и ясных утверждений идеи, но также и из узких эгоистических расчетов, из не доведенных до конца интуитивных движений робкого и ограниченного ума.

Чтобы решиться на какие-то большие дела, изменяющие облик мира, людям малодушным нужно, чтобы от них скрыли по крайней мере часть последствий их дел. И когда мулат Реймон отбрасывал далеко от себя рабов, он, пожалуй, лучше служил делу их освобождения, чем если бы во весь голос признал их и солидаризировался бы с ними.

Так привыкли действовать люди; они идут к большому свету с полузакрытыми глазами, изживая постепенно свои страхи и предрассудки на извилистых дорожках, которые в конце концов приводят их к цели. Все ораторы последовали тактике Реймона, чтобы добиться голосования в пользу мулатов, даже тот, кого Марат уже тогда называл „неподкупным“, Робеспьер². В пламенной речи он заклеил угрозу колонистов — пойти на разрыв с метрополией, если все их притязания не будут удовлетворены.

„Я спрашиваю, совместимо ли с достоинством законодателей вступать в такого рода компромиссы с корыстолюбием, спесью и жадностью определенного класса граждан? (*Аплодисменты.*) Я спрашиваю, политично ли принимать решения под угрозой некоей партии, чтобы сделать предметом торга права людей, правосудие и человечность?“ Это был, несомненно, гордый и одушевленный благородным идеализмом язык, но и сам Робеспьер слабел перед проблемой рабства: „Но, возражает партия белых, дать цветным политические права — это значит умалить уважение рабов к их хозяевам! Возражение нелепое, ибо мулаты тоже владельцы рабов, и обращаться с ними так же, как с рабами, — значит показать им, что у них почти общие интересы“. Итак, и Робеспьер, подходя к рассуждению Реймона с другого конца, тоже намекает, что будет ловко и политично разделить рабов и мулатов, относясь к ним по-разному.

На следующий день Моро де Сен-Мери, депутат колоний, предложил в ходе прений заменить в тексте закона слова „несвободные лица“ словом „рабы“³. Очевидно, он хотел добиться грубого и буквального признания рабства. Робеспьер с негодованием воскликнул: „В тот момент, когда в каком-либо из ваших декретов вы произнесете слово „раб“, вы объявите о своем собственном бесчестье“. Но в этом негодовании была известная доля фарисейства, поскольку под словами „несвободные лица“ в действительности утверждалось рабство. В то время и в тех прениях Робеспьер не осмеливался идти дальше. И резолюция, принятая Собранием, недвусмысленно заверила колонистов, что рабство не будет уничтожено, и столь же недвусмысленно предоставила свободным цветным избирательные права. Эта резолюция, предложенная Рёбелем и принятая Собранием, была составлена в следующих выраже-

1. „Moniteur“, t. VIII, p. 371, заседание 11 мая 1791 г.

2. Реймон выступил 14 мая 1791 г. Робеспьер говорил о положении цветных 12 и 13 мая („Discours“, t. VII, p. 346, 361). Он выступил еще раз по этому вопросу 15 мая (Ibid., p. 368).

3. „Moniteur“, t. VIII, p. 400, заседание 14 мая 1791 г. Моро де Сен-Мери (1750—1819) — адвокат при Парижском парламенте, член Верховного суда Сан-Доминго, депутат Учредительного собрания от Мартиники.

ниях¹: „Национальное собрание декретирует, что Законодательный корпус никогда не будет обсуждать вопрос о политическом статусе цветных людей, *которые родились не от свободных отца и матери*, без предварительного, свободного и добровольного волеизъявления колоний; что ныне существующие Колониальные собрания будут сохранены, но что цветные люди, рожденные от свободных отца и матери, будут допущены к участию во всех будущих приходских и Колониальных собраниях, если в остальном они удовлетворяют всем требуемым условиям“². Итак, не только сохранялось рабство, но и дети от матери-рабыни и свободного отца, даже будучи сами свободными, не получали сразу политических прав.

Декрет Собрания создал среди цветного населения колоний три категории: рабов, которые оставались рабами; освобожденных, рожденных от матери-рабыни и свободного отца, чьи политические права зависели от усмотрения Колониальных собраний, и, наконец, свободных людей, рожденных от свободных матери и отца, которые по праву были приравнены к белым в отношении политических прав. Сколь несовершенно ни было это решение, демократы, друзья чернокожих, приветствовали его, как первую победу. В самом деле, это было какое-то первое политическое освобождение цветных, за ним последует социальное освобождение всей расы.

Сам Марат высказал по поводу декрета лишь умеренное недовольство; отметим, сколь осторожно касается он вопроса о рабстве, и добавим, с какой прозорливой мудростью³: „Этот декрет, — писал он, — столь оскорбительный для чувства гуманности, *но все же гораздо менее оскорбительный, нежели он был бы*, если бы не боялись, что наши богатейшие колонисты эмигрируют [он имеет в виду, я полагаю, богатых собственников-мулатов], и если бы не страх, который вызвали события в Авиньоне у контрреволюционеров, руководящих Сенатом*, не даст ни одного из тех результатов, на которые рассчитывает законодатель“.

Вместо того чтобы примирить тяжущиеся стороны, он вызвал недовольство как той, так и другой. Депутаты белых в припадке бешенства уже покинули Национальное собрание с твердым намерением не возвращаться туда. А вскоре цветные, рожденные от родителей-рабов, и сами чернокожие, осознавшие свои права, во весь голос потребуют их признания и возьмутся за оружие, чтобы обеспечить себе эти права, если их будут оспаривать.

Это породит все ужасы гражданской войны, неизбежное следствие ошибочных мер, принятых отцами-сенаторами**. Долг настоятельно требовал от них не отступать от правил справедливости и гуманности, а *благоразумие подсказывало им, что необходимо постепенно подготовить переход от рабства к свободе*. Поэтому прежде всего они должны были позаботиться о том, чтобы передать белым колонистам и мулатам наилучшие сочинения,

направленные против рабства, и смягчить жестокую судьбу обреченных на него несчастных людей. Затем они должны были бы позаботиться о том, чтобы дать им образование, и распорядиться освобождать каждый год некоторое количество рабов, и этот акт справедливости должен был бы явиться наградой тем, кто наиболее старался его заслужить. Наконец, если бы они сочли надлежащим предоставить какое-то возмещение владельцу этих несчастных, этого рабочего скота в новом мире, они могли бы сделать это путем освобождения на определенный срок от некоторых налогов или путем уплаты некой суммы за каждого освобождаемого“.

Я думаю, что Марат*** был неправ в своих мрачных прогнозах относительно последствий декрета; и если события как будто подтверждают его правоту, то к этому привели совсем другие пути, чем те, которые он предвидел. Так часто бывает с предсказаниями „пророка“. Если в колониях создалось почти отчаянное положение, то причиной тому был не декрет, как он утверждал, а, наоборот, невыполнение декрета. Причина в жалкой слабости Учредительного собрания, которое и на сей раз отступило перед упорным эгоизмом колонистов, став наполовину их сообщником, и допустило уклонение от своего декрета... Если бы колонисты приняли декрет и провели его в жизнь, можно быть уверенным, что довольно устойчивое равновесие воцарилось бы на острове.

СОПРОТИВЛЕНИЕ КОЛОНИСТОВ

Но они подстрекали Комитет колоний (то, что на нынешнем парламентском языке мы называем комиссией) парализовать действие декрета Собрания. Ларошфуко говорил: „Мы были назна-

1. „Moniteur“, t. VIII, p. 402, заседание 15 мая 1791 г. Рёбель (1747—1807) — адвокат при Верховном суде Эльзаса, депутат третьего сословия от дистриктов Кольмар и Селеста, будущий член Конвента, Исполнительной дирекции (IV—VIII гг.).

2. Декрет от 15 мая 1791 г., уточнявший политический статус свободных цветных жителей колоний. „Moniteur“, t. VIII, p. 404.

3. Об отношении Марата к рабству и его позиции в этом вопросе см.: J. Massin. Marat. Paris, 1960, p. 168.

* Патриоты Авиньона, бывшего папским владением, высказались за присоединение к Франции, ко-

торое было провозглашено Законодательным собранием 14 сентября 1791 г. Тогда контрреволюционеры устроили резню сторонников присоединения. Однако через несколько дней демократические элементы Авиньона восторжествовали и присоединение было утверждено. — *Прим. ред.*

** Так называли членов Сената в Древнем Риме (patres conscripti), это выражение часто прописно применяется Маратом к членам Учредительного собрания. — *Прим. перев.*

*** См.: Жан-Поль Марат. Избранные произведения в трех томах. Т. II, М., 1956.

чены для проведения в жизнь декрета от 15 мая. Я участвовал в трех заседаниях комитета: там речь шла только об его отмене¹. Впервые в жизни Национального собрания и, стало быть, в „парламентской“ жизни Франции мы наблюдаем такое упорное сопротивление, такую скрытую работу корыстных интересов. До тех пор Учредительное собрание сталкивалось только с интересами старого порядка. Они защищались то силою, как на заседании 23 июня, то попытками государственного переворота, как 14 июля, но им не хватало последовательности и скрытого упорства. Дворяне, наглые и легкомысленные, верили в близкий реванш и уходили с арены борьбы с высокомерным видом. Но на сей раз защищали свои интересы собственники-буржуа, капиталисты, гордые тем, что длительное время занимали господствующее положение. И Революция, переживая внутренний разлад, раздираемая между Декларацией прав человека и могуществом буржуазных интересов, ее породивших, оказалась слабо вооруженной против этой олигархии собственников.

Комиссары, которые должны были направиться в колонии, чтобы доставить туда декрет от 15 мая, не уезжали. Депутаты и заправили из отеля Массиак вновь сеяли волнения, дабы в своих возражениях против декрета ссылаться на эти волнения, ими же вызванные. Барнав, отдавшийся на волю течения, стал сообщником этих козней. Он потребовал, чтобы майский декрет был опять поставлен на обсуждение. И в тот самый день, когда Учредительное собрание должно было разойтись, оно взяло обратно свой декрет. Цветных принесли в жертву, и алчная спесь колониальной буржуазии как бы наложила последнюю печать на работу Учредительного собрания.

Возмездие последовало немедленно. Рабов могло удержать только соглашение между всеми свободными людьми, белыми и мулатами. Ободренные их раздорами, рабы восстали¹, и Собрание прежде, чем разойтись, смогло услышать первые раскаты грозного восстания черных рабов.

Колониальная буржуазия оказала также пагубное и подлинно разлагающее влияние на моральный дух Собрания. Именно в этом колониальном вопросе Учредительное собрание, призванное сделать выбор между правами человека и узким эгоизмом буржуазной группы, сделало выбор в пользу узкого эгоизма. Или, вернее, призванное сделать выбор между широким, здоровым и смелым истолкованием интересов самой буржуазии и отвратительным и жестоким их истолкованием, оно отдало предпочтение последнему. И она прибегала при этом к сомнительным средствам и окольным путям. Правда, и до этого Революция проявляла свою буржуазную сущность. В частности, она приняла меры предосторожности против „плебса“, отстранив бедных от участия в выборах, но она сделала это по крайней мере совершенно открыто, ясно, решительно, во имя революционных интересов, как

буржуазия их понимала. Здесь было налицо игнорирование прав народа, проявление духа буржуазной аристократии, духа привилегии. Но это делалось по крайней мере без темных торгашеских комбинаций, без подозрительных сделок. В колониальном же вопросе Собрание, наоборот, сначала провозглашает право, часть права, затем позволяет разорвать это провозглашение в клочки, позволяет уничтожить это право скрытым и всеильным интригам собственников, надменных и жадных, бесстыдных и хитрых. До тех пор Революция была буржуазной, но честной. В колониальном вопросе она впервые как бы проявила предвкусение цензового режима, орлеанистской коррупции, капиталистической и финансовой олигархии. Это первое пятно на революционной совести не останется без последствий для общего поведения партий.

Можно с уверенностью сказать, что, не пойдя Барнав и вся его партия на эти компромиссы в колониальном вопросе, общее поведение Собрания после бегства короля в Варенн было бы другим. Но как не простить королю его уловки, если сам прибегаешь к уловкам? А главное, как можно не видеть в нем ту охранительную силу, в которой так нуждались интересы колониальных собственников? В 1790 г. Мирабо предлагал королю быть королем Революции; в конце 1791 г. Барнав уже просил его только стать королем самой узкоэгоистической буржуазии². И ради этой буржуазии надо было во что бы то ни стало сохранить короля. Таким образом, в ходе 1791 г. Революция, которая была сначала в целом буржуазной и человеческой, опустилась в том, что касается части Собрания и страны, до роли орудия самой алчной буржуазной олигархии.

1. Рабы восстали в Сан-Доминго в конце августа 1791 г., в районе Каа.

2. См. в этой связи пылкую речь, которую произнес Барнав после бегства короля, 15 июля 1791 г.: „Будем кончать Революцию или начнем ее сначала?.. Еще один

шаг вперед был бы гибельным и преступным, еще один шаг по пути свободы означал бы низвержение королевской власти, а по пути равенства — уничтожение собственности“. „Moniteur“, t. IX, p. 143.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Но зато, быть может, наблюдается рост пролетариата, пробуждение сознания у рабочих? Столь непоследовательная и отвратительная политика Учредительного собрания в отношении колоний не могла, однако, непосредственно взволновать пролетариев Франции. Правда, позднее, когда вследствие затянувшихся беспорядков в колониях вздорожал сахар, полемисты заклеили Барнава и его друзей, как виновников этого вздорожания. Но это обстоятельство большого значения не имело. В общем, народные массы города и деревни еще были увлечены широким и мощным течением буржуазной Революции. Почти вся Франция была взволнована праздником Федерации, даже и та, которая не была представлена официально.

Хотя декреты марта 1790 г., отменившие без выкупа лишь те феодальные повинности, которые были связаны с личной зависимостью, но предусматривавшие выкуп всех действительно обременительных повинностей, разочаровали крестьян-собственников, не следует, однако, забывать, что в 1791 г. особенно широко развернулись операции по продаже церковных имуществ. Велик был энтузиазм в деревне, и мы видели, как активно сельские демократические слои принимали участие в покупках. Между тем проблема феодальных повинностей осталась нерешенной, и вскоре она встанет во весь рост перед Революцией.

МАРАТ И РАБОЧИЕ

Что касается рабочих, то Марат на протяжении всего 1791 г. тщетно пытается создать у них сколько-нибудь острое классовое сознание, политическое и социальное. Это ему не удается, и он

отчаивается. Меж тем в среде пролетариата совершалась большая внутренняя работа, и уже начинают выявляться серьезнейшие вопросы, которым предстоит долгое время быть объектом борьбы между буржуазией и рабочим классом. В сущности, Марат видел в пролетариате главным образом политическую силу, силу, необходимую Революции. Он видел, что Революции со всех сторон грозят опасности. Он был твердо убежден в том, что король ее предает. Он знал, что буржуазия в страхе перед новыми волнениями единодушно склонялась к тому, чтобы верить в лояльность короля. И он относился с доверием только к пролетариям. По правде говоря, воодушевляя их на борьбу, он не имел в виду ни новую революцию, ни революцию в отношениях собственности. Он побуждал их главным образом к защите Революции, будучи убежден в том, что, когда они спасут Революцию, и притом спасут ее одни, они сумеют в той или иной форме извлечь для себя преимущества из этой победы.

Именно исходя из этого, он и обращается с призывом к рабочим, к беднякам. Он хотел бы, чтобы они образовали свою народную федерацию, вместо того чтобы раствориться 14 июля 1790 г. в федерации отрядов буржуазной национальной гвардии. В своей газете в номере от 10 апреля 1791 г. он пишет: „Вместо того чтобы создать ту федерацию, которую я вам предложил, федерацию, объединяющую исключительно друзей свободы, дабы помогать друг другу, дабы ринуться на врагов Революции, предать казни заговорщиков, покарать мятежных, совершающих злоупотребления чиновников и подавить ваших угнетателей, вы спокойно перенесли, что ваши делегаты вас обманули и извратили эту братскую ассоциацию, исказив ее принцип, что они повернули ее против вас, превратив ее в военную ассоциацию, в которую они ввели многочисленные легионы ваших врагов“. Таким образом, в то время когда граждане говорили о всеобщей федерации и слиянии, Марат хотел, чтобы народ образовал отдельный лагерь, как бы отдельную нацию...

8 мая 1791 г. он облекает свою мысль в очень ясную форму: „Неужто надо будет постоянно повторять: не полагайтесь на добрые намерения государственных должностных лиц (избранных активными гражданами); они всегда будут агентами деспотизма, тем более опасными, что их великое множество. *Не полагайтесь также на богатых, живущих в роскоши людей, на людей, воспитанных в изнеженности и удовольствиях, жадных, любящих только золото: из старых рабов не создашь свободных граждан. Стало быть, только земледельцы, мелкие торговцы, ремесленники и рабочие, чернорабочие и пролетарии, как их называют наглые богачи, только они могут образовать свободный народ, которому не терпится сбросить и разбить ярмо угнетения. Но этот народ необразован, и даже нет ничего труднее, как просветить его; это тоже невозможно ныне, когда тысячи мерзких перьев заняты*

только тем, чтобы сбить его с пути, дабы обратно заковать в оковы“.

Итак, Марат мечтает о том, чтобы противопоставить парламентам, аристократам, борющимся против Революции, или богатым буржуа, которые, по его мнению, подвергают ее опасности и предадут ее, народный класс, состоящий из пролетариата и мелкой буржуазии, и он как будто даже представляет себе народ, состоящий только из этих элементов. Насколько, однако, смутны его идеи в социальной области! Ведь если Марат устраивает владельцев крупных мануфактур, крупных купцов и руководителей кредитных институтов, то кто же будет выполнять их экономические функции? Будь Марат коммунистом, он бы ответил, что эти функции будет выполнять коллектив. Но Марат вовсе не был коммунистом: у него не было даже никакого представления о коммунизме. Неужели он хочет вернуться вспять, к парцеллярному производству, к мелкой промышленности, к ограниченному, местному обмену? У него есть эта тенденция, но он не осмеливается ясно сказать об этом. Таким образом, у него нет твердой экономической базы, он не может предложить народу, который он призывает, определенной концепции. Он ставит перед ним только политическую задачу, и поражаешься контрасту между остротой классового инстинкта Марата и бессилием его мышления. Рядом с Маратом Бабёф представляется гениальным и великим! А ведь и у него — только первые зачатки пролетарского сознания.

Впрочем, Марат признает, что если он призывает народный класс спасти Революцию, то потому, что нельзя было с этим призывом обратиться к состоятельной буржуазии, более для этой роли предназначенной. 15 августа 1791 г. он пишет *:

„Судейские, духовенство и финансисты должны были бы понять, что, поскольку общественное мнение настроено против них, поскольку их поражение отвечает видам правительства, им ничего не остается, как стать на сторону народа и против двора. Но вместо того чтобы принять это решение, которое повелительно диктовало им благоразумие и их собственные интересы, они прислушались лишь к голосу злобы, тщеславия и жадности, и ныне они в пемилости у всех. Ибо, какой бы оборот ни приняли общественные дела, если монархическая клика победит, парламентам, прелатам и финансистам никогда не удастся всплыть на поверхность, тогда как они возглавили бы новое правление, если бы победило дело свободы и если бы они честно к нему прижкнули“.

Итак, Марат был очень далек от понимания восходящего движения народного класса как естественного следствия Революции; наоборот, в его шатких размышлениях ему представлялось, что только от судейской и финансовой буржуазии, опиравшейся на поддержку искренне „конституционного“ духовенства, зависело взять на себя руководство революционным обществом. Можно подумать, что он только потому зовет на помощь пролетариев, что пришел в отчаяние, видя, как нормальное развитие Революции

нарушается из-за глупости умеренной буржуазии в еще большей мере, чем из-за ее эгоизма.

Однако он вполне реально отдаст себе отчет в том, что, призвая таким образом пролетариев сыграть в борьбе против двора роль, которой пренебрегла, по его мнению, буржуазия, он должен предложить народному классу какие-то немедленные преимущества. И Марат пытается разработать какую-то социальную политику. Но концепции Марата в этой области, увы, пусты, а порой и реакционны! Они не лишены, однако, интереса, ибо это первый опыт, пусть бессильный и смутный, какой-то рабочей политики.

В течение 1791 г. Марат предложил провести в пользу трудящихся следующие четыре главные реформы:

1. Реорганизация ученичества и учреждение системы субсидий самым способным рабочим, дабы они могли стать мастерами.

2. Роспуск общественных мастерских и их замена крупными частными предприятиями, в которых рабочие были бы заняты в более нормальных условиях.

3. Создание рабочих производственных кооперативов, обеспечивающих их членам пожизненную ренту.

4. Объединение сельских парцелл в однородные хозяйства и вместе с тем разделение крупных ферм на мелкие.

МАРАТ И КОРПОРАЦИИ

Когда в марте 1791 г. Учредительное собрание упразднило цеховую регламентацию и провозгласило полную свободу труда, оговорив лишь уплату торгово-промышленного налога, Марат не понял, что полное упразднение уже и до того подорванной корпоративной системы даст новый импульс развитию капиталистического и буржуазного производства и крупной мануфактуры. Он не понял, что в экономической области это был необходимый период развития, и предпринимал усилия, довольно ретроградные, пытаясь сохранить все, что еще возможно было спасти от корпоративной системы.

16 мая он писал: „Когда каждый рабочий сможет работать на себя, он не захочет работать на других; тогда не будет больше никаких мастерских, никаких мануфактур, никакой торговли.“

Первый результат этих бессмысленных декретов заключается в обеднении государства вследствие упадка мануфактур и торговли. Второй результат состоит в разорении потребителей из-за вечных расходов и в гибели самих промыслов. Если в условиях, у которых слава не является движущей силой, жажда богатства освободить от стремления упрочить свою репутацию, то прощай честность; вскоре всякое ремесло, всякая торговля вырождается

* См.: Жан-Поль Марат. Указ. соч., т. II, III.

в интриги и жульничество. Так как все тогда сведется к стремлению поскорее сбыть свои изделия и свои товары, то достаточно будет придать им чуть-чуть привлекательный вид и продавать их по дешевой цене, не заботясь о прочности и добротной работе. Стало быть, все изделия промыслов должны вскоре выродиться в халтуру. И так как они тогда не будут обладать ни качеством, ни прочностью, они будут разорять бедного потребителя, вынужденного ими пользоваться, а состоятельный потребитель будет покупать то, что ему нужно, за границей. Проследите бесконечное развитие жадности наживы, терзающей все классы народа в больших городах, и вы убедитесь в этой печальной истине.

Когда каждый сможет обзавестись собственным делом, не будучи обязанным явить доказательства своих способностей, с этого момента не будет никакого последовательного ученичества. Как только ученик научится кое-как делать какую-то работу, он будет стараться извлечь выгоду из своего ремесла и будет думать лишь о том, чтобы основать свое дело, и всячески угодничать с целью найти заказчиков и покупателей.

Поскольку никто не будет думать об изготовлении отличных изделий для упрочения своей репутации и своего состояния, а лишь о том, чтобы соблазнить внешним видом, все изделия будут делаться наспех, кое-как. Опозорившись в одном районе, рабочий отправится в другой, и часто он закончит свое поприще, не успев обойти всех районов большого города, да и достигнет лишь одного — надует покупателей и обманет сам себя. В столицах будет особенно ощущаться этот упадок полезных искусств, это исчезновение честности, это бродяжничество и ловкачество рабочих, бедность во всех профессиях и общественная нищета, вызванная разорением торговли. Может быть, я заблуждаюсь, но я не удивлюсь, если через 20 лет в Париже нельзя будет найти ни одного рабочего, который сумел бы сделать шляпу или пару башмаков.

Упадок промыслов будет ускорен оттого, что каждый будет волен совмещать различные ремесла и профессии. И пусть не говорят нам, что соревнование, сопутствующее свободе, будет содействовать их расцвету; опыт убедительно доказал обратное. Посмотрите на те кварталы Парижа, где не существовало ограничений свободы труда: те рабочие, которые заботились только о том, чтобы привлечь клиентов дешевизной, не делали подлинно законченных изделий. Что же будет, когда эта система распространится на всех рабочих, когда мастера не смогут больше выдерживать конкуренцию и когда уже не будет больше оснований соревноваться в хорошей работе?

Только изящные искусства и производство предметов роскоши должны обладать полной свободой, ибо, поскольку все могут обходиться без их изделий, к их приобретению может побудить только доставляемое ими удовольствие... *Что касается полезных*

искусств и производства предметов первой необходимости, то здесь от ремесленника должно требовать доказательств его умения, ибо, раз никто не может обойтись без его изделий, хороших или дурных, общественный порядок требует, чтобы законодатель принял меры для пресечения обмана, извращения нравов и всегда следующих за этим бед.

Вместо того чтобы все испровергать, как это сделал невежественный конституционный комитет, надо было проконсультироваться с людьми сведущими в вопросах, которые ему не под силу, и заняться исключительно устранением злоупотреблений.

А между тем достаточно было бы упразднить все судебные функции цеховых советов, выборы, взимавшиеся при получении звания мастера, всякое право наложения ареста, оставив каждому признанному мастеру право подавать в суд на рабочих, совершивших нарушения. Чтобы ремесла процветали, надлежало установить для учеников обязательное строгое обучение в течение 6 или 7 лет. Чтобы рабочие не оставались всю жизнь в бедности, надлежало установить приличную плату за их труд и понуждать их к доброму поведению, предоставляя по истечении трех лет средства на самостоятельное обзаведение всем тем, кто отличился своим умением и благоразумием, с одной только оговоркой, что тот, кто не женится в первый год после получения звания мастера, обязан по истечении 10 лет вернуть в общественную кассу полученные от нее ссуды.

Награждать за таланты и хорошее поведение — единственное средство достигнуть процветания общества. Сама природа требует, чтобы просвещенные люди руководили невеждами, а честные люди — безнравственными людьми; стало быть, бездарные и дурного поведения рабочие никогда не должны бы становиться мастерами. Отсутствие способностей неизлечимо, но можно исправиться после грубой выходки. Итак, принято наказывать за нарушение правил доброго поведения; между тем достаточным наказанием за каждую такую выходку будет отсрочить на 6 месяцев предоставление ссуды на самостоятельное обзаведение“.

Какое странное смещение идей и как в нем преобладает реакционная тенденция! С одной стороны, Марат озабочен положением рабочих, он хочет обеспечить им всем некий минимум заработной платы, то, что он называет „приличной платой“, он хочет также дать возможность самостоятельного обзаведения при помощи средств государства всем тем рабочим, которые докажут свое мастерство и добропорядочность.

С другой стороны, он ставит рабочих под опеку, не позволяет им открыть свое дело тогда, когда они этого захотят, и подчиняет их своеобразной моральной цензуре, доходящей почти до установления обязательного брака. А главное, какое глубокое непонимание экономического развития, которое уже в течение полувека шло ускоренными темпами! Конечно, Марат смутно

предвидел неприятные последствия безграничной конкуренции, но он их сильно преувеличивал. Ибо неверно, что новая система производства уничтожает техническое мастерство рабочих, она только изменила его проявление. К тому же Марат, по-видимому, не представляет себе, какую революцию в благосостоянии людей повлечет за собою интенсивное производство дешевых изделий. Но его самая удивительная ошибка состоит в том, что он воображает, будто уничтожение цеховой системы (*des jurandes et des maîtrises*) приведет к гибели мануфактур. Ему кажется, что для самостоятельного обзаведения рабочих достаточно, чтобы они имели на это право.

Он не догадывался о том — а это, однако, уже было доказано Адамом Смитом и каждый день подтверждалось растущей системой мануфактур, — что разделение труда в больших мастерских было условием дешевого производства и что поэтому поиски средств дешевизны благоприятствовали развитию крупной промышленности. В уничтожении цеховых пут, которое вскоре должно было послужить сильнейшим импульсом для развития промышленного капитализма, увидеть только крайнее дробление промышленности и как будто упразднение наемного труда — это величайшая историческая бессмыслица. И никогда „пророк“ так жестоко не ошибался. Могла ли рабочая, пролетарская политика Марата обладать какой-то прочной основой, если он не предчувствовал неизбежного в ближайшее время роста пролетариата?

Он не только был далек от предвидения того, что режим неограниченной конкуренции превратит многих мелких хозяев, мелких независимых производителей в пролетариев, но воображал (и не без ужаса), что все пролетарии вскоре превратятся в мастеров, в хозяев.

МАРАТ ПРОТИВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ

Марат недолюбливал общественные мастерские, в которых муниципалитет давал работу безработным. Так как он ненавидел муниципалитет, назначавший начальников и надзирателей, то и вся система была в его глазах подозрительной. К тому же он утверждал, что рабочие, набранные таким образом во всех областях Франции, ничем друг с другом не связанные и лишённые общественного сознания, были послушным орудием в руках придворных интриганов. Он даже считал, что открыл 7 апреля 1791 г. большой заговор монархического клуба, в котором роль агентов-исполнителей была будто возложена на рабочих общественных мастерских. *„Их последний заговор, лишь недавно раскрытый, заключался в том, чтобы возбуждать народ против народа и истребить друзей свободы руками тех самых бедняков, которых они кор-*

мат. Этот гнусный заговор готовился основательно, не торопясь.

Министры и их агенты в провинциях издавна привлекали в столицу множество бедняков, отбросы армии и напиль всех городов королевства. Байи заполнил ими мастерские, откуда он изгнал граждан, которых Революция довела до нищеты и оставила без хлеба. Управление этими мастерскими он отдал в руки муниципальных должностных лиц, подобно ему продавшихся двору, а руководство работами доверил агентам старой полиции, которым было приказано привлечь на свою сторону всех рабочих и уволить тех, на кого нельзя положиться.

Среди рабочих шныряло множество шпииков, рассыпавших неустанно похвалы королю, королеве, Байи, де Мотье (Лафайету) и главным заговорщикам. Всякого друга свободы они изображали мятежником и брали на заметку тех, кто не поддавался на их обман. Чтобы лучше обработать их, множество лейб-гвардейцев не постыдились стать во главе мастерских и банд рабочих в качестве десятников, в то же время множество других людей выискивали ловких и предприимчивых людей, вовлекали их в заговор и вручали им крупные суммы для вербовки новых членов“.

Этот гнев Марата против общественных мастерских Парижа свидетельствует о том, что в то время его резкая кампания против Национального собрания, которое он обвинял в сговоре с двором, не достигала цели. Временами рабочий класс приходил в волнение: контрреволюционные заговоры, к которым Марат постоянно привлекал его внимание, внушали ему страх; рабочих трогали также те вопли искренней жалости, которые исторгала у Марата их нищета. И все же рабочий класс был еще далек от того, чтобы следовать за ним. Рабочий класс явно шел вместе с конституционными властями, и Марат в крайнем раздражении осыпал рабочих бранью, обвиняя их в том, что они либо обмануты, либо продались контрреволюции.

Эта статья от 7 апреля вызвала среди рабочих мастерских довольно сильное волнение. Это волнение нашло выражение в письме (быть может, частично составленном самим Маратом), опубликованном 10 апреля. „Другу народа... сколь несправедливо писали Вы недавно о несчастных, которых упадок торговли и ремесел обрек на работу в благотворительных мастерских! Нет, большинство из них вовсе не негодяи, это добрые, честные граждане. В их бедности повинна судьба, а не они, это следствие бедствий времени, безумных действий правительства, растрат двора, лихоимства агентов фиска и более всего разложения и продажности отцов-сенаторов [депутатов], обративших все свои отеческие заботы на то, чтобы завладеть имуществом бедняков и заплатить мнимым кредиторам государства... В Вашем 422-м номере, напечатанном, по-видимому, чересчур поспешно, как всякое произведение, которое автору не довелось перечитать на свежую голову, Вы как будто забыли, что Вы — друг, адвокат, защитник,

любимец народа... Я не стану говорить Вам, что бедняки имеют право на снисхождение, но замечу, что Вам надлежало бы проявить больше справедливости к классу людей, душа которых в несчастии открылась, которые могут гордиться своим унижением, ибо пицета не заставила их ни на единое мгновение сойти со столь узкой стези добродетели... Большинство рабочих — люди честные, очень честные, хотя коварные агенты муниципалитета, или, вернее, тюильрийского кабинета, пускают в ход все постыдные средства, чтобы их подкупить.

Наиболее просвещенные из рабочих выполняли вначале в этой маленькой республике функции мировых судей; они наказывали провинившихся и беспощадно изгоняли плутов и дурных патриотов. Такое благотворное правосудие не понравилось начальникам, и страх потерять тот скудный кусок хлеба, который они получали в этом приюте, вынудил этих народных судей отказаться от своих функций. Да, конечно, в благотворительных мастерских есть и предатели и заговорщики, продавшиеся врагам отчизны. Но это шпики и разбойники, которых туда устроил Байи, это администраторы и муниципальные должностные лица, составляющие красивые уставы, дабы изгнать добрых граждан, для блага которых эти мастерские были учреждены, и заменить их бывшими лейб-гвардейцами, бывшими дворянами, бывшими адвокатами, бывшими ворами, — одним словом, шпионами и наемными головорезами. Вот, друг наш, каких гнусных людей устраивает администрация в нарушение декретов, в нарушение собственных уставов с целью завлечь, соблазнить и развратить добрых граждан.

Некоторые секционные комитеты сеют дух мятежа, лишая французов единственного средства, оставшегося им в их отчаянном положении, и предоставляя его чужакам.

Вот имена некоторых шпииков, которых администрация осыпает золотом, всякими ласками и почестями в надежде, несомненно, что им удастся наконец осуществить свои вечные заговоры. Контролер общественных работ Монмартра, кавалер ордена св. Людовика и бывший полицейский шпиик. Далее некие Жеттан, Леруа, Виейль, Дежарден, Тома, Тентрелен, Вальер, Эмбран, старшие шпиики, именуемые контролерами, с жалованьем в 1800 ливров, не говоря о наградных за выявление и увольнение рабочих-патриотов и замену их головорезами. Это звание контролера — пустое слово, как Вы отлично понимаете, чтобы приукрасить гнусные функции этих негодяев и пить кровь бедняков, ибо комиссары секций бесплатно выполняют обязанности контролеров.

Через несколько дней я Вам доставлю список шпииков, десятников и начальников мастерских, всех, состоящих на верной службе у предательской администрации“.

И Марат, раздосадованный и в то же время польщенный, отвечал: „Если бы Вы потрудились внимательно прочитать мою газету, Вы бы увидели, что эпитеты, на которые Вы сетуете, относятся

лишь к шпиикам, головорезам и разбойникам, которых Мотье вызвал в Париж из провинции, а Байи устроил на работу в мастерские в ущерб честным гражданам. Как могли Вы вообразить, что я поношу этих несчастных, я, которого проклинали за то, что я встал на их защиту и отстаиваю их дело? Я никогда не считал, что все рабочие благотворительных мастерских подкуплены, но меня огорчало, что среди них столько негодяев, состоящих на жалование у предательской администрации, дабы, когда придет время, вырезать всех патриотов. Это как раз то, что и Вы сами утверждаете. Стало быть, мы с Вами согласны. Позвольте мне попросить Вас рассеять заблуждение Ваших товарищей, которые ошиблись подобно Вам, читая мою газету, а также попросить Вас дать мне список всех шпииков, стоящих во главе мастерских...“

Все эти споры и примирения с очевидностью говорят о том, что значительное большинство рабочих, занятых в мастерских, в то время сопротивлялись внушениям Марата. Столь же очевидно, что Марат надеялся увлечь их, возбуждая их против надзирателей, против начальников. Но Марат вовсе не хотел их мобилизовать на борьбу с буржуазией как классом, на борьбу с буржуазной собственностью, он хотел их направить исключительно против двора и муниципальной администрации, которую он ненавидел и обвинял в предательстве. Это была робкая и еще неизбежно противоречивая попытка проведения классовой политики.

Но всегда находятся дельцы, готовые использовать в своих целях любые страсти, любые идеи партий. В Париже в то время было много таких дельцов. Уничтожение старого феодального порядка и проведенная в огромных масштабах экспроприация церковной городской собственности сильно воодушевили авантюристов, искателей легкой наживы. Некоторые из них подумали, что Марат, поскольку он страстно ненавидит парижский муниципалитет, поскольку он столь опасается благотворительных мастерских, подчиненных этому муниципалитету, мог бы благоприятно отнестись к крупным частным предприятиям, которые могли бы занять рабочих и таким образом освободить их от влияния муниципалитета. Мы видим, как они пробуют использовать Марата в качестве крестного отца и покровителя их планов и как Марат, ослепленный своей ненавистью к Байи и академикам из ратуши, наивно поддается на обман. Он любезно помещает в своей газете 27 мая 1791 г. пространное письмо хитроумного капиталиста: „Другу народа.— Поверьте, наш дорогой друг, что почти все рабочие, занятые на общественных работах, добрые патриоты, тогда как их начальники — аристократы. Что касается последних, то я Вам ручаюсь, что это отъявленные негодяи, безнаказанно ворующие на виду у всех. Один из них — некий Мюлар, закоренелый пьяница, в прошлом тряпичник у Сент-Антуанских ворот, еще недавно банкрот, ныне телохранитель в голубом мундире, шпиик, головорез на службе у Мотье и начальник общественных работ“.

И когда Марат кинул на эту проведенную по всем правилам искусства атаку на агента муниципалитета, за которой последовала целая серия прямых обвинений по адресу десятка „шпиков“, продувной аферист передал Марату некий филантропический и капиталистический проспект сооружения Парижского канала, спроектированного господином Брюле. И Друг народа, окончательно покоренный, добавил от себя: „В заключение этих замечаний о лихоимстве наших муниципальных чиповников я приведу разумные соображения г. Бакона, выборщика Парижского департамента: „Не прискорбно ли видеть в век Просвещения и в столице французов столько бедности, с одной стороны, и столько ресурсов — с другой, причем не находится человека, достаточно умелого в своей благотворительности, который дал бы работу нуждающимся и устранил бы нищету, предоставив средства! Что же сказать при виде того, что благотворительные мастерские и работы в них организованы таким образом, чтобы развращать и рабочих и тех, кто надзирает за ними, и что от этих работ не останется ничего для общества. В этих благотворительных учреждениях действовали таким образом, будто задача сводилась только к тому, чтобы отвлечь от нищепства и разбоя, и никто и не подумал об извлечении хотя бы малейшей пользы от труда такого множества людей. Считают, что довольно и того, что столько людей согласно проводить время, бесплодно переворачивая землю и камни. Вероятно, даже бочка Данаид оказалась бы в наше время замечательным средством, если от рабочих не требуется, чтобы они были полезны, а только чтобы не вредили“.

Вступление весьма искусное, как мы видим, там не упущена даже ссылка на античные мифы. Внимание! Теперь на сцену выходит капиталист:

„Но в то время как эта неуклюжая политика, связанная с огромными расходами, бесплодно отвлекает столько рабочих, получающих свою зарплату, не принося пользы ни в настоящем, ни для будущего времени, является один гражданин и говорит: „Те 25 или 30 тыс. ливров, которые вы каждый день раздаете в ваших благотворительных мастерских, дайте мне половину их и возложите на меня заботу обо всех ваших неимущих рабочих. Я не только не допущу, чтобы жадность надзирателей в сочетании с ленью наемников обманули ваши упования, но я займу все эти рабочие руки общественно полезным делом. И вам останется вечный памятник, который во время его сооружения займет наших бедняков, а в будущих столетиях приумножит нашу мощь“. Действительно, в этом цель и неоспоримые выгоды Парижского канала, проект которого разработан г-ном Брюле и утвержден декретом Национального собрания. Учреждена компания, в состав которой могут войти и правительством и акционеры путем приобретения предлагаемых ею акций.

„Я полагаю, что город не может [это опять Бакон, цитируе-

мый Маратом], не погрешив против нас и наших детей, уклониться от помещения по меньшей мере 12—15 тыс. ливров в день в акции канала, что ускорит осуществление этого крупного и полезного предприятия. В результате произведенные расходы обернутся к выгоде общественного дела, а город, став владельцем большого числа акций, будет участвовать в выгодах, связанных с существованием канала. Творя добро, город уже не будет расточать свои средства, а поместит их так, что они будут приносить большие проценты. Как и все акционеры, Париж получит таким образом право надзора за его сооружением и за расходованием денег, которые через несколько лет вернутся в общественную кассу.

Известно также, что канал и все связанные с ним коммерческие выгоды по истечении 50 лет, когда все акции будут погашены, станут одним из прекраснейших владений французского народа. Несомненно, все департаменты поспешат последовать примеру столицы, создавая предприятия подобного рода, которые необходимы в их местностях. Такое помещение фондов, принадлежащих нации, внушит публике глубочайшее доверие.

Чтобы не было никаких сомнений относительно нравственности рабочих, которые будут заняты на этих работах, каждая секция, ознакомившись со своими рабочими, будет направлять их на работы по сооружению канала с билетами, а там будет администрация, состоящая из инспекторов, заинтересованных в том, чтобы их не обманывали лентяи, и умеющих с пользою для дела употребить средства общественной благотворительности. Если возникнут опасения, что строгий режим и невозможность начальников вызвать в дальнейшем на послабления или потворство начальников вызовут волнения среди этого множества бедняков, то будут приняты надлежащие меры по надзору за этими огромными скоплениями рабочих и обузданию их. В результате был бы упрочен порядок, благотворительность принесла бы свои плоды, нищета была бы устранена, безработные — заняты и мы имели бы надежду на известное обогащение. Ничего этого нельзя найти при нынешней администрации благотворительных мастерских: это подтвердит все добрые граждане“.

Перспект ослепителен, и простодушный Марат тут же добавляет от себя несколько одобрительных фраз. Комбинация действительно хитроумна, и задумавший ее крупный предприниматель являет нам образчик особых талантов тех, кто позднее будет заключать с государством договоры на сооружение и эксплуатацию железных дорог. Он обеспечивал себе с самого начала размещение всех акций, и притом по очень хорошей цене, во-первых, потому, что город Париж приобретал бы их на 15 тыс. ливров ежедневно, и, таким образом, повышал бы их курс, во-вторых, потому, что это своего рода свидетельство в финансовой благонадежности, выданное городом предприятию, внушило бы публике, как говорится в проспекте, глубочайшее доверие.

Затем предприниматель сразу же получал в свое распоряжение значительную рабочую силу и получал ее со скидкой, по тем пониженным ставкам заработной платы, которые выплачивались в благотворительных мастерских: заметьте, что в предложенной комбинации нет и намека на повышение заработной платы — милостыни до уровня нормальной заработной платы. Таким образом, при посредничестве города Парижа и под прикрытием продолжения дела благотворительности путем предоставления работы изобретательный капиталист получал рабочую силу в изобилии и по низкой цене. И под видом поддержания порядка, рачительного использования фондов города и очищения администрации общественной благотворительности он собирался установить над рабочими контроль, гораздо более жесткий, гораздо более грубый, чем тот, который был установлен городской администрацией. И он собирался также произвести отбор среди рабочих, выбросив под предлогом лени или нарушения порядка менее крепких, менее ловких, тех, которые давали бы меньше труда и „прибавочной стоимости“ очаровательному филантропу. Само это заявление о более строгой и более жесткой дисциплине было одним из средств привлечь публику, уверенную таким образом в хорошем использовании ее капиталов. А на тот случай, если бы некоторые из рабочих, столь бесцеремонно переданных городом в распоряжение предпринимателя, вздумали припомнить прежнюю муниципальную дисциплину, более снисходительную или более слабую, заранее указывалось, притом со ссылкой на авторитет самого Марата, что если начальники муниципальных мастерских были снисходительны к ленивым рабочим, то это делалось с целью привлечь их к участию в большом заговоре монархического клуба и предательского муниципалитета. Таким образом, все, даже ненависть и подозрения Марата, было использовано в своих интересах этим гениальным капиталистом. Но его шедевром было то, что он сумел поместить в газете Друга народа, под покровительством и с одобрения Марата, один из самых смелых филансовых проектов, которые буржуазное общество видело за целое столетие.

Однако какой же недостаток опыта обнаруживает при этом Марат, пролетарии, начинавшие прислушиваться к его словам, и в каком мраке или по крайней мере в каких сумерках, близких к глубокой ночи, еще витала тогда пролетарская мысль!

Сама искренность Марата, его бесспорное желание облегчить страдания самых бедных и улучшить их судьбу делают эти жалкие ошибки еще более показательными. Правда, его ненависть к муниципальным чиновникам много способствовала его ослеплению. Спустя несколько дней он был довольно жестоко выведен из заблуждения одним из своих корреспондентов и, ошеломленный, поспешил поместить в своей газете в номере от 3 июня это письмо: „Другу народа.— Мой дорогой Марат, не поддавайтесь на красивые речи. Чаще всего это мелкие интриганы, которые выдают

себя за апостолов правды, чтобы обдѣлывать свои делишки. Вполне возможно, что тот, кто побудил Вас опубликовать статью о канале Брюле, появившуюся в номере 471 Вашей газеты, мог иметь в виду добиться предоставления предпринимателю 15 тыс. ливров в день для его прорытия. Я отнюдь не хочу его обвинять. Но если бы Вы знали, какая дьявольская клика стоит во главе этого предприятия, Вы бы поняли, что это означает передать судьбу немущих в руки других жуликов и что трудно было бы найти более бессовестных. Мне не нужно ничего говорить о Брюле. Он достоин стоять во главе этой клики: сотни тяжб, которые он ведет пылес инженерными, производившими нивелировку, чертежи, сметы, с лихвой доказывают, что у него только одна цель — обжудить доверчивых людей. За Брюле следует знаменитый Мангури из Ренна, в Бретани, где он прославился своими мошенническими проделками... *Три недели тому назад я слышал от него все то, что г-н Бакон взял на себя труд написать в пользу Брюле, в той выдержке, которую Вы привели в Вашей газете...*“

Марат, обычно смущавшийся, когда его непогрешимость оказывалась посрамленной, ответил в нескольких словах: „Я знаю г-на Бакона только по его сочинениям, в которых он выказывает себя человеком со вкусом и филантропом, а впрочем, я никогда и не помышлял рекомендовать предприятие Брюле, о происках коего я не знал.“

Если я говорил о его проекте, то только для того, чтобы выявить пороки муниципальной организации общественных работ“.

МАРАТ: ПРОЕКТ РАБОЧЕГО КООПЕРАТИВА

За несколько месяцев до этого дела Марат оказал поддержку одному проекту, довольно любопытному, поскольку его можно рассматривать как зародыш, как первоначальную идею рабочей производственной кооперации. Но и здесь поражает диспропорция между рекомендуемым проектом и торжественностью тона Марата. Приводим содержание номера его газеты от понедельника, 28 марта 1791 г.:

„Простой и легкий способ обеспечить в течение ряда лет средства к существованию 10 тыс. обездоленных, нуждающихся в хлебе в столице, и притом не изымая ни одного су из государственной казны.— Выгоды, которые осуществление этого проекта принесло бы государству.— Пустые отговорки и происки муниципальных чиновников с целью провалить этот проект“.

И послушайте начало статьи Марата. Можно подумать, что это ураганный ветер Революции, который сейчас сметет всех богачей, всех эксплуататоров пролетариата. А все это сводится к некоему сочетанию труда и благотворительности для нескольких тысяч человек. В последние годы некоторые писатели очень часто при-

нимали эту пустую резкую фразеологию за начало социализма. Но послушаем Марата:

„Я выполняю сегодня священный и дорогой моему сердцу долг, выступая в защиту неимущих, тех рабочих, кои составляют самую здоровую, самую полезную часть народа и без коих Общество не могло бы прожить и дня; в защиту тех ценных граждан, кои несут все тяготы государства и не пользуются ни одной из его выгод; в защиту тех несчастных, которые смотрят на плута, жиреющего, пока они трудятся на него в поте лица своего, и которых жестоко отталкивает подрядчик, пьющий кровь их из золотых чаш; в защиту тех несчастных, которые видят, как их угнетатель живет в роскоши и наслаждениях, тогда как на их долю выпадает лишь труд, нищета да голод. Бог брани, если когда-либо я пожелаю хоть на мгновение овладеть твоим мечом, то только для того, чтобы восстановить для них святые законы природы, попираемые всеми князьями земли, беспощадно и бесстыдно нарушаемые даже нашими отцами-сенаторами“.

Пустая, резкая фразеология, сказал я выше, чтобы отметить, что в основе этих речей не было никакой определенной социальной концепции, никакой новой, содержательной идеи собственности. Все же эти пламенные и настойчивые призывы, несомненно, начинали волновать немало людей. То было смутное страдание, которое кричит, не умея еще говорить и мыслить, что вполне естественно для этой детской поры пролетариата. А Марат тщетно пытается умирить это страдание театральными жестами. Но он по крайней мере расслышал его крик среди грохота буржуазной Революции, среди гимнов праздников братства, среди оптимистической риторики. Да простятся этому человеку хотя бы отчасти его дурные чувства ненависти за его крики сострадания и гнева, пронзительно прозвучавшие в эту еще таинственную и неясную пору восхода Революции!

А теперь посмотрим, что предлагает архангел, и мы увидим в его руках отнюдь не сверкающий меч Бога брани; и на сей раз речь идет о проекте организации общественных работ, но с некоторыми оригинальными и наводящими на мысли комбинациями:

„Проект, который я сейчас представляю публике, принадлежит просвещенному филантропу. Осуществление этого проекта обеспечит немедленно и на ряд лет средства существования для тысяч рабочих без каких бы то ни было расходов для государственного казначейства; не придется опасаться и каких-либо нарушений порядка и спокойствия в Париже, сколь бы ни было велико число этих рабочих. Осуществление этого проекта позволит через несколько лет покупать хлеб по цене 7—8 су за 4 фунта, что составит для народа ежегодную экономию более чем в 10 млн. Он будет увеличивать каждый год богатства столицы, поскольку обеспечит работой огромное число рабочих. Он решит судьбу 80 тыс. жителей столицы, будет способствовать ликвидации нищеты и зна-

чительно увеличит государственные доходы. Проект этот очень прост. Он заключается в прорытии канала в Сен-Море, который должен пройти под Венсеннским лесом, через скалистое основание этой возвышенности, что намного сократит расходы судовщиков, сократит водный путь на 8 тыс. туазов и крайне уменьшит опасности этого пути, поскольку избавит от навигации по местам, усеянными подводными камнями.

2. Поскольку естественное русло реки в этой излучине станет ненужным для судоходства, его можно использовать для сооружения 50 различных заводов и фабрик, как-то: мельниц для зерна и хлеба, мукомольных, разного рода бумажных предприятий и волоочных для производства проволоки; таким образом возникла бы отрасль торговли изделиями, которые мы ежегодно на несколько миллионов ввозим из-за границы.

3. Венсеннский замок, эта обитель страдания и отчаяния, непрестанно напоминающая о тирании и тиранах, воздвигших его для своих расправ и для удовлетворения своей ярости, будет приобретен на средства предпринимателей и превращен в зернохранилище, где бедный всегда найдет средства питания по возможно более низким ценам, под надзором граждан столицы и департамента, и станет славным памятником торжества завоеванной свободы. Эта огромная житница, вмещающая продовольственные запасы на ряд лет, которые будут постоянно обновляться, станет снабжать наши мельницы, и Париж уже не будет больше страдать от алчности компаний скупщиков. Тот искусственно созданный голод, который довелось нам испытать среди изобилия, должен научить нас мудрости на будущее.

4. Средства, необходимые для этого начинания, будут доставлены неимущим классом, который устроит свою судьбу при очень малых затратах, и вот каким образом. Создается тонтина *, переходящая после смерти кого-либо из участников к остальным до тех пор, пока жив хоть один. Она будет состоять из 80 тыс. равных акций, каждая по 75 ливров, кои, если угодно, можно уплатить путем ежемесячных взносов в размере 6 ливров 5 су в течение одного года. По истечении трех лет, то есть ко времени окончания работ, этот капитал будет приносить 5%, и доход этот будет возрастать из года в год как вследствие кончины части акционеров, так и в результате естественного расширения самого предприятия. Таким образом придет день, когда один-единственный акционер будет получать доход с капитала, достигшего многих сотен тысяч ливров, который после него наследует нация.

* Одна из форм государственного рентного займа. Группа лиц, объединенных в товарищество, предоставляла государству кредит. Государство обязывалось выплачивать проценты и погашение до тех

пор, пока живы члены товарищества. После смерти кого-либо из членов товарищества рента оставшихся в живых увеличивалась. — Прим. ред.

Занятые на этих работах рабочие будут иметь каждый часть акций, что привяжет их к работе и создаст заинтересованность в сооружении; к тому же они будут хорошо зарабатывать на жизнь. Весь капитал этой тонтины, который послужит не обогащению какой-нибудь компании, а только общему благу, будет иметь пределом 6 млн. ливров, что достаточно для проведения всех работ и приобретений.

Это подлинно патриотическое предприятие позволит облегчить жизнь людям малого достатка, не имеющим возможности прожить на свои скудные сбережения и в награду за трудовую жизнь, исполненную всяческих лишений, когда они лишены подчас даже самого необходимого, вынужденным закончить свои дни в больнице, если они не погибнут во цвете лет от болезни, вызванной каторжным трудом или нуждой. 80 тыс. бедняков таким образом будут избавлены от нищеты и возвращены своим детям... Разве не очевидно для всякого, что достаточно изложить этот столь простой проект, чтобы его приняли и поддержали те люди, которым народ доверил защиту своих интересов? Трудно даже вообразить, что наши недостойные муниципальные должностные лица ставили бесконечные препятствия на пути этого проекта...

Этот проект заслуживает внимания. Разумеется, мы не собираемся входить здесь в обсуждение вопроса о его технической осуществимости, ни в рассмотрение его финансовых условий. Но интересна его социальная тенденция. Созданные по инициативе государства мастерские, где рабочие являются одновременно акционерами, причем эти мастерские впоследствии возвращаются нации, система тонтины, обеспечивающая выживающим рабочим довольно значительный доход, — здесь уже имеется зародыш государственного социализма, как его понимал Луи Блан, рабочей производственной кооперации и разных систем взаимопомощи.

Правда, зародыш хилый, незаметный и неясный! Но надлежит отметить, что идея рабочей ассоциации в собственном смысле слова, рабочей корпорации или, как мы теперь говорим, рабочего синдиката, здесь полностью отсутствует. Мастерские не были бы доверены объединениям рабочих, и Марат представляет себе рабочую собственность в индивидуалистической, буржуазной форме акций. Но перед нами встает один крайне важный вопрос. Совершенно очевидно, что уже одного буржуазного революционного потрясения было достаточно, чтобы возбудить устремления рабочих, и если бы установленная Революцией политическая свобода сохранилась, если бы суверенитет народа, вначале урезанный, а затем полный, уцелел, если бы выборы, вначале ограниченные, но вскоре ставшие всеобщими, оставались источником всякой власти, то вероятно и даже несомненно, что рабочие, пролетарии потребовали бы и добились определенных гарантий. Может быть, посредством комбинаций, подобных предложенной Маратом, они приобщились бы в какой-то довольно значительной части к капиталистической

собственности, сферу которой Революция вскоре так сильно расширила.

Так или иначе, весьма вероятно, что право коалиций и право стачки, которые вскоре будут грубо уничтожены Учредительным собранием, были бы завоеваны довольно рано и рабочему люду не пришлось бы дожидаться целое столетие их законного признания. Но можно задать себе вопрос, была ли эта организация рабочей силы в такой момент, когда капитализм еще не достиг всей своей мощи, совместима с капиталистическим развитием, с ростом производства и богатства? Что до меня, то я, не колеблясь, отвечаю на этот вопрос утвердительно. Я считаю, что капиталистическая система обладает бесконечно большей гибкостью, чем это представляется многим социалистам. И я думаю, что уже с самого 1789 г. она приспособилась бы к полной свободе и демократии. Маркс констатирует, что сверх того, что является нормальной, основной прибылью капитала, то есть неоплаченного прибавочного труда рабочего, капитализм обеспечивает себе бесчисленные дополнительные источники прибыли.

Он жульничал и надувал, он даже не платил рабочим договоренного, исподтишка удлиннял рабочий день. Он довел эксплуатацию рабочей силы до такого уровня, который противоречил его собственным основным интересам и закону его роста. Были такие периоды, когда капиталисты не платили даже той заработной платы, которая крайне необходима для поддержания работоспособности, они калечили людской материал. Они истощали и отупляли детей рабочих в такой степени, что это выходило далеко за пределы внутренних потребностей системы и даже противоречило интересам самого капитализма.

Режим демократии, всеобщего избирательного права, народного суверенитета дал бы насмному рабочему возможность защитить себя от таких эксцессов эксплуатации. Возможно, что такой режим позволил бы кое-где осуществить полукапиталистическую, полурабочую организацию производства. Рабочим он дал бы больше сил, физических и интеллектуальных, не нанося ущерба капиталистической эволюции, и это чрезвычайным образом облегчило бы постепенное возвышение пролетариата, поступательное и мирное установление социализма. Отнюдь не следует думать, что антагонистическое развитие классов представляет собой некую жесткую систему, которую ничто не в силах изменить. Отнюдь не следует думать, что пролетариату безразлично, будет ли капитализм развиваться при режиме демократии или при режиме олигархии или деспотизма! Нет, не верно, будто Революция не была урезана и унижена военным деспотизмом Империи, контрреволюционными поправками Реставрации, цензовым режимом Луи Филиппа.

Конечно, буржуазная и капиталистическая собственность, освобожденная Революцией от феодальных и корпоративных пут, развивалась при всех режимах, и никакая реакция не в силах

была остановить или отбросить назад это движение. Конечно, буржуазия всегда могла добиться уважения к государственному долгу и известного контроля над государственными финансами, необходимого для сохранения ее власти. И если бы политическая свобода и национальный суверенитет не выродились в императорский деспотизм, если бы Революция не колебалась в течение столетия между военной демократией и буржуазной и орлеанистской олигархией и оставалась республиканской демократией, то важнейшие отношения классов и внутренняя структура капиталистической собственности не изменились бы. Но существовала бы узда для эгоизма буржуазии, эксплуатация рабочих была бы ограничена. И необходимая борьба между вынужденно более великодушной буржуазией и более просвещенным и более свободным пролетариатом вернее и более благородным образом привела бы к созданию нового общества, новой формы собственности. Грустью наполняется сердце, когда обнаруживаешь уже в 1791 г. некое начало пролетарского мышления, когда видишь, что уже тогда человеческий разум был занят поисками разных комбинаций с целью смягчения условий жизни пролетариев, и когда думаешь о том, какие всходы могли бы дать эти семена в условиях нормального развития свободной демократии.

Мы не можем утешать себя мыслью, что ужасные страдания, перенесенные рабочим классом на протяжении истекшего столетия, были неизбежны, что они были необходимым условием создания нового порядка. Нет, нет, многие из этих страданий были напрасны. Капитализм был бы столь же могущественным и столь же плодотворным, а условия для построения коммунизма были бы реализованы с такой же полнотой, если бы рабочие имели возможность благодаря демократии и Республике защищаться по крайней мере от бесполезных эксцессов класса собственников.

Пусть пролетарии никогда не поддаются искушению полагаться только на действие экономического механизма или преувеличивать фатализм классовой организации, пренебрегая теми возможными действиями, которые дают им демократия и свобода. Но нужно ли мне еще раз повторять, что социальный проект Марата интересует меня не сам по себе, а как симптом работы пролетарской мысли, социального брожения, смутно начинавшегося тогда в умах благодаря новой свободе?

„Вчера,— пишет один корреспондент Марата в номере от 25 марта 1791 г.,— я находился в лавке патриота Гарена. Один рабочий пришел купить буханку хлеба и подал купон ассигната стоимостью 4 ливра 10 су. Пришлось обойти 10 лавок, чтобы его разменять. Наконец, принесли мелких денег, среди которых оказалось несколько фальшивых монет. Огорченный трудностями размена этой небольшой суммы, бедняга тяжело вздохнул и воскликнул: „Как можно жить в стране, в которой мы покинуты теми, кто должен был бы нас поддерживать?“ И добавил, утирая слезу: „По

погодите, они принимают наше терпение за страх. Но нас в Париже 20 тыс. рабочих, сильных и смелых, и придет день, когда мы положим конец всем этим издевательствам. Мы не позволим больше буржуа усыплять нас, как это было до сих пор“.

Это жалкое и неумное проявление классового инстинкта, ибо введение ассигнатов, этого орудия экспроприации церкви, несмотря на трудности и мелкие неприятности, которые оно за собой повлекло, было великим революционным актом. Марат, из ненависти к Мирабо бешено выступавший против ассигнатов, играл в этом случае реакционную роль. Но здесь любопытно то, что страдания народа уже принимают форму классовой оппозиции: рабочие против буржуа.

Двумя годами раньше крестьяне в своих наказах довольно часто говорили о „буржуа“ как о новых привилегированных, столь же обременительных для народа, как и дворяне. Но в наказах городов и даже на языке рабочего класса слово „буржуа“ в 1789 г. означало революционера, врага дворян и двора. Буржуа противопоставлялся дворянину. Ныне буржуа начинают противопоставлять рабочему, пролетарию. Какое это огромное несчастье, что этот зарождавшийся классовый инстинкт, столь еще хрупкий и слабый, не мог укрепляться и проявляться уже с того времени и на протяжении всего столетия в условиях непрерывного пользования свободой!

МАРАТ И ЕГО ПЛАН АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Наконец 5 сентября 1791 г., когда он предполагал отказаться от журналистской деятельности, Марат развивает свой план аграрной реформы. Проект этот предусматривал прежде всего, как я уже указывал, проведение в законном порядке принудительного обмена мелких земельных участков с целью устранения потерь времени и бесполезных трат. „Но для объединения раздробленных и разбросанных земель, что необходимо для того, чтобы земледельцы жили посреди своих полей, а это последнее столь важно как для общего блага, так и для блага частного, надо начать с устранения одного призрака, который эгоизм наделяет именем свободы. Этим словом столь давно злоупотребляют, его смешивают то с прихотью, то со своеволием, что необходимо раз навсегда дать ему точное определение. Делать то, что можно,— это значит пользоваться естественной свободой; делать то, что заблагорассудится,— значит злоупотреблять деспотизмом; делать то, что причиняет вред другим,— значит впадать в распущенность; делать то, что должен делать,— значит пользоваться гражданской свободой, единственно подходящей для общественного порядка. *Итак, обязанности человека в обществе определяются законом. Великой целью нашей политической ассоциации является общее счастье,*

и каждый гражданин заинтересован в том, чтобы способствовать достижению этой цели.

Почему это так? Потому что пребывание в общественном состоянии требует, чтобы каждый человек приносил часть своих интересов в жертву общим интересам. За эту жертву он получает взамен покровительство со стороны сил общественного порядка, *гарантию своей собственности* и своей личной безопасности. Итак, от соблюдения законов зависит сохранение человеком того, что у него есть самого дорогого в мире: его собственности, его покоя и его жизни.

Таковы принципы. А вот их применение к данному случаю.

В Англии, где с подлинной свободой знакомы лучше, чем где бы то ни было, хорошо поняли, что для объединения земель путем обменов нельзя давать волю капризам отдельных лиц. Там поняли необходимость предписать проведение соответствующих обменов и определить в законодательном порядке их форму. Такое объединение, называемое *the Comract*, осуществлялось последовательно уже в течение 50 лет в различных провинциях актами парламента, предписывавшими проведение между владельцами такого обмена, который мы часто наблюдаем здесь, когда крупные фермеры заключают между собой подобные соглашения на время действия их арендных договоров для удобства проводимых ими полевых работ, но такой обмен, не давая никаких преимуществ длительного соглашения, ни для огораживания, ни для систематического улучшения почвы, порождает чаще всего лишь множество споров, внося беспорядок в хозяйства, по истечении срока действия арендных договоров¹.

Здесь, можно сказать, резюмирована вся теория Революции о законе и собственности. Закон — выражение верховной власти; собственность есть право, коего границы и гарантии определены законом. Закон должен согласовывать индивидуальное право с *общим счастьем*. Итак, поскольку речь идет о сельской земельной собственности, объединение мелких участков произведет закон, актом власти, в общих интересах.

Марат отнюдь не хочет, чтобы дело ограничилось только этим. Как обеспечить пропитание народа, в частности тех многочисленных батраков и простых поденщиков, судьбою которых он особенно озабочен? Не следует ли актом власти снизить цены на продовольственные товары, на продукты сельского хозяйства? Это значило бы подвергнуть земледельцев риску разориться и лишить их стимула заниматься земледелием. Но закон спроса и предложения имеет то действие, что цена товара тем ниже, чем больше число продавцов и чем меньше число покупателей. Стало быть, надлежит увеличить число тех, кто продает сельскохозяйственные продукты, а для этого надо увеличить число арендаторов. А этого можно достигнуть, лишь обязав собственников разделить каждую крупную ферму на несколько ферм¹.

Тем самым многие батраки сразу превратятся в мелких фермеров; численность покупателей уменьшится одновременно с увеличением численности продавцов, и разумное равновесие цен, разумное распределение прибылей от земледелия обеспечат общий достаток.

Таков аграрный план Марата, очень скромный, как мы видим, и весьма осторожный. Отсюда далеко до „аграрного закона“, до раздела земель, поскольку речь идет только о разделе аренды с оставлением продукции собственнику. Все же и здесь мы видим вмешательство закона в действие механизма собственности.

„Было бы поэтому, — пишет он, — совершенно необходимо и совершенно справедливо, чтобы закон, предоставляющий собственникам столько выгод в результате уничтожения чересполосицы путем предписанных обменов, обеспечивал бы одновременно и пропитание для всех, заставив всех собственников, которые сами не обрабатывают своих земель, сдавать их в аренду небольшими участками. Когда они увидят, как благодаря объединению их земель уменьшаются расходы по обработке и растут доходы, то я слишком хорошего мнения о своих соотечественниках, дабы думать, что хоть один из них окажется столь бесчеловечным, чтобы жаловаться на то, что закон, который обеспечил бы более равномерное распределение плодов земли путем раздела обработки земли между большим числом семей, лишает в то же время собственника права распоряжаться и сдавать земли в аренду по своему произволу. Неизбежным следствием этого постановления было бы приближение гражданского состояния к естественному путем облегчения обработки земли и более равномерного распределения плодов земли. Другим следствием было бы восстановление равновесия между ценой продуктов питания и сделанной оплатой и, наконец, уничтожение всякой монополии на плоды земли, ибо чем больше будет земледельцев, тем меньше будет поденщиков и их поденная оплата неизбежно увеличится. С другой стороны, чем больше будет земледельцев, тем больше будет конкуренция в продаже продуктов. К тому же сельские жители, обеспечив свое собственное пропитание, окажутся заинтересованными в возможно большей стоимости оставшихся у них излишков, и тогда сама по себе установится свобода торговли зерном“.

И Марат, продолжая регламентировать таким образом ведение сельского хозяйства, так далек от мысли об уничтожении права собственности и от требования отчуждения в пользу государства или раздела земель, что он даже надеется посредством своей системы привлечь в деревню и удерживать там богатых землевладельцев. „Удобство, вытекающее из устранения чересполосицы, разведение

1. См.: G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur. Introduction. II: „La question des

grandes fermes et les conditions du fermage“. См. настоящую работу, т. 1, кн. 1, стр. 281.

садов, вкус к подлинному наслаждению природой и зрелище счастливой сельской жизни не преминут вернуть ей в скором времени *изобилие вместе с богатыми землевладельцами*. Мы вскоре увидели бы просвещенных людей, не считающих ниже своего достоинства пахать землю, и благодаря соединению просвещения, теории и практики возможности прогресса в сельском хозяйстве расширились бы бесконечно...”

Таковы самые смелые социальные идеи 1791 г.: крупные собственники и мелкие арендаторы. Это не мешало бы даже покупке зерна. Ибо совершенно очевидно, что именно крупные купцы скупали бы и сосредоточивали в своих руках излишки продукции всех этих мелких фермеров.

Следует, однако, отметить, что Марат ищет способ повышения заработной платы поденщиков и батраков. Именно благодаря этим своим чертам, этой заботе о бедняке, о пролетарии он не замедлил приобрести известность Друга народа. И нельзя написать историю пролетариата, исследовать его истоки, уловить его первые содрогания и пробуждение мысли во время буржуазной Революции, если игнорировать воззрения Марата, какими бы ребяческими они ни казались нам сегодня во многих отношениях. Ведь именно в этом несколько ребяческом характере и заключается их истинное историческое значение. Часть пролетариев за 5 лет продвинуется вперед от Марата к Бабёфу: это позволяет измерить огромное воспитательное воздействие, которое оказала буржуазная Революция на пролетариат.

ПРОБЛЕМА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Но в 1791 г. внимание рабочего класса привлечено к достижению более непосредственных целей. И прежде всего несомненно, что в это время рабочий класс гораздо более определенно, чем в 1789 и 1790 гг., стремился к завоеванию всеобщего избирательного права. Время почти полного равнодушия, казалось, прошло. Конечно, Собрание противится всякому расширению избирательного права. Но оно, видимо, и само чувствует, что законодательство, делящее граждан на активных и пассивных, содержит в себе что-то произвольное и шаткое.

По каждому поводу, при обсуждении ли вопроса о поземельных налогах или о пересмотре конституции, Робеспьер переходит в наступление. Каждый раз он выдвигает требование всеобщего избирательного права со все возрастающей настойчивостью и силой.

К концу 1790 г., в октябре, комитет предложил Собранию рассматривать как активного гражданина и допустить к выборам каждого гражданина, который добровольно внесет государству сумму, равную трехдневной заработной плате. Идея странная, ибо тогда достаточно было бы богатому человеку уплатить за бедных

рабочих и создать себе таким образом армию избирателей, которых он мог бы по желанию вербовать или увольнять. К тому же такая уплата вовсе не свидетельствовала о наличии хотя бы малейшей собственности. Следовательно, не было никаких оснований не допускать к выборам людей, лишенных какой бы то ни было собственности. Собрание не приняло предложения комитета. Но эти проекты говорят о колебании умов.

Далее, поскольку Собрание доверило муниципалитетам установление, под контролем дистриктов, размера суммы, равной трехдневной заработной плате, оно тем самым открыло дверь влиянию народных масс. Достаточно было муниципалитетам взять очень низкую ставку поденной заработной платы, чтобы почти все граждане, исключая только живущих на вспомоществования, оказались допущенными к выборам. И в самом деле, многие муниципалитеты, находившиеся под влиянием народа, указали столь низкую ставку, что деление на активных и пассивных граждан теряло реальное значение.

Собрание воспротивилось этому и приняло декрет, согласно которому эта ставка поденной оплаты должна быть не ниже 10 су, в противном случае необходимо особое постановление Собрания. Но уже чувствуется, что закон об избирательном цензе подобен разрушающейся стене. В самом деле, предоставив с самого начала избирательные права 4 млн. граждан, Собрание стало на путь, который неизбежно вел его ко всеобщему избирательному праву¹. Социальные различия между многими активными гражданами и гражданами пассивными были слишком незначительными, чтобы могло сохраниться различие в политических правах. Учредительное собрание тщетно пыталось сопротивляться: менее чем через год после его роспуска было провозглашено всеобщее избирательное право. Оно выпало во всеоружии, если можно так выразиться, из революционных событий 10 августа, но подготавливалось в течение всего 1791 г. настойчивыми усилиями Робеспьера и скрытой работой народных муниципалитетов, постепенно подрывавших действие олигархического закона. Так, вызванное событиями потрясение внезапно порождает великие реформы, уже пробивавшиеся на поверхность под действием медленной подготовительной работы и напора скрытых сил.

1. Это мнение Жореса нам представляется оптимистическим. После бегства в Варенн Учредительное собрание постаралось обуздать демократическое движение и усилить цензовый характер конституции. Были выдвинуты требования, чтобы выборщиками могли быть только собственники или арендаторы имущества, стоимость кото-

рого составляла бы в зависимости от обстоятельств сумму, равную заработной плате за 150, 200 или 400 рабочих дней. Национальная гвардия была окончательно создана законом от 28 июля 1791 г., но закон от 19 сентября этого года внес изменения: национальными гвардейцами могли быть только активные граждане.

УПРАЗДНЕНИЕ ГОРОДСКИХ ВВОЗНЫХ ПОШЛИН

Полное упразднение городских ввозных пошлин (октруа), вотированное в феврале 1791 г., принесло огромную радость населению больших городов, в частности народу Парижа, уже не раз пытавшемуся сжечь заставы. Это было очень смелым актом. Учредительное собрание отказывалось таким образом от годовичного дохода в 170 млн., который давали налоги на соль, на алкогольные напитки, на табак и городские ввозные пошлины¹. И все же, если бы не война, Революция, несомненно, обеспечила бы свой бюджет установленными ею четырьмя прямыми налогами². Дефицит, вызванный затянувшимся революционным кризисом и национальным кризисом, будет покрыт с помощью ассигнаатов. Но уже тогда вопреки всяческим сопротивлениям и затяжкам начинает действовать фискальная система Учредительного собрания, целиком построенная на прямых налогах. Декрет об отмене городских ввозных пошлин вступил в силу 1 мая. Это был как бы великий народный праздник изобилия. В полночь пунечный выстрел возвестил Парижу о том, что впредь доступ в город свободен. Стоявшие в ожидании у застав обозы с продовольствием и вином въехали в город под радостные клики толпы, тут же устроившей щедрые пиршества, закупив по дешевой цене бочки вина и говядину. Рабочие кричали: *„Да здравствует Национальное собрание!“* — и, забыв на время свои страдания, разочарования и подозрения, предавались радости.

Длинные вереницы доверху загруженных судов тоже доставляли в освобожденный Париж обилие продуктов и разных товаров. Они были украшены листвой и, причалив к набережным, продавали народу мясо, табак, пиво и вино. Кермессой * Революции называли это братья Гонкуры, и мы охотно припиали бы это сочное слово, оживляющее веселыми воспоминаниями о тучной Голландии образ Парижа с его хилыми и тощими бедняками, если бы Гонкуры не старались придать этому празднеству характер грубости и чуть ли не распутства³. Жалкие рассказчики анекдотов о Революции, они не питали ни малейшего сочувствия к этому широкому ликованию нутра целого народа, перед которым наконец открылась надежда поесть досыта и утолить свою жажду!

Упразднив все косвенные налоги, и в частности городские ввозные пошлины, и перенеся их бремя на собственность, Собрание имело в виду укрепить Революцию, дать рабочему народу какое-то удовлетворение. Упразднение городских ввозных пошлин было для городского народа тем, чем для сельского народа было упразднение десятины. Это имело даже более глубокое значение, ибо упразднение десятины приносило облегчение только крестьянам-собственникам, оно не касалось батрака. Тогда как упразднение октруа, наоборот, облегчало бремя самых бедных рабочих и чернорабочих городов. Эти смелые меры сразу вернули великому

революционному Собранию тот престиж, который оно приобрело в первые дни своего существования, и дали ему возможность построения нового порядка. Даже принятые им законы о мерах предосторожности или репрессиях, как закон о пассивных гражданах или закон о военном положении⁴, стали казаться менее эгоистическими, когда великое Собрание сумело вдруг, одним смелым актом пробудить глубокое чувство симпатии в народе. Но оно в то же время надеялось и на то, что упразднение ввозных пошлин, способствуя общему благосостоянию, будет способствовать и преуспеванию мануфактур. И мы увидим, что, как только октруа были упразднены, предприниматели стали отказывать своим рабочим, невзирая на избыток работ и их доходность, в каком бы то ни было увеличении заработной платы, заявляя, что упразднение ввозных пошлин равноценно для рабочих её повышению.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В 1791 г.

В самом деле, именно в это время между хозяевами и рабочими возникают серьезные конфликты, особенно в строительном деле, и из этих-то конфликтов и родился в июне знаменитый закон Ле Шапелье. Что порождало эти трения? И почему рабочие выступают с требованиями? Потому ли, как утверждали многие поверхностные историки, что в эти первые годы Революции наблюдался общий застой в делах и рабочие, доведенные до крайности из-за недостатка работы, добивались более высокой оплаты этих ставших слишком редкими рабочих дней? *Априори* маловероятно, чтобы рабочие потребовали от своих предпринимателей повышения заработной платы во время такой полубезработицы.

Скорее всего, они обратились бы к муниципалитету, требуя работы и хлеба. Гонкуры, собрав кое-какие отрывочные сведения в роялистских и контрреволюционных газетах, утверждают: „Тор-

1. Габель была отменена декретом от 21 марта 1790 г., налог на алкогольные напитки (aides) — 2 марта 1791 г. Декрет от 20 марта 1791 г. упразднил табачную монополию и сделал выращивание табака, его производство и продажу свободными на территории всего королевства. Коммунальные ввозные пошлины были отменены законом от 19 февраля 1791 г.
2. Учредительное собрание установило три прямых налога: поземельный налог (23 ноября 1790 г.), налог на движимое имущество (13 января 1791 г.) и торгово-промыш-

ленный налог (2 марта 1791 г.). Директория ввела четвертый прямой налог — на двери и окна (24 ноября 1798 г.).

* Ярмарка с гулянием в Голландии и Фландрии. — *Прим. ред.*

3. G o n c o u r t. Histoire de la société française pendant la Révolution, 1854.

4. Закон против скоплений народа, или закон о военном положении, был принят Учредительным собранием 21 октября 1789 г. См. протест Марата в „Ami du peuple“ от 10 ноября (№ 34).

говля мертва... парижская торговля убита". Где те дворяне, которые столь сорили деньгами? Где столь элегантные и богатые прелаты, которые давали жизнь всей столичной торговле предметами роскоши? „Где теперь та богатая буржуазия, о которой один из современников сказал, что от нее ничто не ускользает, ни цветы из Италии, ни сапажу [обезьяны] из Америки, ни китайские фигурки?" Конечно, мы хорошо знаем, какой вред причинили столице эмиграция дворян и страхи некоторых мятежных финансистов. Но, повторяем, наивно воображать, что контрреволюционные дворяне и финансисты увезли с собою все богатство. На самом деле даже в Париже, и особенно в Париже, партия Революции была партий богачства.

Из-за нескольких коллекционеров изящных безделушек, эмигрировавших или прекративших свои покупки, необъятная деловая активность столицы и огромная потребительская способность ее победоносной буржуазии не могли иссякнуть. Это чистейшее бахвальство дворян и иллюзия реакционеров воображать, будто они одни поддерживали деловую жизнь. И когда они утверждают, что производством позолоченных галунов для их лакеев и изображением гербов на их каретах было занято 20 тыс. рабочих, ныне оставшихся без работы, то они смеются над людьми, особенно над братьями Гонкур, которые простодушно подхватывают эти глупости и это хвастовство. На смену эмигрантам приходили другие богатые потребители. Тысяча депутатов Национального собрания создали в Париже новую движущую силу: открывались революционные салоны, создавались общества и клубы, где богатые буржуа тратили деньги не считая. Необыкновенная притягательная сила Революции, удивительное зрелище народа, внезапно перешедшего от состояния политического небытия почти что к демократии, — все это привлекало в Париж наблюдателей и любознательных людей со всех концов света. И одного лишь подъема бумагоделательной промышленности и типографского дела, вызванного Революцией, было бы, несомненно, достаточно, чтобы покрыть предполагаемый дефицит парижских промыслов.

Мы видели, как тонко и изобретательно действовали предприниматели, стараясь овладеть рабочей силой муниципальных мастерских, и я хорошо знаю, что они таким образом рассчитывали получить рабочих за низкую плату. Но если бы был большой кризис и значительная безработица, эти предприниматели нашли бы и, помимо этих мастерских, рабочую силу в избытке.

Одевать национальную гвардию, которая так чванилась своими блестящими мундирами, — этого было достаточно и более чем достаточно, чтобы заменить снабжение ливреями лакеев уехавших дворян.

Известно, что Марат не скупился на черную краску, описывая нищету народа, которую он ставил в вину Национальному собранию. Если бы мастерские пустовали, если бы многочисленные

безработные бродили голодные по улицам Парижа, он говорил бы об этом в каждом номере. Между тем он лишь сдержанно говорит о промышленном кризисе. В номере своей газеты от 9 мая он любезно излагает содержание речи Бомеца по вопросу об ассигнатах и добавляет: „Притом он также указал на то, что паралич мануфактур или, вернее, их вялость является неизбежным следствием каждой великой Революции". Что означает эта сдержанность, если существует кризис? Марат отнюдь не говорит, что Бомец недостаточно сильно выразился, стало быть, и для самого Марата налицо только вялость...

Да это и не было верной оценкой с точки зрения общего положения, и Друг народа не удовольствовался бы такой умеренной интонацией, если бы общая деловая активность была в то время недостаточной. Приводя перечень парижских избирателей¹ для выборов 1790 и 1791 гг., г-н Шаравэ отмечает, что во многих кварталах число активных избирателей в 1791 г. возросло по сравнению с 1790 г. Это никак не признак роста нужды, наоборот. На заседании 1 ноября 1791 г. в Якобинском клубе Рёдерер сказал²: „В настоящий момент, когда мануфактуры достигли расцвета, можно быть уверенным, что деньги вернутся во Францию". Разве мог бы он так говорить о расцвете мануфактур, обращаясь к буржуа и ремесленникам Парижа, руководителям промышленности и торговли, если бы наблюдался застой в производстве? Не надо также забывать о бесчисленных сделках, о делах всякого рода, возникших в этом 1791 г. в результате отчуждения церковных имуществ.

Когда вспомнишь об огромных барышах, которые подрядчик по сносу Бастилии сумел извлечь из операций по продаже строительных материалов³, то становится понятным, насколько этот класс промышленников был всегда наготове ко всяким сделкам и делам: четверть Парижа была отдана в его распоряжение и перед ним открывались великолепные возможности. Меня бы несколько не удивило, если бы было доказано, что недостаток в тот момент находившейся в обращении звонкой монеты, вызывавший действительно много нареканий, имел отчасти своей причиной резкое оживление деловой активности, вызванное Революцией. Неурожай 1789 г. повлек за собой утечку значительного количества денег за границу. Эти деньги еще не успели вернуться. Таким образом, новое общество должно было справиться со множеством смелых

1. „Assemblée électorale de Paris, 18 novembre 1790 — 15 juin 1791. Procès-verbaux..." par E. Charavay.

2. „Société des Jacobins", t. III, p. 232. Рёдерер Пьер (1754—1835) — судья при Мецком парламенте, депутат от третьего сословия горо-

да Мец, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента.

3. Палуа (1755—1835) — архитектор, подрядчик работ по сносу Бастилии; во II г. подвергся преследованиям по обвинению во взяточничестве.

предприятий и сделок, которые рождало само бурление жизни, располагая лишь оскудевшим запасом монеты.

Некоторые мануфактурные города, в частности Лион, выпускали кредитные билеты. Это были мелкие купюры, за подписью частного товарищества, они могли обмениваться на ассигнаты. Это в некоторой мере восполняло недостаток звонкой монеты и недостаток ассигнатов малой стоимости.

Этот механизм отлично работал, и кредитные билеты не претерпели ни малейшего обесценения, что свидетельствует о кредитоспособности ассоциаций промышленников, пустивших эти билеты в обращение. Это еще один признак экономического процветания и жизнеспособности.

К тому же, судя по проводившимся в то время подсчетам, правда недостаточно надежным, внешняя торговля Франции сильно возросла в 1789—1792 гг. Объем товарооборота как будто бы достиг в 1792 г. 1732 млн. франков, из коих 929 млн. приходилось на импорт и 803 млн. на экспорт. Иначе говоря, товарооборот вырос по сравнению с 1789 г. более чем на 600 млн.

Следует, правда, заметить, что довольно трудно установить, в какой мере этот рост в ценностном выражении связан с довольно уже заметным в 1792 г. обесценением ассигната, которое влекло за собою рост цен как импортируемых, так и экспортируемых товаров. Однако значительный рост товарооборота, по-видимому, действительно имел место. Даже Зибель¹, весьма склонный сгущать краски, признает, что в первые годы после введения ассигнатов их обесценение, скорее, даже способствовало росту нашего экспорта: разница между ценою золота и курсом ассигнатов представляла некую премию для наших экспортеров, которые, продавая на внешних рынках на золото, имели потом возможность обменивать это золото на ассигнаты, получая при этом дополнительную прибыль.

Я не могу привести здесь полностью и потому только отмечу важный доклад о внешней торговле за первое полугодие 1792 г., представленный Конвенту 20 декабря 1792 г. министром внутренних дел². Отмечаемое им для этого периода оживление возникло, очевидно, не в один день, оно было подготовлено всеми усилиями, которые предпринимались в 1791 г., что, впрочем, подтверждается вышеприведенной интересной выдержкой из Рёдерера. Министр в своем докладе пишет:

„Объем нашего экспорта достиг в первом полугодии 382 млн. Чтобы лучше оценить положение, добавлю, что среднегодовая цифра экспорта не превышала 357 млн., стало быть, одно полугодие дает нам превышение в 25 млн. по сравнению со стоимостью экспорта за год“.

И он утверждает, что это результат не искусственного повышения цен а реального роста количества экспортируемых товаров. Так, например, вырос экспорт вин. „Наши полотняные изделия,— добавляет он,— занимают устойчивые позиции на внеш-

них рынках. Вывоз батистов, кружев и сукон возрос, а шелковые ткани, газы, ленты и шелковый трикотаж нашли на внешних рынках давно невиданный хороший сбыт, поскольку ежегодно в среднем этих изделий продавалось не более чем на 36 млн., а за последнее время их продано на 45 млн., и все это ушло в Германию“.

Итак, вопреки совершенно произвольным утверждениям именно отрасли промышленности, изготовлявшие предметы роскоши, представляются в этот первый период Революции наиболее активными, и мы теперь понимаем, почему упомянутый нами немецкий путешественник Рейхардт нашел Лион в цветущем состоянии в разгар зимы 1792 г.³ Я даже задумываюсь над тем (но это чистейшее предположение), не следует ли это отнести в какой-то мере на счет эмигрировавших по ту сторону Рейна принцев и дворян, способствовавших как собственными покупками, так и примером, который они давали немцам, импорту в Германию французских шелковых изделий. Таким образом, вначале даже эмиграция имела своим результатом лишь отдаление аристократической клиентуры промышленности, производящей предметы роскоши, но отнюдь не ее исчезновение.

Так или иначе, я считаю себя вправе заключить, что, до того как разразилась военная гроза, в промышленности Франции было налицо скорее оживление, чем депрессия. Стало быть, рабочие не страдали, более того, весьма вероятно, что наблюдался достаточно большой спрос на рабочую силу. Следует заметить, с другой стороны, что ни в 1790, ни в 1791 и в 1792 гг. не было сильных народных волнений. Что касается событий 20 июня и 10 августа, то они отнюдь не связаны с экономическими трудностями.

Но, когда началось падение курса ассигната, составившее в 1791 г. 6 или 7% и усугубившееся в 1792 г., не вызвало ли это вздорожание предметов питания и, как следствие, ухудшения условий жизни рабочих? Казалось бы, если они получают от предпринимателя ассигнат в 5 ливров за два или три рабочих дня и если этот ассигнат теряет 7 или 8% своей стоимости, то рабочие теряют 7 или 8 су за эти два или три рабочих дня.

Но было бы крайне рискованно делать такой вывод для 1791 г. Марат, как мы уже знаем, весьма настроенный против ассигнатов, заявил, правда, что однажды, в день бегства короля, курс ассигната упал на 40%. И он подсчитывает, что обесценение ассигнатов будет иметь следствием такое вздорожание товаров, которое перекроет снижение цен благодаря упразднению ввозных пошлин. Но он не может привести ни одного конкретного факта. Он не мо-

1. Н. von Sybel. Geschichte der Revolutions Zeit. Düsseldorf, 1853—1879, 5 vol.
2. Речь идет о Ролане, второй раз занявшем пост министра внутренних дел (10 августа 1792 г.—23 ян-

варя 1793 г.). См.: „Moniteur“, t. XIV, p. 836.
3. Reichardt. Un Prussien en France en 1792: Strasbourg, Lyon, Paris, lettres intimes.

жет отрицать того, что цена хлеба снизилась. Он не может указать ни одного продукта, за который рабочим, расплачивающимся ассигнатами, пришлось бы платить какую-нибудь дополнительную сумму.

Как объяснить это странное явление, поначалу приводящее в смущение? Нельзя предположить, что торговцы соглашались нести убыток от падения курса ассигната. Я думаю, что дело происходило следующим образом. В то время торговцы не делали никакого различия между золотом, серебром или ассигнатами, особенно розничные торговцы, лавочники, у которых рабочие закупали свою провизию. Когда рабочий закупал у них товара на 5 ливров и платил им серебром или бронзовой монетой, это было хорошо; если он платил им ассигнатами, торговец не требовал никакого дополнения, довольствуясь ассигнатом в 5 ливров. Если бы он проводил различие между ассигнатами и металлическими деньгами, он оттолкнул бы этим своих покупателей. Поскольку курс ассигната подвергался ежедневно легким колебаниям, то существовала бы постоянная неуверенность относительно размеров доплаты и самый непритязательный прилавок булочной или бакалейной лавки превратился бы в очаг ажиотажа. Поэтому торговец предпочитал не делать никакой разницы между бумажными и металлическими деньгами, он довольствовался повышением цен своих товаров с таким расчетом, чтобы покрыть убыток от падения курса ассигната на 6%. Поскольку значительная часть покупок оплачивалась металлическими деньгами, так как Учредительное собрание пустило в обращение в большом количестве бронзовую монету для производимых народом мелких покупок, то обесценение ассигната на 10% отнюдь не сказывалось на всех операциях в совокупности, оно не превышало 2—3%. И эта мало ощущаемая разница, почти незаметная в розничной торговле, перекрывалась удешевлением товаров вследствие упразднения ввозных пошлин, общего экономического оживления и мира как внутри страны, так и с другими государствами.

К тому же, и это очень важно, небольшое недоверие к ассигнатам в 1791 г., по-видимому, связано главным образом с тем, что ассигнаты были менее удобны в торговом обиходе, так как имели меньше подразделений, чем металлические деньги. Это особо подчеркнул Рёдерер в своем выступлении в Якобинском клубе, на которое я уже ссылался выше:

„Единственная причина невыгодного положения бумажных денег по сравнению с металлическими состоит в том, что бумажные деньги не имеют достаточно мелких купюр. Если хотите устранить это зло, увеличьте число мелких купюр. В настоящий момент, когда мануфактуры достигли расцвета, можно быть уверенным, что деньги вернутся во Францию. Но это не поможет делу, если к ассигнатам в 5 ливров вы не добавите купюры в 10 су, чтобы их можно было разменивать“.

Рёдерер имел в виду, что звонкую монету невозможно будет легко обменивать на ассигнаты, если мелкие купюры ассигнатов не будут согласованы с мелкой разменной монетой металлических денег. Он убеждал придать ассигнатам такую же подвижность, такую же делимость, какой обладает металлическая монета, и тогда между ними установится равенство.

Но если ассигнаты были связаны с неудобствами для частных лиц, вынужденных терять время, чтобы раздобыть мелкие деньги для своих маленьких покупок, то эти неудобства обременяли больше покупателя, чем лавочника. И цена товара, следовательно, не обязательно повышалась, даже в той очень скромной пропорции, которую я указывал выше.

Наконец — и это главное, — рабочие в своих жалобах относительно заработной платы никогда не утверждали в 1791 г., что они страдают от косвенного снижения цены их рабочей силы вследствие обесценения ассигнатов. А ведь это был бы сильнейший аргумент в поддержку требования повышения заработной платы.

ЗАКОН ЛЕ ШАПЕЛЬЕ

Итак, можно с уверенностью сказать, что в 1791 г. легкое падение курса ассигната ни в коей мере не противодействовало общим факторам процветания и благосостояния. И если весной 1791 г. в Париже происходят довольно сильные волнения среди рабочих-строителей, то причиной их были вовсе не безработица, не сокращение заработной платы, не какие-либо исключительные страдания рабочих. Наоборот, рабочие хотели воспользоваться благоприятной конъюнктурой, создавшейся в строительном деле, и острой нуждой предпринимателей в рабочей силе, чтобы добиться лучшей оплаты труда. В этой борьбе рабочие находились в столь выгодных для них условиях, что предпринимателям пришлось прибегнуть к помощи Учредительного собрания, чтобы сломить коалицию рабочих¹.

Это и послужило поводом к изданию знаменитого закона от 14 июня 1791 г. Его основные положения часто упоминаются.

Приводим его полный текст²:

„Закон относительно сборищ рабочих и ремесленников одной и той же специальности и профессии.

Поскольку запрещение образования каких-либо корпораций лиц одной специальности и профессии является одной из основ

1. О социальной обстановке, в которой был votирован закон Ле Шапелье, см. работы Ш. Пуа (Ch.-H. Pouthas) и Е. В. Тарле, упомянутые ранее, и G. Jaffé.

Le Mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution française. 1789—1791. Paris, 1924.

2. Archives parlementaires, t. XXVII, p. 211; „Moniteur“, t. VIII, p. 662.

французской Конституции, воспрещается восстанавливать их под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме...

Гражданам одной специальности и профессии, предпринимателям, лавочникам, рабочим и подмастерьям любого ремесла не дозволяется, когда они собираются вместе, выбирать себе ни председателя, ни секретаря, ни синдика, ни вести реестры, ни принимать постановления или решения, ни вырабатывать уставы касательно их мнимых общих интересов.

Административным и муниципальным учреждениям запрещается принимать какие бы то ни было обращения и петиции от именующих себя принадлежащими к какой-либо специальности или профессии, равно как давать какой бы то ни было ответ на них, и этим учреждениям вменяется в обязанность объявлять недействительными те решения, которые могли бы быть приняты таким образом, и следить за тем, чтобы им не было дано никакого хода и чтобы они не исполнялись.

Если граждане, занятые одной и той же профессией, искусством или ремеслом, примут постановления, заключат между собой соглашения, направленные к тому, чтобы сообща отказаться или согласиться только при определенной плате оказывать услугу своим мастерством или своим трудом, то такие постановления и соглашения будут объявлены противоречащими Конституции, посягающими на свободу и на Декларацию прав человека.

Административным и муниципальным органам будет вменено в обязанность объявлять их таковыми. Зачинщики, руководители и подстрекатели, которые предложат или составят тексты таких постановлений или будут председательствовать на таких собраниях, должны предстать по требованию прокурора Коммун перед полицейским судом и должны быть приговорены каждый к уплате штрафа в размере 500 ливров и лишению прав активного гражданина и доступа на первичные собрания в течение одного года.

Всем административным и муниципальным органам воспрещается под угрозой личной ответственности их членов давать работу, допускать или терпеть, чтобы другие допускали к каким-либо общественным работам по их специальности тех предпринимателей, рабочих и подмастерьев, которые были инициаторами вышеупомянутых постановлений или соглашений или подписывались под ними, разве что по собственному почину они явятся в канцелярию полицейского суда, дабы отречься от этих актов и осудить их.

Если упомянутые решения и соглашения, расклеенные афиши, циркулярные письма содержат какие-либо угрозы по адресу предпринимателей, ремесленников, рабочих и поденщиков — иностранцев, прибывших для работы в этих местах, или по адресу тех, кто удовлетворился бы более низкой заработной платой, то

все зачинщики, подстрекатели и подписавшиеся под этими актами или текстами будут наказаны штрафом в размере 1000 ливров каждый и трехмесячным тюремным заключением.

Всякие сборища ремесленников, рабочих, подмастерьев и поденщиков или сборища, подстрекаемые ими против свободного осуществления промыслов и труда, право на которые принадлежит любым лицам и на любых добровольно согласованных условиях, или против действий полиции и исполнения принятых по этим вопросам судебных постановлений, а равно против сдачи с публичных торгов подрядов на различные предприятия, будут рассматриваться как мятежные сборища и, как таковые, рассеиваться вооруженной силой государства на основании законных предписаний, которые будут им даны. Будут подвергнуты наказаниям по всей строгости законов зачинщики, подстрекатели и руководители упомянутых сборищ и все уличенные в самоуправстве и насильственных действиях¹.

Вот каков этот страшный закон, разбивающий все коалиции, закон, который под видомостью равного отношения к предпринимателям и рабочим в действительности бил только по рабочим, карая их штрафом, тюрьмой и лишением права участвовать в общественных работах.

Этот запретительный закон тяготел над рабочими Франции в течение 75 лет. Он так часто применялся для осуждения пролетариев, что стал для них символом самого жестокого классового духа, самого узкого буржуазного эгоизма. Закон от 14 июня 1791 г., бесспорно, является в эпоху Революции, провозгласившей „права человека“, одним из самых четких актов классового самоутверждения. Но, пожалуй, в 1791 г. он не имел в сознании революционной буржуазии того насильственного характера, который впоследствии он приобрел в ходе социальной эволюции, ибо в то время классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом проявлялся еще слабо. Поэтому историк, желающий действительно глубоко проследить развитие классов, должен тщательно вникнуть в тот смысл, какой придавали закону от 14 июня его современники.

Маркс упоминает об этом законе в беспощадной главе своего „Капитала“: „Кровавое законодательство с конца XV века против экспроприированных. Законы с целью понижения заработной платы“¹. В законе от 14 июня, принятом французской революционной буржуазией, он видел эквивалент тех английских статутов, которые отдавали рабочих, уклоняющихся от работы, в рабство и устанавливали максимум заработной платы, который не должен быть превышен. Рабочие коалиции изобличаются таким образом, говорит Маркс, как посягательство на Декларацию прав

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 744—752.

человека, они становятся актом измены, государственным преступлением совершенно так же, как и в старых рабочих статутах.

„Точно так же французская буржуазия в самом начале революционной бури, — пишет он, — решилась отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочие коалиции „преступлением против свободы и декларации прав человека“, карасмым штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданства на один год. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из Code pénal [Уголовного кодекса]. В высшей степени характерна мотивировка этого буржуазного государственного переворота. „Хотя и желательно, — говорил выступивший докладчиком Ле Шапелье, — повышение заработной платы выше теперешнего уровня, дабы тот, кто получает эту плату, *избавился от абсолютной, почти рабской зависимости*, обусловленной недостатком необходимых жизненных средств“, тем не менее рабочие не должны сговариваться между собой относительно своих интересов, не должны действовать совместно с целью *смягчить свою „абсолютную, почти рабскую зависимость“*, так как этим „они нарушили бы свободу своих бывших хозяев, теперешних предпринимателей“ (свободу держать рабочих в рабстве!). и так как коалиции против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть *восстановление цехов, отмененных французской конституцией*“ [курсив Жореса — Ред.].

Отдавала ли себе действительно революционная буржуазия, и до такой степени, отчет в том, какой удар она наносила пролетариату и какие преимущества обеспечивала себе в экономической борьбе? Прения по поводу закона не могут нас просветить на этот счет. С трибуны никто не потребовал объяснений у Ле Шапелье, никто не выступил против законопроекта. Ропот (которого Маркс не отметил) раздался лишь тогда, когда Ле Шапелье заявил, что недостаточная заработная плата равносильна своего рода рабству. Один из членов Собрания с места потребовал, чтобы запрещение не распространялось на торговые палаты. Это было принято без прений, но любопытно, что разосланный по муниципалитетам текст закона, утвержденного 17 июня, не содержит этой статьи. импровизированной в ходе заседания и оставшейся в тексте резолюции о переходе к очередным делам¹. Проект закона был принят, по-видимому, единогласно или, во всяком случае, без всякого сопротивления. Следует ли именно в этом единодушии видеть примету классового закона? А это своего рода молчаливое согласие между Робеспьером и Ле Шапелье, между демократами и умеренными, следует ли видеть в нем первый пример объединения буржуазии против пролетариев? В то время Ле Шапелье творил

дело реакции: в своем качестве докладчика Конституционного комитета он старался урезать народные свободы. Однако не похоже на то, чтобы его ненависть ко всякой корпорации, объединению была притворной и служила лишь предлогом для распыления сил рабочих. Вспомним, как резко он выступал против религиозных корпораций; вспомним, что, когда церковь для сохранения своих владений ссылалась на права бедных, он воскликнул: „Неужели бедные составляют касту?“ — и утверждал, что забота об их пропитании, трудоустройстве лежит не на объединениях частных лиц, а на государстве. Мы увидим, что Ле Шапелье был, если можно так выразиться, индивидуалистом-этатистом, мало склонным терпеть объединения, независимо от всяких классовых интересов.

Я, пожалуй, склонен думать, что в интересах индивидуальной свободы и с целью уничтожения рабства, на которое обрекает рабочих слишком низкая заработная плата, он допустил бы вмешательство государства для установления минимума заработной платы.

Индивидуумы и государство: никаких промежуточных группировок — такова социальная концепция Ле Шапелье. Конечно, она служила интересам буржуазии. Но я не убежден в том, что Ле Шапелье выступил с проектом закона от 14 июня главным образом для того, чтобы обезоружить пролетариат. Так или иначе, как объяснить полное молчание Робеспьера? Я прекрасно понимаю, что он отнюдь не был социалистом. Но он был демократом и опирался скорее на массу ремесленников и рабочих, чем на промышленную буржуазию.

Незадолго до 14 июня, в ходе двух важных дискуссий, об организации национальной гвардии и о праве петиций, он встал на защиту „бедных“, неимущих граждан. По какому праву, воскликнул он, собираются дать оружие только активным гражданам?

„Лишить какую-либо часть граждан права вооружаться, чтобы одновременно облечь этим правом другую часть, — это значит нарушить как равенство, эту основу нового общественного договора, так и священные законы природы... Одно из двух, либо законы и Конституция были выработаны в общих интересах, и в этом случае их охрана должна быть доверена всем гражданам, либо

1. Archives parlementaires, t. XXVII, p. 22; в „Moniteur“ нет никакого упоминания об этом. Ле Шапелье заявил: „Я слышал, что вокруг меня говорят о необходимости сделать исключение для городских торговых палат. Это не вызывает никаких сомнений. Вы прекрасно понимаете, что никто из нас не

собирается мешать коммерсантам совместно обсуждать их дела. Итак, я предлагаю включить в протокол положение, сформулированное следующим образом: „Национальное собрание, считая, что декрет, который оно только что приняло, не касается торговых палат, переходит к очередным делам“.

они были установлены ради выгоды определенного класса людей, и тогда это — дурные законы.

Тщетны были бы попытки противопоставить этим неприкосновенным правам какие-то мнимые неудобства и химерические страхи... Нет, нет, общественный порядок не может покоиться на нарушении неотъемлемых прав человека... Бросьте клеветать на народ и богохульствовать против вашего суверена, изображая его постоянно неспособным пользоваться своими правами, дурным и жестоким: это вы развращены...

Народ добр, терпелив, великодушен. Народ требует только спокойствия, справедливости, права на жизнь. Могущественные люди, богачи жаждут отличий, сокровищ, наслаждений. Интересы, желания народа — это интересы и желания природы, человечества, это общие интересы. Интересы и желания богатых, влиятельных людей определяются честолюбием, жадностью, самыми экстравагантными фантазиями, самыми губительными для счастья общества страстями... В самом деле, кто совершил нашу славную Революцию? Разве богачи и влиятельные люди? Только народ мог ее желать и мог ее совершить. По этой же причине один только народ может ее защищать.

В заключение он потребовал выдачи оружия всем гражданам, имеющим постоянное место жительства. Мог ли человек, выступавший 27 и 28 апреля с такими речами, хранить молчание 14 июня, чтобы в ущерб рабочему люду щадить классовые интересы буржуазии? Правда, я знаю, что демократы, смелые в плане политическом, часто оказываются робкими и реакционными в экономическом плане.

Но даже с экономической точки зрения дать оружие всем гражданам было делом более смелым, нежели предоставить рабочим право коалиций для борьбы за повышение заработной платы. Бланки сказал: „У кого оружие, у того и хлеб“, и имущая буржуазия больше боится всеобщего вооружения народа, нежели права коалиций. И вот вам доказательство: в результате вековой борьбы пролетариат смог завоевать право стачки, но не смог завоевать права иметь оружие.

Я считаю поэтому невозможным, чтобы человек, в 1791 г. желавший вооружить всех граждан, бедных и богатых, и предоставить всем гражданам, бедным и богатым, право голоса и ружье, чтобы такой человек присоединился к буржуазной уловке, направленной против заработной платы рабочих, если он уловил ее смысл. Как раз 9 и 10 мая он дал бой в защиту права коллективной петиции. Ле Шапелье от имени Конституционного комитета потребовал, чтобы Собрание разрешило только индивидуальные петиции. Всякие коллективные манифестации народных собраний должны были быть запрещены. Робеспьер заявил резкий протест: „Не для того я выступаю с этой трибуны, чтобы возбуждать народ к мятежу, а для того, чтобы защищать права граждан... Я особенно буду

защищать самых бедных. Чем слабее и беднее человек, тем больше он нуждается в праве петиции“¹.

На следующий день он опять взял слово, чтобы ответить Бомецу. „Робеспьер,— говорил Амель на основании сообщения в „Курье де Прованс“,— приложил невероятные усилия, чтобы остановить Собрание в его ретроградном движении. Его суровые и трогательные слова звучали, как отзвук вечных истин...“

Эти речи неизбежно должны были вызвать раздражение некоторых членов Собрания. Возмущенный поведением Мартино, который его не раз прерывал, оратор потребовал от председательствующего, чтобы тот не позволял оскорблять его, когда он защищает священные права граждан.

„Когда председательствующий Д'Андре² спросил: разве он не делает все для поддержания порядка, слева внезапно раздался возглас: нет.— Пусть тот, кто сказал „нет“, встанет и докажет это.— Лаборд³ встал и заявил: Я сказал нет, так как замечаю, что, когда говорит Робеспьер, вы не так заботитесь о соблюдении тишины, как тогда, когда говорили Бомец и Ле Шапелье.— Чем слабее человек,— продолжал Робеспьер,— тем более он нуждается в защищающей власти уполномоченных народа. Итак, не только не следует урезывать возможности осуществления этого права для неимущего человека, чиня ему препоны, надо, напротив, облегчить ему осуществление этого права“.

Как объяснить, что человек, отстаивавший столь решительно вопреки ропоту и выражениям нетерпения Собрания право подачи коллективных петиций для всех граждан, не обмолвился ни словом 14 июня по вопросу, представлявшему в известном роде экономическое продолжение первого вопроса? Ибо право коалиции — это коллективные действия бедняков в плане экономическом, подобно тому, как право коллективной петиции — это их организованные действия в плане политическом.

Очевидно, Робеспьер, наивно говорящий, что Революцию совершили бедняки, и не видящий огромного буржуазного экономического развития, завершением коего явилась Революция, не предвидел той великой классовой борьбы, которая должна была родиться в капиталистической промышленности.

Преобладание, тогда еще очень заметное, мелкой промышленности, вероятно, скрывало от него суть проблемы. Возможно также, что ему представлялось, как это ни кажется парадоксальным Марксу, что если бы рабочие могли объединяться, чтобы навязать предпринимателям минимум заработной платы, и если бы они

1. См.: М. Робеспьер. Избранные произведения в трех томах. М., 1965, т. 2—3.

2. Д'Андре (1759—1825) — советник при парламенте Прованса, депутат дворянства от Экского сенешаль-

ства. „Moniteur“, t. VIII, p. 359—360.

3. Лаборд (1761—1801) — хранитель королевской казны, депутат третьего сословия от Этамского бальяжа. „Moniteur“, t. VIII, p. 359.

могли создавать с предпринимателями, согласившимися на такой минимум, некую ассоциацию, направленную против предпринимателей, не согласившихся на него, то таким путем были бы восстановлены лишь недавно уничтоженные корпорации.

Я не могу найти другого объяснения его молчания. Газеты тоже молчали. Из слов Маркса, напомнившего, что Камилль Демулен назвал Ле Шапелье жалким крючкотвором, можно было бы заключить, что Демулен отозвался так о нем именно в связи с законом от 14 июня*. На самом деле инвектива Демулена в адрес Ле Шапелье относится к закону от 10 мая о праве петиций. Демулен ни словом не обмолвился в своей газете „Револьюсьон де Франс э де Брабан“ о законе от 14 июня. Равным образом и „Револьюсьон де Пари“ ограничилась приведением текста закона от 14 июня без всяких комментариев.

То, что „Револьюсьон де Пари“ хранит молчание по этому вопросу, не удивительно. Во время конфликта между подрядчиками строительного дела и их рабочими, конфликта, послужившего поводом для издания закона, газета заняла очень неловкую позицию. Она высказалась в том смысле, что, конечно, хорошо, чтобы рабочие получали приличную заработную плату, но что и хозяева должны извлечь пользу из упразднения городских ввозных пошлин.

Что это означает, как не то, что предприниматели могут платить своим рабочим на столько меньше, на сколько жизнь стала для последних менее дорогой? Газета Прюдома, пожалуй, не сожалела о том, что закон делал невозможными конфликты, от которых могла бы пострадать революционная буржуазия.

Поэтому не удивительно, что она поддержала своим молчанием то, что Маркс называет „буржуазным государственным переворотом“, разве что она не уловила того значения, которое этот закон должен был приобрести в будущем.

МАРАТ И ЗАКОН ЛЕ ШАПЕЛЬЕ

Марат не уловил этого значения, это очевидно. И его высказывания представляются мне решающим доказательством того, что зарождавшийся экономический конфликт между буржуа и пролетариями еще не был осознан и что закон 14 июня не содержал в себе классовой подоплеки в такой мере, как это полагал Маркс.

Марат видел только политическую сторону закона от 14 июня, он не видел его экономической стороны. А между тем он был хорошо ориентирован; он был хорошо осведомлен о конфликте между предпринимателями строительного дела и рабочими, и он занял четкую позицию в пользу рабочих. Любопытное дело! 12 июня, за два дня до принятия закона Ле Шапелье, Марат напечатал очень резкое письмо рабочих,[†] направленное против предпринимателей.

Он поместил его в самом начале и набрал крупным прифтом. „Другу народа.— Дорогой пророк, подлинный защитник класса неимущих, позвольте рабочим разоблачить перед вами все злоупотребления и подлости, которые измышляют подрядчики по строительным работам, чтобы возмутить нас, доведя до отчаяния. Не довольствуясь тем, что они нажили огромные состояния за счет бедных чернорабочих, эти алчные угнетатели, сговорившись между собой, распространяют ужасные пасквилы против нас, чтобы лишить нас работы [рабочие организовались вместе с новыми предпринимателями, принявшими их условия]; в своей бесчеловечности они дошли до того, что обратились к законодательной власти, дабы добиться принятия против нас варварского декрета, обрекающего нас на голодную смерть.

Эти низкие люди, в праздности пожирающие плоды тяжкого труда рабочих, люди, никогда не оказавшие никакой услуги нации, попрятались 12, 13 и 14 июля в подвалы. Когда они увидели, что класс обездоленных один совершил Революцию, они вылезли из своих логовищ, чтобы третировать нас как разбойников. Затем, когда они увидели, что опасности миновали, они стали интриговать в дистриктах, чтобы подцепить местечко, они вырядились в мундиры и эполеты. Ныне, вообразив, что они сильнее всех, они хотели бы заставить нас согнуться под самым жестоким игом. Они давят нас безжалостно, не ведая угрызений совести.

Дорогой Друг народа, вот некоторые из этих невежественных, алчных и ненасытных угнетателей, которых разоблачают перед вами рабочие, занятые на строительстве церкви св. Женевьевы:

Понсе, подрядчик-строитель новой церкви св. Женевьевы, родился в Шалоне на Соне, по профессии ломовой извозчик, не имеющий никаких знаний в строительном деле, но столь совершенно разбирающийся в искусстве хищения, что сколотил себе 90 тыс. ливров ренты за счет своих рабочих.

Кампъон, родился в Кутансе, сначала был рабочим в Париже, ныне, несмотря на свое крайнее невежество, подрядчик на строительстве церкви Спасителя, присвоил себе малый особняк Табарен и ныне имеет 90 тыс. ливров ренты.

Кийо, взявший жену с улицы и сделавшийся подрядчиком-строителем, неизвестно каким образом, ныне богат, имеет 50 тыс. ливров ренты.

Биевр, родился в Аржантоне, служащий гг. Ролан и К°, которых он разорил нелепыми действиями при постройке торговой палаты, но сколотил себе состояние в 30 тыс. ливров ренты.

Монтины, родился в Аржантоне, подрядчик по ремонту Кенз-Вен** в Сент-Антуанском предместье, владеет лично тремя великолепными домами в Париже.

* Жорес неточен, цитируя Маркса. ** Знаменитый приют для слепых, основанный в Париже в 1260 г.
— *Прим. ред.*

Шаваньяк, из Лимузена, прибыл в Париж в деревянных башмаках, владеет четырьмя прекрасными особняками.

Конейфи, первоклассный плут, недавно был нанят для выплаты заработной платы рабочим каменоломен, конная жандармерия к его услугам, наворовал у казны более 2 млн.; построил себе большие склады в Куртий; всегда грубо обращался с рабочими и обкрадывал их.

Делабр, сын торговца известью из Лиможа, сначала поживился на постройке здания Итальянской комедии, ныне имеет более 40 тыс. ливров дохода.

Гобер, невежественный, грубый и бездарный, разворовал больше 200 тыс. ливров при строительстве зданий Брюна, а затем построил себе на бульваре домов более чем на 500 тыс. ливров.

Перо, рабочий-буржундец, пользуется покровительством управляющих больницами за то, что женился на незаконной дочери покойного Бомона, архиепископа Парижского; недавно отошел от дел, имея доход 200 тыс. ливров.

Ружвен, рабочий из Шампани, всего лишь 5 лет как стал подрядчиком-строителем и уже разбогател; имеет 50 тыс. ливров ренты.

Вот вам описание источников возвышения наших кровопийц и их скандальных состояний. Кто бы мог подумать, что эти люди, буквально распухшие от богатства, безобразно скупы и жадны и стараются еще уменьшить ту поденную плату в 48 су, которую администрация нам пожаловала. Они не хотят считаться с тем, что мы заняты всего-то 6 месяцев в году, что сводит нашу поденную плату к 24 су, и на эту скудную плату нам нужно прокормиться, платить за квартиру, одеваться и содержать наши семьи, если у нас есть жена и дети. Таким образом, истощив наши силы на службе государству, истязаемые нашими начальниками, отошавшие от голода и измученные усталостью, мы часто не имеем другого выхода, как закончить наши дни в Бисетре, тогда как наши вампиры живут во дворцах, пьют изысканные вина, спят на пуховиках, ездят в золоченых каретах и среди изобилия и удовольствий забывают о наших несчастиях и часто отказывают семье рабочего, раненого или убитого в полдень, в плате за первую половину дня.

Дорогой Друг народа, примите наши жалобы и поддержите наши справедливые требования в эти моменты отчаяния, когда мы видим, как обмануты наши надежды. Ибо мы лелеяли надежду разделить преимущества нового порядка вещей и увидеть, как смягчается наша участь...

Подписано всеми рабочими, занятыми на строительстве новой церкви св. Женевиевы, в числе 560.

Париж, 8 июня 1791 г.

И, воспроизведя это страшное письмо, Марат пишет: „Сгораешь от стыда и стонешь от боли при виде того, как целый класс обездоленных, приносящих столь великую пользу, отдан на милость

кучки мерзавцев, жиреющих на их поте и крови и варварски похищающих у них скудные плоды их трудов. Такого рода злоупотребления, лишающие общество услуг многочисленного класса достойных уважения граждан или, вернее, направленные к уничтожению его нищетою, должны были бы привлечь внимание Национального собрания и побудить его уделить им некоторую толику того времени, которое оно посвящает столь пустым дискуссиям и столь нелепым дебатам“.

Конечно, человека, приведшего и одобившего это письмо рабочих, их жалобу, столь горестную и отчаянную, их столь резкое обвинение в адрес подрядчиков-строителей, невозможно заподозрить в желании шадить интересы класса буржуазии. И по прочтении номера от 12 июня ожидаешь, что Марат, узнав о законе от 14 июня, воскликнет: „Так вот как Собрание отвечает на чаяния рабочих! Отнюдь не прислушиваясь к их жалобам, оно запрещает им объединяться для защиты своей жалкой заработной платы; оно отдает их на милость крупных предпринимателей. Тем самым оно посягает не только на свободу граждан, но и на хлеб рабочих“.

Да, если бы в конфликте между крупными подрядчиками строительного дела и их рабочими Марат видел эпизод начинавшейся классовой борьбы между пролетариями и буржуа-капиталистами, то он истолковал бы закон от 14 июня 1791 г. именно в этом смысле, как ограничение экономической свободы рабочих. Между тем очевидно, что этот закон является для него лишь политическим дополнением к законам, ограничившим право петиций и право ассоциаций. Вот что он пишет 18 июня¹:

„Вопреки всем вракам наемных лстецов несомненно, что представители привилегированных сословий, которые, естественно, заодно с королем, всегда только и мечтали о восстановлении деспотизма на развалинах завоеванной народом свободы. Они оказались самой слабой стороной после взятия Бастилии и вынуждены были присмиреть. Из необходимости они сделали добродетель и стали афишировать любовь к справедливости и свободе, которой никогда не было в их сердцах.“

Они погибли бы безвозвратно, если бы депутаты народа обладали какой-либо добродетелью. К несчастью, почти все они были лишь интриганам, привыкшими раболепствовать перед лакеями министров, и в большинстве случаев гнусными агентами власти, которые поначалу афишировали свой патриотизм и фрондировали против власти лишь для того, чтобы затем дорожке продать свой голос. Итак, они почти все продались двору. Теперь они вели игру. Поэтому, как только народ был несколько усыплен, они принялись скрывать его посредством некоего закона о военном положении под предлогом необходимости пресечь народные расправы, нарушающие справедливость и возмущающие чувство человечности.

1. „L'Ami du peuple“, 18 juin 1791.

В дальнейшем они мало-помалу лишили нацию ее суверенных прав, затем приложили усилия к тому, чтобы отнять у нее способность когда бы то ни было вернуть их себе, лишив членов нации их гражданских прав в результате серии все более тиранических посягательств.

Представителей народа больше всего затрудняло то, что они постоянно видели своего суверена всегда начеку, всегда готовым отомстить за злоупотребление властью, которую он им доверил. *Они приложили все свои усилия, чтобы распустить его собрания и парализовать их, чтобы их члены были изолированы.* За декретом, предписывавшим перманентность собраний дистриктов, вскоре последовал декрет, который парализовал секционные собрания, подчинив их муниципальным агентам, коим одним разрешалось созывать их и указывать им, какие предметы им надлежит обсуждать.

Итак, в силу этого прекрасного декрета народ может появляться только тогда, когда его уполномоченные ему это разрешают, он может говорить только тогда, когда они ему открывают рот. Нашим отцам-сенаторам мало показалось этого столь гнусного посягательства: они с ужасом видели, как самая здоровая часть нации объединяется в братские общества [речь идет о клубах]¹, с тревогой следит за их действиями, протестует против злоупотреблений и всегда готова просветить нацию и поднять ее против ее неверных уполномоченных. Чего только они не сделали, чтобы уничтожить эти охранительные общества под тем предлогом, будто они узурпируют всю власть, принимая постановления, тогда как они принимают постановления только для того, чтобы противостоять угнетению, чтобы оказать сопротивление тирании?

Не смея распустить их, они надумали свести их на нет, запретив им всякие постановления, или, вернее, всякие петиции от имени какой-либо ассоциации, под предлогом того, будто право жаловаться есть *право индивидуальное*, что предполагает, что никакая ассоциация не может быть ни ущемленной, ни угнетенной, тогда как каждая ассоциация вынуждена молчаливо сносить наихудшие оскорбления.

Наконец, чтобы воспрепятствовать многочисленным собраниям народа, которого они так сильно боятся, они лишили огромный класс подручных и рабочих права собираться и организованно обсуждать дела, в которых они заинтересованы, под тем предлогом, что такие собрания могли бы возродить упраздненные корпорации.

Они хотели только изолировать граждан и помешать им сообща заниматься общественными делами*.

Итак, для Марата, хотя он был осведомлен о социальной борьбе между подрядчиками-строителями и их рабочими, закон от 14 июня лишь одна из мер роялизма и модерантизма (и, конечно, наименее значительная), направленных против нации. Это не классовое оружие, выкованное революционной буржуазией против пролетариата; это оружие, выкованное сторонниками старого порядка

против новых свобод нации. Марат не обвиняет Учредительное собрание в том, что оно препятствует рабочим собраниям и соглашениям, дабы сохранить низкую заработную плату. Он обвиняет Собрание в том, что оно разгоняет граждан, собирающихся для защиты общественной свободы. Сам он, как нарочно, не замечает социального характера закона, и там, где Маркс разоблачает буржуазный государственный переворот, Марат видит лишь маневр контрреволюции. Ему ни на одну минуту не приходит в голову, что рабочие могли бы на собраниях заниматься обсуждением своих классовых интересов. По его мнению, Собрание запрещает эти собрания потому, что рабочие занимались бы там сообща обсуждением *общественных дел*.

Словом, Учредительное собрание, по его мнению, хотело ликвидировать не пролетарские собрания, направленные против капитала, а народные клубы, патриотические собрания, направленные против интриг реакции.

Любопытно, что первые историки буржуазии как будто совершенно не знали знаменитого закона Ле Шапелье. Тьер в своей „Истории французской революции“ даже не упоминает его. Более того, в 4-м томе этого труда (стр. 324) он пишет следующие удивительные строки по поводу растущей нужды народных масс, вызванной обесценением ассигнатов: „Рабочий люд, постоянно вынужденный предлагать свой труд, отдавать его тому, кто захочет его принять, *не умея сговариваться, чтобы заставить увеличить заработную плату* вдвое, второе соответственно падению курса ассигната, получал лишь часть того, что ему было надобно для приобретения необходимых предметов потребления“. *Не умея сговариваться* — такая ирония была бы слишком грубой, если бы Тьер знал о существовании изданного Учредительным собранием закона, запрещавшего именно сговариваться о таких делах.

Ясно, что он не знал его. И когда я вижу, что Тьер, собравший столько свидетельств современников Революции, не знает о законе Ле Шапелье, когда я вижу, что Марат не придает этому закону никакого экономического, социального значения, я спрашиваю себя, предвидела ли революционная буржуазия всю ту выгоду, которую сможет извлечь из этого закона капитал? Еще более любопытно то, что Луи Блан совершенно не знал о существовании закона Ле Шапелье*.

1. Братские общества отличались от клубов тем, что в них допускались пассивные граждане. Обычно членские взносы в них не превышали 2 су. Туда допускались также женщины. См.: I. Bourdin, Les Sociétés populaires de Paris pendant la Révolution jusqu'à la chute de la royauté. Paris, 1937.

* Внимание Жореса к закону Ле

Шапелье явилось одной из крупных его заслуг в изучении социальной истории Французской революции; и хотя в суждениях Жореса имеются спорные положения, это один из примеров, показывающих, сколь свежо по сравнению со своими предшественниками Жорес подходил к анализу конкретного содержания Революции. — Прим. ред.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПОДРЯДЧИКАМИ-ПЛОТНИКАМИ И РАБОЧИМИ

А между тем Собрание непосредственно занималось конфликтом между подрядчиками-плотниками и их рабочими: следовательно, оно не могло не знать, что закон Ле Шапелье имел своей прямой целью устранение затруднений экономического и социального порядка. К тому же сам Ле Шапелье в своей краткой речи недвусмысленно предупредил Собрание, что речь идет о ликвидации некой общей организации труда, коалиции наемных рабочих.

„Целью этих собраний, распространяющихся по всему королевству и уже завязавших между собою переписку — существование такой переписки доказано письмом, полученным муниципалитетом Орлеана, приславшим его заверенную копию, — целью этих собраний является принудить подрядчиков, бывших мастеров, увеличить поденную плату, помешать заключению полюбовных соглашений между рабочими и лицами, в чьих мастерских они заняты, заставить их внести в реестры обязательство подчиняться тарифам поденной платы, установленным этими собраниями, и другим регламентам, которые они позволяют себе составлять.

Применяется даже насилие, чтобы заставить соблюдать эти регламенты; рабочих принуждают покидать их мастерские, даже когда они довольны получаемой ими заработной платой. Добиваются того, чтобы мастерские опустели, и уже в некоторых мастерских произошли возмущения и имели место различные беспорядки“.

Итак, зарождалась именно классовая организация, готовилось классовое восстание против оторопевшей буржуазии, торжество которой внезапно оказалось под угрозой.

И революционное брожение, общее возбуждение, вызванное у рабочих буржуазной Революцией, создавали движение гораздо более широкое, чем прежнее узкое, партикуляристское движение компаньонажей. У рабочих тоже появилась своя федерация.

Ле Шапелье разглядел, что было нового в этих рабочих волнениях: „Эти злополучные общества, — сказал он, — пришли в Париже на смену другому обществу, которое существовало там под наименованием *Общества деуар* [подмастерья долга].

Те, кто не соблюдал этого долга, регламентов этого общества, подвергался всякого рода притеснениям“.

Утверждая, что эти рабочие собрания шли по следам компаньонажей, Ле Шапелье, однако, констатирует, что они представляли собой нечто совсем другое. Стало быть, он предчувствовал тот новый размах, который приобретет рабочее движение в объединенной Франции.

Очень любопытная речь, произнесенная герцогом де Ларошфуко 16 июня 1791 г., через два дня после принятия закона Ле Шапелье, показывает, что члены Учредительного собрания подметили рабочий характер движения.

Эта речь де Ларошфуко решительно подтверждает то, что я говорил выше о поразительном оживлении деловой активности в 1791 г., и в то же время свидетельствует о том, что, по мнению членов Учредительного собрания, рабочие хотели воспользоваться срочностью и обилием работы, чтобы оказать давление на хозяев.

Герцог де Ларошфуко гораздо лучше Марата уловил смысл и экономический характер этих широких коалиций людей наемного труда. Герцог-филантроп выступал по поводу предполагаемого роспуска государственных мастерских. „Вы решили ждать того момента, когда обилие работы даст обеспеченное существование тем, кто хотел бы его обрести. Ведь если в мастерских столицы, число рабочих которых ныне мерами муниципалитета сокращено до 20 тыс., еще работает много людей, приведенных туда привычкой или их доступностью, то в них имеется очень много таких, для кого труд необходим, отцы семейств, бедные и благонравные, и это, как правило, те, которые во время злоупотреблений показали себя самыми трудолюбивыми, и никому из нас сердце не позволило бы подвергнуть риску хоть один день существования таких людей.

И вот наступил тот момент, когда вы можете, свободные от опасения, донныне заставлявшего вас откладывать решение, принять те меры, которые вам предписывают интересы ваших финансов и общественная нравственность.

Повсюду начинаются сельские работы. Весьма обоснованная надежда на богатейший урожай рождает повсюду спрос на рабочие руки и обещает им длительную занятость и обильный заработок. Во всех департаментах начнутся работы по строительству дорог, тем более широкие, что ими пренебрегали в прошлом году. Многочисленные продажи государственных имуществ, увеличивая число собственников, дают работу людям во всех концах Франции, ибо мало таких собственников, которые бы хотели следовать примеру своих предшественников.

Торговля вновь набирает большую силу, всякого рода мастерские развивают давно забытую активность. Хозяева-рабочие, в частности столичные, жалуются на то, что не могут найти подмастерьев и выполнить заказанные им работы.

Сам факт коалиции многих рабочих, сговаривающихся, чтобы потребовать значительного повышения своей заработной платы, доказывает, по-видимому, что рабочих сейчас меньше, чем работы“.

Это очень ясно выраженная точка зрения, и вся революционная буржуазия была осведомлена о положении дел.

Подрядчики-плотники обратились 30 апреля с жалобой на своих рабочих в парижский муниципалитет. Рабочие ответили 27 мая заявлением, представленным самому Национальному собранию. Оба эти документа, относящиеся к первому крупному экономическому конфликту между пролетариями и капиталистами, возник-

шему с момента начала Революции, представляют большой интерес. Начнем с жалобы подрядчиков:

„Петиция, представленная Парижскому муниципалитету бывшими мастерами-плотниками 30 апреля 1791 г.:

Господа, бывшие мастера-плотники Парижа вынуждены донести муниципалитету об объединении рабочих-плотников, образовавшемся с некоторых пор в зале архиепископства в нарушение всех законов, с целью принятия постановлений, абсолютно противоречащих во всех отношениях общественному порядку и интересам жителей Парижа.

В одном из таких постановлений все члены этого объединения, столь же необычайного, сколь и незаконного, приняли решение установить поденную плату для самых слабых рабочих в 50 су и в начале своего заседания дали клятву не работать за более низкую плату и не позволять другим рабочим работать у предпринимателя, который не согласится на прочие условия, которые им вздумалось навязать бывшим мастерам-плотникам¹. В результате этих постановлений рабочие-плотники, образовавшие сборище, о коем идет речь, разошлись в понедельник 18 числа сего месяца и в последующие дни по разным мастерским и строительным площадкам Парижа и насильно сорвали с работы тех рабочих, которые там мирно трудились.

Подрядчики-плотники, встревоженные этими притязаниями и беспорядками, поспешили донести о них в секции, членами коих они являются, и собирались воззвать к авторитету законов и к помощи муниципалитета на предмет их пресечения и восстановления справедливости, когда узнали из объявлений, расклеенных на всех улицах², что муниципалитет намерен положить конец этим сборищам, вызывающим столь опасные для города Парижа последствия. Но ни ожидания муниципалитета, ни надежды предпринимателей не оправдались. Рабочие-поденщики упорствуют в своей системе, они злоупотребляют тем, что положение многих подрядчиков-плотников вынуждает их соглашаться на навязываемые им жертвы, чтобы продолжать взятые ими на себя строительные работы, и отдавать себя во власть собраний этих рабочих.

Интересы общества, обязательства, принятые на себя бывшими мастерами-плотниками в отношении собственников, с коими они заключили контракты, опасение, что в любой момент опасность может возрасти, — все это повелительно диктует им необходимость обратиться к муниципалитету с представлением о том, что пора принять действенные меры к уничтожению источника стольких беспорядков, которые иначе вскоре обрушатся на все классы общества и причинят непоправимые бедствия.

Господа, как можно, в самом деле, при нынешних обстоятельствах согласиться на произвольное увеличение расценок плотничьих работ? Неужели в то время, когда цены на всякого рода продукты, и особенно продукты первой необходимости, должны

значительно уменьшиться, неужели в это время рабочие могут предъявлять подобное требование? Подрядчики не чувствуют себя вправе распоряжаться подобным образом состоянием собственников [владельцев земельных участков] и лишать их выгоды от упразднения городских ввозных пошлин, которые отчасти они платят другим образом.

Они не должны соглашаться на то, чтобы некое собрание направляло к ним рабочих, определяя число их и категорию, и произвольно устанавливало их плату. Кто поручится подрядчикам, что им не пришлют подручных вместо плотников, раз это объединение сможет взимать поборы с тех лиц, коим оно обеспечит работу? Подрядчики, принявшие на себя определенные обязательства походящей цене или взявшие подряды на строительство с торгов, где подряд сдавался предложившему самую низкую цену, не могут пойти на такое увеличение заработной платы. Так же обстоит дело и с другими, потому что при расчете с ними никто не примет во внимание этого увеличения. Следовательно, внезапное увеличение платы рабочего-плотника на треть практически неосуществимо.

Между тем застой в плотничьих работах приведет к тому, что и другие строительные рабочие будут лишены возможности продолжать работу. Множество чернорабочих и каменщиков вновь вернутся к общественным работам, что увеличит эту статью расходов. По этой же причине возникнет другая неприятность: когда сооружение доведено до первого перекрытия, каменные и плотничьи работы должны идти рука об руку, чтобы подвести постройку под кровлю, а если этого не сделать до наступления зимы, то это повлечет за собою большой ущерб для прочности строения и для владельца.

Рабочие не должны быть рабами, но, когда они проявляют вредную для общества волю и несправедливые претензии, должно применить закон и силы общественного порядка, дабы заставить их выполнять свой долг.

Коалиция, которая сегодня оказывает давление на общую волю, может завтра выступить с еще более чрезмерными претензиями; администрация должна возможно скорее воздвигнуть преграду на пути этой коалиции.

Впредь не должно быть никаких коалиций, никаких общих цен, и конкуренция естественным образом определит взаимные интересы.

В соответствии с изложенными соображениями бывшие мастера-плотники просят:

1. Постановление Братского союза рабочих, занимающихся плотничьим делом, от 18 апреля 1791 г. (Actes de la Commune de Paris, 2e série, t. III, p. 709.)

2. „Обращение к рабочим“ („Avis aux ouvriers“) от 26 апреля 1791 г. (Actes de la Commune de Paris, 2e série, t. IV, p. 8.)

1. Чтобы муниципалитет приказал упразднить и распустить собрание рабочих-поденщиков их профессии, принимая во внимание его незаконность и допущенные им нарушения, *выразившиеся в посягательствах на права человека и на свободу личности.*

2. Чтобы муниципалитет объявил недействительными и не имеющими никакой силы все постановления, решения, регламенты, законы и приговоры, которые оное собрание позволило себе принять или провозгласить тем или иным образом и против кого бы то ни было.

3. Чтобы муниципалитет затребовал к себе все реестры, содержащие вышеупомянутые постановления, для их изучения и принятия решения, кое он сочтет необходимым“.

Как мы видим, сказано очень определенно и даже цинично. Крупные буржуа-предприниматели требуют решительного роспуска рабочих собраний. Они требуют преследования зачинщиков и руководителей движения, ибо наложение ареста на реестры имеет в виду только эту цель. Они утверждают, что коалиция наемных работников искажает конкуренцию и что последняя должна происходить между отдельными индивидуумами, без предоставления пролетариям возможности объединяться.

И дерзко, нагло, как люди, уверенные в своем праве, они ссылаются на *права человека*, для того чтобы организовать угнетение лиц наемного труда. Итак, принимая закон Ле Шапелье, Учредительное собрание определенно высказало свое отношение к первому столкновению между лицами наемного труда и капиталистами, и нельзя не заметить классового происхождения этого закона. И рабочие направили свой ответ самому Учредительному собранию:

„Заявление, представленное Национальному собранию рабочими города Парижа, занимающимися плотницким делом, 27 мая 1791 г.:

Господа, минувшего 14 апреля рабочие, занимающиеся плотницким делом, в полном соответствии с законами собрались лишь после того, как предупредили муниципалитет. Собравшись, они пригласили подрядчиков прийти к ним, чтобы совместно выработать *определенные регламенты касательно рабочего дня и заработной платы рабочих*; но предприниматели с презрением отклонили это приглашение под тем предлогом, что не считают это собрание законным. Рабочие, увидя такое презрение к себе со стороны тех, кто должен был бы дорожить ими и уважать их, ибо им они обязаны своим богатством, дали им почувствовать всю несправедливость их поведения всеми способами, подсказанными им благоразумием, и не нарушая границ, предписанных законами, в надежде, что предприниматели, таким образом, скорее решатся принять участие в составлении предложенных регламентов. Тщетно прождав четыре дня, рабочие сочли своим долгом предотвратить беспорядки, которые могли бы возникнуть вследствие упрямства предпринимателей.

В соответствии с этим рабочие решили: публика отнюдь не должна страдать от злой воли предпринимателей; обеспечим ей наш труд на условиях отнюдь не чрезмерных, но абсолютно соответствующих требованиям справедливости. И что произошло дальше? Некоторые из рабочих нашли заказы, взялись за их выполнение и сами предложили платить рабочим, которых они нанимали, по 50 су, как самую низкую поденную плату. И они потребовали разработать точные регламенты, чтобы иметь возможность заключать сделку с владельцем земельного участка, опираясь на твердые расчеты. Таким образом, то, что бывшие предприниматели называют постановлением, на самом деле является полюбовным соглашением. Чтобы удовлетворить новых предпринимателей, рабочие выработали регламенты из 8 статей, каковые были найдены столь справедливыми, что все новые предприниматели и большинство рабочих пожелали поставить под ними свои подписи. Возник вопрос, могут ли эти регламенты осуществляться, не причиняя ущерба владельцам участков и законной и умеренной прибыли предпринимателей. Таким образом, недостаточно было того, чтобы эти регламенты были составлены людьми этого ремесла и весьма сведущими. Нужно было еще, дабы на них можно было сослаться в случае жалоб, чтобы эти регламенты, какими бы справедливыми они ни были, были одобрены всеми заинтересованными сторонами.

Исходя из этого, рабочие представили эти регламенты г-ну мэру, коего они просили соблаговолить стать посредником в этом деле и пригласить бывших мастеров присоединиться к рабочим, дабы способствовать установлению поденной платы. Что касается обвинений, выдвинутых бывшими мастерами, то рабочие не считают более своим долгом отвечать на них. Эти обвинения абсолютно голословны и лишены основания.

И эта очень небольшая группа бывших предпринимателей плотницкого дела, встревоженных тем, что их лишают ужасного права, коим они пользовались в прошлом, давать рабочим только то, что им, хозяевам, было угодно, и права быстро обогащаться за счет таланта и труда упомянутых рабочих, обратилась в департамент полиции муниципалитета и не преминула донести на рабочих, как на врагов законов, порядка и общественного спокойствия.

Они утверждают, что результатом этого демарша явилось обращение к рабочим от 26 апреля и что рабочие отнеслись к нему с презрением. Но рабочие-плотники не считали, что это обращение относится к ним, поскольку в действительности оно было адресовано не им, а всем рабочим вообще. Они усмотрели в этом обращении всю чистоту намерений муниципалитета и не презирали его. Но вышеназванные предприниматели, якобы огорченные этим мнимым презрением, направили муниципалитету петицию, в которой, презрев все человеческие законы и приличия, позволили себе самые ужасные клеветнические измышления по адресу

рабочих, исходя из преступного намерения представить их врагами общего блага.

Не довольствуясь этим, они обратились к 2-му председателю Национального собрания и представили ему петицию, в которой, как они говорят, описали опасности, неразрывно связанные с корпоративными объединениями рабочих, кои якобы добиваются увеличения заработной платы и принуждают к ее увеличению путем прекращения работ.

Надо признать, что предприниматели действуют весьма недобросовестно: они хорошо знают, что целью нашего общества является помогать друг другу в случае наших недугов и в нашей старости. Это они называют корпорацией. А как тогда назвать благотворительное общество? Но их цель — изобразить рабочих в самых черных красках, приписав им преступные намерения.

Что до регламентов, предложенных рабочими и признанных отвечающими требованиям справедливости большинством бывших мастеров и всеми новыми предпринимателями, но против которых маленькая группа предпринимателей протестует с великим упорством и ожесточением, желая представить дело таким образом, будто рабочие оставляют за собой право увеличивать поденную плату и вынуждать к этому увеличению путем прекращения работ, то эти регламенты были зачитаны на собрании бывших мастеров и им была вручена копия их. Статья VII гласит:

„Рабочие обязуются никогда не воспользоваться тем, что у хозяина очень срочная работа, чтобы заставить его платить больше, чем было договорено“. Национальное собрание, уничтожив все привилегии и власть мастеров и провозгласив Декларацию прав человека, конечно, имело в виду, что эта декларация послужит сколько-нибудь наиболее неимущему классу, столь долго бывшему игрушкой деспотизма предпринимателей. К тому же, если бы мы захотели доносить, подобно бывшим мастерам, мы сказали бы, что они собираются ежедневно, что они создают коалицию и сговариваются платить рабочим возможно меньше, так чтобы рабочий, являясь к предпринимателю, вынужден был соглашаться на предлагаемую ему плату, будучи заранее уверен, что не получит больше у другого. Конечно, они это будут отрицать, но доказательства тому существуют.

Известно также, что некоторые предприниматели договаривались полюбовно с отдельными рабочими, которые, проработав две недели, смогли получить только то, что предприниматели благоволили им дать. В таких случаях рабочие не могут подать никакой жалобы, чтобы добиться уважения своих прав. При таком положении вещей рабочие-плотники и все истинные патриоты вправе ожидать от мудрости Национального собрания, что оно не возьмет под свою защиту коалицию предпринимателей, стремящуюся исключительно к угнетению рабочих, угнетению преступному, ибо оно лишает отечество граждан, которые могли бы отличиться в плот-

ницком деле, столь важном для публики, если бы были уверены, что добудут себе таким образом хотя бы средства к существованию.

К тому же все их демарши свидетельствуют только об их эгоизме и об упорном нежелании расстаться с их былыми привилегиями, о том, что они заклятые враги Конституции, ибо они не признают Декларации прав человека, о том, что они ревностные сторонники самой крайней аристократии и, следовательно, враги общего блага“.

Язык этой петиции рабочих, несомненно, очень твердый и решительный. Они энергично разоблачают извечную коалицию хозяев и красноречиво апеллируют к Декларации прав человека в пользу пролетариев. Ясно, что рабочий класс понимает Декларацию прав как обещание и что пролетариат непосредственно связал свои надежды с символом Революции. Но положительные выводы рабочих неопределенны. Они еще совсем новички и, даже в том, что касается права коалиции и права на стачку, они как будто сомневаются в своем праве. В то время как „бывшие мастера“, оставшись „хозяевами“, утверждают с наглой категоричностью, что не должно быть никаких соглашений, что всякий стовор между лицами наемного труда с целью повышения заработной платы противоречит правам человека и правам личности, что конкуренция предполагает изолированность и что трудовой договор должен быть обсужден и заключен между одним индивидуумом и другим индивидуумом; в то время, как они таким образом освящают с наглой дерзостью главенство хозяев, фактически всегда объединенных, над распыленными рабочими, рабочие со своей стороны не смеют открыто ответить, что у них нет иного средства защитить себя и заставить повысить заработную плату, как объединиться и сообща прекратить работу.

Больше того. Они утверждают, что предприниматели, говоря о том, будто рабочие хотят добиться увеличения заработной платы путем прекращения работ, приписывают рабочим преступные намерения. Они сами рассматривают как преступление заранее обдуманную стачку, то есть единственное эффективное средство борьбы и спасения. И в составляемых ими уставах, в регламенте, предлагаемом ими хозяевам, они сами себе запрещают прекращать работу, когда она срочная, то есть они сами себя лишают права объявления стачки как раз в тот момент, когда стачка может быть победоносной.

Они еще не уяснили себе, что тот буржуазно-капиталистический порядок, при котором обществу предстояло жить, — это порядок ничем не ограниченной борьбы и что им надлежит вооружаться для битвы.

В то время их воодушевляет и возбуждает некая смутная надежда. Они чувствуют, что в новом обществе благодаря свободе они смогут добиться большего благосостояния. Но они еще недостаточно понимают, что это требует непрестанной борьбы. По существу,

они все еще, сами того не ведая, продолжают пребывать во власти старой системы корпораций¹. Они не предчувствуют неустойчивости, растущей изменчивости экономической системы, постоянные и предстоящие вскоре революции в промышленности, резкие колебания производства, цен, заработной платы. И похоже на то, что они хотят иметь некий твердый регламент, установленный раз навсегда или по крайней мере на очень длительный период. Эти регламенты отличались бы от прежних корпоративных регламентов тем, что в прежнее время они устанавливались властью одних хозяев, тогда как новые явятся плодом соглашения между предпринимателями и рабочими. Но при этом они отличались бы почти такой же стабильностью.

Было коварно и абсурдно утверждать, как это делали предприниматели и Лс Шапелье, будто рабочие хотят восстановить былые корпорации. И право, слишком ясно, что Учредительное собрание и его докладчик лишь воспроизвели и превратили в закон петицию, адресованную хозяевами председателю Национального собрания. Но неопределенность взглядов и некая архаичность мышления рабочих способствовали этим козням буржуазного класса. И несомненно, в этом одна из причин того, что такие люди, как Робеспьер, были смущены и не выступили.

Существуют, я полагаю, еще две другие причины этого воздержания и молчания революционеров-демократов. Первая причина, которую г-н Поль-Бонкур так хорошо выявил в своей книге об экономическом федерализме², заключалась в том, что большинство деятелей Революции по странному заблуждению не верили в будущее торжество крупной промышленности. Я уже цитировал те места из Марата, где он утверждает, что упразднение корпораций и цеховой системы приведет к гибели мануфактур: когда каждый сможет работать на себя, никто не захочет стать рабочим и будет множество мелких хозяев, а не одна крупная промышленность.

Мирабо, с его зорким гением и обширными познаниями, Мирабо, знавший, как он показал это на примере горного дела, что некоторые отрасли промышленности могут существовать только при условии крупных капиталовложений, тем не менее полагал, что в общем и целом свобода труда, упразднение фискальных монополий и корпоративных ограничений приведут к распаду крупных мануфактур и появлению множества мелких производителей.

Он изложил эти взгляды в своем объемистом „Эссе о прусской монархии“³. Марксу были известны эти любопытные страницы, и он приводит немало отрывков оттуда⁴: „Во времена Мирабо — этого льва революции — крупные мануфактуры еще назывались manufactures réunies, объединенными мастерскими...“ „Обращают внимание, — говорит Мирабо, — лишь на крупные мануфактуры, в которых сотни людей работают под управлением одного директора и которые обыкновенно называют объединенными мануфактурами (manufactures réunies). Напротив, не удостоивают и взглядом

те мастерские, в которых очень большое число рабочих работает разьединенно, каждый на свой собственный страх и риск. Эти последние совершенно отодвигаются на задний план. И это — большая ошибка, так как только они образуют действительно важную составную часть народного богатства... Объединенная фабрика (fabrique réunie) может чрезвычайно сильно обогатить одного или двух предпринимателей, но рабочие — это лишь поденщики, оплачиваемые выше или ниже и не имеющие никакого участия в благосостоянии предприятия.

Напротив, разьединенная фабрика (fabrique séparée) никого не обогащает, но зато поддерживает благосостояние множества рабочих: бережливые и трудолюбивые смогут скопить небольшой капитал, кое-что отложить на случай рождения ребенка, болезни, для самих себя или для кого-либо из своих близких. Число прилежных хозяйственных рабочих будет расти, ибо в благоразумном образе жизни, в трудолюбии они усматривают средство существенно улучшить свое положение, вместо того чтобы добиваться маленького повышения заработной платы, которое никогда не может иметь важных последствий для будущего и в самом благоприятном случае позволяет рабочим немного лучше жить в данный момент... Объединенные мануфактуры, предприятия нескольких частных лиц, которые выплачивают рабочим, что на них работают, поденную плату, могут принести достаток этим лицам, но никогда не станут объектом, заслуживающим внимания правительства“.

В другом месте он указывает на разьединенные индивидуальные мануфактуры, обыкновенно совмещаемые с ведением мелкого сельского хозяйства как на „единственно свободные“.

И Маркс добавляет: „Если Мирабо считает разьединенные мастерские более экономичными и более производительными, чем „объединенные“, и усматривает в последних лишь искусственные тепличные растения, взращенные заботами правительств, то это объясняется тогдашним состоянием большинства континентальных мануфактур“.

В самом деле, большинство крупных мануфактур могли быть учреждены лишь на основе пожалованной королем привилегии. И хотя, по существу, значение этой привилегии сводилось к тому, что неизбежному экономическому движению придавалась узаконенная правительством форма, Мирабо и многие другие революционеры могли представлять себе дело таким образом, что крупная

1. См.: A. Soboul. Problèmes du travail en l'an II. — „Paysans, sans-culottes et jacobins“. Paris, 1966.
2. J. Paul-Boncour. Le Fédéralisme économique. Etude sur les rapports de l'individu et des groupements professionnels. Paris, 1901.
3. Mirabeau. De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand... Londres, 1788, 8 vol.
4. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 756—757.

промышленность поддерживается лишь искусственно и тотчас рухнет перед мелкой промышленностью, как только будет осуществлена полная свобода труда, без корпоративных пут и государственной монополии. Поэтому отношения между классом наемных тружеников и предпринимателями теряли в глазах многих революционеров того времени свое социальное значение.

Они рассчитывали достигнуть социального равновесия другим путем, через рост числа мелких предприятий, где рабочий, всегда готовый стать свободным ремесленником, был защищен от своего скромного хозяина уже самой возможностью обзавестись своим собственным делом, то есть с помощью концепции мелкой ремесленной буржуазии. Эта странная иллюзия демократов способствовала успеху хитрого маневра капиталистической буржуазии, его облегчили в то же время недостаточно развитое классовое сознание пролетариев и робость их мышления.

Другая причина, которая, вероятно, побудила революционеров крайне левой, принадлежавших к народной партии, остаться в стороне от этого спора, заключалась в том, что им было тягостно признать, что и в новом обществе будут классы. Как же так! Мы только что сломали все барьеры, разделявшие граждан: мы упразднили провинции, внешние и внутренние таможи, корпорации, цеховую систему, сословия! Мы упразднили дворянство! Мы распустили парламенты! Мы превратили священников в простых граждан, получающих заработную плату! И неужели в этом объединенном обществе, в этой национальной федерации, создадутся два лагеря, две антагонистические группы: с одной стороны, капиталисты, сговаривающиеся с капиталистами, с другой стороны, пролетарии, сговаривающиеся с пролетариями! Неужели общего закона недостаточно, чтобы защитить тех и других, и если одни слишком слабы, чтобы добиться справедливости, неужели следует предоставить их самим себе, оставив им только право объединяться? Разве государство не обязано вмешаться в случае необходимости в установление цен товаров и размеров заработной платы? Не лучше ли утратить „скупщиков“ суровыми законными мерами и таким образом способствовать рассредоточению капиталов и подъему некоего среднего класса, в котором мало-помалу слились бы крайности?

Такова была мечта многих людей того времени. Ребяческая мечта! И я добавлю: преступная мечта! Ибо, закрывая таким образом глаза на уже достаточно четко определившуюся действительность, они играли на руку тем ловким дельцам, которые ясно видели нарастание антагонизма между буржуазией и пролетариатом и обеспечили себе для этой борьбы решающее преимущество в виде закона Ле Шапелье.

Очевидно, что именно этим, а не каким-то единодушным классовым расчетом объясняется отсутствие всякого сопротивления этому столь опасному и столь узкобуржуазному закону от 14 июня 1791 г.

Что любопытно и ясно говорит о том, что мысль пролетариев только едва начала пробуждаться, — это то, что после принятия закона рабочие прекратили всякие жалобы. И они не только не осмеливались утверждать право на стачку, но даже позднее, когда нарастающий порыв Революции дал больше власти народным элементам, даже тогда, когда Шометт, прокурор Парижской коммуны, произносил грозные речи от имени пролетариев, никто не думал протестовать против закона от 14 июня 1791 г. Насколько мне известно, даже Бабеф не выступил ни с единой жалобой, ни с единым протестом по этому поводу *. Когда Маркс говорит, что даже во времена террора этот направленный против рабочих закон не был отменен, это верно. Но следует добавить, что даже в те дни, когда рабочие, казалось, диктовали законы, они никогда не потребовали отмены этого акта. Их мысль была направлена на другое: они сходились с революционной буржуазией в одной идее, идее всемогущества закона, государства. И главное для них заключалось не в том, чтобы вступить в экономическую борьбу с силами капитала, не в том, чтобы объединить пролетариев для сопротивления предпринимателям путем прекращения работы: это в глазах пролетариев 1793 и 1794 гг. были средства медленные, оружие слабое. Надлежало использовать силу государства, и подобно тому, как революционная буржуазия использовала эту силу для обуздания дворянства, для экспроприации эмигрантов и церкви, надо было использовать ее для того, чтобы обеспечить благосостояние народа посредством суверенного и благотворного закона. Если продукты слишком дороги, надо издать закон о максимуме; если есть безработица, пусть коммуна и нация обеспечат плату всем гражданам, принимающим участие в секционных собраниях: и пусть таким образом принудительный заем у богачей кормит пролетариев. Если какие-либо промышленники не выплачивают достаточной заработной платы, им надо пригрозить, что их разоблачат как аристократов и даже, как это делали некоторые представители в миссии, передадут их мануфактуры нации, которая предоставит работу на более честных условиях рабочим, преданным Революции. В случае надобности пусть государство само подаст пример, повышая заработную плату нанимаемым им рабочим, как это сделали представители в Тулоне ¹.

Держать в своих руках государство, использовать государство — вот на что в эти трагические часы надеется, о чем мечтает рабочий класс, и не для того, чтобы установить коммунистический

*. О Бабефе см. новейшее капитальное исследование В. М. Далина „Гракс Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794)“. М., 1963.

1. Об этих основных чертах народного мышления, связанного со ста-

рой системой производства и обмена, покоившейся на кустарной промышленности и мелкой торговле, см.: A. Soboul. Les Sans-culottes parisiens en l'an II, p. 457.

порядок, о котором он еще не имеет никакого представления, а для защиты своих интересов с помощью всемогущего закона.

Поэтому и право стачки в глазах самих пролетариев становилось чем-то второстепенным. И с другой стороны, так как огромное множество мануфактур работало в 1793 и 1794 гг. на войну; так как патристически и революционно настроенные рабочие не смели прервать работу, ибо это значило бы предать революционную Францию, отдав ее во власть полчищ деспотизма; так как Конвент не потерпел бы этого и мог бы воспротивиться коалициям под тем предлогом, что отечество в опасности, то в силу всех этих причин лица наемного труда обращали свои взоры не к стачке, а к государству, обязанному считаться с ними.

Стало быть, если верно, как то замечает Маркс, что даже при терроре не ставился вопрос об отмене закона Ле Шапелье, то не потому, что капиталистическая и буржуазная олигархия сумела продлить свою власть и свое воздействие на весь революционный период, а потому, что в условиях чрезвычайного кризиса, когда государство становилось всем, закон Ле Шапелье не представлял почти никакого интереса, он уже не был предметом спора, или, вернее, революционные собрания секций, обсуждая экономические интересы народа, равно как и политические события, фактически отменили этот закон.

Вот почему утверждать, что социальное значение Революции воплощается в законе Ле Шапелье от 14 июня 1791 г., значило бы исходить из крайне узкого и одностороннего воззрения на нее. Конечно, этот закон свидетельствует о силе капиталистического эгоизма и буржуазной предусмотрительности. Но он не сможет сдержать развертывание сил народа. И если бы Революция не погибла в военном деспотизме Империи, если бы она смогла заложить прочные основы республиканской демократии, рабочий народ, воодушевленный своим участием в победе Революции, лучше осведомленный благодаря опыту свободы и экономической эволюции о потребностях борьбы, несомненно, потребовал бы отмены закона Ле Шапелье. Но и этот закон, несмотря на его эгоистический характер, несмотря на удар, нанесенный им чаяниям рабочих, не смог оттолкнуть рабочих от Революции. Он даже не вызвал в 1791 г. особенно широкого и сильного волнения, и его отдаленные последствия не были, мне кажется, поняты ни большинством пролетариев, ни даже большинством революционных буржуа.

Итак, в 1791 г. скрытое напряжение и зарождавшийся классовый конфликт не вызывают в стране в целом таких волнений, которые могли бы предопределить изменение политического направления Революции. Есть другой вопрос, господствующий на протяжении всего этого года над другими, вопрос, которым одержимы все умы: теперь, когда Революция провозгласила свои основные принципы, теперь, когда она начинает сталкиваться с сопротивлением церкви, как будет действовать король?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПАРТИИ И КЛАССЫ В 1791 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О начальной стадии контрреволюционной оппозиции см.: Н. Carré. *La Fin des Parlements, 1788—1790.* Paris, 1912; A. Challa mel. *Les Clubs contre-révolutionnaires.* Paris, 1895; P. De Vaissières. *Lettres d'aristocrates.* Paris, 1907; G. Cléry. *L'Affaire Favras.* Paris, 1932. О контрреволюции см.: E. Daudet. *Histoire des conspirations royalistes dans le Midi.* Paris, 1881; J. Barruol. *La Contre-révolution en Provence et dans le Comtat.* Cavaillon, 1928; особенно: Em. Vingtrinier. *La Contre-révolution.* Paris, 1924—1925, 2 vol., только до бегства в Варенн; J. Godchot. *La Contre-révolution. Doctrine et action.* 1789—1804. Paris, 1961.

Об эмиграции см.: E. Daudet. *Histoire de l'émigration.* Paris, 1904—1905, 3 vol., том 1 доведен до 18 фрюктидора; G. Sanguier. *Les Émigrés du Pas-de-Calais pendant la Révolution.* Blangermont, Pas-de-Calais, 1959; M. Bouloiseau. *Étude*

de l'émigration et de la vente des biens des émigrés, 1792—1827. Paris, 1963, Комиссия по экономической и социальной истории Революции; J. Vidalenc. *Les Emigrés français, 1789—1825.* Caen, 1863.

Жорес не отмечает здесь успехов патристической партии в 1790—1791 гг. Патриоты создали свою устойчивую организацию: клубы и печать.

О клубах см.: A. Aulard. *La Société des Jacobins.* Paris, 1889—1897, 6 vol., сборник документов; о происхождении клуба на улице Сент-Оноре см.: H. Lemoine. *L'origine du club des Jacobins d'après un document nouveau.*—„La Révolution française“, 1934, p. 17—28. См. общие исследования: Crane Brinton. *The Jacobins, an essay in the new history.* New York, 1930; Gaston-Martin. *Les Jacobins.* Paris, 1945, coll. „Que sais-je?“. О провинциальных клубах см.: G. Lefebvre. *La société populaire de Bourbourg.*—„Revue du Nord“, 1913

р. 181—235, 273—323; P. Leuilliot. Les Jacobins des Colmar. Procès-verbaux de la société populaire. Strasbourg, 1923; M. Henriot. Le Club des Jacobins de Semur. Dijon, 1933; G. Aubert. La société populaire de Douai.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1935—1938. См. опыт обобщения: L. De Cardenal. La Province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins. 1789—1795. Paris, 1929. О братских обществах Парижа см.: I. Bourdin. Les Sociétés populaires de Paris pendant la Révolution, jusqu'à la chute de la royauté. Paris, 1937.

О роли Якобинского клуба см.: „Les Révolutions de France et de Brabant“, 14 février 1791 (Камилль Демулен): „В распространении патриотизма, то есть человеколюбия, этой новой религии, которая завоеует весь мир, клуб, или церковь, якобинцев представляется призванным выполнить такую же руководящую роль, какую сыграла римская церковь в распространении христианства. Уже образуемые повсюду клубы, или объединения, или церкви патриотов добиваются при своем возникновении установления с ним переписки, пишут ему в знак приобщения... Общество якобинцев является подлинным следственным комитетом нации, менее опасным для честных граждан, нежели следственный комитет Национального собрания, потому что обвинения и обсуждения в нем производятся гласно, и более грозным для дурных людей, ибо оно охватывает своей перепиской с филиалами все самые отдаленные уголки 83 департаментов. Оно не только великий инквизитор, навещающий ужас на аристократов, но еще великий обвинитель, искореняющий

злоупотребления и приходящий на помощь всем гражданам. И в самом деле, кажется, что клуб исполняет роль прокуратуры. К нему со всех сторон стекаются жалобы притесняемых, прежде чем быть представленными высокому собранию. В зал Якобинского клуба непрерывной вереницей идут депутаты, чтобы либо пробудить его бдительность, либо исправить ошибки“.

О разложении королевской армии и событиях в Нанси см.: L. Hartmann. Les Officiers de l'armée royale et la Révolution. Paris, 1903; L. De Chilly. Le Premier ministre constitutionnel de la Guerre, La Tour du Pin. Paris, 1909; G. Bourdeau. L'affaire de Nancy.—„Annales de L'Est“, 1898, p. 280—292; H. Chopin. Les Insurrections militaires en 1790. Paris, 1903; O. Havaud. La Révolution dans les ports de guerre. Paris, 1911—1913. 2 vol.

Общее изложение колониального вопроса см.: J. Saintoyant. La Colonisation française pendant la Révolution. Paris, 1930, 2 vol.; L. Deschamps. L'Assemblée constituante et les colonies. Paris, 1898; C. L. Lokke. France and the colonial question. A study of contemporary french opinion. 1763—1801. New York, 1932; Gaston-Martin et P. Roussier. La Doctrine coloniale de la France en 1789. Les colonies pendant la Révolution. Notes bibliographiques.—„Cahiers de la Révolution française“, 1935, № 3; L. Léclerc. Les Lameth et le club Massiac.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1933, p. 461—463; его же: La „trahison“ des colons aristocratiques de Saint-Domingue en 1793—1794.—Ibid., 1934, p. 348—360; „La politique

et l'influence du club de L'hotel Massiac“.—Ibid., 1937, p. 342—363; G. Debién. Les Colons de Saint-Domingue et la Révolution. Essai sur le club Massiac, août 1789—août 1792. Paris, 1953.

О рабочем вопросе дополнительно к трудам Ш. Пута и Е. В. Тар-

ле, отмеченным выше (стр. 219), следует указать еще в связи с изложением деятельности Учредительного собрания в экономической и социальной областях работу: G. Jaffé. Le Mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution française, 1789—1791. Paris, 1924.

Глава десятая

БЕГСТВО В ВАРЕНН

РЕЛИГИОЗНАЯ АГИТАЦИЯ

Позицию короля будет определять позиция церкви. Но католическая церковь без промедления проявила свою враждебность Революции. Многие епископы и священники находились в состоянии сильного раздражения уже тогда, когда принимались законы о продаже церковных имуществ. Им казалось, что церковь, теряя свои земельные владения, свой престиж обладания собственностью, теряет основы светской власти, необходимые ей для сохранения своего господства над умами. Но из-за этого церковь не осмеливалась вступить в открытую борьбу. Ей было слишком неловко убеждать деревенских жителей, несмотря на все их невежество или весь их фанатизм, в том, что в интересах веры праздным аббатам и алчным монахам должна принадлежать значительная часть земли Франции.

Но как только Учредительное собрание провозгласило гражданское устройство духовенства, священники и епископы поспешили воспользоваться этим предлогом, чтобы объявить, что религия в опасности. И они всеми силами старались возмутить души людей, на протяжении многих веков покорявшиеся власти догмата.

Ведь церковь легче лишит ее права на владение земельной собственностью, чем вырвать из людских сердец страх перед сверхъестественным и упования на него, которые она издавна прививала им. Церковь знала это, и именно здесь она и сосредоточила свои усилия в надежде впоследствии вернуть себе свою собственность таким обходным путем.

Уже за несколько дней до принятия закона епископ Тулонский, будто бы желая предостеречь верующих, 1 июля 1790 г. начал наступление и обрушился на Революцию в целом ¹.

„Что же это за возрождение, — восклицал он, — кое было столь торжественно вам обещано? Вместо счастья, которым вы должны были бы наслаждаться, я зрю повсюду лишь беспорядок, смуту и анархию“.

Епископ Вьеннский Лефран де Помпиньян и приходский священник из приморской Фландрии резко высказались против закона, и Собрание начинало терять спокойствие ².

30 октября борьба внезапно приняла широкие размеры. Епископы — члены Собрания представили в бюро *Изложение принципов по поводу гражданского устройства духовенства*, содержащее резкую критику чуть ли не всех статей закона. Епископы протестовали против притязаний гражданской власти заниматься организацией церкви, *не посоветовавшись с представителями церкви и не беспокоясь об их согласии*. Они писали: „Мы предложили созвать национальный церковный собор. Следуя древним установлениям галликанской церкви, мы требовали обращения к главе вселенской церкви [к папе].“

Мы указали вопросы, на которые могла бы распространяться компетенция провинциальных советов. Мы заявили, что, поскольку дело касается духовных вопросов, мы не можем принимать какое бы то ни было участие в постановлениях, исходящих от чисто гражданской власти [от Национального собрания], права которой не могут простираться на духовную юрисдикцию церкви.

Мы требовали по чисто духовным вопросам возвращения к каноническим нормам, а по смешанным вопросам — взаимодействия гражданской и церковной властей. Мы отказались от присяги в отношении всех духовных вопросов, подведомственных церковным властям. Мы, наконец, требовали, чтобы Национальное собрание приостановило введение в силу декретов в департаментах, пока церковь устами своего видимого главы [папы] не выскажет своего пожелания или пока не будут соблюдены канонические формы“.

Этот документ подписали архиепископы Руана, Реймса, Экса, Арля, Альби, Тулузы, Буржа, епископы Пуатье, Монтобана, Кондона, Бове, Манса, Нима, Родеза, Лиможа, Монпелье, Перпиньяна, Ажена, Шартра, Лаона, Сен-Флура, Шалона на Марне, Олерона, Дижона, Сента, Кутанса, Люсона, Клермона, Изеса,

1.8 июня 1790 г. в Учредительном собрании против епископа Тулонского Мазанга было выдвинуто обвинение в связи с его пастьерским посланием, в котором он проявил „крайне враждебные чувства к Революции“. Новое обвинение было выдвинуто 18 августа 1790 г. „Moniteur“, t. IV, p. 583; t. V, p. 432.

2. Лефран де Помпиньян (1715—1790), архиепископ Вьеннский, депутат от духовенства Дофине. 20 сентября 1790 г. с трибуны Собрания против него было выдвинуто обвинение в связи с его „фанатическим“ пастьерским посланием. „Moniteur“, t. V, p. 704.

Кузерапа; все они были депутатами Собрания. Это был сигнал к всеобщей войне¹.

В Вандее епископ Люсонский де Мерси с первых же дней прилагал все усилия, чтобы разжечь волнения и фанатизм². В декабре 1790 г. собрание капитула Люсона обратилось к Национальному собранию с весьма искусно составленной петицией, в которой оно пыталось создать впечатление, что церковные имущества его не интересуют, и высказывало известную терпимость по отношению к многочисленным в этом районе протестантам, но категорически возражало против свободы культов.

„У духовенства Франции, — писали каноники Люсона, — отобрали все имущества, которыми оно владело, но мы не позволили себе никаких жалоб; мы молчали... Однако теперь более важные интересы вынуждают нас заговорить. Религия, трепещущая от ужаса и безутешная, повелевает нам изложить Национальному собранию ее тревоги, ее страхи... В намерениях представителей нации никак не могло входить отказать католической религии, единственной религии французского государства, в дани уважения, которое в течение пятнадцати столетий с признательностью воздавали ей все предыдущие Национальные собрания. Признать ее единственной государственной религией, запретить всякое публичное и торжественное отправление иного культа было долгом, предписанным всеми наказами провинций...“

Однако в изобилии распространяемые периодические издания поторопились напечатать, что внесенное в Собрание предложение признать католическую религию государственной религией и обеспечить исключительно ей торжественное отправление культа было отвергнуто. Выражения, в которых был составлен принятый по этому вопросу декрет, оставляли сомнения. Всю неопределенность могло бы устранить одно слово, но это слово не было сказано...

Кто более нас, жителей провинции, которая больше столетия была ареной религиозных распрей и раздоров, вправе опасаться их печальных последствий? Какой провинции королевства пришлось более тяжело страдать от ужасных последствий различия публичных культов?.. Эти мрачные времена, эти века ужаса сменились миром, согласием, более чистой жизнью. Так пусть же это спокойствие, это единство не нарушаются различием культов, на которое, при наших обычаях, мы не можем смотреть без содрогания!

Ах! Мы далеки от желания навлечь кару на головы наших заблудших братьев; если бы им что-нибудь угрожало, мы поспешили бы защитить их от страданий, которые им кто-либо хотел бы причинить. Мы приветствуем все меры, кои вы декретировали для обеспечения их гражданского состояния, свободы их веры и мысли. Пусть совесть будет свободна; нам отвратительно всякое насилие, объектом которого была бы вера; наша религия не признает почтения по принуждению; она гордится лишь почитанием свободного и убежденного сердца...

Но требуя, чтобы никого не увлекали вопреки его воле к подножию наших алтарей, мы, как граждане и католики, не менее настоятельно требуем, чтобы не воздвигали один алтарь против другого и чтобы, предоставляя каждому частному лицу свободу частного и домового богослужения, Национальное собрание объявило католическую религию единственной государственной религией и категорически запретило публичное и торжественное отправление всякого иного культа³.

Этот документ свидетельствует о лицемерной и ханжеской нетерпимости. Люсонские каноники хотят помешать возобновлению религиозных войн между протестантами и католиками, но каким образом? Разве они требуют, чтобы закон надежно оградил свободу тех и других? Нет, они требуют запрещения для протестантов публичного отправления культа.

Но какое состояние умов предполагают подобные выступления в этой провинции и в большинстве других провинций? Духовенство должно было защищаться. Продажа его имущества была решена. В некоторых крупных городах начались вспышки негодования против „попов“. И именно в этот момент духовенство без боязни требует принятия суровых мер против протестантского культа. И оно осмеливается, оно может утверждать, что свобода культов вызовет кровавые волнения!

Да, борьба между революционным духом и религиозным духом действительно неизбежна, и можно предугадать, как закон о гражданском устройстве духовенства будет использован против Революции в этих западных провинциях, где священники с первых дней подогревали среди католиков мрачный фанатизм. Поэтому понятно, почему Учредительное собрание, несмотря на философское свободомыслие значительного числа своих членов, признало полезным и даже необходимым остановиться на компромиссном решении — гражданском устройстве духовенства.

ПРИСЯГА

Стремясь положить конец этой усиливавшейся агитации, Собрание решило нанести ей сокрушительный удар. Проявив настойчивость, оно добилось от короля санкционирования декрета о гражданском устройстве духовенства и о принесении присяги служителями культа. Оно решило потребовать принесения присяги прежде

1. Буажелен, архиепископ Экса и автор „Изложения принципов...“, одновременно вел с папой переговоры с целью добиться от него „благословения“ гражданского устройства духовенства.

2. Мерси (1736—1811) — епископ Лю-

сонский, депутат от духовенства сенешальства Пуатье. О причинах религиозных волнений в Вандее см.: M. Faucheu. L'Insurrection vendéenne de 1793; Aspects économiques et sociaux. Paris, 1964.

всего от священнослужителей — членов Собрании. Именно епископы — члены Учредительного собрания подали из ложа самого Собрании громкий сигнал к протестам.

Именно им, как членам Учредительного собрания, надлежало дать всему духовенству Франции пример подчинения закону. Мне трудно понять упреки по адресу Учредительного собрания, высказанные по этому поводу таким человеком, как Шассен. Несомненно, отказ членов Собрании от принесения присяги увеличил бы силу сопротивления духовенства. Но епископы уже приняли решение. Внутри ли Собрании или вне Собрании, но они отказались присягнуть и придали своему отказу самую громкую огласку.

Напротив, если бы они подчинились, если бы они не осмелились бросить Собранию прямой вызов, дело было бы выиграно. Епископы отказались присягнуть. Только епископ Отёнский Талейран и епископ in partibus * Лиддский Гобель¹ принесли присягу. Из находившихся вне Собрании только три прелата, архиепископ Санский Ломени де Бриенн, епископ Орлеанский Жарант и епископ Вивье Лафон-Савин, немедленно и безоговорочно поклялись „радеть о верующих своих епархий, быть верными нации, закону и королю и всей своей властью поддерживать Конституцию, декретированную Национальным собранием и принятую королем“.

Аббат Грегуар пытался с трибуны Собрании рассеять предубеждения верующих и священников против гражданского устройства духовенства. „Нельзя не признать, — сказал он, — что многие весьма почтенные пастыри, патриотизм которых не вызывает сомнений, испытывают тревогу, опасаясь, как бы французская Конституция не оказалась несовместимой с принципами католицизма.

Мы столь же неизменно преданы законам религии, как и законам отечества. Облеченные священническим саном, мы будем по-прежнему стараться о том, чтобы наши добрые нравы служили его чести; исповедуя эту божественную религию, мы всегда будем ее миссионерами и, если понадобится, станем ее мучениками; *но по самому зрелому, по самому серьезному размышлению мы заявляем, что не усматриваем в гражданском устройстве духовенства ничего такого, что могло бы оскорбить священные истины, в кои мы должны верить и кои мы должны учить.*

Предполагать у Национального собрания намерение посягнуть на духовную власть значило бы его оскорблять и на него клеветать. Перед лицом Франции и всего мира Национальное собрание выказало свое глубокое уважение к римско-католической апостолической религии. Оно никогда не хотело лишать верующих какого бы то ни было средства к спасению; оно никогда и не помышляло посягать хоть в малейшей степени на вероучение, иерархию, *духовную власть главы церкви.* Оно признает, что эти вещи находятся вне сферы его компетенции.

При определении новых границ епархий оно просто хотело установить более удобные для верующих и для государства поли-

тические формы. Уже одно название „гражданское устройство духовенства“ достаточно ясно говорит о намерении Национального собрания. Следовательно, никакие соображения не могут мешать принесению нами присяги; мы выражаем самое горячее пожелание, чтобы во всех пределах государства наши собратья успокоились и поторопились выполнить свой патриотический долг, что принесет королевству мир и укрепит единение между пастырями и паствою“.

Усилия Грегуара были искренними, но они указывают на масштабы сопротивления. Более того, католическая централизация достигла такой степени, что янсенист Грегуар был вынужден заявить, что Собрание не посягает на *римскую* религию, на духовную власть папы. Что произойдет в тот день, когда Рим сочтет себя уязвленным или когда папа объявит, что его духовная власть не признается? Компромисс, придуманный янсенистами, принятый философами и одобренный политиками, окажется под сильной угрозой. Сразу же после Грегуара принесли присягу приходские священники — депутаты, всего 61 человек; число немалое, но как это далеко от почти единодушного движения, которое заставило низшее духовенство объединиться с общинами [третьим сословием] и голосовать за отмену десятины! Очевидно, часть священников была охвачена сильной тревогой. И как не понять, что не один из них, готовый пожертвовать материальными выгодами, колебался, боясь подорвать престиж веры, ревнителем которой он был?

С религиозными волнениями легче было бы справиться, если бы пришлось бороться с одной лишь алчностью и лицемерием. Сила сопротивления была в страстной и порой героической искренности части священников и верующих. И как могли души, привыкшие к ужасам таинства, не вообразить себе, что малейшее изменение устройства церкви, даже внешнего, по меньшей мере рискует задеть пребывающий в ней неясный догмат?

Именно из-за таинственности догмата точно не известно, докуда простирается его сфера; какая это душевная драма для священников — задавать себе вопрос, не посягают ли они на божественные установления, и во мраке, к которому они привыкли, получать лишь неопределенные ответы и видеть едва брезжащий свет! Собрание проявляет нетерпение и 3 января 1791 г. по предложению Барнава и Ламета принимает решение, что, если на следующий день духовные должностные лица не покончат с формальностями принесения присяги, они будут отстранены.

На следующий день присягнуло 23 члена Собрании, все приходские священники. 6 января Барнав требует, чтобы председатель

* То есть титулярный епископ, епархия которого находится вне пределов его страны. — Прим. ред.
1. Гобель (1727—1794) — епископ Лиддский, главный викарий кня-

зя-епископа Базельского, депутат от духовенства дистриктов Бельфор и Юнег, в 1791 г. конституционный епископ Парижа.

Собрания обратился с запросом поименно к каждому из тех, кто еще не присягнул. Епископ Аженский поднялся на трибуну и заявил, что он не станет присягать. Леклер, приходский священник из Комба и депутат от бальяжа Алансон, сказал, что он — сын католической церкви и присягнуть не может. Кюре из Санлиса, Кутюрье, соглашается присягнуть, но с оговоркой. Епископ Пуатье говорит: „Я не хочу подвергать свою старость бесчестью присягой“ (см. Робине ¹).

В конце концов по новому предложению Барнава раздраженное Собрание решает, что все неприсягнувшие епископы или приходские священники будут отрешены от должности и их места будут объявлены вакантными.

Фактически это означало апеллировать к стране по поводу неприсягнувшей части духовенства. Исход борьбы был еще неясен. В то время Национальное собрание даже могло еще надеяться на то, что оно справится с движением. Если бы везде или почти везде выборы протекали мирно, если бы везде на должности приходских священников или епископов нашлись конституционные и присягнувшие кандидаты, то сопротивление не желавших присягать, несомненно, ослабло бы и Революция избежала бы величайшей из опасностей.

СВЯЩЕННИКИ-ПАТРИОТЫ

Сначала движение было очень беспорядочным и неопределенным. Ввиду отсутствия подлинных документов трудно установить, каково было точное соотношение присягнувших и неприсягнувших священников. В Париже, по-видимому, по крайней мере половина священников присягнула; и почти везде, особенно в деревне, число присягнувших было еще выше. И многие священники не только принимали гражданское устройство духовенства и выражали готовность продолжать отправление культа при соблюдении условий, установленных Национальным собранием, но по примеру Грегуара эти конституционные священники также прилагали огромные усилия, чтобы привлечь на свою сторону „неприсягнувших“. Сами же они старались придать своей присяге возможно большую огласку и торжественность.

Дав присягу перед собранием выборщиков, они часто выражали желание, чтобы об этом было сообщено самому Национальному собранию. Когда каноники парижского капитула выступили против гражданского устройства духовенства, многие из их собратьев немедленно направили Учредительному собранию протест, датированный 7 января 1791 г.: „Мы, нижеподписавшиеся священники, дьяконы, иподьяконы, ранее пользовавшиеся бенефициями парижской митрополии в качестве каноников церквей Сен-Дени-дю-Па, Сен-Жан-ле-Рон и викариев церкви Сент-Энъян, равно как и при-

четников клира этой церкви, узнав о протесте бывших каноников и членов капитула и, кроме того, о заявлении, сделанном ими муниципальным должностным лицам этого города при опечатании движимого имущества этой церкви, всемерно желая оставаться верными гражданской присяге, которую мы принесли вместе со всеми французами, и со всей торжественностью выразить свою полную готовность подчиняться законам, декретированным Национальным собранием и принятым королем, а особенно закону о гражданском устройстве духовенства, заявляем, что мы решительно осуждаем все протесты и заявления, действительные или предполагаемые, тайные или публичные, сделанные от имени парижского капитула. Мы признаем, что Национальное собрание имело полное право издать декрет об упомянутом гражданском устройстве духовенства Франции, а король санкционировать его и требовать его исполнения в качестве закона, обязательного для всех граждан духовного звания. Мы заявляем, что мы готовы дать присягу, требуемую от духовных должностных лиц нации, движимые не какими-либо иными мотивами, как только совестью, разумом, справедливостью и любовью к отечеству, в удостоверение чего мы и подписали настоящее заявление:

Фере, священник, бывший каноник церкви Сен-Дени-дю-Па; Ларсонье, священник, бывший главный викарий церкви Сент-Энъян; Дама, священник, бывший каноник церкви Сен-Жан-ле-Рон; Мерлен, дьякон, бывший каноник церкви Сен-Дени-дю-Па; Бовёр, музыкант; Девиллисе, причетник; Пинар, причетник; Гутт, иподьякон, бывший каноник церкви Сен-Жан-ле-Рон; Месье, причетник при заутрене; Дюнкон, дьякон, бывший каноник церкви Сен-Жан-ле-Рон; Корню, причетник; Юре, причетник“.

Я воспроизвел этот документ, цитированный Робине по Парламентским архивам, чтобы показать, каким необычайным возбуждением было охвачено духовенство; каждый приход, каждое церковное учреждение были в разладе с самим собой, и революционный дух был так силен, призыв к народным силам — даже для назначения служителей церкви — был полон такого величия, что даже церковь, это живое отрицание революционной мысли, была по меньшей мере отчасти вовлечена в движение.

Изумительна по своей силе и несомненной искренности речь приходского священника из Нуази-ле-Секса, аббата Томере. Он явился на собрание выборщиков Парижского департамента во главе гражданской делегации кантона Пантен и 7 января 1791 г. заявил от имени делегатов:

„Господа, мы приходим к вам с доверием, убежденные в том, что ваш гений благожелательно примет нашу простоту.

1. J. Robinet. Le Mouvement religieux à Paris pendant la Révolution. Paris, 1896—1898, 2 vol.

Боннак, епископ Аженский; Бопуаль де Сент-Олэр, епископ Пуатье.

Мы пришли почтительно выразить вам свои братские пожелания, высказать удовлетворение народа назначением вами для него неподкупных судей, заранее порадоваться назначению администраторов, коих подготовит для нас ваша мудрость, и, наконец, сказать вам, как мы были польщены и растроганы, узнав и прочитав ваше обращение к Национальному собранию.

Но к нашей признательности примешивается сожаление: мы хотели бы, чтобы, перечисляя блага вашей бессмертной Конституции, вы ясно упомянули и о тех благодеяниях, кои она щедро распространила на деревню. Быть может, ваше намерение состояло в том, чтобы предоставить нам самим трогательный случай выразить свои чувства.

Из всех общественных классов земледельцы были людьми, коих наши старые законы угнетали больше всего; и из всех общественных классов именно земледельцам больше всего благоприятствуют новые законы.

Мы благословляем их в своих хижинах, которые станут краше; мы благословляем их на своих полях, которые придут в цветущее состояние; мы благословляем их в своих храмах, которые до сего времени были свидетелями наших бедствий, а теперь станут наконец свидетелями нашего счастья.

Когда мы стали свободными и вооруженными гражданами, тирания утратила надежду вновь поработить нас, но она все еще надеялась нас обмануть. Она изображала нам в гнусном виде наших законодателей, а Революцию — в самом мрачном свете. Благо, которое мы получаем, развеивает предрекаемое нам зло; мы видим, как приближается жатва и уходит гроза.

Не будучи более в состоянии ни угнетать нас, ни соблазнить, как поступает ныне отчаявшаяся аристократия? Она клеветает на нас.

Да, господа, она заявляет Франции, она повторяет иностранцам, что жители деревень приняли благодеяния законодательной власти, но отвергают ее декреты.

Мятежи в деревнях, вызванные этими возмутителями общественного спокойствия, заставили отечество пережить ужасные мгновения и привели к торжеству ненависти. Но оно длилось недолго. Вскоре обнаружилось ложное усердие, руководившее заблудшими, и истинное усердие, переубеждавшее патриотов, и прозревшая нация отличила извергов от неблагоразумных.

Будучи ближе к свету, так как мы живем недалеко от столицы, мы не поддались вероломным наущениям; наше поведение свидетельствовало об осознании нами своего гражданского долга. Неизменные в своих принципах, непоколебимые в своей верности, — одним словом, будучи конституционалистами в душе и на деле, мы, желая прибавить еще один благой пример к столь многочисленным великим примерам, заявляем и клянемся:

1) что будем так же неукоснительно выполнять наши обязанности, как и полностью оберегать наши права; одно есть *первичная хартия*, другое — *естественные десять заповедей*;

2) что мы не отделяем в наших сердцах того, что неразрывно связано и во французском государстве, — монархической конституции от народной конституции, и *после издания превосходных законов* первым даром неба нам представляется превосходный монарх; Людовик XVI не создавал Конституции, но был для нее как бы создан;

3) что из христианских добродетелей мы ставим на первое место милосердную веротерпимость, то евангельское братство, то религиозное смирение, кои были установлены основателем христианства, проповедовались апостолами веры, были уничтожены честолюбивыми прелатами и, наконец, восстановлены нашими законодателями, вновь обретшими религию, когда ее считали погибшей;

4) что мы также полны решимости платить налоги и требовать от других уплаты налогов, установленных законом и справедливо распределяемых, почитая это своим религиозным долгом, национальным достоянием и выполнением гражданского договора;

5) что всеми своими силами и всем своим разумением мы будем способствовать хлебной торговле, не менее необходимой миру, чем циркуляция воздуха и течение рек;

6) что мы будем уважать собственность, вплоть до обломков феодальной собственности; будем подчиняться должностным лицам и не будем зависеть от тщеславного дворянства; отныне мы будем считать *неблагородным* только бесполезного человека, а *истинно благородным* — человека, творящего добро;

7) что никогда, наконец, не откажемся мы от нашего оружия, от наших орудий свободы, равно как и от орудий культуры, но мы никогда не обратим их против отечества, никогда не обратим их против закона и общественного порядка. Мы хотим сохранить свободу людей, а не подражать свободе тигров и свободе разбойников.

Господа, мы приносим вам клятву наших сердец; мы рукоплескали проявлению ваших чувств; благоволите же одобрить наши.

Эти выступления, эти речи революционного духовенства весьма знаменательны. Во многих деревнях общий порыв увлек, очевидно, и священников.

Как могли бы они убеждать верующих в том, что Революция — порождение дьявола, когда благодаря отмене десятин и наиболее унижительных феодальных прав, упразднению таких ненавистных налогов, как габель, или принадлежавшего дворянам исключительного права охоты она улучшила положение крестьян?

Мог ли священник говорить этим крестьянам, что Революция, бывшая благодетельной для них, враждебна богу? Тем самым он был поставлен перед необходимостью искать примирения своей древней веры с великим народным движением.

Итак, хотя Революция явилась следствием как роста экономического могущества буржуазии, никак не связанного с религией, так и порождением общей философии, которая сама по себе была отрицанием христианства, священник все же вынужден был из-за благ, которые она принесла крестьянам, усматривать и признавать в ней божественное начало. Она заставляла священника связывать в своем религиозном истолковании мира естественные и человеческие чувства, *первичную хартию и естественные десять заповедей*.

Это наводит всех нас на серьезные размышления. Мы, республиканцы и социалисты, сегодня тоже наталкиваемся на сопротивление церкви, против которой буржуазная Революция боролась более века назад.

Власть церкви все еще велика, и притом среди всех общественных классов; она замедляет наши успехи; если бы социалистическая эволюция вдруг ускорила и превратилась в революцию, если бы пролетариат захватил власть или значительную долю власти, то именно церковь — в этом не приходится сомневаться — превратилась бы в центр сопротивления и, возможно, смогла бы отбросить рабочее движение еще на полстолетие и даже на столетие назад, как это было в июне 1848 г. и в мае 1871 г.

Нелепо было бы полагать, что для искоренения влияния церкви было бы достаточно одного насилия. Власть церкви слишком глубоко укоренилась, сказываясь на привычках, предрассудках и привязанностях, и уменьшить ее влияние на мир можно будет только ценой долгих усилий.

Буржуазная революция располагала в борьбе против церкви двумя мощными силами — силой науки и философии, которая была присуща лишь наиболее свободомыслящей части буржуазии, и силой непосредственных благ, обеспеченных Революцией крестьянам.

„Мы благословляем вас в своих хижинах, которые станут краше, на своих полях, которые придут в цветущее состояние“.

А что касается нас, то мы должны, всеми силами распространяя среди народа просвещение и образование, пробуждать разум, свободную мысль у пролетариев городов и деревень; мы должны уже сейчас, посредством систематического плана реформ и организации, при помощи сельскохозяйственной кооперации, путем создания крупной коммунальной или кооперативной крестьянской собственности, управляемой синдикатами сельскохозяйственных рабочих, мы должны подготовить деревню к тому, чтобы в решающий день освободительной революции она без изумления и страха приняла блага коммунизма.

Если крестьянин окажется не подготовленным к этому, он, быть может, увидит свою гибель в том, что будет его спасением, и для того, чтобы его разум мог освоиться с требованиями нового строя, пришлось бы терять время, которое революция под угрозой гибели должна посвятить организации и действию.

Буржуазную революцию спасло именно то, что во многих приходах крестьянин смог в *первые же недели* сказать контрреволюции: „Я был обременен повинностями, теперь я освобожден от них“.

Дабы коммунистическая революция также могла сразу нейтрализовать, хотя бы частично, пагубную деятельность священников, необходимо, чтобы в первые же недели труженики земли тоже могли сказать: „Мы служили праздно буржуазии, финансовым тузам и дворянам, теперь мы владеем землей в кооперативной, коммунальной и синдикальной форме, и нас освободил коммунизм“.

Но крестьяне не смогут сказать это и заставить священника замолчать, если они этого не поймут с первых же дней. Следовательно, все мы, социалисты, в течение еще, быть может, длительного периода неизбежной подготовки, который всегда предшествует в истории большим революционным сдвигам, должны уже сейчас добиваться проникновения в деревню зародышей, зачатков коммунизма.

Благодаря Революции зародыши эти быстро созреют, зачатки коммунизма будут дополнены и расширены, что ни на миг не приведет крестьянина в замешательство. И труженики деревни, даже если они еще останутся христианами и сохраняют свои суеверия, смогут противопоставить непосредственные доводы хитроумным и насильственным маневрам церкви, союзницы и служанки буржуазной собственности. Тогда остатки христианской веры или традиций смогут постепенно угаснуть, подобно пламени, лишеному пищи, и экономическое освобождение крестьян не будет стоять им бесмысленных и ужасных страданий, связанных с религиозными расприями.

Несомненно, что исполненным энтузиазма содействием некоторых сельских священников буржуазная революция обязана горячей признательности части крестьянства за ее первые благодеяния; священникам передавался революционный пыл „верующих“. Послушаем пламенную речь кронского приходского священника Пьера Гийома Берту, бывшего мэра вышеназванного прихода, а затем выборщика и члена администрации дистрикта Корбей. 30 января 1791 г., перед тем как принести присягу, он сказал:

„Если сыны одного отечества, члены одной семьи почитают праздником тот день, когда они призваны возобновить и укрепить союз, охраняющий их общее счастье, то каким прекрасным, пьянящим чувством восторга должна преисполниться душа священника-гражданина?!

Братья, вы знаете, — и мне незачем вам это говорить, — как мне дорога наша замечательная Конституция: вам известны мои старания вникнуть в ее основы и то рвение, с каким я слежу за ее успехами, то мужество, с каким я отстаиваю ее права, и упорство, с каким я способствую ее завоеваниям. Вы были постоянными свидетелями и моего огорчения, когда ей угрожала опасность,

и моей радости, когда она торжествовала победу. Вы могли убедиться в том, что она была для меня второй религией, ибо Господь — создатель благодетельной свободы, сладостного равенства, славного братства, всеобщей справедливости, не менее достоин нашего поклонения, чем бог — творец и вершитель нашей веры.

И я вполне уверен в том, что и при этом последнем наступлении духовенства, которое печется более о своих прерогативах, нежели о своих алтарях, при этом потоке клеветнических воплей против новой организации, декретированной нашими представителями, при этом возмущении церковнослужителей всех рангов против верховной власти нации, при этих частых и притом поистине разногласиях между пастырями и их паствой, я уверен, что и при всем этом вы не перестали относить меня к числу самых неустрашимых защитников общественных интересов и неподкупного патриотизма. Нет, вы ни на мгновение не поверили в то, что старший в семье мог бы согласиться покинуть общий дом, обмануть доверие своих братьев, запятнать гражданскую честь мэра, выборщика и администратора, коей он был удостоен.

Торжественная присяга, которую я вам приношу, будет не чем иным, как искренним, неизменным выражением моих желаний, моих чувств, моих трудов, моей совести и моего поведения.

И чего хотят эти обманутые или вовлеченные в заговор левиты? Не злоумышляют ли они против Конституции? Она непобедима. Не тоскуют ли они по своим прежним наслаждениям и не стремятся ли к ним? Их усилия столь же тщетны, как и их сожаления. Не собираются ли они вокруг священного ковчега? Он не нуждается в их защите. Не побуждает ли их восстать и взяться за оружие евангельское воздержание? Что за бред!.. По какому странному контрасту ученики Господа, который воздвиг свою церковь на бедности, смирении, милосердии, самоотречении, покорности государю и его законам, бегстве от того, что ценит мир, и соблюдении того, чем он пренебрегает, стремятся ныне к пышности и роскоши, к честолюбивому господству?

Послушный поучениям и примеру своего божественного учителя, руководимый чистым и ярким светом, излучаемым учением апостолов, исполненный благородных чувств и высоких истин, прославивших этот век, справедливо названный золотым веком христианства, мог ли я поддаться лицемерным рассуждениям гордости, корыстолюбия, хитроумным доводам схоластики? Мог ли я последовать сомнительным мирским традициям, враждебным роду человеческому?

Твердо убежденный в том, что цель общества, даже религиозного, — обеспечить благо тех, кем управляют, а не тех, кто управляет, мог ли я не признать и не заявить громогласно, что Национальное собрание имело полное право вырвать с корнем плевелы, покрывшие поле господне, уничтожить чудовищное смещение злоупотреблений и должностных преступлений, которое делало его

уродливым и бесплодным, вернуть пастырей к первоначальному порядку, привести церковную систему в соответствие со всеми институтами государства и призвать Евангелие и свободу содействовать системе всеобщего счастья!”

Все это прозвучало как отголосок громовых речей Лютера. Как видно на примере приходского священника Берту, церковнослужители были втянуты в революционное движение в силу любопытного стечения обстоятельств. Во-первых, при старом порядке низшее духовенство сближалось с народом, особенно с крестьянством, общие страдания, зависимость и унижения. Приходские священники помогали составлять и писать указы, направленные против светских и духовных крупных сеньоров. Многим из этих кюре, например священнику Берту и всем священнослужителям, чьи имена перечисляет г-н Гийемо в своей истории Луанского края, народным голосованием были доверены общественные должности — мэров и администраторов. Могли ли они вдруг, после появления закона о гражданском устройстве духовенства, повернуть вспять? Закон этот казался им, и не без основания, следствием всего того движения, в котором они участвовали; кроме того, опираясь на воспоминания о янсенизме, который отнюдь не презирал картезианства, они создали себе своего рода полурационалистическую религиозную философию.

У приходского священника Берту две религии: религия евангелия и религия свободы.

Это, конечно, шаткая комбинация. Но следует иметь в виду, что эти призывы присягнувших священников поддерживать Революцию звучали во многих приходах. Следует вспомнить, что как раз в это время, в разгар ожесточенной борьбы, завязавшейся с самого начала из-за гражданского устройства духовенства, и происходила продажа церковных имуществ, которой могла бы помешать единодушная враждебная проповедь духовенства; тогда станет понятно, какую услугу оказал Революции закон о гражданском устройстве духовенства, разъединив армию церковников и позволив Революции выиграть время.

ОППОЗИЦИЯ НЕПРИСЯГНУВШИХ

Но уже существовала грозная оппозиция. Многие священники отказывались принести присягу. Они привлекали часть верующих к совершаемому ими богослужению. Неприсягнувшие священники зло высмеивали новые церемонии избрания и полухристианского полумирского посвящения в сан. Один из них сказал: „В соборе Парижской богородицы между алтарями св. Девы и св. Дени, немного впереди них, на античный манер установили алтарь, к которому ведут две или три ступеньки; он квадратной формы, вышиной в три с половиной фута и шириной и глубиной в три фута.

Алтарь этот с трех сторон украшен карнизом и росписью: спереди нарисован дубовый венок, обрамляющий надпись „Бог, закон, король“; с правой стороны, обращенной к алтарю св. Девы, была изображена гражданская эмблема, тоже в виде венка, похожего на первый и обвивавшего палицу, увенчанную колпаком свободы; с левой стороны таким же венком было окружено составленное вместе оружие. По бокам стояли два канделябра!

Все это казалось взятым из зала „Малых забав“ и походило на декорации к „Ифигении“.

16-го числа мэра, господина Байи, сопровождали господа Урмель и Тассен, банкиры так называемого реформатского вероисповедания.

Какую радость доставляло им зрелище этой окружавшей их толпы священников и монахов, сближавшихся с реформацией, которую так долго с отвращением отвергали! Надо признать, что такие люди, как Рабо и Барнав, оказали немалые услуги своей секте. Но мы, французы, увидим еще и не то“.

Да, они уже и так немало повидали в те времена, когда бенефициями и епархиями распоряжались, в сущности, любовницы короля Людовика XV. Но важнее всех этих насмешек было то, что неприсягнувшие священники пытались доказать верующим, что новые епископы и новые приходские священники не были надлежащим образом рукоположены, что они были узурпаторами, не имевшими никакой власти, и что совершаемые ими таинства были недействительны и даже кощунственны. Это сеяло великую смуту.

Как видно из превосходно составленного сборника документов, опубликованного Шассеном, в Вандее сопротивление с самого начала приобрело характер гражданской и религиозной войны¹.

В Фонтене-ле-Конте городские священники 21 января 1791 г. передали в мэрию мемуар, в котором их заявления были кратко выражены в следующей формуле: „Клянусь приять Конституцию, за исключением прав, которыми ведает духовная власть“.

Национальное собрание требовало присяги „без предварений, объяснений и оговорок“.

Поэтому муниципалитет Фонтене-ле-Конта, хотя и был весьма склонен к компромиссу, не смог согласиться на ограничительную формулу священников. Из трех приходских священников подчинился только один, священник прихода Сен-Никола. Декан собора Богоматери, Бридо, и священник церкви Сен-Жан, Сабуро, отказались присягнуть и в страстных проповедях объяснили свой отказ народу. Робкие и нерешительные гражданские власти не приняли крутых мер, и смятение распространилось. Кроме того, в их распоряжении не было законных репрессивных средств.

Как только дворяне западных районов увидели, что начинается возмущение духовенства, у них появилась надежда использовать его в интересах контрреволюции. Они вдруг сделали вид, будто их заботит дело религии, мысли о которой ранее были чужды воль-

терьянскому дворянству XVIII в. Они пытались сыграть на самолюбии священников. „Теперь видно будет,— кричали мелкопоместные дворяне и дворянки,— окажутся ли священники столь нечестивы, что отрекутся от дела божия“.

Дворяне устремились в церкви, чтобы под покровом религии безнаказанно устраивать манифестации, вынуждать приходских священников себя компрометировать и приходить в возбуждение под влиянием контрреволюционных слушателей, вдохновлявших их и судивших о них.

Наблюдатель-современник Мерсье дю Роше² писал в своих заметках: „Церкви, еще совсем недавно почти пустые, заполнялись во время всех служб бывшими дворянами, которые всю свою жизнь предавались самому необузданному распутству, а теперь часто присутствуют при совершении таинств, хотя они всегда считали эти церемонии нелепым фарсом“.

Подобно тому как неверующие входят в церковь, чтобы укрыться от грозы, так и дворяне вдруг начали посещать церковь, чтобы укрыться от Революции.

На первых порах революционеры, патриоты оставались равнодушны; вначале они пытались говорить с некоторым пренебрежением, что это ссора между священниками, как ранее говорили: это ссора между монахами; а их жены, послушные привычке, водили их к обедне, не думая о том, какой священник ее служит — присягнувший или неприсягнувший, и порой даже предпочитали последнего.

Но когда патриоты увидели, что богослужения, совершаемые неприсягнувшими священниками, превращаются в сборища людей, замысляющих гражданскую войну против Революции, они стали в массе посещать те церкви, в которых служили конституционные священники.

Епископ Ла-Рошели и капеллан королевы де Куси с жаром бросился в борьбу.

Самое главное для неподчинившейся церкви заключалось в том, чтобы неприсягнувшие священники продолжали исполнять свои обязанности; так как они перестали получать жалованье, то надо было помочь им прожить, *не требуя от крестьян ни малейших жертв*.

Если движение в Вандее было до некоторой степени „народным“, если в нем играли важную роль простые крестьяне и простые ремесленники, то это движение было порождено эгоизмом народа, эгоизмом крестьян. Все брать и ничего не давать — вот

1. Ch.-L. Chassin. Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée 1789—1793. Paris, 1892, 3 vol. Речь идет о сборнике доку-

ментов, представляющем собой фундаментальный труд.
2. Мерсье дю Роше (1753—1816) — член департаментской администрации Вандеи.

в чем, по существу, заключалась политика крестьянских масс Вандеи; они были совершенно лишены высокого духа самопожертвования, и если они иногда рисковали жизнью, то делали это только в тех случаях, когда отстаивали свои материальные выгоды, бывшие в их глазах дорожкой жизни.

Вожак движения хорошо понимали, что надо вначале щадить и лишь затем использовать этот глубокий эгоизм. Они остерегались прибегать к кошельку крестьян для помощи священникам. Епископ раздобыл 60 тыс. ливров в счет дохода от своей епархии. Дворяне обязались платить жалованье неприсягнувшим священникам. Правда, миссионеры и монахи монастыря Сен-Лорансюр-Севр, постоянно бродившие по западным районам, продолжали просить подаяние, но они уверяли крестьян в необходимости создавать кассы для оказания помощи и ведения пропаганды, дабы защитить страну от революционеров. Они внушали им мысль, что Вандея должна сама удовлетворять свои нужды, жить тем, что она имеет сама, и отказывать нации в своей помощи. Брожение низменных и жестоких чувств фанатизма и эгоизма ширилось.

ПАПСКОЕ ОСУЖДЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Церковь готовилась нанести Революции новый чувствительный удар. Папа принял решение. 10 марта 1791 г. он обратился к его преосвященству кардиналу де Ларошфуко, архиепископу Экса и к другим архиепископам и епископам, членам Национального собрания Франции, с папским посланием, в котором резко осуждал закон о гражданском устройстве духовенства. Он утверждал, что Собрание присвоило себе компетенцию и права духовной власти, что установленное Собранием каноническое посвящение без участия папской власти недействительно. Он возражал против роспуска религиозных орденов. Он резко возражал и против конфискации церковных имуществ. Таким образом, он оспаривал, он отрицал всю Революцию.

Папское послание от 13 апреля явилось новым осуждением всего дела Революции. Более того, папа ясно объявил в нем выборы конституционных священников незаконными, их посвящение — святотатством и *отрешил* как посвященных, так и посвящавших от всех церковных должностей. Это было официальным объявлением о расколе.

Легко догадаться, какую выгоду могли извлечь для себя из папских посланий неприсягнувшие епископы. Однако папа зашел дальше, чем того желали тактики контрреволюции.

7 марта на тайном заседании Консистории он не только осуждал закон о гражданском устройстве духовенства, но и обличал как святотатство свободу, которую Революция предоставила некаатоликам.

Он осуждал саму веротерпимость как исчадие дьявола, и все его послание от 10 марта было проникнуто этим чувством.

Более того, неприсягнувшим епископам казалось неосторожным открыто осуждать продажу церковных имуществ и таким образом восстанавливать против реакционеров всех, тогда уже многочисленных, покупателей национальных имуществ. Именно на это указывает хитрый епископ Люсонский де Мерси в своем письме от 27 марта к саллертенскому приходскому священнику Нуаро:

„Дорогой кюре, я оросил слезами ваше письмо и содержащееся в нем заявление, возрадовался, увидев стоящие под ним подписи ваших братьев, и преисполнился печали, думая о тех, кто покинул вас. Будем надеяться, что они вскоре поймут свое заблуждение и вернутся в лоно единой церкви.

Не могу опомниться от огорчения, причиненного мне изменой всех священников острова Нуармутье; никогда мое доверие не было обмануто столь жестоко. Но я отнюдь не смотрю на них, как на погибших для меня и для церкви; я уверен в том, что они вернутся к нам, и горячо молю об этом милосердного Бога. Они увидят, и вы увидите вместе с ними папское послание к архиепископу Санскому, и у них не останется более сомнений относительно образа мыслей главы церкви; они убедятся в том, что он разделяет чувства епископов Франции и что возмещаемое и отстаиваемое нами учение поистине есть учение церкви.

Папа наконец ответил королю и епископам, членам Национального собрания, подписавшим изложение принципов, и наше учение никогда еще не было канонизировано более торжественно.

Но весьма объемистое папское послание содержит предписания, которые при нынешних обстоятельствах могли бы представлять неудобства; к тому же оно было составлено в то время, когда положение значительно отличалось от настоящего, и нам из предосторожности, быть может, следовало бы обнародовать его только после того, как мы представим главе церкви свои замечания и он выскажется о нынешних обстоятельствах“.

Папское послание не оказало на все духовенство того ошеломляющего впечатления, какого можно было ожидать. Янсенизм в течение целого столетия приучал духовенство бороться с Римом, хитрить с папской властью и принимать ее решения и предписания со всякого рода ограничениями, комментариями и увертками.

Присягнувшие священники оспаривали подлинность папской буллы; во всяком случае, они полагали, что папа не был вправе касаться мирских дел.

Не подчинились именно те два епископа, которых лично обвинял папа: кардинал Ломени, архиепископ Санский, бывший генеральный контролер финансов, и епископ Отёнский Талейран-Перигор.

Санский епископ написал папе довольно надменное письмо¹: „Святейший отец, я просил пунция передать Вашему Святейшеству мои первые представления по поводу направленного мне послания и той вызывающей удивление огласки, какую оно получило; но честь обязывает меня к последнему ответу, и я исполняю свой долг, отказываясь от сана, которым Вашему Святейшеству было угодно меня удостоить; *узы признательности более невыносимы для незаслуженно оскорбленного честного человека.*

Когда Ваше Святейшество соблаговолило ввести меня в коллегию кардиналов, я не предвидел, что для сохранения этой чести понадобится нарушить верность законам моей страны и тому, что я почитаю своим долгом по отношению к верховной власти.

Поставленный между двумя этими крайностями — нарушить свой долг по отношению к этой власти или отказаться от сана кардинала, я не колеблюсь ни минуты и надеюсь, что Ваше Святейшество лучше поймет из моего поведения, чем из бесполезных объяснений, *что я далек от приписываемого мне святотатства формального принесения присяги, что в душе я никогда не отвергал того, что произносили мои уста, и что, если я и мог не одобрять всех статей закона о гражданском устройстве духовенства, тем не менее у меня всегда было твердое намерение выполнять взятое мною на себя обязательство и не усматривать в том, чего оно от меня требует, ничего противоречащего моей вере или противного моей совести.*

Святейший отец! Быть может, мне надлежало бы ответить на другие упреки, содержащиеся в послании Вашего Святейшества, ибо, хотя я и не принадлежу более к числу кардиналов, я не перестал в качестве епископа зависеть от главы церкви и отца всех верующих и, как таковой, всегда буду готов дать отчет Вам в своем поведении; но долгое отсутствие ответа от Вас и выражения, *в каких этот ответ был составлен, а главное, странное злоупотребление доверием, которое себе позволил Ваш представитель,— все это заставляет меня молчать.*

Да будет мне дозволено только повторить Вашему Святейшеству, что Вам несверно освещают положение религии в королевстве и что путь снисходительности, на который я старался склонить Ваше Святейшество, настоятельно диктуется обстоятельствами, что долгое молчание Вашего Святейшества, возможно, довело положение до критического предела и что суровые меры, на которые, по-видимому, решилось Ваше Святейшество, могут лишь дать результаты, противоположные Вашим намерениям“.

Гордость оскорбленного дворянина говорит здесь громче, чем дух смирения священника. Что касается Талейрана, отрешенного за то, что он рукополагал приходских священников по обряду, предусмотренному законом о гражданском устройстве духовенства, то он ответил лишь самым пренебрежительным молчанием.

РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В ВАНДЕЕ

Итак, вмешательство папы вовсе не оказалось решающим, и конституционные священники не испугались даже в Вандее. Их противники усилили свои происки, прибегая к обману и играя на суевериях.

Они запирали в дарохранительницу в церкви присягнувшего священника черную кошку, и, когда тот открывал ее, оттуда выскакивал дьявол в образе черной кошки. Верующие в ужасе разбегались, проклиная Революцию.

Мюлотинцы („миссионеры богоматери“), монахи, собиравшие подаяние, при помощи волшебных фонарей отбрасывали на стены часовен таинственные тени, священные лики, приводившие в религиозный экстаз или пугавшие крестьян. Когда этих грубых средств, рассчитанных на самые низменные суеверия, оказывалось недостаточно, вмешивались дворяне и крупные землевладельцы и заставляли своих крестьян посещать богослужения, совершаемые мятежными священниками, и прекратить посещение церквей, где служили конституционные священники. Последние старались устоять против всех этих неистовых выпадов. Они отвечали на брошюры, катехизисы, выдумки и оскорбления манифестами и брошюрами иного содержания.

Один из наиболее достойных священнослужителей Вандеи, кюре Каволо из прихода Пео (каптон Марей), опубликовал под названием „Письмо доброму другу“ любопытное послание, в котором теория климатов Монтескье была как бы применена к религиозному вопросу².

Такова была мощь философской мысли XVIII в., возбуждавшей и обновлявшей все умы, даже такие, которые, казалось, застыли под властью незыблемого догмата!

Письмо священника Каволо было одновременно обвинительным актом против поведения высшего духовенства.

„Чтобы узнать, кто из нас двоих заблуждается, рассмотрим мотивы, побудившие меня принести эту присягу, которая заставляет Вас, питающего ко мне глубокую дружбу, тревожиться о моем спасении. *Отчасти вы их найдете в недостойном поведении духовенства в Национальном собрании.*

Прежде всего вспомните о том, какие старания оно прилагало после открытия Генеральных штатов, чтобы воспрепятствовать объединению сословий...

1. Ломени де Бриенн (1727—1794) — архиепископ Санский, в 1788 г. кардинал, в 1791 г. конституционный епископ Йоннский.

2. Каволо (1754—1839) был главным викарием конституционного епископа Вандеи; впоследствии поки-

нул церковь и стал преподавателем центральной школы в Люсоне; в VIII г. (1800) был генеральным секретарем Вандейской префектуры и оставался на этом посту, пока существовала Империя; был смещен в период Реставрации.

Общественное мнение давно уже составилось по этому поводу, и это мнение покоилось на незыблемой основе справедливости.

Против него могли бороться только гордость и своекорыстие... Разве служителям господу, всегда проповедовавшего лишь самоотречение и пренебрежение ко всем мирским благам, подобало требовать для себя права издавать законы для государства, в котором они не подлежали обложению податями? Если бы они с самого начала поступили так, как им повелевали божеский промысел и гуманные соображения, то дворянство было бы вынуждено тотчас же последовать их примеру; не состоялось бы королевского заседания; не замыслились бы блокада Парижа и похищение короля, духовенство избавило бы Францию от несчастий, явившихся пагубным следствием этих двух злополучных моментов. Оно не сделало этого; следовательно, оно было либо слепым, либо преступным.

Раз оно с таким ожесточением боролось, чтобы отстоять свои честолюбивые притязания, то легко вообразить, что оно не ослабило своих усилий, когда дело коснулось его материальных интересов. Какой крик подняло оно, когда зашла речь об отмене его имущественных привилегий!

Вы, пожалуй, скажете мне, что духовенство само выразило пожелание принести в жертву свои привилегии, когда сословия еще были раздельны, и что еще до этого предложения такое же пожелание высказали церковнослужители в баляжах. Но кого Вы сможете убедить в том, что это предложение было искренним?

Да кто же не знает, что если это предложение содержалось в наказах, то только благодаря приходским священникам, а епископы противились ему всеми силами? Кто же не слышал, с каким пренебрежением отвергали они в частных разговорах это пожелание нации?

Разве вся Франция не читала с возмущением их обращения к королю, принятого на их последнем собрании и ратававшего за сохранение их привилегий, которые они осмелились назвать священной собственностью? Но они пожертвовали ими. Да, они пошли на это, подобно дворянству, приходя в ярость от принуждавшей их к этому необходимости и надеясь на то, что, бросив эту кость третьему сословию, они сохранят за собой другие преимущества, более дорогие для их тщеславия...

Отмена десятины нанесла им глубокую рану. Тщетно им доказывали, что из всех установленных налогов это самый несправедливый, ибо он самый неравный; тщетно им предлагали замену; на головы нечестивцев, посмеявшихся поднять свою кощунственную руку на священный ковчег, они призывали громы небесные...

Когда же Национальное собрание осмелилось передать церковные имущества в распоряжение нации, тогда все увидели, с какой яростью призывало духовенство силы небесные защитить его владения, которые у него отбирали. Тогда все увидели, с каким бесстыдством дело божие смеивают с делом Маммоны и кричат о гибели

религии потому, что не будет больше епархий, приносящих 100 тысяч ливров ренты.

Но вы возразите мне, что лишать духовенство права собственности на его имущества если и не безбожно, то по меньшей мере несправедливо. А на какие права опиралось оно, владея этой странной собственностью?

Разве тот, кто пользовался бенефицием, владел им как собственностью? Он не мог продать ни единого дерева без разрешения правительства. После его смерти нашелся ли бы среди всего духовенства хоть один человек, который имел бы право ему наследовать и мог бы пожаловаться на то, что по отношению к нему совершили несправедливость, не предоставив ему бенефиция?

Если духовенство не обладало правом собственности на свои имущества, то, следовательно, они принадлежали нации, и она пользовалась ими для оплаты труда, который духовенство выполняло или должно было выполнять ей на благо.

Поэтому нация, не совершая несправедливости, вправе отобрать их у духовенства и обратить в деньги то жалованье, которое она обязана ему платить... Если духовенство разразилось проклятиями, когда были затронуты его мирские владения, то не следует удивляться тому, что оно осудило закон о новом устройстве, которое решили дать духовенству.

Каждая статья закона об этом устройстве оскорбляет его честолюбивые притязания. Поэтому даже если бы Церковному комитету его принес ангел, то я заранее могу держать пари, что его признали бы еретическим.

Первый упрек по адресу нового устройства состоит в том, что Национальное собрание не компетентно в этих делах. Будучи политическим учреждением, Национальное собрание должно заниматься исключительно мирскими делами... Да, сударь, религия духовна и в этом смысле она независима от гражданской власти. С этим все согласны, и Национальное собрание торжественно признало эту истину. Но религия проповедует людям, она существует среди людей для их счастья.

Она во всем соприкасается с различными социальными учреждениями; следовательно, она должна быть организована так, чтобы служить возможно больше благу общества. Необходимо, следовательно, чтобы она могла соотноситься со всеми этими учреждениями, не внося расстройств ни в одно из них... В теплых и плодородных районах Италии и Испании, где человек потребляет мало, где дня труда достаточно, чтобы прокормиться в течение целой недели; там при физической непригодности к длительному и тяжелому труду высшим благом для человека является праздность, и религия может и должна дать пищу его воображению пышностью своих церемоний; там праздники могут быть многочисленными, не причиняя какого бы то ни было урона.

Но в холодном климате и на скудных землях, где человек может добиться от земли, чтобы она кормила его, только ценою долгого и тяжелого труда, если праздников будет слишком много, и притом в самую страдную пору, то люди, служа божу, рискуют умереть от голода.

Разве нация не имеет права наперекор духовенству сократить число праздников или перенести их на такое время, когда они причиняли бы меньший вред?

Для общества в высшей степени важно, чтобы все части территории страны давали возможно больше продуктов для блага населения, обильно снабжая его средствами к существованию.

Для него важно, чтобы земли были распределены среди возможно большего числа владельцев, дабы большее число людей было заинтересовано в поддержании порядка. Эта двоякая цель плохо достигалась посредством того способа, каким распределялись и управлялись владения духовенства; поэтому Национальное собрание имело право распорядиться ими иначе.

Для общества важно, чтобы все его члены работали ему на пользу; для него важно, чтобы никто не получал вознаграждения, не оказав ему услуг; поэтому можно и должно было уничтожить все титулы и звания, не связанные с обязанностями, представлявшие собой соблазнительную приманку для всецельной праздности и отвлекавшие множество людей от полезных занятий, посредством которых они могли бы оказывать отечеству действительные услуги...

Наконец, для общества важно, чтобы все те, кто выполняет в нем какие-либо общественные функции, побуждали уважать и ценить законы, которые оно положило в основу своего счастья и благоденствия. Поэтому оно вправе удостовериться в патриотизме священнослужителей.

Если эти священнослужители, не подчиняясь законам своей страны, используют власть, которую дает им религия над душами слабых людей, чтобы сеять дух неподчинения и возмущения, то общество должно изгнать их из своей среды; оно должно заменить их такими, кои, лучше понимая дух религии, которую им доверили проповедовать, не превратят ее в пагубное орудие для уничтожения законной власти и ниспровержения тех основ, на которых сам Господь заложил начала общественного порядка".

Такие священники могли бы далеко зайти с этим „для общества важно“, ибо для него, возможно, важно, чтобы учение о божественном спасении не отвлекало людей в сторону незримых, потусторонних радостей.

Общество не создано более для религии; это религия создана для общества, понимаемого в самом гуманном смысле слова, и если условия общественной жизни, даже экономические, даже климатические, позволяют гражданской власти видоизменять, перекраивать на свой лад религиозную организацию, то почему догмат должен

избегнуть этого общественного воздействия и не следует ли ему приспособиться к требованиям и нуждам гражданского общества?

И затем, могут спросить философы, каким образом получилось, что духовенство дошло до проведения политики, продиктованной эгоизмом, ленью и гордыней? И чего теперь стоят принципы, которые не смогли предохранить от самых антиобщественных заблуждений именно тех, кто проповедовал эти принципы?

Пусть мне не говорят, что религия подвержена извращениям, но что она, возрождаясь, тем самым доказывает свою внутреннюю силу. Ибо, если во времена Реформации Лютер обличал и преобразовывал церковь именно во имя Евангелия и Библии, охваченный религиозным вдохновением, то теперь, даже по теории аббата Каволо, самый принцип возрождения исходит извне: реформа церкви исходит из философской мысли XVIII в., из ее гуманного духа, из социального характера, который она придает всякой истине.

Письмо аббата Каволо действительно можно было бы назвать Декларацией прав человека для самого христианства. Оно свидетельствовало о замечательной силе философской мысли XVIII в., ибо она овладела даже умами служителей церкви и привела их к тому натуралистическому и социальному христианству, которое является лишь одной из форм человеческой деятельности.

Странная альтернатива для христианства — либо восстать против духа века и оцепенеть в мертвой неподвижности и косности, чтобы устоять, либо, если оно хочет сохранить жизненную силу, раствориться в человеческом разуме и в мощном социальном движении!

Это письмо, звучавшее как предостережение со стороны конституционного и революционного католицизма, было распространено в марте и апреле среди всех присягнувших священников; оно снабжало их аргументацией и вселяло в них мужество в их борьбе против поднявшего голову фанатизма. Это произошло как раз в то время, когда появились папские послания (бреве).

Священник прихода Сен-Венсан-дю-Фор-дю-Лэ, Бенжамен Голи, также попытался ответить в более популярной брошюре. Он высказал сомнения в подлинности папского послания, но утверждал, что, даже если бы оно было подлинным, это было бы заблуждение и что на решение папы конституционное духовенство апеллировало бы к Иисусу Христу.

Этот ответ поистине на грани реформации. „Если бы нынешний Верховный первосвященник отказал в общении с ним пастырем Франции, исповедующим в точности ту же религию, что и церковь, то это он был бы неправ; он поступил бы подобно отцу, который из-за каприза или поверив клеветническим паущениям прогневался бы на своих детей, заслуживающих его нежности, лишил бы их своей любви и не стал бы их признавать... Тогда отца им заменил бы Иисус Христос“.

И, смело указав таким образом на своего рода отставку папы, священник Голи подвергает всестороннему рассмотрению материальные интересы, побуждавшие неprisягнувшее духовенство к действиям.

Если имеются недовольные священники, то лишь потому, что им не дали земли и сада, прилегающих к дому приходского священника. Он пишет: „Колебания прекратились, как только в Национальном собрании были произнесены злополучные и неосторожные слова: *„Нечего толковать о подарке, которого требовали для приходских священников!“* После этого значительная часть приходских священников отвернулась от отечества и закон о гражданском устройстве стал еретическим и раскольническим *из-за отказа в передаче этих участков...* Да, именно отказ дать им эти злосчастные участки побудил священников отвергнуть присягу, которой от них требовало государство; мы знаем это, мы могли бы это доказать, во всяком случае, в отношении соседних местностей; и нам стало известно, что непокорные священники повсюду руководились одними и теми же соображениями“.

А если число верующих, идущих к неprisягнувшим священникам, слишком велико, то это объясняется давлением со стороны крупных собственников.

«Спросите у этого слуги, у этого поденщика, у этого издольщика, у этого ремесленника, почему они не ходят к мессе, почему они не исповедуются у своего приходского священника, принесшего присягу, и они вам с полной искренностью ответят: „Я не питал к нему никакой неприязни и не питаю ее теперь; я не хотел бы, чтобы это было передано: если я не иду к нему, то потому, что я должен зарабатывать себе на жизнь.“

Тот, у кого я живу и чьи земли обрабатываю, тот, кто мне дает работу, — враг Революции, потому что она ему наносит ущерб, и я знаю из верного источника, и он сам сказал мне, что если я пойду на богослужение, совершаемое неprisягнувшим священником, то он выгонит меня вон и я навсегда у него потеряю работу“». Священник Голи негодовал на неprisягнувших священников, восклицая: „Жестокие, вы не довольствуетесь тем, что терзаете лоно церкви; вы терзаете лоно отечества из-за небольшого имущества, из которого вам надлежало бы брать лишь необходимую для приличного существования часть, столь великодушно выплачиваемую вам отечеством!“

Подумайте: алчность не одного уже сделала Иудой. Не говорите, что вы равнодушны к своим мирским имуществам; в ваших глазах самое непростительное преступление заключается в их покупке.

Почему вы так участливо относитесь к эмигрировавшим дворянам? Почему вы, как уверяют, устроили сбор средств, чтобы обеспечить им солдат и деньги? Почему во главе войск, готовых напасть на свое отечество, мы видим епископов и одного карди-

нала (Рогана)? Почему вы желаете успеха их оружию? Неужели вы осмелитесь оправдывать это своей любовью к религии? Нет, нет, больше вы нас не обманете.

Все объясняется вашей уверенностью в том, что они вам возвратят ваши имущества... Эти дворяне действительно тешат вас этой иллюзией и испытывают потребность в вас, чтобы обманывать невежественный народ, перед лицом которого вы — их единственная поддержка. Но если бы они одержали победу и опять получили свои нелепые права и все свои несправедливые привилегии, то они не вернули бы вам и клочка земли и сокрушались бы о том, что церковь уже недостаточно богата, чтобы они могли возместить свои расходы по кампании за ее счет“.

Это был ужасный обвинительный акт. По мнению приходского священника Голи, неprisягнувшие священники виновны в измене отечеству: они не только желают успехов зачинщикам мятежа, но и доходят до найма солдат для вторжения во Францию. И притом идут они на это не из религиозного фанатизма, а из мерзкого расчета получить обратно из рук врагов Франции в случае их победы проданные церковные имущества и отмененные доходы духовенства. Обвинительного акта, составленного конституционным священником против неprisягнувшего духовенства, было бы достаточно, чтобы привести последнее на эшафот, если бы он в то время уже был воздвигнут. Во всяком случае, этот обвинительный акт подготавливал умы к самым суровым мерам. Более страшной страницы нельзя найти нигде даже у Марата.

Каково было в тот момент соотношение сил обеих партий в Вандее? Его невозможно определить: патриоты Ле-Сабль-д'Олонна писали в марте парижским якобинцам, что они окружены врагами и не могут устоять против сил контрреволюции и фанатизма. И все же они не приходят в отчаяние и, побуждаемые опасностью, основывают Странствующее общество друзей конституции, которое ввиду малого числа городских центров в Вандее переходит из одной деревни в другую, противопоставляя революционную мысль пропаганде клерикалов и трюкам с явлениями святых из рая к верующим благодаря священному волшебному фонарю, придуманному иезуитом Геше.

Неprisягнувшие священники начинают прибегать к силе. Жители многих приходов собираются, чтобы не допустить продажи земель, принадлежащих церковному приходу. Эмиссары дворянства передают приказы, переходя с фермы на ферму, и начинают создавать банды; административные власти Вандейского департамента вынуждены в апреле и мае просить военного министра о присылке подкреплений. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, в мае приступили к выборам епископа и священников и — плохо ли, хорошо ли — водворялось новое духовенство.

ВОЛНЕНИЕ В ПАРИЖЕ

В Париже и среди революционно настроенного населения городов сопротивление неприсягнувших священников вызывало крайнее негодование. Папские послания осыпались насмешками и оскорблениями. Чего хочет от нас епископ Римский? Ну а папскую буллу следовало бы сжечь! В первые дни мая такое решение приняли братские и патриотические общества, и вечером 5 мая в присутствии огромной толпы в саду Пале-Руаяля было предано огню большое чучело высотой восемь футов, изображавшее папу Пия VI в полном облачении, со всеми атрибутами первосвященника; в одной руке он держал кинжал, в другой — послания от 10 марта и 13 апреля. Но даже люди, сжигавшие это чучело, боялись задеть религиозные чувства, еще столь сильные в народе, и восстановить его против Революции!

В этом отношении весьма любопытна обвинительная речь против папы, произнесенная одним из присутствующих в форме пародии на решения церковного суда и на приговоры инквизиции... „Граждане, злодейские планы ваших неприсягнувших священников давно уже должны были бы вооружить вас друг против друга; если бы вы прислушались к коварным клеветническим измышлениям, вы бы перебили друг друга; на неделе, посвященной празднованию наших самых святых таинств [имеется в виду пасхальная неделя], должно было произойти кровопролитие. На ваших трупах собирались они воздвигнуть алтарь деспотизма! Да что говорить! У них были еще более пагубные замыслы. Да иссякнет их источник! *Уважайте в их лице религию, в осквернении которой они обвиняют нас, тогда как именно они сами ее унижают.* Пусть изображение, носящее гнусные черты фанатизма, с кинжалом в одной руке и с пасквилом в другой будет брошено в костер, который они сами хотели разжечь!

Пусть совершение этого полезного акта покажет им, что Франция XVIII в. не хочет больше быть рабыней ультрамонтанского деспотизма, что она навсегда сорвала со своих глаз завесу предразсудков и что она, *храня глубочайшее уважение к католической религии, бывшей ее колыбелью*, может без колебаний предать огню изображение наглого муфтия, выдающего себя за наместника Бога мира, а на деле оттачивающего кинжалы ненависти.

И об этом мы спрашиваем мнения и суждения добрых граждан, наших братьев и друзей, которые слышали изложение мотивов настоящей обвинительной речи“ (цитировано Робине по газете „Курье“ Горса¹).

Толпа отвечала: „Да, пусть оно будет сожжено!“ И чучело папы вместе с папскими посланиями запылало на глазах собравшегося народа, питавшего глубокое уважение к католической религии.

Движение, вызванное законом о гражданском устройстве духовенства и начинающимся сопротивлением церкви, было глубоким и сильным, но нельзя сказать, что оно было непреодолимым. Оно нейтрализовалось силой Революции и не мешало бы ее спокойному и властному торжеству и даже, несомненно, остановилось бы и ослабело, если бы не измена короля, который создавал препятствия на пути Революции и задумал обратиться за помощью к иностранным державам. С ноября 1790 г. он был окружен новыми министрами.

1. „Le Courrier de Versailles à Paris et de Paris à Versailles“; с 30 ноября 1790 г. — „Le Courrier de Paris dans les provinces et des provinces

dans Paris; начиная с 3 июля 1790 г. — „Le Courrier de Paris dans les 83 départements“. О работе Робине см. ранее, стр. 253.

КОРОЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Национальное собрание упрекало Неккера, Латур дю Пена, Ла Люзерна и Сен-Приста в слабости. Оно утверждало, что они не проявляли твердости при управлении страной в революционном духе и ослабляли исполнительную власть, чтобы дать королю повод к изменению конституции. „Исполнительная власть прикидывается мертвой, чтобы убедить всех в том, что вы уничтожили ее!“ — воскликнул Шарль Ламет. Казалось с блестящим красноречием южанина говорил о бессилии, о ничтожности министров, охарактеризовав их словами Тассо: „Они еще двигались, но были мертвы“. В действительности же Неккер, наиболее значительный из министров, стал бесполезен с тех пор, как продажа церковных имуществ и выпуск ассигнатов снабдили Революцию огромными ресурсами, что сделало излишними жалкие и тщеславные финансовые комбинации, на которые он растрчивал свои силы.

Неккер стал не только бесполезен, он надоед своим пустыми предупреждениями, своими напрасными упреками и язвительными советами, которые высокомерное бессилие давало живой и действенной Революции. Он уехал, со всех сторон осыпаясь насмешками, и уединился в своем швейцарском поместье, где сетовал на свою судьбу, являя собой смешную пародию на Шекспира¹. Он сравнивал себя в своих мемуарах с королем Лиром, покинутым неблагодарными дочерьми: его дочь Революция посмеялась над ним и чуть ли не с презрением прогнала его! О, людское тщеславие! Революция — дочь Неккера!

Под печальный шум ветра среди высоких деревьев гор он терзал себя нелепыми мыслями.

Все остальные министры, за исключением Монморена, которого левые пощадили, тоже подали в отставку. Неккер был заменен Ламбером, а затем Делессаром. Флёрйё заменил Ла Люзерна, Дюпор-Дютертр стал министром юстиции вместо архиепископа де Сисе, а офицер, бывший участник войны в Америке, Дюпорт занял пост военного министра вместо Латур дю Пена. Такой выбор министров, конституционные взгляды которых были неясными, не был блестящим и не имел решающего значения: ни один из министров не имел достаточного авторитета, чтобы направить короля на путь Революции, и король продолжал свою собственную политику. Религиозному сознанию короля, с его робостью и уязвостью, внушали ужас все мероприятия Национального собрания, направленные против церкви. Гордость короля была уязвлена ограничением его исконной власти гораздо больше, чем об этом можно было судить по его внешнему добродушию.

Наконец, его раздражал беспокоивший его надзор народа. Менее набожная, но более обуреваемая страстями и гордостью королева жестоко страдала от скромного и уединенного образа жизни, на какой она была обречена. Ее пылкая и деятельная душа, до Революции занятая празднествами и интригами, замкнулась, преисполненная горечи, она искала выхода, пути спасения, средства добиться полной свободы и возмездия.

Если бы мы могли проследить день за днем в течение всего 1791 г. эту смену настроений, это томление неизвестностью, переменчивый ход беспокойных мыслей этих людей, находившихся в тюрьме, какой стал для них дворец Тюильри, то какая глубокая человеческая драма раскрылась бы перед нами! Королева мало сочувствовала королю. Она находила его слабым, считала посредственным советчиком. Она не решалась довериться и сестре короля Елизавете, стороннице нелепой и неосторожной тактики принцев — принца Конде и графа д'Артуа.

Королева, ненавидевшая братьев короля, боявшаяся быть спасенной именно ими, как наибольшего для себя унижения и высшей опасности, была полна неприязни к принцессе Елизавете. А король при всей своей растерянности был одержим только одной постоянной мыслью — не ввязываться в политику, которая могла бы бесповоротно связать его. Давно, с первых дней Революции, его не покидала мысль о бегстве, об исчезновении: ему казалось, что вдали от Парижа, став во главе нескольких верных полков, он смог бы объединить вокруг себя все роялистские и контррево-

¹ Неккер покинул Францию 18 сентября 1790 г. Он заявил Национальному собранию о своей отставке 14 сентября. („Moniteur“, t. V, p. 560.) Неккер написал не мемуары в собственном смысле слова, а „Histoire de la Révolution

française ... depuis l'Assemblée des notables jusqu'à et y compris la journée du 13 vendémiaire an IV“. Paris, 1821, 4 vol., см. также: Mme de Staël. Mémoires sur la vie privée de mon père; и „Mélanges de M. Necker“. Paris, 1818.

люционные силы и навязать свою волю Национальному собранию. Но риск, связанный с таким предприятием, был очень велик, и короля вновь охватывали размышления, и он не мог решиться.

Народ инстинктивно чувствовал, что король хочет бежать, и боялся его бегства, как огромной опасности. Кажется странным и даже противоречивым, что революционеры до такой степени боялись отъезда короля, отнюдь не сочувствовавшего Революции. Тем не менее народ был прав.

В это время не существовало республиканской партии, республиканского общественного мнения: никто не знал, какой властью следовало бы заменить королевскую власть, и казалось, что бегство короля создаст огромную пустоту. Но главное, кроме того, заключалось в том, что народ чувствовал существование бесчисленных сил реакции, пока еще распыленных и полускрытых, которые ждали лишь ясного сигнала, чтобы обнаружить себя, лишь появления центра объединения, чтобы начать действовать.

Король, который, перейдя границу, выступил бы с осуждением борьбы против церкви, запугал бы робкую часть буржуазии, заставив ее дрожать за свою собственность, пополнил бы свою армию иностранными контингентами и поднял бы над ней знамя монархии, мог стать опасен. Поэтому народ зорко следил за дворцами короля и даже принцев. В феврале их высочества — тетки Людовика XVI объявили, что они уезжают в Рим. Революционеры увидели в этой поездке начало осуществления плана контрреволюции. Чтобы принцессы могли продолжать свой путь, понадобился эскорт из тридцати драгун. Народ также окружил однажды карету старшего из братьев короля и силой заставил его вернуться в Люксембургский дворец¹.

28 февраля жители Сент-Антуанского предместья решили, что в Венсеннском замке идут военные приготовления. Они ринулись к нему и разрушили его башню. Туда поспешил Лафайет, чтобы подавить возмущение. Но он опоздал, и революционеры предместья сделали несколько выстрелов по его штабу. Одновременно в Париже распространился слух, что дворец Тюильри подвергнется такому же нападению, как и Венсеннский замок. Двор, сильно испуганный или только изображавший ужас, сеет панику и призывает верных ему людей. От трехсот до четырехсот вооруженных дворян расположилось в Тюильри.

Лафайет, решив ударить сразу и по правым и по левым, сдерживать народное движение и подавить заговоры аристократов, спешит в Тюильри, заставляет дворян сдать оружие и уничтожает его во дворе дворца. Возмущенный народ называет этих дворян *рыцарями кинжала*.

ПЛАНЫ КОРОЛЯ

Скорее это была паника, а не настоящие волнения. Но она указывала на возрастающую нервозность общественного мнения. И Людовик XVI и Мария Антуанетта должны были наконец принять решение². Четыре пути открывались перед ними.

Либо надо было полностью и безоговорочно признать Революцию, остаться в Париже и самим своим присутствием и всем своим поведением доказать свою полную искренность, рассеять таким образом недоверие и стать истинной современной конституционной королевской властью. Это было бы наиболее разумным решением, но предрассудки, верования, гордость короля и королевские дела делали его для них неприемлемым.

Либо надо было без задних мыслей принять Революцию и покинуть Париж, но не для того, чтобы направиться к границе, не для того, чтобы быть ближе к иностранным державам, а для того, чтобы обосноваться в провинции, в Руане или в Фонтенбло, и оттуда обратиться с призывом к нации. Я уже указывал на опасности, сопряженные с этим планом. Мирабо настаивал на принятии его еще 4 февраля и пытался склонить к этому не только короля, но и Лафайета. Но Лафайет делал вид, будто он презирает Мирабо, а король просто презирал Мирабо.

Король так и не понял величия и искренности гения Мирабо. Он принимал его услуги, платил за них, тем самым бросая на них тень позора, и воображал, будто Мирабо может способствовать таким образом дезорганизации революционных сил. Но допустить, чтобы Мирабо действительно создал и привел в равновесие новый порядок, — такой шаг показался бы Людовику XVI неосторожным и недостойным.

Итак, все уговоры великого человека были тщетны; стена презрения всегда отделяла его от тех, кого он старался спасти в интересах новой Франции.

1. Об отъезде принцесс — теток короля и о попытке отъезда старшего из братьев короля (19—22 февраля 1791 г.) см. перечень печатных источников, приведенный Турнё (t. I, № 2046—2071). О восстании в Сент-Антуанском предместье и о попытке разрушения башни Венсеннского замка (28 февраля 1791 г.) см.: *Tourneux. Op. cit., t. I, № 2090—2111*.

2. См.: *Mme Arnaud-Boutte-loup. Le Rôle politique de Marie-Antoinette. Paris, 1924. О взаимоотношениях конституционалистов, и особенно Барнава, с короле-*

вой см.: *O. De Heidenstam. Marie-Antoinette, Fersen et Barnave. Paris, 1913. Эта публикация, основанная на документах из архива Ферзена, вызвала продолжительную полемику; общее сомнение вызывала подлинность текстов. Спор был разрешен в работе: *Alma Söderjhelm. Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète (juillet 1791—janvier 1792). Première édition complète établie d'après les originaux. Paris, 1934. Полемика изложена во введении*.*

Итак, оставалось еще два пути, причем и тот и другой были внушены ненавистью к Революции.

Либо король будет молчать, пассивно все одобряя, позволяя говорить и действовать крайним партиям и даже в случае надобности поощряя их, в безрассудной надежде на то, что Революция изживет себя в результате своих же крайностей и уставшая страна восстановит старую королевскую и церковную власть во всей ее полноте.

Разумеется, это был безрассудный план, так как, во-первых, если бы Революция дошла „до крайностей“, то первой из них было бы уничтожение власти монарха, которая, найдя прибежище в сердце Революции, выжидала, пока нация обессилеет; затем, поскольку именно сопротивление двора и короля усиливали революционную энергию, то отказ короля от враждебности, даже лицемерный, возможно, вселил бы в души покой и уравновешенность, которых как раз и боялся король.

Либо надо было бежать, но не для того, чтобы положиться на Мирабо, то есть опять-таки на Революцию, а для того, чтобы встать во главе армии Буйе и продиктовать Франции условия при поддержке иностранных держав. В январе, феврале и марте король колебался между этими двумя последними возможностями.

Мы можем, хотя и далеко не полностью, проследить эти колебания по переписке и заметкам графа Ферзена¹. Этот молодой шведский офицер был до Революции представлен ко двору, и его красота произвела на Марию Антуанетту большое впечатление. Граф Крейц писал 10 апреля 1779 г. в секретном донесении своему монарху, шведскому королю Густаву III: „Я должен конфиденциально сообщить Вашему Величеству, что граф Ферзен был принят королевой так благосклонно, что это вызвало подозрения у некоторых лиц. Я вынужден признать, что она питает склонность к нему; я видел тому слишком явные признаки, чтобы сомневаться. Молодой граф Ферзен вел себя при этих обстоятельствах превосходно: проявлял скромность и сдержанность, а главное — он принял решение отправиться в Америку.

Удаляясь, он устранял всякую опасность; но необходима была, очевидно, твердость, несвойственная его возрасту, чтобы преодолеть это искушение. В последние дни королева не сводила с него глаз, полных слез.

Умоляю Ваше Величество хранить это в тайне от всех, кроме сенатора Ферзена. Когда стало известно об отъезде графа, все фавориты пришли в восторг. Герцогиня Фитц-Джеймс сказала ему: „Как, сударь, Вы покидаете свою победу?“ — „Если бы я одержал ее, я не покинул бы ее, — ответил он, — я уезжаю свободным и, к несчастью, не оставляю никаких сожалений“. Ваше Величество согласится, что этот ответ был исполнен благоразумия и осторожности, необычных для его возраста“. (Бумаги Густава III, архив Упсальского университета².)

Ферзен изредка возвращался во Францию как офицер одного из расквартированных там шведских полков. Он находился в гарнизоне Валансьенна в конце 1789 г., когда шведский король Густав III повелел ему отправиться в Париж, оставаться при французском короле, передавать ему письма и поддерживать связь между обоими монархами.

Густав III, считавший себя паладином абсолютной монархии в Европе, желал непосредственно получать сведения о событиях во Франции. Интересны многочисленные письма Ферзена о ходе Революции. 6 октября Ферзен находился в конвое короля и королевы, когда их везли в Париж; королеве, несомненно, было весьма приятно вновь увидеть человека, которого она прежде любила и, быть может, продолжала любить и которого король дружественной страны рыцарски послал ей служить.

Граф Ферзен очень скоро стал ближайшим доверенным лицом короля и королевы. Он сообщает об этом своему отцу в феврале 1791 г. в письме, имеющем весьма важное значение, так как оно придает исключительную ценность всем сведениям, дошедшим до нас от Ферзена. „Мое положение отлично от всех. В этой стране министры, король и королева всегда относились ко мне с добротой и отличали меня. Пропуском и рекомендацией послужили для меня Ваша репутация и оказанные Вами услуги; может быть, я заслужил одобрение и уважение некоторых лиц и достиг кое-каких успехов благодаря своему благоразумному, сдержанному и осторожному поведению.

Я предан королю и королеве, которые всегда относились ко мне с большим благоволением, когда имели к тому возможность, и я был бы неблагодарным и подлым, если бы покинул их, когда они не могут больше ничего для меня сделать и когда я могу надеяться быть им полезным. *Ко всем милостям, коими они всегда меня осыпали, они прибавили еще одно лестное отличие — свое доверие.* Оно тем более лестно, что им пользуется крайне ограниченный круг лиц — три или четыре человека, из которых я моло-

1. Граф Аксель фон Ферзен (1755—1810) — в 1775 г. капитан драгун шведской гвардии, в 1779 г. полковник королевского баварского полка, во время войны за независимость в Америке (1780—1783) адъютант Рошамбо, в 1783 г. полковник шведского королевского полка; во время бегства в Варенн уехал в Бельгию; в 1797 г. был послом короля Густава IV, в 1807 г. впал в немилость, в 1810 г. был убит. См.: „Le Comte de Fersen et la Cour de France. Extraits des papiers du ... comte

Jean-Axel de Fersen“, publiés par le baron R. M. de Klinckschewsky (внуком Ферзена). Paris, 1877—1878, 2 vol.; „Lettres d'Axel de Fersen à son père pendant la guerre de l'Indépendance d'Amérique“, publiées par le comte F. M. Wrangel. Paris, 1929; „Fersen et Marie-Antoinette. Correspondance et journal intime inédits“, publiés par Alma Söderhjelm. Paris, 1930.

2. См.: A. Geffroy. Gustave III et la Cour de France. Paris, 1867, 2 vol.

же всех. [Другие лица — барон де Бретей, маркиз де Буйе и граф де Мерси]. Если мы сможем им служить, то с каким наслаждением я, хотя бы отчасти, отблагодарил бы их за то, чем им обязан; какая радость для меня, если я смогу способствовать их счастью. Мой дорогой отец, Вы чувствуете это своим сердцем и не можете не дать своего одобрения. Только такое поведение достойно Вашего сына, и, чего бы это Вам ни стоило, Вы первый велели бы мне так поступать, будь я способен вести себя иначе. Все эти события должны развернуться и решиться в течение этого лета; если бы они приняли дурной оборот и исчезла всякая надежда, то ничто не помешало бы мне приехать к Вам“.

По тону этого письма ясно, что с этого момента граф Ферзен стал участником некоего смелого и опасного плана. Действительно, отныне проект бегства короля стал предметом серьезного изучения. Граф Ферзен пишет 7 февраля 1791 г. своему другу и доверенному лицу, министру шведского короля барону Таубе: „Французский король был очень тронут ответом короля [Швеции]. Если бы французский король покинул Париж, что, вероятно, произойдет, и я тоже смог бы уехать из Парижа, то желает ли король, чтобы я находился при французском короле и воспользовался своими верительными грамотами или чтобы я оставался со своим полком? Но тогда могло бы случиться так, что я окажусь недостаточно близко, если понадобится о чем-нибудь вести переговоры“.

Однако в то время еще отъезд короля был лишь *вероятен*. Король все еще втайне рассчитывал — хотя все менее и менее — на стихийное разложение, на охлаждение страны к Революции. Главное, он понимал, что бегство из Парижа оказалось бы для него бесполезным, если он не найдет в провинции сильную армию. Но король несколько не надеялся на то, что он сможет сформировать эту армию во Франции. И поразительное противоречие заключалось в том, что именно тогда, когда монархия готовилась взяться за оружие против Революции под тем предлогом, будто это отвечало истинным чувствам Франции, она была вынуждена признать себе, что получит войска преимущественно извне.

Однако намерения иностранных монархов, поглощенных другими заботами и не особенно горевавших по поводу того, что они называли политическим упадком Франции, были весьма неопределенны. В марте король еще не был уверен в том, что они предоставят в его распоряжение армию. К тому же, что делала бы эта армия? И если король вернется к власти исключительно благодаря помощи иностранных солдат, то не вызовет ли это возмущения нации? Между австрийским императором и прусским королем существовало крайнее недоверие, и они следили один за другим вместо того, чтобы действовать. Письмо графа Ферзена от 7 марта шведскому королю Густаву III превосходно отражает всю неопре-

деленность и сложность умонастроений в Тюильри. Он пишет в адресованном Таубе зашифрованном письме:

„Все то, что я сообщил королю [Швеции] как свои собственные идеи относительно отъезда короля и королевы Франции, относительно способа произвести здесь перемены и относительно необходимости иностранной помощи, представляет собой план, который существует и над которым я работаю. О нем никто не знает, за исключением посвященных в него четырех французов и меня, единственного иностранца. Наиболее надежный участник его находится вне Парижа [это де Буйе].

Я ничего не сообщал об этом королю, я несколько опасался, что он может проговориться, между тем все это требует строжайшего соблюдения тайны. Вы понимаете, сколь это важно, и воспользуетесь тем, что Вам известно, только в той мере, в какой это окажется необходимым, чтобы он не подумал, что все хотят бросить и не собираются ничего предпринимать. Я оставляю это на Ваше мудрое усмотрение; Вы можете сказать ему, что, если судить по тому, что я пишу Вам, имеется какой-то план, который разрабатывается.

А главное — остерегайтесь всех французов, даже имеющих самые благие намерения. Они настолько болтливы, что могут все испортить. Если они узнают что-либо, то немедленно напишут об этом. Через некоторое время я, быть может, смогу написать Вам обо всем более подробно. *Ни граф д'Артуа, ни принц Конде не имеют никакого отношения к этому плану“.*

Итак, тогда уже план был намечен в основных чертах: король отправится к Буйе и его армии; он обратится за помощью к иностранным державам, но как можно меньше будет доверяться болтливым и назойливым эмигрантам, а ненавистные королеве принцы даже не будут посвящены в тайну.

Шведскому королю граф Ферзен описывает, не входя в детали плана бегства, общее положение именно так, несомненно, как оно представлялось королю и главное королеве Франции. Поэтому его письма представляют собой большую историческую ценность:

„Ваше Величество, Вы, несомненно, слишком хорошо осведомлены о действиях и решениях Национального собрания, чтобы о них еще нужно было говорить. Четыре партии, на которые оно разделено, а именно: аристократы-роялисты, партия 89 года (умеренные революционеры), монархисты (группа Малюз) и якобинцы, читают друг к другу одинаковое отвращение и сами одинаково отвратительны.

Первые с лучшими намерениями делают одни только глупости из-за своей горячности и бестолкового усердия, не желая подчиняться никакому руководству. *Именно они и начали эту Революцию, и к королю их вернула только потеря ими их состояний и положения. Принципы трех других партий все мерзки и отличаются*

одни от других только степенью мерзости. Но якобинцы одержали верх над другими в смысле своей крайней подлости; так как для них все средства хороши, то они приобрели большое влияние, но начинают терять его, и если бы не помощь черни, которой они платят, и попопзновения аристократов, то они уже утратили бы всякое значение. Их разногласия с партией 89 года и с монархистами довершат их гибель.

Мирабо продолжает получать от двора деньги и действует в его интересах, но он в такой же мере лишен возможности принести ему пользу, в какой имел возможность ему вредить, и он вынужден прикрываться личиной демократии, дабы не потерять всего своего влияния. Его принципы все-таки дурные, но менее дурные, чем принципы других. Несмотря на это, в наших интересах не иметь его своим противником.

Господин де Монморен действует с ним заодно — либо из страха и благоразумия, либо из расчета, а может быть, побуждаемый тем и другим, он теперь говорит о своей преданности королю. Они подкупили многих людей, например Талона и Семонвиля, весьма способствовавших волнениям в Париже, а теперь они должны действовать в противоположном направлении. *Все это полезно лишь постольку, поскольку вносит некоторый порядок и спокойствие и обеспечивает безопасность королевской семье; но ими никогда нельзя будет воспользоваться для чего-либо иного.*

Париж, хотя и сильно изменившийся, еще живет надеждой, и его, равно как и провинции, еще прельщают идеи равенства и свободы. Недовольство велико и растет, но оно не может проявиться, пока нет вождей и центра, а пока король будет заперт в Париже, не может быть ни того, ни другого. И что бы ни случилось, король никогда не станет королем благодаря им и без помощи иностранных держав, которые помогут навязать его волю даже людям из его партии. Необходимо, чтобы он уехал из Парижа, но каким образом и куда направиться ему?

Королевская партия состоит целиком из людей неспособных или до такой степени ожесточенных и запальчивых, что ими невозможно ни руководить, ни что-либо им доверить, что весьма замедляет действия и требует больших предосторожностей. Еще большие предосторожности необходимы при выборе места, куда король скроется. Он должен там быть в полной безопасности. Нужно найти способного и преданного человека, который обладал бы влиянием в войсках и хорошо знал их заранее. Но все эти средства оказались бы еще недостаточны без помощи соседних держав — Испании, Швейцарии и австрийского императора и без поддержки северных держав [России и Швеции], которые воздействовали бы на Англию, Пруссию и Голландию в том весьма вероятном случае, если бы те пожелали воспрепятствовать добрым намерениям указанных держав и, напад на них, помешать им оказать французскому королю действительную помощь.

Без такого единения я нахожу невозможным для французского короля когда бы то ни было предпринять попытку вернуть себе власть. Всякая энергия сломлена, все потеряли голову; в войсках нет больше ни порядка, ни дисциплины; никто не хочет повиноваться, все хотят командовать. Законы утратили силу или же их не существует; все власти смешались и противоречат друг другу, все преступления остаются безнаказанными, за исключением преступлений быть преданным королю; малодушие и страх овладели всеми умами, и дух мятежа стал всеобщим.

Пропаганда, эта адская бездна, имеет всюду тайных агентов; в Испании, в Савойе и в Швейцарии уже были небольшие вспышки волнений. В Брабанте этим агентам удалось вызвать довольно значительные волнения; они даже пытались совратить войска императора, расхваливая им французскую свободу и предлагая каждому солдату по луидору. Их снабжает деньгами из Берлина еврей Ефраим, эмиссар Герцберга [министра иностранных дел]; недавно он получил еще 600 тыс. ливров. Все эти часто повторяемые попытки могут в конце концов оказаться удачными.

Это опасный пример, если он останется безнаказанным, и в интересах всех государей — в корне уничтожить зло в самом начале, иначе оно может распространиться с ужасающей быстротой. Ни общество, ни безопасность, ни счастье невозможны без порядка. Его охранителями в силу своего рождения являются короли. Они должны сохранить свою власть для поддержания этого порядка и для счастья народов

Вот, Сир, как я смотрю на положение короля Франции и французского королевства; оно ужасающе и может повлиять на остальную Европу. Найти средства против стольких зол трудно, но возможно. Я был бы весьма польщен, если бы Ваше Величество согласились со мной.

Стойкость и мужество короля и особенно королевы превыше всех похвал; чем больше видишь эту государыню, тем больше восхищаешься ею. Даже ее враги вынуждены отдать ей должное и, что бы ни говорили Вашему Величеству, я имею честь Вас заверить, что *французский король живо чувствует свое положение, но все заставляет его скрывать это.* После всех совершенных ошибок, после того, как ему столь недостойным образом служили, вернее, предавали его, у него не остается другого выхода, кроме терпения и скрытности; любой иной образ действий в настоящий момент подверг бы ненужной опасности его верных слуг и его самого, прежде чем наступит время, когда он сможет действовать.

Вашему Величеству уже известны подробности постыдных и неприличных происшествий, имевших место во дворце 28 числа прошлого месяца [история с „рыцарями кинжала“]. Вчера я отправил барону Таубе две брошюры, из которых Ваше Величество сможет узнать о них.

Поведение возмущившейся гвардии, а особенно господина де Лафайета было недопустимым; он сам подписал себе смертный приговор, так как, по моему мнению, дворянство никогда не простит ему сказанных им слов и приказа, вывешенного им на следующий день и полного ложных утверждений. Одному из придворных, молодому господину де Дюра, спросившему его [Лафайета], не по его ли приказу у его двери находилось 10 или 12 солдат, он ответил: „Да, сударь, и если бы понадобилось, я уложил бы одного даже к вам в постель“.

К счастью, меня не было во дворце, так как я не знаю, стерпел ли бы я оскорбление, нанесенное этим господам. Это не значит, что я одобряю во всем их поведение. Их преданность, не признающая никакого руководства, почти всегда приносит больше вреда, чем пользы. Я полагаю, что они были неосторожны и непочтительны, явившись к королю во фраках и с пистолетами: оружие дворянина — его шпага, в ином он не нуждается. Но эти ошибки, порожденные лишь неразумным усердием, не могут оправдать ни прегрешений господина де Лафайета, ни его предательства, ни позора, каким он себя покрыл“.

Это письмо, по-видимому, отражало содержание тайных бесед, которые велись между королем, королевой и графом Ферзеном. Это самое полное и решающее изложение образа мыслей и политики короля в январе и марте 1791 г. Оно представляло собой также самый грозный обвинительный акт против монархии. Эта национальная монархия не имеет больше никаких корней во Франции: она ждет, что ее сила, вся ее сила, ее спасение, все ее спасение придут из-за границы. Король и королева одинаково не доверяют ни одной партии, в том числе и своей. Они питают ненависть к эгоистичному и легкомысленному дворянству, которое, отказавшись пожертвовать частью своих денежных привилегий, когда были созваны нотабли, принудило короля созвать Генеральные штаты и начало таким образом, как говорит Ферзен, Революцию.

Они не прощают дворянству также и обвинений и клеветы, распространяемой им против королевы, несмотря на риск революционизировать общественное мнение. Революционные партии, даже самые умеренные, даже наиболее разумно конституционные, не внушают им никакого доверия; им отвратительны их принципы, и они презирают их представителей и даже используют самого великого Мирабо только как временное орудие, чтобы несколько ослабить напор страстей и дать королевской власти время обдумать создавшееся положение.

Они не только не могут опереться на организованные партии, но и не доверяют самой Франции. Они вполне отдают себе отчет в том, что Франция в целом не разочаровалась в Революции и что даже те, кто жалуется на нее, не обладают ни достаточной энергией, ни достаточной верой в свое дело, чтобы восстать по своему

побуждению. Королю придется сверху подать им сигнал к выступлению.

Понадобится иностранное вмешательство; и Ферзен, будучи рупором короля и королевы, пишет шведскому королю эту ужасную фразу, звучащую для нас как окончательное осуждение монархии: „Король никогда не будет королем благодаря французам, без помощи иностранных держав“. Более того, король призывает эту иностранную помощь не только для того, чтобы усмирить и покарать своих врагов, но также для того, чтобы навязать свою волю даже людям из своей партии, от которых он не добился бы ни достаточного повиновения, ни покорности необходимым мерам реорганизации. Итак, монархия, обособленная от всех сил Франции, по-видимому, поглощена только двумя идеями: придумать способ мести своим внутренним врагам и найти способ возможно скорее призвать друзей из-за границы.

Лафайета, который, однако, уже с этого времени компрометирует себя, сдерживая ожесточенное возмущение народа, король, королева и весь двор жестоко и безрассудно ненавидят. „Он сам подписал себе смертный приговор“, — пишет Ферзен от имени королевы. А в дневнике Ферзена имеется странная запись, сделанная 12 июня 1791 г., всего за несколько дней до отъезда короля: „Воскресение, 12 июня. Отъезд отложен на 29 по вине одной из горничных. Дело Лафайета передано в военный суд“.

Итак, даже в лихорадочной обстановке, среди трудностей, сопряженных с тайным отъездом, задавались вопросом, как победоносный король может покарать Лафайета — его должен был осудить за измену военный суд. Какое невероятное безрассудство! В то же время, чтобы восстановить против Франции всех государей мира, чтобы положить конец разногласиям между императорами и королями из-за их корыстных интересов, их убеждают в том, что во всех странах под их ногами уже разверзлась адская бездна революционной пропаганды.

Скорее, скорее! Вырвите из земли Франции корень зла, которое пойдет бродить и распространяться повсюду. Короли, спасите себя, спасая нас от Франции! И чтобы спокойно подготовить это нападение, чтобы доверчивая и обманутая Революция ослабила свою бдительность, король должен держаться лишь одной политики — лгать! Лгать всем, лгать своим министрам, лгать Национальному собранию, лгать стране; притворяться в том, что он чтит конституцию, дабы вернее ее уничтожить.

Итак, существуют два средства спасения: иностранные державы и ложь. Вот до чего дошла французская монархия, не признавая новых потребностей национальной жизни. Эгоизм и глупость ведут монархию прямым путем к измене.

Эту политику притворства и хитрости король проводил со времени праздника Федерации. Закон о гражданском устройстве духовенства казался ему безбожным, и он сам всегда упорно обра-

шался к неприсягнувшим священникам; но он остерегался вступать в открытую борьбу с Национальным собранием и даже в декабре 1790 г. санкционировал декрет, обязывавший священников — должностных лиц принести присягу.

27 декабря он написал Национальному собранию следующее скрепленное подписью Дюпора-Дютертра патриотическое и слащавое письмо¹: „Только что я утвердил декрет от 27 ноября; из уважения к пожеланию Национального собрания я с радостью объясню как причины, побуждавшие меня задерживать это утверждение, так и причины, побудившие меня утвердить его в настоящий момент... Делаю это открыто, с откровенностью, присущей моему характеру; общение подобного рода между Национальным собранием и мною должно укрепить узы взаимного доверия, столь необходимого для счастья Франции.

Я не раз извещал Национальное собрание о своем непоколебимом намерении поддерживать всеми имеющимися в моем распоряжении средствами Конституцию, которую я принял и поклялся охранять.

Если я задерживал утверждение этого декрета, то только потому, что желал всем сердцем, чтобы суровые меры были предварены мягкими мерами; дав умам время успокоиться, я рассчитывал на то, что этот декрет будет проведен в жизнь при согласии, которое Национальному собранию будет не менее приятно, чем мне.

Я надеялся на то, что все поймут эти мотивы, продиктованные осторожностью; но, поскольку относительно моих намерений возникли сомнения, устранить кои должна была всем известная прямота моего характера, мое доверие к Национальному собранию побуждает меня дать свое согласие; повторяю еще раз, что нет средства более надежного, более способного успокоить все волнения, победить всякое сопротивление, чем чувство взаимного доверия между Национальным собранием и мною; оно необходимо; я заслуживаю его; я на него рассчитываю. Подпись: Людовик. Скрепил: Дюпор-Дютертр“.

Это письмо датировано 27 декабря, а мы выше установили, что месяц спустя, в начале февраля, даже до того, как тревога 28 февраля могла бы послужить королю хотя бы видимостью оправдания, велись переговоры и разрабатывались планы силой оружия иностранных армий уничтожить конституцию. Вероломство, ложь, предательство.

МАРАТ * И ТАЙНА КОРОЛЯ

Недоверие народа оставалось неизменным; и после событий 28 февраля Марат с удвоенным пылом и гневом призывает народ к бдительности и разоблачает приготовления короля к бегству. Он возмущается муниципалитетом, распорядившимся отслужить

благодарственный молебен по случаю выздоровления короля.

„Весьма странно, — пишет он 20 марта², — то горячее усердие парижского муниципалитета, с каким он жертвует достоянием бедняков, чтобы отслужить благодарственный молебен по случаю счастливого возвращения к королю аппетита, потерянного им из-за сильного расстройств желудка, вызванного неприятным зрелищем трепки, которую задали на его глазах черной банде заговорщиков. Почему муниципалитет не распорядился отслужить благодарственный молебен и устроить иллюминацию по случаю счастливого раскрытия заговора, который должен был быть приведен в исполнение 28 февраля и неизбежно обрек бы Францию на ужасы гражданской войны?“

Марат возвращается к этому вопросу 28 марта и, как обычно, наряду со страстными и ложными обвинениями и разоблачениями высказывает взгляды, исполненные необычайной проницательности. Он глубоко ошибался, обвиняя Байи и Лафайета (приговоренного двором к смерти) в подготовке бегства короля; но он догадывался об интригах, завязанных с иностранными державами, хотя и придавал им такие масштабы, каких они тогда еще не имели.

„Двор, министры, отцы-сенаторы, генерал, штаб и члены муниципалитета только и стараются о том, чтобы толкнуть народ на восстание, дабы получить предлог для проведения закона о военном положении и уничтожить добрых граждан. И этот момент недалек.

Неприятельская 80-тысячная армия стоит у наших границ, от которых отведены почти все французские войска, а немногим иностранным полкам, стоящим там гарнизоном, дан приказ пропустить австрийцев.

Национальная гвардия департаментов, которая могла бы помешать им вторгнуться в страну, не имеет ни оружия, ни боеприпасов и подчинена директориям, полностью состоящим из приспешников старого порядка.

Как только королевская семья будет увезена, неприятель двинется на Париж, где Национальное собрание и муниципалитет, состоящий из предателей, заявят о покорности монарху. Часть национальной гвардии, конные альгвазилы, стрелки таможенных застав, охрана пристаней и 40 тыс. разбойников, которые прячутся у наших стен, присоединятся к заговорщикам, дабы перебить народ. А друзья свободы, не имеющие ни оружия, ни денег, вынуждены будут смириться с рабством, чтобы избежать смерти.

1. „Moniteur“, t. VI, p. 730. Декрет от 27 ноября 1790 г. касался присяги епископов.

* См.: Жан-Поль Марат. Избранные произведения. Т. II. 2. Содержание „Ами дю пёпл“ от 20 марта 1791 г.: „Разоблачение

заговора с целью похищения короля... — Разоблачение заговора, имевшего своей целью разрушить Собор богородицы, когда он будет переполнен национальными гвардейцами... Советы Друга народа“.

Эти ужасы начнутся, как только совершится бегство короля, его жены и его сына. Поэтому если мы позволим им уехать в Сен-Клу, то мы погибли навеки. Изменник Бертье во главе лотарингских егерей, фландрского полка, отрядов конно-полицейской стражи из всех ближайших департаментов перебьет парижскую гвардию и увезет их силой, так же как он угнал из Бельвю кареты богомолок [теток короля].

Граждане, повторяю вам — конец свободе, конец отечеству, если мы допустим переезд королевской семьи в Сен-Клу, если она покинет Тюильри“.

В воображении Марата смешивались и нагромождались один на другой, вызывая крайний ужас, два плана: план Мирабо, исключавший помощь иностранных держав и предусматривавший призыв к парижскому муниципалитету, и план двора, исключавший муниципалитет и Лафайета и делавший ставку на призыв к иностранным державам. Кроме того, Марат преувеличивал готовность иностранных держав уже тогда помочь французскому королю путем вооруженной интервенции. Но, несмотря на все, это было подобно языкам пламени, пронзавшим тьму лжи и предательства, которой обволакивал себя двор.

Но более любопытно то место из газеты Марата от 26 марта¹, которое, как мне кажется, прошло почти незамеченным: „Весьма важное сообщение: я узнал из надежных источников — от нескольких лиц, которые ежедневно видятся с королем, что он вовсе не был болен после 28 февраля, что его мнимая болезнь — ложь, придуманная его министрами и подтвержденная его врачами и хирургами, посвященными в тайну; что ложь эта имела лишь одну цель — вызвать у французов тревогу за жизнь государя, толкнуть их на проявление верноподданнических чувств и дать заговорщикам возможность плести новые заговоры в его кабинете; что в тот день, когда депутатам Национального собрания было отказано в приеме, королевские покои были переполнены членами монархического клуба и наиболее преданными придворными.“

Я узнал наконец, что король кажется довольным и что его супруга никогда не была так весела, что неделю назад шел разговор о поездке в Компьен, несомненно, чтобы удрать в Брюссель, а теперь говорят о поездке в Сен-Клу, откуда бежать будет почти так же легко благодаря ухищрениям верного Бертье, командующего версальской гвардией“.

Марат не угадывает истинного плана бегства; он думает, что король потребует, чтобы войска эскортировали его почти сразу по выезде из Парижа; он не подозревает, что король скроется и достигнет границы инкогнито, и не предполагает в тот момент, что весь план готовится при участии Буйе. Но он знал, что план бегства стал обретать конкретные формы в конце марта и что на лицах короля и королевы появилось необычное выражение радостного оживления.

Из письма графа Ферзена от 1 апреля 1791 г. и из его мемуара от 27 марта вытекает, что именно в конце марта король и королева наконец приняли твердое решение уехать. И именно радость по поводу принятого решения можно было прочесть на их лицах.

Итак, великая тайна проникла сквозь стены Тюильри и дошла до подвала Марата, чтобы Революция узнала о ней. Следует привести этот мемуар и это письмо Ферзена, выразителя чувств и настроений короля и королевы, так как эти документы дают нам точное представление обо всех оттенках их мысли и в то же время являют собой новый грозный обвинительный акт против монархии.

Людовик XVI и Мария Антуанетта решились ускорить ход событий из страха, как бы Революция, сделавшись более умеренной и организованной, не привлекла мало-помалу к себе все умы и не стала благодаря почти единодушному одобрению всей Франции бесповоротной.

МЕМУАР ФЕРЗЕНА

„Мемуар графа Ферзена королю и королеве Франции“ от 27 марта 1791 г., по-видимому, предназначался не столько для того, чтобы склонить их принять определенное решение, сколько для того, чтобы письменно зафиксировать его мотивы. „Не может быть сомнения в том, — писал Ферзен, — что для восстановления порядка и счастья в королевстве, для его спасения от полной гибели и распада, для возвращения королю трона и власти необходимо действовать, и действовать энергично.“

Постоянные и неизменные злодеяния якобинцев, разброд среди демократов в Собрании, явно растущее недовольство в провинциях, которое, однако, не может вспыхнуть ввиду отсутствия центра объединения, решимость принцев, в частности принца Конде, действовать, если бездействует король, — все это кажется даже благоприятным, но чем больше будут медлить, тем будет труднее.

Но как именно действовать, учитывая известия, полученные от императора, нерешительность Испании и трудности достать деньги? Представляются два возможных решения: одно — ничего не предпринимать, пока не будут заключены союзы и не будет получена помощь как людьми, так и деньгами от различных держав; другое — выехать из Парижа, как только будут получены заверения иностранных держав в их благорасположении и добыты деньги, необходимые для уплаты жалованья войскам в течение

1. Содержание „Ами дю пёпль“ от 26 марта 1791 г.: „Маневры аристократов и пособников старого порядка... — Мнимая болезнь ко-

роля. — Новый заговор, для которого она должна была служить прикрытием“.

двух или трех месяцев, пока не будет получен заем в Швейцарии.

Первое решение, бесспорно, наиболее верное; оно сопряжено с меньшей опасностью для Их Величеств и обладает тем преимуществом, что его успех менее сомнителен или по крайней мере более бесспорен.

Но, поскольку нельзя предвидеть, когда можно будет осуществить это решение, не следует ли опасаться, что тем временем бедствия, постигшие государство, возрастут настолько, что их будет труднее устранить?

Не слишком ли распространятся за это время привычка и уныние, чтобы их тогда можно было преодолеть?

Не успокоятся ли возбужденные умы, не объединятся ли они для создания такого порядка вещей, какой, хотя он будет невыгоден королю, частные лица сочтут для себя приемлемым ввиду спокойствия, которым они будут наслаждаться, и какой они поэтому предпочтут потрясениям гражданской войны?

Не предпримут ли принцы еще до этого времени какой-нибудь попытки и в случае ее удачи не пожнут ли они одни всей чести и всех ее плодов, не сплотят ли они вокруг себя всего дворянства, всех недовольных существующим порядком и не станут ли они тогда господами королевства и Их Величеств?

Второе решение более рискованно. Граф де Мерси [австрийский посол, находившийся в Брюсселе] и барон де Бретей [которому король поручил вести переговоры с иностранными дворами], по-видимому, оба высказываются в его пользу. Его успех зависит от многих вероятностей; император и Испания настроены благожелательно, но Испания ничего не хочет предпринимать без императора, а тот в силу неразумной политики и из опасливой предусмотрительности хотел бы отложить проявление своей доброй воли на более позднее время.

Северные державы настроены благожелательно, но их отдаленность и турецкая война мешают им активно содействовать осуществлению намерений Их Величеств. Относительно Сардинии и Швейцарии имеется уверенность, и более чем вероятно, что определенный шаг Их Величеств побудил бы эти державы решиться, так как они медлят, сомневаясь в твердости Их Величеств и опасаясь быть без пользы скомпрометированными, если бы Их Величества изменили свое решение; по-видимому, именно на это указывает в своем письме господин де Мерси.

Такой шаг имел бы нечто великое, благородное, внушительное и смелое, и невозможно предвидеть его последствия как в королевстве, так и во всей Европе; он мог бы благотворно подействовать на армию и не допустить ее полного разложения; он восстановил бы Конституцию и помешал бы мятежникам внести в нее необходимые изменения, чтобы сделать ее приемлемой и укрепить Революцию; и если бы этот шаг сделался сейчас, то он обратил бы на пользу королю выступления принцев, которые, если бы они дей-

ствовали одни и потерпели неудачу, в другое время больше не смогли бы служить делу короля.

Какое бы решение ни приняли Их Величества, считается необходимым дождаться ответов из Вены и из Испании относительно сообщенного им плана, чтобы достоверно узнать их намерения и выяснить, в какой мере можно будет на них рассчитывать.

Если будет одобрено первое решение, то надо приостановить приготовления Буйе и продолжать переговоры.

Если отдадут предпочтение второму, то надо продолжать все приготовления к его осуществлению, постараться добыть необходимые деньги и выбрать благонамеренного и способного человека, который уже теперь отправился бы в Англию, дабы искусно и не компрометируя себя выяснить намерения этой державы, но который получил бы инструкции только в момент отъезда короля; они заключались бы в том, чтобы вступить в переговоры с целью добиться от этого двора полного нейтралитета *либо посредством разумных жертв*, либо принудив его к нему с помощью северных держав, занимающих недвусмысленную позицию, но ввиду своей отдаленности не имеющих возможности оказать королю более прямую помощь.

Ввиду того что Их Величества вполне уверены в намерениях короля шведского и в его желании быть им полезным, не сочтут ли они целесообразным разрешить мне сообщить ему от их имени одобренный ими план и об их намерении воспользоваться выказываемым им добрым расположением, а именно просить его помощи, чтобы образумить Англию в том случае, если бы эта держава отказалась выслушать предложение о соглашении и пожелала бы чинить препятствия осуществлению их планов.

Такое проявление доверия было бы шведскому королю лестно и могло бы еще более заинтересовать его в успехе их плана. Поскольку это сообщение должен передать барон Таубе, чья преданность его государю и Их Величествам мне известна, я просил бы его сделать это только так, как он сочтет необходимым и наиболее выгодным для Их Величеств образом.

Итак, в любом случае было решено, что король уедет. Весь вопрос состоял в том, дожидаться ли ему, прежде чем уезжать, заключения с иностранными державами прочных договоров, которые обеспечили бы ему определенную помощь людьми и деньгами, или, напротив, своим отъездом положить конец дипломатическим проволочкам, колебаниям и оговоркам иностранных держав и поставить государей Европы перед совершившимся фактом.

Однако решающим соображением, в силу которого Ферзен явно склоняется к немедленному отъезду, было то, что Франция приывает к Революции, и если будут медлить и далее, то все граждане, все частные лица увидят в ней гарантии спокойствия и мира.

Имеют значение одни лишь интересы короля, противопоставляемые интересам Франции. Поэтому будет решено уехать, даже не

имея точно сформулированных договоров с иностранными державами, но при наличии заверения в их благорасположении.

И в случае надобности, ради достижения нейтралитета Англии в пользу короля и против Франции можно будет пойти на разумные жертвы, то есть уступить Англии часть территории, все то, что осталось от колониальных владений.

Это явная и циничная измена. Что касается недостатка денег, который, по-видимому, заставляет Ферзена колебаться, то это вызывает некоторое удивление, если вспомнить о дивильном листе в 25 млн. ливров, которым располагал Людовик XVI; но он не получил большого аванса, а ему была нужна большая сумма, чтобы сразу выплатить жалованье армии, состоявшей из иностранных солдат.

Король и королева остановились на втором плане, то есть на немедленном отъезде; вернее, Ферзен отдавал предпочтение именно этому плану, сообразуясь с их мнением. Надо было только придать окончательно принятому решению несколько торжественную форму и получить возможность в случае надобности предъявить подлинный документ, в котором были бы изложены соображения Их Величеств. Письмо графа Ферзена барону Таубе от 1 апреля 1791 г. показывает, что после мемуара Ферзена Людовик XVI и Мария Антуанетта решили уехать возможно скорее. (*Письмо шифрованное*): „Король и королева Франции поручили мне засвидетельствовать королю [Швеции] их глубокую признательность за проявляемое Его Величеством сочувствие к ним; они охотно полагаются на него, и эта уверенность побудила их сообщить Его Величеству принятый ими план.

Положение, в котором находится французский король, с каждым днем становится все более и более невыносимым, и Их Величества решились его изменить, употребив для этого все возможные средства; тщетно прибегали они к таким средствам, как терпение, всякого рода жертвы и кротость, и лишь после этого решили попытаться применить силу. Но Национальное собрание своими действиями уничтожило или ослабило все те средства, какие они могли бы найти во Франции, и они считают их недостаточными, если не сочетать их с помощью и добрыми услугами иностранных держав.

Их Величества заручились поддержкой значительной партии во Франции и знают место близ северной границы, где они могли бы найти убежище. Всем этим руководит господин Буйе. Они заручились благорасположением и помощью австрийского императора, Испании, Сардинии и Швейцарии, но первые две державы опасаются результатов объединения Англии, Голландии и Пруссии и того, как бы эти три державы не пожелали, напав на них, помешать им оказать французскому королю действительную помощь.

Поэтому они хотели бы, чтобы это дело было отложено до того времени, пока не будет уверенности в полном нейтралитете этих держав. Таков был также и план короля [Людовика XVI], но

мятежники слишком быстро преуспевают, опасности слишком серьезны, и королевство слишком быстро движется к гибели и полному распаду, чтобы король мог и далее медлить. Итак, решено испытать все возможные средства, чтобы положить конец стольким бедствиям и решительным и смелым шагом побудить союзные державы выявить свои намерения.

Король решил вступить в переговоры с Англией, чтобы добиться ее нейтралитета, предложив ей преимущества или разумные уступки, а в случае ее отказа просить содействия Его Величества короля Фридриха, дабы побудить Россию и Данию присоединиться к нему и таким образом повлиять на Англию... Французский король желает и надеется получить от короля [Швеции] немедленный ответ; последний значительно повлияет на его решение.

Французский король хотел бы выехать из Парижа и начать действовать не позднее чем через два месяца, но это зависит от ответов, которых он ждет с разных сторон... По плану отъезд будет тайным, ночью. Я уведомлю о нем короля, послав курьера. Прошу Вас способствовать этому делу“.

Наконец, в портфеле с бумагами, переданными королевой Марией Антуанеттой графу Ферзену в момент отъезда в Варенн, был найден черновик письма графа Ферзена барону де Бретей. На черновике имеются пометки, сделанные рукой королевы и вносящие некоторые поправки; следовательно, барону де Бретей было сообщено таким образом мнение королевы. Барон был представителем короля за границей.

Представителем принцев, графа д'Артуа и эмигрантов был Калонн; де Бретей был представителем короля и королевы. Калонн и де Бретей вели между собой борьбу. Калонн хотел, чтобы все дело контрреволюции возглавляли принцы, то есть он сам. Поэтому он решительно предостерегал Людовика XVI от отъезда.

Присутствие короля во главе войск контрреволюции отодвинуло бы принцев в тень, а эмигранты, думающие только о себе, боялись, как бы король, даже находясь во главе армии, сформированной из дворян и иностранцев, не договорился полюбовно с Революцией. Так пусть же Людовик XVI остается на свой страх и риск в Тюильри; если он будет убит революционерами, если первые же действия армии вторжения приведут к возмущению народа против короля и королевы, то это „злодеяние“ будет иметь двоякую выгоду. Оно еще сильнее разожжет гнев государей против революционной Франции, а возможно, вызовет и слепую жалость народов и избавит монархию от нерешительного и слабого главы.

Наоборот, де Бретей прежде всего желал спасения короля и королевы и восстановления монархической власти ими самими и ради них, а не принцами и ради принцев. Поэтому сообщение, сделанное графом Ферзеном барону де Бретей от имени королевы, скрепило как бы печатью принятые решения.

„...Король держится одного мнения с Вами относительно выводов, которые можно сделать на основании различных писем господина де Мерси; он убежден в том, что его отъезд из Парижа — необходимое предварительное условие, без которого никто не захочет брать на себя обязательства вмешаться в его дела и поддержать его; но у Его Величества нет оснований быть уверенным, как, по-видимому, уверены Вы, в намерениях императора активно содействовать его делу; то, что этот государь сказал г-ну де Бомбелю,¹ и то, что он, как узнал король, также говорил и другим лицам, отнюдь не согласуется с тем, что он сам сообщил королеве.

После многочисленных выражений дружбы, сочувствия и сострадания по поводу положения Их Величеств император ясно говорит, что затруднения, какие он испытывает и какие ему, возможно, еще могут причинить соседние державы, помешали бы ему в настоящий момент активно содействовать планам короля, имеющим целью восстановление его власти. Он призывает короля к терпению и предлагает ему отложить на более отдаленное время осуществление плана, о котором король его известил.

На мой взгляд, эту разноречивость можно объяснить лишь прирожденной склонностью императора к миру, опасением преждевременно его нарушить более или менее решительным шагом в пользу короля, нерешительностью его характера и испытываемым им затруднением дать положительный ответ подобного рода лицам, которые доказывают ему, насколько положение короля ужасно и насколько дело Его Величества, будучи делом всех государей, должно быть ими поддержано...

Король не изменил своего решения уехать во второй половине мая; Его Величество чувствует, что это необходимо, и надеется получить к этому времени ответ Испании и собрать деньги, необходимые на первое время.

Посоветуйте господину де Бомбелю соблюдать величайшую осторожность и осмотрительность в отношении графа д'Артуа. Король опасается, и не без оснований, как бы кое-что о его планах не узнал принц Конде и как бы он, движимый честолюбием и желанием играть главную роль, не поторопился с осуществлением своего химерического замысла, а Вы хорошо понимаете, какие бы это имело последствия и осложнения для плана, который намерен реализовать король...

Король разделяет Ваше мнение, что переговоры о создании конфедерации против Пруссии, Голландии и Англии следует отложить до того момента, когда будут лучше известны намерения, благоприятные или неблагоприятные, этих держав, а также те преимущества или уступки, на которые пришлось бы пойти в качестве возмещения за оказанные услуги. Его Величеству они всегда внушали отвращение, и в его планы никогда не входило их предлагать, а лишь согласиться на них в случае крайней на то

необходимости. Его Величество даже думал решиться на них только в пользу Англии“.

Это письмо датировано 2 апреля; но, поскольку в него вносились поправки, оно было отправлено не сразу и в своей последней части касается более поздних событий: „Из-за того, что произошло 18 (апреля), король еще острее чувствует необходимость действовать, и притом немедленно; он решил всем пожертвовать ради осуществления своих проектов, и для того, чтобы вернее достигнуть этого, Его Величество решил применить другой образ действий; дабы усыпить бдительность смутьянов относительно его истинных намерений, он сделает вид, будто признает необходимость полностью принять Революцию и примириться с ними; он будет руководствоваться только их советами и будет постоянно предупреждать желания черни, дабы лишить их всякой возможности и всякого повода к восстанию, поддерживать спокойствие и внушить им доверие, столь необходимое для отъезда из Парижа. Для достижения этой цели хороши все средства. Говорят, что от короля потребуют увольнения всего его придворного штата; он изъявит согласие, и это обстоятельство, возможно, поможет собрать немного денег.

Согласно очень спешному письму графа д'Артуа, в котором он как будто выражал готовность присоединиться к принцу Конде [чтобы попытаться внезапно вторгнуться во Францию] и настойчиво ссылаясь на находящиеся в его распоряжении средства, его просили прислать доверенного человека, чтобы получить полные сведения об имеющихся в его распоряжении средствах и договориться с ним о возможности действий. Такой способ придумали, чтобы задержать его там, где он находится, и выиграть время. Также и к принцу Конде собираются направить некоего Контти, который пользуется доверием принца, чтобы известить его о положении короля и помешать принцу действовать, обрисовав ему опасности, каким подверглась бы королевская семья, будь в настоящий момент предпринята какая бы то ни была попытка выступления“.

СМЕРТЬ МИРАБО

Итак, в конце марта — начале апреля король принял решение, и план бегства и последующих переговоров с европейскими державами был намечен. Письмо графа Ферзена барону де Бретей, как я уже говорил, было от 2 апреля 1791 г. 2 апреля умер Мирабо.

1. Бомбель, маркиз де (1744—1822)— французский посол в Лиссабоне, затем посол в Венеции; подал в отставку, когда правительство потре-

бовало от своих дипломатических представителей принесения присяги, и перешел на службу эмиграции.

Но совершенно ясно, что смерть этого великого трибуна не сыграла никакой роли в решении короля, о котором было сообщено пиведскому королю в письме от 1 апреля. Тьер писал, что смерть Мирабо, лишив короля единственного революционера, на которого он мог бы опереться, побудила его уехать и вступить в открытую борьбу. Как мы видели, это совершенно неверно, и решение уехать было бесповоротно принято королем еще до смерти Мирабо.

Трагическое стечение обстоятельств! Как раз тогда, когда Мирабо умирал, истощенный всеми крайностями и тревожностями своей жизни, королевская власть решительно отказалась от того соглашения с Революцией, в котором Мирабо видел спасение Революции и самой монархии!

Итак, он умирал весь целиком, не оставив ни одной мысли, которая бы пережила его. Его смерть взволновала всю страну. Внезапно погас великий и пламенный светоч. Среди всех революционных бурь его слово было как вспышка молнии, и люди в каком-то оцепенении задавали себе вопрос, потеряв его, не потеряла ли Революция свою магнетическую силу. Этот человек так удивительно сочетал в себе мысль и страсть, что воплощенный в нем человеческий дух казался некой силой природы. Народ и революционная буржуазия вдруг вспомнили, какую ожесточенную борьбу вел он против отцовского деспотизма и произвола старого порядка. о его великой битве против дворянства, которая прогремела грозой под знойным небом Прованса, о его смелой и искусной тактике благоразумия и угроз в первые дни после открытия Генеральных штатов, о его ответе де Брезе и о его призывах к спокойствию.

Они вспомнили, что при всех решающих революционных акциях, когда надо было конфисковать церковные имущества и передать их в распоряжение нации, затем, когда надо было ввести ассигнаты, именно он рассеивал неясности, устранял колебания, просвещая умы, придавал им стремительность инстинкта.

И опять-таки благодаря ему на верхушках мачт кораблей, которыми командовало столько офицеров-дворян и контрреволюционеров, развеялся трехцветный флаг — флаг Революции, далеко озарявший своим тройным светом беспокойные просторы морей. Кто же заменит его? И революционный народ плакал, словно у него отняли часть завоеваний самой Революции.

Среди волнений и тоски, порожденных этой почти внезапной утратой, все или почти все забыли слухи о подкупе и предательстве, распространявшиеся, однако, уже в течение нескольких месяцев. Когда он отстаивал право короля в вопросе заключения мира и объявления войны, то подозрения в продажности высказывались не только в анонимных памфлетах, но и в серьезной газете Лустало.

Мирабо удавалось скрывать свои связи с двором; он сумел совершить поездку в Сен-Клу и повидаться с королевой, и когда

одна из газет сообщила об этой встрече, то публика отнеслась к этому с недоверием, и Мирабо даже не понадобилось опровергать что бы то ни было. Однако народ инстинктивно чувствовал, что между Мирабо и двором, возможно, существовали какие-то тайные отношения, но кто знает, может быть, великий революционер просто хотел следить в непосредственной близости за интригами контрреволюции, чтобы вернее пресечь их?

В великие дни кризисов он по-прежнему произносил речи, такие смелые, такие гордые, такие сокрушительные порой для контрреволюционеров, что они сразу рассеивали все эти смутные подозрения. Один только Марат сохранил к Мирабо, даже к мертвому, всю свою ненависть и все свое презрение; 4 апреля он писал в „Надгробном слове Рикетти“^{1*}:

„Народ, возблагодари богов: твой самый грозный враг пал, сраженный косой Парки; Рикети больше нет, он умер, став жертвой своих многочисленных предательств, жертвой своих слишком запоздалых сожалений, жертвой варварской предусмотрительности своих свирепых сообщников, встревоженных колебаниями хранителя их гнусных тайн“.

Итак, по мнению Марата, Мирабо умер, отравленный двором; поскольку он не согласился до конца участвовать в его заговоре против свободы, и двор устранил его, чтобы он не смог разоблачить его козней. Обвиняя таким образом Мирабо, Марат его оправдывал, так как в памяти самой пылкой и самой подозрительной части народа осталось только то, что Мирабо отравили контрреволюционеры, и опять-таки, кто знает, не принимал ли он участие кое в каких интригах, чтобы лучше проникнуть в их тайну?

К естественному душевному волнению народа, вызванному смертью Мирабо, примешивалось ощущение тайны, и все, даже страстные обвинения со стороны Марата, обращалось к прославлению трибуна.

В своем революционном сознании, более широком, чем все партии со всей их ненавистью, народ примирял все силы Революции: Мирабо, Робеспьера, Марата. Народные общества ставили бюст „неподкупного“ Робеспьера рядом с бюстом Мирабо, обвиненного в продажности. И любопытная вещь! Именно Марата спрашивают рабочие, проявляя замечательное чистосердечие революционеров, каким образом следует почтить память Мирабо. Марат получил и опубликовал в своей газете, в номере от 24 мая 1791 г., следующее письмо:

1. Содержание „Ами дю пёпл“ от 4 апреля 1791 г.: „Надгробное слово Рикетти, именуемому Мирабо“; от 5 апреля: „Тройная церемония с целью превращения изменника Рикетти в защитника отече-

ства“; от 6 апреля: „Неслыханная церемония сенаторов, посвященная Рикетти“.

* Об отношении Марата к Мирабо см.: А. М а н ф р е д. Марат. М., 1962.

„Другу народа

Дорогой друг народа, пожалуйста, помогите нам своим советом: я обращаюсь к Вам от имени всех подмастерьев-башмачников столицы, готовых пролить свою кровь ради того, чтобы защитить Вас от малейшей царапины. Надо сказать Вам, что 18-го числа сего месяца мы решили почтить память покойного Мирабо. Это вызвало много споров, и в зале наступила тишина только тогда, когда кто-то сказал: „Господа, Друг народа обвинял его в некоторых бесчестных поступках“. Тем не менее под наплывом чувств 16 человек из нас собрали сумму в 900 ливров. 20-го числа муниципалитет объявил нам, что мы не вправе иметь ни барабанщика, ни трубача, и приказал нам собираться, не производя шума.

Дорогой Друг народа, мы боимся, что, как только мы соберемся таким образом, муниципалитет распространит слух, что мы — смутьяны, и объявит военное положение. Мы ждем Вашего спасительного совета, какое иное употребление дать этой сумме, так как признаемся, что мы уже окончили дела с биржей.

Пребываем в ожидании Вашего ответа, дорогой Друг народа, Ваши верные друзья подмастерья-башмачники, собравшиеся на улице Боренэр. Подпись: Мийо, от имени своих собратьев“.

Итак, даже среди читателей и друзей Марата „наплыв“ чувств преклонения перед Мирабо торжествовал над всем. Но нация оплакивала в его лице не только утрату крупного революционного деятеля. В то время большинство деятелей Революции мучительно искали средства примирить Революцию с монархией и им казалось, что Мирабо благодаря широте и гибкости своего гения, благодаря своему монархизму и консерватизму, сочетавшимся в нем с революционностью, сумел бы осуществить это необходимое примирение. Они чувствовали в нем таинственную силу, которая еще не сказала своего последнего слова. Смелость и неожиданность предпринимаемых им политических шагов, сложность его мышления, внезапность и, я сказал бы, размах его молниеносных ударов, направляемых то против заговоров приспешников старого порядка, то против стихии народного движения, даже странные слухи о его отношениях с двором, на который он так часто нападал, — все это убеждало беспокойные умы в том, что он обладал важной тайной и сумел бы сплавить противоречивые элементы в неведомом горниле.

Смутная надежда и тревожное предчувствие такого рода и теперь еще преследуют многих историков. Одни, либеральные консерваторы вроде г-на Дареста¹, задаются вопросом, смог ли бы Мирабо „спасти Францию“, то есть сумел ли бы он найти и установить равновесие между монархическим порядком и революционной свободой. Другие, буржуазные революционеры, дерзкие интриганы вроде г-на Тьера, красноречиво спрашивают, смог ли бы

Мирабо остановить движение Революции в сторону демократии и республики. „Смог ли бы он, — восклицает Тьер, — сказать возмутителям, которые в свою очередь жаждали блеска и власти: „Оставайтесь в своих мрачных предместьях!“²

Приведенные мною выдержки из писем графа Ферзена позволяют с уверенностью ответить на этот вопрос. Нет, в то время, в апреле 1791 г., Мирабо уже ничего не мог. Он смог бы остановить ход Революции на стадии конституционной монархии и добиться сочетания свободы с сильной королевской исполнительной властью только в том случае, если бы король честно принял Революцию, если бы он действительно внял советам Мирабо. Итак, доказано, что в апреле 1791 г., в тот час, когда Мирабо испускал дух, король окончательно принял план борьбы с Революцией до последнего при поддержке иностранных держав. Король не только не слушал Мирабо, он его презирал и обманывал и не посвятил его в план своего бегства. Он видел в его лице лишь низкое орудие, человека, которому платят за второстепенные и временные услуги, а затем с пренебрежением отталкивают. Еще более ужасным для введенного в заблуждение великого трибуна было то, что он, удаленный из министерства, лишившийся открытых путей власти, унивился до тайной политики. Король как будто следовал совету Мирабо, но извратив и исказив его вплоть до измены. Бежать из Парижа и воззвать к нации — таков был и план Мирабо. Но он хотел, чтобы король почерпнул силу, необходимую ему для этого призыва, в самой Революции, которую бы он честно признал и к которой бы апеллировал.

Никаких чужеземных орд, никакого деспотизма, никакого бегства к границе и к тирании. Бежав из Парижа, король должен был обосноваться в самом сердце Франции и свободы. И вот как бы в виде отвратительной пародии, кары за все, что было нечистого в этих тайных отношениях, король бежал из Парижа, но бежал также и от Революции. Это была постыдная карикатура на план великого трибуна, но сохранившая достаточно черт сходства, чтобы его обесчестить и привести в отчаяние. Если бы Мирабо прожил дольше и узнал о бегстве в Варенн, это нанесло бы чудовищный удар его гордости и даже его достоинству. Ему пришлось бы

1. Дарест де ла Шаванн (1820—1882) — архивариус-палеограф, впоследствии профессор истории в Гренобльском и Лионском университетах, написал „Историю Франции“ (1865—1873), которая в свое время пользовалась некоторой известностью.

2. A. Thiers. Histoire de la Révolution française, t. I, chap. VI. „Но смог ли бы он внушить двору

необходимость уступок, вселить умеренность в сердца честолюбцев? Сказал ли бы он этим народным трибунам, в свою очередь жаждавшим блеска: Оставайтесь в своих мрачных предместьях? Сказал ли бы он Дантону, этому новому Мирабо из простонародья: остановитесь на достигнутой ступени, не поднимайтесь выше? Это не известно“.

признать, что двор одурачил его, что он был жалким и презренным шутком, и даже деньги, которые он получал от короля и которые склонен был рассматривать как плату за своего рода сотрудничество, жалование за выполнение своего рода тайных министерских обязанностей, внушили бы ему отвращение и показались бы платой за его слепоту, вознаграждением за предательство. Какое позорное падение на темной дорожке, вдруг ставшей грязной! И никакого средства выбраться из грязи, никакого выхода из этой мрачной бездны.

Оправдывать бегство короля, придавать или пытаться придать ему национальное значение—значило согласиться на замену плана освобождения планом предательства. Это значило самому вступить на путь окончательной измены. Мирабо ни в коем случае не согласился бы на это. Чтобы избежать этого падения, чтобы не запятнать себя этим преступлением и низостью, Мирабо одним прыжком бросился бы в революционную крайность. Он уже не раз предостерегал двор: если его не послушаются, все погибнет и ему тогда не останется ничего иного, как спасать самого себя, снова став в авангарде Революции; но мог ли он это сделать после бегства в Варенн?

Король, которому тогда нечего было бы больше терять, легко мог бы уничтожить Мирабо, публично сообщив о своих связях с ним и перечислив суммы денег, какие он ему заплатил. Королю легко было бы объяснить этот переход великого революционера на другую сторону прекращением выплаты ему месячного жалования. И король мог не только опозорить и раздавить Мирабо, но и нанести тем самым удар в самое сердце Революции.

Позже, когда революционный народ найдет 10 августа в Тюильри доказательства связи Мирабо с двором, он не почувствует себя униженным и опозоренным, так как к тому времени Революция давно уже выдвинула такие силы, к которым Мирабо никак не был причастен, и притом именно победа Революции позволила обнаружить эту печальную тайну и сделать ее достоянием всех. Но если бы в 1791 г. король, бежав и приняв командование над иностранными войсками, выступившими против революционной Франции, мог цинично сослаться на Мирабо, он, так сказать, привел бы в отчаяние и чуть ли не опозорил бы всех тех, кого потрясли речи великого революционера. „Вот источник вашего энтузиазма; вот клубок интриг и продажности, метавший яркие молнии“.

На какое-то время над отечеством опустилась бы правдивая ночь, и ирония короля, подобно рикошету революционных молний, могла бы поразить Революцию. Но нет, ни одному человеку, как бы велик он ни был, не дано было бороться против судьбы и избавить старую монархию от ее ретроградства; ни одному человеку не дано было вдохнуть в нее революционный дух; и за то, что великий трибун пытался сделать это и готовил немислимый сплав, словно неистовый алхимик у своих печей, он, почти став-

ший заговорщиком, подвергал себя страшному риску прослыть соучастником измен короля. Ему не пришлось пережить эти страдания и этот позор: всепобеждающая смерть простерла над ним свой покров.

Мирабо был единственным великим деятелем Революции, который не сложил своей головы на плахе; поэтому величие его смерти было озарено большей духовностью. При воспоминании об отрубленных головах Верньо, г-жи Ролан, Дантона, Робеспьера дрожь ужаса парализует мысль. Мирабо видел приближение смерти и смотрел ей в лицо без малодушия и без бахвальства, утешаясь мыслью о своей славе. Будучи материалистом и атеистом, он не предавался никакой мистической мечте. Его мысль, озаренная ярким светом философии Просвещения XVIII в., угасла. Он хорошо понимал, что сочетание демократии и монархии, к которому он стремился, таило в себе нечто парадоксальное и что сплavit их мог бы только его гений, но он знал также, что неисчерпаемая природа породит новые формы жизни, иное общественное устройство, и верил во вселенную. Может быть, также он втайне изнемогал от этой требовавшей нечеловеческих усилий противоречивой задачи, изнурявшей его в течение двух лет, и это облегчило ему смерть. Он советовал со временем опубликовать его переписку с двором¹: „В ней моя защита и моя слава“. И как можно обвинять в предательстве и низости человека, который перед смертью заещает свою тайну потомству? С каким волнением,— писал Камиль Демулен на другой день после его смерти,— смотрел я на эту могучую голову, „на этот великолепный кладезь идей, истощенный смертью“!

Национальное собрание, Париж, сама Революция устроили ему пышные похороны; но память о нем еще не нашла себе успокоения, ее будут потрясать все бури Революции. Великий трибун был так глубоко связан с Революцией, что даже мертвый будет в ней участвовать, то прославляемый, то проклинаемый, но никогда не забываемый².

1. См.: „Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck pendant les années 1789, 1790 et 1791...“ publiée par M. Ad. de Bascourt, Paris, 1851, 3 vol. Фактически опубликование этой переписки явилось доказательством продажности Дантона (письмо Мирабо графу де Ламарку от 10 марта 1791 г.).

2. Национальное собрание удостоило Мирабо чести помещения его останков в Пантеон („Moniteur“,

t. VIII, p. 39; заседание от 4 апреля 1791 г.). После ознакомления с документами, хранившимися в потайном железном шкафу, Конвент издал 20 ноября 1792 г. декрет о том, чтобы статуя Мирабо была закрыта покрывалом („Moniteur“, t. XIV, p. 667; заседание от 5 декабря 1792 г.). 5 фримера II года (25 ноября 1793 г.) Конвент издал декрет об удалении останков Мирабо из Пантеона („Moniteur“, t. XVIII, p. 516).

ОТЪЕЗД В СЕН-КЛУ

Тем временем двор продолжал вести переговоры и готовиться к бегству, а справедливое недоверие народа нарастало, достигая крайних пределов. 18 апреля 1791 г. король пожелал поехать в Сен-Клу. Народ был раздражен приписываемым королю намерением присутствовать на пасхальном богослужении, совершаемом неприсягнувшим священником; народ подозревал, что из Сен-Клу король попытается бежать. Настроение народа ярко отражено в мемуаре графа Ферзена барону Таубе:

„В 11 часов 30 минут король присутствовал на мессе. Еще до этого господин Байи предупредил короля, что его отъезд может вызвать волнения и что народ, по-видимому, хочет воспрепятствовать ему. Король ответил, что он сам подписал декрет, предоставляющий всем свободу ездить, куда им угодно, и было бы весьма странно, если бы сам он оказался единственным человеком, который не может пользоваться свободой и выехать за два лье подышать свежим воздухом, и что он решил поехать. Король спустился по лестнице вместе с королевой, принцессой Елизаветой, детьми и госпожой де Турзель, но, так как кареты не могли въехать во двор Принцев, он пожелал пройти к ним на площадь Карусель. Когда ему сказали, что там собралась огромная толпа, он остановился среди двора Принцев, и королева предложила ему сесть во въехавший во двор экипаж, хотя это была всего лишь берлина. Они сели в нее все вшестером, и когда лошади приблизились к воротам, то национальные гвардейцы отказались открыть их и дать королю проехать.

Г-н де Лафайет тщетно уговаривал их и доказывал им, что так вести себя могут только враги Конституции, что, стесняя волю короля, его как бы ставят в положение пленника и таким образом аннулируют все декреты, которые он санкционировал. Ему отвечали одной только бранью и заявляли, что королю не дадут уехать. По адресу короля слышались самые оскорбительные выражения: говорили, что он — проклятый аристократ, презренный аристократ, жирная свинья; что он не способен управлять; что его надо низложить и возвести на трон герцога Орлеанского; что он не более чем государственный чиновник и должен делать то, что от него требуют. Те же слова слышались среди народа: что он окружен аристократами и строптивыми священниками, что он должен их прогнать. Г-н де Лафайет потребовал от мэра объявить военное положение и поднять красный флаг, но тот ответил отказом. Ему сказали, что это не произведет никакого впечатления и что он станет первой жертвой. Он заявил, что подаст в отставку, его попросили потопориться с ней. Народ, когда он обратился к нему с речью, встретил его не лучше.

Отряды гренадеров, по мере того как они прибывали, клялись, что король не уедет; некоторые откусывали пули, говоря, что

они зарядят ружья и будут стрелять по королю, если он сделает хоть малейшее движение, чтоб уехать. Все придворные из королевского штата, приближавшиеся к его экипажу, подвергались оскорблениям со стороны солдат, они прогнали от него господина де Дюраса, хотя король сказал им, что он должен остаться и состоит у него на службе; только после долгих уговоров и просьб разрешить ему вернуться, гренадеры пропустили его к дверце кареты; он позвал двух гренадеров и сказал им, чтобы охраняли герцога де Вилькье, тоже находившегося там. Дворецкий г-н де Гужено приблизился к дверце кареты с намерением получить распоряжения королевны насчет обеда, но его оттолкнули, и он был бы повешен, если бы не гренадеры, которые, оскорбляя и толкая, оттащили его в сторону, говоря ему шепотом: „По крайней мере Вы сможете сказать королю, что есть еще честные люди, которые сумеют спасти тех, кто ему предан“. Королева высунулась из кареты и сказала им, чтобы его не трогали, что он принадлежит к штату короля; они заявили ей, что получают приказания не от нее, а лишь от своих офицеров.

Другие говорили: „Вот чудачка, вздумала приказывать!“ Они ругали швейцарских гвардейцев, построенных шпалерами напротив, оскорбляли духовных особ, стоявших у окон дворца; находились и такие, которые прицеливались из ружей в кардинала Монморанси, ведавшего благотворительностью. Г-н де Лафайет обратился за советом к департаментским властям и просил объявить военное положение, но не получил ответа. Он спросил короля, не желает ли он применения силы, дабы очистить ему путь и заставить уважать закон. Солдаты заявили ему, что они бесильны это сделать. Все они сняли штыки с ружей, сказав, что не обратят оружия против честных граждан. Король отказался от применения силы и сказал: „Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась кровь; когда я уеду, вы будете вольны пользоваться любыми средствами, чтобы внушить уважение к закону“.

На площади Карусель кучеру королевской кареты, которого не пропускали во двор, грозили, что его убьют, если он сделает малейшее движение вперед. Форейтора чуть не повесили. Гренадеры, стоявшие около королевского экипажа, обливались слезами; некоторые из них, подойдя к королю, говорили: „Государь, Вас любит, Вас обожает Ваш народ, но не уезжайте; Ваша жизнь была бы в опасности; у Вас плохие советчики, Вас вводят в заблуждение, хотят, чтобы Вы удалили священников, боятся потерять Вас“. Король приказал им замолчать и сказал, что это они введены в заблуждение и что не должно сомневаться в его намерениях и в его любви к своему народу.

Наконец, после двух с четвертью часов ожидания и тщетных усилий г-на де Лафайета экипаж по приказанию короля повернул назад. Когда король вышел из него, вокруг толпились солдаты; некоторые из них говорили: „Мы защитим Вас“. Им ответила

королева, гордо взглянув на них: „Да, мы рассчитываем на это, но отныне вы признаете, что мы несвободны“. Так как они теснили и входили в вестибюль толпой, то королева взяла на руки наследника, а принцесса Елизавета — его сестру; они поспешили унести детей. После этого король замедлил шаг, а когда королева и принцесса вошли в покои королевы, король обернулся и твердо сказал: „Стойте, довольно!“ Все остановились как вкопанные.

Во дворе Принцев находились одни только национальные гвардейцы; народ был на площади Карусель, и ворота были закрыты. По адресу королевы не говорилось ничего, но по адресу короля — ужасные вещи. Они оба проявили большую твердость и хладнокровие и держали себя превосходно. Во дворце все было спокойно. В 8 часов короля предупредили, что охрана решила обойти ночью все комнаты, даже войти в спальню короля под предлогом проверки — нет ли там священников. В 10 часов это решение было отменено. На площади Карусель какой-то человек при свете факелов читал листок, полный резких нападок на короля; он призвал народ ворваться силой во дворец, выбросить все в окна, а главное — не упустить случая, который они упустили в Версале 6 октября“.

Это был странный день, не оказавший непосредственного влияния на дальнейший ход событий, но обнаруживший необычайную сложность настроения народа. В этой несметной толпе не было ни одного республиканца, даже те, кто грубо оскорблял короля, крича, что он аристократ, что он не способен управлять, что он жирная свинья, говорили о том, чтобы заменить его не Республикой, а герцогом Орлеанским. На самом деле огромное большинство присутствовавших там людей прежде всего хотело сохранить короля, но требовало от него разрыва с контрреволюцией. В этом движении народ и буржуазия выступали заодно. Национальные гвардейцы, активные граждане и буржуа первые помешали отъезду короля; как только возникла опасность для Революции, недоверие между народом и буржуазией исчезало, все готовы были единодушно защищать ее.

Как легко еще мог Людовик XVI сохранить свою власть и даже завоевать огромный авторитет! Если бы он встал на сторону Революции, то народ был бы всем сердцем с ним. Считали, что он нужен, и если бы Людовик XVI избавил нацию от необходимости выбирать между Революцией и королевской властью, то он заслужил бы безмерную признательность. Буржуазия одинаково боялась реакционных притеснений и вспышек народного движения. Ни перед одним королем никогда не стояло более легкой задачи: умиротворить Революцию, приняв ее. На следующий день после 18 апреля Лафайет, оскорбленный неповиновением национальных гвардейцев, подает в отставку. Это приводит почти всю парижскую буржуазию в глубокую растерянность. С ее стороны, чтобы удерживать Лафайета, посыпались петиции, выражения готовности сле-

по повиноваться, и он остался ¹. Да, если бы король был честен, он обладал бы почти беспримерной законной силой. Но он удвоил свою хитрость. Вспомните слова, которые вырвались у королевы: „Отныне вы признаете, что мы несвободны“. В великих революционных потрясениях, когда народ выступал заодно с буржуазией, король и королева видели не предостережение, а предлог для дискредитации конституции.

Они как бы заранее указывали на повод признать недействительными все санкции, данные королем. Но эти неосторожные слова могли возбудить педсерис. Главное, нельзя было допустить, чтобы нация и Собрание могли подумать, что король, озлобленный событиями 18 апреля, замыслил использовать их как предлог, чтобы задним числом отречься от конституции или оправдать свой отъезд. Ибо более бдительный надзор, быть может, помешал бы его бегству. Людовик XVI счел благоразумным явиться в Национальное собрание, чтобы снова солгать.

„Господа,— сказал он,— я прихожу к вам с доверием, какое питал к вам всегда. Вам известно противодействие, оказанное вчера моему намерению поехать в Сен-Клу; я не пожелал, чтобы его сломили силой, ибо боялся вызвать применение суровых мер против обманутой толпы, которая думает, что она действует в защиту законов, тогда как она попирает их. Но для нации важно доказать, что я свободен; нет ничего более важного для авторитета данных мною санкций и одобрения мною ваших декретов. По этой веской причине я настаиваю на своем плане поездки в Сен-Клу, и Национальное собрание поймет ее необходимость.“

По-видимому, с целью возмутить верный мне народ, любовь которого я заслужил всем тем, что для него сделал, ему стараются внушить сомнение в моих чувствах к Конституции. Я принял и поклялся поддерживать эту Конституцию, часть которой составляет гражданское устройство духовенства, и я всей своей властью поддерживаю ее соблюдение. Здесь я лишь снова выражаю те чувства, какие я часто выражал Национальному собранию, и оно знает, что мои намерения и мои желания не имеют иной цели, кроме счастья народа, и что это счастье может быть только плодом соблюдения законов и повиновения всем законным и конституционным властям“. Министр иностранных дел уведомил от имени короля все иностранные дворы о том, что Людовик XVI добровольно признал Конституцию и предал ей.

Но одновременно Людовик XVI дал им знать, что это лишь игра и что они не должны заблуждаться на этот счет. 22 апреля Ферзен, посылая текст речи Людовика XVI барону Таубе, пишет ему: „Король не должен более ничему противиться; напротив, он должен во всем уступать, делать все, что от него потребуют, дабы

1. Лафайет подал в отставку 18 апреля 1791 г. и 28 апреля взял обратно свое заявление.

лучше доказать, что он несвободен, и усыпить их подозрения относительно своих подлинных планов, которые занимают его больше, чем когда бы то ни было, и ради осуществления которых надо всем пожертвовать, как бы это ни было тяжело... и король [Швеции] не должен удивляться ничему тому, что он будет делать и говорить; это всегда будет следствием его несвободы. В воскресенье Их Величества отправятся в приходскую церковь к мессе и, как это ни нежелательно, будут исповедоваться у присягнувшего священника и присутствовать на совершаемом им пасхальном богослужении“.

ТАЙНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ КОРОЛЯ

Агенты короля за границей пытались использовать события 18 апреля, чтобы вызвать сочувствие европейских государей, испугать их возможностью опасности для них самих и ускорить их вмешательство. Барон де Бретей направил 3 мая императору Леопольду, находившемуся тогда во Флоренции, очень срочный меморар, в котором говорилось: „Новые посягательства, которые только что совершили смутьяны, не позволив королю выехать из Тюильри, могут лишь усилить желание Их Величеств вырваться из плена. Всеобщее негодование поможет найти средства для этого, и Европа будет вынуждена приветствовать усилия императора спасти жизнь королеве.“

Враги всякой королевской власти совершают преступление за преступлением только потому, что верят в свою безнаказанность; их посягательства все множатся, и Их Величества, песомненно, будут здесь подвергаться гораздо большей опасности в случае бездействия, нежели в том случае, если намерение им помочь станет явным.

Император, обладающий наибольшим правом покарать за оскорбления, нанесенные дочери цезарей [Мария Антуанетта была из рода Габсбургов],— единственный государь, который может и должен побудить всех остальных к действиям. *Войска Его Императорского Величества находятся у ворот Эльзаса, епископств и Фландрии.* Действия, направленные на восстановление и укрепление порядка в Нидерландах, будут продолжаться и сопровождаться такими демонстрациями, чтобы верные войска и благомыслящие генералы смогли создать внутри страны убежище, куда король направится, не подвергаясь опасности, ибо бегство Их Величеств отнюдь не невозможно; но если бы цепи, которыми они скованы, были затянуты туже, то можно с уверенностью сказать, что разбить их тогда может лишь один император, подкрепив свой манифест внушительными силами...

Королю нужны 15 млн.; 4 млн. необходимо возможно скорее отправить в Люксембург, а остальные доставить через несколько

недель. Верный слуга императора ныне берет на себя смелость утверждать, что из всех расходов императорской казны это самый безотлагательный: от него зависят спасение французской королевы, спасение монархии и спокойствие правления Леопольда. *Если не будет остановлено столь же быстрое, сколь и устрашающее продвижение демократии, то ни один трон не будет больше покоиться на прочной основе...*“

Это был призыв предоставить иностранное золото, равно как и иностранные войска. И де Бретей рисует двоякую возможность; прежде всего возможность бегства короля, который примет командование австрийскими, хорватскими и сардинскими войсками; если же бегство короля окажется неосуществимым, то обнародование угрожающего манифеста держав, за которым последует вооруженная интервенция. Леопольд, еще колебавшийся, хитрил, в чем ему помогала двойственность контрреволюционной интриги. 3 мая г-н де Бретей через посредство де Бомбеля передал императору приведенный мною меморар, указывавший на неотложную необходимость отъезда короля. 20 мая в Мантуе граф д'Артуа имел беседу с императором Леопольдом, результаты которой изложены в знаменитой ноте, воспроизведенной Бертраном де Мольвилем.

Однако эта нота, обещавшая вторжение на границе Фландрии 35 тыс. солдат и на границе Дофин 15 тыс. солдат и объявлявшая о предстоящем в конце июля коллективном протесте Бурбонского дома, решительно высказывалась против бегства короля.

„Хотя до сего времени и казалось желательным, чтобы Их Величества могли сами добыть себе свободу, все же нынешнее положение побуждает настоятельно умолять их не помышлять более об этом. Их положение теперь совершенно иное, чем было до 18 апреля, до того, как король был вынужден явиться в Национальное собрание и распорядиться о составлении письма к послам.“

Единственное, чем должны заниматься Их Величества,— это стараться всеми возможными средствами увеличить свою популярность, дабы использовать ее, когда наступит благоприятный момент, и таким образом, чтобы народ, напуганный приближением иностранных армий, видел свое спасение только в посредничестве короля и в повиновении власти Его Величества. Таково мнение императора. Он связывает успех принятых им мер исключительно с этим планом действий, а главным образом просит отказаться от всякой иной мысли. Мысль о том, что произошло бы с Их Величествами, если бы им при попытке бегства не удалось ускользнуть от жестокого надзора, заставляет его содрогаться от ужаса. Его Величество полагает, что самая надежная защита — выступление армии держав, которому предшествовали бы грозные манифесты“.

Многие историки придавали этой ноте гораздо большее значение, чем она имела; она не отражает твердого мнения и плана императора; у него был лишь один план — выиграть время. Вот почему он, по-видимому, и присоединился к мысли графа д'Артуа,

который, задерживая отъезд короля, тем самым откладывал и решение проблемы. Император увиливал, используя противоречия в политике барона де Бретей и графа д'Артуа.

Впрочем, граф д'Артуа, который, очевидно, инспирировал или даже составил эту ноту с одобрения императора, данного им в более или менее общей форме, старался поставить Людовика XVI в зависимое положение, связать его: „Таким образом, поскольку все согласовано с державами, *то этот план должно рассматривать как окончательно принятый* и стараться о том, чтобы ему не препятствовали несовместимые с ним замыслы; поэтому Их Величества должны с великим тщанием избегать обращения к различным доверенным лицам и не увеличивать числа посредников, уже убедившись в том, что подобный образ действий может только причинить вред и вызвать задержки и помехи“.

Граф д'Артуа хотел один руководить борьбой против Революции: странная игра честолюбий и интриг вокруг короля, над которым трагический рок уже простирал свою тень! Соображения, которые граф д'Артуа приводил против отъезда короля, были ничтожны. Ибо, если события 18 апреля привели к тому, что король усугубил свою систему лжи, заверяя Францию и весь мир в своей любви к ненавистной ему конституции, то почему это могло бы удержать короля в Париже.

Разве граф д'Артуа не советует королю прибегать к еще более чудовищной лжи, если она вообще возможна, к еще более подлому и мерзкому лицемерию? Призывать иностранные армии, чтобы раздавить конституцию и свободу, и в то же время предлагать себя народу, напуганному их вторжением, как необходимого посредника и спасителя, — может ли быть гнуснее прием?

И нота от 20 мая не произвела на Людовика XVI никакого впечатления, и ничто не изменилось, если даже он узнал ее содержание не только на словах. Как вытекает из писем де Буйе к Ферзену, отъезд был настолько твердо решен, что теперь де Буйе и Ферзен уже составляли маршрут. Король был убежден в том, что он обяжет европейских государей выступить в защиту монархии против демократии.

Но наметил ли он себе план внутренней политики или, как будут говорить впоследствии, план реставрации? Став победителем революционной Франции, какого образа действия будет придерживаться Людовик XVI по отношению к Революции? Его мысли были на этот счет весьма неопределенными. Твердо известно одно: в то время как граф д'Артуа стремился стать вождем контрреволюции и уничтожить всякое иное влияние, барон де Бретей со своей стороны жаждал стать первым министром, высшим руководителем восстановленной полновластной монархии.

Он писал 30 апреля: „Поскольку, несмотря на все мои старания, король неизбежно окажется на несколько дней раньше меня в том месте, куда он должен направиться, я прошу, чтобы за

исключением военных операций, относительно которых важно не стеснять намерений генерала [Буйе] и не откладывать их осуществления, *Его Величество соблаговолил не принимать никаких решений о лицах и о делах, пока я не буду к его услугам*. Для блага короля важнее всего избежать опрометчивых мер, от которых, быть может, пришлось бы отказаться.

Осмелюсь прибавить, что не менее важно, чтобы Его Величество в мельчайших деталях сообщил мне о той степени доверия, коим он намерен удостоить меня при ведении дел. Король мог бы усмотреть честолюбие в этой просьбе, обращенной к нему из чистого усердия; но с этого момента я не смог бы приносить какую бы то ни было пользу в трудном положении, в каком находится королевство“.

Это значило ставить короля перед выбором: либо король возьмет на себя точное и в мельчайших деталях изложенное обязательство обеспечить барону де Бретей всю полноту министерской власти, либо барон де Бретей, знающий все тайны короля при ведении трудных и опасных переговоров, внезапно сочтет себя бесполезным и откажется служить королю. Толпа народа, оскорблявшая короля на площади Карусель, несомненно, относилась к нему с меньшим презрением, чем этот вельможа, требовавший от него карт-бланш, министерских полномочий при помощи угроз и чуть ли не пантажа.

Вообще король был вынужден выбирать между планами оголтелой реакции и планами более умеренной реакции.

Шведский король, фанфарон абсолютизма, хвастливый защитник королевской власти, намечает для Людовика XVI бредовую программу контрреволюции. Письмо барона Таубе из Стокгольма от 6 мая 1791 г. графу Ферзену — образец буйного помешательства: „Мой дорогой друг, король [Швеции] приказал мне сообщить Вам, что он поручает Вам заверить французских короля и королеву в том, что он употребит все мыслимые средства, дабы помочь им. *Его мнение* — в ожидании, пока он сможет дать ответ на запросы, которые ему сообщит курьер Стедингга, таково: *если Их Величествам удастся бежать из Парижа, надо будет созвать немедленно все парламенты и объявить Национальное собрание незаконным, узурпировавшим права трона и королевской власти, объявить его членов мятежниками, изменившими отечеству; надо будет отдать приказание об их преследовании во всем королевстве; вернуть всех сановников и военачальников, которые были вынуждены бежать из отечества, а также всех епископов; восстановить все, как было до Революции, вернуть духовенству его прежнее устройство и прежний порядок богослужения; восстановить три государственных сословия, перемешанных вследствие захватнических действий Национального собрания, но в то же время объявить, что в отношении уплаты налогов между тремя сословиями не будет никаких различий; надо отдать распоряжение об аресте герцога Орлеанского, коего надлежит судить и осудить без помилования*

одному из парламентов; главное — восстановить в армии строжайшую дисциплину и субординацию и не скупиться на самые суровые меры, дабы добиться этого; наконец, не следует вступать в соглашения с кем бы то ни было, нельзя создавать смешанное правительство, а надо вернуть королевской власти все ее могущество: надо навсегда покинуть Париж и обречь на гибель это логово убийц, предав его полному забвению, ибо, пока во Франции будет Париж, там никогда не будет королей“.

Что за злобный безумец! И в какое сравнение идут сентябрьские убийства, столь ужасные, однако, и столь чудовищно бесполезные, в какое сравнение идут внезапные насилия, совершенные в патриотическом исступлении народом, обезумевшим от страха перед чужеземцами, с этой мечтой об истреблении? По всей стране хладнокровно, по сигналу королевского рога намерены устроить избивание членов Национального собрания. И в то же время по удивительной иронии истории из этого же письма видно, что этого неуравновешенного, неистового защитника абсолютизма направляли, как ребенка, его советники. Они боялись его болтливости и сообщали ему только то, что могло быть известно всем. Они обманывали и дурачили его, сколько им было угодно.

Изложив от имени короля эту программу бессмысленного и кровавого абсолютизма, Таубе прибавляет: „Я ничего не сделал, чтобы помешать поездке короля; это было бы тщетно... Я избрал другой путь, чтобы еще более разжечь его ненависть к Национальному собранию, которое он и без того глубоко ненавидит.

Я сказал ему, что Вы просили меня предупредить его, что он будет окружен шпионами Национального собрания, которые будут по-своему истолковывать каждое вырвавшееся у него слово; что он должен остерегаться даже лиц, намерения которых он считает самыми благими и которые своей болтливостью причинили бы французскому королю столько же вреда, сколько его самые яростные враги. Король поручил мне поблагодарить Вас за это предостережение и передать, что он не будет доверять никому и что вообще его речи будут скорее республиканскими, чем монархическими, о чем он просит Вас предупредить Их Величества“.

Этот помешанный, желающий подвергнуть всех революционных депутатов преследованиям и уничтожить Париж, не находил иного средства сбить с толку мнимых шпионов, придуманных его советниками, как только произнося „республиканские речи“.

ФИНАНСОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Но Людовик XVI питал доверие и чувства дружбы к человеку, который давал ему эти безрассудные советы, преступные по отношению к Франции. Как знать, смог ли бы он сдерживать необузданную ярость эмигрантов и припцев, еще подстрекаемых

таким образом королями? Но сам он был крайне озабочен проблемой, вызвавшей Революцию,— финансовой проблемой. Каким способом восстановленная монархия раздобыла бы деньги? Революция в ожидании нормального функционирования ее бюджета черпала средства из продажи национальных имуществ; но религиозные убеждения и реакционные соображения короля повелевали ему вернуть церкви ее владения. Тем самым исчезали огромные ресурсы. И затем, что станет с держателями ассигнатов, лишенных таким образом обеспечения? Не поднимутся ли они, возмущенные своим разорением, против только что восстановленной королевской власти? Ах, как дальновидна была Революция, конфисковав церковные имущества и пустив их немедленно в оборот посредством выпуска ассигнатов! Она сразу создала непоправимое, необратимое положение, и король тщетно пытался найти какое-либо решение.

Вначале он остановился на весьма простой мысли объявить банкротство, а для успокоения держателей ассигнатов церковь потом выплатила бы им сумму, достигающую 1 млрд., из стоимости имуществ, которые были бы ей возвращены. По этому поводу граф Ферзен 16 мая просил совета у барона де Бретей.

„Поскольку важно не принимать поспешных решений, которые, быть может, придется отменить, и поскольку тем не менее могут возникнуть обстоятельства, при которых пришлось бы на что-нибудь решиться до Вашего прибытия, король хотел бы, чтобы Вы письменно изложили общие идеи и суждения, которые могли бы послужить основой и которыми он руководствовался бы, дабы его образ действий оставался последовательным и неизменным. У нас есть 4 млн. на неотложные надобности. Я полагаю, что было бы полезно немедленно принять решение относительно того, следует ли объявить банкротство или не следует, а также относительно ассигнатов. Возвращенные духовенству церковные имущества могли бы служить для них обеспечением. Это уменьшило бы число врагов и заинтересовало бы всех держателей ассигнатов и всех банкиров в успехе начинаний короля. Что вы думаете на этот счет?“

Очевидно, Ферзен излагает здесь мысли Людовика XVI и его озадаченность. Но вот другое, более ясное письмо. В бумагах Ферзена, опубликованных его внучатым племянником, это письмо, по-видимому, по ошибке помечено: „Графу Ферзену от барона де Бретей“. Но оно написано собственноручно графом Ферзеном и адресовано барону де Бретей: „Париж, 23 мая 1791 г. Король хочет уехать в первых числах июня, так как к этому времени он должен получить по цивильному листу 2 млн., которые он тоже захватит с собой. Король затрудняется в выборе лица, которое будет его сопровождать; он думал о господине де Сен-Присте, но опасается, как бы не пришлось заключить с ним своего рода обязательство, поскольку он уже состоял в министерстве, тем не менее королю надобно, чтобы в карете рядом с ним находился

человек, который мог бы говорить, коли представится в том надобность.

Что касается ассигнатов, то король полагает необходимым вернуть духовенству его имущества, возместив расходы купивших их лиц и при условии, что духовенство выплатит звонкой монетой стоимость ассигнатов, которые будут тогда в обращении, по их курсу ко времени отъезда короля. Вероятно, тогда их курс будет на 20% ниже номинала, что сведет общую стоимость ассигнатов до 900 млн.; от духовенства можно было бы потребовать миллиард. Что касается банкротства, то король думает, что следовало бы прибегнуть лишь к частичному банкротству; все пожизненные ренты следовало бы обеспечить, чтобы уменьшить число недовольных; такого же мнения держатся и другие лица, с которыми я беседовал“.

Какой сумбур в мыслях, одновременно неосуществимых и пагубных! По сути дела, это было полное банкротство, то есть прекращение всякой экономической деятельности, всякого развития Франции, ибо как могли бы держатели пожизненных рент сохранить доверие, видя, что все прочие государственные долговые обязательства признаются недействительными? И притом каким образом их бы выплачивали? Каким образом выплатили бы возмещение покупателям национальных имуществ? А что касается держателей ассигнатов, то как мог король льстить себя надеждой, что духовенство согласилось бы отказаться от миллиарда из стоимости возвращенных ему имуществ? Кроме того, у духовенства не было миллиарда наличных деньгами: оно смогло бы его выручить только от продажи земель на миллиард. А кто рискнул бы после полной победы контрреволюции покупать земли, принадлежащие духовенству, как раз в тот момент, когда были бы признаны недействительными прежние продажи? Истинно духовенству было бы очень легко притвориться, будто оно бессильно, несмотря на все свои благие намерения; оно могло бы отпугнуть одного за другим всех покупателей и сохранить за собой все земли, ссылаясь на то, что оно не смогло их продать.

Итак, это привело бы к полному разорению всех кредиторов государства, от которых избавились бы посредством объявления банкротства, всех лиц, купивших национальные имущества, у которых их отбирали бы без всякого возмещения, наконец, к разорению держателей ассигнатов, в чьих руках после потери обеспечения остались бы мертвые бумажки, сухие листки, упавшие с дерева Революции, разбитого молнией. Это было бы разорением активной и революционной буржуазии и разорением крестьян, купивших церковные имущества, причем они должны были бы вновь платить десятину, составлявшую часть достоинства церкви. И для того чтобы ради выгоды церкви и короля погубить таким образом Францию, Людовик XVI взывал к иностранным державам, чтобы получить золото и армии! Это непростительное

преступление, даже если полностью принять во внимание королевские предубеждения, даже если судить о короле, считаясь с тем образом мыслей, какой у него мог тогда быть, как у короля.

На примере Англии он хорошо знал, что абсолютная монархия может превратиться в монархию конституционную, или парламентскую, не приводя к гибели или ослаблению нации. По собственному опыту он хорошо знал, что банкротство было смертельным, поскольку именно, стремясь предотвратить его, он пошел на риск созыва Генеральных штатов. Когда он призывал хорватских рубак, чтобы навязать Франции абсолютизм и банкротство, он приносил в жертву своему чудовищному эгоизму, своему слащавому и непомерному тщеславию то, что, как он сам знал, было благом отечества.

И более или менее прямые потомки этого короля-предателя смеют теперь выдавать себя за единственных ревнителей “национального” духа! В какое оупение впал бы наш народ, если бы он мог серьезно отнестись ко всему этому вероломному и лживому национализму!

Но барона де Бретей тогда терзало совсем не это. В столь серьезном письме о банкротстве и ассигнатах его заставило насторожиться лишь одно — имя г-на де Сен-Приста. Не станет ли он советчиком и первым министром, когда в первые же часы станут принимать решения, которые повлекут за собой все дальнейшее?

„Я не могу высказать никакого мнения о проекте короля насчет г-на де Сен-Приста, так как не представляю себе, что Его Величество имеет в виду. Бесспорно, как Вы правильно заметили, что, увозя его с собой, король взял бы на себя в отношении его большое обязательство, если бы сделал это для того, чтобы иметь под рукой советника для принятия первых решений“. Что же касается банкротства, то де Бретей ограничивается замечанием: „Любое определенное решение этого вопроса было бы преждевременным“.

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В то время как подготавливалось это великое преступление против Революции и отечества, в то время как „национальная“ королевская власть замышляла совместно с иностранными державами, впрочем проявлявшими мало готовности и хмуро настроенными, вторжение иностранных армий, банкротство и уничтожение Франции, Национальное собрание твердо надеялось на то, что ему удастся примирить Революцию с королевской властью. Оно старалось устранить все поводы к волнениям. Хотя в Конта-Венесене * вспыхнула кровопролитная борьба между консерваторами

* Провинция старой Франции, с 1274 по 1791 г. принадлежала вместе с Авиньоном папству. — Прим. ред.

и патриотами, требовавшими присоединения к революционной Франции, Учредительное собрание колебалось, не желая задеть папу и встревожить Европу первыми территориальными присоединениями. Оно решилось на это только к концу срока своих полномочий, в сентябре¹. Оно пыталось смягчить религиозные конфликты между неприсягнувшими и присягнувшими священниками. Оно прилагало усилия к тому, чтобы неприсягнувшим священникам было разрешено совершать богослужение, но просто как священникам, а не как государственным должностным лицам. И так как во многих местах присягнувшие и неприсягнувшие священники оспаривали друг у друга право регистрации актов рождения и смерти, то Учредительное собрание удачно разрешило этот спор, передав нации, гражданским властям составление актов „гражданского“ состояния. А главное — посредством законов, которые ограничивали право петиций и народную инициативу, оно старалось вновь укрепить королевскую исполнительную власть и связать короля с Революцией².

В работе по пересмотру конституции, которой Национальное собрание занялось во второй половине 1791 г., оно проявило весьма консервативные поползновения. Ле Шапелье даже попытался восстановить двухпалатную систему путем деления единого Собрания на две секции. Эта попытка ничем не кончилась, но свобода печати и право петиций были регламентированы. Можно сказать, что революционная буржуазия всеми средствами старалась сделать все ею созданное приемлемым для короля³.

После огромных усилий по обновлению она испытывала жгучую потребность сохранить и укрепить свое творение, а существующая роль в ее творении отводилась королю, хотя и подчиненному верховной воле нации. Как заменить его, если он ускользнет? Какой буржуазный комитет обладал бы необходимым престижем, чтобы заменить вековую королевскую власть, чтобы заставить подчиниться конституции возмущившееся духовенство, недовольную и непокорную часть нации? И если бы между Революцией и королем произошел разрыв, как могла бы она, не прибегая к грубой силе, бороться против всех своих врагов, объединившихся под королевским знаменем? А ведь эта грубая сила, эта физическая сила, согласно приведенным выше словам Мирабо, таилась в неисчислимых массах народа деревень и городов.

Какой платы потребует народ от буржуазии, если она призывает его на помощь для спасения Революции? Не потребует ли он всеобщего избирательного права? Такого равноправия уже требовали столь веские голоса, как голос Робеспьера, как страстные и угрожающие голоса, раздававшиеся в клубе Кордельеров. Как устоять против этого растущего стремления народа, если его призывают спасти от короля Революцию, над которой нависла опасность? К тому же в этой всеобщей схватке стихийно возникающие объединения народных масс (клубы, секционные собрания)

могут превратиться как бы в мощную власть, одновременно законодательную и исполнительную, которая лишит руководящую буржуазию ее политического главенства. И кто знает, не воспользуются ли объединившиеся для защиты Революции рабочие, пролетарии этим завоеванным правом объединения для того, чтобы заставить предпринимателей платить высокое вознаграждение, дабы господствовать над хозяевами, над „бывшими мастерами“, которых всегда можно было бы обвинить в холодности к находящейся в опасности и угрожающей Революции? Удержать на своей стороне короля, мало-помалу завоевать его сочувствие, обезоружить его недоверие, залечить раны, нанесенные его тщеславию, означало избежать всех народных волнений.

Это почти означало избежать новой революции.

Революционной буржуазии была нужна точка опоры: насколько ей было удобнее обрести ее в королевской власти, знакомой, ограниченной определенными рамками, упорядоченной и устойчивой, нежели в этой огромной, новой, неустойчивой силе беспоконного и необъятного народа! Так думало Учредительное собрание, и Дюпор не побоялся сказать с его трибуны: „Революция уже сделана“⁴. Да, она была сделана, и главные принципы нового порядка были бы действительно осуществлены, если бы королевская власть добросовестно признала свершившееся. Революция развивалась бы далее под влиянием различных интересов, разно-

1. 17 июня 1791 г. Учредительное собрание направило королю решение города Авиньона в пользу присоединения; 17 июля оно назначило комитет и поручило ему изучить этот вопрос, и только 14 сентября Собрание решило декретировать присоединение Авиньона и Конта Венессена.

2. 10 мая 1791 г. Учредительное собрание запретило коллективные петиции; хотя 9 августа оно включило право петиций в число „Основных положений“, гарантируемых Конституцией, оно уточнило, что петиции должны подписываться индивидуально.

3. Став хозяевами положения после репрессий, последовавших за событиями на Марсовом поле, Барнав, Дюпор и Ламетты попытались объединить вокруг себя правую, чтобы пересмотреть конституцию: расширить полномочия короля, повысить ценз, создать вторую палату, восстановить в правах дворянство, разрешить переизбрание депутатов и их участие в пра-

вительстве. Фактически эта попытка в основном потерпела неудачу: „черные“ остались непримиримыми и часть патриотов отказалась пойти так далеко.

4. Мирабо умер 2 апреля 1791 г., его место тайного советника двора было немедленно занято Дюпором, Ламетом и Барнавом. Встревоженные успехами демократии и рабочими волнениями, триумвиры, в свою очередь, захотели остановить Революцию. Этим и объясняются реакционные законы весны 1791 г. Напуганная буржуазия желала обмануть народ. Но чтобы остановить Революцию, подавив народное движение с помощью правой, необходимо было, чтобы она отступила назад: конституционалисты мечтали расширить полномочия короля и создать верхнюю палату. Им необходимо было еще увековечить свою власть, разрешив переизбрание депутатов Учредительного собрания. Робеспьер сорвал этот маневр, добившись запрещения переизбрания.

образных сил, которые она несла в себе: то в сторону буржуазной олигархии, то в сторону демократии — до того дня, когда экономический и политический рост рабочего класса нарушил бы равновесие и вызвал бы возникновение новых форм собственности, общества и права. Ах, только бы король согласился на это! Только бы он искренне признал конституцию! Таково было величайшее желание Учредительного собрания и всей буржуазии. Может быть, когда Учредительное собрание по требованию Робеспьера решило объявить своих членов не подлежащими переизбранию на следующую легислатуру и поголовно уйти, оно пожелало подать королю пример бескорыстия¹.

Депутаты как бы говорили королю: мы затронули все и даже вашу власть, но не из эгоистических побуждений; мы уходим, мы предоставляем другим заботу о продолжении нашего дела. А вы, вы остаетесь и будете обладать тем большей властью, чем большее доверие будете питать к Революции и к самому себе. Перестаньте же оглядываться на прошлое, будьте королем нового порядка. Принятию такого необычайного решения Учредительным собранием способствовала также усталость, столь хорошо выраженная словами Робеспьера: „Мы — победившие, но уставшие атлеты“, а также печальное предчувствие новых трудов и новых опасностей. Наконец, правая и крайне левая при полной противоположности своих чувств и интересов были совсем не прочь устранить известных революционных деятелей и тем самым освободить путь для новых людей. Но существовала еще та потребность в умиротворении, в ослаблении напряжения, о которой я только что говорил, и Казалес, вопреки своему желанию несколько увлеченный величием революционного дела, красноречиво выразил это чувство под рукоплескания Собрания.

Учредительное собрание у многих вызвало ненависть, задевало самолюбие, ущемляло частные интересы, противоположные общему интересу, как оно его понимало. Кто знает, не унесло ли бы оно, уйдя со сцены, всю эту ненависть, не избавило ли бы оно от нее Революцию? В этой жертве могучего труженика, усталого, покрытого пылью, который уходит, дабы не оставить отпечатка рук своих и, так сказать, пыльных следов труда своего на своем творении, есть истинное величие. Пусть же этот дух бескорыстия послужит примером, и пусть король без сожаления откажется от своего прежнего абсолютизма, раз великое революционное Собрание само отказывается от своей законной власти.

БЕГСТВО КОРОЛЯ

И вдруг это Собрание, упорно добивавшееся примирения Революции и короля, как громом было поражено вестью: „Король уехал, и его бегство является, несомненно, сигналом к открытой ожесточенной борьбе королевской власти против Революции“.

Действительно, 20 июня ночью король покинул Тюильри, чтобы направиться вместе со своей семьей в Монмеди, к границе, где к нему должен был присоединиться Буйе. Королевская семья бежала в 11 часов вечера. Ферзен достал для нее паспорт на имя баронессы Корф. Баронессу изображала гувернантка детей, г-жа де Турзель; королева, отправившаяся в путь под видом гувернантки, стала г-жой Роше. Принцесса Елизавета превратилась в компаньонку Розали, а король, на котором был серый сюртук и парик, — в лакея по имени Дюран. Им удалось покинуть дворец неузнанными.

Сначала они сели в экипаж, в котором Ферзен, переодетый кучером, довез их до Бонди. Там они пересели в большую берлину, которую сопровождали три лейб-гвардейца в желтых костюмах почтовых курьеров. Они должны были добраться до Монмеди через Шалон на Марне и Сент-Менсульд. Простившись с ними, Ферзен поехал прямо в сторону Бельгии и 22 июня в 11 часов утра написал из Монса барону Таубе: „Мой дорогой друг, король, королева, принцесса Елизавета, дофин и принцесса [юная сестра

1. 16 мая 1791 г. Учредительное собрание декретировало: „Члены нынешнего Национального собрания не могут быть переизбра-

ны в следующую палату“. См.: M. Robespierre. Discours, t. VII, p. 377.

дофина] выехали в полночь из Парижа. Я беспрепятственно проводил их до Бонди. Сейчас я уезжаю, чтобы присоединиться к ним". Немного раньше, в 8 часов утра, он писал своему отцу: „Дорогой отец, я только что прибыл сюда. Король и вся его семья благополучно выехали из Парижа 20 числа в полночь. Я довез их до первой почтовой станции. Дай бог, чтобы они совершили остаток пути столь же благополучно. Я каждую минуту жду приезда брата короля. Затем поеду дальше вдоль границы, чтобы присоединиться к королю в Монмеди, если ему удастся туда благополучно прибыть“.

Как оказалось возможным бегство короля и всей его семьи? Они спустились по служебной лестнице, выходившей во двор Принцев, и смешались с многочисленной толпой, покидавшей дворец в этот час; их никто не узнал. Но почему надзор не был более бдителен? ¹ Ведь за последние недели и месяцы в предостережениях не было недостатка. Я уже отмечал особенно настоятельные предостережения Марата, высказанные им в конце марта и в начале апреля; с тех пор он их не прекращал. Правда, я тщетно искал в комплекте „Ами дю пёпл“ ту „громовую“ статью, о которой говорит Луи Блан. Мне не удалось найти ее. Во всяком случае, она не могла относиться к последним неделям [перед бегством], поскольку, по мнению Луи Блана, в ней имеются следующие слова: „Парижане, безрассудные парижане, я устал повторять вам: верните короля и дофина в стены вашего города“. Ведь в мае и июне они оба находились в Париже; возникает вопрос, не было ли то, что Луи Блан называет статьей Марата (не указывая, однако, ее даты), попросту более или менее точным кратким изложением нескольких различных статей, и особенно его статьи от 20 апреля, в которой говорилось: „О парижане, вы станете палачами 3 млн. ваших братьев, если совершите безумие, позволив королю покинуть ваши стены“.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ МАРАТА *

Но интересно остановиться более подробно, чем это сделал великий историк, на необычных предостережениях, где нелепые выдумки перемешивались с потрясающей правдой, с которыми Марат беспрестанно выступал в июне месяце. Сначала, в понедельник 6 июня, в газете Марата появилось следующее странное сообщение: „Другу народа. Как это получается, что из глубины своего подвала Вы во сто раз яснее видите все козни контрреволюционеров, чем наши патриоты, наблюдающие за всеми их действиями вблизи? Вы беспрестанно повторяете им, что все подготовлено для контрреволюции, что остается лишь поджечь фитиль, чтобы бомба взорвалась, что гражданская война вспыхнет по всей стране, если королевской семье удастся бежать, и что мы погибли

навек, если не будем дено и ночью ее стеречь. Узнайте же, что отечество вновь спасла наша счастливая звезда и что злобные чудовища, стремящиеся нас погубить, достигли бы наконец своей цели в субботу ночью, если бы король не был столь крепок телесно. Его жена, всегда осаждающая его словно фурия, уже в течение недели старается склонить его к бегству; она заклинала его решиться на это во имя его славы, любви к сыну, интересов его верных подданных; она ручалась перед ним за все, что могло бы случиться, но Людовик неизменно выдвигал против всех доводов Антуанетты опасение потерять свою корону. Раздраженная своим бессилием его убедить, королева прибегает к хитрости и предлагает ему за ужином вина в надежде на то, что превосходный бальзам подействует лучше, чем все ее красноречие, и она уже начинала торжествовать.

Бурная ночь, казалось, благоприятствовала этой отвратительной затее, прикрывая ее пеленой мрака; еще с утра о ней шепнули главным заговорщикам, и вечером их достойный главарь Мотье передал вожакам своих головорезов приказ собрать свои дьявольские пайки. В полночь заговорщики и бандиты направляются мелкими группами на Елисейские поля. Там к ним присоединяются вооруженные наемники в эполетах и наемные шпионы из всех батальонов.

Собралось 7 тыс. человек в форме и с оружием в руках; они ждали условного сигнала, чтобы поглотить королевскую семью. Главари заговорщиков собрались во дворце Тюильри, экипажи были поданы; казалось, оставалось лишь сесть в них и погнать лошадей. Мотье, Вирё, Деспремений, д'Андре, Ла Галиссоньер, Гувьон, Лагасс, Лакомб и сотня других, находившихся при Антуанетте, ждали лишь удобного момента, чтобы посадить короля в карету и отвезти его в Брюссель.

Когда короля хотели перенести с кресла в экипаж, прикосновения и толчки разбудили его. Думали, что он во хмелю, но, пока он спал, его опьянение, к счастью, прошло: удивленный тем, что его окружает столько людей в такое время, когда он полагал себя в одиночестве, он спрашивает, чего от него хотят; все переглядываются, не решаются говорить, наконец его супруга раскрывает ему тайну.

1. Вечером 20 июня 1791 г. обеспокоенный Байи послал Лафайета в Тюильри. Лафайет считал, что дворец хорошо охраняется. И как раз в это время беглецы покидали его, благодаря то ли небрежению, то ли пособничеству. Этот важный момент остается неясным, историка, занимающиеся изучением этих событий, ничего не говорят на этот

счет. В своих мемуарах (Mémoires. Paris, 1929, 2 vol.) граф Сеп-Прист сообщает, что Лафайет оставил без охраны одни ворота Тюильри, чтобы позволить Ферзене свободно приходить к королеве (т. II, р. 91—93).

* См.: Жан-Поль Марат. Указ. соч., т. II.

Все соучастники стали умолять его в слезах, король тоже разразился рыданиями и поминутно спрашивал их, предусмотрели ли они все последствия и в случае неудачного исхода возвратят ли они ему корону, если он ее потеряет!

Королева делает последнее усилие, оказавшееся бесплодным: она приводит к нему дофина; увидев отца в слезах, ребенок подумал, что окружающие его злодеи хотят причинить ему зло, и разрыдался. Крики дофина заставили толпу преступников удалиться на несколько минут. Король воспользовался этим, чтобы запереться в комнате вместе с сыном. Игра была проиграна.

Мотье послал адъютанта передать находившимся на Елисейских полях вооруженным заговорщикам приказ разойтись небольшими группами так же, как они собрались, до новых распоряжений. Остальную часть ночи он провел вместе с королевой и главными заговорщиками, сожалея об этой печальной неудаче, о слабости монарха и вынашивая новые заговоры. Подпись: *патриот, ради спасения народа выдавший себя за аристократа*“.

В этом странном повествовании, очевидно, немало нелепого вымысла: соучастие Лафайета в заговоре королевы, ночное собрание национальной гвардии для содействия похищению короля, попытка королевы напоить Людовика XVI, чтобы увести его в Брюссель, — все это ребяческие и почти бредовые измышления. И все-таки я убежден, что в этом рассказе есть доля правды.

Во дворце Тюильри бывало множество людей: поставщики, торговцы модным товаром, белошвейки, прачки. Некоторые из них приходили туда часто, их одолевало непреодолимое любопытство, им хотелось знать, что происходит и о чем говорят в королевской семье. Если король и королева не соблюдали осторожности, если они в пылу спора возвышали голос, то кто-нибудь мог услышать их слова, и на основании каких-то обрывков разговора в распыленном воображении возникала вся сцена. „Патриот, ради спасения народа выдавший себя за аристократа“, был либо одним из поставщиков дворца, либо другом, или любовником какой-нибудь женщины, бывавшей во дворце. И он передал Марату эти отголоски жизни королевской семьи, которые народ улавливал сквозь стены. На основании этого письма мы даже можем довольно ясно представить себе, что произошло в субботу вечером 28 мая в покоях короля.

Темой разговоров, как всегда, был предполагаемый отъезд. Король снова начинает колебаться и задумывается о том, не ставит ли он на карту в этой аванюре свою корону и жизнь своей семьи. Не отказываясь от своего плана, он высказывает свои опасения, пытается успокоить себя, заставляя королеву вновь повторить ее внушающие надежду уверения. Королева снова закликает его не проявлять слабости. Затем, устав от этих нескончаемых усилий укрепить его слабую волю, она говорит несколько нетерпеливо: „Пора ужинать“. И какой-нибудь женщине, прачке или

белошвейке, находящейся в прилегающем помещении или в темном коридоре в ожидании выхода в 11 часов и издали прислушивающейся к их разговору, эти простые слова кажутся хитростью. Королеве не удалось убедить короля, она решила напоить его.

После ужина разговор возобновляется и оживляется; взволнованные этой борьбой, думая о страшных опасностях, угрожающих им со всех сторон, королева и король разражаются слезами. В этот момент приносят дофина либо для того, чтобы он перед сном поцеловал отца и мать, либо потому, что королева в знак высшего порицания хочет сослаться на право ее маленького сына на корону, на неограниченную и гордую королевскую власть и таким образом побудить колеблющуюся и слабую душу короля к борьбе против Революции.

Ребенок, удивленный и испуганный этим волнением и этими слезами, закричал; король уводит его, чтобы успокоить, и звук его грузных шагов улавливает подслушивающая женщина, которая уходит, говоря себе: „На этот раз им не удалось его убедить“.

Но ее преследует мысль о подготавливаемом бегстве, о насилии, которое замыслиют против короля; спустившись в 11 часов вместе с толпой прислуги по той же лестнице, по которой вскоре спустятся король и королева, она темной, облачной ночью минует патрули национальной гвардии, которые ходят взад и вперед вокруг Тюильри и по Елисейским полям, и начинает думать, что эти национальные гвардейцы — соучастники предполагаемого похищения королевской семьи и находятся здесь именно для этого; вернувшись домой, она рассказывает обо всем своему другу, который на следующий день сообщает об этом Марату.

Все это вполне вероятно, и было бы странно, если бы при столь долгих приготовлениях к бегству простые люди из народа, приходившие во дворец, не уловили никаких неосторожно оброненных слов, никаких звуков спора или рыдания. Сила Марата, его пророческая сила заключалась в том, что он не пренебрегал этими народными толками, несмотря на все небылицы, скрывавшие часто истину. Но особенно любопытно то, что из записок Ферзена можно понять, что именно так взволновало 28 мая 1791 г. королевскую семью и почему начатый разговор закончился слезами. 26 мая граф Ферзен писал маркизу де Буйе: „Король одобряет маршрут, и он будет именно таким, какой Вы наметили; решается вопрос о телохранителях. С почтовым дилижансом я завтра или во вторник пошлю Вам на имя г-на де Контада завернутый в белую тафту 1 млн. ассигнатами; у нас есть 4 млн., из них один — за границей. Король хочет уехать на первой неделе июня, так как к этому времени он должен получить 2 млн. по гражданскому листу“. 29 мая 1791 г., то есть на следующий день после того, как женщина из народа услышала бурные споры и плач, Ферзен пишет Буйе: „Отъезд назначен на 12 число следующего месяца. Все было готово, и можно было бы уехать 6 или 7 числа, но 2 млн. должны быть полу-

чены лишь 7-го или 8-го, и, кроме того, при дофине состоит горничная, настроенная весьма демократически, которая уйдет только 11-го. Поедут тем путем, какой указан в последнем письме. Я не буду сопровождать короля, он не захотел этого“.

Такое изменение даты отъезда должно было вызвать у Людовика XVI сильное беспокойство и волнение. Как! Достаточно задержки на один день в выплате по цивильному листу, достаточно присутствия внушающей подозрения горничной, чтобы пришлось пересмотреть все планы. Но мы во власти всех обстоятельств, всех случайностей! Уверены ли Вы по крайней мере в том, что мы не вступаем на гибельный путь?

И когда вновь были рассеяны эти колебания, угнетенное состояние короля усугубилось спорами о Ферзене. Рыцарское предложение этого задумчивого офицера, любимого королевой и рисковавшего головой в этой аванюре, отказ короля, не желавшего подвергать его опасности, мысль о разлуке во время поездки, то есть именно в минуты опасности, глубокое волнение, охватывающее душу человека, когда он, определяя детали какого-нибудь опасного предприятия, придает своему решению нечто бесповоротное, — все содействовало тому, что вечером 28 мая нервы были до крайности напряжены, разговор шел в повышенных тонах и прерывался безудержными рыданиями. И все это в лице какой-то неведомой женщины народ услышал и истолковал по-своему.

Тайная шифрованная записка шведского офицера поразительно совпадает с сутью сообщения, сделанного Марату. Неслышанная мощь великих революций, заставляющих усиленно биться столько сердец и так напрягать слух и зрение столько людей, что для них уже нет больше тайн и кажется, будто они наделены сверхчеловеческой проницательностью!

Но в этом рассказе любопытно и довольно важно еще и то, что он, распространяя слух о насильственном похищении короля, на свой лад подготавливает публичную ложь, посредством которой умеренные революционные деятели постараются после Варенна спасти короля.

Любопытно видеть, как Марат невольно старается внушить народу мысль о том, что завтра станет измышлением конституционной буржуазии и самого Лафайета.

Был момент, когда под впечатлением этого рассказа, которому Марат полностью поверил, он действительно вообразил, что король не хочет уезжать и что его собираются увезти насильно. „Да, — восклицает он, — за нас вступается небо; это оно беспрестанно исправляет ошибки, вызванные нашей близорукостью, нашей небрежностью, нашей трусостью; это оно всегда каким-нибудь непредвиденным образом спасает нас из бедны, разверзнутой у наших ног нашими неумолимыми врагами. После столько чудес, которые оно совершило нам на благо, оно только что спасло нас рукой ребенка [дофина]. В жестокости происков двора сомне-

ваться не приходится. Кто не пришел бы в ужас от них! Но я не могу не отметить, что монарх, что бы о нем ни говорили, — более дальновидный и более здравомыслящий человек, чем те трусливые и вероломные люди, из которых он составил свой совет. Он с полным основанием опасается, что безрассудные меры, предпринятые ими для укрепления его короны и восстановления их звания, низвергнут его корону. Пусть его никогда не покидает этот спасительный страх, единственно способный удержать его на троне, раз у него не хватает ума, чтобы понять, что утвердиться на троне он может, только отказавшись от всяких контрреволюционных планов и стараясь быть справедливым“.

Марат часто обвинял самого короля. Он называл его главой заговора; немногим ранее он даже утверждал, что в своем плане бегства король рассчитывал на Буйе. Когда король выражал свою преданность конституции, Марат вспоминал все его посягательства на нее и говорил: „Разве король не меняет с легкостью свои убеждения?“ Следовательно, для того, чтобы Марат отказался от своих обвинений против короля и согласился видеть в нем лишь слабовольного человека, к которому заговорщики пытаются применить насилие, он должен был принять всерьез переданное ему сообщение. Ведь в нем были сведения, которые должны были привлечь внимание Лафайета и Байи.

„Граждане, — писал в заключение Марат 6 июня, — нам никогда не грозили столь страшные опасности; удвойте свое усердие, стерегите дворец Тюильри, чтобы помешать бегству королевской семьи“.

Наконец, поистине драматическое стечение обстоятельств, придавшее этому номеру газеты Марата необычайное влияние среди народа, заключалось в том, что в номере от 21 июня, то есть как раз в то утро, когда Париж узнал, что дворец Тюильри опустел и что король ночью уехал, Марат сказал: „Козни вскоре выйдут наружу“.

„А в ожидании этого Друг народа, чей долг вечно будить народ, чтобы он проснулся от своего губительного летаргического сна, и прищипоривать его, дабы не дать ему погибнуть, не перестает кричать о том, что опасности никогда не нависали над Францией столь грозно и что вот-вот произойдет страшный взрыв. Все готово. 26 июня австрийский император прибудет в Брюссель, где должны находиться шведский король, несколько немецких государей и два Капета, главари бежавших заговорщиков. Говорят также и о присутствии Людовика XVI на этом сборище коронованных разбойников. Королевская семья собирается бежать и только и ждет, чтобы народ дал усыпить свою бдительность. Друзья отчества, помните, что вас перережут, как баранов на бойне. Помните, что, имея дело с непримиримыми врагами, не опередить их было бы верхом безумия. Если король ускользнет от вас, то немедленно схватите всех известных пособников деспотизма,

начав с изменников из числа членов Национального собрания, главного штаба, муниципалитета, департаментских властей, монархического клуба, секций вплоть до прежних полицейских шпиков; все они известны, и пусть все их племя будет навсегда уничтожено. Единственный принцип, которым вы должны будете тогда руководствоваться в своих действиях, следующий: под солнцем нет ничего святого, кроме спасения народа.

А для того чтобы сразу отсеять пораженные члены от здорового тела нации, при известии о бегстве короля каждый город должен запирать свои ворота и предать смерти всех контрреволюционеров-заговорщиков⁴.

Но не одни только многократные и страшные предостережения Марата должны были заставить парижский муниципалитет и национальную гвардию быть настороже. Адьютант Лафайета Гувьон сообщил Учредительному собранию сразу после бегства короля, что за несколько дней до бегства были получены настоятельные предупреждения о приготовлениях королевской семьи к бегству. Байи и Лафайет ограничились тем, что приняли эти предупреждения к сведению и, по-видимому, не отдали никаких распоряжений о чрезвычайных мерах предосторожности¹. Почему?

Нелепо предполагать, подобно Марату, что они участвовали в заговоре. По во-первых, слухи о готовящемся бегстве доходили до них так часто, что, несомненно, мало беспокоили их. А главное, они боялись, сея тревогу среди народа своими мерами предосторожности, вызвать и оправдать революционные сборища. Они, очевидно, боялись повторения апрельских событий и утаивали передаваемые им тревожные предупреждения. Этим и объясняется, что в 11 часов вечера королевской семье удалось незаметно покинуть Тюильри.

ПОЗИЦИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Получив известие о бегстве короля, Собрание вновь обрело великое вдохновение первых дней своего существования, вдохновение одновременно революционное и буржуазное. Оно победило свое волнение и обсуждало положение с торжественным и почти величавым спокойствием. Его заботили две вещи. Прежде всего оно хотело успокоить страну и не дать революционерам впасть в уныние. Вера в Революцию, которую оно проявило тогда, быстро передавалась всей нации.

Собрание немедленно созвало министров; оно декретировало, что все постановления, какие оно примет в отсутствие короля, будут иметь силу закона и не будут пуждаться в санкции². Таким образом оно взяло в свои руки верховную власть и, можно сказать, временно выполняло функции королевской власти. В то же время Учредительное собрание старалось успокоить возбуждение

народа и сохранить главенство буржуазии в условиях кризиса. Для этого прежде всего надо было оправдать Лафайета, против которого в народе возникли сильнейшие подозрения. Его обвиняли в содействии бегству короля либо в силу небрежности, либо в силу измены. Был момент, когда его положение казалось безвыходным. Над всеми парижскими строительными площадками, где собирались рабочие, стоял гул; это был отклик на грозную статью Марата.

Если бы Лафайет был дискредитирован и отстранен, то умеренная революционная буржуазия потеряла бы своего военного вождя; сначала улицы, а затем, возможно, и властью овладели бы пролетарии. Барнав, бывший в дни этого великого кризиса подлинным вождем буржуазии, понял опасность и уже на заседании 21 июня поспешил защитить Лафайета от обвинений со стороны Рёбеля³.

„Я прерываю оратора на сомнениях, которые он, по-видимому, хотел посеять. В настоящий момент нас должен занимать вопрос о том, как спасти государство, как объединить все наши силы и укрепить доверие народа к тем, кто его действительно заслуживает. Я требую, чтобы Собрание не разрешило оратору продолжать свою речь и не позволило ему высказывать оскорбительные сомнения в людях, беспрестанно являющих нам доказательства своего патриотизма. Существуют обстоятельства, когда легко внушить подозрения к чувствам лучших граждан. (Спокойствие в зале восстанавливается.) Есть люди, на которых эти несчастливые обстоятельства могли бы бросить тень недоверия, хотя я глубоко убежден и готов поклясться в этом перед лицом всей нации — они этого не заслужили... (Аплодисменты.) Господин де Лафайет заслуживает нашего полного доверия; для нации важно, чтобы он сохранил его; мы должны открыто выразить его ему“. (Аплодисменты на трибунах.)

Барнав долго и даже еще накануне был противником Лафайета. И его речь в защиту Лафайета оказалась столь же великодушной, сколь и искусно построенной, и недоверие народа почти сразу же рассеялось. В своем „Введении во Французскую революцию“, то есть в своих мемуарах, Барнав писал о кризисе непопулярности, который он пережил накануне 21 июня: „К счастью, нескольких недель было мало, чтобы полностью уничтожить мое влияние и, несмотря на все старания моих врагов, лишить меня этой скандальной популярности, 21 июня у меня еще оставалось ее достаточно для спасения Лафайета“⁴. Таким образом он хотел спасти нес

1. „Moniteur“, t. VIII, p. 719, заседание 21 июня 1791 г.

2. „Moniteur“, t. VIII, p. 718, заседание 21 июня 1791 г., декрет об исполнении и законности декретов.

3. „Moniteur“, t. VIII, p. 726.

4. Bar n a v e. Introduction à la Révolution française, chap. VI. Edition Béranger de la Drôme, 1843, t. I, p. 127.

буржуазный порядок одновременно и от двора и от народа. 21 июня он уже ясно и смело заявил об этом с трибуны Собрания:

„Я напоминаю всем добрым гражданам, что при нынешних обстоятельствах особенно важно, чтобы там, где общественная власть может говорить, может действовать, она могла делать это свободно, при величайшем спокойствии и самом прочном единении и чтобы на все ее шаги, *продиктованные единственно осторожностью представителей нации, не влияли соображения, которые, какими бы популярными они ни казались, были бы лишь результатом посторонних воздействий.* [Совершенно верно.]

Господа, Парижу нужна сила, но ему нужно и спокойствие. Ему нужна сила, но нужно, чтобы эту силу приводила в движение единая воля, и эта воля должна быть вашей волей. С того момента, когда сочтут возможным воздействовать на эту волю, под угрозой будет поставлено государство, хранителем коего являетесь только вы и за которое можете отвечать только вы. Подлинная опасность в настоящий момент кроется в этих необычайных обстоятельствах, когда волнения разжигают люди, далекие от чувства патриотизма и вовсе не ставящие своей задачей общественное благо.

Теперь важно, чтобы все истинные друзья отечества, чтобы все те, у кого есть с ними общие интересы, чтобы те, кто стал спасителем Франции и Парижа в день 14 июля, когда совершилась Революция, вновь объединились и были готовы выступить.

Вспомните, что тогда первый шаг был сделан классом, мало рассудительным, легко поддающимся в возбуждение, и что последствием этого явились беспорядки. На следующий день вооружились люди мыслящие, собственники, граждане, действительно преданные отечеству; беспорядки прекратились; их сменили подлинные гражданские акты, и Франция была спасена. Такого образа действий мы и должны держаться. Поэтому я требую, чтобы Национальное собрание приняло резолюцию, содержащую приказ всем гражданам Парижа вооружиться и быть наготове, но сохранять полное спокойствие, пребывая в ожидании и неподвижности до того момента, когда представителям нации понадобится привести их в движение для поддержания общественного порядка или для защиты отечества“.

Это значило сосредоточить в руках у Национального собрания руководство всеми событиями. Это значило бросить тень подозрения на тех, кто попытался бы воодушевить народ настолько, чтобы он сверг монархию. Это значило провозгласить, что руководство новым миром принадлежит элите *собственников*, которую одну только считают *мыслящей*. Рёбель тщетно пытался возражать¹: его прервали на первых же его словах, причем следует отметить, что ни Петион, ни Робеспьер, ни один из демократов крайне левой не пытались протестовать против столь буржуазных речей Барнава.

Революция, подвергшаяся неожиданной опасности, так сказать, отступила, ища опору в своем центре — в умеренной буржуазии. Таким образом, смелые и уверенные действия Учредительного собрания, взявшего в свои руки всю власть, разославшего повсюду приказ задержать короля и распорядившегося, чтобы все должностные лица принесли новую присягу нации и закону, сплотили вокруг него все умы. Со всех сторон оно получало послания, полные энтузиазма. Повсюду муниципалитеты и директории заверяли его в том, что они отнюдь не утратили мужества и что опасность только воодушевила их. И хотя слово „республика“ не было произнесено, всюду проявлялись республиканские чувства.

Я уже приводил замечательные слова из послания нантского муниципалитета: „Король уехал, нация остается“. Среди прочих обращений следует еще отметить посланное городом Живе: „Король уехал, говорят добрые граждане, ну и что же, в этом событии нет ничего такого, что должно было бы привести нас в уныние. Национальное собрание исполнит все, и если королевская власть была наградой, то бессмертные труды Собрания дадут ему все права на нее“.

Королевская власть выборного Собрания, то есть самой нации, заменила собой бессильную и изменническую королевскую власть Капетов. Рабочие общественных мастерских, которые, как мы видели, Собрание только что решило закрыть, явились в Собрание не для того, чтобы высказать ему свое недовольство, а для того, чтобы заверить его в своей преданности отечеству и закону. „Один из них, — говорится в протоколе, — присягнул от их имени в верности нации. Он делает несколько почтительных замечаний о декрете, устанавливавшем срок прекращения работы благотворительных мастерских, и просит отложить исполнение этого декрета. Он клянется в том, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не нарушат своей присяги“. Итак, Собрание получило всеобщую поддержку.

Король, уезжая, оставил Лапорту, интенданту гражданского листа, запечатанный конверт. Этот конверт передали министру юстиции Дюпор-Дютертру. В нем была королевская декларация, обращенная ко всем французам. Король пространно излагал в ней свои жалобы на нарушения Национальным собранием прав королевской власти. Он утверждал, что никогда не был свободен, жаловался на скудость гражданского листа (25 млн.), на плохое ведение хозяйства в Тюильрийском дворце. Эту бесцветную и пошлую декларацию он заканчивал многословным объявлением об изменении конституции: „Французы и особенно вы, парижане, жители города, который предкам Его Величества было угодно называть славным городом Парижем, не верьте наущениям и лжи своих мнимых друзей; вернитесь к своему королю; он всегда будет вам отцом

1. Archives parlementaires, t. XXVII, p. 362.

и лучшим другом. С какой радостью готов он забыть все личные оскорбления и вновь вернуться к вам, когда Конституция, которую он одобрит свободно, заставит уважать нашу священную религию, установит на твердой основе правительство, деятельность коего будет приносить пользу, не позволит более посягать на имущество и звание каждого, не даст более безнаказанно нарушать законы и, наконец, подведет под свободу прочные и незыблемые основы“.

Это была контрреволюция. Собрание выслушало чтение этого жалкого документа в пренебрежительном молчании. Но перед ним сразу явственно встала проблема: какую позицию займет оно по отношению к королю, покинувшему свой пост и целиком отвергавшему конституцию, основные части которой он уже санкционировал? Собрание поняло, что оно не может оставить заявление короля без ответа, адресованного стране, и составило обращение к французам. В этом обращении оно постаралось не совершить непоправимого и категорически опровергнуть утверждения Людовика XVI, не поставив себя, однако, в такое положение, которое обязывало бы его объявить о низложении.

Оно начало с предположения, что Людовик XVI мог быть похищен. На заседании 22 июня проект обращения к французам огласил Демёнье: „Только что совершилось великое насилие. Долгие труды Национального собрания подходили к концу, составление Конституции было завершено, революционные бури стихали, но враги общественного блага захотели одним злодейским ударом обречь всю нацию своему мщению. В ночь с 20 на 21 сего месяца король и королевская семья были похищены“. (*Ропот в зале.*)

Рёдерер резко прерывает оратора: „Это неправда, он подло покинул свой пост...“

Демёнье продолжает: „Я прошу Собрание выслушать меня внимательно до конца. Конституционный комитет составил свой проект обращения в том смысле, какой, по его мнению, диктовали ему обстоятельства. Может быть, когда вы выслушаете все до конца, больше не возникнет возражений, какие только что имели место“. Действительно, тон обращения после этой первой оговорки, искусно рассчитанной на то, чтобы сохранить все возможности в будущем, был весьма суров и непримирим. „Общественная свобода будет сохранена; заговорщикам и рабам придется узнать, сколь неустрашимы творцы свободы Франции, и мы перед лицом нации берем на себя торжественное обязательство отомстить за попрание закона или умереть. (*Аплодисменты.*)“

Франция хочет быть свободной и будет свободной; Революцию хотят повернуть вспять; она вспять не пойдет...“

И Демёнье, вспоминая все клятвы в верности конституции, данные королем, восклицает: „Если король не объявит, что его увезли мятежники, то он изобличит себя перед всем миром как клятвопреступник...“

Со всех концов страны поступают поздравительные и благодарственные послания; говорят, это — дело рук мятежников, да, конечно, 24 млн. мятежников... (*Громкие аплодисменты.*) Нас упрекают в том, что мы не предоставили королю возможности отказаться утвердить конституцию, но королевская власть установлена только для народа, и если великие нации вынуждены сохранять ее, то лишь потому, что в ней гарантия их счастья; Конституция оставляет королевской власти ее прерогативы и ее подлинный характер. Ваши представители совершили бы преступление, если бы принесли 24 млн. граждан в жертву интересам одного человека...

Столица может служить образцом для остальной Франции; отъезд короля не вызвал никаких волнений, и она сохраняет полное спокойствие, приводя тем самым наших врагов в отчаяние. (*Громкие аплодисменты.*)

Существуют такие посягательства в отношении великих наций, которые может заставить забыть только великодушие. Французский народ был горд, пребывая в рабстве; а будучи свободен, он проявит доблесть и героизм. Пусть враги Конституции знают это; чтобы вновь поработить территорию этой страны, пришлось бы уничтожить нацию. Если деспотизм хочет этого, он предпримет подобную попытку; он будет побежден или же, одержав столь чудовищную победу, он обретет одни только обломки“. (*Громкие аплодисменты.*)

Это уже почти тон „Марсельезы“. Но в то же время, проявляя крайнее политическое благоразумие, Собрание оставляло за собой возможность либо заявить, что короля принудили уехать, либо воззвать к великодушию нации, призывая ее простить это тяжкое преступление. Собрание напоминало о необходимости монархии для великого народа, говоря об этом даже в документе, обвинявшем королевскую власть в контрреволюции.

АРЕСТ КОРОЛЯ

Но во время этого же заседания 22 июня, через полчаса после того, как Демёнье огласил обращение, с улицы донеслись крики, возвестившие о прибытии курьера. Слышались неясные крики, отмечается в протоколе: „Король задержан! Король арестован!“ Депутаты поспешно возвращаются в зал, Собрание приходит в сильное возбуждение; два курьера входят под аплодисменты в зал и вручают председателю пакет. Король действительно задержан; пакет содержит письма муниципальных должностных лиц из Сент-Менеульда с сообщением, что короля при его проезде через этот город опознали и что Друэ поспешил в погоню за его каретой. „Теперь 3 часа утра, но они еще не возвращались“. Однако в письмах из Шалона и Клермона сообщалось, что король был задержан в Варенне.

Он тщетно пытался растрогать членов муниципалитета Варенна. Отрядам гусар, направленным Буйе в Варенн, было поручено отбить короля, но народ, собравшийся огромной толпой, заставил гусар отступить, и короля повезли обратно в Париж. Собрание немедленно распорядилось арестовать Буйе¹. По приказу Собрания короля должны были вернуть под конвоем национальной гвардии и принять все предосторожности для обеспечения его безопасности. Собрание послало навстречу королевской семье трех комиссаров — Петиона, Латур-Мобура и Барнава².

Узнав об аресте короля, умеренные члены Собрания обрадовались тому, что они не приняли никаких бесповоротных решений. Им более не приходилось опасаться контрреволюционного движения, организованного и возглавляемого королем при поддержке иностранных держав. Отныне они надеялись положить конец кризису мирным путем, без потрясений для конституции, без упразднения королевской власти и даже без замены этого короля другим.

Из крайне осторожной речи, произнесенной Барнавом на заседании от 21 июля, то есть под непосредственным впечатлением известия об отъезде короля, было уже ясно, что отныне Барнав склонился к такому решению. Быть может, как утверждали его противники, он был очарован красотой и растроган горем королевы во время поездки, когда он сопровождал ее. Но именно из политических соображений, именно для того, чтобы, как он имел обыкновение говорить, „закопчить Революцию“, он советовал всем своим друзьям считать короля не причастным ни к чему и вернуть ему его власть.

Впрочем, в своих мемуарах Барнав сам объяснил свое поведение и со своей точки зрения дал анализ состояния умов.

„Собрание не стало действовать опрометчиво, не стало прибегать к крайним мерам, которые свидетельствуют только о слабости, но предусмотрело все, и ни одна важная мера не была упущена, а когда через два дня после исчезновения короля пришла весть о том, что он задержан в Варенне, в ту же секунду все долгие усилия распространить клевету свелись на нет, и как быстро вновь обрели доверие те, в чьей искренности, преданности и нестигаемом мужестве никто не сомневался в глубине души. Быть может, именно в эти минуты легче всего было ощутить дух различных партий, на которые разделилась левая Собрания. В то время как некоторые предавались своим излюбленным химерам и обсуждали в тайных комитетах возможности воспользоваться этими событиями, чтобы добиться осуществления своих пагубных решений... все остальные, казалось, обращали свои взоры на людей, оказавшихся наиболее достойными их уважения; и эти люди, несколькими днями ранее бывшие мишенью для нападков различных групп, вдруг увидели, что они окружены почти всеобщим доверием и облечены властью, близкой к диктаторской.

Я был одним из трех комиссаров, назначенных сопровождать короля на его обратном пути в Париж; эти дни, навсегда запечатлевшиеся в моей памяти, дали много поводов для гнусной клеветы, но этот памятный пример злоключений, поразивший мое воображение, несомненно, помог мне легче перенести мои собственные невзгоды.

Чтобы судить о том, изменила ли эта пресловутая поездка как-нибудь мои личные намерения, достаточно рассмотреть мое поведение в предшествовавшее ей время и проверить, согласуется ли с ним все последующее.

И до и после поездки в Варенн я ни на секунду не допускал и мысли о том, что это неожиданное событие должно было нанести ущерб Конституции. Доказательства, вот они: 1. В самый день отъезда короля я предложил Обществу якобинцев обращение к обществам, включенным в его филиальную сеть (и добился его принятия), которое заканчивалось такими словами: „*Национальное собрание — вот наш вождь! Конституция — вот наш боевой клич!*“ 2. На следующий день Собрание постановило, что все военные обязаны присягнуть ему в верности. На объединенном заседании комитетов я участвовал в выработке текста присяги, которую они предложили Собранию. Формула гласила: „*Верность конституционному королю*“, так как, если бы нам пришлось вести войну, мы должны были бы вести ее против мятежника от имени всех национальных властей. Собрание изъяло эту часть формулы из текста присяги³. 3. В тех же комитетах я участвовал в составлении декрета, определявшего полномочия комиссаров, направляемых в Варенн, и особенно вменявшего им в обязанность следить за тем, чтобы проявлялось надлежащее уважение к королевскому достоинству⁴. 4. Когда мы догнали карету короля на дороге из Дормана в Эпернэ и, прежде чем сесть в нее, прочитали королю декрет Национального собрания, король ответил нам, что у него никогда не было намерения покинуть Францию. Я обернулся к г-ну Дюма⁵ и сказал ему: „Вот слова, которые спасут королевство“.

Однако Барнав не упоминает о том, что с момента возвращения короля в Париж он стал его советчиком и внушал ему и даже составлял для него хитроумные ответы комиссарам Собрания, которым было поручено его допросить. Народное возбуждение, как и волнения в клубах, было довольно сильным. Но умеренные в Собрании твердо решили не возбуждать обвинения против короля, дабы избежать неведомых последствий. 13 июля на повестке дня Собрания стоял доклад комитетов о событиях, связанных

1. „Moniteur“, t. VIII, p. 734, 22 juin 1791.

2. Там же.

3. „Moniteur“, t. VIII, p. 727, 22 juin.

4. „Moniteur“, t. VIII, p. 734.

5. Дюма — полковник штаба, был уполномочен Собранием сопровождать его трех комиссаров и „выполнять их приказы“.

с бегством короля и королевской семьи¹. Конституционный комитет заявил, что король — особа неприкосновенная; что конституцией не предусмотрено с достаточной точностью такое правонарушение, как бегство; что, кроме того, если бы королю было так легко предъявить обвинение, то стабильность, какую законодатели хотели придать королевской власти, сохранив ее, постоянно зависела бы от милости обвинителей; что министры всегда должны нести ответственность за поступки короля, и если король действовал без ведома своих министров, то именно его советников, вдохновителей этого незаконного акта, следует считать в силу необходимой фикции главными виновниками.

Поэтому комитеты пришли к заключению, что против Буйе должно быть возбуждено обвинение, а король остается непричастен к этому делу. Барнав не только вкратце изложил всю эту юридическую аргументацию, он сделал больше, воззвав в весьма пространной и искусной речи к врожденному консервативному инстинкту революционеров Собрания. По сути дела, он задал два вопроса: хотите ли вы заменить монархию республикой? Хотите ли вы вызвать новую революцию? „Все факты установлены совершенно правильно, но я беру их в целом и говорю: ныне всякие перемены пагубны; ныне всякое продолжение Революции губительно; вопрос, который я задаю здесь, определяется интересами нации. Собираемся ли мы кончать Революцию? Или начнем ее сначала? (*Продолжительные аплодисменты.*) Раз вы не доверяете Конституции, то где будет та точка, где вы остановитесь и особенно где останутся наши преемники?..

Нам причиняют великое зло, увековечивая это революционное движение, которое разрушило все то, что надо было разрушить, и привело нас к той точке, где нам следует остановиться... Подумайте, господа, подумайте о том, что произойдет после вас. Вы сделали все необходимое для свободы, для равенства; вы не пощадили никакой власти, покоящейся на произволе; от вас не ускользнула никакая узурпация собственности, ни самодовольные поползновения; вы сделали всех людей равными перед гражданским законом и перед законом политическим; вы отобрали и вы вернули государству все то, что у него было похищено. Из этого вытекает та великая истина, что если Революция совершит еще один шаг, то она не сможет совершить его безопасно; это значит, что еще один шаг по пути свободы означал бы низвержение королевской власти; это значит, что еще один шаг по пути равенства означал бы уничтожение собственности. (*Аплодисменты.*)“

Вопрос был поставлен широко. И с точки зрения буржуазной Революции Барнав был бы прав, если бы можно было предположить, что теперь король смирится с Революцией и не попытается переделать ее на свой лад. Это было главное. Казалось бы, именно на этом главном демократы крайне левой и должны были сосре-

доточить свои усилия. В итоге они могли бы сказать лишь одно: опыт показывает, что после стольких торжественно данных и потом нарушенных клятв Людовик XVI и Революция не могут более ужиться.

ЗАТРУДНЕНИЯ ЛЕВОЙ

Можно было предполагать, что ни сын, ни брат, ни двоюродный брат Людовика XVI не примут революционных принципов более искренно. Следовательно, существует лишь один выход: свергнуть не только монарха, но и монархию и установить подлинно национальное правительство. Ошибочно было опасаться волнений и смуты: глубокое спокойствие Парижа и всей страны в отсутствие короля и во время выполнения Собранием функций королевской власти показывает, что нация была подготовлена к прямому и полному осуществлению своей суверенной власти. Впрочем, волнения будут гораздо сильнее, если король, униженный арестом, возобновит свои козни против Революции. Тогда среди бурь и опасностей придется вносить в конституцию изменения, которые сегодня можно совершить в достаточно спокойной обстановке. Монархическому и консервативному тезису Барнава надо было противопоставить республиканский и демократический тезис. Крайне левая не решилась на это. Она ограничилась препирательствами по поводу неприкосновенности короля: „Если король изнасилует вашу жену или дочь, то вы тоже объявите его неприкосновенным?“ Правда, Петион закончил свою речь требованием, чтобы короля судило либо Национальное собрание, либо специально для этого созванный Конвент². Но его мысль была очень неясной.

Требуя возбуждения судебного преследования, Петион, казалось, предвидел и желал оправдания короля: „Если в конечном счете не будет вынесено никакого решения о наказании, то весьма важно объявить, что подобный приговор может быть вынесен, и закрепить этот принцип.“

Если нация в своем милосердии хочет набросить священный покров на проступок того, кого она избрала своим главой, то надо, чтобы этому милосердию дали волю и чтобы отпущение греха не казалось продиктованным силой закона“.

Не таким способом можно побудить великий народ выдвинуть обвинение против вековой королевской власти: надо действительно быть готовым идти до конца и поразить монархию. Петион в замешательстве сказал: „Ничто не заставляет нас прибегать к суровым мерам“ — и провозгласил систему (не излагая ее с три-

1. Доклад был представлен Мюге де Нанту (1760—1808), наместником в бальяже Грэ.
2. „Moniteur“, t. IX, p. 120, заседание 13 июля 1791 г.

буны), которая бы все примирила. Эта система, которую он объяснил письменно, состояла в том, чтобы „окружить главу исполнительной власти некоторым числом представителей народа, избираемых на известное время“. Это был как бы выделяемый Собранием исполнительный совет при короле. И по мысли Петиона, должен был также существовать назначаемый королем совет министров. Это было сложно и наивно. Это было сохранение королевской власти наряду с советом по ее опеке, который был бы либо смешон, либо полновластен. О, сколько усилий, сколько робких поисков, сколько пеловких и неуверенных промежуточных мер, чтобы перейти от монархической идеи к республиканской идее! Робеспьер в туманных выражениях противопоставлял неприкосновенность нации неприкосновенности короля, а его речи о республике были уклончивы¹: „Пусть, если угодно, меня обвинят в республиканизме; я заявляю, что мне внушает отвращение всякий образ правления, когда властвуют смутьяны. Свергнуть иго деспотизма недостаточно; Англия освободилась от ига одного из своих королей только для того, чтобы вновь подпасть под еще худшее иго небольшого числа своих сограждан. Признаюсь, я не вижу среди нас того могучего гения, который смог бы сыграть роль Кромвеля; не вижу также никого, кто был бы готов это терпеть; но я вижу коалиции, более активные и более сильные, чем то подобает свободному народу, но я вижу граждан, соединяющих в своих руках слишком разнообразные и слишком мощные средства, могущие влиять на общественное мнение“.

Вопрос был не в этом. Дело было не в том, чтобы знать, не окажется ли республика, которая заменит собой монархию, в той или иной мере под угрозой олигархии. Дело было в том, чтобы знать, решатся ли, возбудив дело против короля и его семьи, дойти до республики, которая всякому здравомыслящему человеку представлялась неизбежным следствием суда над Людовиком XVI и его осуждения².

Итак, Робеспьер высказывался уклончиво; он высказывался уклончиво и тогда, когда спрашивал: „По какому праву в декрете умалчивают о лицах, которые не пользуются неприкосновенностью? Я имею в виду, например, старшего из братьев короля“. Он не решился назвать королеву. Речь аббата Грегуара была более ясной³: „Недоверие служит свободному народу защитой: доверять не прикажешь. Так неужели вы когда-нибудь сможете вновь облечь доверием нацию Людовика XVI? Если он обещает быть верным Конституции, то кто решится поручиться за это? Я требую, чтобы возможно скорее были созваны избирательные коллегии и был избран Национальный конвент“. Революция вступит на этот путь год спустя, после 10 августа. Но даже аббат Грегуар не посмел заявить: „А если этот Конвент признает несовместимыми не только Людовика XVI и Революцию, но и Революцию и монархию, то мы готовы к республиканской свободе“. Он также не пос-

мел приподнять завесу над ближайшим будущим Франции. Какая слабость политических деятелей!

Старик Вадье, которому г-н Турнье посвятил проникновенное исследование, основанное на многочисленных документах, выступил против Людовика XVI крайне резко⁴. Бывший офицер, вышедший в отставку после сражения при Росбахе, бывший судебный чиновник, в недавнем прошлом судья президиального суда Памье, считал момент подходящим, чтобы выдвинуться посредством решительного маневра. 14 июля он произнес в Собрании речь, изболтававшую реминисценциями из Марата: „Декрет, который вам предстоит принять, решит судьбу страны, ее спасение или гибель. Совершенно тяжкое преступление: в нем виновны высокие лица! На вас обращены взоры всего мира, и грядущие поколения рассчитывают на вас. Вы можете в одно мгновение либо погубить, либо упрочить свое дело. По моему мнению, прежде чем решать вопрос о неприкосновенности, надо решить другой вопрос: может ли нарушивший клятву король, который покидает свой пост, который увозит с собой предполагаемого наследника короны, который бросается в объятия вероломного генерала, который хочет погубить свое отечество, который распространяет манифест, где он хулит Конституцию, повторяю, может ли такой человек именоваться королем французов? С тех пор как он отрекся от своей короны, он утратил право на неприкосновенность. (*Слабые аплодисменты части депутатов левой и на трибунах.*) Мог ли кто-нибудь из нас думать, что коронованный разбойник... (*Ропот среди большинства депутатов левой, несколько хлопков в зале и на трибунах. Некоторые депутаты правой быстро поднимаются с мест и грозят оратору.*) Мог ли кто-нибудь из нас предполагать, что коронованный разбойник может безнаказанно убивать, поджигать, призывать в страну вооруженных наемников? Подобные чудовищные поступки вскоре породили бы Неронов и Калигул! (*Отдельные аплодисменты.*)

Я спрашиваю тех, кто предлагает вновь возвести короля на трон: когда пойдет речь об исполнении ваших законов против

1. Робеспьер выступил по вопросу о неприкосновенности короля вечером 13 июля 1791 г. в Якобинском клубе и дважды 14 июля в Национальном собрании. („Discours“, t. VII, p. 551, 553, 571.)
2. Говоря о Кромвеле, Робеспьер имел в виду честолюбивые устремления Лафайета, которого некоторые члены Общества 1789 г. — Кондорсе, герцог дю Шатле, Дюпон де Немур, Рёдерер, Бриссо, Ларонфуко — одно время думали поставить во главе республики

в качестве ее президента (А. Матье).

3. „Moniteur“, t. IX, p. 134, заседание 15 июля 1791 г.

4. „Moniteur“, t. IX, p. 124, заседание 14 июля 1791 г. Вадье (1736—1828) — советник президиального суда (гражданского и уголовного суда первой инстанции) Памье, депутат третьего сословия от сеньшальства Памье. См. A. Tourgnier. Vadier, président du Comité de sûreté générale sous la Terreur. Paris, 1896.

изменников отечества, как вы будете требовать этого именем перебежчика, именем клятвопреступника? Как будете вы требовать этого именем человека, открыто их нарушившего? Никогда возродившаяся нация, никогда французы не смирятся с таким позором. Разве недостаточно было возместить хищения, в коих повинна была его слабость, спасти его правление от постыдного банкротства? Его лакеи, роскошь которых являет столь разительный контраст порядку, покоящемуся на равенстве, обвиняют нас в скарденности. (*Аплодисменты.*) Чтобы обеспечить его существование, недостаточно пота и крови многих миллионов людей. Не стану напоминать вам здесь об обстоятельствах его правления, о королевском заседании, о солдатах, которых послали, чтобы окружить место, где вы собрались, — словом, о войне и голоде, с помощью которых хотели одновременно опустошить страну.

Набросим на все эти несчастья покров. (*Волнение в разных частях зала.*) Меня обвиняют в том, что я говорю, как Марат. Я редко появляюсь на трибуне. (*Многочисленные возгласы справа: „Тем лучше, сударь! Тем лучше!“*) У меня нет иного красноречия, кроме идущего от сердца. Я выражаю мнение своих доверителей; я объявляю о нем, даже если моей жизни будет грозить опасность. Нация облекла вас своим доверием; вам известно ее желание; не входите в сделки или поскорее вновь верните избирательные коллегии к жизни, которой вы лишили их. Но не берите на себя отпущения грехов, которое может лишь омрачить вашу славу. (*Новые аплодисменты.*) В заключение предлагаю предать соучастников, виновников или пособников бегства короля Временному суду, заседающему в Орлеане, созвать избирателей для избрания ваших преемников и назначения Национального конвента для решения вопроса о низложении Людовика XVI, кое он заслужил“. (*Новые аплодисменты на скамьях левой и на трибунах.*)

Это уже язык и тон Конвента. Вадье посылает Марату текст своей речи с просьбой напечатать его. Кто не подумает, что человек, так резко отзывающийся о короле, подготовлен по меньшей мере к мысли о республике? Но вот через день, 16 июля, после одобрения декрета о неприкосновенности короля Вадье¹ заявляет с трибуны: „Вчера я совершенно свободно, как и надлежит представителю нации, развивал мнение, противоположное мнению комитетов. Однако я заявляю, что республиканский строй внушает мне отвращение; я нахожу его разрушительным и несовместимым с нашим политическим положением; но сегодня, когда закон принят, я заявляю, что, хотя и не разделял мнения об абсолютной неприкосновенности короля, я с таким же рвением, с каким отстаивал свое мнение до принятия декрета, буду добиваться выполнения (декрета, и, если для его защиты понадобится моя жизнь доброго гражданина, я от всего сердца принесу ее в жертву!“ (*Громкие аплодисменты.*)

Каков агнец! Возмущенный Марат обвинил его в получении золота от двора². В действительности же Вадье был просто человеком неустойчивых взглядов, а монархическое течение было еще очень сильным, и хитрый сутяга, после того как он привлек к себе внимание рекламным трюком, благоразумно отступил, чтобы выждать, как развернутся дальнейшие события. Впоследствии он хвастал своей речью против короля и остерегался упоминать о своем неодобрении республики: „Я с возмущением наблюдал, как в июле 1791 г. эти прожорливые вампиры предательски преклонялись перед коронованной куклой, когда ее привезли из Варенна; как они prostituteровали свои таланты, чтобы вернуть ее на трон, тогда как их долгом было послать ее на эшафот; но это чудовище им было нужно, чтобы утолить их ненасытную алчность. *Неподкупное меньшинство Учредительного собрания было озадачено зрелищем этой позорной коалиции; энергия, проявленная им вначале, уступила место своего рода оцепенению, явившемуся печальным результатом его одряхления.* Я один имел смелость мужественно выступить с предложением созвать Национальный конвент для суда над этим королем — клятвопреступником и беглецом... Я осмелился потребовать именем оскорбленной нации голову этого коронованного злодея. Итак, я один решился твердой рукой нанести удар по колоссу королевской власти, один осмелился заложить первый камень республиканского здания“.

Как следует расценивать подобные хвастливые речи, известно; но что верно и что следует запомнить — это указание на „оцепенение“, на слабость демократов крайне левой. Чем можно объяснить это? Несомненно, требуя возбуждения судебного преследования против короля, они чувствовали, как трудно будет добиться его осуждения. Фактически попытка короля ничем не кончилась: он мог утверждать, что и не собирался покидать страну; иностранные державы не двинули своих войск; об изменнических переговорах, которые король вел с европейскими государями, никто ничего не знал; поэтому сила национального чувства, которая 10 августа 1792 г. одержала победу над королевской властью, содействовавшей первым поражениям, была еще в конце 1791 г., среди полного мира, недостаточна, чтобы одолеть старые монархические инстинкты. Разве мог в этих условиях судебный процесс представлять опасность для короля, и не оказалось ли бы его единственным

1. „Moniteur“, t. IX, p. 146, заседание 16 июля 1791 г.

2. „L'Ami du peuple“, 19 juillet 1791. „Господин Вадье, на минуту увлеченный тщеславием, прислал мне через одного из моих прежних издателей свою речь [от 14 июля], чтобы я напечатал ее в своей газете. Я собирался ограничиться по-

хвалой энергии, проявленной им. Сегодня, когда он от нее отрекся, самым трусливым образом одобряя декрет о реабилитации, считаю своим долгом показать всю низость поведения депутата Памье, опубликовав целиком его резкую речь — разительный контраст, которому я дам объяснение...“

результатом пробуждение сочувствия к королю? Этот тайный страх, несомненно, парализовал демократов в Собрании.

Кроме того, идея республики была совершенно новой. Все хорошо понимали, что не могло быть и речи ни о такой республике, какая была в Древней Греции или в Риме, основанной на рабстве, ни об аристократической республике, подобной Женевской.

Нельзя было также ссылаться и на пример столь молодой страны, как Америка. Следовательно, надо было создавать республику, не имевшую примера в прошлом, и большинство революционеров уклонялись от этого сомнительного и неопределенного начинания. Вот почему Собрание своим голосованием признало Людовика XVI непричастным к делу и потихоньку готовилось вернуть ему власть при единственном условии, что он согласится принять в целом перестроенную конституцию.

Но, несмотря на все, потрясение было сильным. Можно сказать, что с этого дня король и королевская власть не должны были совершать никаких ошибок. Временное отстранение короля от власти по существу своему есть первый опыт республиканского правления. Выдвигается идея республики. Некоторые видные умы начинают ее ясно формулировать. И если народ еще не настроен явно республикански, то он, во всяком случае, готов следовать за развитием Революции вплоть до установления республики. У Бриссо к республиканским идеям примешивалось чересчур много интриг, чересчур много комбинаций с разными уловками¹. Это он внушил Петиону фантастическую идею исполнительного совета.

Самое примечательное, что с этого времени он старается подготовить общественное мнение к тому, чтобы оно не боялось иностранной интервенции. На заседании Якобинского клуба 10 июля² Бриссо сказал: «Комитеты утверждают, что против короля нельзя возбудить обвинение, что его нельзя судить, не рискуя подвергнуться мести иностранных держав. Национальному собранию рисуют чудовищную картину бедствий, на которые их лига, их вторжение обрекут Францию. Посредством этих воображаемых ужасов искренних, но робких и несведущих патриотов надеются склонить к постыдному и малодушному решению... Кто вы такие? Вы — свободный парод, а вам грозят нападением нескольких коронованных разбойников и своры рабов! Боялись ли когда-нибудь Афины и Спарта бесчисленных полчищ, ведомых персидскими деспотами? Говорил ли кто-нибудь Мильтиаду, Кимону, Аристиду: «Признайте царя, иначе погибнете»? Они ответили бы достойными греков словами: «Увидимся при Марафоне, у Саламина». И у французов тоже будет свой Марафон, свой Саламин, если найдутся державы, настолько безумные, чтобы напасть на них. Здесь, господа, даже численное превосходство на стороне свободы, и нам придется завидовать славе спартанцев, ведь горсть их героев боролась против несметных полчищ врагов. Наши Фермопилы будут всегда защищать многочисленные легионы.

Впрочем, — говорил он, — эти державы должны избегать войны, чтобы избежать соприкосновения своих народов с революционной Францией. Разве смогут иноземные короли, вооружаясь против нас, наводняя Францию своими войсками, уберечься от тлетворного духа свободы? *Смеют ли они надеяться, что их солдаты не станут слушать эти священные гимны*; что они не станут восхищаться Конституцией, которая открыла для всех доступ ко всем должностям, которая сделала всех людей равными? Не должны ли они опасаться, как бы их солдаты не последовали примеру немцев в Америке и не перешли под знамена свободы, не влились в наши семьи и не начали обрабатывать наши поля, которые станут их полями?

Они должны будут опасаться не только оставшихся с нами, но и тех, кто возвратится домой, утомленный бесцельной и бесплодной войной. Вернувшиеся, разумеется, будут сравнивать свою судьбу с судьбой французов, свое вечное рабство с их равенством. *Их сеньоры покажутся им более заносчивыми, их министры — большими притеснителями, их налоги — более обременительными*, и они восстанут. Американская революция породила Французскую революцию, которая станет тем священным очагом, откуда разнесутся искры и воспламят своим огнем те нации, властелины которых посмеют приблизиться к этому очагу!»

Итак, в деятельном уме Бриссо уже тогда сложилась вся будущая система Революции: стремление к республиканскому строю, воинственная Революция, пропагандистская война.

В эти жаркие и тревожные июльские дни в умах рождалось множество идей. Но они были чересчур смутны и противоречивы, чтобы оказать влияние на события.

Например, процесс, возбужденный против Людовика XVI, мог бы привести к вторжению в революционную Францию королей. Бриссо дерзко заявляет, что Франция готова отразить нападение всего мира. Но как обстояло бы тогда дело с самим процессом?

Тогда короля нельзя было бы оправдать без того, чтобы оправдание это не показалось уступкой, сделанной из страха перед вооруженной силой государей. Следовательно, надо было бы непременно осудить не только короля, но и монархию, ради прав

1. О позиции Бриссо после Варенна см. „Le Patriote français“ от 23, 26, 29 июня и от 1, 3, 5 и 6 июля 1791 г. В двух последних номерах имеется длинная статья под названием „Ma profession de foi sur le républicanisme et sur la monarchie“. Все эти статьи появились без подписи, но позднее Бриссо объявил себя их автором и объединил

их в брошюру под названием „Recueil de quelques écrits... relatifs à la discussion du parti à prendre pour le roi, et de la question sur le républicanisme et la monarchie...“, 1791.

2. Discours sur la question de savoir si le roi peut être jugé... prononcé... dans la séance du 10 juillet 1791...; „Société des Jacobins“, t. II, p. 608.

которой короли и императоры и взялись за оружие. Республиканский строй неизбежно вытекал из гипотезы Бриссо.

Однако этот неизбежно возникающий республиканский строй Бриссо сам старался замаскировать всякого рода сложными выдумками, например такими, как создание исполнительного совета. Внезапный отъезд короля и его попытка, полуневиная, поскольку она была вовремя остановлена, заставили демократов и республиканцев преждевременно раскрыть свои замыслы. Отсюда все недомолвки, вся слабость того, что можно было бы назвать демократической оппозицией июля 1791 г.

КОНДОРСЕ И РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕЯ

Кондорсе с большим спокойствием и благородством отстаивал республиканскую идею¹. Это был первый политико-философский манифест, решительно защищавший идею республики, которая рассматривалась не как отдаленная мечта, а как непосредственная необходимость. Чтобы приобрести решающее значение, доказательствам Кондорсе не хватало одного: он не предусмотрел опасности военной диктатуры, возникающей после великих войн и великих побед.

«Сторонники королевской власти нам говорят: король нужен для того, чтобы не было тирана; установленная и ограниченная законом власть значительно менее опасна, чем власть, узурпированная вождем, не ведающая иных пределов, кроме пределов его дерзости и его ловкости.

Но должны ли мы бояться власти узурпатора? Конечно, нет: достаточно было бы разделить страну на департаменты, чтобы сделать невозможными эти честолюбивые замыслы... [Речь идет, разумеется, о революционной административной организации, когда все департаментские и местные власти — выборные.] Разделение властей, основанное не только на этом, но и на различии функций, служит тому преградой... Наконец, дабы оградить нас от этой опасности, достаточно свободы печати, почти всеобщего распространения чтения, наличия множества печатных изданий. Каждому человеку, внимательно прочитавшему историю захвата власти Кромвелем, становится очевидным, что было бы достаточно одной-единственной газеты, чтобы остановить ход событий. Ясно, что если бы английский народ умел читать и другие книги, помимо Библии, то лицемер, с которого с первых его шагов была бы сорвана маска, вскоре стал бы безопасен.

Тираны народа могут действовать лишь под маской, и, если существует надежное средство сорвать ее, прежде чем они достигнут успеха, и заставить их действовать открыто, они уже не могут быть опасны».

Поразительная вера в силу свободы и просвещения!..

«Говорят, что король необходим, чтобы придавать силу исполнительной власти; но в свободной стране не существует иной реальной силы, кроме силы самой нации; установленные ею и для нее власти могут обладать только той силой, которая рождается доверием народа и его уважением к закону. *Когда царит равенство, не требуется большой силы, чтобы заставить отдельных людей повиноваться*, если все части страны заинтересованы в том, чтобы ни одна из них не уклонялась от исполнения законов, признанных остальными.

Продолжают говорить то же, что говорили в те времена, когда мощные союзы предоставляли своим членам отвратительную привилегию нарушать законы, что говорили в те времена, когда Бретани было безразлично, платит или нет налоги Пикардия. Тогда тем, кто стоял во главе исполнительной власти, несомненно, нужна была большая сила, тогда, как мы видели, было недостаточно даже силы вооруженного деспотизма. *Существовали злоупотребления, опасности, для борьбы с которыми было полезно наличие короля, а без этого разве вообще когда-нибудь были бы короли?* Не являются ли порочные человеческие установления лишь средством, неумело применяемым для устранения воображаемых или действительно существующих зол?.. Напротив, именно существование наследственного главы лишает исполнительную власть всей ее силы, возбуждая против нее недоверие друзей свободы, заставляя их чинить ей препятствия, мешающие и задерживающие ее действия. Сила, какую существование короля придало бы исполнительной власти, была бы, напротив, постыдной и вредной; ею могла бы стать только сила подкупа.

Прошли те времена, когда к средствам, обеспечивавшим законам их силу, осмеливались причислять нечестивое суеверие, превращавшее человека в некое божество. Разумеется, мы больше не думаем, что, для того чтобы управлять людьми, нужно поразить их воображение ребяческим великолепием и что народ будет готов презирать законы, если у их высшего исполнителя не будет главного хранителя гардероба».

Итак, Кондорсе с точки зрения высшей философии истории признает, что королевская власть была полезна. Но она перестала быть полезной с тех пор, как французское общество, ставшее благодаря Революции более однородным, благоприятствует самим своим единством деятельности исполнительной власти. И поскольку религиозный ореол, окружавший монархию, рассеялся при свете разума, со всей ясностью обнаруживается нынешняя бесполезность существования королей.

1. Выступление Кондорсе в пользу республики имело место в «Социальном кружке», перед «Федеративным собранием друзей истины»

8 июля 1791 г. (См.: «La Bouche de fer», 10 juillet 1791.) «Le Patriote français» от 17 июля сообщал об успехе речи Кондорсе.

Вот каковы его замечательные историко-философские воззрения: «Людей, вспоминающих исторические события, но не знающих истории, пугают волнения, несправедливости и продажность в некоторых древних республиках.

Но если они изучат историю этих республик, то всегда обнаружат в них властвующий народ и подчиненные ему народы; они увидят, какие разнообразные средства уже тогда пускались в ход, чтобы развратить этот народ, и как велика была заинтересованность в том, чтобы его совратить. Однако ни этой заинтересованности, ни этих средств не может быть, когда существует полное равенство не только между гражданами, но и между всеми жителями страны. Если население какого-нибудь города господствует над большой территорией, если население какой-нибудь провинции силой подчиняет себе соседние провинции, если, наконец, дворяне, рассеянные по всей стране, властвуют над остальным населением, то эта власть одних над другими представляет собой самую отвратительную тиранию; эта форма политического строя самая опасная как для народа повинующегося, так и для народа повелевающего. Но разве этого требуют истинные друзья свободы, те, кто хочет, чтобы лишь разум и право властвовали над людьми? За чей счет могли бы мы удовлетворить алчность своих властителей? Какую завоеванную провинцию разграбит французский генерал, чтобы купить наши голоса? Предложит ли нам какой-нибудь честолюбец, как то было в Афинах, обложить данью наших союзников, чтобы воздвигнуть храмы или устроить празднества? Обещает ли он нашим солдатам, как это было обещано гражданам Рима, отдать им на разграбление Испанию или Сирию? Конечно, нет, и именно потому, что мы не можем быть народом-повелителем, мы останемся свободным народом».

Это изумительное место нельзя читать без волнения, восхищения и боли. Если бы я мог позаимствовать язык искусства, которое тогда еще не было изобретено, я сказал бы, что в этих последних строках Кондорсе дает нам негативное изображение чудовищной наполеоновской тирании. Перед нами как бы предстает вся добыча из Сирии и Испании, оплатившая героическое рабство генералов Цезаря. В сущности, хотя Кондорсе и не предчувствовал — как это вскоре будет предвещать Робеспьер, — что из вооруженной борьбы Революции против королей родится военная диктатура, он нисколько не обманывался относительно того, что составляет жизненно важное условие республиканской свободы. Оно предполагает со стороны Франции политику постоянного и прочного мира.

По трагическому контрасту Кондорсе выдвигает свою великую концепцию свободы и мира именно в тот момент, когда Бриссо формулирует воинственную политику Революции. Каким образом Революция была увлечена на путь авантюр и опасностей, который перед ней открыла партия Бриссо? Была ли война необходима,

а если была, то почему? Мы тщательно рассмотрим этот злополучный вопрос там, где пойдет речь о том, как в апреле 1792 г. Революция впервые призывает Францию к войне.

Теперь же мы с радостью отмечаем высокий идеал республиканского мира, начертанный Кондорсе, противопоставляя его воинственной политике Бриссо, навязанной Революции силой событий и слабостью людей. Нас радует, что в первом великом и благородном проявлении республиканского духа, в первом философском и политическом документе, на который мы могли бы сослаться, мир был связан золотой цепью со свободой. Именно в этом наше истинное и благородное предназначение. В идеальном смысле, который не противоречит детерминизму исторических событий, чудовищная военная эпопея Наполеона представляет собой отклонение от революционного пути. Возвращаясь к политике мира, мы возвращаемся к тому, что сами считаем истиной; мы вновь находим свой светлый путь, намеченный в июле 1791 г. философом, в лице которого гений XVIII в. поднялся на высоту новых событий.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АГИТАЦИЯ

Пока Кондорсе развивал эти высокие идеи и тщетно старался подвести Учредительное собрание к республике, народ во многих местах пришел в волнение. В клубе Кордельеров и в Якобинском клубе раздавались возмущенные голоса, требовавшие суда над королем. Кордельеры, вдохновляемые Дантоном, пошли еще дальше. Они требовали, чтобы вообще было покончено со всеми королями¹. На заседании Якобинского клуба 22 июня, на следующий день после того, как стало известно о бегстве короля, Робер, друг Дантона, сообщил о мнении, только что выраженном кордельерами относительно республики: «В четыре часа я был в клубе Кордельеров, и меня вместе с двумя другими членами этого клуба направили в братское общество передать ему обращение, требующее уничтожения монархии»².

Со всех сторон раздались возгласы негодования, говорится в протоколе. Якобинцы не хотели выходить за рамки конституционной законности, и Бриссо, сначала провозгласивший республиканский лозунг, отступил и начал лавировать. Робеспьер, боясь сойти с почвы законности, которая одна казалась ему надежной, умело продолжал свою среднюю линию. Он не респуб-

1. «И вот мы теперь в таком же положении, в каком были после взятия Бастилии: свободны и без короля. Остается выяснить, стоит ли назначать другого», — говорится в обращении клуба Кордельеров, ад-

ресованном Национальному собранию (22 июня 1791 г.). См. приводимые обширные выдержки из этого обращения.

2. „Société des Jacobins“, t. II, p. 541.

ликанец и не монархист, он хочет конституции и свободы¹. Стремительное народное течение кордельеров как бы разбивается о скалу якобинской законности. Но начинают колебаться и сами якобинцы. Кордельеры, воодушевленные событиями, все чаще и чаще посещают Якобинский клуб; они посылают туда делегации, присутствуют на заседаниях. Таким образом происходило как бы смешение стихийного и революционного духа одних с легальным и революционным духом других.

К тому же рабочий люд, взволнованный величием драмы и таинственными обещаниями, которые крылись для него в неизвестности совершающихся событий, стекался в клубы, куда ранее устремлялась одна только буржуазия.

Барнав с настойчивостью и свойственной ему ясностью взглядов указывает на это внезапное проникновение пролетарских элементов в буржуазную Революцию.

«Парижу,— говорит он,— который с момента отъезда короля не переставал являть собой самое величественное зрелище, с приближением момента обсуждения вопроса о неприкосновенности короля стали угрожать волнения. Правда, почти все граждане проявляли полное спокойствие, но в Якобинском клубе, находящемся во власти различных групп, которые надеялись добиться торжества их мнения об осуждении Людовика XVI, царило сильное возбуждение. Удалось поднять значительное число рабочих, занятых в различных мастерских близ Парижа, людей, которые все были лишены собственности, большей частью неизвестного рода и племени и часто до настоящего времени считались политически отсталыми, однако проявляли большой интерес к наказанию тирана».

Нет надобности указывать на пренебрежительный, почти оскорбительный тон Барнава. Важно запомнить самый факт. Барнав добавляет:

«В то время как Париж рукоплескал этому декрету [о невинности короля], якобинцы возмущались им; они громко призывали к восстанию; они допустили в свою среду многих рабочих, которых они называли нацией и подстрекали к бунту».

Итак, в то время как Барнав и вожди умеренной буржуазии призывают «собственников и людей мыслящих» сохранить конституцию, несмотря на бегство короля, и упрочить монархию, демократическая буржуазия открывает доступ в свои ряды рабочим, чтобы начать борьбу против королевской власти. Пока в Собрании дебатировали, в клубе Кордельеров и в Якобинском клубе предлагались петиции, одни крайне резкие, другие более умеренные. С момента отъезда короля кордельеры шли прямо к республике. «В 1789 г. мы были рабами, в 1790 г. мы считали себя свободными, в конце 1791 г. мы стали свободными».

Законодатели, вы распределяли полномочия нации, которую вы представляете; вы облекли Людовика XVI непомерной властью

вы освятили тиранию, установив власть несменяемого, неприкосновенного и наследственного короля; вы освятили рабство французов, провозгласив Францию монархией.

Добрые граждане сокрушались, общественное мнение было крайне потрясено, но существовал закон, и мы повиновались ему; мы ждали нашего спасения от прогресса просвещения и философии.

Этот мнимый договор между нацией, которая отдает все, и одним человеком, который не дает ничего, по-видимому, должен был быть сохранен, и, пока Людовик XVI не стал неблагодарным изменником, мы могли лишь пенять на самих себя, что сами испортили дело своих рук.

Но времена изменились. Этого мнимого соглашения народа со своим королем более не существует. Отныне Людовик XVI для нас ничто, если он не превратится в нашего врага.

И вот мы теперь в таком же положении, в каком были при взятии Бастилии: свободные и без короля. Остается выяснить, стоит ли назначать другого.

Общество друзей прав человека полагает, что нация должна все делать сама или через своих выборных и сменяемых должностных лиц. Оно полагает, что ни один человек в государстве не должен обладать по справедливости такими богатствами, такими прерогативами, чтобы иметь возможность подкупать представителей политической администрации; оно полагает, что в государстве не должно быть ни одной должности, недоступной для всех граждан этого государства; оно, наконец, полагает, что чем значительнее должность, тем более кратковременным должен быть срок пребывания на ней.

Уверенное в справедливости и величии этих принципов, оно больше не может скрывать от себя, что королевская власть, тем более наследственная королевская власть, несовместима со свободой.

Таково его мнение: оно отвечает за него перед всеми французами. Оно предвидит, что такое предложение вызовет множество возражений, но разве сама Декларация прав не вызывала возражений? Как бы то ни было, это достаточно важный вопрос, чтобы он заслуживал углубленного обсуждения его законодателями. Они уже однажды упустили возможность совершить революцию, отнесясь снисходительно к призраку королевской власти [несомненно, после 14 июля], теперь этот призрак исчез; так будем же действовать без боязни и трепета и постараемся не допустить его возрождения.

1. О позиции Робеспьера в этих обстоятельствах см. его выступления во время непрерывных заседаний Национального собрания

с 21 по 26 июня 1791 г. и в Якобинском клубе вечером 21 июня. („Discours“, t. VII, p. 514, 517, 529.)

Общество прав человека и гражданина, быть может, не потребовало бы уже теперь упразднения королевской власти, если бы верный своим клятвам король смотрел на нее, как на свой долг, если бы у народов, всегда обманываемых этим пагубным для человеческого рода институтом, не открылись наконец глаза.

Но ныне, когда король, который волен был сохранить свою корону, добровольно отрекся от нее, ныне, когда общественное мнение заставляет прислушиваться к его голосу, ныне, когда заблуждения граждан рассеялись, мы считаем своим долгом служить выразителем их намерений и настоятельно требуем уничтожения этого бича свободы немедленно и навсегда.

Законодатели, вы получили хороший урок; знайте же, что, после того, что произошло, вам не удастся внушить народу ни малейшего доверия к чинovníку, именуемому королем. Поэтому во имя отечества мы заклинаем вас либо немедленно объявить, что Франция уже более не монархия, что она — Республика, либо по меньшей мере подождать, пока все департаменты, все первичные собрания не выскажут своих пожеланий по этому важному вопросу, прежде чем вторично надеть оковы монархизма на самую прекрасную страну в мире».

Ясно одно: это первый народный политический документ, провозглашавший идею республики, философское утверждение которой сформулировал Кондорсе.

На следующий день, 23 июня, Дантон своим громовым голосом объявил в Якобинском клубе, что король либо преступник, либо слабоумный; что «король, если он — слабоумный, не может больше быть королем, а посему нужен не регент, а совет по опеке.

Совет не может состоять из членов законодательного корпуса; надо, чтобы собрались все департаменты и чтобы каждый из них избрал выборщика; эти выборщики затем выберут 10 или 12 человек, которые и составят этот совет и будут сменяться каждые два года, так же как и члены Законодательного собрания»¹.

В действительности под видом смехотворного совета по опеке над слабоумным королем Дантон предлагал окончательную организацию республиканской исполнительной власти. Он уже тогда был носителем идей 10 августа, а его проницательная и смелая мысль шла дальше неопределенных и осторожных общих соображений Робеспьера.

В клубе Кордельеров и в Якобинском клубе зрела мысль о необходимости обратиться к самому Собранию с петицией, которая осуждала бы решение Собрания, если бы оно восстановило короля на троне. 15 июля Лакло предложил в Якобинском клубе довольно умеренный и соответствующий конституции текст петиции².

16 июля эта петиция была принесена на Марсово поле при соблудении всех законных форм, но почти не привлекла к себе интереса³. Народ ожидал более четкого и резкого заявления. Столк-

нувшись с этим зарождавшимся движением, Учредительное собрание проявило некоторую первозность.

Несмотря на все, оно чувствовало всю несуразность принятого им решения. Объявить Буйе главным виновником и не найти оснований для обвинения короля было выходом, несомненно смущавшим самих законодателей.

Поэтому, как всегда бывает с властями, недовольными своими собственными решениями, Собрание хотело заставить всех молчать и рассматривать протестующих как смутьянов. 16 июля оно вызвало на заседание муниципальных должностных лиц, общественных обвинителей и министров и отдало им распоряжение подавлять силой любые волнения⁴. В Собрание был специально вызван мэр Байи, и многие депутаты упрекали его в том, что накануне и сегодня утром муниципалитет на проявил твердости. Эти злополучные упреки, несомненно, сильно способствовали печальным событиям, разыгравшимся на следующий день.

1. "Société des Jacobins", t. II, p. 546.
2. "Société des Jacobins", t. III, p. 17.
3. См.: A. Mathiez. Le Club des

Cordeliers pendant la crise de Varennes. Paris, 1910.
4. "Moniteur", t. IX, p. 147

ИЗБИЕНИЕ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Кордельеры действительно постановили отправиться на Марсово поле с более решительной петицией. Якобинцы, клуб которых накануне вечером затопил поток манифестантов, явившихся из Пале-Рояля, разошлись, не приняв никакого решения; но довольно значительные толпы народа, возбуждение которого нарастало, двинулись на Марсово поле. В течение всей второй половины дня под петицией ставились новые подписи. Она гласила:

«На алтарь отечества, 17 июля III г. [Революции]

Представители нации.

Ваши труды близились к концу; вскоре ваши преемники, избранные все до одного народом, должны были бы пойти по вашим стопам, уже не встречая тех препятствий, которые чинили нам депутаты двух привилегированных сословий — эти неизбежные враги всех принципов святого равенства. Совершается великое преступление: Людовик XVI бежит, он постыдно покидает свой пост, страна оказывается на краю анархии. Граждане задерживают его в Варенне; его привозят обратно в Париж.

Население этой столицы настоятельно просит вас не решать участи виновного, пока вы не услышите пожеланий 83 других департаментов.

Вы медлите.

В Собрание поступает множество адресов; вся страна одновременно требует суда над Людовиком. А вы, господа, предрешили, что он невиновен и неприкосновенен, объявив своим вчерашним

декретом, что ему будет представлена Конституционная хартия, когда Конституция будет окончательно выработана.

Законодатели, не таково желание народа, и мы полагали, что ваша высшая слава, ваш долг состоит в том, чтобы быть органом выражения общественной воли.

Господа, вас, несомненно, склонило к принятию этого решения собрание тех депутатов-мятежников, которые заранее заявили протест против конституции любого рода; но, господа, представители великодушного и доверчивого народа, вспомните, что 230 протестовавших [депутатов правой, объявивших после ареста короля, что они больше не будут участвовать в прениях] не имеют более права голоса в Национальном собрании; что декрет, следовательно, не имеет силы ни по форме, ни по существу: он не имеет силы по существу, так как противоречит воле *суверена*; он не имеет силы по форме, так как принят голосами 290 лиц, не имеющих права участвовать в голосовании.

Эти соображения, имеющие в виду общее благо, настойчивое желание избежать анархии, к которой нас могло бы привести отсутствие согласия между представителями и представляемыми, — все это побуждает нас требовать у вас от имени всей Франции отменить этот декрет, принять во внимание, что преступление Людовика XVI доказано, *что король отрекся*, принять его отречение и созвать новое Учредительное собрание, дабы в истинно национальном духе приступить к суду над виновным, а главное — к замене прежней и организации новой исполнительной власти»¹.

Впервые после октябрьских дней 1789 г. наиболее пылко настроенная часть народа восстает против решения Собрания. В октябре, в тот момент, когда боялись, что Собрание предоставит королю право абсолютного вето, демократы тоже говорили, что решение Собрания не будет иметь силы, так как представители дворянства и духовенства, составлявшие половину членов Собрания, не имели права решать от имени нации. На этот раз юристы демократии оспаривали законность решения потому, что депутаты правой, после того как они объявили, что не будут более голосовать, тем не менее приняли участие в голосовании по вопросу о неприкосновенности короля.

Пока петиция покрывалась подписями, впрочем без выкриков и беспорядка, собравшийся в ратуше муниципалитет был в крайнем смятении. Утром под „алтарем отечества“ нашли двух мужчин.

1. Оригинал петиции от 17 июля 1791 г. сохранился благодаря смелости граждан, собиравших его листы под огнем национальной гвардии. Бюше и Мишле видели его в архиве департамента Сена; он погиб при пожаре 1871 г. См.:

Buchez et Roux. Op. cit., t. XI, p. 114; Michelet. Histoire de la Révolution française, t. I, p. 702. [„Эта прославленная петиция (вот она здесь, у меня перед глазами)... Она вся живет, вся горит“.]

Вероятно, им пришла в голову веселая мысль спрятаться там в надежде, что по ступеням алтаря будут подниматься женщины. Обнаруженные там, они были растерзаны народом, заподозрившим их в намерении взорвать „алтарь отечества“. Известие об этом убийстве, искаженное и раздутое, дошло до мэрии. Льется кровь! Мятежники овладели Гро-Кайу! Муниципалитет объявил военное положение. В окнах ратуши было вывешено красное знамя, знамя буржуазных репрессий. Мэр и Лафайет во главе батальонов национальной гвардии двинулись к Марсову полю. Они прибыли туда поздно, около 19 часов 30 минут или 19 часов 45 минут, когда уже вечерело. Там собралась большая толпа народа, но она была спокойна. Прибытие национальной гвардии привело народ в возбуждение и негодование. Раздались враждебные возгласы. *Долой красное знамя! Долой штыки!* Было брошено несколько камней. По свидетельству Байи, раздался выстрел из пистолета; пуля, слегка задев мэра, попала драгуну в бедро. Испуганные или обозленные национальные гвардейцы сразу открыли огонь, не дожидаясь трех предупреждений, предусмотренных законом.

Байи уверяет, что в первый раз национальные гвардейцы выстрелили в воздух и никто не был ранен. Странно, что у людей, у которых хватило хладнокровия, чтобы выстрелить в воздух, не хватило его для того, чтобы подождать, пока будут сделаны предусмотренные законом предупреждения. Народ, возмущенный этим залпом, снова стал швырять камни, и национальная гвардия открыла огонь. По словам демократов, несколько сот мужчин и женщин были убиты на месте, которое Марат потом назвал „адской бездной Марсова поля“. Байи в своем докладе Учредительному собранию от 18 июля сообщил, что было убито 11 или 12 человек и около 10 человек ранено¹. Во всяком случае, произошло большое кровопролитие. В сущности, это не была социальная битва буржуазии с пролетариями, так как петицию составила группа буржуа и в ней не ставился вопрос о собственности. Но не подлежит сомнению, что имущая буржуазия находилась на стороне Национального собрания и что рабочий народ сочувствовал петиционерам. Итак, этот печальный день положил начало классовой борьбе, хотя кровь буржуазии пролилась за республику вместе с кровью рабочих.

Изумление всей Франции и Парижа было очень велико, и велико было их горе. Но было бы неверно полагать, что всеобщее негодование было направлено против муниципалитета и против Собрания. Наоборот, негодование общественного мнения революционной Франции навлекли на себя в тот момент петиционеры. Собрание еще имело тогда огромный моральный авторитет даже у народа. Сила, какую оно проявило в дни, последовавшие за бегством короля, выполняемая им роль суверена — все это увеличило его популярность. Оно казалось необходимой властью вплоть до того дня, когда нация изберет новое Собрание. И бороться против декре-

тов, уже принятых им, казалось весьма неосторожным делом. Какая гарантия оставалась бы у нации, если сами революционеры нападали на конституцию? Разве не должны они были ее уважать, даже ее недостатки, чтобы иметь право заставить уважать ее дворян, неприсягнувших священников, двор, эмигрантов, тиранов? Поэтому даже демократы отrekliсь, и притом довольно жалким образом, от смелого республиканского авангарда, который составляли кордельеры.

18 июля на заседании Собрания, куда явился сам Байи, чтобы рассказать о вчерашней драме и возложить всю ответственность на народ, не раздалось ни одного голоса протеста. Ни Приёр, ни Петитон, ни Робеспьер — никто не протестовал. Более того, председательствовавший Шарль де Ламет от имени Собрания поздравил муниципалитет и национальную гвардию²:

„Национальное собрание с огорчением узнало, что враги счастья и свободы французов, воспользовавшись, как маской, языком патриотизма, ввели некоторых людей в заблуждение, превратили их в мятежников и нарушителей закона и заставили вас прибегнуть к суровым мерам вместо средства убеждения, коим вы столь успешно пользовались до сего времени.

Национальное собрание одобряет ваши действия и все принятые вами меры. Оно с удовлетворением видит, что парижская национальная гвардия, солдаты свободы и закона, даже граждане, которым их занятия не позволяют постоянно пользоваться оружием и намерения которых пытались очернить, явили в данных обстоятельствах убедительные доказательства своей преданности Конституции и закону и по-прежнему оправдывают высокое уважение и благодарность нации своим усердием, своей умеренностью и верностью“. (*Громкие аплодисменты*).

Даже Робеспьер не осмелился выступить с оговоркой, тот самый Робеспьер, который впоследствии будет с таким негодованием говорить о крови, обогрившей руки Лафайета. Якобинцы, всегда считавшие для себя непреложным правилом никогда не подвергать обсуждению декреты Собрания, не могли простить себе неопределенную и довольно жалкую позицию, занятую ими в последние дни. Они позволили кордельерам проникнуть в их среду и обойти их. И у них не хватило мужества ни вовремя отречься от них, ни последовать за ними. Теперь умеренные элементы сплошь покидали их, чтобы основать клуб модерантизма — клуб фейянов. Провинциальные общества, включенные в филиальную сеть Якобинского клуба, испугавшись, грозили, что они покинут материнское общество. Якобинский клуб рассылал весьма смиренные циркуляры, в которых уверял, что он не имел никакого

1. „Moniteur“, t. IX, p. 163.

2. „Moniteur“, t. IX, p. 164. Собрание единогласно постановило напе-

чатать и распространять в виде афиш речь своего председателя. („Moniteur“, t. IX, p. 167.)

отношения к петиции, подписанной на Марсовом поле. Нет, поистине час республики еще не пробил, раз под угрозой умеренной революционной буржуазии буржуа-демократы так склоняли голову. Своим гробовым молчанием они позволяли прославлять от их имени избиение на Марсовом поле.

На том же заседании 18 июля, сразу после доклада Байи, Собрание приняло новый репрессивный закон, словно военного положения, введенного накануне, было недостаточно¹.

„Национальное собрание, заслушав Конституционный комитет и Комитет по уголовной юриспруденции, декретирует следующее:

Статья 1. Все лица, определенно подстрекающие к убийству, грабежу, поджогу или к неповиновению закону либо посредством плакатов или афиш, либо посредством опубликованных или распространяемых письменных сочинений, либо посредством речей в общественных местах или публичных собраниях, будут считаться мятежниками или нарушителями общественного спокойствия, вследствие чего полиция будет вправе сразу задерживать их и передавать судебным властям для суда согласно закону.

Статья 2. Каждый, кто при скоплении народа или бунте станет громко подстрекал к убийству, будет осужден на 3 года каторжных работ, если убийства не произойдет, или как соучастник убийства, если оно совершится. Всем присутствующим при этом гражданам вменяется в обязанность содействовать задержанию виновного.

Статья 3. Все выкрики против национальной гвардии, имеющие целью заставить ее сложить оружие или не пускать его в ход, рассматриваются как мятежные, и виновники их будут караться тюремным заключением сроком до двух лет.

Настоящий декрет будет напечатан и разослан во все департаменты“.

На трибуну поднялся Петион; но его появление вызвало в зале сильное возбуждение, словно он нес ответственность за пролитую накануне кровь². „Голосовать!“ — кричало Собрание. Тем, кто видел подобные бурные сцены, известно, что оратор должен обладать большим мужеством, чтобы высказать свою мысль, несмотря на поднявшуюся бурю. Петион сказал: „Момент, когда я выступаю, мало благоприятен для того мнения, которое я собираюсь отстаивать. Тем не менее я буду отстаивать его с величайшей внутренней убежденностью. Я заявляю, что первая статья проекта комитетов в той части, которую я сейчас изложу Собранию, пагубна для свободы печати“. (*Иронический смех.*) *Возгласы слева:* „Да! Пагубна для Марата, Бриссо, Лакло, Дантона!“

Петион продолжает: „В этой статье есть выражения, посредством которых можно было бы выносить весьма произвольные судебные решения. (*Аплодисменты на скамьях крайне левой.*) *Не сомневаюсь, что вы не подумали, будто я намерен выступить*

против всей статьи в целом; во всяком случае, думать так не следовало. (Ропот.)“

Итак, Петион с первых же слов уклонился от боя. Он ограничился требованием, чтобы слово „определенно“ было прибавлено к слову „подстрекающие“. Докладчик согласился, и с этим добавлением Петион голосовал за новый закон. Поток буржуазной реакции все увлекал на своем пути.

Робеспьер, которому угрожала опасность, нашел пристанище у столяра Дюпле на улице Сент-Опоре. Демулен скрывался. Дантон провел несколько недель в Англии. Это был период, который Робине называет „конституционным террором“, а Олар — „малым буржуазным террором“³.

ПЕРЕСМОТР КОНСТИТУЦИИ

Завершая пересмотр конституции в консервативном духе, Собрание приняло закон, карающий за „клевету“ в печати на государственных должностных лиц⁴. Оно пересмотрело в пользу собственников закон об избирательном цензе. Закон о праве быть избранным, требовавший, чтобы депутат платил налог в размере 40 марок серебра, стеснял буржуазию. Он закрывал доступ к общественным должностям некоторой части образованной, но небогатой буржуазии и притом служил слабой гарантией для консервативных принципов. Конституционный комитет потребовал отмены декрета о марке серебра; были уничтожены все ценовые ограничения для избираемых. Но одновременно комитет значительно повысил избирательный ценз: по новому проекту выборщики, то есть лица, выбранные первичными собраниями для избрания депутатов, должны были платить налог в размере не десятидневного, а сорокадневного заработка. Деревенские депутаты, в частности Доши, отмечали, что при таких условиях в деревне почти не будет выборщиков⁵. Собрание изменило систему и наконец постановило, что для участия в собраниях выборщиков надо „быть владельцем имущества или пользоваться имуществом, приносящим доход, равный, согласно податным спискам, в городах с населением более 6 тыс. человек двухсотдневной местной заработной плате, а в городах с населением менее 6 тыс. человек и в деревне — стоятидесятидневной заработной плате; или надо быть съемщиком жилища, оцениваемого, согласно тем же спискам,

1. „Moniteur“, t. IX, p. 167.

2. „Moniteur“, t. IX, p. 167.

3. Его называли также „трехцветным террором“. (G. L e f e b v r e. La Révolution française, éd. de 1963, p. 231.)

4. „Moniteur“, t. IX, p. 467, заседание 23 августа 1791 г.

5. „Moniteur“, t. IX, p. 380, заседание 12 августа 1791 г.

как приносящее доход, равный стопятидесятидневной или стодневной заработной плате, в зависимости от численности населения города; либо, наконец, надо быть исполщиком или арендатором имущества, оцениваемого как приносящее доход, равный четырехсотдневной заработной плате¹. Это было значительное ограничение числа тех, кто мог стать выборщиком. Первичные собрания, как и прежде, должны были состоять из граждан, плативших налог в размере трехдневной заработной платы, но они могли избирать выборщиков второй ступени из довольно ограниченной группы лиц. Учредительное собрание отдалялось от демократии; оно приближалось к политике средних классов.

Эта избирательная система не могла найти применения при выборах 1791 г., для которых списки избирателей были уже составлены на основе конституционных принципов, установленных в 1789 г.; фактически же она так никогда и не была проведена в жизнь. Но она ярко характеризует тот „буржуазный“ дух, который все более и более усиливался в Учредительном собрании. При обсуждении всех этих вопросов теоретиком *средних классов* выступил Барнав. Длинная речь, произнесенная им 11 августа 1791 г., поистине представляет собой манифест буржуазии, поборницы цензовой системы, первую попытку доктринерства в духе Гизо¹. В те дни плодотворного мышления возникли почти все концепции, которые затем в течение целого века лежали в основе борьбы партий и классов. Демократическим и республиканским манифестам Кондорсе и кордельеров противопоставлялись буржуазные и доктринерские положения Барнава. Он начал формулировать теорию, которую позднее будет развивать Руайе-Коллар: „Голосование — это не право, это функция“.

„Быть избирателем, — говорит Барнав, — это лишь общественная функция, на которую никто не имеет права и которой общество распоряжается так, как того требуют его интересы... Функция выборщика — это не право; опять-таки каждый выполняет ее в интересах всех; активные граждане избирают выборщиков в интересах всех; выборщики существуют в интересах всего общества; и всему обществу надлежит определить условия, при которых можно стать выборщиком. И те, кто совершенно не понимает природы представительного образа правления и его преимуществ, беспрестанно указывают нам на образ правления в Афинах и Спарте. Не говоря уже о различиях в численности населения и в территории, неужели они забыли, что в этих маленьких республиках не существовало чистой демократии, что в Риме во времена упадка его свободы демократия осуществлялась благодаря более почетному институту, чем тот, какой можно поставить в упрек представительному образу правления? Неужели они забыли, что лакедемоняне имели право голосовать в общественных собраниях только потому, что у них были илоты, и что, только пожертвовав не политическими, а личными правами большей части населения страны,

лакедемоняне и римляне установили чистую демократию, а не представительное правление, еще неизвестное в те времена?

Я спрашиваю тех, кто хочет сравнивать этот образ правления с нашим, согласны ли они купить свободу такой ценой?“ (*Аплодисменты*.)

Странное и ребяческое рассуждение! Как будто необходимо было восстановить рабство, чтобы дать всем гражданам новой Франции право состоять в числе выборщиков!

Ровно через год после этой речи Барнава, на следующий день после событий 10 августа 1792 г., Законодательное собрание под давлением народа установило всеобщее двухстепенное избирательное право. Достаточно было одного движения народа, чтобы опрокинуть хитроумные исторические построения Барнава, так же как в феврале 1848 г. достаточно было одного движения народа, чтобы опрокинуть хитроумные исторические построения Гизо.

Барнав продолжал: „Три средства обеспечить свободу, три гарантии [просвещение, интерес к общественным делам, независимое имущественное положение], которые думают дать избирательные собрания нации и составляющим ее избирателям, — я не ищу их у высшего класса, ибо в этом классе, при независимом имущественном положении, несомненно, слишком легко обнаружить личные мотивы, частные честолюбивые устремления, чуждые общественным интересам, и возможности подкупа, которые, не будучи порожденными нуждой, часто еще опаснее для свободы.“

Но если верно, что упомянутые три гарантии, как правило, не присущи высшим классам, то верно и то, что ими не обладает и класс граждан, которые, не имея никакого имущества, вынуждены постоянно и непрерывно трудиться для удовлетворения своих потребностей, не могут приобрести никаких познаний, необходимы, чтобы сделать выбор, и недостаточно сильно заинтересованы в сохранении существующего общественного порядка. Наконец, постоянно испытывая нужду, они в любой день могут прийти из-за отсутствия работы до последней крайности, таким образом богачам было бы очень легко их подкупить и получить перевес на выборах. Поэтому выборщиков следует искать среди среднего класса. И я спрашиваю всех, кто меня слушает, достаточно ли платить налог в размере десятидневной заработной платы, чтобы принадлежать к этому среднему классу, и может ли такой ценз обеспечить обществу определенную степень безопасности“.

Полностью раскрывая свою мысль, Барнав заявляет, что пролетариев как раз он не боится. Они тогда были еще чересчур слабы, мало сознавали свои классовые интересы, чтобы внушать непосредственно страх имущей буржуазии.

Внушают же страх Барнаву, если можно так выразиться, новые буржуазные слои, та небогатая, жадная и честолюбивая

1. „Moniteur“, t. IX, p. 376.

буржуазия, которая, стремясь создать себе положение, будет продолжать Революцию и возбуждать народные элементы, которые без нее оставались бы пассивными.

Барнавом движет ненависть к Бриссо и его последователям, страх перед сочинителями памфлетов. Послушайте только, какое ожесточение сквозит в его речи! „Однако в избирательные собрания пробираются люди, не обладающие теми качествами, которые хотели бы потребовать от них ваши комитеты, и отнюдь не принадлежащие к тому классу настоящих ремесленников и земледельцев, которых я увидел бы в избирательных собраниях с таким же удовольствием, как и всякий другой. Функции выборщиков, которых избрали, хотя они и не платят налога в размере тридцати или сорокадневного заработка, будут выполнять не скромные рабочие, не земледельцы, не честные ремесленники, постоянно поглощенные своим трудом, необходимым для удовлетворения их насущных потребностей; то будут делать люди, вдохновляемые, толкаемые жадной к интриге, люди, которые принесут в первичные собрания дух беспокойства и жажду перемен, сжигающие их; то будут люди, которые именно потому, что у них ничего нет и они не умеют обрести в честном труде отсутствующие у них средства к существованию, будут стремиться создать новый порядок вещей, при котором интрига заняла бы место честности, легкомыслие — место здравомыслия, частные и всегда деятельные интересы — место общих и устойчивых интересов общества. (*Громкие аплодисменты.*)

Если бы я хотел подкрепить примерами выдвинутое мною положение, мне не пришлось бы за ними далеко ходить, я спросил бы тех членов настоящего Собрания, которые поддерживали противоположное мнение: известные вам члены собраний выборщиков, находящиеся совсем рядом с нами, те, кто не платит налога, равного тридцатидневному или сорокадневному заработку, кто они? Рабочие? Нет. Они земледельцы? Нет. Они сочинители памфлетов? Они журналисты? Да! (*Громкие аплодисменты.*)

С того момента, как определен образ правления, с того момента, как установленной Конституцией определены и гарантируются права каждого (надеюсь, что этот момент скоро наступит), интересы людей, живущих на доходы от своего имущества, и людей, живущих честным трудом, будут одни и те же. *Тогда в обществе останутся лишь противоположные интересы двоякого рода: интересы тех, кто хочет сохранить существующий порядок вещей, ибо они видят благоденствие в собственности, существование — в труде, и интересы тех, кто хочет изменить существующий порядок вещей, потому что для них нет иных средств, кроме тех, которые таятся для них в революционной альтернативе, потому что это такие существа, которые растут и крепнут среди смут, как насекомые — среди гнили!* (*Громкие аплодисменты.*)

Эта искусная и резкая речь потворствовала консервативным стремлениям революционной буржуазии. Она вызвала громкое одобрение, но какой софизм! Неужели, если в тот момент ремесленники, рабочие, земледельцы не избирали из своей среды выборщиков, то им надо было закрыть навсегда доступ в избирательные собрания? И что означают это пренебрежительное отношение, эти оскорбления по адресу небогатой буржуазии, несомненно, честолюбивой, которая всколыхнула более глубокие демократические слои? Неужели Барнав забыл, что три года назад ремесленники, земледельцы не сами составляли свои наказы, а заимствовали перо и даже пыл у сельской мелкой буржуазии?

К гневу Барнава примешивается беспокойство. Умеренная революционная буржуазия знает, что, несмотря на все, ее творение непрочное, что придуманная ею хитроумная комбинация властей тайне подрывается, с одной стороны, злой волей короля, с другой стороны, демократическим движением; поэтому она проявляет крайнюю нервозность.

Барнав выразил эти настроения большинства левой в страстной речи. 13 августа депутат Гийом сказал, что в пересмотренной конституции имеются пробелы, на что Барнав ответил резким выступлением в защиту комитетов¹: „Действительно, другой класс ополчился против нашего труда, но что это за класс?

Я делю его на две весьма различные категории; к одной принадлежат люди, в глубине души отдающие предпочтение иному образу правления — республиканскому правлению, что они более или менее скрывают в своих высказываниях; но они, даже отказываясь от такого образа правления, постоянно, в каждом отдельном случае, возвращаются к его принципам и стараются лишить нашу монархическую Конституцию всего того, что могло бы отдалить те результаты, каких они желают.

Что касается этих людей, то я заявляю, что несколько не обвиняю их; всякий, у кого есть искренняя идея, честные политические взгляды, на которые я считаю большинство из них вполне способными, имеет право их высказывать. У каждого свой взгляд; законом служит мнение большинства. Но против нашего труда ополчились люди, принадлежащие к другой категории; они проявили свою оппозиционность не вследствие своих политических убеждений, не потому, что предпочитают республику монархии, демократию — автократии, а потому, что они вообще не хотят никакого правительства; потому, что им ненавистно и претит все то, что укрепляет политическую организацию, то, что является общественным порядком, то, что дает каждому, что ему подobaет, все то, что отводит надлежащее место честному, порядоч-

1. „Moniteur“, t. IX, p. 395. Гийом (1750—1794) — адвокат в парламенте депутат от третьего сословия

Парижского прелатства и виконтства.

ному человеку и человеку нечестному, гнусному клеветнику". (*Долго не смолкающие аплодисменты большинства левой.*)

Крайне левая, еще ослабленная и потрясенная событиями 17 июля, дала отшуметь грозе. Робеспьер ограничивался выступлениями, касавшимися частных дел. Но постепенно, с помощью Петиона, он укреплял Якобинский клуб, удерживал общества, связанные с ним узами аффилиации, и ждал только удобного случая, чтобы нанести своим противникам сокрушительный удар, обвинив их в том, что они играют на руку двору, и дав понять, что они пересмотрели конституцию в угоду двору. Взрыв произошел во время заседания 1 сентября¹.

Вотирование конституционных законов было закончено. Надо было представить всю конституцию в целом на утверждение королю. Многие депутаты выражали надежду на то, что король действительно примет ее. Робеспьер с сарказмом воскликнул, что поистине было бы странно, если бы король не одобрил конституции, в которую в угоду ему было внесено столько изменений. „Пусть по меньшей мере, — прибавил он, — нам обеспечат владение осколками, которые нам остались от наших первых декретов“.

И он повысил голос до революционной угрозы: „Если все еще можно нападать на нашу Конституцию после того, как она была дважды принята, то что остается нам делать? Либо вновь наложить на себя оковы, либо взяться за оружие“. Такого рода призыв к восстанию свидетельствует о том, что Робеспьер опять уверовал в его силу и что период „буржуазного террора“, или, вернее, террора фейянов, прошел.

Собрание охватило негодование, словно Робеспьер опять звал народ на Марсово поле, и притом для более решительных действий. Теоретик и друг Барнава, Дюпор, до такой степени дал волю своему гневу, что, как передавали, стал угрожать Робеспьеру. Или, во всяком случае, Робеспьер истолковал его жест как оскорбление²:

“Г-н председатель! Я прошу Вас сказать г-ну Дюпору, чтобы он не оскорблял меня, если он хочет оставаться здесь, рядом со мной“. При поддержке крайне левой, очнувшейся от своего испуга и от своей немоты, и трибун Робеспьер, намекая на недавно появившуюся брошюру Дюпора, обрушил на своего противника страшные обвинения³: „Я не допускаю, чтобы в этом Собрании был человек, настолько подлый, чтобы вступить в сговор с двором относительно какой-нибудь статьи нашего Конституционного кодекса; настолько коварный, чтобы подстрекать двор к новым предложениям изменений, которые стыдливость не позволила бы ему предложить самому; настолько враждебный отечеству, чтобы стараться дискредитировать Конституцию, так как она поставила бы некоторые границы его честолюбию или его алчности; настолько неосторожный, чтобы признаться перед лицом всей нации в том, что в Революции он искал лишь средства выдвинуться и возвы-

ситься; ибо я рассматриваю определенные писания и речи, которые можно было бы истолковать в таком смысле, только как мимолетную вспышку раздражения, уже искупленную раскаянием“.

На этот раз Дюпор и Барнав хранили молчание. Мирабо не остался бы безучастен и безмолвен под градом таких оскорблений и столь опасных обвинений. Неужели Барнаву недоставало энергии? Или он и в самом деле был как бы парализован своими тайными связями с двором? Чувствовал ли он сам опасность, которую разоблачал в своей речи Робеспьер?

3 сентября конституция была представлена королю депутацией в составе 60 членов Собрания; король одобрил ее 13 сентября и на следующий день, 14 сентября, еще раз присягнул в верности нации и закону⁴. В Париже состоялись празднества. В то же время тайная переписка королевской семьи с Ферзеном и с иностранными дворами продолжалась.

ПИЛЬНИЦКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Иностранные дворы, испуганные варенскими событиями и начинавшие опасаться революционной пропаганды, заключали между собой какие-то таинственные соглашения и тем самым вступали на путь войны. 27 августа в Пильнице австрийский император и прусский король подписали пресловутую декларацию, представлявшую собой первый официальный акт контрреволюционной коалиции⁵: „Его Величество Император и Его Величество король Пруссии, вняв желаниям и представлениям старшего из братьев французского короля и графа д'Артуа, совместно заявляют, что они рассматривают положение, в каком находится в настоящий момент французский король, как представляющее общий интерес для всех государей Европы. Они надеются, что этот интерес не может быть не признан державами, к которым они обращаются за помощью, и что, следовательно, они не откажутся совместно с Их Величествами посылить употребить самые действенные средства, дабы предоставить французскому королю возможность укрепить в условиях полнейшей свободы основы монархического правления, равно отвечающего как правам монарха, так и благополучию французской нации. В этом случае Их Величества, Император и король Прусский, решили действовать немедленно с взаимного согласия, располагая необходимыми силами для достижения поставленной ими сообща цели.“

1. M. Robespierre. Discours, t. VII, p. 694. Речь от 1 сентября 1791 г. „О представлении Конституции королю“.
2. „Moniteur“, t. IX, p. 565.
3. См.: G. Michon. Essai sur

l'histoire du parti feuillant. Adrien Duport. Deuxième partie, chap. XIII.

4. „Moniteur“, t. IX, p. 654, 663.
5. „Moniteur“, t. IX, p. 693.

В ожидании этого они отдадут своим войскам надлежащие приказы, чтобы те пребывали в состоянии готовности начать военные действия.

Пильниц, 27 августа 1791 г.

Подписали: Леопольд, Фридрих Вильгельм⁴.

Это не означало немедленной интервенции. По-видимому, государи колебались, раз они ставили начало военных действий в зависимость от согласия еще нескольких держав. Но как ни неопределенно еще было это обязательство государей, принцы, возглавлявшие эмиграцию, поторопились сообщить о нем всему миру. И с неслыханной неосторожностью и легкомыслием граф Прованский и граф д'Артуа обратились к Людовику XVI с открытым письмом, которое могло восстановить против него всю Францию:

„Государь, господин наш и брат! Ввиду того что Собрание, обязанное Вам своим существованием, поступает столь недостойно, держа Вас в плену в Вашей столице, и притом еще коварно хочет, чтобы Вы своими руками унизили свой трон, мы спешим сообщить Вашему Величеству, что державы, к которым мы обратились за помощью для Вас, решили употребить на это все свои силы [...]. Государь, в Вашем несчастье у Вас есть утешение в том, что все державы сообща стараются положить ему конец и что в критический момент, который Вы переживаете, Ваша твердость получит поддержку всей Европы. Намерения государей, которые окажут Вам помощь, так же искренни, как наше усердие, побудившее нас просить их о ней. Цель союзных держав состоит лишь в том, чтобы поддержать здоровую часть нации против безумствующей части нации и потушить внутри королевства вулкан фанатизма, извержения которого, все ширясь, угрожают всем государствам [...]. Весь Париж должен знать, что если бы злодеи-фанатики или насмешливые убийцы осмелились покуситься на Вашу жизнь или на жизнь королевы, то мощные армии, гоня перед собой жалкую милицию, немедленно обрушились бы на город, который навлек бы на себя мщение всего мира... Однако мы должны сказать Вам, что если причины, кои мы не в силах постигнуть, вынудят Вашу руку подписать одобрение тому, что Ваше сердце отвергает, то мы будем протестовать против этого во имя Вас, государь, во имя Вашего народа, во имя религии, во имя основных принципов монархии и всех сословий государства. Государь, мы будем повиноваться Вашей истинной воле, противясь запретам, достигнутым вымогательством, и, следуя законам чести, мы уверены в Вашем одобрении.

Подписали: Людовик Станислав Ксаверий⁵ (граф Прованский) Шарль Филипп (граф д'Артуа).

Замок Шёнборнлуст, близ Кобленца, 10 сентября 1791 г.“

Это было безрассудное письмо. Нельзя было более необдуманно играть жизнью короля, которую эти яростные угрозы подвергали опасности. Кроме того, письмо было оскорбительным и для самого короля. Принцы недвусмысленно упрекали его в трусости, если он согласится одобрить конституцию. Они заявляли, что не видят к тому причин. И они публично высказывали предположение об обмане, на который пошел король, дав одобрение, которое, даже будучи лицемерным, могло бы помочь королю только при условии, если бы оно казалось искренним. После Варенна Буйе уже успел написать Собранию бредовое и недостойное письмо, в котором он называл французов разбойниками и людоедами и грозил им истреблением от руки иностранных армий.

Что же на этот раз скажет Париж об этой новой угрозе, исходящей не больше и не меньше, как от братьев короля? Людовик XVI пришел в ужас и попытался отвести удар, обратившись с публичным посланием к барону де Бретей: „Г-н барон де Бретей, я узнал, что мой возлюбленный брат, граф Прованский, введенный в заблуждение относительно моего действительного положения и полагая, что я в оковах, счел надобным учредить центральную власть, предназначенную для управления моим государством, как если бы трон пустовал или король был малолетним. С божьего соизволения, дело обстоит совсем не так; после некоторых недавних бурных событий я пользуюсь необходимой для государя свободой и только я один должен приказывать в моем государстве. Поэтому благоволите, г-н барон де Бретей, по получении настоящего письма направиться в Вену к нашему могущественному и возлюбленному брату Императору, чтобы сообщить ему о наших намерениях. Вы отправитесь с этим сообщением и ко всем коронованным особам, чтобы по моему поручению и от моего имени умолять их не допускать и не признавать упомянутого регентства. Действия этой власти, находящейся в противоречии с моей, только еще более озлобили бы мой народ и неизбежно привели бы к крайним эксцессам против меня“.

Это был вопль страха. Но образумил ли страх, хотя бы после Варенна, Людовика XVI? Решился ли он наконец под влиянием страха принять, без задней мысли о сопротивлении и предательстве, конституцию, в верности которой он присягнул? Наоборот, он продолжает свои тайные переговоры в свою двойную игру. Все время опасаясь неосторожности эмигрантов и принцев, он тем не менее продолжает просить иностранные державы о помощи.

Уже 27 июня, через несколько дней после Варенна, Ферзен написал из Брюсселя шифрованное письмо Марии Антуанетте:

„Несчастье, случившееся только что, должно полностью изменить ход дел, и если остается в силе принятое ранее решение побудить других действовать в ваших интересах, так как возможности действовать самим больше нет, то необходимо возобновить переговоры и дать для этого широкие полномочия. Нужно, чтобы

группа держав, которые будут действовать, была достаточно сильной, дабы одержать верх и таким образом сохранить драгоценные жизни. Вот вопросы, на которые необходимо ответить:

1. Желательно ли, чтобы действовали вопреки всем запретам в том случае, если бы таковые были получены?

2. Желательно ли дать неограниченные полномочия графу Прованскому или графу д'Артуа?

3. Желательно ли, чтобы он пользовался услугами барона де Бретей, или доверяют г-ну де Калонну, или хотя бы предоставлять это его выбору?

И Ферзен посылает королю „форму неограниченных полномочий“, которая была бы равносильна отречению Людовика XVI в пользу его братьев.

“Будучи в Париже пленником и не имея более возможности отдавать необходимые распоряжения, чтобы восстановить в моем королевстве порядок, вернуть счастье и спокойствие моим подданным и восстановить свою законную власть, я поручаю графу Прованскому и в случае его отсутствия графу д'Артуа блюсти мои интересы и интересы моей короны, облакая его для этой цели неограниченными полномочиями; даю свое королевское слово в том, что буду свято и безоговорочно выполнять все обязательства, заключенные с упомянутым посетителем власти; как только я окажусь на свободе, обязуюсь ратифицировать все трактаты, соглашения и другие договоры, которые он мог бы заключить с различными державами, пожелавшими выступить в мою защиту; то же относится ко всем должностям, пожалованиям или назначениям, о которых граф Прованский сочтет необходимым распорядиться, в чем даю свое королевское слово.

Совершено в Париже 20 июня 1791 г.

Текст этих полномочий будет написан симпатическими чернилами и незамедлительно вручен лицу, которое передаст это письмо“.

Это было отречение от монархической власти и от самой Франции в пользу принцев. Людовик XVI не решился пойти на это и 7 июля отправил своим братьям письмо-доверенность, не предоставлявшее им, однако, абсолютной свободы действий: „Я полностью полагаюсь на нежные чувства моих братьев ко мне, на их любовь и преданность отечеству, на дружбу суверенных государей — моих родственников и союзников, и на честь и великодушные других государей в деле достижения соглашения о способах и средствах, кои должно применить при ведении переговоров с целью восстановления порядка и спокойствия в королевстве; но я полагаю, что всякое применение силы... [несколько слов пропущено]; что, не участвуя лично в переговорах, я даю моим братьям полное право вести их в этом направлении с кем они пожелают и выбирать тех лиц, услуги коих надлежит использовать в этих политических целях“.

Какая двусмысленность, какая неуверенность! Какие сдерживаемые страхом призывы к предательству! И насколько было бы проще и разумнее, а также и честнее лояльно согласиться на конституционное устройство Франции! Комментируя это письмо короля, королева пишет в тот же день, 8 июля, Ферзену и объясняет, почему нельзя предоставить неограниченные полномочия: „Король думает, что суровое заточение, в каком его держат, и полная деградация, до которой Национальное собрание довело королевскую власть, лишив ее возможности каких-либо действий, достаточно известны иностранным державам, чтобы это нуждалось здесь в разъяснении.

Король думает, что их помощь ему и его королевству могла бы быть полезной только в том случае, если она будет оказана путем переговоров; что демонстрация силы должна быть использована лишь во вторую очередь и если здесь откажутся от каких бы то ни было переговоров.

Король думает, что открытое применение силы, даже после первой декларации, грозило бы неисчислимыми бедами не только для него и его семьи, но и для всех тех французов, которые внутри королевства не разделяют революционных убеждений. Вне всякого сомнения иностранным войскам удалось бы вступить во Францию, но народ, который вооружен ныне, отойдя от границ и избегая столкновения с иностранными войсками, немедленно пустил бы свое оружие в ход против своих сограждан, на которых его вот уже два года заставляют смотреть, как на врагов.

Король думает, что в положении, в каком он находится ныне, неограниченные полномочия в том виде, как они предложены, даже датированные 20 июня, были бы для него опасны. Не сообщать об их предоставлении державам было бы невозможно, но ведь не все кабинеты одинаково хранят тайну.

Объявлено, что через две недели статьи, рассматриваемые как конституционные, будут представлены королю, и тогда, если он решится одобрить их, его освободят и позволят ему уехать, куда он пожелает, но оставят его сына, что сделало бы эту свободу призрачной. *Все, что совершено в течение двух последних лет, должно рассматривать как недействительное, поскольку речь идет о воле короля, но изменить это невозможно, пока значительное большинство нации будет за новшества.* Все старания свои мы должны направить на то, чтобы изменить это настроение.

Вывод: король желает, чтобы иностранные державы установили факт его неволи и были хорошо о ней осведомлены; он желает, чтобы добрая воля его родственников, друзей и союзников, как и других государей, кои пожелали бы ему помочь, выразилась в созыве своего рода конгресса, который встал бы на путь переговоров, разумеется, при наличии внушительной военной силы, могущей их поддержать, но эта сила должна всегда оставаться в тени, чтобы не вызвать преступлений и убийств.

Король не думает, что он должен или может дать неограниченные полномочия, но он посылает это написанное симпатическими чернилами письмо для передачи своему брату¹.

Итак, мощь революционных манифестаций после Варенна поколебала решимость короля и королевы: они более не осмеливаются призывать на помощь иностранные армии, страшась народа, который может их убить. Но они и не покоряются конституции: они хотят, чтобы их неволя была официально установлена, чтобы затем перед всем миром отречься от присяги, принесенной ими новому закону.

Они хотят, чтобы иностранные державы оказали на Францию давление, но посредством осторожного вмешательства, скрыв свои армии за завесой конгресса и дипломатии. Но таким образом они ставили себя в весьма ложное положение.

Объявляя себя пленниками, они разрешают принцам выйти за рамки данных им указаний, и их на каждом шагу компрометирует горячность и непомерное или эгоистическое усердие принцев. По правде сказать, даже после Пильница иностранные государи все еще держатся осторожно и выжидательно. Один только шведский король, принявший Буйе при своем дворе, вынашивает авантюристические замыслы, направленные против Франции: он мечтает сосредоточить в Ла-Манше флот и высадить войска в Нормандии. Но никто в Европе не воспринимает это всерьез. Он просил согласия Англии на свои проекты сосредоточения флота: король Георг II по совету своих министров письменно категорически отказался от всяких компрометирующих действий.

13 августа 1791 г. он пишет шведскому королю: „В своих действиях в отношении волнений, столь сильно потрясших французское королевство, я руководствовался принципами полного и строгого нейтралитета и никогда, ни в одном случае, не отступал от этой системы.

Я весьма далек от желания вмешиваться во внутренние дела сего королевства, чтобы воспользоваться этим критическим моментом или чтобы извлечь выгоды, которые мне могли бы дать обстоятельства. Руководясь теми же принципами, я не намерен каким бы то ни было образом участвовать в мерах, принятие которых другие европейские державы могли бы признать уместным в этой связи, ни поддерживать их, ни противодействовать им.

Мои желания в этом отношении направлены единственно к счастью Их Христианнейших Величеств и их поданных и к установлению спокойствия и общественного порядка в этом королевстве, столь близко расположенном к моим владениям, с которым мои подданные поддерживают дружественные и торговые отношения. Я буду приветствовать всякое событие, которое могло бы способствовать достижению этих столь важных целей; если бы оказалось, что новый порядок вещей приводит к последствиям, которые могли бы затронуть интересы моих подданных, то я впоследствии без

всякого труда объяснился бы по этому поводу самым искренним образом с различными европейскими державами, жить с которыми в мире и добром согласии я имею счастье¹.

Густав III мог читать и перечитывать это письмо: это был категорический отказ. В тот момент Англия решительно не хотела вмешиваться во французские дела. Впрочем, Ферзен столкнулся с нерешительностью и медлительностью даже самого императора Леопольда. И 10 октября он пишет королеве¹: „Мне очень жаль, что Вы были вынуждены санкционировать, но я понимаю Ваше положение. Оно ужасно, и иного выхода не было... Император безволен; он слаб и не умеет хранить тайны: он обещает все, но его от всего удерживает кабинет, который боится скомпрометировать себя и хотел бы избежать вмешательства“.

Итак, в этот период, наступивший после Варенна, все неустойчиво, непоследовательно и смутно как в проектах Европы, так и в проектах короля. Даже сама Революция проявляет тревогу и неуверенность. Она ясно чувствует, что воля короля остается неведомой и таит в себе опасность; и она тщетно пытается убедить себя в том, что всякому конфликту с королевской властью положен конец. Но во всяком случае, никакая непосредственная и определенная опасность не грозит революционному делу, и оно высится, словно прочное и величественное здание, под серыми, быстро несущимися облаками. Начнется ли скоро гроза и сверкнет молния? Или небо станет навеки безоблачным?

1. „Le Comte de Fersen et la cour de France...“, t. I, p. 193.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

БЕГСТВО В ВАРЕНН

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О контрреволюционной агитации и контрреволюции см. указания к предыдущей главе, стр. 245. Об интригах эмигрантов кроме работ, указанных на стр. 245, см.: L. P i n g a u d. Le Comte d'Antraigues. Paris, 1893; P. de Vaissière. A Coblenze. Paris, 1894; R. de G r a n d s a i g n e s. Enquête sur les bulletins de Dromore.— „Annales historiques de la Révolution française“, 1957, p. 214—237; J. G o d e c h o t, M. R e i n h a r d, R. de G r a n d s a i g n e s. A propos de Vannelet et de Dromore papiers.— Ibid., 1958, № 5, p. 1—20; Mlle J. C h a u m i é. Le Réseau d'Antraigues et la contre-révolution, 1791—1793. Paris, 1965.

О внешней политике Учредительного собрания. Жорес на ней почти не останавливается; он упоминает только об Авиньонском деле; фактически внешняя политика Учредительного собрания определялась конфликтами юридического и территориального порядка, которые противо-

поставили друг другу государей старого порядка и Революцию.

Дело владетельных князей в Эльзасе возникло вследствие отмены феодальных прав: ряд немецких князей, владевших землями в Эльзасе, сочли, что им нанесен ущерб, и заявили протест против решений Собрания перед Сеймом германских государств.

Авиньонское дело восстановило папу против революционной Франции. Авиньон и Конта-Венессен восстали против папской власти и упразднили старый порядок; 12 июня 1790 г. Авиньон проголосовал за присоединение к Франции. Учредительное собрание колебалось и тянуло с решением этого дела. 24 августа вопрос об Авиньоне был поставлен на обсуждение; члены Учредительного собрания старались не давать папе новых поводов жаловаться на Францию. Были одобрены предложения Тронше: поскольку король обладал правом законодательной инициативы в дипломатической области, петиция Авиньона была передана

ему. Собрание не хотело несвоевременным голосованием повредить переговорам, которые велись по поводу гражданского устройства духовенства.

Между тем утверждалось новое международное публичное право, исходившее из принципов 1789 г. 22 мая 1790 г. Учредительное собрание торжественно отвергло право завоевания: одно свободное волеизъявление людей образует нацию. В ноябре 1790 г. Собрание заявило германским князьям, что Эльзас — французская территория не по праву завоевания, но волей его жителей, о чем свидетельствовало их участие в празднике Федерации 14 июля. Стремясь определить принципы нового международного права, Мерлен из Дуэ 28 октября 1790 г. действительно противопоставил династическому государству нацию как добровольную ассоциацию: „Между вами и вашими братьями в Эльзасе нет никакого иного законного документа о союзе, кроме общественного договора, заключенного в прошлом году между всеми французами, прежними и новыми, в самом этом Собрании. [Намек на решение третьего сословия от 17 июня 1789 г. провозгласить себя Национальным собранием и на решение Собрания, которое 9 июля объявило себя Учредительным.] Возникает весьма простой вопрос: надо решить, „обязан ли эльзасский народ тем, что он французский, дипломатическим грамотам... Какое значение имеют для народа Эльзаса, какое значение имеют для французского народа соглашения, которые во времена деспотизма имели своей целью объединить первый со вторым? Эльзасский народ объединился с французским народом потому, что он хотел этого;

следовательно, только его воля, а не Мюнстерский трактат узаконила объединение“. Эту свою волю Эльзас продемонстрировал своим участием в празднике Федерации 14 июля 1790 г.

В мае 1791 г., после того как папа осудил гражданское устройство духовенства, Собрание решило занять Авиньон и Конта-Венессен, чтобы спросить мнение населения; объединение было окончательно одобрено 14 сентября 1791 г. По мнению государей, новое международное публичное право сводилось к провозглашению права революционной нации аннексировать народы, которые выразили бы такое желание. Это потрясло основы дипломатии старого порядка.

Однако Собрание боялось войны, которая была бы на руку двору. Оно предложило германским князьям компенсацию, от которой Людовик XVI посоветовал им немедленно отказаться. Собрание, насколько было возможно, тянуло с аннексией Авиньона. Осуществлять эту мирную политику было тем легче, что Пруссия, Австрия и Россия были поглощены польскими делами. Леопольд отдавал себе отчет в том, что Фридрих Вильгельм и Екатерина II толкали его на военную интервенцию во Франции в надежде разрешить польский вопрос к своей выгоде, пока сам он будет занят на Западе: он предпочел воздержаться от нее. Мирную политику Национального собрания расстроило бегство короля, и Леопольд II был вынужден вмешаться во французские дела.

О позиции Леопольда II. Из всех государей старого порядка император был, несомненно, наименее враждебен Революции и наименее

воинственно настроен. Ввиду своей деятельности просвещенного государя в Тоскане он не мог осуждать большую часть реформ Учредительного собрания; реставрация старого порядка во Франции не казалась ему ни возможной, ни полезной; разумеется, он также находил, что если власть французского короля ослаблена, то это неплохо. Притом у него хватало забот в своих собственных владениях: надо было вновь подчинить себе Бельгию, умиротворить Венгрию, положить конец турецкой войне. Итак, занятый упорядочением собственных дел, Леопольд II предпочитал, чтобы Людовик XVI договорился с конституционалистами, и поэтому затягивал дело. Именно поэтому сестра Леопольда Мария Антуанетта обвиняла его в эгоизме и слепоте. Но Леопольд не был равнодушен ни к опасностям революционной пропаганды, ни к долгу, который налагали на него узы кровного родства и солидарность монархов. Он, несомненно, предпочел бы не вмешиваться. Но Мария Антуанетта и Людовик XVI бегством своим заставили его вмешаться.

Библиографические указания. О Революции и Европе см. в первую очередь работы общего характера: A. Sorel. L'Europe et la Révolution française. Paris, 1885—1904, 8 vol.; H. von Sybel. Geschichte der Revolutionszeit. Düsseldorf, 1853—1789. 5 vol. (см. французский перевод, сделанный мадемуазель Доке (Dosquet) и просмотренный Зибелем, под общим названием: „Histoire de l'Europe pendant la Révolution française“. Paris, 1869—1888, 6 vol.); H. Fugier. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954.—„Histoire des relations inter-

nationales“, t. IV (под редакцией П. Ренувена); J. Godécho. La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde. 1789—1799. Paris, 1956.

О внешней политике Учредительного собрания в дополнение к общим трудам, указанным выше, и в частности трудам Сореля (т. II), фоя Зибеля (т. II) и А. Фужье, см.: F. Masson. Le Département des Affaires étrangères pendant la Révolution. 1789—1804. Paris, 1877; J. Basdevant. La Révolution française et le droit de guerre continentale. Paris, 1901; G. de Grandmaison. L'Ambassade de France en Espagne pendant la Révolution. 1789—1804. Paris, 1892; A. Aulard, J. Basdevant et B. Mirkiné-Guetzévitch. La Révolution française et l'Europe. Paris, 1930. О деле немецких князей см.: P. Muret. L'Affaire des princes possessionnés d'Alsace et les origines du conflit entre la Révolution et l'Europe.—„Revue d'Histoire moderne“, 1899—1900, p. 433—456, 566—592. Об авиньонском деле см.: J. Viguiér. La réunion d'Avignon et du Comtat-Venaissin à la France.—„La Révolution française“, t. XXI, 1891, p. 424—449; t. XXIII, 1892, p. 149—160; t. XXVI, 1894, p. 150—168; P. Charpenne. Les grands épisodes de la Révolution dans Avignon et le Comtat. Avignon, 1902, 4 vol.; P. Vailland et. Correspondance des députés d'Avignon près l'Assemblée nationale. Avignon, 1933, 1934, 1936—1937, 3 vol.

О бегстве в Варенн см.: V. Fournel. L'Événement de Varennes. Paris, 1890, и особенно Ch. Aimond. L'Énigme de Varennes. Paris, 1936; О реакции народа см.: G. Lefebvre. Le meurtre du comte de Dampierre

(22 juin 1791).—„Revue historique“, t. CXCII, 1941, p. 241—252, перепечатано в „Études sur la Révolution française“, 2e éd. 1963, p. 393—405; comte A. de Bouillé. En marge de l'histoire. Techniques de quelques erreurs.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1956, p. 225.

О внутренних последствиях бегства в Варенн и расстрела на Марсовом поле (17 июля 1791 г.) см.: A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Paris, 1901, chap. V—VI (А. Олар. Политическая история французской революции, главы V и VI). О демократическом движении см.: A. Mathiez. Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes. Paris, 1910 (с дополнением в 1913 г.); F. Braesch. Les pétitions du Champs-de-Mars.—

„Revue historique“, t. CXLII, 1923, p. 192—209; t. CXLIII, 1923, p. 1—31, 181—197 (с замечаниями А. Матьеза); t. CXLIV, 1923, p. 87—91; H. Chabaut. La pétition du club de Montpellier en faveur de la République.—„Annales historiques de la Révolution française“, 1927, p. 547—560; о позиции конституционалистов см.: G. Michon. Adrien Duport., p. 839; Alma Soderhjelm. Marie-Antoinette et Barnave., p. 977.

О внешних последствиях бегства в Варенн и о Пильницкой декларации (27 августа 1791 г.), помимо трудов, цитированных выше по поводу внешней политики Собрания, см.: J. Chaurmié. Les Relations diplomatiques entre l'Espagne et la France, de Varennes à la mort de Louis XVI. Bordeaux, 1957.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В тот день, когда Учредительное собрание разошлось, оно могло с самым глубоким убеждением сказать себе, что им проделана огромная работа и что эта работа не была бесплодной. Сословия были упразднены, и следующее Собрание будет состоять только из представителей нации. Феодальной системе нанесен смертельный удар. Королевский произвол упразднен, и закон, творение нации и выражение ее воли, мог изменяться сообразно этой воле, приспособляясь ко все новым потребностям живых обществ. Социальный конфликт между буржуазией и пролетариатом намечался, политический конфликт между буржуазной олигархией и демократией уже принял острый характер, но союз буржуа и пролетариев неизменно восстанавливался в дни великих кризисов, когда Революция и нация оказывались в опасности.

В последние месяцы работы Учредительного собрания буржуазная тенденция проявилась с особой силой, и Барнав в своем „Критическом исследовании Конституции“ справедливо отметил ее консервативные черты. „При пересмотре я приложил величайшие усилия к тому, чтобы увеличить налоговый ценз для избирателей, поэтому я не могу быть заподозрен в пристрастии, если скажу, что упреки в том, будто собственности было предоставлено слишком мало влияния, крайне преувеличены.

В этом вопросе, как и во многих других, полностью смешивают следствия революционного положения и следствия конституции. Крупные собственники, в большинстве случаев эмигрировавшие, выступили против нового порядка. И даже те, которые остались мирными, стали подозрительными в обстановке общего брожения, и поэтому лишь совсем немногие из них были избраны на те

или иные посты, и из этого сделали вывод, будто конституция их отстранила или по крайней мере не привлекала их в достаточной мере.

Однако если посмотреть более внимательно, то оказывается, что при малом числе богатых граждан и даже бывших дворян, достаточно открыто принявших новый порядок вещей, чтобы устранить подозрения, большинство их было избрано на важнейшие посты, и в этом отношении они одержали верх над многими другими гражданами, которые, обладая большими способностями, не имели такого богатства.

Впрочем, двухстепенные выборы, несмотря на их некоторые неудобства, восполнили тот незначительный размер собственности, который закон требовал от избирателей. За исключением двух или трех департаментов, где революционное брожение было крайне сильным и где охваченные анархией города диктовали свою волю всей массе департамента, коллегии выборщиков, образованные перед 10 августа, хотя и были созданы в атмосфере смут, подозрений, озлобления, порожденных Революцией, оказались состоящими из наиболее здоровой и наиболее достойной уважения части общества: почти все их члены обладали собственностью большей, чем то требовал закон для предоставления избирательных прав, и даже большей, чем то мог бы потребовать любой разумный закон.

Помимо гарантии, коей служит их богатство, каждый из них мог представить еще одну гарантию — уважение общества, о котором говорит избрание их первичными собраниями. Особенно в сельских местностях выборщиками были избраны самые важные граждане, за исключением нескольких лиц, резко настроенных против Революции“.

Это общее наблюдение Барнава подтверждает то, что нам ранее показал анализ социального состава некоторых муниципалитетов, а именно что в 1791 г. руководство революционным движением осуществляла средняя и крупная буржуазия. И даже тогда, когда народ сверг старую привилегированную буржуазию старого порядка, он призвал новые буржуазные силы. Так, например, Вадье заявляет в своем докладе о волнениях в Памье в 1790 г.: „Итак, Революция могла свершиться в Памье лишь благодаря священному восстанию угнетенного народа. Все пребывало в этом неустойчивом состоянии до издания декрета об организации муниципалитетов. Только тогда народ стал себя чувствовать свободно и стал пользоваться своими правами во всей их полноте. Вместо того чтобы выбирать своих обычных кровопийц, этих вампиров, этих жадных трутней, издавна его пожиравших, вместо того чтобы выбирать тех, кого столь неточно называли „черными шляпами“ и „порядочными людьми“, он избирал своих муниципальных служащих из своей собственной среды и среди людей всех состояний. Он обратил свои взоры на тех, кто

проявил наибольшую преданность Революции и кто встал под знамена свободы“.

Но, собственно говоря, это не были пролетарии. Сам Вадье владел земельной собственностью приблизительно на 300 тыс. ливров, и отчаявшаяся аристократия пыталась взять реванш над революционными буржуа, выступая с 1790 г. в Памье с проповедью своего рода аграрного закона. Итак, политическое и социальное превосходство буржуазии в то время бесспорно.

Но конституция не была жесткой, она могла гибко изменяться в сторону демократии. Муниципальная жизнь особенно способствовала появлению нескольких пламенных народных очагов, влияние которых могло мало-помалу распространиться на всю нацию. Секции Парижа прилагали усилия к расширению избирательного права, к распространению его на всех в то самое время, когда Учредительное собрание старалось его ограничить.

Когда в июне 1791 г. Париж приступил к избранию на своих первичных собраниях выборщиков, которым надлежало затем избрать депутатов, в ряде мест имели место сильные движения в пользу всеобщего избирательного права. Секция Сент-Женевьев приняла 8 июня постановление назначить двух комиссаров, которым будет поручено объединиться с комиссарами других секций и составить на основе речи Робеспьера петицию, направленную против классовых различий. (См.: Mellié. Les Sections de Paris.) Секция Гобеленов приняла петицию в этом же духе.

25 июля 1792 г. секция Лувра составила адрес о „необходимости предоставить права активного гражданина всем гражданам, платящим хотя бы самый малый налог, принимая во внимание их справедливый ропот на то, что их ни во что не ставят в государстве, между тем как они служат отечеству своими руками, служат ему и их жены и дети; и лишить этого права всех граждан, известных своим дурным поведением, скупщиков, спекулянтов, подвергнуть их суду им равных в этих же собраниях и исключить их из таковых“. Итак, для самых пламенных секций *пассивными гражданами* становились „скупщики“, то есть, очевидно, буржуа. Марат составлял и публиковал квартал за кварталом списки дурных патриотов, коих надлежало устранить из собраний.

Секция Французского театра не удовлетворялась выступлением с петицией о всеобщем избирательном праве. Она установила его сама в своих пределах революционным путем. Уже 23 июня 1792 г. она решила открыть первичные собрания для всех граждан, достигших 25 лет и имеющих постоянное местожительство, и вычеркнула из текста присяги слово *активный*. Она торжественно подтвердила это постановление 30 июля и упразднила в своих пределах разделение граждан на активных и пассивных. Разумеется, эти революционные решения сталкивались с общим законом, с конституцией, и они вскоре были пресечены. Но я хочу отметить силу демократического натиска, который в случае дли-

тельного периода свободы и мира, несомненно, нейтрализовал бы цензовые тенденции буржуазии. Конституция, хотя она и обеспечивала господство буржуазии, оставляла народным силам достаточно свободы действий, чтобы постепенное наступление полной демократии не стало химерой. Конституция, несмотря на ее буржуазный характер, содержала в изобилии семена народной жизни, и этот сложный ее характер придавал ей большую силу.

Кроме того, предпринятая Собранием широкая финансовая операция удалась на славу. Национальные имущества продавались не только быстро, но и по высоким ценам. Повсюду цены, по которым имущества продавались с торгов, заметно превысили оценочные цены. Г-н Ле Бретон в своем содержательном и глубоком исследовании о создании департамента Кальвадос дал описание продаж, произведенных до 1 августа 1791 г. Отсюда видно, что в Кане национальные имущества были предварительно оценены в 6 114 230 ливров, а продажа с торгов дала 8 227 429 ливров, то есть на 25% больше. В Байё предварительная оценка составила 2 700 999 ливров, а продажа дала 4 945 011 ливров. В Лизьё национальные имущества были оценены в 1 869 169 ливров, а проданы за 3 001 828 ливров. В Фалезе их оценили в 1 032 731 ливр, а продали за 1 668 923 ливра. В Вире оценили в 865 928 ливров, а продали за 1 389 735 ливров. В Пон-л'Эвеке национальные имущества оценили в 1 703 382 ливра, а продали за 2 538 991 ливр. В целом имущества, проданные до 1 августа 1791 г., были оценены в 15 358 450 ливров, а выручено было от продаж с торгов 21 771 128 ливров, с превышением несколько более даже 25%. Для дела Революции это была подлинная победа. Продажа продолжалась успешно, и спустя 6 месяцев г-н Ле Бретон на основании ведомости продаж первого триместра 1792 г. составляет следующую таблицу:

Канский дистрикт

	Оценочная стоимость	Продажная стоимость
	(в ливрах)	
Декабрь 1791 г.	657 950	982 782
Январь 1792 г.	730 115	1 013 182
Февраль 1792 г.	337 451	515 078
Март 1792 г.	435 038	644 568

Итак, Революция получила обильные средства и могла, не опасаясь кризиса, ждать того момента, когда регулярное функционирование новой налоговой системы обеспечит равновесие ее бюджета, но эти продажи свидетельствовали также о безграничной вере нации в Революцию. Имея такие результаты, Учредительное собрание испытывало чувство гордости своими свершениями, и, несмотря на усталость от огромной работы, несмотря на растущую остроту расхождений между деятелями революции, оно было

уверено в том, что его дело будет одобрено будущими поколениями. Оно особенно гордилось тем, что смогло осуществить эту грандиозную Революцию при почти полном спокойствии, которого не смогла нарушить даже тяжелая драма побега короля. Спокойствию столь глубоком, что экономическая жизнь страны развивалась невиданными дотоле темпами.

Дрожь некоего, почти священного волнения охватила всю нацию, когда Туре, выступая от имени Конституционного комитета, заключил чтение конституции следующими замечательными словами, вызвавшими клики одобрения Собрания: „Национальное Учредительное собрание доверяет хранению Конституции верности Законодательного корпуса, короля и судей, бдительности отцов семейств, супругов и матерей, преданности молодых граждан, мужеству всех французов“.

Отныне Учредительное собрание может разойтись: святая свобода поистине пребывает в сердце нации.

Но я в этот момент, когда мы покидаем великое Собрание, испытываю некое смущение и почти угрызения совести. Я не уверен в том, достаточно ли четко показал я силу мысли, которой оно обладало, воздействие великого духа XVIII в. Не желая чрезмерно раздвигать рамки повествования, я не начал с изложения трудов Вольтера, Монтескьё, Жан Жака, Дидро, Бюффона. Я главным образом анализировал крайне малоизвестные экономические причины Революции, рост деловой активности буржуазии. Я не осветил достаточно широко огромную работу мысли, которой отмечен XVIII в., а посему и не показал достаточно ярко, что эта мысль господствовала в умах всех деятелей Революции. Чтобы хорошо понять этих людей, надлежало бы, прежде чем включиться вместе с ними в ураган событий, прожить с ними долгое время в глубоком покое и в пылких исканиях ума, в тех тихих и пламенеющих горизонтах, которые открывал им Жан Жак, в бесконечных горизонтах, которые открывал перед ними Бюффон. Почти ни один из великих писателей и философов этого века лично не участвовал в событиях Революции. Монтескьё, Вольтер, Дидро, Бюффон, Руссо умерли задолго до ее начала. Кондорсе, ведший переписку с Вольтером и Тюрго, этот широкий и свободный ум, еще не приобрел к тому времени той высокой славы, которую ему доставят позднее его „Опыт исследования о прогрессе“ и его смерть. Аббат Рейналь, состарившийся, усталый, единственный оставшийся в живых из героического поколения мыслителей, угрюмый, смущенный беспорядками, неизбежно связанными со всякими глубокими переменами, обратился к Учредительному собранию с исполненным упреков письмом, которое было выслушано в почтительном молчании и со скрытым нетерпением.

Но если великие мыслители века скончались до того, как их мысли предстояло определять ход событий, то их дух живет во всех членах Учредительного собрания. Могучий мозг Мирабо

таил в себе все то, что было создано этим веком. Робеспьер в часы мрачной борьбы и усталости перечитывал Жан Жака, дабы воспрянуть духом. Барнав, хотя и увлеченный с самого начала вихрем интриг и тщеславия, время от времени возвращался к своим долгим чтениям и раздумьям первой молодости, к той аллее отцовского сада, где он читал „Вертера“ под шум осеннего ветра, метущего увядшие листья.

Большинство членов Учредительного собрания прибыли в Версаль с трогательным отсутствием опыта „практической“ жизни, многие из них не знали Парижа. И главным образом, чтобы помочь друг другу, чтобы не потеряться в великом вихре, они основали первые клубы, в частности Бретонский клуб. Но почти все они накопили в своем провинциальном уединении много мыслей, чувств, мечтаний. На одном из первых заседаний Учредительного собрания Саль с замечательным чувством рассказал о давно мучивших его тревогах: всякий раз, совершая прогулку по селам Франции, он спрашивал себя, не проснутся ли наконец эти крестьяне, эти землепашцы от вековой дремоты, не поймут ли они, что такое свобода. В его сознании господствовал яркий образ сельской демократии, в котором краски Плутарха сливались с идеями Руссо. Эта-то скрытая сила мысли и мечты неизменно поддерживала Учредительное собрание и сообщала ему с первых же часов значительную силу и прозорливость.

Совершенно неопытное в делах политики, это Собрание, однако, с самого начала сумело сорвать все интриги двора. Почему? Да потому, что оно было одушевлено великими общими идеями, основательно и глубоко продуманными, которые освещали ему путь. Идея права нации, закона, выражающего общую волю, идея прав человека, стоящих выше притязаний каст, эти идеи проникли в умы так глубоко, что придали им, так сказать, уверенность инстинкта, и эти новички в области политической борьбы сразу обрели в своей глубокой вере замечательные источники находчивости и сноровки. А равно и источники мужества. Мы недостаточно представляем себе, сколько спокойного героизма было в клятве в „Зале для игры в мяч“ и во многих других событиях. Мы невольно представляем себе деятелей Революции в величественном ореоле их свершений, и по странной иллюзии нам кажется, что этот величественный ореол осенял и охранял их с первых же дней. Между тем 20 июня 1789 г. деятели общин еще были всего лишь бедными представителями третьего сословия, которых не признавали и над которыми глумились. Дело было не в их боевой силе, еще только нарождавшейся и непрочной, а в возвышенной силе духа этого века, воплощенного в каждом из них и внушавшего им такую спокойную смелость перед лицом угрожавшего двора и наглых аристократов.

Мысль деятелей Учредительного собрания была более широкой и сложной, чем их свершения, ибо Монтескьё, Вольтер, Руссо,

Дидро сообщили им много устремлений, из коих лишь некоторые смогли быть осуществлены. Из всех семян, брошенных в эти умы, вначале вззошли только некоторые; другие, глубже зарытые, ждали более благоприятного часа и более жаркого времени, чтобы раскрыться и пробиться наружу. Сколько скрытых и мучительных конфликтов должно было совершиться в сознании людей! Надлежало ли в ходе обсуждения Декларации прав человека полностью следовать логике прав человека и дойти до республиканской демократии или же следовало пойти на компромисс с королевской властью, с исторической необходимостью. На какое-то время Учредительное собрание решилось на компромисс между идеей и действительностью, но все его члены чувствовали, что это равновесие не устойчиво.

Позднее, после бегства в Варенн, те, кто считал себя как бы застрахованным межеумочной конституцией, наполовину монархической, наполовину народной, должны были, как при вспышке молнии, узреть возможность и даже необходимость некоего нового строя, полностью демократического и народного. И конечно, в сознании людей идеи Монтескье сталкивались с идеями Жан Жака. Среднее, компромиссное решение еще раз одержало верх. Но беспокойная логика идеи глухо протестовала в глубине сознания, и Учредительное собрание, организуя новый строй на основе умеренных законов и сложной системы равновесия, в то же время смутно предчувствовало неизбежность рождения порядка более стройного, более страстного, в котором воля народа найдет свое высшее выражение. Эта демократическая система родилась позднее из трагических битв Революции с Европой. Но она уже таилась в глубине сознания членов Учредительного собрания, и не следует забывать, что многим из них не пришлось претерпеть никаких превращений, чтобы оказаться в Конвенте: им достаточно было дать волю глубокой логике их первоначальных идей, поначалу наполовину подавленных под бременем исторических традиций.

В сознании членов Учредительного собрания, если хорошо всмотреться, можно различить рядом с серьезным и глубоким удовлетворением тем, что сотворен новый мир, какую-то грусть от того, что идея так сильно урезана в своих дерзаниях, и в этих умеренных и строгих умах уже предчувствуется некий еще неясный зародыш более смелого свершения. Под умеренным и спокойным величием первых творений Революции можно различить, заимствуя прекрасное выражение мадемуазель де Леспинас, „страстную и страдающую душу“ новой, грядущей революции.

Так выявляются границы того, что получило название „марксистского“ метода в истории. Концепция экономического материализма, объясняющая великие события классовыми отношениями, является отличным путеводителем сквозь сложную путаницу фактов, но не дает исчерпывающего объяснения исторической действительности.

Прежде всего очевидно, что эта концепция не дает нам ключа для объяснения индивидуальных различий. Например, почему Робеспьер был фанатическим теоретиком демократии, тогда как Барнав был блестящим теоретиком буржуазии? Почему Робеспьер был исполнен некоего обожания Жан Жака, о котором Барнав написал, что он превратил в сумасшедших многих людей, которые, не будь его, были бы просто дураками? Не только деятельность и мышление выдающихся людей в определенный исторический момент не могут быть объяснены одним только воздействием или влиянием классовых интересов. В огромном, охваченном брожением множестве людей нет ни одного человека, вся духовная жизнь и все действия которого могли бы быть обусловлены исключительно влиянием экономических отношений.

Нет такой человеческой личности, которая совершенно перестала бы быть человеком и стала бы исключительно классовой особью, и следовательно, в бесчисленных сознаниях, в бесчисленных центрах энергии некая почти не поддающаяся определению основа человечности, исконных традиций и смутных чаяний смешивается с определенным воздействием непосредственных интересов. Но больше того, даже самые классы, как таковые, и те обладают не исключительно классовым сознанием. Подобно тому как под действием различных температур одни и те же химические элементы вступают в весьма различные соединения, существует некая моральная температура, некая человеческая температура, которая из одинаковых экономических элементов образует весьма различные исторические сочетания. Почему, например, революционная буржуазия, хотя и принимая меры предосторожности против беднейших граждан, допустила к выборам 4 млн. граждан, тогда как при Луи Филиппе буржуазия допустит только 200 тыс.? Я знаю, что антагонизм между буржуазией и пролетариатом проявился в 1790 г. гораздо меньше, чем в 1830 г., и что поэтому классовый инстинкт буржуазии не побуждал ее поначалу так к недоверию и настороженности. Но кто мог бы отрицать прямое и живое воздействие философии XVIII в., разрушившей своим анализом все искусственные установления и оставившей нетронутой только „природу“, то есть — применительно к человеческому обществу — человечность? Разум века был проникнут идеей прав человека, и никто не может отделить в свершениях Революции великого влияния этой идеи от первых расчетов классового сознания.

Под влиянием Вобана, Расина и Фенелона, наделивших XVIII в. чувством некой христианской любви, направленной на общественное благо, благодаря раздраженной чувствительности Вольтера и пылкой чувствительности Руссо XVIII в. обрел своеобразную душу, исполненную безгранично богатой человечности, и нет в истории Революции ни одного события, в котором не ощущался бы трепет этой души. Пылкие проповеди Руссо, просвещавшие

умы, а вскоре затем и сама драма Революции так повысили температуру духовной жизни, что это позволило родиться таким комбинациям демократии и человечности, которые эволюция экономических отношений могла бы вызвать лишь, пожалуй, столетие спустя. Люди, пережившие Революцию, по прошествии многих лет сами удивлялись тому, что из их сердец, где к тому времени оставался лишь пепел, когда-то вырывались потоки раскаленной лавы. Это внутреннее пламя Революции неоднократно потрясало экономические отношения классов, подобно тому как внутренний огонь земли, вырываясь наружу, переворачивает и перемешивает пласты земли.

ЗАМЕЧАНИЯ¹

Я чрезмерно обременил бы эту работу, если бы постоянно указывал источники. С другой стороны, было бы излишне, мне кажется, воспроизводить здесь общую библиографию истории Революции. Я постарался прочесть все основное. В ходе изложения нетрудно будет убедиться, что я всегда ссылаюсь на подлинные тексты и на первоисточники. Я часто пользовался парламентскими архивами (*Archives parlementaires*), и их суровая оценка Оларом кажется мне чрезмерной². В них есть много опечаток, и иног-

1. Эти Замечания были помещены в конце 1 тома, „Учредительное собрание (1789—1791)“, первого издания. Альбер Матъез в своем издании поместил их в начале тома под заголовком „Критическое введение“. Мы их вернули на прежнее место и восстановили их прежний заголовок, освободив, однако, от списка опечаток, которые мы исправили в тексте.

2. *Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises, imprimé par ordre du Sénat et de la Chambre des députés. Première série (1789 à 1799)*. Предпринятая в 1862 г. по инициативе Законодательного корпуса эта публикация, первый том которой появился в 1867 г., подверглась суровой критике в 1902 и 1904 гг. Эту публикацию

упрекали в том, что в ней произвольно были соединены официальные протоколы с отчетами, занимавшими из различных газет; таким образом, она представляет собой своего рода мозаику, использование которой требует тщательных проверок. Метод отбора материала был улучшен начиная с LXXII тома, вышедшего в 1907 г. Первые шесть томов, содержащие указы 1789 г., опубликованные без отбора, остаются сомнительными. Жорес явно пользовался ими при изучении наказов. Отчеты заседаний, помещенные в VII—LXX томах, с трудом могут быть использованы; но многочисленные „прилагаемые документы“, извлеченные в большинстве случаев из серии С Национального архива, представляют гораздо большую ценность.

да указания источников там недостаточно точны. Но если заимствованные тексты сопоставлять с собраниями законов и декретов в „Монитёр“, с коллекцией Портье из Уазы, то они представляют очень законченный рабочий инструмент¹.

Вряд ли нужно говорить, что я постоянно пользовался большими публикациями документов, подготовленными г-ном Оларом². Помимо этого, я постарался хорошо изучить крупные газеты времен Революции. Я отнюдь не довольствовался их перелистыванием или обращением к ним за справками в отдельных случаях, как это делали, мне кажется, до меня многие историки. Я их читал подряд, и с самым скрупулезным вниманием. Я говорю о газетах Марата, Эбера, Бриссо, Кондорсе, Приюдома и Карра³. И мне казалось, что такая кропотливая работа давала возможность сделать не одно открытие.

Нам ставили в упрек заглавие „Социалистическая история“. Нам говорили: история — это история и есть. И это совершенно правильно, если считать, что история должна прежде всего давать точное представление о людях и вещах, что она должна быть „объективной“. Но ведь историк смотрит на события с точки зрения его общей концепции общества и жизни. Поэтому вполне естественно, что социалисты, изучая политическую и социальную эволюцию начиная с 1789 г., объявили своим названием своей работы, что для них все это историческое движение освещается тою целью, достижением которой, по их мнению, оно должно завершиться.

Думаю, что нас нельзя будет обвинить в том, что мы поддались увлечению социализмом, что мы произвольно преувеличили роль пролетариата в событиях Французской революции. Наоборот, я отметил, каким смиренным и слабым он был вначале. Но я также показываю, как быстро он вырос в результате непрестанной борьбы и благодаря смелому применению революционных идей к экономическим и социальным проблемам.

Г-н Озе в кратком разборе в „Ревю историк“ недавно вышедшей книги г-на Жермена Мартена проявляет странное непонимание моей мысли. Он утверждает, будто в этом первом томе „Социалистической истории“, уже ставшем известным благодаря отдельным выпускам, я написал, что рабочие не играли никакой роли в великих революционных событиях. Если справиться с текстом на стр. 186 (т. 1, кн. 1), то можно убедиться, что я говорю не о рабочих, а о нищих, бродягах, о том „пролетариате в лохмотьях“ (люмпен-пролетариате, как говорят немцы), который, по утверждению г-на Тэна, овладел Парижем. Наоборот, я постарался показать, как пролетариат воодушевлялся по мере того, как развивалась сама Революция, и как он вырос в огне событий. Именно это и будет самым ясным образом вытекать из трех томов „Социалистической истории“, посвященных истории Революции, если только мне удастся осуществить свой замысел.

Энгельс написал, что демократическая Республика в 1793 г. была орудием диктатуры пролетариата. В каком смысле и в какой мере это верно? И как могла возникнуть некая диктатура пролетариата в Революции, которая по ее концепции собственности была по существу своему буржуазной? Какие сложные, бесчисленные воздействия политических явлений на экономические и экономических явлений на политические могли подготовить эту диктатуру? Это и есть то, что я пытался отмечать день за днем, подобно тому как физик отмечает изменения цвета и оттенка расплавленного металла при повышении его температуры. И чем глубже я изучал революционное движение, тем больше я убеждался в том, что демократия сама по себе обладает социалистическим свойством, что она создает благоприятные условия для роста рабочего класса.

В статье, напечатанной в „Новой Рейнской газете“ в декабре 1848 г., Маркс писал, сопоставляя Английскую революцию 1648 г. и Французскую революцию 1789 г.: „В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 годах во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством“⁴.

1. Коллекция Портье (из Уазы), хранящаяся в Библиотеке палаты депутатов, была приобретена в 1832 г. Она состоит более чем из 20 тыс. печатных документов эпохи Революции, распределенных в 465 томах или сборниках. Она дополнена коллекцией газет и 3 тыс. афиш, очень редких, Жорес широко пользовался этой коллекцией.

2. Имя Олара связано со следующими большими публикациями: „Recueil des actes du Comité de salut public, avec la correspondance des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire“, publié par F.-A. Aulard (первый том появился в 1889 г.). „La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris“, publié par

F.-A. Aulard, Paris, 1889—1897, 6 vol. in-8°.

„Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris“, par A. Aulard, Paris, 1898—1902, 5 vol. in-8°.

3. Газеты Марата: „L'Ami du peuple, ou le Publiciste parisien“, затем „Journal de la République française“, затем „Le Publiciste de la République française“; газета Эбера: „Le Père Duchesne“; газета Бриссо: „Le Patriote français“; газета Кондорсе: „La Chronique de Paris“; газета Карра: „Les Annales patriotiques et littéraires de la France“.

4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 114. Относительно рассуждений Марк-

Это несомненно, и я это указал в общем введении, которое открывает настоящий том. Но сам способ небезразличен, и, по мере того как пролетариат более активно вмешивался в ход буржуазной революции, он начинал осознавать свои собственные интересы; замечательное движение за увеличение заработной платы сопровождается политической борьбой народа. В вопросе о продовольственном снабжении утверждение права на жизнь приняло совершенно новый и глубокий смысл, и сама Декларация прав человека под политическим воздействием пролетариев мало-помалу проникалась смелой мыслью, подготовившей появление бабувистского коммунизма. Следовательно, в великом движении Революции невозможно отделить политическую эволюцию от экономической эволюции.

Опасность книг, впрочем полезных и интересных, которые г-н Лихтенберге посвятил изучению социальных идей Революции^{1*}, заключается в том, что немало теорий, немало формул, немало слов, когда они берутся в отрыве от сложных политических событий, породивших или обусловивших их, теряют свой подлинный смысл.

С другой стороны, было бы ребячеством и несправедливостью ставить в упрек г-ну Олару общий план его книги, столь содержательной, столь надежной и ясной: „Политическая история Французской революции“². Рассматривать отдельно какой-либо аспект событий — это право историка. Но надо всегда помнить, что это только некая абстракция. Как достигнуть полного понимания того, как в ходе самой Революции буржуазная олигархия сменяется демократией, если не следить за социальными усилиями, которые тесно связаны с усилиями политическими?

Эту-то сложную и всеобъемлющую деятельность мы и попытались уловить. Но я должен здесь устранить одно предварительное препятствие, которое ставит перед нами г-н Олар и которое могло бы породить недоверие ко всей нашей работе. „Я надеюсь по крайней мере, — пишет он в предисловии к своей „Политической истории“, — доставить им [читателям] полную гарантию по отношению к тому, что касается документальной стороны моего сочинения, гарантию, обусловленную самим характером избранного мною предмета. Я хочу сказать, что в данном случае у читателя не может возникнуть сомнений относительно того, были ли у меня материальная возможность познакомиться со всеми главнейшими источниками. Между тем этого нельзя было бы сказать, если бы дело шло о других предметах. Так, например, экономическая и социальная сторона Французской революции разбросана в таком количестве источников, что в настоящее время невозможно в течение одной человеческой жизни познакомиться со всеми ними или даже с главнейшими из них. Тот, кто захотел бы один написать всю эту историю, мог бы основательно изучить только некоторые части ее, а по отношению к целому должен был

бы удовлетвориться поверхностным очерком, почерпнутым из вторых или третьих рук“³.

Разумеется, я полностью отдаю себе отчет в существующих в экономической истории Революции огромных пробелах и в том, что моей личной работы недостаточно, чтобы эти проблемы восполнить. И я почтительно попрошу г-на Олара присоединить свои усилия к нашим, чтобы добиться от государства, министерств, Общества истории Французской революции, от города Парижа опубликования наконец документов экономического характера, относящихся к Революции⁴.

До сих пор публиковались главным образом документы политического характера, протоколы заседаний Учредительного и Законодательного собраний и Конвента, протоколы Коммуны Парижа, заседаний Якобинского клуба, акты Комитета общественного спасения, переписка комиссий Конвента, а также труды и протоко-

са о Французской революции см.: Jean Montreau. La Révolution française et la pensée de Marx. — „La Pensée“, 1939, № 3; Jean Bruhat. La Révolution française et la formation de la pensée de Marx. — „Annales historiques de la Révolution française“, 1966, p. 125.

1. André Lichtenberger. Le Socialisme au XVIIIe siècle. Étude sur les idées socialistes dans les écrivains français du XVIIIe siècle avant la Révolution. Paris, 1895. Его же: Le Socialisme et la Révolution française. Étude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899.

* См. по этому вопросу работы советских ученых: В. П. Волгин. Великая французская революция и социализм. — „История социалистических идей“, ч. I, М., 1928, стр. 231—259; его же: Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958; его же: Французский утопический коммунизм. М., 1960; В. М. Далин. Граф Бабеф накануне и во время Французской революции; его же: Робеспьер и Бабеф. — „Люди и идеи“, М., 1970; А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; Г. С. Кучеренко. Социаль-

но-политические идеи Сильвена Марешаля. — Сборник „История социалистических учений“. М., 1962; Г. С. Кучеренко. Судьба „Завещания“ Жана Мелье в XVIII в. М., 1968; А. Левандовский. Робеспьер. М., 1958; А. З. Манфред. Марат. М., 1962; Б. Ф. Поршнев. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955. — Прим. ред.

2. A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Origines et développement de la démocratie et de la République. 1789—1804. Paris, 1901, gr. in-8°.

3. A. Aulard. Op. cit., p. IX.

4. Это было задачей Комиссии по разысканию и публикации архивных документов, касающихся экономической жизни Революции, комиссии, созданной по инициативе Жореса в 1903 г. при Комитете научных и исторических работ и называемой ныне Комиссией по социальной и экономической истории Французской революции. Об истории и деятельности этой комиссии см.: Marc Bouloiseau. La Commission d'histoire économique et sociale de la Révolution française. — „Revue historique“, № 480, octobre-décembre 1966, p. 387.

лы заседаний Комитета по народному образованию¹. Это превосходные необходимые публикации, в которых к тому же, если умело читать их, легко собрать немало данных об экономической и социальной жизни. Но все же полный свет еще не пролит на экономическую и социальную жизнь Революции, и замечательные документы департаментских и парижских архивов недоступны для большинства исследователей.

Необходимо срочно опубликовать и собрать все, что удастся найти из приходских наказов 1789 г.². В них заключены подлинные мысли и чаяния крестьян. Сама их жизнь отражена в этих наказах. Наказы, составленные буржуазией городов, опустили под предлогом краткости и упрощения наиболее настоячивые требования. Крестьяне были озабочены не столько вопросами политической организации общества, сколько его экономической организацией. Они часто говорили: „Заботу о разработке плана Конституции мы предоставляем людям более ученым, чем мы; но вот каковы условия нашей жизни, вот от чего мы страдаем“.

Если бы для всех областей Франции, как для областей виноделия, так и зерновых культур, как для приморских областей, так и для обширных равнин Центральной Франции,— если бы для всех этих областей мы имели эти наказы, столь выразительные, столь точные в своих описаниях, часто столь горькие и хватающие за душу, подобно наказам Отёнуа, опубликованным г-ном де Шармассом, и наказам департамента Эр и Луар, цитированным мною по департаментскому ежегоднику, мы обладали бы самой полной и разносторонней картиной сельской Франции³.

Затем надлежало бы опубликовать все документы, относящиеся к продаже национальных имуществ, имуществ первого происхождения (церковных) и имуществ второго происхождения (имуществ Мальтийского ордена и эмигрантов). Как ни интересны и значительны исследования Минцеса и Лучицкого, первыми вступивших на этот путь, как ни полезна совсем недавно опубликованная и слишком сжатая работа г-на Лекарпантье о продаже национальных имуществ в департаменте Нижняя Сена, все же необходимо иметь перед глазами детальное описание этих операций⁴.

Г-н Рувьер сделал это по департаменту Гар⁵, и, если бы аналогичная работа была проведена систематически и под надлежащим контролем по всем департаментам, мы имели бы четкое представление о величайшем перемещении земельной собственности, имевшем когда-либо место со времен вторжений варваров. По-видимому, во многих случаях историков и местных ученых останавливала боязнь задеть потомков приобретателей национальных имуществ, поскольку эти потомки ныне стали контрреволюционерами. Например, г-н Эли Россиньоль, автор весьма содержательной и замечательной книги по „Истории округа Гайак во время Революции“ (Тулуза, 1890 г.)⁶, очень точно проследил ход распродажи имуществ, но явно сохранил для себя большую часть результатов

своих исследований: „С 24 мая 1790 г. муниципалитет Гайака принял за поиски капиталистов, чтобы собрать необходимые фонды для приобретения надлежащих имуществ. 13 августа муниципалитет постановил подать письменную заявку на все имущества, расположенные на территории коммуны, а 22 августа „ввиду больших выгод от этих приобретений“ он распространил свое заявление на имущества, расположенные на территории коммун Бранс, Монтан, Эннэ и прихода Градий. Его заявление было принято 6 и 7 сентября. Но работа по оценке имуществ затянулась, и продажа, одобренная 11 мая Комитетом отчуждений и 15 мая Национальным собранием, окончательно была предписана в Париже лишь 2 ноября и зарегистрирована в департаменте 6 декабря и в дистрикте — 16 декабря. Имущества были оценены в 213 355 ливров. Но перепродажа имуществ началась с января 1791 г., продолжалась в течение этого года и в 1792 г. и принесла 410 505 ливров. Так, например, ферма Лонгвиль, оцененная в 28 250 ливров, была перепродана за 56 тыс. ливров; строения, принадлежавшие аббатству Командери и оцененные в 7585 ливров, были проданы за 16 300 ливров; мельницы на ручье Крупу, оцененные

1. Помимо уже упоминавшихся публикаций — Archives parlementaires, Recueil des actes du Comité de salut public, La Société des Jacobins, — см. также:

„Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution (опубликованные и прокомментированные Сижисмондом Лакруа). Paris, 1894—1914, 16 vol., in-8°.

Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée législative (опубликованные и прокомментированные Ж. Гийомом). Paris, 1889, in-8°; Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale (опубликованные и прокомментированные Ж. Гийомом). Paris, 1890—1907, 6 vol. in-8°.

2. Публикация наказов составляла одну из основных задач комиссии, созданной в 1903 г. См.: „Répertoire critique des cahiers de doléances pour les États généraux de 1789“ (опубликованный Беатрисой Ф. Хислон). Paris, 1933; Béatrice F. Hyslop. Supplément au répertoire critique des cahiers de doléances... Paris, 1952.

3. De Charmasse et Montarlot. Cahiers des paroisses et

communautés du bailliage d'Autun, pour les États généraux de 1789. Autun, 1895. „L'Annuaire d'Eure-et-Loir“ опубликовал в 1848 г. наказы некоторых приходов главного баляжа Шартр. См. выше, т. 1, кн. 1, стр. 285.

4. B. Minzes. Beitrag zur Geschichte der Nationalgüterveräußerung in Laufe der französischen Revolution, mit besonderer Berücksichtigung des Departement Seine-et-Oise. Iéna, 1892; J. Loutchisky. La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. — „Revue historique“ 1895, t. LIX; G. Leccarpentier. La Propriété foncière du clergé et la vente des biens ecclésiastiques dans la Seine-Inférieure. Rouen, 1901. См. выше, стр. 91, прим. 1, стр. 120.

5. Fr. Rouvière. L'Aliénation des biens nationaux dans le Gard. Nîmes, 1900. Эта публикация воспроизводит акты продажи, но извлек из нее численные данные.

6. E.-A. Rossignol. Histoire de l'arrondissement de Gailhac... pendant la Révolution, de 1789 à 1800. Toulouse, 1890.

в 20 900 ливров, были проданы за 41 300 ливров; аббатство Сен-Мишель, оцененное в 28 600 ливров, было продано за 41 300 ливров.

Муниципалитет Лилля тоже подал заявление на приобретение многих имуществ, которые были ему переданы 15 февраля 1791 г. за 204 445 ливров; к 31 декабря того же года они были перепроданы за 286 894 ливра. Муниципалитеты Пероя, Теку, Лапелисарье и Бернака тоже подали заявления на приобретение имуществ.

Декретами от августа и сентября 1791 г. одна шестнадцатая часть вырученного от перепродажи имуществ предназначалась для погашения долгов муниципалитетов. В ноябре 1792 г. принимались меры по выполнению этих декретов, а 25 февраля 1793 г. последовало предписание о ликвидации шестнадцатых долей.

На 1 августа 1791 г. было продано национальных имуществ на 1800 тыс. ливров, а на 1 ноября того же года — на 1 975 432 ливра. Оставалось продать еще на 224 тыс. ливров, не считая имуществ, коих продажа была отсрочена и стоимость которых без лесов достигала 150 тыс. ливров. Бестелесные имущества, коих выкуп был разрешен, оценивались в один миллион. Таким образом, общая стоимость национальных имуществ дистрикта, проданных в то время или оцененных, составляла 3 350 432 ливра, и еще оставалось продать аббатства Командери и капуцинов в Гайаке, августинцев в Лилле и приорство в Рабатенсе.

Таким образом, продажа национальных имуществ, выручка от которой превысила 2 млн., была проведена в течение одного года. Покупателям были предоставлены большие льготы по выплате, которая могла производиться посредством 12 годичных взносов. Покупатели съезжались со всех сторон. Мы не собираемся их называть. Многие, конечно, видели в этом выгодную спекуляцию или способ создать себе крупное состояние в недвижимости. Но были среди покупателей и ревностные католики, и убежденные сторонники старого порядка. Доказательством этого является большое число покупателей, которые затем эмигрировали. Когда министра внутренних дел спросили, надлежит ли опять продать с торгов купленные ими имущества для покрытия выплат или они подлежат конфискации, как принадлежащие эмигрантам, он ответил в марте 1793 г., что эмиграция покупателей не может изменить назначения этих имуществ, служащих обеспечением ассигнатов, и поэтому они должны быть опять проданы с торгов¹.

Трудно дать в столь сжатом виде более точное и более четкое представление о положении вещей. И видно, что г-н Россиноль мог бы нам дать самое точное и строго проверенное изображение хода распродажи имуществ, если бы консервативные предрассудки или щепетильность не склонили его к убеждению, что не следует называть имена покупателей. Странная забота. Нет ничего позорного в том, что происходишь от людей, приобретших национальные имущества; следовало бы, пожалуй, стыдиться тем,

кто отрекается от революционного движения. Но история выше всего этого, и для установления правды важно, чтобы всюду были опубликованы реестры и регистрационные книги продаж, чтобы имя и звание покупателя были указаны. Это единственное средство для изучения того, как распределились национальные имущества между различными классами общества.

А как интересно было бы установить изменение соотношения между различными социальными классами среди покупателей национальных имуществ, между крестьянами, буржуа, финансистами, за время между первым периодом продаж, когда продавались владения духовенства, и вторым периодом, когда продавались имущества эмигрантов! Это было бы великолепное проникновение в глубь социальной жизни нового мира. Но до опубликования всех сводок продаж придется довольствоваться догадками или частичными и ненадежными выводами. Следовательно, требуется большая изыскательская работа в этом направлении и публикация ее результатов¹.

Очень важно также, чтобы местные исследователи, руководимые и поощряемые Обществом истории Французской революции, возможно больше интересовались тем, что происходило после продажи с сельскими и городскими недвижимостями, купленными буржуа или крестьянами, каким переделкам они подвергались, как их использовали. Я имел возможность заметить мимоходом по газетам того времени, что некоторые парижские монастыри были использованы немедленно после продажи для торговых целей. Если бы точно установить превращение во многих городах монастырей, трапезных и часовен в склады или мастерские и если бы знать, в какие именно мастерские, то мы бы выявили вплоть до деталей то чрезвычайное экономическое оживление, которое было вызвано Революцией.

Наконец, кроме крестьянских приходских наказов, кроме реестров продаж национальных имуществ, было бы в высшей степени важно опубликовать все документы, относящиеся к продовольственному снабжению, всю переписку Продовольственного комитета, все постановления, все таблицы, все письма и петиции, касающиеся установления и функционирования „максимума“².

1. Об итогах исследований по этому вопросу см.: Georges Lefebvre. La vente des biens nationaux. — „Etudes sur la Révolution française“. Paris, 2e éd., 1963, p. 307. Вопрос о национальных имуществax был вновь рассмотрен Жоржем Лефевром в „Questions agraires au temps de la Terreur“ (2e éd., 1954) в связи с вавтозскими декретами.

2. См.: La Commission des subsistances de l'an II. Procès-verbaux et actes, publiés par Pierre Caron, Paris, 1925, in-8°. В качестве регионального примера см.: Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la Révolution (1788—an V), publiés et annotés par Georges Lefebvre, Lille et Paris, 1914—1921, 2 vol. in-8°.

Это богатейшие залежи информации. Тот, кто мог бы порыться в них спокойно, не торопясь, извлек бы оттуда в высшей степени важные сведения о состоянии различных отраслей промышленности, о ценах на всякого рода предметы, на изделия промышленности и на сырье, о заработной плате, о соотношениях между постоянным и переменным капиталом в каждой отрасли производства, о повышении или снижении активности мануфактур, о требованиях поденщиков и об экономических и социальных концепциях Революции. Работа г-на Биолле, впрочем весьма добросовестная, упускает из виду бесчисленное множество моментов¹. Да и как использовать все богатство информации, пока все сведения не классифицированы в соответствии с требованиями науки, не централизованы и не опубликованы? Я внимательно изучал этого рода документы, находящиеся в архивах департамента Тарн, я дал снять фотокопии с некоторых из них и включу их в том, посвященный Конвенту; они показывают результаты введения максимума в самых малых сельских общинах.

Я пытаюсь извлечь возможно более богатую информацию из архивов Парижа. Но на самом деле исследователь не может извлечь из этих богатств всю ту пользу, которая могла бы быть извлечена из них. И не только потому, как это утверждает г-н Олар, что при нынешней разбросанности источников не хватило бы человеческой жизни, чтобы их охватить, но и потому, что надлежало бы сопоставить таблицы цен по всем областям, по всем городам, так чтобы выявить все разнообразие производства и все колебания сдельной оплаты. Однако физически невозможно переписать все эти таблицы и сопоставить их между собою.

Только путем большой коллективной работы можно будет осуществить обширную публикацию, в которой будут собраны все экономические и социальные данные и подвергнуты терпеливому и методическому анализу исследователей. Ведомство труда, привыкшее к обработке статистических материалов по заработной плате и ценам, к обследованию промышленности и к профессиональным переписям, должно было бы получить достаточные кредиты, чтобы осуществить совместно с Обществом истории Французской революции огромный и необходимый труд, который позволил бы нам наконец получить живое представление о грандиозном социальном движении. Вся эта работа еще впереди, ибо г-н Тэн рылся в архивах только для того, чтобы подсчитать, сколько стекол было разбито восставшим народом во время Революции.

Но если верно, что тем, кто, подобно нам, стремится познать не только экономическую жизнь Революции, но всю ее жизнь в целом, политическую и экономическую, недостает необходимых орудий труда и важнейших средств информации, то из этого вовсе не следует, как это кажется под впечатлением слов г-на Олара, будто историк совершенно бессилен.

Прежде всего, если он и не может полностью охватить содержимое архивов, он может по крайней мере достаточно ориентироваться в них, чтобы наметить некоторые широкие и ясные перспективы. И важно отметить, что многие известные тексты, уже давно напечатанные речи в Собраниях, доклады комиссий и министров, напечатанные предложения депутатов, газеты приобретают совершенно новый смысл и открывают до того совершенно неизвестные факты, когда читаешь их, уделяя особое внимание экономическим вопросам. Теперь нас удивляют и почти шокируют те пробелы и проявления чрезвычайной наивности, которые столь изобилуют в сочинениях крупнейших историков Революции. Это могло бы стать предметом весьма любопытного исследования об историках Революции. Но здесь не место этим заниматься. Самым крупным историкам недоставало не столько документов, сколько интереса и чутья к экономической эволюции, к глубокой и изменчивой социальной жизни. Это чутье, ныне пробужденное у самых скромных из нас широкими воззрениями Маркса, успехами социализма и работами историков французской и русской школ², позволяет нам лучше читать и лучше видеть. Соответствует ли общий результат затраченным нами усилиям? Пусть об этом судят читатели по мере продвижения нашего труда.

Мне остается добавить только весьма краткие замечания:

1. Иногда может показаться, что я злоупотребляю цитатами или что я не ограничиваюсь самой главной и характерной фразой. Но мне так часто доводилось убеждаться в том, что чрезмерное сокращение цитаты искажает ее смысл, что я предпочел, хотя бы ценою некоторых длиннот, поставить непосредственно самого читателя в контакт со всей правдой текстов.

2. Хотя я и старался, как правило, выявлять зародыши явлений, отмечать степени и нюансы, я иногда откладывал изложение некоторых дискуссий и вопросов, как, например, прения в Учредительном собрании о наследственном праве, до того момента, когда прогресс идей завершался принятием определенного закона, то есть действием. Не следует поэтому удивляться, что в этом первом томе мы не находим истоков и отправных точек всех событий.

3. Включенные в текст гравюры представляют собой репродукции эстампов или карикатур того времени. Я надеюсь, что читатели оценят всю важность их значения как документов. Разумеется, я не всегда разделяю выражаемое этими рисунками чувство.

1. L. Biollay. Etudes économiques sur le XVIIIe siècle. Les prix en 1790. Paris, 1886.

2. Среди работ французских историков тех лет, когда писал Жорес, можно назвать: P. H. Sag-

nac. La Législation civile de la Révolution française. La propriété et la famille. 1789—1804. Paris, 1898. Среди русских историков следует назвать Кареева, Ковалевского и особенно Луничского.

Есть рисунки революционные, есть и контрреволюционные. Иногда они тонкие и прелестные, иногда — грубые, которые нравятся мне меньше. Но в общем это различное и разнообразное выражение широкого движения.

Для меня было большой радостью подбирать в музее Карнавала при любезном содействии г-на Жоржа Кэна и его сотрудников эти рисунки, еще сохранившие тепло жизни и жар Революции. И какая это радость вновь вернуть их к жизни.

Жан Жорес

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенель Ж., 2: 72, 76—78
 Адвиселль Виктор 1: 179
 д, Аллард 1: 512
 Альбер Мартен Александр 1: 36
 Амель Эрнест 2: 225
 Ангулемский, герцог 1: 164
 Андре д' (Д'Андре), член Учредительного собрания 2: 321
 Ансон 2: 60, 61
 Аржансон Марк Пьер, граф д' 1: 492, 493
 Аржансон Рене Луи, маркиз д' 1: 127, 493, 495
 Аркрайт Ричард 1: 108, 109
 Арне, участник штурма Бастилии 1: 341
 Арно Антуан (великий Арно) 1: 152
 Арно-Тизон 2: 14
 Арну, член Учредительного собрания 1: 376, 377
 Арну, помощник директора торгового ведомства 1: 86, 87
 Арну д'Эпернэ, мэр Луана 2: 24
 Арсани (Harsany Z.-E.) 1: 299
 Артуа, граф д' 1: 220, 431—433, 435—437; 2: 277, 283, 295—297, 309, 310, 361, 362, 364
 Бабёф Гракх (Франсуа Ноэль, 1: 34, 105, 178, 179, 344, 445; 2: 190, 210, 243, 385
 Байи Жан Сильвен, мэр Парижа 1: 48, 52, 321, 329, 348, 388—390, 437; 2: 25, 26, 28, 195—197, 262, 289, 304, 321, 325, 326, 349, 352—354
 Бако де ла Шапель, мэр Нанта 2: 23
 Бакон Пьер 2: 198, 201
 Бальзак Оноре де 2: 26
 Банкаль Дезиссар, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом 1: 340
 Барантен, хранитель государственной печати 1: 308, 309
 Барбару Шарль Жан Мари 2: 10, 11
 Барбюс Анри 1: 18
 Барсин, прокурор-синдик в Бордо в 1790 г., депутат Законодательного собрания от департамента Жиронда 2: 7
 Барер Бертран 1: 481, 484
 Барнав Жозеф 1: 88, 136—138, 141—145, 147, 173, 190, 195, 248, 317, 331, 382, 451—453, 466; 2: 46, 166, 176, 178—181, 186—188, 253, 254

- 262, 279, 317, 327, 328, 332—335, 346, 356—361, 372, 373, 377, 379
- Баррес Морис 1: 24
- Бартон Томас 1: 89
- Барту Луи 1: 16
- Безанваль, барон де, военный комендант Парижа 1: 346, 347
- Белый Андрей 1: 24
- Бергас, член Учредительного собрания 2: 13
- Бергаст, швейцарский негоциант, обосновавшийся в Марселе 1: 95
- Бернар Анжуйский 2: 7
- Бернштейн Эдуард 1: 14
- Бертье, командующий версальской гвардией 2: 290
- Бертье де Совиньи, интендант Парижа 1: 344, 345
- Бертолле Клод Луи 1: 152
- Бертрам де Мольвиль, министр военно-морского флота в 1791 г. 2: 309
- Берту Пьер Гийом, конституционный приходский священник 2: 259, 261
- Бессен, оратор из Сент-Антуанского предместья 1: 347
- Бетман фон, немецкий банкир, поселившийся в Бордо 1: 89
- Биолле Л. 2: 390
- Бисмарк Отто фон 1: 11
- Блан Луи 1: 34—36, 181; 2: 204, 231, 320
- Бланки Огюст 1: 11; 2: 224
- Блок Марк 1: 193
- Бодо, аббат, физиократ 1: 178, 179, 248
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де 1: 414
- Бомбель, маркиз де 2: 296, 297, 309
- Бомец, депутат Учредительного собрания 2: 215, 225
- Бонвиль (Бонневиль) Никола де 1: 183]
- Боннак, епископ Аженский 2: 255
- Боннафе, бордоский арматор 1: 92, 96
- Бонсерф П. Ф. 1: 51, 255
- Бопуаль де Сент-Олар, епископ Пуатье 2: 255
- Боссюэ Жак Бенинь 1: 203
- Бре Франсуа, член муниципалитета Лиона в 1790 г. 2: 14
- Брежнев Л. И. 1: 21
- Брезе — см. Дрё-Брезе, маркиз де
- Бретей, барон де 2: 282, 292, 295, 297, 308—310, 313, 315, 363, 364
- Бретт А. 1: 217
- Бреш Ф. 1: 213
- Бриан Аристид 1: 11, 17, 24
- Бридо 2: 262
- Бриссо Жак Пьер 1: 368, 369, 376, 390, 466; 2: 175, 176, 337, 340, 341, 344, 345, 354, 358, 382
- Бродель Фернан 1: 41
- Брольи Виктор Франсуа, маршал де 1: 346, 399, 451, 463
- Брут Марк Юний 1: 421
- Брюле, инженер 2: 198, 201
- Буажелен, архиепископ Эксский 2: 41, 251
- Буало Никола́ 1: 153
- Буасси д'Англа Франсуа Антуан 2: 137
- Буато Поль 1: 48, 49, 51, 60
- де Буйе Ф. С., маркиз де 1: 51, 57, 60, 88, 248, 417; 2: 168—170, 280, 282, 283, 290, 293, 294, 310, 311, 319, 323, 325, 332, 334, 348, 352, 363, 366
- Буонаротти Филиппо Микеле 1: 445
- Буш, член Учредительного собрания 1: 423
- Бюзо Франсуа 1: 367, 369, 372, 454; 2: 32
- Бюффон Жорж Луи Леклерк 1: 70; 2: 139, 376
- Бюше Филипп 2: 351
- Вадье Марк Гийом 2: 337—339, 373, 374
- Валь Морис 1: 116, 126, 132; 2: 14
- Варенн 1: 94
- Вентринье 2: 14

- Вермаль Фр. 2: 121
- Вермерен Жан, сахарозаводчик в Бордо 2: 89
- Вернике, архитектор 1: 166, 167
- Верньо Пьер 2: 303
- Версан, граф де 1: 322
- Виалэ М. 2: 121
- Вилькье герцог де 2: 305
- Вильруа 1: 118
- Вирье 2: 321
- Вите Луи, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 2: 14, 19
- Витт Антуан 2: 24
- Витт Жан де 1: 85
- Вобан Себастьян ле Претр 1: 57, 153; 2: 379
- Вобере, член муниципалитета Лиона в 1790 г. 2: 14
- Вовилье де ла Мориньер де, профессор Коллеж де Франс, член Парижского муниципалитета в 1789 г. 2: 25
- Водрёйль граф де, друг графа д'Артуа 1: 434, 435
- Вожелá 1: 85
- Вокансон Жан де 1: 108, 109, 116
- Волгин В. П. 1: 155; 2: 143, 385
- Вольней (Вольне) Константин Франсуа Шасбёф де 1: 490, 491
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ 1: 58, 75, 178, 206, 307, 355; 2: 141, 143, 376, 378, 379
- Галилей Галилео 1: 38
- Гара Жозеф 1: 484, 485
- Гарнье, аббат 2: 43
- Гатцфельд О. 2: 91
- Гаюи Рене Жюст 1: 70, 71
- Гед Жюль 1: 13, 14, 17
- Генрих IV 1: 150, 151
- Георг III, король Англии 2: 366
- Гепэн А. 1: 98; 2: 10—12
- Герцберг 2: 285
- Герш, маркиз 1: 251
- Гёте Иоганн Вольфганг 1: 452
- Гизо Франсуа Пьер Гийом 1: 34, 478; 2: 357
- Гийемо Л. 2: 20, 89, 92, 99, 120, 261
- Гийом, член Учредительного собрания 2: 359
- Гийом Ж. 2: 387
- Гильотен Жозеф 1: 80, 81, 186, 339, 340
- Гино, участник взятия Бастилии 1: 342
- Гинье, иезуит 2: 273
- Гобель, епископ Парижский 2: 252, 253
- Гогенцоллерны, династия 1: 11
- Голи Бенжамен, конституционный приходский священник 2: 271—273
- Гонкуры, братья (Эдмон и Жюль) 2: 212—214
- Гране, депутат Законодательного собрания от департамента Буш-дю-Рон, а затем член Конвента 2: 8, 9
- Грегуар Апри, аббат 1: 152, 153, 221, 423, 475; 2: 147, 252—254, 336
- Гувьон, генерал-майор 2: 321, 326
- Гудар П. Л., член Учредительного собрания 1: 87
- Гужено де, дворецкий 2: 305
- Гуй д'Арси, маркиз де 1: 344, 345
- Густав III, король Швеции 1: 53; 2: 280—282, 367
- Густав IV, король Швеции 2: 281
- Далин В. М. 1: 179; 2: 243, 385
- Д'Андре, депутат Учредительного собрания 2: 225
- Дантон Жорж Жак 1: 349, 421, 485; 2: 26, 27, 301—303, 345, 348, 354, 355
- Дарест де ла Шаванн 2: 300, 301
- Девилль Ж. 1: 42
- Декарт Рене 1: 71, 152
- Делессар, министр 2: 277
- Делэ д'Ажье, депутат Учредительного собрания 2: 79

- Деменье, член директории Парижского департамента в 1791 г. 1: 478, 480; 2: 28, 330, 331
- Делькассе Теофиль 1: 18
- Демулен Камиль 1: 160, 182, 183, 329, 394, 438, 482, 485—487; 2: 167, 226, 246, 303, 354
- Дени С. 1: 89
- Депремениль 2: 321
- Дерулед Поль 1: 16
- Дефермон, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Иль и Вилен 1: 477
- Дешан Леон 1: 87; 2: 173
- Джонстон Уильям 1: 89
- Джэй 1: 108
- Дидро Дени 2: 141, 376, 378
- Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд 1: 11
- Добантон Луи Жан Мари 1: 252, 253
- Доке, мадемуазель 2: 370
- Дорво, прокурор нантской коммуны в 1791—1792 гг. 2: 23
- Доши, депутат Учредительного собрания 2: 355
- Дрё-Брезе, маркиз де 1: 322, 324, 328; 2: 298
- Друэ Жан Батист 2: 331
- Дрюмон Эдуар 2: 42, 43
- Дюбрёйль 2: 121
- Дюбуа 2: 174
- Дюбуа-Крансе Эдмон Луи, депутат Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Арденны 1: 454; 2: 158, 159
- Дюбуа де Фоссе, Ф. Я. А., секретарь Арасской академии 1: 179
- Дюкостель, участник штурма Бастилии 1: 342
- Дюло, архиепископ Арльский 1: 384
- Дюма, полковник штаба 2: 333
- Дюпен де Франкей 1: 74, 75
- Дюпон де Немур Пьер Самюэль 1: 51, 63, 156, 157, 181—183, 224, 266, 288, 489; 2: 32, 337
- Дюпоны, лионские негодянты 2: 14
- Дюпор Адриан 1: 368, 369, 377, 382, 423, 451, 475, 477; 2: 166, 317, 360, 361
- Дюпор-Дютертр, министр юстиции 2: 277, 288, 329
- Дю портал, военный министр в 1790—1791 гг. 2: 277
- Дюпон, прокурор-синдик лионского муниципалитета в 1790 г. 2: 14, 15, 17
- Дюшон Шарль 1: 16
- Дюрас де 2: 305
- Дюрфор де Дюра, генерал национальной гвардии Бордо 2: 7
- Екатерина II 2: 369
- Ефраим, агент короля Пруссии 1: 396; 2: 285
- Жайо 1: 163, 165—167
- Жакэн, член лионского муниципалитета 2: 14
- Жалле 1: 317
- Жанна д'Арк 1: 150
- Жансонне, депутат от департамента Жиронда в Законодательном собрании и в Конвенте 2: 7, 8
- Жарант, епископ Орлеанский 2: 252
- Жевр, герцог де 1: 278
- Жерль, дон, шартрезский монах 2: 146, 147
- Жермен-Мартен 2: 382
- Жиро Ш., аббат 2: 93
- Жоли де, министр юстиции в 1792 г. 1: 478
- Жомм Монтаньи Луи, глава директории департамента Жиронда 2: 8
- Жорже, участник штурма Бастилии 1: 342
- Жуанс, промышленник из Бордо 1: 88
- Жюллиан Камиль 1: 89—91; 2: 7
- Жюллиани Ж. 1: 98, 173
- Жюссье Антуан Лоран 2: 27
- Зибель Г., фон 2: 216, 370
- Изабо Клод Александр, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара 2: 9

- Иисус Христос 2: 142, 151, 271
- Иоаннисян А. Р. 2: 385
- Иосиф II, император Австрии 1: 53, 432, 434
- Кабе Этьенн 1: 35
- Каволо, приходский священник из Вандей 2: 267, 271
- Казалес Жак де 1: 221, 324, 325, 448, 474, 481; 2: 318
- Калигула Гай Цезарь 2: 337
- Калонн Шарль Александр де 1: 250, 298, 306, 449; 2: 295, 364
- Камбон Жозеф 2: 137
- Камю Арман Гастон, депутат Учредительного собрания, затем Конвента 1: 152, 153; 2: 126, 127, 147—149
- Кантэн, член муниципалитета Нанта 2: 23
- Кареев Н. И. 1: 247, 283; 2: 391
- Карл II Злой, король Наварры 1: 149
- Карл VI, король Франции 1: 150
- Карл Эдуард, внук Якова II 2: 45
- Карра Ж. Л., депутат Конвента от департамента Сона и Луара 1: 338, 339; 2: 382
- Карре, член муниципалитета Лиона в 1790 г. 2: 14
- Каррье Жан Батист, депутат Конвента от департамента Канталь 2: 12, 13
- Картрайт Э. 1: 108
- Кастеллан граф де, член Учредительного собрания 1: 311
- Катер, бордоский арматор 1: 89
- Кенз Франсуа 1: 154, 157
- Кеплер Иоганн 1: 38
- Кёр Жак 1: 96
- Кервеган, мэр Нанта в 1791 г. 2: 23
- Кине Эдгар 1: 330, 331; 2: 147
- Клавье, член муниципалитета Нанта в 1789—1793 гг. 2: 23
- Клавьер Этьенн 1: 86, 87, 112, 207
- Клемансо Жорж 1: 11, 16, 24
- Клермон-Тоннер, граф де, член Учредительного собрания 1: 333
- Ковалевский М. М. 2: 391
- Кольбер Жан Батист 1: 90, 155, 166
- Конде Луи Жозеф де Бурбон, принц де 1: 431, 434; 2: 277, 283, 291, 296, 297
- Кондорсе Антуан 1: 390, 441, 445; 2: 24, 25, 68, 69, 175, 337, 342—345, 348, 356, 376, 382
- Конт Огюст 2: 138, 139
- Конти, принц де 1: 431
- Корнель Пьер 1: 483
- Коттен 2: 121
- Креньер, член Учредительного собрания 1: 450, 451
- Кромвель Оливер 2: 336, 337, 342
- Крузе М. 1: 41
- Курпон, офицер национальной гвардии Бордо 2: 7
- Куси де, епископ Ла-Рошели 2: 263
- Кутюрье, юре из Салписа 2: 254
- Кучеренко Г. С. 2: 143, 385
- Кюниевье Луи Себастьян, участник штурма Бастилии 1: 342
- Лаборд, член Учредительного собрания 2: 225
- Лабрус Эрнест Камиль 1: 190, 191, 193, 213—215, 253, 459, 460
- Лависс Эрнест 1: 41, 42; 2: 23, 125
- Лавуазье Антуан Лоран 1: 57, 62, 63, 75, 76, 390; 2: 54, 68, 70, 71
- Лагасс 2: 321
- Ла Галиссоньер 2: 321
- Лажы (семейство) 2: 14
- Лакло Пьер Шодерло де 1: 183; 2: 348, 354
- Лакост-Мессельер, маркиз де, член Учредительного собрания 1: 373, 2: 32
- Лакруа Сижисмонд 1: 339; 2: 387
- Лалли-Толандаль, граф де, член Учредительного собрания 1: 356, 387, 388, 469
- Ла Люэерп, министр военно-морского флота 1: 336, 337; 2: 276, 277

Ламарк, граф, член Учредительного собрания 1: 443; 2: 303
 Ламбер, министр 2: 277
 Ламбер, бордоский промышленник 1: 88
 Ламбеск Шарль Эжен принц де 1: 339
 Ламет Александр, барон де 1: 88, 243, 373, 451-453, 484; 2: 147, 166, 253, 317
 Ламет Теодор, граф де 1: 451, 452
 Ламет Шарль, граф де 1: 88, 243, 451—453; 2: 166, 276, 317, 353
 Ланжевен Луи, нантский промышленник 1: 99, 100
 Лаплас Пьер Симон 1: 70, 152
 Лапорт, интендант гражданского листа 2: 329
 Ла Рени де, участник штурма Бастилии 1: 342
 Ларошфуко, кардинал де, член Учредительного собрания 1: 321, 378; 2: 264
 Ларошфуко-Лианкур, герцог де, член Учредительного собрания 1: 243, 251, 311; 2: 73, 77, 185, 232, 233, 337
 Ласепед Бернар Жермен Этьенн 2: 27
 Лассаль Фердинанд 1: 108, 109, 129
 Латур дю Пен, граф де, министр 2: 276, 277
 Латур-Мобур, комиссар, посланный в Варонн 2: 332
 Лаутон Абрахам 1: 89
 Лафайет Мари Жозеф, маркиз де (Мотье) 1: 243, 245, 311, 321, 322, 348, 357, 388, 392, 394, 412, 420, 421, 427, 428, 443, 447; 2: 163, 164, 166, 168, 169, 195-197, 278, 279, 286, 287, 289, 290, 304-307, 321, 322, 324—327, 337, 352, 353
 Ла Фёйад, маркиз де 1: 165
 Лафон-Савин, епископ Вивье 2: 252
 Ле Бретон П. 2: 375
 Левандовский А. 2: 385
 Леган до Керангаль, член Учредительного собрания 1: 364, 365

Легран, член Учредительного собрания 1: 320, 321, 474
 Легри, участник штурма Бастилии 1: 342
 Лежэ Ф. 2: 89, 91—93, 120
 Лезардьер, барон де 1: 434, 435
 Лекарпантье Ж. 2: 121, 386
 Леклер, священник из Комба, член Учредительного собрания 2: 254
 Леклер де Жюинье, архиепископ Парижский 1: 321
 Лекуэнтр Лоран, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента 1: 418
 Ленге 1: 175, 176
 Ленде Робер, депутат Законодательного собрания, затем Конвента, член Комитета общественного спасения 1: 184, 185; 2: 6, 7
 Ленин В. И. 1: 7, 9, 13—15, 19, 20, 26
 Леноэль-Шере Мария Луиза, участница похода на Версаль в октябре 1789 г. 1: 420
 Леон П. 1: 137
 Леопольд II, император Австрии 2: 308, 309, 362, 367, 369, 370
 Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель 2: 15
 Леспинас, мадемуазель де 2: 378
 Лефевр Жорж 1: 25, 29, 42, 65, 193, 197, 199, 201, 208, 298, 302, 303, 305, 309, 323, 351, 357, 443, 457-461; 2: 91, 117, 120, 122, 123
 Лефран де Помпиньян, архиепископ Вьеннский, член Учредительного собрания 2: 249
 Ле Шапелье И. Р. Г., член Учредительного собрания 1: 312, 313, 315, 333, 339, 451, 512; 2: 48, 49, 77, 161, 213, 219, 222—226, 231, 232, 236, 240, 242, 244, 316
 Ле Шевалье 2: 121
 Липной Карл 1: 70
 Лихтенберже Андре 1: 174—177, 182, 482; 2: 384
 Ллойд Джордж Дэвид 1: 11

Ломени де Бриенн Этьенн Шарль 1: 298, 299, 460, 511, 512; 2: 252, 265—267
 Лонэ де (Делонэ), последний комендант Бастилии 1: 341, 342, 344, 346
 Лотте С. А. 1: 159
 Лоу Жан 1: 55, 99, 361; 2: 55
 Лувуа, маркиз де 1: 164, 166
 Луи Филипп, король Франции 1: 34, 84, 129, 393, 444, 469, 470, 487; 2: 27, 205, 379
 Лустало Элизе 1: 343, 368, 390—393, 398, 400, 403, 408, 411, 417, 482, 486-488; 2: 164, 170, 298
 Лучицкий И. В. 1: 199, 202, 303; 2: 89, 91, 120-122, 386, 391
 Люблинская А. Д. 1: 459
 Людовик IX (Людовик Святой), король Франции 1: 168
 Людовик XI, король Франции 1: 52
 Людовик XIII, король Франции 1: 269
 Людовик XIV, король Франции 1: 52, 66, 86, 92, 93, 116, 152, 153, 269
 Людовик XV, король Франции 1: 80, 90, 152, 190, 459; 2: 7, 262, 363
 Людовик XVI, король Франции 1: 54, 80, 91, 100, 152, 163, 164, 167, 168, 184, 190, 193, 198, 199, 269, 310, 314, 329, 336, 346, 355, 384, 395, 406, 407, 426, 429, 431, 434, 444, 446, 447, 459, 498; 2: 7, 321, 322, 363, 370
 Люксембург Роза 1: 13, 19, 20
 Лютер Мартин 2: 261, 271
 Лъёто Жан Франсуа, командующий национальной гвардии Марселя 1: 97; 2: 10
 Мабли Габриель Бонно де 1: 176, 177, 483
 Мазанг, епископ Тулонский 2: 249
 Мазарини Джулио 1: 93, 151
 Май, маркиз де Фаврас 1: 436, 437
 Майяр Станислав, участник штурма Бастилии 1: 342, 343, 420, 423—426
 Макдональд Рамсей Джеймс 1: 11, 14
 Маккарти Денис, ирландский негониант, обосновавшийся в Марселе 1: 89
 Малюз Пьер Виктор, член Учредительного собрания 1: 64, 65, 88, 308, 311, 312, 315, 317, 380, 381, 386, 388, 443, 450, 453, 484, 489; 2: 283
 Мальсень, офицер, посланный в Нанси Лафайетом 2: 169
 Мальтус Томас Роберт 1: 129
 Манфред А. 3. 1: 26, 179; 2: 299, 385
 Марат Жан Поль 1: 390, 412—415, 417, 449; 2: 15, 24, 30, 183-185, 188-191, 193-202, 204, 206-210, 213-215, 217, 226, 228-231, 233, 240, 273, 288—291, 299, 300, 320—327, 337, 338, 352, 354, 374, 382, 383
 Маре Матьё 1: 55
 Марсшаль Сильвон 2: 385
 Мари, подрядчик в XVII в. 1: 165
 Марион М. 2: 120, 121
 Мария Антуанетта, королева Франции 1: 167, 172, 424, 431, 432, 434, 435; 2: 279—281, 291, 294, 295, 308, 321, 322, 363, 370
 Марк, участник штурма Бастилии 1: 342
 Маркс Карл 1: 13, 21—23, 35, 37—40, 60, 74, 79, 129, 136, 138, 142, 145, 247; 2: 139, 205, 221, 222, 225, 226, 231, 240, 241, 243, 244, 383, 391
 Марсель Этьенн 1: 149
 Мартен В. 2: 155
 Мартен Дош, член Учредительного собрания 1: 322, 323
 Мартен дю Гар Гоже 1: 10
 Мартен Сен-Леон Э. 1: 82
 Мартино, член Учредительного собрания 2: 135, 225

Мартэн Этьенн (Справедливый), мэр Марсея, затем депутат Законодательного собрания 2: 23
 Маршан Этьенн 1: 98, 99
 Матъез Альбер 1: 22, 25, 27—29, 42, 298; 2: 129, 137, 337, 371, 381
 Мелин Жюль 1: 178, 179
 Мелье Жан 1: 178; 2: 141, 143, 385
 Менье де Салинель 1: 94, 95
 Мерак, бордоский промышленник 1: 88
 Мерлен из Дуэ Филипп Огюст 1: 269, 464; 2: 369
 Мерси де, епископ Люсонский, член Учредительного собрания 2: 250, 251, 265, 282, 292, 296
 Мерси-Аржанто, граф де, австрийский посол во Франции 1: 432, 433, 435-437
 Мерсье Луи Себастиан 1: 76, 77, 123, 158, 159, 162, 163, 167, 172, 187, 250, 341; 2: 158
 Мерсье дю Роше, член департаментской администрации Ванден 2: 263
 Мильеран Александр 1: И
 Миннес Б. 2: 89—91, 120, 386
 Минье Франсуа Огюст Мари 1: 42
 Мирабо Виктор Рикети, маркиз де 1: 60, 61, 249, 250
 Мирабо Оноре Габриель Рикети, граф де 1: 73, 81, 97, 98, 105, 154, 169, 173, 187, 224, 226, 234, 310—320, 327—330, 332—337, 377, 380, 395, 396, 403, 415, 423, 424, 428, 439, 440, 442-450, 452, 454, 466, 482, 484, 507; 2: 8—10, 19, 30, 50—53, 67, 69, 70, 126, 127, 148, 149, 163, 166, 167, 169, 170, 175, 179, 187, 207, 240, 241, 279, 280, 284, 286, 290, 297—303, 316, 317, 361, 377
 Митчел, владелец стекольного завода в Бордо 1: 89
 Мишле Жюль 1: 21, 22, 39, 40, 135—137, 160, 190, 318, 319, 473; 2: 351
 Монен А. 1: 163, 169
 Монж Гаспар 1: 152
 Монлозье де 1: 311, 473, 474
 Монморанси, кардинал 2: 305
 Монморен, граф де, министр иностранных дел: 336, 337 2: 277, 284
 Монспе, маркиз де, член Учредительного собрания 1: 424
 Монтескье Шарль Луи 1: 70, 224, 307; 2: 140, 141, 267, 376, 378
 Монтескью, аббат де, член Учредительного собрания 1: 373, 374, 376
 Моо 1: 61, 202
 Море, кавалер де 1: 179, 188
 Морелли 1: 178
 Мори, аббат 1: 448, 474, 484, 2: 42—44, 46—48, 50, 63, 68, 81, 88, 89, 99
 Моро де Сен-Мери, член Учредительного собрания 2: 183
 Муазан М. 2: 121
 Муне Дени, лионский рабочий 1: 130, 133, 134
 Мунье Жан Жозеф 1: 137, 312, 319, 320, 322, 333, 339, 347, 380, 386-388, 417, 422, 426—428, 448, 449, 469, 470, 493; 2: 13
 Мунье Р. 1: 41
 Муссолини Бенито 1: И
 Мэ Оттавио 1: 116
 Мюге де Нанту, член Учредительного собрания 1: 422, 423; 2: 333
 Наполеон I Бонапарт 1: 68, 445, 452; 2: 345
 Неккер Жак 1: 64, 76—78, 133, 172, 176—178, 207, 217, 291, 309, 310, 316, 325, 328, 336, 338, 345, 355, 373, 395, 411, 438, 439, 443, 447, 462, 512, 513; 2: 29, 30, 59, 66, 276, 277
 Нерон Клавдий Цезарь 2: 337
 Ноай, виконт де, член Учредительного собрания 1: 360—363
 Нолак, член лионского муниципалитета в 1790 г. 2: 14
 Ньютон Исаак 1: 70; 2: 139
 Оже, мулат с Сан-Доминго 2: 180, 181
 Озе Анри 1: 82, 123; 2: 382
 Окур, граф де 1: 166

Олар Альфонс 1: 21, 23, 29, 199; 2: 355, 371, 381, 383—385, 390
 Омнес Франсуа 1: 102
 Орлеанский, герцог см. Филипп Эгалите
 Палери де Сави, мэр Лиона в 1790 г. 2: 14
 Палуа, подрядчик работ по сносу Бастилии 2: 215
 Панкук 1: 105
 Паскаль Блез 1: 71; 2: 8, 9
 Пасторе, маркиз де, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента в 1791 г., депутат Законодательного собрания 2: 150, 151
 Паш Жан Никола, военный министр, затем мэр Парижа 2: 119
 Пердигье Агриколь 1: 186, 187
 Перре, член лионского муниципалитета в 1790 г. 2: 14
 Перру К. 1: 115
 Перье Клод 1: 147
 Пессонель де, французский консул на Ближнем Востоке 1: 93, 94
 Петнион де Вильнёв Жером 1: 370, 403—406, 423, 424, 473, 479, 480, 484, 2: 57, 63-66, 175, 179, 328, 332, 335, 336, 340, 353—355, 360
 Пий VI, папа Римский 2: 264, 265, 274, 368, 369
 Плутарх 1: 21, 22, 40; 2: 377
 Поль-Бонкур Жозеф 2: 240
 Польверель Этьенн де, член Якобинского клуба в 1790 г. 2: 73, 75—77, 89
 Поре 2: 121
 Портье, депутат Конвента от департамента Уаза 2: 382, 383
 Поршнев Б. Ф. 2: 143, 385
 Потемкин Ф. В. 1: 87, 105, 109, 121, 127, 131
 Прайс 1: 108
 Пракситель 1: 24
 Преклен Э. 1: 202

Прессавэн, депутат Конвента от департамента Рона и Луара 2: 14
 Приёр из Марны Пьер Луи 1: 454,, 482, 483; 2: 353
 Прованский, граф де 1: 169, 330, 436-437; 2: 362, 364
 Прудон Пьер Жозеф 1: 34, 35
 Прудом 2: 226, 382
 Пуанкаре Раймон 1: И, 16
 Пуаре, кюре церкви Сен-Сюльпис 2: 150, 151
 Пута Ш. 2: 219, 247
 Пэнтвиль де Сернон, член Учредительного собрания 2: 73
 Рабо Сент-Этьенн Жан Поль, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Об 1: 312, 313, 451; 2: 262
 Равсзье, бордоский промышленник 1: 88
 Рамбо Альфред 1: 41; 2: 23, 125
 Расин Жан 2: 379
 Ребекки, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 2: 8—10
 Ребель Жан Франсуа, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Верхний Рейн 2: 183, 185, 327, 328
 Ребюфель, марсельский мясоторговец 2: 8
 Ревельон 1: 159—161, 178
 Рёдерер Пьер Луи граф де, член Учредительного собрания, затем генеральный прокурор Парижского департамента 1: 454; 2: 215, 216-, 218, 219, 330, 337
 Реймон, делегат мулатов 2: 182, 183-
 Рейхардт 1: 173; 2: 217
 Рено де Сент 1: 484
 Ренольдон 1: 49
 Ренувэн Пьер 1: 42; 2: 370
 Ривароль Антуан 1: 77
 Рикардо Давид 1: 129
 Ришар дю Пэн, участник штурма Бастилии 1: 342, 420
 Рише 1: 202, 203

- Ришелье Арман Жан дю Плесси 1: 52, 151
 Робер, депутат Конвента от Парижа 2: 345
 Робеспьер Максимилиен Мари Изидор де 1: 34, 349, 356, 370, 405, 406, 422, 423, 453, 455, 473, 475, 477; 2: 135, 167, 170, 171, 183, 210, 211, 222—225, 240, 299, 303, 316—318, 328, 336, 337, 344, 345, 348, 353, 355, 360, 361, 374, 377, 379, 385
 Робинье Ж. 2: 138—141, 145, 255, 274, 355
 Роган, кардинал де 1: 168; 2: 273
 Ролан де ла Платьер Жан Мари, инспектор мануфактур в лионском финансовом округе, затем с 23 марта до 13 июня 1792 г. и с 10 августа 1792 г. по 23 января 1793 г. министр внутренних дел 1: 73, 104, 105, 111—115, 136, 137, 287; 2: 13, 14, 17, 19, 217
 Ролан Манон, мадам 1: 115; 2: 303
 Россиньоль Эли 2: 386, 388
 Ру Жорж, марсельский арматор 1: 95, 96
 Руа, аббат 1: 160
 Руайе-Коллар Пьер Поль 2: 356
 Рувьер Франсуа 2: 84, 85, 89—91, 100, 105, 106, 114, 120, 145, 386
 Руссе Ж. 1: 214
 Руссо Жан Жак 1: 74, 75, 112, 172, 224, 245, 307, 308, 450, 452, 455, 476, 483; 2: 142, 143, 376—380
 Руфф Марсель 1: 166
 Савари дэ Брюлон 1: 82—85, 107—109, 177
 Саломон де ла Сожери, член Учредительного собрания 1: 358, 360
 Саль, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Мёрт 1: 405, 450, 454; 2: 377
 Санд Жорж 1: 74
 Сантер Антуан, главнокомандующий парижской национальной гвардии 1: 159
 Саньяк Ф. 1: 199, 298; 2: 89
 Сегюр, граф де 1: 198
 Семонвиль 2: 284
 Сен-Прист, министр 1: 336, 337; 2: 276, 313, 315, 321
 Сен-Пьер, аббат де 1: 75
 Сен-Симон, герцог де 1: 243
 Сен-Симон Анри Клод 1: 34, 35, 143
 Сент-Юрюг, маркиз де 1: 399, 402
 Снейос Эммапюэль Жозеф, аббат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сарта 1: 27, 28, 57, 188, 189, 224, 225, 317—320, 328, 374-376, 379, 380, 403, 470-472, 500
 Симнап 1: 192
 Смит Адам 1: 70; 2: 194
 Собуль Альбер 1: 26, 29, 41, 155, 161, 213, 357; 2: 243
 Сократ 2: 142
 Сорель Альбер 2: 370
 Сотэн де ла Куэндьер, член нантского муниципалитета в 1789 г. 2; И
 Стединг, барон де, шведский посол в России 2: 311
 Стендаль (Бейль) Анри Мари 1: 452, 453
 Стюарты, династия 2: 45
 Сэ Анри 1: 47
 Сэ Леон 1: 178
 Сэж, мэр Бордо 2: 8, 24
 Таверне (Таверн) Никола 1: 89
 Талейран-Перигор Шарль Морис де, епископ Отёнский, член Учредительного собрания 1: 45, 63, 88, 245, 474; 2: 32-34, 36, 37, 39, 51, 87—89, 136, 161-163, 252, 266
 Талон 2: 284
 Тальен Жан Ламбер 2: 9
 Тарже, член Учредительного собрания 1: 322, 323, 359, 495
 Тарле Е. В. 1: 83, 111; 2: 219, 247

- Тассен, банкир-протестант 2: 262
 Тассо Торквато 2: 276
 Таубе, барон де, министр короля Швеции 2: 282, 283, 285, 293, 294, 304, 307, 311, 312, 319
 Терруан А. 1: 65, 309, 456
 Террэ Жозеф Мари, аббат, генеральный контролер финансов 1: 61
 Тибо Жак 1: 10
 Токвиль Алексис де 1: 42, 49
 Томассен, фермер в Пуасси 1: 356
 Томере, аббат 2: 255
 Торез Морис 1: 17
 Трейар Жан Батист, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 1: 61, 63; 2: 41
 Тренар Л. 1: 214
 Тронше Франсуа Дени 2: 368
 Туре, член Учредительного собрания 1: 451, 473; 2: 37—40, 376
 Турне Морис 2: 279
 Турнье А. 2: 337
 Тьер Адольф 1: 36, 42, 199; 2: 126, 149, 231, 298, 300, 301
 Тьерри Огюстен 1: 74
 Тэн Ипполит 1: 25, 67—74, 85, 164, 186, 224, 225, 306, 500; 2: 65, 382, 390
 Тюрго Анн Робер Жак 1: 84, 104, 157, 306, 441, 489, 490; 2: 140, 141, 376
 Тюрго Мишель Этьен 1: 163
 Тюрпен, участник штурма Бастилии 1: 342
 Тютте Александр 1: 181
 Тюффен, маркиз де Ла Руери 1: 245
 Урмель, банкир-протестант 2: 262
 Фабр А. 1: 97
 Фалькнер С. А. 2: 57
 Февр Люсьен 1: 206
 Фелиссаны, семейство лионских буржуа 2: 14
 Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот 1: 243; 2: 379
 Ферзен Аксель, граф 1: 172, 173; 2: 280—283, 286, 287, 290—295, 297, 301, 304, 307, 310, 311, 313, 319, 321, 323, 324, 361-365, 367
 Ферьер-Кольк, член муниципалитета Бордо в 1790 г. 2: 7
 Ферран де Бодьер, из Сан-Доминго 2: 173
 Филипп Красивый, король Франции 2: 138
 Филипп Эгалите, Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский 1: 329, 330, 395; 2: 304, 306, 312
 Филиппо де ла Врийер 1: 166
 Флёрн Андре Эршоль де, кардинал 1: 86
 Флернё, министр 2: 277
 Флессель, купеческий старшина 1: 344, 347
 Флиш А. 2: 155
 Фонберг Балтазар, владелец стекольного завода в Бордо 1: 89
 Фонтанж, архиепископ Тулузский 1: 443
 Фоше Клод, аббат, депутат Законодательного собрания от департамента Кальвадос, затем депутат Конвента 1: 182, 183, 248; 2: 145
 Франс Анатолий 1: 15, 16
 Фрето де Сен-Жюст, член Учредительного собрания 1: 479
 Фридрих II, король Пруссии 1: 53
 Фридрих Вильгельм, король Пруссии 2: 362, 369
 Фужье А. 2: 370
 Фуллон, государственный советник в 1789 г. 1: 344, 345
 Фурье Шарль 1: 34
 Фюлыпироны, семейство лионских негоциантов 2: 14
 Фюмель де, мэр Бордо 2: 7, 8
 Хнеркенс Давид д' (д'Нуещпенэ) бордоский промышленник 1: 89
 Хислоп Беатриса Ф. 2: 387
 Честерфилд, лорд 1: 85, 86

- Шабанэ, маркиз де 1: 164
- Шабри Луиза, участница похода на Версаль в октябре 1789 г. 1: 426
- Шалье Жозеф, глава лионских якобинцев, «мученик за дело свободы» 2: 15
- Шампаньё Л. А. 2: 17
- Шампион де Сисе, архиепископ Бордо 1: 325; 2: 277
- Шансолъм, член нантского муниципалитета в 1789—1793 гг. 2: 23
- Шапталь Жан Антуан 1: 86, 87
- Шаравэ Э. 2: 26, 215
- Шарлоти С. 2: 120
- Шармасс А. де 1: 291
- Шассе, член Учредительного собрания, затем депутат Конвента от департамента Рона и Луара 1: 63, 77, 155
- Шассен Ш. Л. 2: 252, 262
- Шатобриан Франсуа Рене, виконт 1: 245, 298
- Шометт Пьер Гаспар 2: 243
- Шредер, бордоский негоциант 1: 89
- Эбер Жак 2: 382
- Эгийон, герцог д' 1: 360—363; 2: 45
- Эгре Ж. 1: 299
- Эли, участник штурма Бастилии 1: 342, 343
- Эмбер, участник штурма Бастилии 1: 342
- Эмбер-Коломес 2: 14, 15, 17
- Энгельс Ф. 2: 241, 383
- Энгиенский Луи Антуан де Бурбон-Конде герцог 1: 343
- Эрминьи, кавалер д' 1: 419
- Эрто де Ламервиль 1: 511
- Юлен, герой взятия Бастилии 1: 342-344, 392, 420
- Юм Давид 2: 139
- Юнг Артур 1: 46, 52, 60—62, 247, 248, 286, 287
- Яков II, король Англии 2: 45